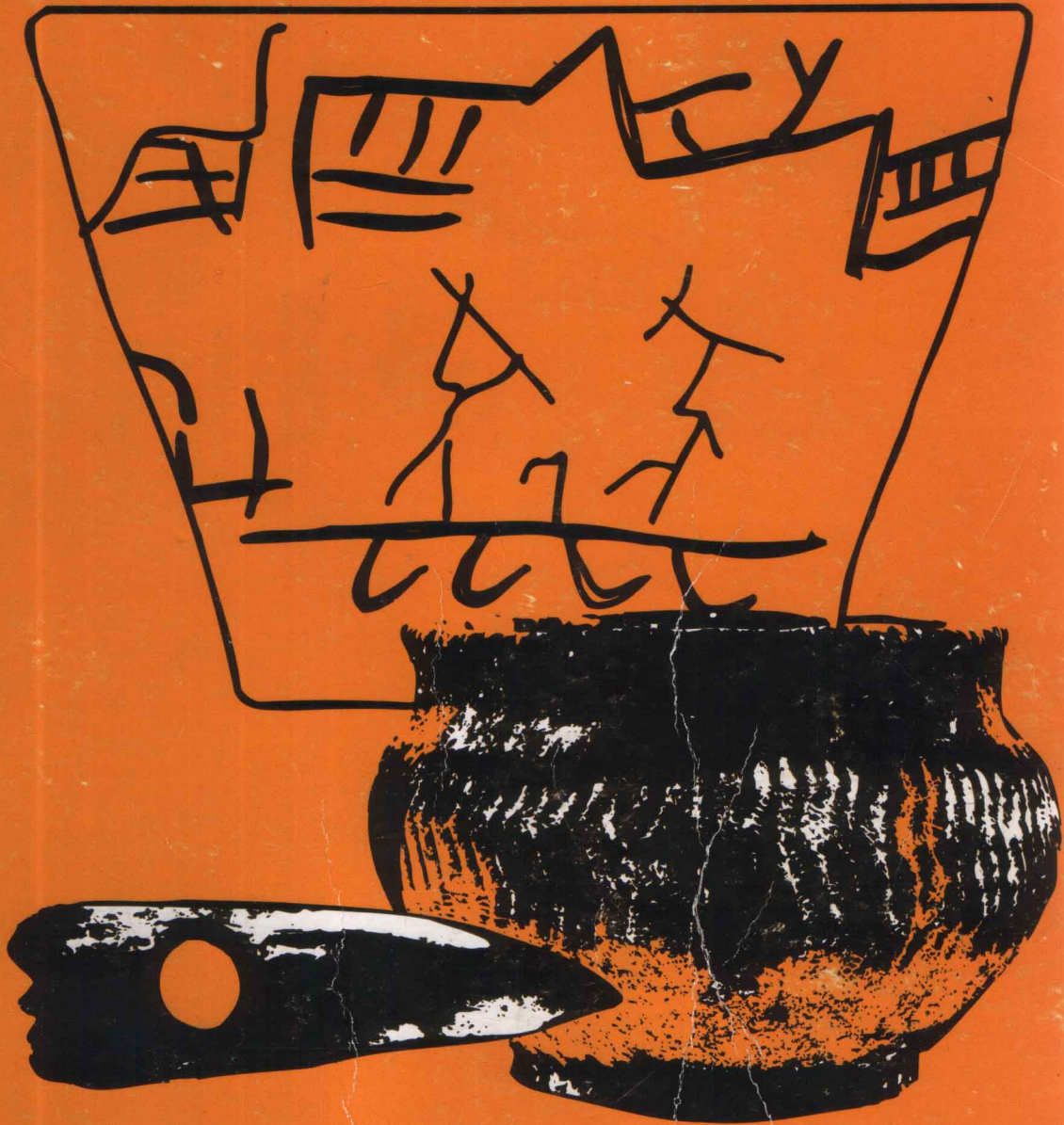

Т4
Б-485

Берестнев С. И.

Восточноукраинская
лесостепь

В эпоху

Бсредней и поздней
ронзы

(II тыс. до н. э.)

Харьков 2001

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ НАН УКРАИНЫ

С. И. БЕРЕСТНЕВ

**ВОСТОЧНОУКРАИНСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ
В ЭПОХУ СРЕДНЕЙ И ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
(II тыс. до н. э.)**

*Рекомендовано к печати Ученым советом
Института археологии НАН Украины*

Харьков
ПФ Амет
2001

УДК 902
ББК 63.4
Б48

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *Б. А. Шрамко*;
доктор исторических наук, профессор *И. Ф. Ковалева*

Ответственный редактор
кандидат исторических наук *И. П. Гершкович*

Берестнев С. И.
Б48 Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н. э.) / Под ред.
Я. П. Гершковича. — Х.: ПФ Амет, 2001. — 264 с., ил.
ISBN 966-02-1888-5.

В монографии рассматриваются памятники эпохи средней–поздней бронзы (II тыс. до н. э.) на территории лесостепи Восточной Украины, большая часть которых была исследована автором на протяжении более чем 20 лет полевых археологических работ. Характеризуются поселения, могильники, культовые места. Значительное внимание уделяется вопросам культурно-исторической атрибуции лесостепных памятников эпохи бронзы, их периодизации и хронологии. Анализируется соотношение пришлых и местных комплексов в процессе культурогенеза, определяются основные направления культурно-экономических связей.

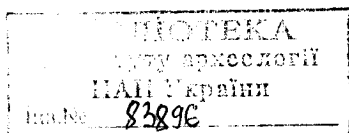
Книга рассчитана на археологов, историков, краеведов.

УДК 902
ББК 63.4

Научное издание

БЕРЕСТНЕВ Сергей Илларионович
Восточноукраинская лесостепь
в эпоху средней и поздней бронзы
(II тыс. до н. э.)

Дизайн обложки — *А. Г. Жуков*

Підписано до друку 01.10.2001. Формат 60×84/8. Папір офсетний.
Друк офсетний. Умов. друк. арк. 30,69. Обл.-вид. арк. 18.
Наклад 300 прим.

Видавництво ПФ Амет
Україна, 61022, м. Харків, пр. Леніна, 40, к. 519

ISBN 966-02-1888-5

© С. И. Берестнев, 2001

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена основанной на археологических источниках характеристике населения лесостепной зоны Восточной Украины на протяжении значительного периода эпохи средней и поздней бронзы. За это время в восточноукраинской лесостепи сменилось несколько культурно-исторических образований, знаменующих крупные вехи на пути исторического развития племен и народов Восточной Европы. В экономической области произошел постепенный переход от экстенсивного скотоводства к развитым моделям земледельческо-скотоводческого хозяйства. В технологической сфере достигла наивысшего развития металлургия бронзы и был получен первый опыт добычи и обработки железа. Развивалась и усложнялась социальная структура древних сообществ, на финальной стадии рассматриваемого периода уже стоявших на пороге государственности.

Восточноукраинская лесостепь включает часть обширного пояса восточноевропейской лесостепи и охватывает лесостепь бассейна Северского Донца и левых притоков Днепра — рек Сулы, Пела, Ворсклы. В современном административно-территориальном делении это Полтавская, Сумская и Харьковская области Украины. Расположение характеризуемого региона между тремя крупными исторически сложившимися этнокультурными областями — Поволжско-Приуральской, Правобережно-Днепровской и Предкавказско-Приазовской — обусловило своеобразие его историко-культурного облика.

Многочисленные археологические памятники — местонахождения, стоянки, поселения, курганные и грунтовые могильники — свидетельствуют о том, что восточноукраинская лесостепь начинает осваиваться с эпохи палеолита, но наиболее интенсивным этот процесс становится в бронзовом веке, когда возросшие возможности производящей экономики делают реальным и перспективным освоение различных природно-климатических зон. Между тем лесостепные памятники в работах, посвященных тем или иным проблемам эпохи бронзы, никогда не рассматривались в совокупности,

как единое целое. Обычно они частями включались в состав других крупных территориальных регионов, таких как Подонье, Поднепровье, Северная Украина, что с неизбежностью приводило к излишнему схематизму их обобщающих характеристик. Неправильно было бы рассматривать массивы лесостепных памятников разных периодов эпохи бронзы как изолированные, чисто территориальные явления; как правило, они входили в состав более крупных культурно-исторических образований, но особенности природно-климатических условий, направленность и интенсивность экономических связей закономерно сказывались на особенностях материальной и духовной культуры местного населения. До настоящего времени только намеченными остаются подходы к решению вопроса о соотношении пришлых компонентов, проникших в лесостепь в результате миграции из других регионов, и автохтонных группировок в складывании общностей, объединяемых понятием «археологическая культура».

В предлагаемой работе предпринята попытка обобщить и систематизировать данные, полученные многими специалистами в течение более чем ста лет полевых археологических исследований. Состояние источниковой базы позволяет не только зафиксировать те или иные факты материальной культуры, но и предложить варианты решения вопросов о причинах, их обусловивших, о сущности и характере происходивших процессов и явлений. Поэтому в работе обобщающая характеристика конкретных культурно-хронологических комплексов является не самоцелью, а средством представить более широкую картину культурно-исторических ареалов, объединяющих ряд родственных, но нетождественных образований. Безусловно, не все составляющие исторического процесса, механизмы культурных, экономических и социальных трансформаций могут быть в настоящее время установлены с достаточной степенью точности и полноты — это дело будущего. Сейчас более важной представляется разработка общих подходов к решению проблем эпохи бронзы, создание принципиальной схемы, уточнение, конкре-

тизация или пересмотр которой будут определяться качественным состоянием источников. Этот принцип соблюдается и в разработке хронологических аспектов рассматриваемых вопросов. Абсолютные хронологические показатели, базирующиеся на некоторых категориях датирующих предметов, выступают лишь как средство выявления более широких хронологических горизонтов, последовательность смены которых отражает общие закономерности исторического процесса на территории Восточной Европы. Сочетание хронологических и стратиграфических данных открывает самые широкие возможности для синхронизации лесостепных памятников с культурно-историческими образованиями прилегающих и более удаленных регионов и позволяет рассматривать поставленные проблемы комплексно.

Вместе с тем автор сознает, что имеющийся в его распоряжении фактический материал еще недостаточен для решения некоторых обозначенных в работе вопросов. Поэтому в ряде случаев ответы на них предлагаются предположительно, в плане выдвижения рабочей гипотезы.

Начало полевых археологических исследований в лесостепи Восточной Украины относится к 30-м годам XIX века, когда известный историк и этнограф В. В. Пассек обследовал и описал остатки ряда скифских и раннесредневековых городищ в пределах Харьковской и Полтавской губерний. Им же были зафиксированы отдельные курганные могильники и даже проведены раскопки нескольких курганов, содержащих и захоронения эпохи бронзы [1, с. 201–229]. По существу, работы В. В. Пассека впервые продемонстрировали наличие на территории Восточной Украины памятников далекого прошлого и привлекли к ним внимание научной общественности.

В 80-е годы XIX века краевед и археолог-любитель, впоследствии сотрудник Полтавского краеведческого музея, И. А. Зарецкий проводил систематические разведки в пределах бывшего Богодуховского уезда Харьковской губернии. На разветвленных дюнах в долине р. Ворскла и ее левого притока, р. Мерла, им была собрана большая коллекция фрагментов древней керамики, изделий из камня, кремня, кости и металла. Всю совокупность разновременного материала И. А. Зарецкий отнес к бронзовому веку и приписал некоему оседлому народу, обитавшему в Поворосклье [2, с. 228–248].

В 1892 г. директор Артиллерийского исторического музея в Санкт-Петербурге Н. Е. Бранденбург, проводивший активные полевые исследования, раскопал один из курганов могильника у с. Печенег на Северском Донце, возведенный над погребением катакомбной культуры. В насыпи были прослежены остатки разрушенного впускного срубного захоронения, сопровождавшегося разва-

лом глиняного сосуда и костями крупного животного [3, с. 165]. Спустя шесть лет Н. Е. Бранденбург вернулся к работам в лесостепи и осуществил раскопки курганов на территории бывшего Пирятинского уезда Полтавской губернии. У сел Кулешевка и Липовица он исследовал три кургана, содержащих погребения эпохи бронзы [3, с. 142–145]. Культурно-хронологическая атрибуция некоторых захоронений из кулешевских курганов — в частности, гробницы 5 кургана № 425, — до сих пор остается спорной. Б. А. Латынин все погребения из гробницы отнес к культуре многоваликовой керамики, которую понимал как лесостепной вариант срубной культуры [4, с. 62]. Н. К. Качалова, публикуя эрмитажные коллекции из раскопок Н. Е. Бранденбурга, захоронение 5-Г атрибутировала как многоваликовое, оставив остальные без определения [5, с. 12]. С. С. Березанская все погребения в гробнице 5 однозначно трактует как абашевские [6, с. 31]. В. В. Отрощенко рассматривает погребальное сооружение как единый большой склеп, разделенный на три камеры, и относит его к кругу памятников «героической эпохи» XVIII–XVII вв. до н. э., происхождением связанных с районами Южного Зауралья и характеризующихся «культурным космополитизмом» [7, с. 31–32].

Накануне XII Археологического съезда в Харькове, вызвавшего повышенный интерес к местным древностям, работы в лесостепи проводила целая группа археологов-любителей, не имевших, как правило, специальной подготовки и опыта полевых исследований. Основное внимание уделялось погребальным памятникам, дававшим эффектный, зачастую просто богатый материал, представленный впоследствии в экспозиции выставки, приуроченной к работе Археологического съезда. В северскодонском правобережье, у с. Каменка бывшего Изюмского уезда Ю. В. Готье раскопал 17 курганов в составе четырех курганных групп. Всего им было выявлено 89 захоронений в грунтовых ямах с бревенчатыми накатниками, в катакомбах и срубах. Все погребения Ю. В. Готье разделил на две большие группы, имевшие между собой хронологические различия, — в курганных насыпях и под курганными насыпями (в материке), отметив, что погребения в насыпях отличаются сильно скорченным на боку положением костяков, а сопровождающая их глиняная посуда грубая, с простым орнаментом [8, с. 101–106].

Е. Н. Рединым и Е. П. Трефиловым был осмотрен и доисследован разрушенный при хозяйственных работах большой курган у с. Сеньково Купянского уезда. Основное катакомбное захоронение сопровождалось развалом сосуда, бронзовым ножом и каменными выпрямителями древков стрел. Материалы раскопок были изучены и опубликованы Н. А. Федоровским [9, с. 73–83].

В 1900–1901 гг. интенсивные полевые работы Харьковской губернии проводила Е. Н. Мельник, исследовавшая 18 курганов в Поворсклье, у с. Кирилловка бывшего Ахтырского уезда, и 11 курганов на правом берегу р. Оскол вблизи г. Купянск. В полевых ее материалах был представлен весь спектр подкурганных захоронений в лесостепи — от неолита до раннего железного века. Следуя разработанной в то время классификации Л. Я. Савицкая, она все погребения с «окрашенными скелетами в скорченном положении», вне зависимости от стратиграфического положения и устройства погребальных сооружений, выделила в одну группу, отнесенную к первобытной эпохе [10, с. 73–702].

Активное участие в подготовке XII Археологического съезда в Харькове принимал известный историк А. М. Покровский, исследовавший курганы эпохи бронзы у сел Бунаковка, Новошапки, Отрадное на берегах р. Берека в бывшем Киевском уезде [11, с. 78–86]. Имеются также сведения об аматорских раскопках местных помещиков. М. Воронец раскопал несколько курганов с основными погребениями катакомбной и срубной культур у с. Ивановка Купянского уезда на р. Оскол [12, с. 212]. Погребения в срубах, сопровождавшиеся глиняными сосудами, наконечником копья из «красной меди» и медным наконечником стрелы были выявлены в курганах, раскопанных И. М. Бич-Лубенским и А. Тучин-Барановским у с. Курулек в Изюмском уезде [13, с. 44]. Более подробные данные об этих раскопках, к сожалению, не сохранились.

Одним из немногих краеведов-любителей, уделявшим внимание бытовым археологическим памятникам, был священник В. Спесивцев. Он открыл несколько поселений бронзового века на берегах Северского Донца в пределах Изюмского уезда, в том числе и срубное поселение у слободы Райгородка, привлечение внимания В. А. Городцова. Неподалеку от поселения В. Спесивцев раскопал несколько курганов, в которых оказались два погребения в срубах [14, с. 356].

Наиболее масштабными (как по объему работ, так и по научному значению) явились исследования В. А. Городцова на обоих берегах Северского Донца в Изюмском уезде, позднее дополненными данными раскопок в прилегающих районах бывшей Екатеринославской губернии, в бассейнах правых притоков Донца — рек Кальмиус, Бахмут, Торед [15, с. 174–216; 16, с. 219–243]. О работах В. А. Городцова и их значении для отечественной археологии существует значительная литература, что избавляет от необходимости еще раз останавливаться на этом вопросе. Следует только подчеркнуть, что разработанная В. А. Городцовым на материалах его исследований схема культурно-хронологического членения памятников

эпохи бронзы юга Восточной Европы — с неизбежными уточнениями, обусловленными значительным расширением источниковой базы, — сохраняет свое значение до настоящего времени.

Своеобразный итог большой и кропотливой работе, проделанной накануне XII Археологического съезда, подвел Д. И. Багалея, составивший подробную археологическую карту Харьковской губернии, на которой были отмечены не только отдельные курганы и курганные могильники, но и, что особенно важно, поселения, городища, клады и даже находки древних вещей [13, с. 1–92].

В последующие годы размах полевых исследований заметно пошел на убыль и раскопки приобрели спорадический характер. Летом 1903 года В. Е. Данилевич исследовал курганный могильник у хут. Покровский в Валковском уезде. Анализируя полученные данные, он выделил четыре последовательные стадии в образовании могильника, различающиеся между собой по устройству погребальных сооружений и позициям костяков. Самыми древними он считал скорченные захоронения в материковых ямах в сопровождении «типичных неолитических сосудов». За ними следовали скорченные погребения в «деревянных камерах», также отнесенные к неолитической эпохе, затем — захоронения в насыпях курганов, с костяками, уложенными вытянуто на боку, и замыкали стратиграфическую колонку скифские погребения с покойниками, лежащими вытянуто на спине и ориентированными головами на запад [17, с. 1–18].

Занимавшийся исследованием славянских памятников Полтавщины Н. Е. Макаренко попутно раскопал один из двух совершенно распаханых курганов между селами Будки и Константиново в Роменском уезде, в котором оказалось двойное захоронение с костяками, лежавшими скорченно на боку и ориентированными головами к северу [18, с. 43]. В то же время в Посулье, в Лохвицком уезде Полтавской губернии, С. А. Мазараки исследовал два кургана у сел Брагинцы и Волошиновка. Основными под насыпями были погребения в глубоких материковых ямах со «склепами» из тонких бревен, с костяками, уложенными скорченно на боку и ориентированными головами на юг [19, с. 211].

В период проведения учебной полевой практики студентов Харьковского университета А. С. Федоровский произвел раскопки четырех курганов с основными захоронениями срубной общности у г. Волчанск в северскодонецком левобережье. Погребения сопровождалась глиняными сосудами баночной и острореберной формы и бронзовым ножом [20, с. 15–18]. Позднее, характеризуя памятники бронзового века на территории Харьковской губернии, А. С. Федоровский отметил, что они в основном представлены подкурганными за-

хоронениями со скорченными и окрашенными охрой костяками, иногда — с внутримогильными бревенчатыми срубами [21, с. 8–9].

Последовавшие события революции и гражданской войны отодвинули проблемы археологического изучения края в более или менее отдаленную перспективу. Некоторое оживление исследовательских работ наблюдается только со второй половины 20-х годов, причем, в отличие от предшествующего периода, преобладают мероприятия разведочного характера. В это время разведки археологических памятников по берегам Северского Донца и его притоков проводил А. С. Федоровский, зафиксировавший ряд бытовых памятников эпохи бронзы и несколько курганных могильников [22, с. 44–48]. Продуманная научная программа археологического изучения Поворскля осуществлялась под руководством заведующего Полтавским краеведческим музеем Н. Я. Рудинского. В частности, маршрутная разведка была проведена в бассейне р. Коломак, левого притока р. Ворскла, в ходе которой снимались планы курганных могильников и был открыт ряд поселений, в том числе и бронзового века [23, с. 52]. В 1926 г. Н. Я. Рудинским были произведены охраняемые раскопки курганов в с. Климовка Карловогорского района с основными древнеямыми и впускными срубными погребениями [24, с. 144–150].

Большая работа была проделана изюмским краеведом Н. В. Сибилевым, в течение ряда лет проводившим систематические разведки в бассейне среднего течения Северского Донца. Он открыл и описал значительное количество стоянок и поселений, относившихся в широком хронологическом диапазоне от эпохи палеолита до раннего средневековья, фиксируя также находки отдельных древних предметов [25; 26].

В середине 30-х годов К. Г. Болтенко открыл и частично исследовал раннесрубное поселение у с. Лукьяновка в верхнем течении р. Оскол. Вблизи им был раскопан курган со срубными захоронениями, сопоставленными автором раскопок по времени с существованием поселения [27, с. 164–169]. Гораздо позднее, в середине 70-х годов, материалы лукьяновского поселения более полно были опубликованы Н. К. Качаловой [28, с. 3–19].

В 30-е годы А. Н. Васненко открыл и обследовал позднекатакомбное поселение у с. Варыничевка на Северском Донце неподалеку от г. Змиев, а А. А. Потапов и И. Н. Луцкевич собрали выразительный подъемный материал на поселении финала эпохи поздней бронзы у хут. Васищево на р. Уды — правом притоке Северского Донца [29, с. 38–40; 30, с. 111]. В 1949 году И. П. Костюченко целенаправленно обследовал берега Северского Донца и его левого притока, р. Большая Бабка, в пределах Чугуевского района Харьковской области. Им было зафиксировано несколько поселений брон-

зового века и грунтовой могильник срубной общности, почти уничтоженный песчаным карьером [31]. Разрушаемое в ходе строительства автодороги многослойное поселение возле г. Мерефа, на возвышенности в пойме левого берега р. Мжа, осмотрел и частично исследовал сотрудник Харьковского исторического музея И. Ф. Левицкий. Им были выявлены материалы эпохи поздней бронзы и раннего железного века [32].

В 50-е годы наблюдается качественное изменение направленности археологических исследований: наряду с активными работами разведочного характера большое внимание начинает уделяться раскопкам поселений, что позволило получить более полный комплекс данных о материальной культуре, традициях домостроительства и основных направлениях хозяйственной деятельности древних обитателей лесостепи. В пограничных с полесьем районах лесостепи памятники эпох неолита–бронзы исследовались Н. П. Амбургер [33, с. 197–200]. Небольшие раскопки многослойных поселений с отложениями эпохи бронзы у хут. Александрия на р. Оскол и у с. Студенок на Северском Донце предпринимает Д. Я. Телегин [34, с. 23–29; 35, с. 75–84]. В то же время Б. А. Шрамко исследует позднесрубное поселение у с. Пески Радьковские в нижнем течении р. Оскол. На территории поселения находился курган, содержащий захоронения катакомбной и срубной общностей [36, с. 105]. Несколькими годами позже Б. А. Шрамко осуществляет раскопки многослойного поселения у с. Большая Даниловка на правом берегу р. Харьков в северскодонецком правобережье. На окраине поселения были выявлены остатки разрушенного оползнем берега грунтового могильника срубной общности [37].

Раннесрубное поселение у с. Рубцы на левобережье Нижнего Поосколья исследовалось С. С. Березанской. В процессе раскопок были обнаружены два углубленных жилища и получена выразительная коллекция керамики [38, с. 85–89]. Остатки жилища были также выявлены В. И. Митрофановой на раннесрубном поселении у с. Янохино на левом берегу р. Оскол; помимо фрагментов керамики, были найдены изделия из кости и бронзовый нож с плоским ромбическим перекрестием [39, с. 63–66]. Правобережье Оскола в его нижнем течении было охвачено маршрутной разведкой П. Д. Либерова. Он же провел небольшие раскопки на срубном поселении у хут. Воиновки в Изюмском районе [40, с. 52–54]. Несколько поселений с отложениями эпохи бронзы П. Д. Либеров открыл в ходе обследования долины р. Берекы — правого притока Северского Донца [41, с. 35–41]. В течение нескольких лет сотрудник Харьковского исторического музея Е. В. Пузаков исследовал многослойное поселение с отложениями эпохи энеолита, катакомбной и срубной общ-

ностей в урочище Сердюково на Северском Донце неподалеку от с. Задонецкое в Змиевском районе. Были выявлены остатки углубленного жилища и грунтовое захоронение [42]. К сожалению, полученные материалы так и не были введены в научный оборот и впоследствии частично утрачены.

В связи со строительством крупных гидротехнических сооружений активные разведочные работы проводятся в зонах затопления Печенежского на Северском Донце и Краснооскольского на р. Оскол водохранилищ. В результате археологическая карта Харьковской области пополняется десятками бытовых памятников эпохи бронзы, большая часть которых сейчас недоступна для исследования [43; 44].

Интересные данные были получены С. С. Березанской в ходе работ в бассейне р. Сейм, левого притока р. Десна, в пределах Путивльского района Сумской области. У с. Волинцево ею были открыты и исследованы поселения в урочищах Гордодок и Попова Левада, содержавшие материалы неолита, ранней и средней бронзы, раннего железного века [45, с. 111–113].

В 1970 г. В. П. Андриенко провел небольшие раскопки срубного поселения на левом берегу р. Мерла, притока р. Ворскла, в черте г. Богодухов [46]. Спустя несколько лет Б. А. Шрамко в рамках охранных мероприятий в зонах мелиоративного строительства осуществляет исследования поселений позднего бронзового века Веселое-1 и Голубовка-4 на р. Великий Бурлук, левом притоке Северского Донца [47, с. 303]. Им же исследуется многослойное поселение в с. Любовка Краснокутского района на правом берегу р. Мерла с отложениями эпохи поздней бронзы и раннего железного века [48, с. 101–103]. В. Е. Радзиевская на большой площади раскапывает позднекатакомбно-срубное поселение в урочище Поляны у с. Шпаковка на Северском Донце [48, с. 104–108].

В 1973 году В. Г. Бородулин исследует курганы, содержавшие погребения почти всего спектра культурно-исторических образований эпох энеолита-бронзы, в зоне затопления Краснопавловского водохранилища в Барвенковском районе Харьковской области [49]. Он же провел раскопки нескольких курганов с захоронениями бронзового века в Харьковском и Изюмском районах [50, с. 306]. На территории Лозовского района курганные могильники срубной общности исследуются у сел Хижняковка и Петровское [51, с. 283]. Погребения эпохи поздней бронзы были выявлены А. А. Моруженко в курганах у с. Полковная Никитовка в бассейне верхнего течения р. Ворскла [52, с. 146–155]. В течение ряда лет исследования курганов на северскодонецком левобережье проводил В. Ф. Клименко. Всего на территории Балаклейского и Змиевского районов

им было раскопано 33 кургана и выявлено более ста захоронений эпохи бронзы, преимущественно катакомбной общности [53].

Чрезвычайно важное значение для характеристики населения восточнорусской лесостепи в эпоху поздней бронзы имеют результаты работ Ю. В. Буйнова на грунтовых могильниках у сел Сухая Гомольша и Червоный Шлях на Северском Донце [54, с. 87–94; 55, с. 91–92]. Несколько раннесрубных погребений было выявлено в составе поликультурного грунтового могильника у с. Залинейное на левом берегу р. Орель [56, с. 27].

В пограничье лесостепи и степи северскодонецкого левобережья, в г. Славяногорск Донецкой области С. Н. Санжаров проводит раскопки однослойного позднекатакомбного поселения, на котором были прослежены следы наземного жилища [57, с. 318]. Многослойное поселение эпохи поздней бронзы на возвышенности в пойме левого берега Северского Донца у поселка Лагери Балаклейского района Харьковской области исследует С. И. Воловик [58, с. 177–187]. Раскопки поселений с отложениями срубной общности Новодоновка-1 на левом берегу Северского Донца и Пятницкое-1 на возвышенности в пойме левого берега р. Большая Бабка проводит А. В. Крыганов [59]. В это же время М. В. Любичев частично исследует поселение срубной общности у с. Введенка на правом берегу р. Уды, притока Северского Донца [60].

На территории Полтавской области в бассейнах рек Ворскла и Псел погребальные памятники эпохи бронзы исследуются Л. Н. Луговой и А. Б. Супруненко [61, с. 43–55; 62, с. 36–40; 63, с. 3–14; 64, с. 28–33].

С 1983 года охранные раскопки курганов в зонах мелиоративного и промышленного строительства проводились Новостроечной экспедицией Харьковского государственного университета под руководством автора. Отдельные курганы и курганные группы, содержавшие захоронения эпохи бронзы, исследовались в Балаклейском, Лозовском, Красноградском, Кегичевском, Зачепиловском, Купянском, Шевченковском, Боровском, Волчанском и Змиевском районах Харьковской области. Параллельно раскопки проводились на поселениях Таранцево и Горбанщина на р. Мжа, Снежковка-7 и Студенок-6 на Северском Донце, Зимовка-1 в бассейне р. Оскол. Материалы некоторых памятников опубликованы, остальные легли в основу настоящего монографического исследования [65, с. 121–138; 66, с. 134–155; 67, с. 84–95].

Следует отметить, что полевые исследования 70–80-х годов XX века имели комплексный характер: изучались поселения, курганные и грунтовые могильники, что значительно расширяло возможности источниковой базы. Вместе с тем,

поселения во многих случаях раскапывались небольшими площадями, не позволяющими составить объективное представление о характере отложений, стратиграфии и планиграфии памятников. Полученные данные в большинстве оставались неопубликованными или же вводились в научный оборот не в полной мере, чаще всего в виде информационных сообщений или тезисов докладов. Все же объем и состояние источниковой базы по-

зволяют охарактеризовать основные периоды в истории населения восточнорусской лесостепи в эпохи средней и поздней бронзы, на протяжении II тыс. до н. э.

Автор искренне благодарен В. В. Отрощенко, Л. А. Черных, Я. П. Гершковичу, А. Л. Нечитайло, С. Н. Братченко, С. Ж. Пустовалову и другим коллегам, советами и замечаниями оказавшими большую помощь в написании настоящей работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пассек В. В.* Курганы и городища Харьковского, Банковского и Полтавского уездов // *Русский исторический журнал*. — Т. III. — Кн. № 2. — М., 1839.
2. *Зарецкий И. А.* Заметка о древностях Харьковской губернии, Богодуховского уезда слободы Лихачевки // *Харьковский сборник*. — Харьков, 1888.
3. *Журнал* раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888–1902 гг. — СПб., 1908.
4. *Латынин Б. А.* К вопросу о памятниках с так называемой многоваликовой керамикой // *АСГЭ*. — Вып. 6. — Л., 1964.
5. *Качалова Н. К.* Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга. Эпоха бронзы // *САИ*. — Вып. В4–12. — М., 1974.
6. *Березанская С. С.* Абашевская культура на территории Украины (миграции или контакты) // *Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины*. — К., 1987.
7. *Отрощенко В. В.* З приводу культурної належності поховань доби бронзи Кулішівських курганів // *Проблеми археології, древньої і середньовекової історії України*. — Харьков, 1995.
8. *Готье Ю. В.* Доклад о раскопках 1901 г. в окрестностях с. Каменки, Харьковской губернии Изюмского уезда // *Древности*. — Т. XIX. — Вып. III. — М., 1902.
9. *Федоровский Н. А.* Могильник кургана слободы Сеньково Купянского уезда // *Сборник ХИФО*. — Т. XII. — Харьков, 1900.
10. *Мельник Е.* Раскопки курганов в Харьковской губернии 1900–1901 гг. // *Труды XII АС*. — Т. 1. — М., 1905.
11. *Покровский А. М.* Доклад о раскопках курганов на заседании Предварительного комитета // *Труды Харьковского Предварительного комитета по устройству XII АС*. — Т. 1. — Харьков, 1902.
12. *Каталог* выставки XII Археологического съезда. Отдел древностей, добытых из раскопок и случайных находок. — Харьков, 1902.
13. *Багалей Д. И.* Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии // *Труды XII АС*. — Т. 1. — М., 1905.
14. *Спесивцев В.* Находки в Райгородке // *Труды XII АС*. — Т. 1. — М., 1905.
15. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года // *Труды XII АС*. — Т. 1. — М., 1905.
16. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года // *Труды XIII АС*. — Т. 1. — М., 1907.
17. *Данилович В. Е.* Раскопка курганов около хут. Покровского Валковского уезда Харьковской губернии летом 1903 года // *Труды Московского Предварительного комитета по устройству XIV АС*. — Вып. II. — М., 1908.
18. *Макаренко Н.* Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 году // *ИАК*. — Вып. 22. — СПб., 1907.
19. *Мазараки С. А.* Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1907 году // *Труды XIV АС*. — Т. III. — М., 1911.
20. *Федоровский А. С.* Археологические раскопки в окрестностях г. Волчанска // *Волчанский земский листок*. — 1916. — № 47–48.
21. *Федоровский А. С.* Доисторическое прошлое Харьковской губернии. — Харьков, 1918.
22. *Федоровський О. С.* Харківський археологічний музей та його науково-дослідча праця // *Наука на Україні*. — К., 1926.
23. *Рудинський М.* Археологічні збірки Полтавського музею // *Збірник* присвячений 35-річчю музею. — Т. 1. — Полтава, 1928.
24. *Рудинський М.* Досліди на Полтавщині (Клімівка, Розшуки на Кременчуччині) // *Коротке звітлення ВУАК за 1926 р.* — К., 1927.
25. *Сибільов М. В.* Старовинності Ізюмщини. — Вип. 1. — Ізюм, 1926.
26. *Сибільов М. В.* Старовинності Ізюмщини. — Вип. 4. — Ізюм, 1930.

27. *Старо-Оскольский район* // Археологические исследования в РСФСР в 1934–36 гг. Краткие отчеты и сведения. — М.—Л., 1941.
28. *Качалова Н. К.* Лукьяновское поселение и некоторые вопросы срубной культуры // АСГЭ. — Вып. 16. — Л., 1975.
29. *Попова Т. В.* Племена катакомбной культуры // Труды ГИМ. — Вып. 24. — М., 1955.
30. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. — 46. — М., 1955.
31. *Костюченко И. П.* Разведка в северо-восточной части Харьковской области в 1949 году. — НА ИА НАН Украины, фонд. эксп. № 1.118.
32. *Левицкий И. Ф.* Мерейанское поселение. — НА ИА НАН Украины, фонд. эксп. № 1.051.
33. *Амбургер Н. П.* Нові дані про пам'ятки епохи неоліту та бронзи на Сеймі // АП УРСР. — Т. 6. — К., 1956.
34. *Телегин Д. Я.* Оскольская экспедиция 1955–1956 гг. // КСИА АН УССР. — Вып. 8. — К., 1959.
35. *Телегин Д. Я.* Дослідження поселень епохи бронзи на Дінці // АП УРСР. — Т. 6. — К., 1956.
36. *Шрамко Б. А.* Древности Северского Донца. — Харьков, 1962.
37. *Шрамко Б. А.* Отчет об археологических разведках и раскопках скифо-славянской экспедиции ХГУ в 1960 году. — НА ИА НАН Украины, фонд. эксп. 97/60.
38. *Березанская С. С.* Поселение срубной культуры на Осколе // КСИА АН УССР. — Вып. 8. — К., 1958.
39. *Митрофанова В. И.* Янохинское поселение срубной культуры на р. Оскол // КСИА АН УССР. — Вып. 9. — К., 1960.
40. *Либеров П. Д.* Поселения у хуторов Войновки и Шведовки на р. Оскол // КСИА АН УССР. — Вып. 11. — К., 1961.
41. *Либеров П. Д.* Археологические памятники р. Береки // КСИИМК. — Вып. 77. — 1959.
42. *Пузаков Е. В.* Отчет об археологических исследованиях Харьковского государственного исторического музея в бассейне Северского Донца в 1956 году. — НА ИА НАН Украины, фонд. эксп. 2648.
43. *Телегин Д. Я., Пузаков Е. В., Михеев В. К.* Отчет о разведках археологических памятников в зоне строительства Печенежского водохранилища на Северском Донце. — НА ИА НАН Украины, фонд. эксп. 3464.
44. *Либеров П. Д.* Разведки в пойме р. Оскол // КСИА АН СССР. — Вып. 83. — 1961.
45. *Березанская С. С.* Исследования памятников эпохи бронзы и раннего железа на Сейме // КСИА АН УССР. — Вып. 4. — К., 1955.
46. *Андрюченко В. П.* Отчет о раскопках и разведках на территориях Харьковской и Полтавской областей в 1970 году. — НА ИА НАН Украины, фонд. эксп. 5861.
47. *Буйнов Ю. В., Дьяченко А. Г., Шрамко Б. А.* Работы на новостройках Харьковской области // АО 1977 года. — М., 1978.
48. *Радзівєвська В. Є., Шрамко Б. А.* Нові археологічні пам'ятки на Харківщині // Археологія. — № 33. — 1980.
49. *Бородулин В. Г.* Отчет об археологических раскопках курганов в зоне затопления Краснопавловского водохранилища в 1973 году. — НА ИА НАН Украины, фонд. эксп. 5984.
50. *Бородулин В. Г.* Исследования Харьковского исторического музея // АО 1977 года. — М., 1978.
51. *Клименко В. Ф., Цимбал В. И.* О работах Енакиевского отряда экспедиции «Днепр-Донбасс» // АО 1973 года. — М., 1974.
52. *Моруженко А. А., Усачук А. И.* Погребения эпохи поздней бронзы в бассейне р. Ворсклы // СА. — 1988. — № 2.
53. *Клименко В. Ф.* Курганные древности Северского Донца. — Енакиево, 1997.
54. *Буйнов Ю. В., Михеев В. К.* Курган срубной культуры у с. Сухая Гомольша на Харьковщине // Вестник ХГУ. — № 343. — Вып. 23. — Харьков, 1992.
55. *Буйнов Ю. В.* Грунтовой могильник срубной культуры у с. Червоный Шлях на Харьковщине // История и археология Слободской Украины. — Харьков, 1992.
56. *Ковалева И. Ф.* Нео-энеолитический могильник «Госпитальный холм» (предварительное сообщение) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1984.
57. *Санжаров С. И.* Раскопки поселения срубной культуры на Северском Донце // АО 1981 года. — М., 1983.
58. *Воловик С. И.* Поселение эпохи бронзы у поселка Лагери на Северском Донце // РА. — 1993. — № 3.
59. *Крыганов А. В.* Отчет об археологических раскопках поселений и городища в Волчанском и Чугуевском районах Харьковской области в 1990 году. — Архив Археологического музея ХГУ, № 121/90.
60. *Михеев В. К., Любичев М. В.* Отчет о работе Введенского отряда средневековой археологической экспедиции ХГУ в 1990 году. — Архив Археологического музея ХГУ, № 124/90.
61. *Луговая Л. Н., Шилов Ю. А.* Михайликовский курган раннесрубного времени // Археологические исследования на Полтавщине. — Полтава, 1990.
62. *Лугова Л. М.* Поховання доби пізньої бронзи поблизу села Кагамлик Глобинського району // Археологічний збірник Полтавського краєзнавчого музею. — Вип. 1. — Полтава, 1992.

63. *Лугова Л. М.* Ранньозрубні поховання басейну Псла // Пам'ятки археології Полтавщини. — Полтава, 1991.

64. *Кулатова И. Н., Супруненко А. Б.* Охранные исследования курганов в Нижнем Поворсклье // Охрана и исследования памятников археологии Полтавщины. — Полтава, 1989.

65. *Берестнев С. И.* Поселение Таранцево и вопрос о населении Днепровского лесостепного Лво-

бережья в начале раннего железного века // РА. — 1994. — № 3.

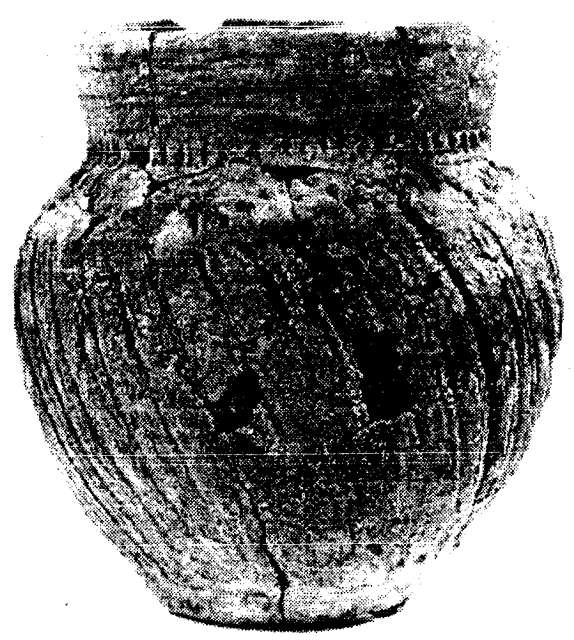
66. *Берестнев С. И.* Новолатоновский катакомбный курганный могильник на р. Осколе // Древности. — Харьков, 1995.

67. *Берестнев С. И.* Поселение эпохи бронзы Снежковка-7 на Северском Донце // Древности. — Харьков, 1996.

А. —
ката-
коле
онзы
и. —

РАЗДЕЛ I

**ПАМЯТНИКИ КАТАКОМБНОЙ
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ**

ОЧЕРК ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ РЕГИОНА

Восточноукраинская лесостепь — обширный территориальный регион, представляющий часть восточноевропейской лесостепи от Днепра до восточной и северо-восточной границ Украины в современном административно-территориальном делении. В археологической литературе иногда используется синонимичный термин «лесостепное Левобережье» [1; 2]. Представляется, что предлагаемое понятие более точно отражает пространственную локализацию рассматриваемого региона, включающего и территории, географически относящиеся к донскому бассейну.

Из лесостепной зоны Левобережной Украины объективно вычленяется ее западная часть — днепро-деснянская низменная равнина, образованная древними террасами Днепра и представляющая собой слабоэродированные и плоские водораздельные плато. Почвенный покров этой области составляют комплексы лугово-черноземных солонцеватых почв с более или менее значительными участками солончаковых луговых и лугово-болотных почв, с частыми пятнами корковых солонцов [3, с. 101]. Характерен высокий уровень грунтовых вод, насыщенных легкорастворимыми солями, сульфатами и хлоридами. Особенно большие площади солончаки и луговые солонцеватые почвы занимают на террасах рек Сула и Псел. В древности на днепро-деснянской равнине преобладали луговые степи и остепненные луга, облесенность изначально была невелика и сводилась в основном к хвойным лесам борových террас. Фактически эта область по рельефу местности, характеру почв и составу растительности близка природным условиям северостепной зоны и может рассматриваться как своеобразный степной коридор вдоль левого берега Днепра и нижнего течения Десны, достигающий ширины 100–120 км. Восточная граница днепро-деснянской низменной равнины обычно определяется условной линией Ульяновка–Терны–Дмитровка–долина р. Удай до г. Прилуки–Пирятин–Хорол–Кобеляки и далее по правому берегу р. Ворскла до ее впадения в Днепр [4, с. 167].

Степной характер местности косвенным образом подтверждается историческими данными. В Посулье в X–XI вв. селились кочевые федераты киевских и черниговских князей, которым требовались

обширные пастбища со слабозасоленными почвами и луговой растительностью, пригодные для выпаса лошадей и овец [5, с. 203; 6, с. 73]. Имеются сведения о том, что в 1502 г. татарские улусы зимовали в низовьях р. Сейм, а весной перекочевали к устью р. Десна и в Посулье. В документах середины XVII в татарские и ногайские кочевья упоминаются по рекам Орель, Ворскла и Псел, в 20–50 верстах от украинских городков Полтава, Хорол, Лубны, Ромны [7, с. 23, 53]. Французский военный инженер на службе польского короля Г. Л. де Боплан, оставивший чрезвычайно интересное описание Украины, упоминал, что в междуречье р. Сула и ее притока Супой водились байбаки — сугубо степные животные [8, с. 89].

В полной мере физико-географическим условиям подлинной лесостепи соответствуют местности к востоку от днепро-деснянской низменной равнины, формирующиеся западными склонами Левобережного плато со спокойным слабоволнистым рельефом и юго-западными отрогами Среднерусской возвышенности с доминированием возвышенных участков водораздельных плато и резко выраженным овражно-балочным расчленением поверхности. Особой густоты овражно-балочная сеть достигает в районе Ахтырско-Сумского отрога Среднерусской возвышенности: ветвящиеся глубокие овраги часто прорезают водоразделы, близко сходясь своими вершинами [9, с. 8]. От степени расчлененности рельефа напрямую зависит характер растительности, состав почв, величина поверхностного стока и водность рек, а следовательно, особенности и возможности хозяйственного использования природных угодий. В древности, в условиях экстенсивной экономики, это имело первостепенное значение. Важнейшим фактором рельефа является гребень Днепро-Донского водораздела, протянувшийся в меридиональном направлении и делящий восточноукраинскую лесостепь на две неравные части: восточную, реки которой стекают в Северский Донец, и западную, питающую притоками Днепр. По водоразделу проходил печально известный Муравский Шлях, позволявший сухопутьем добираться от Перекопа до г. Тула и окрестностей Москвы. Расчлененность поверхности овражно-балочной сетью заметно убывает в восточном направлении и в Донецко-

Оскольском междуречье всецело преобладают равнинные слабоволнистые водораздельные плато.

Граница с полесьем на востоке Украины, по мнению ряда исследователей, мало изменилась со времени отступления последнего ледника и должна определяться условной линией по правобережью р. Десна: Киев–Бобровица–Нежин–Батурино–Кролевец–Глухов [10, с. 4; 11, с. 74–75; 12, с. 291–293].

Южная граница лесостепи выражена менее отчетливо и должна рассматриваться в палеогеографическом аспекте, так как антропогенный фактор к настоящему времени существенно повлиял на соотношение природных зон. Исходя из положения, что почвенный покров лесостепи, кроме серых лесных почв, формируют в основном черноземы мощные, оподзоленные и реградированные, южную границу лесостепи для интересующего нас времени можно определить условной линией вдоль долины р. Орель в направлении Перещепино–Петровское–Изюм и далее вверх по левому берегу р. Оскол примерно до широты г. Валуйки, где условная граница поворачивает на восток, обозначая южные пределы средне-донской лесостепи [13, с. 128; 14, с. 39; 15, с. 83]. В пользу подобного ограничения свидетельствуют данные споро-пыльцевых анализов, показавшие существование в среднем голоцене смешанных дубово-березово-ольховых лесов на водоразделах вдоль указанной линии [16, с. 67; 17, с. 236]. Отдельные проявления лесной растительности имели место и южнее, на возвышенных участках Донецкого кряжа, где они были представлены липово-дубовыми байрачными лесами [18, с. 115; 19, с. 193–194]. Следует учитывать также коридорные пойменные леса по долине Северского Донца, достигавшие широты г. Луганск. На северо-востоке условная граница рассматриваемого региона может быть проведена по водоразделу между северскодонецкой и донской речными системами — левым берегом р. Оскол до истоков р. Сейм, притока р. Десна (рис. 1).

В древности в лесостепи в целом преобладали луговые степи, характеризующиеся доминированием красочного разнотравья, широколиственных, корневищных и рыхлокустовых злаков. Дерновинные злаки — ковыль и типчак — играли подчиненную роль. В бассейнах верхнего течения рек Ворсклы и Псла луговые степи и леса занимали примерно одинаковые площади: леса развивались на высоких правых берегах рек, а степи — на ровных участках левобережных террас. Еще в конце XIX в обширная степная целина сохранялась на левобережье Псла у г. Лебедин, в имении графа И. Капниста [9, с. 111]. В южных районах лесостепи характер степной растительности заметно изменялся, к югу от р. Берестовая на ровных участках водоразделов начинали преобладать разно-

травно-ковыльно-типчаковые степи, формирующие природную обстановку и северостепных районов. В долинах рек были распространены пойменные луга, существовали небольшие островки пойменных дубрав, на притеррасных понижениях развивались ольшанники.

Облесенность лесостепи существенно возрастала в северном направлении. Широколиственные леса занимали возвышенные и расчлененные овражно-балочной сетью отроги Среднерусской возвышенности и были представлены кленово-липово-дубовыми, липово-дубовыми и дубовыми лесами. Значительный лесной массив по р. Ворскла до впадения в нее р. Мерла отмечен на карте Г. Л. де Боплана [8, карта]. Судя по характеру почв, сплошными лесами было покрыто правобережье Северского Донца в треугольнике Валки–Дергачи–Змиев [4, с. 188]. Показательно, что в 1636 г. белгородский воевода А. Тургенев доносил в Москву, где были весьма обеспокоены частыми татарскими набегами на пограничные русские области, что между заросшими дремучими лесами р. Коломак, притоком Ворсклы, и р. Мжа, притоком Северского Донца, «...свободного проходу 3 версты...», а лес по р. Коломак, тянувшийся от ее верховьев до устья, такой густой и заросший, что пересечь его чрезвычайно трудно [20, с. 17–24]. Большие лесные массивы по берегам Северского Донца упоминаются в исторических источниках: Разуменский лес в районе нынешнего Белгорода, к югу от него — Болховый Боярак, Долгий Боярак, Черкасский, Телинский и Изюмский леса [21, с. 69; 22, с. 18]. Значительный «Черный лес» находился по правому берегу Северского Донца, напротив устья р. Оскол [6, с. 164]. Коридорные леса по долине Северского Донца имели настолько большое значение для обороны края, что в 1647 г. последовал указ, запретивший их вырубку для хозяйственных нужд [20, с. 27]. Еще в конце XVIII в. охранялись лесные массивы по обоим берегам р. Оскол [23, с. 17–18].

Восточноукраинская лесостепь обладает чрезвычайно развитой речной сетью. Только в пределах бывшей Харьковской губернии насчитывалось 223 реки, большая часть которых имела в длину несколько десятков километров и почти пересыхала в летние месяцы. Тем не менее, даже маленькие реки и ручьи объективно способствовали орошению местности и облегчали хозяйственное освоение края. Развитая речная сеть связывала лесостепные области с соседними регионами — Подоньем на востоке, Поднепровьем на западе, Приазовьем и Предкавказьем на юге. Еще в XVI–XVII вв. Северский Донец, Ворскла, Псел были вполне судоходными реками. Сохранились данные о том, что по Донцу байдаки с хлебом сплавились от Белгорода до Чугуева и далее на Дон.

По р. Оскол большими ладьями было доставлено до устья реки все необходимое для возведения крепости Царборисов [22, с. 16]. Верховья Оскола очень близко сходятся с правыми притоками Дона — реками Черная Калитва, Потудань, Тихая Сосна, а правые притоки Северского Донца почти соприкасаются с реками, текущими в Днепр. Эти обстоятельства облегчали передвижения как в меридиональном, так и в широтном направлениях.

Лесостепные реки имеют равнинный характер и отличаются медленным и плавным течением. Уровень весенних паводков всецело определяется мощностью снежного покрова. Крупные реки имеют развитые речные долины. К примеру, долина Северского Донца в районе современного г. Змиев достигает 65 км в ширину, а долина р. Оскол в ряде мест имеет ширину 10–13 км [25, с. 12]. Пойменные угодья являются великолепными естественными пастбищами, а плодородные супесчаные почвы речных долин доступны и легки в обработке. Напротив, черноземы на водоразделах были практически недоступны для использования в эпоху бронзы: они отличаются сухостью, твердостью и вязкостью, на большую глубину скреплены корневой системой разнотравья. В XVII–XVIII вв., в период освоения Слобожанщины, для подъема целины использовались большие плуги, запряженные двумя-тремя или четырьмя парами волов [26, с. 7].

Климат лесостепи умеренно континентальный, с выраженной тенденцией возрастания континентальности в восточном направлении. Характерной чертой климата является его изменчивость, непостоянство режима осадков. Влажные годы сменяются засушливыми без видимой закономерности. Сильные засухи случаются в среднем раз в три года. Зимой нередки оттепели [27, с. 5; 23, с. 16]. Годовое количество осадков составляет 457–536 мм, максимальное их количество приходится на весенне-летний период [25, с. 22].

В вопросах реконструкции климата восточно-европейской лесостепи в далеком прошлом среди исследователей нет единства. Некоторые палеогеографы и палеоклиматологи полагают, что после окончания ледникового периода установился климат, близкий современному, и с течением времени он значительных изменений не претерпевал [13, с. 153; 29, с. 196]. Другие придерживаются точки зрения о циклических изменениях климата и соответствующих подвижках границ природно-ландшафтных зон, нередко расходясь при этом в определении содержания выделяемых климатических циклов. Так, по мнению И. Е. Бучинского, после отступления последнего ледника климат на территории Русской равнины оставался суровым, затем постепенно произошло его потепление и увлажнение. В эпоху бронзы (5–4 тыс. лет

назад) климат отличался большей сухостью, а в начале раннего железного века стал более прохладным и влажным [30, с. 120]. А. А. Борисов считает, что относительно суровый послеледниковый период около 8 тыс. лет назад сменился климатическим оптимумом, характеризующимся теплым и сухим климатом. Предположительно, среднегодовая температура в Европе была на 2–3° выше, чем в настоящее время. В суббореальном периоде (4,5–2,5 тыс. лет назад) произошло небольшое похолодание [31, с. 383]. С этим не соглашается К. С. Лосев, полагающий, что климатический оптимум отличался повышенной влажностью, способствовавшей распространению широколиственных лесов. После кратковременного похолодания в начале суббореала начинается новое потепление, пик которого пришелся на рубеж III–II тыс. до н. э. [32, с. 97–98]. С близких позиций подходит к вопросам изменчивости климата в голоцене Т. А. Серебряная, предполагающая, что в суббореале южная граница лесостепи сместилась к югу почти на 250 км вследствие наступившей увлажненности климата, создавшей необходимые условия для распространения лесной растительности [33, с. 185]. Е. А. Спиридонова полагает, что колебания климата имели также место на протяжении всего суббореального периода. В начале периода климат был более влажным и широколиственные леса липово-дубового состава значительно продвинулись к югу. Конец III тыс. до н. э. знаменовался резкой аридизацией климата, отступлением лесов и распространением ландшафтов южных степей и полупустынь. В первой половине II тыс. до н. э., вследствие нового увлажнения климата, происходит смена растительных сообществ злаково-разнотравных степей лесостепными ландшафтами. В середине тысячелетия фиксируется непродолжительный период новой аридизации, сменившийся в его второй половине — начале I тыс. до н. э. новым увлажнением на фоне общего похолодания [34, с. 202–205]. С этим вполне согласуются существующие разработки по реконструкции природно-климатической обстановки голоцена в пределах степного пояса Восточной Европы. По мнению некоторых исследователей, период с середины III до начала второй половины II тыс. до н. э. отличался значительной аридностью климата, приведшей к иссушению степей. Максимум суббореальной аридизации приходится на рубеж III–II тыс. до н. э. [35, с. 30–31; 36, с. 83–84].

Колебания климата в прошлом (в частности его увлажнение или иссушение) подтверждаются наблюдениями за мощностью годовых отложений осадочных образований в закрытых водоемах. Установлено, что конец III–первая половина II тыс. до н. э. характеризуются увеличением толщи иловых отложений. Это объективно указывает

ет на возрастание увлажненности лесостепной и лесной зон и соответствующее усыхание степей. Во второй половине II тыс. до н. э. наблюдается обратный процесс [37, с. 53]. Близкие данные получены в результате изучения многовековой изменчивости стока Днепра, позволяющие в общих чертах определить динамику колебаний влажности климата в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы и, соответственно, климатические характеристики степного пояса. Так, в конце III — начале II тыс. до н. э. среднегодовые показатели водности значительно превосходили норму, что указывает на повышенную влажность климата в районах водосбора. Примерно с конца XIX до конца XIII вв. до н. э. уровень стока был гораздо ниже нормы. Это свидетельствует о некотором иссушении леса и лесостепи и складывании благоприятной климатической обстановки в степной зоне. В последующий период времени, до начала I тыс. до н. э., уровень стока оказывался близким норме [38, с. 37–38, табл. 6].

Несмотря на некоторые разногласия во временных оценках климатических изменений, выделяются два узловых климатических интервала, которые могли повлиять на изменение этнокультурной обстановки на юге Восточной Европы в эпохи средней и поздней бронзы — конец III тыс. до н. э. и середина II тыс. до н. э. Как будет показано ниже, это вполне согласуется с процессами, фиксируемыми на уровне археологических источников.

Животный мир лесостепи в древности отличался богатством и разнообразием. Во множестве водились подвиды, зубры, лоси, дикие свиньи, козы, волки, лисы, бобры, зайцы, выдры, горностаи, из птиц — тетерева, дикие гуси, лебеди, утки, журавли, ястребы, орлы, куропатки, перепела и т. п. [22, с. 18]. Еще в XVI в. сохранялось такое количество зубров, что на них активно охотились ради мяса. Зубровая солонина поставлялась даже в Литву [7, с. 39]. В реках было множество рыбы. Г. Л. де Боплан с удивлением писал, что на р. Орель одним забросом сети было добыто более двух тысяч рыбин [8, с. 37]. Для раннесредневековых памятников лесостепи установлена добыча осетра, щуки, плотвы, красноперки, леща, синца, карася, сазана, сома, окуня, линя, причем, размерами рыба значительно превосходила современную [39, с. 80–83].

В целом по ряду важных показателей лесостепь существенно выигрывает в сравнении с прилегающими природно-климатическими зонами. В частности, запасы фитомассы составляют в среднем 400–500 т на гектар поверхности, а запасы зоомассы — в среднем 500 кг на гектар, тогда как в степи эти параметры соответственно в десять и пять раз меньше [40, с. 129–133]. Специфические условия лесостепи с ее относительно мягким климатом, богатейшими пастбищными угодьями, плодородными и легкими в обработке супесчаными почвами речных долин делали ее весьма привлекательной для сообществ древних скотоводов и земледельцев.

ГЛАВА 2

ПАМЯТНИКИ ДОНЕЦКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Погребальные памятники

Донецкая катакомбная культура в восточно-украинской лесостепи представлена массивом захоронений, основных под курганами или впущенных в насыпи предшествующих эпох. К настоящему времени имеются данные о 125 погребениях, происходящих из 74 курганов. Картографирование известных пунктов показывает, что подавляющее большинство их концентрируется на левобережье Северского Донца — в донецко-оскольском междуречье и в Поосколье, где курганы с донецкими захоронениями нередко образуют небольшие могильники. На северкодонецком правобережье, в пределах исследуемого региона, донецкие погребальные памятники относительно немногочисленны, представлены чаще одиночными курганами и локализуются преимущественно

в южных, пограничных со степью районах. В физико-географическом отношении очерченная территория в значительной степени соответствует природным условиям северостепной зоны, что косвенным образом указывает на особенности хозяйственного уклада донецких популяций. Отдельные незначительные группировки (вероятно, по водоразделам) проникают в глубинные районы лесостепи. Их продвижение фиксируется по единичным пока погребениям в бассейнах верхнего течения рек Северский Донц и Ворскла. На правобережье р. Орель, притока Днепра, донецкие памятники граничат с памятниками днепро-азовской катакомбной культуры (рис. 2).

Для донецких курганов характерно расположение на возвышенных участках местности — на надпойменных террасах или на водоразделах. В большинстве случаев они примыкают к могиль-

никам предшествующих эпох и насчитывают от 2 до 5 насыпей. Какой-либо определенной системы расположения курганов в пределах конкретных могильников не наблюдается: они могут вытягиваться цепочкой в меридиональном или широтном направлениях, обычно вдоль края надпоймы (Колесниковка-II, Борщовка и др.), или образовывать беспорядочные скопления (Ново-Платоновка, Станиславка и др.). Характерной особенностью лесостепного региона можно считать активное курганное строительство: в 43 случаях донецкие захоронения выступали в качестве основных под курганными насыпями, в 12 случаях сопровождалась глобальными досыпками, значительно увеличивавшими первоначальные размеры курганов. Это составляет заметный контраст с обычаями населения степных областей Восточной Украины, чаще использовавшего для погребений уже существовавшие насыпи [41, с. 31]. Объяснение подобному явлению можно видеть в общем характере исторической ситуации, основное содержание которой заключалось в перемещении значительных группировок населения, захвате и освоении новых территорий, стремлении закрепить их за собой. При этом наличие могильников как бы создавало правовую основу владения. Исторические и этнографические данные свидетельствуют, что существование родовых кладбищ нередко являлось решающим аргументом в территориальных спорах [42, с. 54]. Не исключено, что эту же цель преследовало «переприсвоение» существовавших курганов, заключающееся в совершении впускных захоронений в их центральной части, сопровождавшееся повреждением или уничтожением основных погребений (Каменка 1/2-3; Шпаковка 2/4-5; Красная Гусаровка-А 5/3-3-а и др.)*. Следует отметить, что количество впускных донецких погребений в курганах обычно невелико, в пределах двух-трех. Планиграфически они в большинстве случаев локализируются в центральной части насыпи, в пределах 3-6 м от вершины, чаще в северном, западном и восточном секторах (рис. 4; рис. 7, 1).

Большинство донецких курганов имеют средние размеры: в современном состоянии их высота составляет от 0,5 до 1,5 м, диаметр 18-25 м. Более крупные насыпи встречаются относительно редко и, как правило, связаны с одиночными неординарными захоронениями. Насыпи обычно земляные, грунт для их создания выбирался в непосредственной близости от площадки погребения, что надежно фиксируется стратиграфическими данными.

В некоторых случаях отмечается более сложная структура курганных насыпей. Характерным

примером может служить курган № 3 группы Колесниковка-II на левом берегу р. Оскол [43]**. Входной колодец основного захоронения 1 был закрыт конусовидной «пробкой» из замешанной на охровом растворе материковой глины, возвышавшейся на 0,75 м над уровнем древней дневной поверхности. Погребение перекрывалось небольшой полусферической насыпью из чистой материковой глины, на поверхности которой был разведен костер, фиксирующийся по тонкой корке обожженной глины, слою древесных углей и золы. Последующие стадии создания насыпи характеризуются последовательными слоями черноземного грунта и материковой глины с выраженными следами обожженности на поверхности и примесью продуктов горения. Все это сложное сооружение было скрыто под конусовидной глиняной насыпью диаметром до 9,5 м, в свою очередь перекрытой пластом чернозема, перемешанного с комками материковой глины. Окончательно курган был создан мощным слоем черноземного грунта, образовавшего внешний панцирь диаметром до 50 м. Еще на стадии подготовки захоронения погребальная площадка была обведена сплошным кольцевым ровиком шириной 2,0-2,8 м и глубиной до 1,1 м от уровня древнего горизонта. Отсутствие выброса из ровика указывает на то, что материковая глина была использована для возведения ядра насыпи. Впоследствии ровик был перекрыт оплывшими склонами кургана (рис. 4; рис. 5, 1).

Близко в конструктивном отношении была оформлена насыпь кургана № 2 у с. Веселое в верхнем течении р. Харьков. Основное катакомбное погребение перекрывалось небольшой черноземной насыпью, скрытой под мощным слоем материковой глины. Конусовидная глинобитная насыпь подверглась обжигу разведенным на ее поверхности большим костром, отчетливо фиксирующимся по обожженной корке глины и слою древесных углей с золой. Как и в предыдущем случае, окончательное оформление насыпи было произведено черноземной досыпкой, увеличившей ее диаметр до 60 м [44, с. 111]. Вероятно, сходная курганная архитектура зафиксирована В. А. Городцовым в одном из курганов вблизи г. Изюм на Северском Донце, где над входным колодцем основного катакомбного захоронения прослеживался слой обожженного красного суглинки, продолжавшийся почти до вершины кургана [45, с. 287]. Как семантически близкую можно рассматривать досыпку из обожженной глины над впускным катакомбным погребением в кургане № 3 у с. Новотроицкое Донецкой области [46, с. 76]. Облицовка грунтовой насыпи слоем материковой глины встре-

* Здесь и далее в числителе указывается номер кургана, в знаменателе — номер погребения.

** Автор благодарен А. В. Крыганову за любезное разрешение использовать материалы его полевых исследований.

чена также в кургане № 9 группы «Три брата» в Калмыкии, синхронизованным с горизонтом ранних катакомб этого региона [47, с. 159]. Не исключено, что практика создания сложных многослойных насыпей над катакомбными погребениями уходит корнями в предшествующую эпоху и отражает в какой-то степени трансформированные в инокультурной среде погребальные традиции населения более южных регионов Восточной Европы — степного Предкавказья и Северного Кавказа. Заслуживает внимания то обстоятельство, что в майкопских погребальных комплексах Центрального Предкавказья неоднократно встречены сложные подкурганые конструкции, семантически близкие описанным выше: каменные наброски над основными захоронениями перекрывались грунтовыми насыпями, склоны которых укреплялись каменной облицовкой (крепидой), после чего над всем сооружением возводился земляной курган [48, с. 239–240].

Представляется, что относительная редкость многослойных курганных насыпей над донецкими погребениями объясняется не столько трудоемкостью их возведения и сложностями чисто технического плана, сколько экстраординарным, выходящим за привычные рамки отношением к личности усопшего. Налицо стремление изолировать покойника, «замкнуть» место погребения и тем самым укрепить нарушенную при захоронении границу между земным и потусторонним мирами. Этнографические данные свидетельствуют, что подобное отношение часто проявлялось к месту захоронения колдуна, вызывавшего суеверное почтение и страх перед негативным проявлением его силы [49, с. 12].

В несколько упрощенном виде эта же идея изоляции места погребения прослеживается в кургане № 3 у с. Граково на левобережье Северского Донца, возведенном над двумя синхронными катакомбами-кенотафами. Материковые выбросы из обоих захоронений слились в сплошной массив желтой глины, окаймлявший погребальную площадку с северо-запада. С юго-востока ее замыкала деревянная конструкция в виде частоккола, от которой сохранились остатки деревянных вертикальных столбиков, расположенных в линию с северо-востока на юго-запад (рис. 9, 1). Возможно, аналогичная конструкция была встречена Н. Е. Бранденбургом в кургане № 253 у г. Славянск на северско-донецком правобережье: в центральной части подкурганной площадки обнаружены остатки четырех вертикальных столбиков, расположенных в линию; с внешней стороны этой «изгороди» расчищены кости крупного животного, с внутренней к ней примыкала неглубокая яма, в которой находились лепной катакомбный сосуд и глиняная курильница на сплошном четырехугольном поддоне [50, с. 162–163; 51, табл. 8,

1–2]. Показательно, что в обоих случаях насыпи возведены над погребениями-кенотафами.

Экстраординарный характер некоторых донецких погребальных памятников подчеркивается и другими фактами. По данным В. А. Городцова, обкладка бревнами склонов насыпи характеризует первую стадию возведения кургана № 3 у с. Ковалевка на Северском Донце. На вершине первоначальной насыпи был разведен костер, фиксирующийся по зольно-угольному слою, после чего курган был досыпан черноземным грунтом. Под вершиной, на древней дневной поверхности, расчищено скопление камней, занимавших площадь около 3,55 м в диаметре. Камни имели вид плоских необработанных плит, частью установленных вертикально, частью уложенных горизонтально. Одна из верхних горизонтальных плит имела квадратную форму размерами около 1,4×1,4 м. Между камнями отмечены древесные угли и зола. На поверхности одной из горизонтальных плит находилась жаровня из днища большого лепного сосуда. Конструктивные особенности сооружения из каменных плит, относительно большая площадь, занимаемая им, и стратиграфическая позиция на древней дневной поверхности свидетельствуют о том, что речь скорее может идти о жертвеннике, чем о каменной забутовке входного колодца впускного катакомбного погребения. К востоку и западу от каменного жертвенника были произведены захоронения взрослого субъекта и ребенка с молочными зубами, уложенных скорченно на правом боку головами в противоположные стороны (на юг и северо-восток) таким образом, что лица обоих были обращены к жертвеннику. Оба погребения сопровождалось богатым и разнообразным инвентарем [45, с. 298–299]. Культовый характер комплекса в целом подчеркивается присутствием в обоих захоронениях кусков красной охры, а в погребении взрослого — еще овечьих и коровьего астрагалов, которые могли использоваться в процедуре гаданий и предсказаний как инструмент общения с богами [52, с. 153–157].

Уникальность Ковалевского комплекса вызвала крайне осторожное отношение к нему и вопрос о его характере в литературе практически не затрагивался. В настоящее время, с открытием грандиозного катакомбного святилища у г. Молчанск в степном Поднепровье, представляется очевидным, что речь может идти о явлениях культовой практики стадийного порядка — существовании святилищ социальных единиц высокого уровня, племенных или даже союзов племен [53, с. 81–84]. В связи с этим обращает на себя внимание разовый характер ковалевского комплекса: после совершения церемонии и сопровождающих ее захоронений людей каменный жертвенник-алтарь был скрыт под курганной насыпью,

дополнительно укрепленной бревенчатой обкладкой. Существует предположение, что умерший (или принесенный в жертву?) член общины выступает в качестве посланца в потусторонний мир и сопровождающие его вещи можно рассматривать как жертву божествам, которую он обязан им доставить [54, с. 153–168]. Нельзя исключать, что под насыпью кургана у с. Ковалевка сохранились свидетельства пышной и зловещей церемонии отправки послов к богам, вызванной какими-то чрезвычайными обстоятельствами (эпидемией, падежом скота, засухой?).

Имеются свидетельства использования в погребальном обряде своеобразного огненного ритуала, предшествовавшего или сопутствовавшего захоронению и фиксируемого в виде кострищ на древнем горизонте или в насыпи. Остатки костров на древней дневной поверхности в непосредственной близости от погребальных сооружений прослежены в кургане № 4 группы Залиман-II, в кургане № 8 группы Станиславка. В кургане № 6 у с. Ковалевка большое кострище было отделено от входного колодца катакомбы полукольцевой оградкой, выложенной из кусков рваного камня [45, с. 302]. В курганах № 1 у с. Пески Радьковские и кургане № 3 у с. Ковалевка возжигание костров знаменовало одну из стадий сооружения насыпи. По всей вероятности, остатки погребальных костров следует рассматривать в русле существовавших у многих народов представлений об очищающей силе огня и его способности отгонять злых духов [55, с. 371–372].

Основным видом погребального сооружения в лесостепи выступает катакомба. Погребения в простых грунтовых или материковых ямах, с наличием ведущих признаков катакомбного погребального обряда (положение тела погребенного, его ориентировка головой по сторонам света, характер сопровождающего инвентаря) зафиксированы всего в 15 случаях (около 12 % всей выборки). Вероятно, количество захоронений в ямах объективно было даже несколько меньше, так как в некоторых случаях есть основания полагать, что они представляют собой остатки впускных катакомб с непрослеженными в насыпях входными колодцами. Могильные ямы в плане прямоугольной или подовальной формы, площадью 1,8–2,4 кв. м, что в целом соответствует размерам погребальных камер во взрослых катакомбных захоронениях, глубиной 0,6–1,2 м. Более половины (8 случаев) погребений в ямах являлись основными под курганными насыпями и, как правило, имели перекрытия из плах или толстых колотых досок. В основном захоронении кургана № 2 у с. Гусаровка остатки поперечного перекрытия могилы из толстых досок прослежены на древней дневной поверхности (рис. 10, 1). В качестве впускных погребения в ямах встречены

ны в энеолитических курганах и в курганах, возведенных над донецкими катакомбными захоронениями (Мостовое 2/1; Борщовка 5/3, 6/1) [56, с. 53, рис. 31, 1; с. 237, рис. 150, 4; с. 242, рис. 155, 1].

Основная масса погребений донецкой культуры была произведена в катакомбных могильных конструкциях, по всей вероятности, воплощавших идею изоляции усопшего в подземной камере-усыпальнице. Эта же цель достигалась, помимо создания самого сложного погребального сооружения, установкой деревянных закладов, преграждавших доступ в погребальную камеру, заполнением грунтом входных колодцев после завершения погребальной церемонии и т. п.

В конструктивном отношении выделяются две основные группы катакомб, различающиеся по принципу сопряжения продольных осей входных колодцев и погребальных камер: Т-образные — конструкции с перпендикулярным сопряжением осей; Н-образные — конструкции с параллельным сопряжением осей. Внутри групп основанием для выделения типов является форма входного колодца, для выделения подтипов — форма погребальной камеры. Варианты учитывают конструктивные особенности оформления входа в погребальную камеру (рис. 3).

Группа Т-образных катакомб относительно немногочисленна и в пределах выборки представлена 20 погребениями (около 16 %). В 11 курганах погребения этой группы являлись основными, в 5 случаях сопровождалась сплошными насыпями курганных насыпей. В двух курганах зафиксировано их впускное положение при основных катакомбных захоронениях в ямах (Гусаровка 2/2; Шуркино Поле 3/3–5). В одном случае курган был возведен над одновременными Т-образной и Н-образной катакомбами (рис. 8).

В группе Т-образных катакомб наиболее устойчивыми оказываются сочетания прямоугольного в плане входного колодца и овальной или округло-грушевидной в плане погребальной камеры, нередко планиграфически накладывающихся друг на друга (типы Т-I-2-Б, Т-I-2-В, Т-I-4-В — 10 погребений) (рис. 4, 2), и овальных в плане входного колодца и погребальной камеры (7 погребений). В двух случаях в камеру вел узкий щелевидный лаз в простенке (тип Т-II-2-А) (рис. 3, 2; рис. 10, 4), в остальных камера и колодец соединялись непосредственно, с возможным планиграфическим наложением, арочным, реже — щелевидным входом (типы Т-II-2-Б, Т-II-2-В) (рис. 13, 1; рис. 14, 3). В трех погребениях входной колодец имел удлиненно-трапециевидную в плане форму и соединялся с овальной в плане камерой щелевидным лазом в простенке (тип Т-III-2-А) или арочным входом (тип Т-III-2-Б) (рис. 7, 3–4). Стенки колодцев всегда отвесные, камеры, как

правило, имеют купольное оформление свода.

В девяти катакомбах характеризуемой группы зафиксированы остатки закладов погребальных камер из обрубков бревен или плах. Заслуживает внимания устройство заклада погребальной камеры в основном захоронении 1 кургана № 3 группы Колесниковка-II: вход в погребальную камеру был закрыт установленными вертикально обрубками четырех толстых суковатых бревен, на которые сверху горизонтально уложены два таких же обрубка, а оставшееся свободным пространство плотно забутовано крупными кусками обожженной глины (рис. 4, 2-а).

В 12 погребениях отмечены сплошные или локальные посыпки порошка красной охры, в 11 — остатки органических подстилок под костяками, в 9 — посыпки мела, дробленого известняка или известковых побелки, в 3 — присутствовали продукты горения (древесные угли или зола) (рис. 4, 2; рис. 7, 3-4; рис. 14, 3). Шесть захоронений сопровождалась костями жертвенных животных — черепами и конечностями крупного или мелкого богатого скота.

Имеющиеся в настоящее время по лесостепному региону данные показывают отсутствие веских аргументов для выделения Т-образных катакомб в более раннюю по отношению к основной массе донецких погребений группу. Их стратиграфический приоритет может быть объяснен скорее социальными, чем хронологическими факторами. Именно в погребениях этой группы часто находят предметы, относимые к разряду «престижных» категорий сопровождающего инвентаря: сочетания бронзовые нож — шило (Шуркино Поле 3/3-5, Черевков 1/5, Колесниковка-II 3/1, Каменка 2/2), бронзовый нож — каменное навершие булавы (курган № 2 у «Гострой Могилы»), кремневые наконечник копья — наконечники стрел (Веселое 7/1), «производственные наборы», связанные с изготовлением стрел и, вероятно, луков — каменные «выпрямители», кремневые отщепы, створки раковин (Шпаковка 2/5). В погребении ребенка (Каменка 7/4) присутствовал каменный полированный пест — изделие, имевшее в погребальном ритуале особое семантическое значение [57, с. 292-293, рис. 74; 58, с. 192-193]. Следует также отметить, что с катакомбами этой группы часто сопряжены выразительные признаки социальной неординарности погребенных — существование сложных многослойных насыпей (Колесниковка-II к. № 3), деревянных подкурганых конструкций (Граково к. № 3), частичные или расчлененные погребения (Шпаковка 1/3) и погребения по обряду кремации (Колесниковка-II 5/1). В то же время керамика из группы Т-образных катакомб находит полные аналогии в сопровождающем инвентаре захоронений в Н-образных катакомбах и простых грунтовых ямах.

В кургане у с. Пески Радьковские на левобережье р. Оскол основное захоронение 21, расположенное в центре подкурганной площадки, было произведено в катакомбе с удлинено-трапециевидным входным колодцем и овальной погребальной камерой, соединяющихся щелевидным лазом в простенке (тип Т-III-2-А). Костяк погребенного мужчины лежал в позиции слабоскорченно на правом боку, с разворотом на спину, и головой был ориентирован к югу. Во входном колодце обнаружен лепной сосуд, орнаментированный оттисками тесьмы, образующими параллельные линии по венчику и полукруглые фестоны, опускающиеся с плечиков на тулово (рис. 7, 3; рис. 8, 2). Позднее, не исключено, что одновременно, в северу и востоку от вершины были совершены впускные погребения 20 и 22, содержавшие костяки ребенка (п. 20) и женщины и ребенка (п. 22). Захоронения произведены в катакомбах типов Т-III-2-А и Н-V-2-Б (рис. 7, 2, 4). Хронологическая близость погребений находит подтверждение в сходстве основных обрядовых показателей (слабоскорченное положение на правом боку, южная ориентировка, сплошные охровые посыпки под костяками) и идентичности орнаментальных композиций на сосудах из захоронений 21 и 22 (рис. 8, 4-5). В уже упоминавшемся кургане № 3 у с. Граково насыпь была возведена над двумя синхронными катакомбами-кенотафами типов Т-II-2-А и Н-II-2-Б (рис. 9, 2-3). По-видимому, аналогичное сочетание катакомб разных видов зафиксирована В. А. Гордцовым в кургане № 2 у хут. Каменка в бывшем Бахмутском уезде Екатеринославской губернии [57, с. 287-288]. В кургане № 2 группы Гусаровка катакомба типа Т-II-2-А со слабоскорченным на правом боку покойником, ориентированным головой на юг, была впущена в насыпь над катакомбным захоронением в яме с деревянным перекрытием, сопровождавшимся типичными донецкими сосудами (рис. 10).

Основная масса донецких катакомб в лесостепном регионе характеризуется параллельным сочетанием продольных осей входных колодцев и погребальных камер (группа Н-образных), которые могли иметь разную форму и образовывать разные сочетания. Наиболее распространены конструкции из прямоугольного в плане входного колодца и овальной в плане погребальной камеры (тип Н-I-2-Б (В) — 49 погребений) и овальных в плане колодца и камеры (тип Н-II-2-Б (В) — 19 погребений) (рис. 5, 1-2; рис. 9, 3; рис. 11, 7). Другие возможные сочетания в целом немногочисленны и общей картины существенно не меняют (рис. 12, 1; рис. 13, 2; рис. 14, 2). Стратиграфические данные убедительно свидетельствуют о существовании разных типов Н-образных катакомб. Создается впечатление, что необычность погребального сооружения, отступление от при-

нятого стандарта призваны были выделить захоронение из общей массы, подчеркнуть его неординарный характер.

В 51 погребении этой группы зафиксированы остатки вертикальных закладов погребальных камер из обрезков бревен или плах, в 56 — отмечены органические подстилки под костяками, в 65 — присутствовала красная охра в виде сплошных или локальных подсыпок или сформованных кусков геометрических очертаний, в 12 — подсыпки кусочков мела или дробленого известняка. В 28 катакомбах сохранились следы известковых побелок внутренней поверхности погребальных камер, в единичных случаях известковая побелка зафиксирована на внешней стороне деревянных закладов (Ново-Платоновка 3/3). Почти в каждом пятом (около 19 % выборки) захоронении присутствовали продукты горения — древесные угли или зола. В 65 катакомбах выявлены кости жертвенных животных, обычно в виде черепов и костей конечностей крупного или мелкого рогатого скота, уложенных в определенном порядке (череп сверху перекрывает кости конечностей) на дне или ступеньках входных колодцев (26 случаев) или в погребальных камерах (39 случаев) (рис. 5, 2; рис. 11, 7). Иногда отдельные кости животных находились и в колодце, и в камере (рис. 5, 1).

Вне зависимости от устройства погребального сооружения, в могиле в большинстве случаев находились останки одного покойника. Типичным следует признать положение погребенного скорченно на правом боку, лицом к выходу из погребальной камеры. Степень скорченности преимущественно слабая или средняя: ноги согнуты в тазобедренных сочленениях чаще под тупым углом, угол в коленях в диапазоне от острого до тупого. Руки протянуты вниз, к коленям подогнутых ног, иногда кисти зажаты между бедренными костями (рис. 4, 2; рис. 5, 2; рис. 7, 2-4).

В 11 случаях зафиксирована позиция погребенных скорченно на спине: ноги, первоначально согнутые в коленях и поставленные вертикально, упали углом в одну сторону или распались ромбом, руки протянуты вдоль туловища. Костяки в такой позиции встречены в захоронениях в грунтовых ямах (Балаклея 2/6), в Т-образных (Красная Гусаровка-А 5/3-а) и Н-образных катакомбах (Ново-Платоновка 2/7, Колесниковка-II 3/3) (рис. 6, 1). Строгой хронологической последовательности в переходе от прежней, древнеямной, обрядности к доминирующей в катакомбах позиции покойников скорченно на правом боку не наблюдается: в кургане № 3 группы Колесниковка-II погребение 2 со скорченным на спине костяком было впущено в насыпь, возведенную над захоронением 1, в котором покойник находился в характерной позиции слабоскорченно на правом боку

(рис. 4; рис. 5, 2; рис. 6, 1).

Иногда в погребальных камерах присутствовали останки нескольких погребенных. В двойных захоронениях это могли быть костяки взрослых субъектов (мужчины и женщины), уложенных параллельно в одинаковой позиции (Вербовка 5/4, Красная Гусаровка-А 5/3-а) или костяки взрослого и подростка (Пески Радьковские 1/22) (рис. 7, 2). В единичных случаях встречается «зеркальная» позиция погребенных, в которой костяки располагаются скорченно на правом и левом боку, лицами друг к другу (рис. 10, 1). В немногочисленных тройных захоронениях зафиксированы костяки взрослого и двух детей (Вербовка 9/6), двух взрослых и ребенка (Шуркино Поле 3/3-5), трех взрослых субъектов (Шуркино Поле 4/7-9). Во всех случаях один из костяков находился либо в ногах, либо в головах основных погребенных, уложенных в центральной части камеры.

В ограниченных пределах практиковался способ захоронения неполных костяков (частичные или паритивные захоронения по В. И. Мельнику [59, с. 10]. В погребении 4/2 группы Залиман-2 в северной части щелевидной камеры были распилены бедренные кости человека, лежавшие параллельно и перекрытые сверху малоберцовой костью левой ноги; в районе коленных суставов прослежено небольшое пятно красной охры. Расположение костей как бы имитирует положение конечностей при обычной позиции скорченно на правом боку, головой в южном направлении. Размеры камеры (высота 0,28 м от уровня пола, ширина 0,6 м) изначально не были рассчитаны на помещение всего тела покойника (рис. 13, 4). Захоронение нижних конечностей человека, завернутых в луб и покрытых сверху камышом, было выявлено Б. А. Городцовым в катакомбном погребении 15/3 у хут. Каменка [60, с. 300]. Уникальная ситуация прослежена в кургане № 7 у с. Борщовка на Северском Донце, насыпанном над двумя синхронными погребениями в Т-образных катакомбах. В погребении 1, занимавшем центральное место на подкурганной площадке, на органической подстилке находилась верхняя половина туловища человека, уложенного на правом боку головой к востоку. В погребении 2, планиграфически смещенном в юго-восточный сектор подкурганной площадки, также на органической подстилке лежали кости нижних конечностей человека, расположение которых дает основание предполагать имитацию позиции скорченно на правом боку головой на восток. На месте отсутствовавшего черепа были уложены кости овцы [56, с. 246-249, рис. 158-160].

В донецких захоронениях по обряду труположения преобладает ориентировка покойников головой в южном направлении, с возможными сезонными отклонениями к западу или востоку.

Этом направлении были уложены костяки в 76 погребениях (около 60 % выборки). В 10 случаях погребенные лежали головой к северу. В 23 погребениях зафиксирована широтная ориентировка костяков (из них 16 — головой к востоку). Следует отметить, что особенно строго традиция южной ориентировки соблюдалась в основных захоронениях (30 случаев или около 70 % всех основных захоронений). Общая тенденция к ориентировке покойника головой к югу нередко приводила к тому, что камеры впускных погребений могли быть обращены к вершине кургана или к его периферии (рис. 4; рис. 7, 1).

Особого внимания заслуживают немногочисленные донецкие захоронения по обряду кремации. В основном погребении кургана № 5 группы Колесниковка-П, совершенном в Т-образной катакомбе, в центральной части погребальной камеры на органической подстилке с подсыпками порошка красной охры и кусочков мела найдены фрагменты черепа человека со следами пребывания в огне. У северной стенки камеры на крупном фрагменте неорнаментированного лепного сосуда выявлены остатки кремации — обломки кальцинированных человеческих костей и древесные угли (рис. 11, 1-3). Останки кремированного покойника обнаружены также в кургане у с. Покровское на территории Донецкой области. В погребальной камере катакомбы расчищены фрагменты обугленного человеческого черепа, уложенные на пятне красной охры. Обломки кальцинированных костей человека и древесные угольки присутствовали в грунте заполнения входного колодца [61]. Обращают на себя внимание сходные элементы ритуала: в обоих случаях сожжение было произведено на стороне и в могилу помещены лишь обугленные фрагменты черепов, занимавшие центральное место в погребальных камерах и сопровождавшиеся сопутствующими атрибутами погребальной церемонии — органическими подстилками, подсыпками охры, мела и вещевым инвентарем. В то же время, останкам кремированных тел вместе с продуктами погребального костра отводилась роль только одного из элементов ритуала.

Погребения по обряду кремации спорадически встречаются практически на всей территории катакомбной культурно-исторической области — в Предкавказье, Северном Приазовье, Среднем Подонье и Северном Причерноморье [62, с. 79; 63, с. 48; 64, с. 55; 65, с. 68]. Известны также погребения с частично кремированными покойниками. В бассейне среднего течения Северского Донца обугленные костяки обнаружены в катакомбах у хут. Верхний Степок и у с. Ивано-Дарьевка [45, с. 188; 66, с. 7-8].

Существуют символические захоронения — кенотафы, которые по ведущим обрядовым призна-

кам могут быть разделены на два основных типа: тип 1 — с выраженной погребальной конструкцией и следами ритуальных действий; тип 2 — с выраженной погребальной конструкцией, следами ритуальных действий и сопровождающим инвентарем.

Кенотафы типа 1 часто бывают основными под курганными насыпями, погребальные конструкции представлены преимущественно Т-образными катакомбами с остатками бревенчатых закладов погребальных камер. В камерах присутствуют органические подстилки, подсыпки красной охры, мела, продуктов горения (Ново-Платоновка 3/3, Граково 3/1-2, Ульяновка 1/1) (рис. 9, 2-3; рис. 13, 1).

Кенотафы типа 2 чаще впущены в насыпи курганов предшествующего времени и представляют собой Н-образные катакомбы, иногда с остатками бревенчатых закладов погребальных камер. В камерах отмечены органические подстилки, известковые побелки, подсыпки охры или мела. Сопровождающий инвентарь составляют лепные сосуды или жаровни из крупных фрагментов (Довгалева 2/2, Станиславка 9/1, Кравцовка 1/2) (рис. 13, 2).

Уже в донецкое время прослеживается появление обычая погребения домашних животных в особых могильных конструкциях, получившего дальнейшее развитие в последующий период. В кургане № 4 группы Колесниковка-П в 2 м к юго-востоку от основного донецкого захоронения в глубокой прямоугольной в плане яме без перекрытия (глубиной 3,35 м от уровня древнего горизонта) были расчищены череп и кости конечностей коровы, сложенные кучкой в центральной части ямы. Под ними зафиксированы остатки покрытия пола из поперечных плах, в углу ямы находился лепной сосуд, орнаментированный по всей поверхности горизонтальной елочкой оттисков зубчатого штампа и поясками ногтевых вдавлений (рис. 12, 2, 7). Расположение костей животного в центре могильного сооружения, выделенного этого участка деревянной выстилкой, наличие сопровождающего инвентаря, занимающего периферийное положение, не оставляют сомнений в том, что речь может идти о преднамеренном и целенаправленном захоронении частей туши (шкур?) животного.

Характерной чертой лесостепных донецких погребений можно считать их выраженную инвентарность. Сопровождающий инвентарь присутствовал в 103 комплексах (около 82 %) и был представлен керамикой (92 погребения), изделиями из цветных металлов (26 погребений), камнями или кремня (16 погребений), кости или рога (9 погребений). В расположении инвентаря по отношению к останкам погребенного прослеживаются определенные закономерности: глиняная

посуда, как правило, находилась в районе черепа, у его лобной или теменной части. При наличии в могиле нескольких сосудов один мог быть поставлен у ног — на уровне коленных суставов или возле стоп. В ногах преимущественно располагались жаровни из крупных фрагментов разбитых сосудов. Отмеченная тенденция в расположении сопровождающей керамики сохраняется в пространстве погребальных камер захоронений-кенотафов (рис. 13, 2). Изделия из металла, камня или рога, атрибутируемые как предметы вооружения и инсигнии власти, обычно находились перед грудью погребенного, в редких случаях — возле коленных суставов (рис. 5, 2). Кости жертвенных животных в погребальных камерах в большинстве случаев располагались в головах или в ногах покойника.

В целом лесостепные донецкие погребальные памятники характеризуются устойчивым набором ведущих культуuroобразующих элементов: подкурганными захоронениями по обряду ингумации, абсолютным преобладанием катакомбных погребальных сооружений, положением погребенных скорченно на правом боку в позиции «всадника», головой преимущественно в южном секторе горизонта, инвентарностью захоронений, распространённостью органических подстилок и подсыпок порошка красной охры под костяками, наличием костей жертвенных животных во входных колодцах или погребальных камерах катакомб. Эти же черты формируют общий облик массива катакомбных захоронений бассейна среднего и нижнего течения Северского Донца и Нижнего Подонья, то есть основной территории распространения памятников донецкой культуры, что позволяет юго-восточные районы лесостепи уверенно включать в ареал последней. В то же время, в исследуемом регионе отсутствует сколько-нибудь выраженный горизонт раннекатакомбных погребений синкретического характера, с комплексным проявлением элементов древнеямной погребальной обрядности. Отдельные черты обряда, трактуемые в нашем случае как «пережиточные» (позиция костяков скорченно на спине, широтная ориентировка, присутствие архаичных категорий или типов сопровождающего инвентаря), проявляются в ослабленном, опосредствованном виде и обычно сочетаются с чисто катакомбными признаками. Это позволяет появление донецких группировок в восточноукраинской лесостепи связывать с миграционными процессами, характеризующими акматическую фазу развития этносоциального организма, объединяемого понятием «археологическая культура».

Материальная культура

Общие принципы в классификации керамики

Глиняная посуда — самая массовая и одна из наиболее значимых для культурно-исторической атрибуции памятников категория материальной культуры. Она обладает устойчивым для определенного периода сочетанием диагностирующих признаков (особенности формы, техника нанесения орнамента, традиционные орнаментальные композиции и т. п.) и, в то же время, подвержена эволюционным изменениям, что дает возможность не только разграничивать хронологические комплексы, но в общих чертах определять направление развития, ориентированность и интенсивность культурных контактов. В настоящее время керамика выступает в качестве едва ли не основного индикатора выявления региональной специфики в рамках катакомбной культурно-исторической области. Системы классификации глиняной посуды разработаны практически для каждого территориального региона, но ни одна из них не может претендовать на универсальный характер, поскольку в каждом случае более или менее отчетливо проявляются местные особенности в видовом составе комплексов, в типах посуды и системах ее орнаментации.

В предлагаемой классификации, основанной на материалах лесостепных катакомбных памятников, в качестве наиболее общих морфологических показателей формы приняты очертания тулова сосуда, наличие или отсутствие выраженной горловины и ее количественные характеристики. На основании этих признаков выделяются четыре группы бытовой посуды (низкогорлые сосуды, высокогорлые сосуды*, баночные сосуды, реповидные сосуды) и группа специализированно-культурной керамики (курильницы). Внутри выделенных групп дифференцирующим показателем выступают общие пропорции сосудов, устанавливаемые по соотношению общей высоты к максимальному диаметру по тулову. На основании этого показателя различаются две подгруппы — низкие сосуды (подгруппа А) и высокие сосуды (подгруппа Б). В основу выделения типов положены особенности формы, характер и соотношение основных формообразующих признаков: венчика, шейки, плечиков, придонной части. Варианты учитывают второстепенные детали профилировки — степень отгиба венчика, выраженность плечиков и т. п., а также дополнительные элементы внешнего оформления — ручки, ушки, налпы и т. д. Следует учитывать, что тип как основная классификационная еди-

* Распространенный термин «низко- и высокошейные сосуды» представляется не совсем удачным, так как скорее характеризует параметры шейки как части сосуда с наименьшим диаметром по тулову.

лица, по сути дела складывается из определенной суммы вариантов, обусловленных индивидуальным производством или производством внутри мелких социальных единиц, но обязательно в русле общей традиции, существующей в данном социуме. Поэтому при современном состоянии источниковой базы выделение множественных вариантов вряд ли полностью оправдано, так как они могут отражать узколокальную специфику и отнюдь не расширять возможности для сравнений и сопоставлений. Более важным представляется определение общей тенденции формообразования, соответствующей общепринятым нормам и вкусам общества и вписывающейся в систему его мировоззренческих ценностей.

Группа I. Низкогорлые сосуды

Группа включает сосуды разных форм и пропорций, объединяемые наличием общего признака — отделенного от тулова низкого горла, составляющего 5–14 % от общей высоты.

Подгруппа А — сосуды горизонтальных пропорций, с индексом высотности (соотношение общей высоты к максимальному диаметру по тулову), составляющим 0,5–0,8.

Тип 1 — сосуды с невысоким, поставленным вертикально или слабо отогнутым наружу венчиком, уплощенно-шаровидным туловом с максимальным расширением примерно на середине высоты, и выделенным изгибом стенок в невысокий поддон широким плоским дном (рис. 15, IA-1).

Тип 2 — сосуды с невысоким, вертикально поставленным венчиком, образующим цилиндрическое устье, округлым туловом, имеющим максимальное расширение на середине высоты или в верхней половине, и плавным переходом стенок к широкому плоскому дну (рис. 15, IA-2).

Тип 3 — сосуды с невысоким, плавно отогнутым наружу венчиком, выраженной шейкой, шаровидным туловом с максимальным расширением примерно на середине высоты и плавным переходом стенок к небольшому плоскому дну (рис. 15, IA-3).

Подгруппа Б — сосуды вертикальных пропорций, с индексом высотности 0,9–1,1.

Тип 1 — сосуды с невысоким, нередко утолщенным, поставленным вертикально или слабо отогнутым наружу венчиком, яйцевидных очертаний туловом с выраженными плечиками в последней трети высоты и небольшим плоским дном (рис. 15, IB-1).

Тип 2 — сосуды с невысоким, слабо отогнутым наружу венчиком, пологими слабовыпуклыми плечиками с максимальным расширением примерно на середине высоты и небольшим плоским дном (рис. 15, IB-2).

Тип 3 — сосуды с невысоким, слабо отогнутым наружу венчиком, пологими слабовыпуклыми

плечиками, с максимальным расширением в нижней половине тулова и небольшим плоским дном (рис. 15, IB-3).

Группа II. Высокогорлые сосуды

Группа включает сосуды разных форм, объединяемые наличием общего признака отделенного от тулова высокого горла, составляющего 15–30 % от общей высоты. Представлены в основном сосуды вертикальных пропорций (подгруппа Б) с индексом высотности 0,9–1,1, хотя не исключено выявление в дальнейшем сосудов приземистых очертаний (подгруппа А).

Тип 1 — *кубки* — сосуды с высоким венчиком, поставленным вертикально или отогнутым наружу и образующим цилиндрическое или раструбное горло, уплощенно-шаровидным туловом с максимальным расширением примерно на середине высоты и выделенным изгибом стенок в невысокий выраженный поддон плоским дном (рис. 15, IIB-1). В этом типе возможны отдельные экземпляры горизонтальных пропорций.

Тип 2 — *крынки* — сосуды с высоким венчиком, образующим цилиндрическое или раструбное горло, хорошо выраженными выпуклыми плечиками в последней трети высоты и плавным переходом стенок к широкому плоскому дну (рис. 15, IIB-2).

Тип 3 — *кубковидные* — сосуды с высоким венчиком, образующим раструбное горло, шаровидным или биконическим туловом с максимальным расширением примерно на середине высоты и плавным переходом стенок к небольшому плоскому дну (рис. 15, IIB-3). В типологическом ряду сосуды этого типа представляются производными от сосудов типа 1.

Тип 4 — *крынковидные* — сосуды с высоким венчиком, образующим раструбное горло, хорошо выраженными выпуклыми, иногда ребристыми плечиками в верхней половине тулова и плавным переходом стенок к небольшому плоскому дну (рис. 15, IIB-4). В типологическом ряду сосуды этого типа представляются производными от сосудов типа 2.

Тип 5 — *баклаги* — небольшие сосуды с высоким венчиком, образующим цилиндрическое или слегка сужающееся кверху горло, шаровидным туловом, снабженным в нижней половине симметрично расположенными вертикальными ручками-налепами с небольшими отверстиями в горизонтальной плоскости и широким плоским дном (рис. 15, IIB-5).

Группа III. Баночные сосуды

В группу выделены сосуды, характеризующиеся простейшей конфигурацией тулова и отсутствием важного показателя профилированности — выделенной шейки.

Подгруппа А — баночные сосуды горизонтальных пропорций, с индексом высотности в пределах 0,5–0,7.

Тип 1 — низкие сосуды с широким устьем, на которое приходится максимальный диаметр по тулову (рис. 15, IIIA-1).

Тип 2 — низкие сосуды бочонковидной формы, у которых диаметр венчика всегда меньше максимального диаметра по тулову (рис. 15, IIIA-2). На банках этого типа встречаются парные вертикальные ручки-налепы под краем венчика, что позволяет выделять подобные сосуды в вариант «а» типа 2.

Подгруппа Б — баночные сосуды вертикальных пропорций, с индексом высотности 0,8–1,1.

Тип 1 — сосуды с бочонковидным туловом, у которых диаметр венчика всегда меньше максимального диаметра по тулову (рис. 15, IIIB-1).

Баночные сосуды обеих подгрупп в пределах выборки представлены единичными экземплярами.

Группа IV. Реповидные сосуды

В группу выделены сосуды, характеризующиеся отсутствием выделенной шейки и шаровидным или шаровидно-биконическим туловом.

Подгруппа А — низкие — сосуды приземистых пропорций, с индексом высотности 0,5–0,7.

Тип 1 — сосуды с шаровидным или уплощенно-шаровидным туловом и широким плоским дном, равным или немного уступающим по размерам устью (рис. 15, IVA-1).

Тип 2 — сосуды с приземистым биконическим туловом и широким плоским дном, равным или превосходящим по размерам устье (рис. 15, IVA-2).

Подгруппа Б — высокие — сосуды вертикальных пропорций, с индексом высотности 0,8–1,0.

Тип 1 — сосуды с шаровидным или удлиненно-шаровидным туловом и широким плоским дном, равным или ненамного уступающим по размерам устью (рис. 15, IVB-1).

Тип 2 — сосуды с биконическим туловом и широким плоским дном, равным или ненамного уступающим по размерам устью (рис. 15, IVB-2).

Группа V. Курильницы

В состав группы объединены в целом редкие для рассматриваемого региона формы, представляющие специализированно-культовый вид керамики.

Тип 1 — сосуды в виде мелкой миски с уплощенным краем бортика, иногда образующим небольшой козырек внутрь, на полом прямоугольном поддоне (рис. 15, VI1).

Тип 2 — сосуды в виде глубокой конической миски на сплошном массивном поддоне-плите (рис. 15, VI2).

Глиняная посуда днецкой катакомбной культуры

Донецкая керамика обладает рядом устойчивых технологических характеристик, сохраняющихся на всем протяжении развития культуры. Посуда изготавливалась из плотной глины с отстающими примесями песка, шамота и органическими включениями. В единичных случаях фиксируется добавление дробленой ракушки, дресвы и кровавика. Обжиг преимущественно костровой, поверхностный: черепок в изломе, как правило, двухслойный. Техника лепки ручная, методом донно-емкостного начина, с применением кругового налепа. Цвет поверхности в широкой цветовой гамме от темно-серого и черного до песочно-желтого, нередко с большими угольными пятнами нагара по венчику и в придонной части. Внешняя поверхность выравнивалась зубчатым орудием, оставляющим полосчатые следы или тщательно затирались. Некоторые сосуды отличает подлощенная поверхность. Встречается керамика не бывшая в употреблении и изготовленная, вероятно, специально для погребальной церемонии. Она вылеплена из плохо отмученной глиняной массы или глиняно-земляной смеси, имеет растрескавшуюся при высушивании поверхность, некачественно обожжена, орнамент нанесен небрежно.

Керамический комплекс днецкой культуры в лесостепном регионе характеризуется существованием и различными сочетаниями сосудов I, II, III и V групп. Наиболее распространены были высокие короткогорлые сосуды (группа I, подгруппа Б), присутствовавшие в 47 погребальных комплексах. Они представлены как целыми формами, так и крупными фрагментами, использованными в качестве жаровень. Численно преобладают сосуды типа 1 (IB-1). Они украшены исключительно в углубленной технике, отисками тесьмы, шнура, гребенчатого или зубчатого штампов, ногтевыми вдавлениями и пальцевыми защипами. Как ведущую тенденцию в орнаментации сосудов этого типа можно отметить расположение орнамента в верхней половине тулова, под венчиком и в верхней части плечиков. Композиции несложны и часто сводятся к параллельным линиям отисков разных штампов, иногда обрамленным поясками наклонных палочных насечек, вдавлений спирального или зубчатого штампов (рис. 16, 4, 5, 7), ногтевых вдавлений и пальцевых защипов (рис. 16, 6). В некоторых случаях орнамент имеет двухзонное расположение: по венчику и верхней части плечиков и в придонной части, но отличается той же композиционной простотой (рис. 16, 8). Часть сосудов лишена орнамента или орнамент сводится к пальцевым защипам по краю венчика (рис. 11, 2; рис. 16, 3). Следует отметить, что именно на сосудах этого

типа отмечено некачественное лощение внешней поверхности (рис. 16, 4, 5). В сосудах типа 1 наиболее выразительно проявляются архаичные черты, восходящие к традициям древнеямного гончарства — утолщенные и примятые пальцевыми вдавлениями края венчиков, уступчики при переходе шейки в плечики, яйцевидные очертания тулова, сплошная орнаментация поверхности (рис. 16, 1). Известны случаи, когда подобные сосуды сочетались в одном комплексе с округлодонными сосудами древнеямного типа [56, рис. 31, 2–3].

Менее распространены были высокие короткогорлые сосуды типа 2 (ІВ–2), помимо особенности профилировки, отличавшиеся более нарядной и сложной в композиционном плане орнаментацией. Характерны выполненные в углубленной технике параллельные линии по венчику и опущенные на плечики треугольники или подпрямоугольные фестоны, нередко обрамленные вдавлениями разных штампов или ногтевыми вдавлениями (рис. 13, 3; рис. 16, 2). На сосудах этого типа орнамент иногда покрывает всю поверхность, образуя многозонные горизонтально-елочные композиции, разделенные бордюрными поясками ногтевых вдавлений (рис. 12, 7).

Относительно немногочисленны низкие короткогорлые сосуды подгруппы А. Чаши (ІА–1) имеют, как правило, старательно заглаженную внешнюю поверхность и нарядную, сложную в композиционном отношении орнаментацию. Основной орнаментальный фриз располагается на тулове и включает концентрически-круговые, подтреугольные, ромбовидные композиции, дополняемые упрощенными орнаментальными поясами по венчику и в придонной части (рис. 18, 4). Преимущественно в виде крупных фрагментов, выполнявших функцию жаровень, в погребальных комплексах встречаются сосуды типа 3 (ІА–3). Они в большинстве случаев неорнаментированы, имеют хорошо заглаженную поверхность, иногда с явственными следами гребенчатой обработки (рис. 10, 3; рис. 11, 5; рис. 18, 2). На одном экземпляре встречена рельефная орнаментация в виде крупных парных «жемчужин», выполненных вдавлениями пальца в верхней части плечиков (рис. 18, 1). Следует отметить, что сосуды этого типа отличаются значительными размерами.

Неотъемлемую часть донецкого керамического комплекса составляют сосуды группы II — высокогорлые, присутствовавшие в 27 погребениях. Вопреки распространенному мнению об относительной редкости кубков (ІВ–1), они встречены в 14 погребальных комплексах. Кубки как особый вид столовой посуды отличает определенная изысканность формы, тщательная обработка поверхности и, главным образом, композиционная сложность орнаментации, выполнявшейся

в углубленной технике. Орнамент наносился оттисками тесьмы, шнура, веревочки, реже — гребенчатого штампа и дополнялся такими второстепенными элементами, как вдавления спирального штампа, наклонные и вертикальные палочные насечки, вдавления мякоти пальца, выполнявшими функции декоративного обрамления. Орнамент в большинстве случаев покрывал всю внешнюю поверхность и располагался тремя, реже — двумя зонами. Верхний орнаментальный фриз находился на венчике и, как правило, состоял из параллельных горизонтальных линий, часто разделенных рядами наклонных палочных насечек или вдавлений разнообразных штампов. Основная композиционная схема (по всей вероятности, имевшая определенную семантическую нагрузку) располагалась на тулове и часто заключалась в системе вписанных друг в друга концентрических окружностей, дополнявшихся второстепенными фигурами и элементами. Третья орнаментальная зона находилась в придонной части и, как и верхний фриз, выполняла функцию периферийного обрамления основной композиции (рис. 6, 3; рис. 11, 3; рис. 17, 1–2). Как упрощенную схему концентрически-круговых композиций можно рассматривать встречающиеся на отдельных экземплярах кубков опущенные на плечики многорядные полукруглые фестоны (рис. 8, 4).

В погребальных комплексах кубки нередко сочетаются с более многочисленными сосудами-крынками (тип ІВ–2). Орнаментация крынок отличается известной стабильностью композиций и их преимущественно двухзонным расположением. Как и на кубках, верхний орнаментальный фриз находился на венчике и состоял из параллельных горизонтальных линий, осложненных второстепенными элементами декора — палочными насечками, ногтевыми вдавлениями, оттисками спирального штампа. Основную функцию в орнаментации выполняли композиции, расположенные на плечиках, — опущенные вниз полукруглые, полуовальные или подпрямоугольные фигуры, выполненные в углубленной технике оттисками тесьмы, шнура, веревочки, гребенчатого или зубчатого штампов (рис. 6, 8; рис. 8, 5; рис. 11, 4; рис. 17, 4–6). На отдельных экземплярах встречаются концентрически-круговые композиции, характерные для кубков (рис. 12, 3), или сюжеты индивидуального исполнения (рис. 10, 2; рис. 17, 3).

К числу относительно редких форм относятся небольшие высокогорлые сосуды типа 5 (ІВ–5) — баклаги, в пределах исследуемого региона встреченные только в трех погребениях курганной группы у с. Борщовка на северскодонецком левобережье [56, рис. 138, 3; рис. 147, 3; рис. 152, 3]. Для их орнаментации характерно расположение композиций двумя зонами. Орнамент выполнялся в углубленной технике — прочерченными ли-

ниями, оттисками шнура или зубчатого штампа, палочными насечками. В русле донецкой орнаментальной традиции следует рассматривать украшение венчика параллельными горизонтальными линиями, иногда усложненными пояском наклонных палочных насечек или отпечатков зубчатого штампа. Основной орнаментальный фриз образуют опущенные на тулово треугольные фигуры или многорядные горизонтально-елочные композиции (рис. 18, 5–6).

Также немногочисленны сосуды группы III — баночные, в материалах лесостепных донецких памятников представлены тремя экземплярами. Два из них, относящиеся к подгруппам А и Б, неорнаментированы, со следами обработки поверхности зубчатым орудием (рис. 8, 5; рис. 18, 3). Третий, выделенный в вариант «а» подгруппы А, имеет парные ручки-налепы под венчиком, снабженные вертикальными отверстиями. В верхней части тулова он орнаментирован параллельными линиями оттисков шнура (рис. 14, 5).

В трех донецких погребениях выявлены сосуды группы V — курильницы, относимые к специализированно-культовому виду керамики, не имеющему бытового применения. Известные экземпляры типа 1 отличает нарядная орнаментация, покрывающая всю поверхность. Орнаментировался также верхний край бортика. Орнаментальные композиции включают параллельные линии оттисков тесьмы, обрамленные или разделенные оттисками зубчатого, треугольного или спирального штампов (рис. 12, 6; рис. 18, 8). Единственная курильница типа 2 украшена под венчиком коротким пояском палочных насечек, образующих горизонтальную елочку (рис. 18, 7).

В целом прослеживается тенденция к детерминированности орнаментальных композиций формой сосуда и, вероятно, его предназначением. Наиболее нарядная и сложная орнаментация отличает кубки (ПБ-1) и чаши (IA-1), имеющие в большинстве случаев сплошную орнаментацию поверхности, с размещением композиций тремя зонами, среди которых ключевую роль играют фигуры, составляющие средний орнаментальный фриз. Упрощенную (как представляется, половинчатую) семантическую функцию имеют сюжеты в виде опущенных на тулово фестонов, наиболее распространенные на крынках (ПБ-2) и баклагах (ПБ-5). Для сосудов группы I характерна простая, усеченная в семантическом отношении система орнаментации, связанная с повседневным бытовым их использованием. Декор на курильницах (группа V), вероятно, обусловлен их специализированно-культовым назначением.

Изделия из цветных металлов

Ассортимент изделий из цветных металлов в лесостепных донецких комплексах довольно ограничен и представлен предметами вооружения, ору-

диями производственно-бытового назначения и украшениями.

Ножи содержатся в составе погребальных комплексов и известны по случайным находкам в пределах донецкого лесостепного ареала. Представлены тремя основными типами.

Тип 1 — черешковые ножи с подтреугольным в плане обоюдоострым лезвием, имеющим максимальное расширение в основании, относительно коротким широким черешком и выраженными полочками плечиками (рис. 5, 4; рис. 19, 1–2). Длина в пределах 12–15 см. В целом соответствуют ножам первого привольненского типа по классификации С. Н. Братченко и ножам группы 4 по классификации С. Н. Кореневского [41, с. 49; 67, с. 41–43].

Тип 2 — небольшие черешковые ножи с относительно широким листовидным лезвием, имеющим максимальное расширение в средней части (рис. 19, 3, 4, 7). Длина ножей в пределах 7–9 см. Типологически близки донецким коротким ножам по классификации С. Н. Братченко [41, с. 51].

Тип 3 — черешковые ножи с относительно узким листовидным обоюдоострым лезвием, имеющим максимальное расширение в средней части или ближе к острию, и слабовыраженными полочками плечиками (рис. 19, 8–9). Размеры в пределах 10–14 см. По морфологическим признакам соответствуют ножам второго и третьего типов по классификации С. Н. Братченко и ножам группы 4 по классификации С. Н. Кореневского [41, с. 49; 67, с. 41–43].

Судя по заточке лезвийной части, ножи всех типов были полифункциональными орудиями и могли использоваться также в качестве кинжалов, плоских наконечников копий и дротиков.

Шпилья обычно в погребальных комплексах сочетаются с ножами, образуя семантические пары престижных категорий инвентаря. Представляют собой четырехгранные в поперечном сечении стержни с заостренными окончаниями, длиной 5–10 см (рис. 19, 5–6). Изделия этого рода широко варьируют во времени и пространстве.

Украшения хорошо представлены в материалах донецких погребальных комплексов несколькими категориями изделий.

Кольцевидный медальон — украшение в виде крупного плоского кольца диаметром 3,5 см, с ушком для подвешивания и имитацией веревочки на внешней поверхности (рис. 20, 1).

Дисковидные медальоны — украшения в виде небольших сплошных дисков диаметром 0,6–0,9 см, спирально свитых из тонкой проволоки и снабженных ушком для подвешивания (рис. 20, 2, 4). Некоторые экземпляры имеют рельефную орнаментацию из напаянных мелких шариков на внешней поверхности (рис. 20, 3). Дисковидные медальоны известны в составе ручных наборных браслетов.

Височная кольцевидная подвеска — украшение округлой в плане формы, диаметром 1,2 см, со слегка заходящими друг за друга приостренными окончаниями, изготовленное из тонкой пластины (рис. 20, 6).

Петлеvidная подвеска — небольшое изделие в виде восьмерковидного зажима с отверстием для подвешивания в верхней части (рис. 20, 5).

Пронизка — спирально свитая из тонкой пластины трубочка. Встречаются экземпляры длиной от 3 до 6 см (рис. 20, 17).

Бусы всегда литые, различаются между собой формой и размерами. В донецких погребальных комплексах представлены несколькими типами.

Тип 1 — крупные биконические в продольном сечении бусы, диаметром 0,6–1,0 см (рис. 20, 11–14).

Тип 2 — крупные, диаметром до 1,5 см, бусы в виде массивного диска с рельефным выступом-втулкой с одной стороны (рис. 20, 7).

Тип 3 — небольшие бусы бочонковидной в продольном сечении формы, диаметром 0,4–0,6 см (рис. 20, 9–10).

Тип 4 — небольшие бусы цилиндрической в продольном сечении формы, диаметром 0,2–0,4 см (рис. 20, 15–16).

Тип 5 — небольшие бусы в виде плоского диска с рельефными выступами-втулками с обеих сторон, диаметром 0,5–0,6 см (рис. 20, 8).

Бронзовые бусы всех типов встречаются в составе ожерелий и наборных ручных браслетов.

Изделия из камня и кремня

Каменные топоры — редкая категория находок в лесостепных донецких комплексах. В катакомбном захоронении кургана № 3 у хутора Черевков в окрестностях г. Изюм найден массивный короткообушковый топор с круглым коническим отверстием для рукояти (рис. 21, 1) [45, с. 268, табл. V, 6]. В пределах донецкого ареала в восточноукраинской лесостепи известны случайные находки подобных топоров [68, рис. 1–3]. Один такой топор происходит из с. Русская Лозовая неподалеку от г. Харьков (рис. 21, 2). Массивные короткообушковые каменные топоры известны в донецких комплексах Нижнего Подонья [41, с. 51, рис. 26, 7, 11]. Л. С. Клейн отметил сопряженность топоров этого типа именно с погребениями донецкой катакомбной культуры [69, с. 35–36].

Каменные навершия булав представлены тремя основными типами изделий, происходящими из погребальных комплексов и известными по случайным находкам в пределах донецкого ареала.

Тип 1 — навершия шаровидной формы с коническим в сечении отверстием для рукояти. Шаровидное навершие из серого с прожилками полированного мрамора входило в состав инвентаря

донецкого погребения в кургане № 2 у с. Великая Камышеваха (рис. 21, 4). Аналогичное мраморное навершие происходит из разрушенного захоронения в «Кубаевой могиле» у с. Шелаево на левом берегу р. Оскол [70, рис. 3, 5].

Тип 2 — навершия грушевидной формы с продольным коническим в сечении отверстием для рукояти. Навершие этого типа найдено в донецком погребении (8/2) у с. Вербовка на правобережье Северского Донца (рис. 21, 5).

Тип 3 — навершия подовальной в плане, дуговидной в продольном сечении формы с коническим отверстием для рукояти. Лезвие и обух оформлены в виде овальных, чуть выпуклых площадок в поперечной плоскости. Представлены единственной находкой в окрестностях с. Сеньково на правобережье р. Оскол. Изготовлены из полированного пятнистого кавказского мрамора (рис. 21, 3). Типологически близкое изделие из нефелина найдено у с. Красное в Донецкой области [52, рис. 8, 7]. Навершия этого типа хорошо известны в памятниках первого этапа северокавказской культуры [71, рис. 46, 70].

Пращевые камни представлены единственным экземпляром шаровидной формы из донецкого захоронения 3/7 у с. Шпаковка на Северском Донце. Изготовлены из кристаллической породы камня [72, с. 195, табл. VI, 13].

Зернотерка — представляет собой подквадратную в плане, подпрямоугольную в продольном сечении (15,5×15×5 см) плиту из мелкозернистого слоистого песчаника с незначительно вогнутой рабочей поверхностью (рис. 21, 6). Не исключено культовое назначение изделия, на что указывают следы красной охры на внешней поверхности.

Оселки — имеют вид удлинненно-прямоугольных плиток из мелкозернистых пород песчаника или из сланца, с ровной рабочей поверхностью и неровно оббитыми или округленными боковыми гранями (рис. 21, 9–10).

Выпрямители древков стрел надежно засвидетельствованы в лесостепных донецких комплексах (рис. 21, 7–8). Восемь выпрямителей были найдены В. А. Городцовым в катакомбных захоронениях у хут. Черевков и у с. Шпаковка в окрестностях г. Изюм [72, с. 194, табл. V, VII].

Изделия из кремня в донецких памятниках представлены предметами вооружения, орудиями труда и функционально не атрибутируемыми сколами и отщепами разнообразных очертаний и размеров.

Наконечники копий имеют иволистную форму, иногда с намеченным округленным черенком, длиной 13–16 см (рис. 22, 1, 10). О находке подобного кремневого наконечника в донецком захоронении кургана № 5 у с. Каменка упоминает В. А. Городцов [72, с. 193, табл. VII, 3].

Наконечник дротика листовидной формы, длиной 7,8 см, обнаружен в донецком (1/5) погребении у с. Безмятежное на оскольском правом берегу (рис. 22, 9).

Есть основания полагать, что кремневые изделия, атрибутируемые как наконечники копий и дротиков, могли иметь полифункциональное назначение и использоваться также в качестве ножей или кинжалов [73, с. 4–6, рис. 2, 2].

Наконечники стрел в большинстве случаев присутствовали в составе сопровождающего инвентаря социально неординарных донецких комплексов — погребений представителей воинской знати и сакральных профессий. В захоронении 1/5 у хут. Черевков кремневые наконечники стрел находились в комплексе с каменными выпрямителями древков, точильными брусками и большим количеством отщепов; в основном погребении кургана «Красная Могила» у с. Веселое — в комплексе с кремневым наконечником копья, в кургане «Кубаева Могила» — в комплексе с бронзовыми ножом и шилом и каменным шаровидным навершием булавы [44, с. 117; 70, с. 230; 72, с. 193]. Все известные наконечники подтреугольной в плане формы, с более или менее выраженными выемками в основании (рис. 22, 2–8).

Из донецких погребальных комплексов происходят также ножевидные пластины (рис. 11, 6) и массивный резак с выделенным коротким черенком и треугольным в плане лезвием, подработанным ретушью (рис. 22, 11).

Изделия из кости и рога

Навершие из рога оленя в виде небольшого топорика с относительно большим цилиндрическим отверстием для рукояти (рис. 21, 15). Раз-

меры изделия и особенности материала позволяют видеть в нем скорее принадлежность скипетра или жезла, чем орудие практического назначения.

Костяные кольца представлены двумя основными типами, имеющими, вероятно, функциональные отличия.

Тип 1 — крупные массивные кольца диаметром 2,5–3 см, полукруглые или трапециевидные в поперечном сечении, как правило, с заполированной внешней поверхностью (рис. 21, 12). В погребениях обычно присутствуют в количестве 2 экземпляров. Их сопряженность с остатками деревянных луков (Каменка 5/6–7) позволяет предполагать их использование для натягивания тетивы.

Тип 2 — кольца диаметром 1,5–2,5 см из поперечных спилов трубчатых костей, в сечении чаще прямоугольные (рис. 21, 13–14). Края неровные после распиливания, поверхность без следов дополнительной обработки. В захоронениях присутствуют в количестве от 2–3 до нескольких десятков штук. Не исключено использование в качестве украшений.

Проколки изготавливались из расколотых вдоль трубчатых костей (рис. 5, 5). Известны находки роговых острий не установленного назначения (рис. 21, 11). В составе ожерелий встречаются костяные бочонковидные бусы (рис. 20, 18).

Глиняные модели колес в виде крупных (диаметром до 9,2 см) массивных дисков с рельефно выделенными с обеих сторон ступицами (рис. 22, 12–13). В восточнорусской лесостепи встречаются только в одном комплексе — основном захоронении кургана № 4 у с. Вербовка на Северском Донце [56, с. 125, рис. 74, 3–4].

ГЛАВА 3

ПОЗДНЕКАТАКОМБНЫЕ ПАМЯТНИКИ ОСКОЛО-ДОНЕЦКОГО ТИПА

Погребальные памятники

Памятники позднего периода развития катакомбной культурно-исторической области в восточнорусской лесостепи представлены массивом подкурганых захоронений и поселениями. Территория их распространения, по сравнению с предшествующим периодом, существенно не изменяется, хотя отмечается тенденция к более активному освоению правых притоков Северского Донца — рек Уды, Лопань, Харьков, Мжа, Берка. На северо-востоке, в бассейне верхнего тече-

ния р. Оскол, они граничат с памятниками среднедонской катакомбной культуры; на юго-западе, в Поорелье — с памятниками ингульской катакомбной культуры; на юге, в Среднем Подонцове — с позднекатакомбными бахмутскими памятниками (рис. 24). К настоящему времени имеются данные о 200 погребениях, происходящих из 87 курганов, и о 30 поселениях.

Топографические условия расположения курганных могильников изменений не претерпевают; для этого периода известны отдельные курганные группы в поймах рек (Герасимовка, Борщовка),

но они скорее представляют исключение из общего правила. Сохраняется отмеченная для донецкого времени тенденция к активному курганному строительству: в пределах исследуемого региона 49 курганов были насыпаны над захоронениями осколо-донецкого типа, в 18 случаях впускные погребения сопровождалась сплошными или локальными досыпками существовавших курганов. В то же время, заметно упрощается курганная архитектура, практически исчезают сложные многолопастные насыпи и подкурганные кольцевые ровины. Лишь в одном случае зафиксирована каменная наброска-крепида, перекрытая черноземной досыпкой (Воронцовка «С», курган № 5) [74, с. 725]. Спорадическое использование набросок из рваного камня отмечено также в позднекатакомбных курганах пограничья степи и лесостепи северско-донецкого правобережья [60, с. 269, 329].

Радикальные изменения происходят в планиграфии впускных погребений. Если в донецкое время существовала устойчивая традиция использования центральной части курганов, при небольшом количестве преимущественно меридионально ориентированных захоронений, то для осколо-донецких погребальных памятников характерна тенденция к эксплуатации курганной периферии, а количество впускных погребений возрастает в несколько раз. Они располагаются, как правило, по широкой дуге в общем направлении по часовой стрелке. В ряде стратифицированных курганов зафиксирована последовательность совершения захоронений из западного-северо-западного секторов насыпи через северный и северо-восточный к восточному (рис. 25, 3), из северного через северо-восточный к восточному (рис. 25, 2), из западного и восточного через юго-западный и юго-восточный к южному (рис. 25, 4). В кургане № 1 группы Вышнее Соленое впускные погребения были совершены одновременно в западном, северо-восточном и восточном секторах и сопровождалась общей досыпкой; позднее в южный сектор было впущено еще одно захоронение (рис. 25, 6). При подобном размещении впускных погребений и традиционном положении покойников скорченно на правом боку, лицом к выходу из погребальной камеры, их ориентировка головой по сторонам света в решающей степени определялась месторасположением в кургане. Последовательность совершения впускных захоронений, наблюдающееся сходство в деталях погребального обряда и общем облике сопровождающего инвентаря свидетельствуют в пользу существования родовых кладбищ, использовавшихся социальными единицами низшего уровня.

Изменения в содержании погребального регламента могут быть объяснены стадиальными процессами мировоззренческого характера. Не исключено, что это связано с определенными новациями

в подходе к семантике курганной насыпи, которая, вероятно, приобретает функцию сакральной организации пространства и выступает в качестве модели макрокосма. О глобальности этого явления свидетельствует то, что в позднекатакомбный период тенденция к использованию курганной периферии и круговому расположению впускных захоронений отмечается и в других регионах катакомбной области — в Среднем и Нижнем Подонье, Северном Причерноморье, в Донбасе [41, с. 62; 75, с. 10–13; 76, с. 121].

Основной формой погребального сооружения в лесостепи по-прежнему остается катакомба. Погребения в прямоугольных или овальных в плане грунтовых ямах зафиксированы всего в 14 случаях (около 7 % выборки). В трех курганах они выступали в качестве основных. Немногим более половины погребений в ямах (8 случаев) имели продольное или поперечное перекрытие из плахи или толстых колотых досок. Во впускном захоронении 2/3 группы Ново-Платоновка поперечное перекрытие составляли отесанные с двух сторон плахи шириной 14–16 и толщиной 4–5 см; на перекрытии, над головой погребенного подростка, был поставлен лепной катакомбный сосуд [77, с. 136, рис. 2, IV].

Подавляющее большинство захоронений осколо-донецкого типа было совершено в катакомбных могильных конструкциях. Существуют катакомбы обеих выделенных групп — Т- и Н-образные. Т-образные катакомбы, как и в предшествующий период, немногочисленны, они встречены в 15 случаях (около 8 % выборки). Они в значительной степени утрачивают характерные для донецкого времени признаки социальной неординарности — основное положение под насыпями, почти обязательные досыпки существовавших курганов, присутствие в сопровождающем инвентаре престижных категорий изделий из цветных металлов и инсигний власти. Тем не менее, привилегированное положение покойников в Т-образных катакомбах в ряде случаев проявляется достаточно наглядно. В кургане № 9 группы Колесниковка-II, возведенном над двумя одновременными захоронениями, в Т-образной катакомбе, занимавшей центральное место в подкурганном пространстве, был погребен мужчина средних лет, сопровождавшийся кремневым наконечником дротика и костями жертвенных животных. В Н-образной катакомбе, смещенной в юго-западный сектор подкурганной площадки, находились костяки женщины и ребенка (рис. 26).

Т-образные катакомбы в большинстве случаев характеризуются сочетанием прямоугольных, реже — трапециевидных в плане входных колодцев и овальных в плане погребальных камер (типы Т-I-2 и Т-III-2). В это время практически не встречаются лазы-дромосы в простенке между ка-

мерой и колодцем — они соединяются непосредственно арочным или щелевидным входом. Нередко наблюдается планиграфическое наложение камеры на колодец. Деревянные заклады входов в погребальные камеры выглядят далеко не обязательным элементом обряда, их остатки зафиксированы всего в четырех случаях.

Среди Н-образных катакомб наиболее распространены конструкции с прямоугольными в плане входными колодцами и овальными в плане погребальными камерами (тип Н-I-2), составляющие до 52 % катакомб с прослеженным устройством. Типологически им близки конструкции, сочетающие прямоугольные в плане колодцы и камеры (тип Н-I-1), так как нередко углы камер заметно округлены, что объективно приближает их форму к овалу (около 12 %) (рис. 26, 2; рис. 27, 1). Вторым по численности тип Н-образных катакомб составляют сооружения с овальными в плане входными колодцами и погребальными камерами (около 25 %) (рис. 28, 4). Возможны также другие сочетания составляющих катакомбного сооружения (круг/овал, круг/прямоугольник, круг/круг — типы Н-VI-2, Н-VI-4, Н-IV-2 и пр.), но они немногочисленны и на общее соотношение типов влияют мало (рис. 29, 2; рис. 31, 1). Не исключено, что отклонения от принятых стандартов, наиболее часто встречающиеся в основных погребениях, несут определенную семантическую нагрузку и призваны выделить умершего члена сообщества из общей массы. Стратиграфические данные свидетельствуют об отсутствии хронологических различий между разными типами катакомб. Колодцы и камеры в большинстве случаев соединяются непосредственно, преимущественно арочными (реже — щелевидными) входами. Для рассматриваемого периода характерно планиграфическое наложение колодцев и камер.

В 68 катакомбных захоронениях (около 35 %) зафиксированы остатки закладов погребальных камер из обрезков бревен, плах или толстых досок. Возможно, этот показатель был даже несколько выше, поскольку в погребениях осколо-донецкого типа появляются заклады легкой плетневой конструкции (Ново-Платоновка 4/1, Воронцовка 5/1), не всегда поддающиеся фиксации в процессе исследования. В это же время начинает использоваться не практиковавшийся ранее способ заполнения входных колодцев катакомб материковым грунтом, извлеченным в ходе выкапывания могилы.

В 46 захоронениях зафиксированы следы известковых побелок на полу, стенках и сводах погребальных камер, в отдельных случаях — даже на внешней стороне бревенчатых закладов (Ново-Платоновка 7/2). По наблюдениям Е. Н. Мельник, в нескольких катакомбах, исследованных в Поос-

колье, погребальные камеры изнутри имели покрытие известково-глинистой или известковой обмазкой [74, с. 720, 725].

В погребениях осколо-донецкого типа выявлены остатки довольно сложных деревянных конструкций в погребальных камерах. В захоронении у с. Охримовка на р. Волчьа по периметру обширной прямоугольной в плане погребальной камеры прослежены 22 столбика диаметром 9–14 см, вкопанных вертикально в материковый пол на глубину 10–15 см. Они поддерживали горизонтальные балки, служившие основой для навеса из жердей, имевшего сверху органическое покрытие, от которого в грунте заполнения сохранилась тонкая дуговидная прослойка коричневого тлена (рис. 32, 1). По данным Е. Н. Мельник, в кургане № 4 у г. Купянск на р. Оскол свод погребальной камеры был укреплен тремя поперечными балками, на которые в продольном направлении были уложены доски, покрытые слоем бересты. В другом кургане того же могильника зафиксирована дощатая облицовка пола и нижней части стенок погребальной камеры, закреплявшая плетневую обкладку свода. Плетневая конструкция с глинисто-известковой обмазкой сохранилась в погребении кургана № 5 у с. Воронцовка; свод погребальной камеры поддерживался продольной березовой балкой, опиравшейся на три вертикальных столбика [74, с. 720–725].

Наиболее близкие в конструктивном отношении деревянные сооружения в погребальных камерах катакомб выявлены пока только в лесостепном Подонье. В одном из захоронений Второго Павловского могильника пол и стенки погребальной камеры были выложены широкими плахами, под самым сводом на них опирались жерди, имевшие сверху органическое покрытие [78, с. 63, рис. 5, 15]. Упрощенные деревянные конструкции в виде внутрикамерных одноветечных срубов или рам известны также в позднекатакомбных погребениях северостепных районов северскодонецкого бассейна и степного Поднепровья [61; 79, с. 79, рис. 2, 4].

Деревянные конструкции в катакомбах в целом немногочисленны и концептуально не связаны с традиционным катакомбным погребальным обрядом. Но они вряд ли случайны и, как представляется, отражают явление стадияльного порядка, имеющее широкий пространственный диапазон. В данном случае показательно, что во второй четверти II тыс. до н. э. внутримогильные деревянные конструкции, в том или ином виде, появляются в погребальных памятниках петровского типа в Зауралье и Северном Казахстане, в раннеабашевских погребениях Южного Урала и Среднего Поволжья, в могильниках синташтинской культуры, в раннемноговаликовых захоронениях степной Украины [80, с. 136; 81, с. 31; 82, с. 57; 83, с. 58].

В положении погребенных, как и в предшествующий период, всецело преобладает позиция скорченно на правом боку, с руками, протянутыми к коленям подогнутых ног или зажатými между бедренными костями (около 79 костяков, сохранивших анатомический порядок). Степень скорченности слабая или умеренная (рис. 26, 4; рис. 28, 1). В 13 погребениях (около 7 %) покойники лежали скорченно на спине — руки протянуты вдоль туловища, ноги упали углом в одну сторону или распались ромбом, стопы ног в положении «на подошве» (рис. 29, 1). В двух случаях зафиксировано совмещение позиций скорченно на правом боку и скорченно на спине в одном погребении; в обоих случаях костяки взрослых субъектов располагались последовательно, причем, скорченный на спине костяк находился в ногах скорченного на боку (Ново-Платоновка 2/5, Безмятежное 1/4) [77, с. 136, рис. 2, VI]. В трех катакомбах погребенные были уложены скорченно на левом боку, при сохранении традиционного положения тела.

Погребения в большинстве случаев одинарные, но известны комплексы с двумя и более костяками погребенных. В двойных захоронениях костяки чаще находились в идентичных позициях и были ориентированы головами в одном направлении. Характер устойчивой тенденции обнаруживает расположение женских или детских костяков ближе к выходу, тогда как костяки мужчин или взрослых субъектов обычно находятся у дальней стенки камеры (рис. 27, 5). При последовательном размещении разновозрастных погребенных ребенок мог находиться в ногах у взрослого или взрослый в ногах ребенка (рис. 26, 2; рис. 27, 1). Нельзя исключать, что в таких случаях речь может идти о социальных аспектах погребальной обрядности.

В немногочисленных тройных захоронениях в камерах находились останки взрослых субъектов или только детей и подростков, при этом их расположение, по-видимому, обуславливалось не только поло-возрастной дифференциацией общества, но и размерами самого погребального сооружения.

Необходимо отметить также немногочисленные погребения с неполными или искусственно расчлененными костяками. Они представлены тремя основными типами:

1) Погребения частей скелета, связанные со смертным рассечением покойника по суставам. В трех случаях в погребальных камерах находились только нижние части тела — таз и кости ног, сохраняющие анатомический порядок (Мостовое 3/1, 4/13; Станиславка 2/3), в одном — только стопы ног (Андреевка 1/2) [56, с. 59, 74].

2) Погребения в «пакете» — вероятно, представляют имитацию позиции скорченно на спине: верхняя часть скелета в естественном положе-

нии перекрыта сверху костями нижних конечностей, расчлененных в тазобедренных и коленных сочленениях (Мостовое 4/9, Борщовка 5/3) [56, с. 68, 237]. Возможно, их следует расценивать как вторичные захоронения, когда тело умершего какое-то время находилось вне могилы и погребалось только после распада связок [84, с. 91].

3) «Декапитированные» погребения — погребения с искусственно отчлененным черепом покойника. Череп может отсутствовать при полном сохранении анатомического порядка костяка (Станиславка 1/5, Волосская Балаклея 5/3) или быть смещенным в сторону и находиться в положении, исключающем случайное перемещение землероями (Вербовка 12/2) [56, с. 51, 198].

Расчлененные или неполные костяки в погребениях представляют явление, хорошо известное во многих регионах катакомбной культурно-исторической области — в степном Поднепровье, в Крыму, на Среднем Дону [84, с. 91; 85, с. 348; 86, с. 127]. Особенно широкое распространение они получили в степном Предкавказье, где расчленение трупа перед помещением в могилу даже считается характерной особенностью позднекатакомбного периода [87, с. 79–80; 88, с. 5].

В особую группу должны быть выделены «сопровождающие» погребения — останки людей во входных колодцах катакомб при наличии основных погребений в камерах. Костяки взрослых людей или подростков в колодцах укладывались в соответствии с основными требованиями ритуала, но без соблюдения всего комплекса ритуальных признаков — подстилок, подсыпок, сопровождающего инвентаря (Станиславка 1/8, Каменка 5/6, Шпаковка 1/2–3) (рис. 27, 5). В некоторых случаях «сопровождающие» погребения представлены только отдельными частями тела или черепами (Ново-Платоновка 4/1), что позволяет относить их к категории частичных.

В погребальном обряде продолжают широко использоваться органические подстилки. В 102 захоронениях под костяками зафиксированы остатки выстилок из луба, камыша или травы, достигающие иногда толщины в 1–2 см. Характерной чертой погребального обряда можно считать применение красной охры в виде порошковых подсыпок или сформованных кусков геометрических очертаний, встреченное в 97 захоронениях (около 49 % выборки). В большинстве захоронений взрослых субъектов подсыпки охры имели локальный характер, располагаясь пятнами в районе черепа, коленей и стоп ног (37 случаев), коленей и стоп ног (22 случая), черепа и стоп ног (15 случаев). В женских и детских погребениях костяки нередко находились на сплошной охровой подсыпке или присыпались порошком охры сверху.

Гораздо реже встречаются подсыпки мела (около 14 %) и продуктов горения — золы или дре-

весных угольков (9 %). Мел в виде порошка или мелких комочков чаще локализован пятном в районе черепа погребенного, продукты горения — под тазовыми костями и стопами ног. Древесные угли нередко находятся на крупных фрагментах сосудов, выполняющих функции жаровень.

В каждом третьем захоронении (около 36 % выборки) присутствовали останки жертвенных животных — крупного или мелкого рогатого скота, представленные в большинстве случаев «шкурой» животного: череп (иногда только нижняя челюсть) перекрывают сверху кости конечностей, отчлененные в коленных суставах (рис. 26, 2, 4). В единичных погребениях обнаружены черепа лошадей (Кравцовка 2/1).

Встречаются кенотафы обоих выделенных для донецкого времени типов. Количественно преобладают кенотафы второго типа, сопровождающиеся разнообразным, подчас довольно богатым инвентарем (рис. 28, 4). Из числа кенотафов должны быть исключены погребения отдельных частей туши или полных скелетов домашних животных. В лесостепном регионе встречаются преимущественно захоронения «шкур» животного (Колесниковка-II 4, 2, Герасимовка 1/1, 2 4) или отдельных частей туши (Высшее Соленое 2/1, Пришиб 1/5) (рис. 31, 1-2). Расположение останков животного в центральной части погребальной площадки, нередко имеющей известковую побелку, органическую подстилку или мелово-охровую подсыпку, наличие сопровождающего инвентаря, занимающего периферийное по отношению к костям положение, не позволяют однозначно трактовать подобные захоронения как кенотафы второго типа с костями жертвенных животных. Индивидуализированные погребения домашних животных известны и в других регионах катакомбной области. В степном Поднепровье в катакомбах встречены остатки «шкур» крупного рогатого скота и лошади, полные скелеты быка и овцы, отдельные кости овец [84, с. 95; 89, с. 84]. Черепа и кости конечностей двух быков обнаружены в отдельной катакомбе кургана № 12 могильника Лола в Калмыкии [90, с. 22-23]. Ребра крупного животного (быка?) находились в погребальной камере катакомбы кургана № 22 могильника Балабинский-1 в степном Предкавказье [59, с. 47]. Особый ритуальный статус и особая семантика персонифицированных захоронений животных особенно выразительно проявляются в катакомбном погребении Пасековского могильника в Среднем Подонье, где в восточной камере двухкамерной катакомбы находился костяк погребенного человека, а в западной — череп и кости барана [91, с. 117].

Индивидуальные захоронения домашних животных объективно отражают определенный уро-

вень религиозно-мифологических представлений, имеющий стадиальный характер и прослеживающийся на обширной территории. Ритуально обособленные погребения коз и овец в специальных могильных сооружениях и в сопровождении погребального инвентаря известны в позднефатьяновских могильниках Среднего Поволжья [92, с. 47; 93, с. 44]. В абашевских курганах Южного Урала встречаются захоронения в особых ямах черепов и костей конечностей коров и овец [94, с. 241]. На раннеалакульском поселении Кокуй-II выявлено погребение двух бычков в сопровождении фрагментов нескольких сосудов [95, с. 241]. В могильнике эпохи бронзы Дашлы-I на севере Афганистана среди погребений людей обнаружены могилы, в которых находились полные скелеты баранов, сопровождавшиеся глиняными сосудами и даже костями жертвенных животных [96, с. 135]. Следует отметить, что во всех случаях в ритуально-семантическом плане погребения животных выступают как равнозначные погребениям людей.

Характерной чертой захоронений осколо-донецкого типа является их инвентарность. Фрагменты или целые формы глиняной посуды встречены в 148 комплексах (около 70 % выборки), изделия из кремня или камня — в 22, изделия из цветных металлов — в 18, из кости или рога — в 10. В трех погребениях обнаружены целые или фрагментированные предметы из железа. Планиграфическое расположение сопровождающего инвентаря в погребальном сооружении в целом соответствует тенденциям, отмеченным для погребений донецкой катакомбной культуры.

Поселения

В позднем периоде развития катакомбной культурно-исторической области происходит постепенная трансформация экономического уклада, проявляющаяся в нарастающем процессе оседания на землю подвижных скотоводческих группировок. К настоящему времени в восточноукраинской лесостепи известно более 30 поселений с выраженным культурным слоем, расположенных в сходных топографических условиях (рис. 24). В качестве общей тенденции следует отметить преимущественную сопряженность поселений с реками, обладающими обширными пойменными долинами с их богатыми естественными пастбищными угодьями. Поселения в большинстве случаев занимали возвышенности в прирусловых поймах (Большая Бабка, Лозовеньки, Мартовое и др.), края или мысы невысоких надпойменных террас (Большая Даниловка, Новодоновка, Бражники и др.). В некоторых пунктах проводились стационарные исследования, выявившие довольно мощные и насыщенные материальными ос-

платками культурные слои (Поляны-1, Снежков-ка-7, Студенок-6). В планиграфическом отношении характерна концентрация материальных остатков «пятнами», возможно, соответствующими местам расположения легких наземных построек. Следы подобных наземных жилищ с открытыми очагами выявлены на позднекатакомбном поселении у с. Проказино на р. Айдар — левом притоке Северского Донца [97, с. 36]. Керамические комплексы поселений в целом тождественны материалам погребальных памятников осколо-донецкого типа как в видовом составе посудных наборов и основных типах посуды, так и в технике орнаментации и орнаментальных композициях (рис. 33–35). Прямые аналогии в погребальных комплексах имеют также изделия из бронзы, камня и кремня (рис. 43, 6; рис. 45, 8).

Процесс постепенного оседания скотоводческих группировок фиксируется во многих регионах катакомбной культурно-исторической области на поздней стадии ее развития [98, с. 10; 99, с. 19; 100, с. 79–94; 101, с. 136–150]. В лесостепном Подонье на основании топографических особенностей расположения выделяются две группы поселений: пойменные и занимающие возвышенные участки местности. Поселения первой группы в полной мере соответствуют могильникам среднедонской катакомбной культуры, а второй — более поздние, отражающие иное культурно-историческое явление [102, с. 23–25]. В настоящее время веских оснований для хронологического членения катакомбных поселений восточнукраинской лесостепи не имеется. Они в основном синхронны массиву погребальных памятников осколо-донецкого типа и представляют вторую составляющую исторического процесса в этом регионе в эпоху средней бронзы.

Материальная культура

Керамика

Керамический комплекс лесостепных позднекатакомбных памятников отличается рядом характерных особенностей как в формах посуды, так и в технике нанесения орнамента и композиционных схемах его размещения. В технологическом отношении изменения не так заметны. Как и прежде, посуда изготавливалась вручную, из глиняной массы с отощающими примесями песка, шамота, органических добавок, реже — дробленого известняка или дресвы. Обжиг поверхностный, черепок имеет в изломе двух- или трехслойную структуру. Внешняя поверхность в большинстве случаев хорошо заглажена, обработка поверхности зубчатым орудием иногда приобретает орнаментальный характер. Следует от-

метить общее возрастание количества неорнаментированной посуды.

Существенные изменения, затрагивающие как техническую, так и композиционную сферы, прослеживаются в орнаментации керамики. С. Н. Братченко в качестве диагностирующих признаков позднекатакомбного периода выделил распространение рельефных видов орнаментации (пальцевых защипов, наlepных валиков, разнообразных наlepов) и появление композиций в несвойственной для донецкого времени прочерченной технике [41, с. 63]. К этому следует добавить трансформацию общих композиционных схем размещения орнамента на поверхности сосуда. На лесостепной позднекатакомбной керамике прослеживается тенденция к сплошной орнаментации, выдержанной в горизонтально-линейной системе. При сохранении общекатакомбной традиции двух- и трехзонного расположения орнамента, постепенно выходят из употребления концентрически-круговые композиции, опущенные на тулово треугольные или полуовальные фигуры, прежде игравшие ключевую роль в украшении посуды. Их сменяют треугольные, полукруглые, полуовальные фестоны, направленные вершинами к устью и составляющие основной орнаментальный фриз на плечиках. Широкое распространение получают сплошные ряды горизонтальных елочек, часто разделенных бордюрными поясками ногтевых вдавлений, отпечатков штампов разной конфигурации и т. п. Появляются вертикально-елочные и паркетные штампованные или прочерченные композиции. Практически исчезают оттиски тесьмы, значительно реже используется шнур. Их постепенно сменяют отпечатки простой веревочки, иногда сдвоенной, и зубчато-гребенчатые штампы. Углубленные виды орнамента часто сочетаются с рельефными. Нередко рельефные виды орнаментации играют ведущую роль в композиции.

Изменения качественного порядка наблюдаются в видовом составе керамического комплекса. В памятниках осколо-донецкого типа практически не встречаются кубки (II-B-1) с их вычурной формой и специфической орнаментацией и курильницы (группа V). Появляются и получают широкое распространение реповидные сосуды (группа IV), не имеющие местных прототипов и представляющие, вероятно, заимствованную форму. В то же время, основные виды позднекатакомбной керамики по морфологическим признакам обнаруживают близость к донецкой посуде и представляют ее дальнейшее развитие.

Наиболее распространены высокие высокогорлые сосуды (II-B) типов 3 и 4, во многом определяющие специфику осколо-донецкого керамического комплекса и, как представляется, являющиеся производными от типов 1 и 2 этой же группы, характерных для донецкого време-

ни. Они встречены в 78 погребальных комплексах и хорошо представлены в материалах поселений. Надежно засвидетельствовано их сочетание в закрытых комплексах с сосудами I, III и IV групп.

Для кубковидных сосудов (II-B-3) характерна сплошная орнаментация с расположением композиций двумя или тремя зонами. Верхний орнаментальный фриз занимает венчик и отличается стабильным набором элементов. В большинстве случаев это параллельные горизонтальные линии, выполненные оттисками шнура, веревочки, зубчатого или гребенчатого штампов и осложненные дополнительными разделяющими поясками вертикальных или наклонных насечек, отпечатков штампов или ногтевых вдавлений. При двухзонном расположении орнамента основная поверхность сосуда покрывалась горизонтально-елочными композициями, исполненными в углубленной технике (рис. 26, 5; рис. 36, 3-5). На отдельных экземплярах елочные композиции по тулову были образованы разнонаправленными движениями зубчатого или гребенчатого штампов, создающими «штрихованные» зоны (рис. 36, 2).

При трехзонном расположении орнамента на плечиках или в верхней половине тулова выделяется средний орнаментальный фриз, формирующийся поясом полукруглых, полуовальных или треугольных фестонов, обращенных вершинами к устью сосуда. Нижний орнаментальный фриз, занимающий придонную часть, чаще всего образуют традиционные горизонтально-елочные композиции (рис. 36, 6-9, 11). В некоторых случаях в композиции среднего орнаментального фриза ощущается переживание донецкой орнаментальной традиции, но с продиктованной временем заменой концентрически-круговых элементов на угловые (рис. 36, 1). Не являются исключением неорнаментированные сосуды этого типа, с гладкой или «штрихованной» поверхностью (рис. 36, 10, 12). Рельефная орнаментация для кубковидных сосудов в целом не характерна, хотя известны «пуговичные» налепы, расположенные симметрично по окружности тулова (рис. 36, 8).

Близкие орнаментальные композиции с двух- и трехзонным расположением углубленного орнамента распространены также на кринковидных сосудах (II-B-4) (рис. 26, 3, 7; рис. 30, 4-5; рис. 37, 1; рис. 38, 2-4). На некоторых экземплярах наблюдается упрощенная орнаментация, сводящаяся к одному или нескольким пояскам пальцевых защипов, ногтевых вдавлений, оттисков фигурных штампов, нанесенных по венчику, шейке или на плечиках (рис. 30, 3-4). На сосудах этого типа углубленные композиции часто сочетаются с рельефными видами орнаментации. Пуговичные налепы и налепы-шишечки в большинстве случаев сгруппированы в симметричные

вертикальные отрезки, выполняющие роль разделительных элементов (рис. 26, 7; рис. 28, 3; рис. 37, 4). Применяются также налепные валики, которые могут быть одинарными, расположенными под венчиком или на шейке, или множественными, создающими параллельные горизонтальные ряды по венчику или всему тулову (рис. 33, 1, 7, 10; рис. 34, 1, 3, 4). Иногда налепные валики образуют вертикально-елочные или вертикально-линейные композиции, преимущественно в нижней половине тулова (рис. 34, 7; рис. 37, 3). В большинстве случаев валики украшены наклонными оттисками штампов, ногтевыми вдавлениями, иногда — боковыми пальцевыми защипами, придающими им волнообразную форму (рис. 33, 1; рис. 34, 1, 3).

Особую разновидность рельефной орнаментации представляют продавленные валики, образованные движением пальца по сырой глине и представляющие собой острые выступающие гребни, разделенные широкими полукруглыми желобками. Чаще всего желобки заполнены оттисками штампов, насечками или ногтевыми вдавлениями (рис. 34, 6; рис. 37, 2, 4). Иногда разнонаправленные продавленные валики образуют угловатые геометрические композиции [56, рис. 26, 3; рис. 58, 3].

Особо следует отметить, что на сосудах типов 3 и 4 нередко имеется остро выраженное ребро на плечиках, придающее тулову биконичность, а сосуду в целом — «ломаный» профиль (рис. 36, 11; рис. 37, 1).

В погребениях и материалах поселений выразительно представлены также низкогорлые сосуды группы I, составляющие вторую по численности категорию осколо-донецкого керамического комплекса. Они встречены в 57 погребениях, нередко в сочетании с сосудами групп II и IV. Наиболее многочисленны высокие сосуды (I-B) типов 1 и 2, присутствовавшие в инвентаре 40 захоронений. Для них в целом характерна сплошная орнаментация с одно- или трехзонным расположением композиций и сочетанием углубленных и рельефных видов орнамента. Углубленный орнамент выполнялся оттисками зубчатого, гребенчатого, гладкого штампов, реже — отпечатками шнура, веревочки или в технике «отступающей лопаточки» (рис. 39, 1, 3, 4; рис. 40, 1-4). Распространенными сюжетами, выполняющими главную или вспомогательную роль в орнаменте, являются горизонтально-елочные композиции или параллельные ряды наклонных отпечатков, занимающие всю поверхность или покрывающие только нижнюю половину тулова. Нередко они совмещаются с традиционными для осколо-донецкой керамики полукруглыми фестонами и подтреугольными фигурами, направленными вершинами к устью сосуда (рис. 39, 3-4).

В орнаментации сосудов этих типов широко используются наклепные валики, одинарные или множественные, в большинстве случаев расположенные в верхней половине тулова: под краем венчика, на шейке или на плечиках. Они обычно украшены отпечатками гребенчатого или зубчатого штампов, пальцево-ногтевыми или ногтевыми вдавлениями, боковыми защипами, придающими им волнообразную форму (рис. 39, 3; рис. 40, 2). На некоторых сосудах прослеживаются реплики концентрически-круговой донецкой орнаментации, органически сочетающиеся с наклепными валиками и осколо-донецкими композиционными элементами (рис. 27, 4). Крупные фрагменты сосудов типов 1 и 2 нередко использовались в погребениях в качестве жаровень (рис. 40, 2).

Сосуды типа 3 — тюльпановидные (I-B-3), представляют редкий вид глиняной посуды. В лесостепном регионе сосуд этого типа в целом виде происходит только из одного комплекса — катакомбного погребения 3/4 группы Борщовка на северскодонецком левобережье. Он украшен свисающими на плечики треугольниками, выполненными оттисками шнура, а по венчику и в придонной части — горизонтальными елочками отпечатков зубчатого штампа [56, с. 228, рис. 145, 3].

В осколо-донецких погребальных комплексах надежно засвидетельствовано присутствие низких изогорлых сосудов (IA), неоднократно встреченных в сочетании с высокими сосудами этой же группы (IB), а также с сосудами группы II. Для чаш I-A-1, как и в предшествующее донецкое время, характерно расположение орнамента тремя зонами, но орнаментальные композиции заметно упрощаются и обычно сводятся к однорядной или двухрядной горизонтальной елочке (рис. 41, 1). На сосудах типа 2 заметна тенденция к отказу от сплошной орнаментации: орнамент простой по технике исполнения и композиции располагается в большинстве случаев по венчику и в придонной части, нередко сочетаясь с орнаментальной «штриховкой» поверхности (рис. 41, 2, 6, 9). Следует отметить, что на сосудах этого типа чаще, чем на других видах посуды, встречается воротничковое утолщение венчика. Сосуды типа 3 отличает сплошная орнаментация поверхности, выдержанная в горизонтально-елочной системе, и частое сочетание углубленных и рельефных видов орнамента, с расположением одинарных или множественных наклепных валиков преимущественно в верхней половине тулова (рис. 41, 3-5, 7, 8).

Баночные сосуды группы III встречены только в двух погребальных комплексах, где зафиксировано их сочетание с сосудами групп I и II. Представлены только низкие банки подгруппы А, имеющие фактически характер глубоких плоскодонных мисок, украшенных в углубленной технике (рис. 40, 5, 6).

В осколо-донецких памятниках появляются и получают распространение сосуды группы IV — реповидные, встреченные в 18 погребальных комплексах и выразительно представленные в материалах поселений. Численно преобладают низкие реповидные сосуды (IV-A-1 и IV-A-2). В их орнаментации часто сочетаются углубленные и рельефные элементы — оттиски веревочки, зубчатого, гребенчатого штампов, пальцево-ногтевые вдавления, наклепные и продавленные валики, с преимущественным размещением орнамента одной или двумя зонами (рис. 42, 1, 3, 4, 6, 8). Реже встречаются реповидные сосуды подгруппы Б (рис. 42, 2, 5). Только в материалах поселений известны реповидные сосуды больших размеров, с максимальным диаметром, достигающим 0,5–0,6 м (рис. 34, 8). Как в технике нанесения орнамента, так и в содержании орнаментальных композиций реповидные сосуды всех типов следуют в русле осколо-донецкой орнаментальной традиции.

В целом, к особенностям осколо-донецкого керамического комплекса можно отнести возрастание удельного веса сосудов группы II, появление и распространение реповидных сосудов группы IV, тенденцию к острорубности ряда форм, появление воротничковых утолщений венчика, в декоре — преимущественно сплошную орнаментацию поверхности с двух- и трехзонной организацией композиций, ведущую роль новых сюжетов в виде геометрических фигур, направленных вершинами к устью сосуда, широкое применение рельефной орнаментации из наклепных или продавленных валиков, пальцевых защипов, пуговичных налепов и налепов-шишечек. Вместе с тем, основные формы керамики, за исключением реповидных сосудов, морфологически связаны с ведущими типами донецкой глиняной посуды.

Деревянная посуда

Деревянная посуда выразительно представлена пока только в погребальных осколо-донецких комплексах, где она представляет, вероятно, специализованно-культурную категорию изделий со специфической семантической нагрузкой. Как правило, она фиксируется в виде остатков плоских блюд или подносов, заполненных в большинстве случаев желтоватой порошкообразной массой, реже — порошком красной охры. В пользу культурного характера деревянной посуды свидетельствует и ее планиграфическое расположение в погребальном сооружении, обычно — перед костяком, на уровне живота или груди, то есть там, где традиционно находятся престижные категории сопровождающего инвентаря и инсигнии власти. Выделяются два основных типа деревянных изделий.

Тип 1 — округлые или овальные в плане плоские блюда со слегка вогнутой средней частью, размерами от 9×18 до 22×30 см, изготовленные,

судя по имеющимся данным, из кусков коры (рис. 30, 2).

Тип 2 — прямоугольные в плане деревянные подносы с выделенными невысокими бортиками, размерами от 20×30 до 30×40 см (рис. 27, 3; рис. 28, 2).

Изделия из бронзы

Втульчатые топоры в восточнорусской лесостепи пока не связаны с конкретными культурно-определимыми комплексами и представлены случайными находками. Наибольшая коллекция топоров содержится в составе клада, найденного в 1890 году крестьянином Собко на правом берегу р. Мерла (притока Ворсклы) на окраине с. Колонтаев современного Краснокутского района Харьковской области. Клад состоял из 12 бронзовых топоров размером от 11,5 до 23,5 см [103, с. 18]. На хранение поступило 10 топоров [104, с. 147]. Представлены двумя основными типами.

Тип 1 — топоры с выделенной трубчатой втулкой, удлиненным, расширенным к лезвию клином, округленным и оттянутым к брюшку лезвием (рис. 43, 21, 23). С. Н. Кореневским отнесены к «костромскому» типу (группа 1) топоров эпохи средней бронзы [105, с. 18–19, рис. 3–4]. Два топора этого типа входили в состав клада, найденного в насыпи катакомбного кургана № 5 у с. Александровка Днепропетровской области [106, с. 9, рис. 1].

Тип 2 — топоры с короткой выделенной втулкой, широким, укороченным, слабо расширяющимся к лезвию клином, ровным, слегка оттянутым к брюшку лезвием (рис. 43, 14–20, 22). С. Н. Кореневским отнесены к «колонтаевскому» типу (группа 2) топоров эпохи средней бронзы [105, с. 19–23, рис. 6–7]. Топоры этого типа известны также по случайным находкам у пос. Куряж под Харьковом и у хут. Кнышовка на р. Оскол (рис. 43, 19, 20). В пределах позднекатакомбного ареала выявлены литейные формы для изготовления топоров колонтаевского типа [107, рис. 3; 108, рис. 109, 6]. Глиняные муляжи литейных форм для топоров костромского и колонтаевского типов содержались в инвентаре захоронения предкавказской катакомбной культуры могильника Веселая Роща-I в Ставропольском крае Российской Федерации [109, рис. 5–6].

Ножи хорошо представлены в погребальных комплексах и материалах поселений. Выделяется два основных типа.

Тип 1 — небольшие, длиной 8–11 см, черешковые обоюдоострые ножи с подовальной или подтреугольной расковкой острия. Черенок составляет в среднем 1/3 общей длины, переход от черенка к лезвию — через выраженные плечики. Заостренной, то есть собственно лезвийной, является раскованная часть лезвия (рис. 43, 1–6). В целом соответ-

ствуют позднекатакомбным маньчским ножам типа 2 по классификации С. Н. Братченко [41, с. 95, рис. 53].

Тип 2 — крупные, длиной 17–21 см, ножи-кинжалы с параллельными сторонами обоюдоострого клинка и выраженным осевым утолщением. Черенок в среднем составляет 1/4–1/5 общей длины, плечики выражены. Лезвийной является последняя треть клинка (рис. 43, 9–11). Обломок подобного ножа С. Н. Братченко выделил в 4-й тип маньчских ножей, оговорившись, что раскованная часть лезвия, возможно, утрачена [41, с. 95, рис. 53, 13]. Чтобы избежать терминологической путаницы, такие ножи предлагается называть ножами-кинжалами «новоплатоновского» типа.

Шилья встречаются реже, чем в предшествующее (донецкое) время, но в погребальных комплексах по-прежнему имеют семантическую нагрузку, составляя престижные сочетания бронзовый нож/шило, каменный топор/шило (Малая Камышеваха 4/2, Ново-Платоновка 5/1) [45, с. 204–205, табл. IV; 77, с. 139, рис. 5, 6, 13]. Представлены одним типом.

Тип 1 — четырехугольные в сечении стержни длиной 8–9 см с заостренным рабочим окончанием и коротким выделенным утолщенным насадом, составляющим 1/3–1/4 общей длины (рис. 43, 7–8).

Крюк — изготовлен из четырехугольного в сечении стержня, одно окончание заострено и согнуто в дугу, другое — расковано и свернуто в несомкнутую втулку. На втулке сохранилось одно небольшое отверстие для крепления деревянной рукояти (рис. 43, 12). Найден в хозяйственной яме вместе с керамикой осколо-донецкого типа на поселении Федоровка-1 на р. Большая Бабка, левом притоке Северского Донца.

Украшения

Серьги и височные подвески не всегда функционально могут быть разделены, в силу чего рассматриваются совместно. Представлены несколькими основными типами.

Тип 1 — округлые в плане кольца с приостренными сходящимися окончаниями, диаметром 0,9–1,3 см. Изготавливались из круглой в сечении проволоки толщиной 0,2–0,3 см (рис. 20, 27–28, 32–33). Частая парность находок и их расположение в районе ушных отверстий черепов погребенных позволяет с большим основанием атрибутировать их как серьги.

Тип 2 — округлые в плане кольца со сходящимися или слегка заходящими друг за друга приостренными окончаниями, диаметром 1,0–1,8 см, изготовленные из пластины толщиной 0,2–0,5 см (рис. 20, 26). Две подвески этого типа были плакированы золотом (Вербовка 6/1) (рис. 20, 36–37) [56, с. 142].

Тип 3 — округлые в плане сплошные кольца диаметром 1,1–1,2 см, изготовленные из круглой в сечении проволоки толщиной 0,2–0,3 см (рис. 20, 34–35).

Тип 4 — овалы в плане подвески в один оборот с приостренными сходящимися окончаниями, диаметром 0,9–1,5 см, изготовленные из круглой в сечении проволоки (рис. 20, 29–30).

Тип 5 — овалы в плане подвески в 1,5 оборота с расплюснутыми и приостренными окончаниями, изготовленные из круглой в сечении проволоки диаметром 0,2–0,3 см (рис. 20, 31).

Бусы

Бронзовые литые бусы представляют распространенную категорию украшений в памятниках осколо-донецкого типа. Продолжают существовать бусы тех же типов, что и в предшествующее донецкое время: биконические, цилиндрические, бочонковидные (типы 1, 2, 5) (рис. 20, 39–45). Появляются бусы типа 6 — двойные, восьмерковидные в поперечном сечении (рис. 20, 38).

Разделители ожерелий — представлены единственным экземпляром из погребального комплекса (Ново-Платоновка 3/2). Представляет собой довольно массивный литой цилиндр длиной 5,2 и диаметром 0,6 см с рельефными медальонами на перпендикулярных плоскостях, украшенными углубленным спиральным орнаментом (рис. 20, 19).

Пронизки — типологически близки разделителям, но отличаются меньшими размерами. Представляют собой литые цилиндрические трубочки длиной 1,2–1,9 см и диаметром 0,3–0,6 см (рис. 20, 20–22).

Лапчатые подвески — литые украшения подтреугольной в плане формы с ушком для подвешивания в верхней части, с рельефно выделенными на внешней поверхности расходящимися стерженьками, с 3–4 шариками по нижнему краю (рис. 20, 23, 24).

Булавовидная подвеска — небольшое украшение с ушком для подвешивания и утолщенной нижней частью, украшенной по окружности напаянными шариками (рис. 20, 25).

Изделия из железа

Уникальное для всего позднекатакомбного ареала явление представляет находка биметаллического ножа в погребении у с. Герасимовка (14/1) в бассейне среднего течения р. Оскол. Черешковый нож длиной 8,4 см с листовидным обоюдоострым лезвием, имевшим максимальное расширение в средней части, был изготовлен на базе прямоугольного в сечении медного стержня, обернутого железной пластиной, которой с помощью проковки была придана вытянуто-овальная форма. Примерно треть медного стержня использовалась в качестве черенка (рис. 43, 13). Установ-

лено, что клинок был выкован из кричного железа, добытого из руды путем восстановления в сыродутном горне [110, с. 164–167].

Из железа была изготовлена подвеска в виде сплошного кольца диаметром 1,1 см, обнаруженная в погребении 4/12 у с. Мостовое (рис. 20, 46) [56, с. 74, рис. 34, 4]. Обломки такой же, по видимому, подвески выявлены в захоронении 3/1 у с. Станиславка.

Изделия из камня

Представлены проушными топорами, привязным молотом, выпрямителями древков стрел, зернотеркой, пестиками, наковаленкой, функционально не атрибутируемыми обработанными каменными плитками и кусками камня геометрических очертаний, происходящими из погребальных комплексов и материалов поселений, а также известными по случайным находкам в пределах лесостепного катакомбного ареала.

Проушные топоры представлены несколькими типами.

Тип 1 — топоры усеченно-ромбической в плане формы, со слабо изогнутым в профиле туловом. Обух плоский, лезвие округлено и слегка оттянуто в сторону брюшка. Круглый в плане проух расположен в средней части тулова. Боковые грани на уровне проуха выделены выраженными ребрами (рис. 44, 7–9). Один из топоров отличается рельефно оформленными боковинами, имеющими вид уплощенно-восьмерковидных медальонов, украшенных наклонными нарезками (рис. 44, 2). Вероятно, к этому типу может быть отнесен обломок топора из культурного слоя поселения Студенок-6 на Северском Донце (рис. 45, 8).

Тип 2 — топоры удлинено-ромбической в плане формы, со слабо изогнутым в профиле туловом и выделенной цилиндрической обушковой частью. Круглый в плане проух находится в средней части тулова, лезвие расширено и слегка оттянуто к брюшку. Боковины на уровне проуха выделены рельефными полушариями (рис. 44, 3–4). В варианте «а» типа 2 выделены топоры с полусферическим обухом (рис. 44, 1).

Тип 3 — топоры подовальной в плане и подпрямоугольной в профиле формы, с выделенной короткой цилиндрической обушковой частью. Круглый в плане проух смещен к обуху (рис. 44, 5).

Тип 4 — представлен единственным экземпляром, найденным случайно у с. Волосская Балаклея в северскодонецком левобережье. Отличается вытянуто-овальной в плане формой с выделенной плоской ударной площадкой обуха. Округлый в плане проух смещен к проуху. Спинка ровная, лезвие округлено и выступает длиной лопастью со стороны брюшка [56, с. 283, рис. 180, 2]. Такая форма совершенно не свойственна катакомбным топорам, что позволяет рассматривать на-

ходку как импорт из более северных районов Восточной Европы.

Привязной молот — найден в индивидуализированном захоронении домашнего животного 7/2 группы Колесниковка-II на р. Оскол. Представляет довольно массивное изделие подпрямоугольной в плане и профиле формы. Одна ударная площадка в средней части немного вогнутая, противоположная — слегка выпуклая. На боковых поверхностях вырезаны неглубокие полукруглые желобки (рис. 45, 2).

Выпрямители древков стрел — известны в погребениях и материалах поселений. Представляют прямоугольные в плане плитки с одной плоской поверхностью и вырезанным на ней продольным полукруглым желобком (рис. 45, 4-5). В составе погребального инвентаря может содержаться от 1 до 5 экземпляров, чаще встречаются парные изделия. Как правило, характеризуют «производственные» комплексы.

Зернотерка — происходит из погребения 11/5 у с. Вербовка на Северском Донце. Представляет собой плиту из полированного гранита, прямоугольной в плане и поперечном сечении формы, со слегка вогнутой рабочей поверхностью, окаймленной невысокими рельефными бортиками. В комплексе с ней находился гранитный конической формы пестик [56, с. 193, рис. 124, 1; рис. 116, 3].

Наковаленка — входила в состав «производственного» комплекса погребения 2/1 группы Колесниковка-II. Имеет подпрямоугольную в плане и поперечном сечении форму, с широкими ровными противоположащими плоскостями (рис. 45, 1). На внешней поверхности заметны многочисленные выбоины и сколы. Изготовлена из кварцита.

Оселки — представляют собой удлиненно-прямоугольные или подтрапециевидные в плане плитки с плоскими противоположащими поверхностями, чаще изготовленные из мягких пород камня (рис. 45, 3).

Абразивные камни и изделия производственного назначения встречаются в составе погребальных комплексов. Имеют разнообразные очертания и разные размеры, часто без видимых следов использования (рис. 32, 3-4; рис. 44, 6; рис. 45, 6-7).

Изделия из кремня в позднекатакомбное время в целом немногочисленны и в основном представлены предметами вооружения и изделиями производственно-бытового назначения.

Наконечники дротиков — преимущественно листовидной в плане формы, иногда со слабо выделенным черенком, размерами 8-13,5 см (рис. 45, 9-10, 14). Функционально не исключено их использование в качестве ножей.

В материалах поселений известны находки **скребков, ножевидных пластин, резаков** (рис. 45,

11-13). В погребальных комплексах с выраженной «производственной» направленностью обычно содержатся кремневые отщепы разнообразных очертаний и размеров в количестве до нескольких десятков экземпляров.

Изделия из кости и рога

В памятниках осколо-донецкого типа немногочисленны, но их ассортимент довольно разнообразен.

Костяные челночки — изготавливались из расколотых вдоль трубчатых костей животных; один конец заострен, противоположный — плоско срезан, ниже имеются парные выемки с обеих сторон. Длина от 6 до 10 см. Челночки в количестве 38 экземпляров выявлены в захоронении 3/1 группы «Б» у с. Красная Гусаровка на северскодонецком правобережье (рис. 46, 13-17). В момент расчистки лежали компактной кучкой остриями в одну сторону и были скреплены последовательно толстой шерстяной нитью. Поверх них находился деревянный стержень длиной около 11 см с шестью поперечными желобками, распавшийся при извлечении (рис. 46, 20). Костяные челночки известны также в составе смешанного комплекса из «Кубаевой могилы» у с. Шелаево на р. Оскол [70, рис. 3, 13-14].

Костяные кольца в погребальных осколо-донецких комплексах представлены теми же типами, что и в предшествующее донецкое время. Не исключено, что массивные кольца типа 1, помимо чисто практического использования (предположительно, для натягивания тетивы лука), могли нести и определенную семантическую нагрузку в контексте погребального ритуала. В погребении кенотафе 1/5 у с. Пришиб на Северском Донце кольцо диаметром 2,5 см было уложено в центральной части мелово-охрового пятна у дальней стенки погребальной камеры (рис. 46, 10) [56, с. 99, рис. 59, 2].

Судя по имеющимся данным, кольца типа 2 в основном использовались в качестве украшений. В коллективном детском захоронении 6/5 у с. Станиславка шесть колец, небрежно вырезанных из трубчатой кости животного, были нанизаны на тонкий сыромятный ремешок и представляли собой подобие ожерелья (рис. 46, 7-8).

Перстень — расчищен на среднем пальце левой руки погребенного в захоронении 6/2 группы Ново-Платоновка на р. Оскол. Поверхность заполирована, в верхней части плоско срезанный участок образует небольшой подпрямоугольный щиток (рис. 46, 6).

Псалий — ситуационно и стратиграфически связывается с позднекатакомбным горизонтом поселения Поляны-I на Северском Донце [111, с. 107]. Вырезан из лопаточной кости животного, имеет дисковидную форму с треугольной планкой

в верхней части. На планке шесть небольших отверстий, расположенных симметрично по три с каждой стороны. В центральной части диска находится большое отверстие, у нижнего края — периферийное маленькое. В торце псаля вырезано еще одно отверстие, выходящее на внутреннюю сторону. Внешняя поверхность заполирована, внутренняя местами стерта до губчатой основы (рис. 46, 1).

Пряжка — также связывается с катакомбным горизонтом поселения Поляны-I. Имеет овальную в плане форму и два отверстия, большое центральное, окаймленное рельефными бортиками, и маленькое периферийное. Поверхность заполирована (рис. 46, 2).

Наконечники стрел происходят из культурного слоя многослойного поселения Студенок-6 на Северском Донце [112, с. 8]. Наконечники крупные, длиной 6,5–9 см, черешковые, двулопастные, с подтреугольной в плане головкой и опущенными снизу острыми жальцами. Черенки относительно

длинные, шестигранные в средней части и плоско срезанные в нижней (рис. 46, 3–5).

Клеуцы из рогов благородного оленя с круглыми в плане отверстиями для рукоятей известны в составе погребальных комплексов (рис. 46, 11) и в материалах поселений (рис. 46, 18).

Гарпун из рога оленя вместе с керамикой осколо-донецкого типа найден на территории многослойного поселения, занимающего возвышенность в пойме р. Лопань, в пределах г. Харьков (поселение Героев Труда-I) (рис. 46, 12).

Роговой отжимник содержался в составе сопровождающего инвентаря погребения 2/1 группы Колесниковка-II (рис. 46, 9).

В погребальных памятниках осколо-донецкого типа неоднократно встречены удлиненно-овальной в плане формы плитки из хрупкого смолообразного вещества (рис. 46, 19). Существует предположение, что это прополис, известный с древности как эффективное лечебное средство, способствующее быстрому заживлению ран [113, с. 53].

ГЛАВА 4

КАТАКОМБНЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОЧНОУКРАИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ В СИСТЕМЕ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ

(вопросы периодизации, культурной атрибуции и хронологии)

В конце эпохи ранней бронзы относительное культурное единообразие в степной зоне между Днепром и Уралом, консолидированное в рамках древнейшей культурно-исторической общности, нарушается сложными и многоплановыми культурогенетическими процессами, в результате которых в западной части степного пояса, в Нижнем Подонье и Северном Приазовье, возникает феномен катакомбной культуры. Катакомбный феномен, вероятно, означал появление и сравнительно быстрое распространение новой религиозной концепции и сопутствующих ей новаций в духовной и материальной сферах. Изменение религиозно-мирологического сценария бытия, предусматривавшего, в частности, особый способ и процедуру перехода души усопшего в потусторонний мир, на уровне археологических источников фиксируется в появлении принципиально новых составляющих погребальной обрядности, наиболее выразительно — в особом роде сложных могильных конструкций: катакомбах, состоящих из входного колодца и подземной камеры-усыпальницы.

Вопрос о содержании и направленности катакомбного культурогенеза до сих пор остается

в проблемной плоскости и решается преимущественно то с позиций автохтонизма [114, с. 34; 115, с. 50–67; 116, с. 49–50; 117, с. 23–24; 118, с. 28–29], то с позиций миграционизма [119, с. 94; 120, с. 159; 121, с. 75–87; 122, с. 13–14]. Между тем, еще В. А. Городцов, указывая на широкое распространение катакомбных могильных сооружений у древнего населения Северного Причерноморья, Средиземноморья и Западной Европы, отмечал, что усвоение религиозной концепции отнюдь не связано с этническим или культурным единством ее последователей [123, с. 51–52]. Восприятие новой религиозной идеи любым социумом неизбежно приводит к известному конфликту с существующими архетипическими представлениями об устройстве мироздания и о миропорядке, выход из которого возможен в виде «компромиссных» решений культовой практики. Подобные компромиссы наиболее отчетливо фиксируются для раннекатакомбного периода, когда они настолько формируют своеобразие погребальных комплексов, что это дает основание некоторым исследователям выделять их в особый «преддонецкий» горизонт или даже в особую «приазовскую» культуру [122, с. 25–26]. В на-

ибо более ранних катакомбных захоронениях Северного Приазовья, по мнению С. Н. Санжарова, присутствуют два неродственных компонента: местный (в основе своей древнеямный) и пришлый (собственно катакомбный), происхождением связанный с районами Западного Предкавказья. Местная погребальная традиция прослеживается в обычае коллективных захоронений, в позиции погребенных скорченно на спине, в практике расчленения костяков, в особенностях сопровождающей керамики, восходящей к древнеямному гончарному производству. Новые черты, связанные с пришлым компонентом, проявляются в распространении катакомбных погребальных конструкций, в замене традиционной восточной ориентировки на южную и западную, в некоторых категориях погребального инвентаря, прежде всего, в металлических изделиях кавказских типов [124, с. 9–10]. Близкая по содержанию ситуация фиксируется в Нижнем Подонье, где позиция костяков скорченно на спине (как реплика прежней обрядности) преобладает в ранних катакомбах [125, с. 9]. В северостепных районах Днепровского Левобережья погребения в катакомбах со скорченными на спине костяками, сопровождающиеся круглодонными сосудами древнеямного облика, выделяются в особый раннекатакомбный горизонт, отражающий процесс сложения культуры [126, с. 19].

Нетрудно заметить, что во всех случаях новации затрагивают основополагающие мировоззренческие позиции, относящиеся к сфере перехода в потусторонний мир и его пространственной локализации, в более широком плане — к сфере загробного существования, тогда как прежняя погребальная традиция сохраняется на «личностном» уровне, имеющем второстепенное значение в концептуальном отношении. Это не позволяет принять гипотезу о миграции неких популяций, носителей новой погребальной традиции, поскольку сама эта погребальная традиция выступает совершенно обезличенно. Скорее речь может идти о распространении своеобразной религиозной доктрины, накладывающейся на местные мировоззренческие концепции и в той или иной степени влияющей на особенности дальнейшего развития населения каждого конкретного территориального региона (к примеру, многочисленные «ереси» на периферии христианского или мусульманского мира). Тем более, ее нельзя считать совершенно новым явлением, появившимся внезапно и сразу. Наиболее ранние погребения в катакомбных или подбойных могильных конструкциях со скорченными на боку костяками в степном Приазовье и на Северном Кавказе относятся к эпохам энеолита — ранней бронзы [127, с. 41–42; 128, с. 66]. В. Я. Кияшко одним из первых обратил внимание на известный параллелизм в эволюции северокавказских дольменов и изменении конструкции степ-

ных катакомб, предполагая, что это могут быть явления одного порядка, и отметив, что в данном случае более правомерно говорить о распространении идей, нежели о переселении народов [116, с. 49–50]. По мнению некоторых исследователей создатели северокавказских дольменов входили в сферу религиозно-мифологических представлений широкого круга мегалитических культур Средиземноморья [129, с. 314–319]. Следует также учитывать, что на Ближнем Востоке традиции совершения захоронений в подбойных или катакомбных могилах уходит корнями в неолитическую эпоху [130, с. 47]. Не исключено, что в подземных камерах-усыпальницах и мегалитических сооружениях реализовывались сходные эсхатологические идеи, направленные на изоляцию умершего и предотвращение его контактов с миром живущих. На археологических источниках практически невозможно определить факторы, способствовавшие распространению новой религиозной доктрины. Остается только предполагать, было ли это связано с определенным уровнем социально-экономического развития, направлением и интенсивностью культурных и торговых связей или с субъективными обстоятельствами (например, с деятельностью бродячих проповедников). Культурологические реконструкции требуют привлечения более широкого круга источников.

На начальной стадии усвоения новой религиозной концепции в погребальном обряде, наиболее полно отражающем идеологическую сферу, могли органически сочетаться привнесенные элементы и пережитки традиционных представлений. Тенденция дальнейшего развития, по всей вероятности, заключалась в стандартизации погребального ритуала и приведении его материального оформления, фиксируемого главным образом в сопровождающем инвентаре, в соответствие с идеологическими постулатами, что придавало всей системе целостный характер. Процессы культурной интеграции в разных регионах могли иметь разную интенсивность и специфические особенности, обусловленные социальными и психологическими факторами. В частности, в приазовско-северскодонецком регионе оформляется обширный массив памятников донецкой катакомбной культуры. При современном состоянии источниковой базы максимальная концентрация архаических катакомбных памятников синкретического характера наблюдается в нижнем Подонье и Северном Приазовье, что позволяет рассматривать эту зону в качестве очага катакомбного культурогенеза, откуда происходит дальнейшее распространение культурного феномена [118, с. 28–29]. По-видимому, уже на стадии формирования культуры происходит продвижение отдельных группировок в северном направлении, к границам лесостепи. В бассейне среднего течения Северского Донца па-

памятники этого периода представлены небольшой группой захоронений с архаическими чертами (Северск, Майдан, Красная Заря). Их относительная немногочисленность, насыщенность металлическими изделиями северокавказского производства делает вполне вероятным предположение о миграции какой-то части населения из более южных районов, имевшего устойчивые связи с племенами Северного Кавказа [131, с. 42–43]. Вероятно, эту же волну миграции иллюстрирует горизонт раннекатакомбных погребений в северостепной зоне Днепровского Левобережья [132, с. 10; 133, с. 14–16].

Не исключено, что одним из факторов, обусловивших миграции, было общее ухудшение природно-климатической обстановки, вызвавшее кризис скотоводческого хозяйства и стимулировавшее поиск и освоение новых пастбищных угодий. Нараставшая с раннего бронзового века аридизация климата в степной зоне Восточной Европы достигла максимума к началу эпохи средней бронзы. Засушливое лето (с количеством атмосферных осадков в 2–3 раза меньше нормы) сменялось холодной малоснежной зимой. Иссушение степей и уменьшение обводненности речных пойм привели к падению продуктивности естественных пастбищных угодий в 2–4 раза [36, с. 89]. В сложившихся условиях меридиональные перемещения скотоводческих сообществ приобретают характер устойчивой тенденции и охватывают лесостепные районы. Вероятно, их в первую очередь интересовали территории, в полной мере соответствовавшие исторически сложившейся модели скотоводческого хозяйства. Западная часть Левобережной лесостепи, в частности, днепродеснянская низменная равнина с преобладанием остепненных лугов на солонцеватых почвах и частыми блюдцами солончаков, не привлекла степняков. Нельзя также исключать, что эти территории могли быть заняты крупной группировкой древнеямных племен, препятствовавших продвижению мигрантов. К настоящему времени в Среднем Поднепровье известно немногим более трех десятков катакомбных захоронений, преимущественно позднего времени. Это обстоятельство дает основания некоторым исследователям отрицать возможность колонизации катакомбными группировками этой области [134, с. 57; 135, с. 48; 136, с. 36].

В восточнoукраинской лесостепи концентрация донецких катакомбных памятников наблюдается в Донецко-Оскольском междуречье, характеризующемся преимущественно степными ландшафтами, с небольшими островками широколиственных лесов на водоразделах и в верховьях балок, с разветвленными пойменными долинами рек. Очерченный район занимает промежуточное положение между лесостепным Подоньем на северо-востоке, Донбас-

сом и Приазовьем — на юге и юго-западе, что предопределило неоднозначность подходов к оценке местных памятников в работах многих исследователей.

Еще в конце 20-х годов Б. А. Латынин, располагая весьма ограниченной источниковой базой, наметил выделение семи локальных вариантов единой катакомбной культуры, среди которых «донецкой» катакомбной культуре В. А. Городцова отводилось место лишь одного из территориальных образований, локализованных в бассейне среднего и нижнего течения Северского Донца. Памятники северо-восточной периферии были объединены в рамках «среднедонского» или «воронежского» варианта [137, с. 56–57]. К сожалению, работа Б. А. Латынина осталась неопубликованной и обоснование ее основных положений оказалось недоступным для большинства исследователей. Следует отдать должное научной прозорливости исследователя, сумевшего прийти к верным выводам на основании ограниченного круга источников. Позднее близкая схема территориально-хронологического членения массива катакомбных памятников была предложена Т. Б. Поповой. Приняв за основу различия в формах глиняной посуды и способах ее орнаментации, а также в некоторых деталях погребального обряда, она выделила 6 территориальных вариантов: нижнеднепровский, среднеднепровский, донецкий, харьковско-воронежский, североприазовский и волго-маньчский. Из них пять рассматривались как одновременные, а шестой, среднеднепровский, имел и хронологические отличия [115, с. 67–68]. В рамках харьковско-воронежского варианта были объединены катакомбные памятники Среднего Подонья и верхнего течения Северского Донца. В погребальной обрядности к характерным особенностям этого варианта были отнесены внутримогильные деревянные или плетневые конструкции, распространенность погребений в обычных грунтовых ямах (нередко с деревянными перекрытиями), традиция расположения костяков скорченно на левом боку. Наиболее выразительно отличительные черты харьковско-воронежского варианта проявлялись в керамическом комплексе: в наличии сосудов удлинённых пропорций с высоким растробовидным горлом и в зональной системе орнаментации (с расположением геометрических фигур в «перевернутой композиции» — вершинами к устью сосуда) [115, с. 80–84]. Граница с донецким вариантом, совпадавшим с донецкой катакомбной культурой В. А. Городцова и локализованным в бассейне среднего и нижнего течения Северского Донца и в Нижнем Подонье, проводилась примерно на широте устья р. Оскол. Синхронность обоих вариантов подразумевалась на основании общего подхода к хронологии катакомбной культуры и подчеркивалась

тем обстоятельством, что на Дону и Северском Донце катакомбные памятники появились несколько позже, чем в Северном Приазовье и Нижнем Поднепровье и прекратили свое существование в середине II тыс. до н. э. в связи с продвижением на запад племен срубной культуры.

Тезис об одновременности донецкого и харьковско-воронежского вариантов, не подкрепленный соответствующим анализом датированных комплексов и надежными стратиграфическими данными, тем не менее, получил повсеместное распространение, послужил основой для многих периодизационно-хронологических построений и вплоть до недавнего времени сомнению не подвергался.

В начале 70-х годов в науке утвердился подход ко всей совокупности катакомбных памятников как к культурно-исторической общности (области, провинции) и прежние локальные варианты приобрели статус самостоятельных культур, сходных, но не тождественных одна другой [138, с. 165–179; 139, с. 319]. Интегрирующим элементом выступает специфическое оформление погребальных сооружений — катакомб, тогда как существенные различия наблюдаются как в погребальной обрядности, так и в характере и особенностях сопровождающего инвентаря. В этой связи использование термина «культурно-историческая область», предполагающего, прежде всего, идеологическую, а не этническую и культурную близость, представляется более оправданным [102, с. 4].

Значительное расширение источниковой базы сделало возможным дифференцированный подход к хронологическим позициям разных групп катакомбных памятников. С. Н. Братченко (на основе анализа памятников Нижнего Подонья и Северскодонецкого бассейна) разработал двухступенчатую периодизацию, в которой ранний период был представлен памятниками донецкой культуры, датированными 2000–1700 гг. до н. э., поздний — памятниками бахмутского и манычского типов, время существования которых для Донского Правобережья и Северского Донца было ограничено XVII в. до н. э. в связи с необходимостью освободить хронологический интервал для недавно выделенной культуры многоваликовой керамики. Бахмутские памятники, по мнению С. Н. Братченко, представляли собой смешанный культурный тип, образовавшийся в результате слияния местного, несколько видоизмененного донецкого компонента и пришлого, среднедонского (харьковско-воронежского) [41, с. 75, 153]. Тем самым подразумевалась синхронность донецкой и харьковско-воронежской культур, смешение которых привело к появлению качественно нового явления. Это положение получило дальнейшее развитие в более поздней работе, посвященной харак-

теристике катакомбных памятников Украины и предусматривавшей уже трехступенчатую периодизацию [140, с. 417–418]. В связи с наметившейся тенденцией к удревнению раннекатакомбного горизонта до последних столетий III тыс. до н. э. и выделением в бассейне Северского Донца целой серии захоронений «преддонецкого» типа харьковско-воронежская культура была синхронизована со средним периодом, собственно донецкой катакомбной культурой, и время ее развития было ограничено рамками 2000–1800 гг. до н. э. [118, с. 29].

Декларированное, но не получившее развернутой аргументации положение об одновременности донецкой и харьковско-воронежской культур непосредственно отразилось на обобщающих характеристиках катакомбных памятников лесостепного Подонья, рассматриваемых в рамках среднедонской катакомбной культуры. Сами термины «среднедонская» и «харьковско-воронежская» культуры фигурировали в качестве синонимов, вопрос заключался только в правомерности употребления того или иного термина. Большинство исследователей единодушны относительно признания особого характера среднедонских катакомбных памятников, но наблюдается известное расхождение мнений в отношении происхождения культуры и ее общей хронологии. А. Т. Синюк, подчеркивая близость обрядовых признаков и сходство основных категорий сопровождающего инвентаря, считает, что генетическую основу среднедонской культуры составили местные племена древнеямной культуры, подвергшиеся сильному влиянию степного катакомбного мира. Множественность и разнохарактерность катакомбных признаков рассматриваются как свидетельство того, что внешних импульсов было несколько и они исходили из разных районов катакомбной области [141, с. 133–150; 142, с. 54–55]. Иной подход к проблеме происхождения среднедонской катакомбной культуры базируется на признании факта миграции части донецких группировок в Среднее Подонье и их активном взаимодействии с остатками древнеямного населения и остатками пережиточно-неолитических (репинских) популяций [143, с. 123; 144, с. 79–80; 145, с. 5]. Существенные расхождения имеются также в вопросах хронологии. Основываясь на явственно прослеживающихся в среднедонских катакомбных памятниках древнеямных реминисценциях, А. Т. Синюк ранний (павловский) этап синхронизовал с первым периодом северокавказской, донецкой и полтавгинской культурами и отнес его начало к XIX в. до н. э., допуская некоторое запаздывание культурообразующих процессов в Среднем Подонье [141, с. 146–148]. А. Д. Пряхин, избегая абсолютных показателей, ранний этап среднедонских ката-

мбников также соотнес с донецкой катакомб-
ной культурой, а финальную стадию ограничил
временем проникновения в средне-донскую лесо-
степь группировок доно-волжских абашевцев, не
исключая возможности периода сосуществования
[145, с. 13–14]. В то же время, Ю. П. Матвеев
основательно указывает на почти полное отсутствие
среднедонских материалов характерного донец-
кого металла (в частности, бронзовых ножей при-
печенских типов), и на сходство наиболее ран-
них среднедонских комплексов с памятниками
бахмутского типа степного Донбасса. По его мне-
нию, формирование среднедонской катакомбной
культуры совпадает с распадом донецкой, сложив-
шейся в поздних памятниках бахмутского типа и мо-
жет быть отнесено к концу XVIII–началу XVII вв.
[146, с. 52; 147, с. 48].

Следует отметить, что оба подхода базируются
исключительно на среднедонских материалах, без
учета данных, имеющихся для лесостепи север-
нодонецкого бассейна, хотя она безоговорочно
входит в ареал среднедонской катакомбной
культуры. В некоторой степени этот пробел был
исполнен в работах А. М. Смирнова, рассмотрев-
шего харьковско-воронежские памятники бассей-
на Северского Донца и синхронизировавшего их
по времени с развитым этапом среднедонской куль-
туры и маньчскими памятниками Нижнего По-
донья [148, с. 15–18].

Неоднозначность оценок катакомбных памят-
ников Среднего Дона и восточнoукраинской лесо-
степи во многом объясняется разными подхо-
дами к определению их содержания и места
в системе катакомбной культурно-исторической
области. В настоящее время неправомерность
сравнения памятников этих территориальных
зон в рамках единого культурно-историчес-
кого образования очевидна. Различия между
ними имеют не столько географический, сколько
существенный характер, обусловленный разной
культурно-этнической подосновой и несходными культуро-
образующими процессами. Они проявляются как
в области погребальной обрядности, так и в ком-
плексе признаков материальной культуры. По-
гребальные памятники начального этапа эпохи
ранней бронзы в восточно-украинской лесосте-
пи, как было показано выше, по определяющим
признакам вписываются в систему донецкой
катакомбной культуры и представляют ее север-
ную периферию, освоенную в результате распро-
странения из зоны первичного очага культурогене-
са. На Среднем Дону выраженный горизонт
донецких древностей отсутствует, а спорадичес-
кие проявления донецкой погребальной тради-
ции не исключают как определенного культур-
ного влияния, так и возможности инфильтрации
элементов группировок в местную этнокультур-
ную среду. Среднедонские катакомбные памят-

ники — вне зависимости от решения вопроса о
приоритете местных древнеямыных или пришлых
катакомбных элементов — формировались на
многокомпонентной основе и на всем протяже-
нии своего развития сохраняли ряд особенностей
качественного порядка. В погребальной практике
это фиксируется в сохранении устойчивой тради-
ции совершения захоронений в простых грунто-
вых ямах, в существовании позиции погребен-
ных скорченно на левом боку, в ориентировке
покойников головой в северном секторе гори-
зонта. Немаловажно, что эти особенности имеют
характер прогрессирующей тенденции и к концу
развития культуры приобретают доминирующее
значение [145, с. 11–12; 149, с. 47–49]. В восточ-
нoукраинской лесостепи позднекатакомбный
период представлен памятниками осколо-донец-
кого типа, обнаруживающими генетическую связь
с предшествующими донецкими и в погребаль-
ной обрядности, и в материальной культуре. Осо-
бого внимания заслуживает вопрос об элементах
сходства и различия в керамических комплек-
сах. «Среднедонской» горшок стройных пропор-
ций с высоким раструбовидным горлом, абсолют-
но преобладающий в погребальных комплексах
и материалах поселений, представляет форму,
характерную для позднекатакомбного периода в
целом. Подобные сосуды доминируют в бахмут-
ских памятниках Донбасса, встречаются они и в
памятниках маньчского типа на территории
Калмыкии [41, с. 71, рис. 34–35; 150, рис. 18,
5; 151, рис. 2, 10]. Ассортимент глиняной посу-
ды в осколо-донецких памятниках восточнoу-
краинской лесостепи, при ведущей роли высоко-
горлых сосудов типов II–B–3 и II–B–4 (рис. 15),
представляется более разнообразным, прежде все-
го, за счет «переживания» сосудов группы I,
группы III и распространения реповидных сосу-
дов группы IV. В то же время, в среднедонских
материалах хорошо представлены курильницы
предкавказских типов, до сих пор не встречен-
ные в осколо-донецких комплексах. В сфере ор-
наментации сходство проявляется в сочетании уг-
лубленной и рельефной техники, в расположении
композиций преимущественно тремя зонами, при
известной консервативности основных элементов:
параллельные линии по венчику, треугольники,
полукруглые или полуовальные фестоны верши-
нами к устью на плечиках и горизонтальные елоч-
ки в придонной части. В настоящее время нет
веских оснований выделять какой-либо регион в
качестве исходного в распространении этой ор-
наментальной традиции. Следует учитывать, что
размещение орнамента тремя зонами, компози-
ции в виде параллельных линий по венчику и
горизонтальных елочек в придонной части неред-
ко встречаются на керамике донецкого времени
(рис. 16–18). «Перевернутые» геометрические

композиции на плечиках явных прототипов в предшествующее время не имеют, и их появление может быть связано с ощутимым внешним импульсом, предположительно из более северных областей Восточной Европы. В этом отношении показательно, что в конце первой четверти II тыс. до н. э. многозональная орнаментация с поясами взаимопроникающих треугольников, горизонтально-елочными композициями в прочерченной технике, параллельными рядами наклонных насечек получает распространение на керамике среднеднепровской культуры [152, с. 39, рис. 12]. Сходные сюжеты появляются на позднефатьяновской посуде и посуде памятников балановского этапа балановской культуры [153, с. 168; 154, с. 79]. Таким образом, новации в орнаментации позднекатакомбной керамики могут быть выведены за узколокальные рамки и рассматриваться на более широком историческом фоне.

Современное состояние источниковой базы позволяет заключить, что по основным культурообразующим показателям катакомбные памятники Среднего Подонья и восточно-украинской лесостепи представляют явления разного порядка, различия между которыми имеют качественный характер, а элементы сходства отражают процессы стадийно-исторического плана. В силу этого определение «среднедонская культура» более правомерно употреблять в отношении катакомбных памятников Среднего Подонья как особого территориального образования, с учетом того, что его внутренняя неоднородность делает перспективным возможность дифференцированного анализа в дальнейшем. При таком подходе термин «харьковско-воронежская культура» утрачивает смысл, так как лишается реального основания. В отношении памятников восточноукраинской лесостепи представляется оправданным их рассмотрение в составе донецкой катакомбной культуры, представляющей ранний горизонт катакомбных древностей этого региона, и генетически связанных с ней памятников осколо-донецкого типа, иллюстрирующих финальную стадию катакомбного фе-

номена. Основные показатели, позволяющие судить о степени близости донецкой культуры и памятников осколо-донецкого типа, приведены в таблице I.

Их хронологическое соотношение надежно устанавливается данными курганной стратиграфии в курганах восточноукраинской лесостепи погребения осколо-донецкого типа неизменно следуют за донецкими (Ново-Платоновка курган № 1, курган № 2; Станиславка курган № 1; Пески Радковские курган № 1; Вербовка курган № 4 и др. (рис. 7-8) [56, с. 138-150, рис. 86; 77, с. 134-137, рис. 1-2). Обратная последовательность в отмечена ни в одном случае.

В свою очередь, в пределах исследуемого региона донецкие захоронения перекрывают захоронения древнейшей общности, что надежно зафиксировано многочисленными фактами курганной стратиграфии. Именно стратиграфические наблюдения позволили В. А. Городцову еще в начале XX века обосновать принципиальную схему последовательности и смены археологических культур эпохи бронзы в бассейне Северского Донца. Как уже отмечалось, лесостепь Восточной Украины не входила в зону первичного очага катакомбного культурогенеза и была освоена в результате миграции населения из более южных регионов. В силу этого, время появления первых донецких группировок в лесостепь прямо коррелируется финалом древнейшей общности, поскольку есть все основания полагать, что имел место непосредственный контакт обоими массивами населения в процессе постепенного вытеснения аборигенов с занимаемых ими территорий. Реконструируемая ситуация иллюстрируется несколькими примерами. Основное погребение 2/2-4 группы «Гостра Могила» в окрестностях с. Великая Камышеваха было совершено в двухкамерной катакомбе с трапезничным в плане входным колодцем, ориентированным в широтном направлении. В восточной камере находился костяк женщины средних лет, лежавший скорчено на правом боку головой на юг, спиной к

Таблица

	Погребальное/сооружение		Заклад/перекрытие	Скорчено на правом боку	Ритуал						Всего
	Яма	катакомба			Органика	Охра	Уголь/зола	Мел/известь	Кости животных	Инвентарь	
ДОНЕЦКАЯ КАТАКОМБНАЯ КУЛЬТУРА	15/12 %	110/88 %	67/54 %	104/83 %	71/57 %	83/66 %	29/23 %	14/11 %	73/58 %	103/82 %	125/100 %
ПАМЯТНИКИ ОСКОЛЬСКО-ДОНЕЦКОГО ТИПА	14/7 %	186/93 %	76/38 %	163/81 %	107/54 %	102/52 %	24/12 %	28/14 %	76/38 %	155/78 %	200/100 %

ощие су...
ры и па...
иведен...
ежно ус...
играфии...
и погре...
следую...
№ 1, кур...
ки Радь...
4 и др...
с. 134...
ность н...
ого реги...
захоро...
кно зас...
актами...
играфии...
родцов...
ипиаль...
рхеоло...
йне Се...
есостеп...
рвично...
и был...
я из бо...
я появ...
есостеп...
ной об...
олагать...
ст обои...
ного вы...
еррито...
рирует...
ребени...
тностей...
в двух...
в плане...
широт...
кодился...
ий скор...
иной ко...
лица

Всего	
%	125/ 100 %
%	200/ 100 %

ду. Перед лицом погребенной был поставлен
днем круглодонный древнеямный сосуд.
в западной камере, в которую вел желобчатый
ск, находился костяк высокого мужчины
дних лет, уложенного в традиционной для
катакомбного ритуала позиции скорченно на пра-
м боку, головой на юг, лицом ко входу. В состав
провожающего инвентаря входили большой
рядно орнаментированный сосуд, бронзовый
ж, каменное навершие булавы, кремневый от-
ш. На дне входного колодца, ближе к восточ-
й камере, расчищены останки ребенка пример-
двухлетнего возраста, лежавшего скорченно
правом боку головой на восток [45, с. 328].
В данном случае весьма показательно существен-
е в концептуальном плане отступление от при-
того стандарта в женском захоронении, в ком-
тексте с выраженными признаками социальной
ординарности мужского погребения, свидетель-
ствующее о неполноправном положении погре-
енной, представлявшей, вероятно, автохтонную
екокультурную среду.

Округлодонный сосуд древнеямного облика
комплексе с низкорлым сосудом типа I-B-1,
аментированным по всей поверхности горизон-
альными елочками оттисков зубчатого штампа,
обнаружен в основном донецком захоронении 2/2
руппы у с. Мостовое, совершенном в H-образной
катакомбе (H-I-1-B) [56, с. 53, рис. 31, 2-3,
рис. 32, 1]. Столь явные реплики предшествую-
ей гончарной традиции не позволяют разрывать
времени древнеямные и донецкие катакомбные
памятники восточнoукраинской лесостепи.

Имеются данные и для более точного опреде-
ления верхней хронологической границы древне-
ямной общности в лесостепи. В основном древне-
ямном погребении 3/1 группы Станиславка-I,
в состав которой входили также насыпи, возве-
денные над донецкими и осколо-донецкими захо-
ронениями, при разрушенном детском костяке
найдены роговая «рогатка», пронизи и обоймы,
свернутые из тонкой бронзовой пластины (рис. 20,
47-53). В. Я. Кияшко, анализируя древнеямные
комплексы с «рогатками», подчеркнул их частую
счетаемость с металлическими пронизями и обой-
мами, свидетельствующую о возможной функ-
циональной взаимосвязи. По его мнению, рого-
вые застежки или подвески в целом предшествуют
молоточковидным булавам и пик их распро-
странения приходится на последние столетия
III тыс. до н. э. [155, с. 35-36]. К этому периоду
относится горизонт позднеямных погребений
в Прикубанье, в инвентаре которых встречены
аналогичные роговые застежки [156, с. 84, рис. 2,
19]. Показательно, что в материалах захоронен-
ий этого же горизонта имеются также молоточ-
ковидные булавки, что позволяет обоснованно
предполагать период их сосуществования с «ро-

гатками» [157, с. 112, рис. 9, 34]. В более поздней
своей работе В. Я. Кияшко без особых оснований
удревнил «рогатки» до 3-й четверти III тыс. до н.
э., оговорившись, что они встречаются и в комп-
лексах с сосудами позднеямного облика [158,
с. 78-81].

В основном древнеямном погребении 4/2 той же
группы Станиславка-I на щиколотках обеих ног
погребенного, лежавшего в позиции скорченно на
спине, головой на восток, находились наборные
браслеты из бронзовых обойм, свернутых из тон-
кой пластины и закрепленных на полоске сыро-
мятной кожи (рис. 20, 54-59). Аналогичность
бронзовых обойм из курганов № 3 и № 4 свиде-
тельствует о многофункциональности их исполь-
зования — в составе ожерелий, наборных брасле-
тов, возможно, ременных поясов. Типологически
близкие изделия обнаружены в позднеямном захо-
ронении у пос. Донской в Нижнем Подонье [159,
с. 31]. В северостепном Днепровском Левобережье
металлические обоймы встречаются в составе по-
гребальных комплексов 3-го хронологического го-
ризонта древнеямной общности, частично смыка-
ющегося во времени с ранними катакомбами [160,
с. 95, рис. 14, 14]. Наборные браслеты из бронзо-
вых обойм получили широкое распространение у
населения, оставившего в Днестровско-Прутском
междуречье памятники буджакской группы древ-
неямной общности, синхронизованной с катаком-
бными древностями более восточных территорий
[161, с. 83]. Подобные изделия известны и в соб-
ственно катакомбных комплексах. Бронзовые обой-
мы от наборных украшений на ременной основе
выявлены в раннекатакомбном захоронении у
с. Вербки в Присамарье [162, с. 27, рис. 3, 2, 4-
7]. В катакомбе у с. Бузовка на р. Орель обоймы
входили в комплекс металлических украшений,
имеющих прямые аналогии в материалах раннего
этапа северокавказской культуры [162, с. 29].
В погребении 2/9 у с. Красная Заря в Донецкой
области металлические обоймы найдены вместе
с бронзовыми слабовыпуклыми бляхами с пуансон-
ным орнаментом и спиралевидными подвесками в
три оборота [131, с. 9-11, рис. 4]. Последние виды
украшений дают возможность сопоставить красно-
зоренское погребение с комплексами рубежа III-
II тыс. до н. э. в Прикубанье, Предкавказье и на
Северном Кавказе [163, с. 90-92].

Приведенные данные позволяют последние
столетия III-рубеж III-II тыс. до н. э. рассматри-
вать как период максимального распространения
наборных браслетов и вообще техники окантов-
ки металлическими обоймами ременной основы.
В последующее время этот вид украшений прак-
тически выходит из употребления.

Кажется, на неизжитость древнеямных тради-
ций указывает и роговой топорик-навершие из ос-
новного донецкого захоронения 2/8 группы Ново-

Платоновка (рис. 21, 15). Роговые и костяные на-
вершия более характерны для памятников энеоли-
та-ранней бронзы степного пояса Восточной Евро-
пы [164, с. 66; рис. 32, 4; 165, рис. 4, 11; 166,
рис. 7, 6; 167, с. 17, рис. 5/3]. В раннедонецких
комплексах они почти не встречаются.

В целом продвижение донецких группировок
в лесостепь Восточной Украины может быть отне-
сено к рубежу III-II тыс. до н. э. с учетом того
обстоятельства, что оно имело характер не одно-
разового явления, а растянутого во времени про-
цесса. Намеченная нижняя хронологическая гра-
ница донецких памятников в лесостепи может
быть скорректирована ввиду наметившейся тен-
денции к общему удревнению эпохи бронзы Вос-
точной Европы, но это не отразится на сущности
фиксируемых процессов.

Верхняя хронологическая граница донецкой
катакомбной культуры в лесостепи вряд ли мо-
жет быть определена в виде конкретной даты, так
как имели место постепенная трансформация иде-
ологической сферы, обусловленная факторами ста-
диально-исторического порядка, и сопутствующие
ей видоизменения в материальной культуре, при-
ведшие к появлению нового качества, фиксируе-
мого как позднекатакомбные памятники осколо-
донецкого типа. Указанием на финальную стадию
донецкой культуры могут служить некоторые
категории изделий, в частности, металлические ук-
рашения, имеющие прямые аналогии в комплек-
сах среднего бронзового века Предкавказья и Се-
верного Кавказа. Так, в донецком погребении 3/1
у с. Вербовка на Северском Донце на кистях обе-
их рук погребенного находились наборные брас-
леты из бронзовых пронизок и небольших диско-
видных медальонов с ушком для подвешивания
(рис. 20, 2-4) [56, с. 108-113, рис. 68, 3, 11-12].
Подобные украшения из свернутой спиралью тон-
кой проволоки, в том числе с напаянными на внеш-
ней поверхности маленькими шариками, хорошо
представлены в памятниках среднего периода се-
верокавказской культуры в Прикубанье и в комп-
лексах предкавказской культуры в степном Пред-
кавказье [168, с. 104, рис. 32, 10, рис. 33, 10;
169, с. 124, рис. 17, 21]. Следует также учиты-
вать, что в орнаментации посуды лесостепных
донецких памятников спорадически встречаются
оттиски мелкого треугольного штампа, появляю-
щегося в украшении керамики первого периода
северокавказской культуры, но максимального
распространения достигающего во время ее рас-
цвета [71, с. 88].

Таким образом, в конце первой четверти
II тыс. до н. э. донецкие комплексы в восточно-
украинской лесостепи еще сохраняют основные
культурообразующие признаки в погребальном
обряде и материальной культуре, позволяющие
рассматривать их в системе особого культурно-

исторического явления, именуемого археологиче-
ской культурой.

В определении хронологической позиции поз-
некатакомбных памятников осколо-донецкого
типа важное значение имеют данные относитель-
ной хронологии, опирающиеся на стратиграфи-
ческие наблюдения и возможности синхронизации
с культурно-историческими образованиями при-
легающих и более отдаленных регионов Восточ-
ной Европы. В курганной стратиграфии погребе-
ния осколо-донецкого типа следуют за донецкими
и перекрываются захоронениями срубной общ-
ности. Перекрывание позднекатакомбных гори-
зонтов материалами раннего (Сердюково-2) или
позднего (Поляны-I, Снежковка-7) периода
срубной общности отмечено на ряде лесостепных
поселений.

На керамике памятников осколо-донецкого
типа появляется и получает распространение
специфический прием рельефной орнаментации
продавленными валиками, создающими «гоф-
рированную» поверхность (рис. 37, 2, 4). Сосуды
украшенные подобным образом встречаются в поз-
днекатакомбных комплексах Среднего и Нижнего
Подонья [137, рис. 4, 1; 41, рис. 30, 3]. Горшок
орнаментированный «...широкими и глубокими
горизонтальными желобками, образующими 5 чет-
ко выступающих ребер», промежутки между ко-
торыми были заполнены отпечатками ногтя или
ракушки, входил в состав инвентаря погребения
25/5 Новокумакского могильника [170, с. 17,
рис. 4, 5]. Горизонтальными «желобками», запол-
ненными ногтевыми вдавлениями, была покрыта
нижняя половина сосуда из погребения 5/8 По-
таповского могильника в Среднем Поволжье. Весь-
ма показательны, что на плечиках сосуда ногте-
выми вдавлениями были нанесены полукруглые
свисающие фестоны — орнаментальная компози-
ция, совершенно не свойственная местной гончар-
ной традиции [171, с. 34, рис. 49, 1]. «Гофриро-
ванку» нижней половины тулова имели сосуды
уровня древнего горизонта 2-го Нурдаветовского
кургана в Башкирии. Основное абашевское поgre-
бение кургана синхронизовано с петровско-син-
таштинскими комплексами Южного Урала и Ка-
захстана [172, с. 93, рис. 6, 4, II]. Горшки
украшенные широкими горизонтальными желоб-
ками, проведенными пальцем при формовке, при-
существовали в позднеполтавкинском захоронении
2/5 Абашевского могильника [173, с. 79, рис. 3,
13]. В несколько ослабленном и переработанном
виде орнаментация горизонтальными или волни-
стыми желобками встречается на керамике пет-
ровских памятников Северного Казахстана [80,
с. 109-110].

Безусловно, речь не может идти о полном со-
впадении техники нанесения орнамента и тожд-
естве композиционных решений. В данном слу-

более важной представляется сама тенденция к «гофрировке» внешней поверхности, своеобразная мода в орнаментации, получившая распространение на широких пространствах Евразии за определенный промежуток времени. К явлениям такого же стадиального порядка относятся и другие виды рельефной орнаментации — одиночные и множественные налепные валики, иногда образующие сложные геометрические композиции, налепы-пишечки и пуговичные налепы. В частности, налепы-пишечки, наряду с «гофрировкой», использовались в орнаментации керамики памятников новокумакского и потаповского типов, абашевской культуры [170, с. 27; 171, с. 17, рис. 37, 11; 174, с. 130]. Существенным и сочетание различных видов рельефной орнаментации представляет комплексное явление, характеризует заключительный период эпохи поздней бронзы в целом. Совершенно очевидно, что сводить распространение рельефной орнаментации только к сильному импульсу, исходящему из области распространения памятников многоваликовой керамики, по меньшей мере неправомерно. Это явление стадиально-исторического характера, позволяющее выводить в единую хронологическую плоскость позднекатакомбные образования (среднедонскую катакомбную культуру, памятники осколо-донецкого, бахмутского, маньчского типов), памятники многоваликовой керамики, баланбашскую и доно-волжскую абашевские культуры, памятники типа Новый Бумак-Синташта-Петровка-Потаповка.

Правомерность подобной синхронизации иллюстрируется и другими категориями изделий из бронзы, кости и рога, демонстрирующими широкий пространственный диапазон при ограниченном хронологическом интервале. Так, ножи новошатоновского типа (рис. 43, 9–11) встречаются в позднекатакомбных погребениях Нижнего Поволжья, Ставрополя, Калмыкии [41, рис. 53, 13, рис. 54, 8; 90, рис. 27, 2-3; 67, рис. 4, 22; 175, рис. 8, 6; 176, рис. 2, 3]. Зафиксировано сочетание подобного ножа в одном комплексе с долотом востромского типа [177, рис. 22, 4–7]. В северостепном Днепровском Левобережье аналогичный нож происходит из погребения позднего этапа днепро-азовской культуры, синхронизованного с памятниками ингульской катакомбной культуры [126, с. 24; 162, рис. 1, 2]. Типологически близкие ножи с параллельными сторонами клинка и продольным осевым утолщением имеются в материалах Сейминского могильника и памятников петровского типа Северного Казахстана [80, рис. 10-А, 16; 178, с. 101, рис. 57, 9–13]. В системе существующих хронологических разработок для эпохи бронзы бытование ножей этого типа может быть в целом ограничено рамками конца XVIII–начала XVI вв. до н. э.

К явлениям надкультурного, стадиального характера относятся также некоторые категории украшений, в частности, бронзовые височные подвески. В погребении осколо-донецкого типа 4/2 у с. Вербовка на Северском Донце найдена овальная в плане подвеска в 1,5 оборота с раскованными окончаниями (рис. 20, 31) [56, с. 122, рис. 63, 6]. Аналогичные подвески содержатся в материалах погребений верхнекубанской группы предкавказской катакомбной культуры [168, с. 131, рис. 44, 63]. Типологически близкие подвески в 1,5 оборота, нередко изготовленные из серебра, были распространены в среде абашевского населения Среднего Поволжья [179, с. 215, табл. V, 1–3, табл. VII, 1–4]. Подобные бронзовые украшения, в том числе плакированные золотом, встречены в материалах погребений Синташтинского могильника [180, с. 95]. В этой связи важно отметить наметившуюся тенденцию к удревнению синташтинской культуры до XVIII–XVII вв. до н. э. [181, с. 41]. Известен был катакомбным мастерам-ювелирам и прием плакировки золотом бронзовой основы: бронзовые позолоченные височные подвески обнаружены в осколо-донецком захоронении 6/1 у с. Вербовка (рис. 20, 36–37) [56, с. 142, рис. 70, 10–11].

Широкую территорию распространения имеют также костяные черешковые наконечники стрел, подобные происходящим из катакомбного горизонта поселения Студенок-6 на Северском Донце (рис. 46, 3–5). Типологически близкие наконечники имеются в материалах абашевских памятников Приуралья и Южного Урала [94, с. 72, рис. 8, 12–13; 182, рис. 7, 7]. Сейминским временем датируется слой эпохи бронзы в святилище Канинской пещеры на Северном Урале, в котором найдено свыше 100 костяных наконечников стрел, в том числе с треугольной в плане головкой и длинным уплощенным снизу черешком [178, рис. 106, 1–3]. Крупные костяные черешковые наконечники стрел, но с подромбической в плане головкой, известны в среднедонских катакомбных комплексах [78, с. 59–74, рис. 2, 7–10]. В эпоху поздней бронзы костяные наконечники стрел представлены уже другими типами [183, рис. 1, 4–5, 8].

По времени к сейминскому хронологическому горизонту тяготеют каменные проушные топоры с полусферическим обухом (рис. 44, 1), хотя не исключено, что в позднекатакомбной среде они появляются несколько раньше.

В основном с позднекатакомбным ареалом совпадает территория распространения бронзовых ножей с подтреугольной расковкой острия (рис. 43, 1–6). На Нижнем Дону и в Донбассе ножи этого типа известны в позднекатакомбных комплексах бахмутского и маньчского типов [41, с. 95, рис. 53; 184, с. 14; 185, с. 72–74, рис. 9, 3].

В лесостепном Подонье они чаще связаны с захоронениями позднего периода среднедонской катакомбной культуры [141, с. 153–154, рис. 33, 5, рис. 36, 5]. В основном погребении Усманского кургана, кроме подобного ножа, шила и округлой в плане височной подвески, обнаружены также сосуды, нарядно украшенные композициями из налепных валиков и налепов-шишечек. Сузить датировку комплекса до XVII в. до н. э. позволяет наличие впускного захоронения покровского типа [186, с. 10, рис. 3]. Нож этого типа входил в состав инвентаря катакомбного погребения 28 Тимашевского кургана в Прикубанье, которое по набору бронзовых украшений надежно синхронизуется с памятниками второго периода северокавказской культуры [187, с. 240, рис. 1, 1]. Одним из наиболее поздних изделий этого рода можно считать бронзовый нож из покровского захоронения в Белогорском грунтовой могильнике на правом берегу Волги [188, с. 111–114].

Ограниченный хронологический диапазон имеют литые орнаментированные «разделители» ожерелий (рис. 20, 19). Украшения этого рода максимального распространения достигли во втором периоде северокавказской культуры. Именно в это время на металлических изделиях преобладает литой орнамент, имитирующий шнур, спиральные узоры, плоские кружочки [71, с. 97, рис. 46, 52; 189, рис. 29, 17–23]. Хорошо представлены бронзовые литые орнаментированные «разделители» в памятниках батуриновского варианта и верхнекубанской группы предкавказской катакомбной культуры, время существования которых определяется в рамках XVII–XV вв. до н. э. [168, с. 131, рис. 46, 66–69; 190, с. 108–111, рис. 4, 1–6].

Важной для определения финальной стадии памятников осколо-донецкого типа в восточнорусской лесостепи представляется находка костяного плоского дисковидного псаля (рис. 46, 1) на поселении Поляны-1, на правомерности соотношения которого с позднекатакомбным горизонтом уже приходилось останавливаться [191, с. 94]. Подобные плоские псаля могли использоваться в упряжи верховой лошади, не требовавшей особой строгости в управлении [192, с. 64]. В памятниках позднекатакомбного периода известны находки и дисковидных псаляев с монолитными шипами, рассматривающихся как элементы колесничной упряжи [99, рис. 3, 1; 193, с. 82]. Возможность существования боевых колесниц у населения катакомбной культурно-исторической области иллюстрируется остатками одноосной двухколесной колесницы в погребении 11/27 у с. Марьевка Запорожской области [194, с. 206–210, рис. 3–4]. Появление боевых колесниц, как следствие социальной дифференциации общества и выделения воинской знати не может быть при-

вилегией какой-либо замкнутой этно-социальной структуры; это явление стадиально-исторического порядка, характеризующее содержание целой эпохи. Именно на заключительной стадии эпохи средней бронзы (во второй четверти II тыс. до н. э.) боевые колесницы и сопутствующие им детали упряжи фиксируются в памятниках разных культурно-исторических образований Евразии [195, с. 178–181; 196, с. 32–33]. Корректность подобного хронологического сопоставления подтверждается сочетанием в инвентаре погребения 5/8 Потаповского могильника дисковидных роговых псаляев со сменными шипами и сосудом, украшенного в нижней половине тулова параллельными продавленными валиками [171, с. 34, рис. 49, 1–4]. Весьма вероятно использование катакомбными племенами в колесничной упряжке лошадей так как останки этих животных неоднократно встречены в погребениях с выраженными признаками социальной неординарности [197, с. 22, рис. 2–5; 198, с. 47–49]. Что касается полянского псаля, характеризующегося отсутствием шипов при сохранении основных конструктивных особенностей дисковидных псаляев, то его предположительно можно рассматривать как один из первых опытов приспособления традиционной формы к оголовью верховой лошади.

Таким образом, основные категории датируемых изделий из памятников осколо-донецкого типа, равно как и предложенные линии синхронизации, укладываются в рамки конца XVIII–начал XVI вв. до н. э., что в целом и определяет период их существования. При этом середину-вторую половину XVIII в. до н. э. правомерно рассматривать как время постепенной трансформации донецкой катакомбной культуры, обусловленной процессами стадиально-исторического характера, имевшими разную интенсивность в конкретных территориальных регионах.

В этой связи особую значимость приобретает вопрос о соотношении позднекатакомбных памятников осколо-донецкого и бахмутского типов. В русле подхода к обоим массивам памятников как к явлениям одновременным, возникшим на общей этнокультурной основе в виде донецкой катакомбной культуры и характеризующим одну историческую эпоху, становится очевидным, что различия культуuroобразующего порядка между ними практически отсутствуют. Те особенности, которые формируют своеобразный облик бахмутского керамического комплекса, особенно в области орнаментации — преобладание рельефного декора (валиков, пальцевых зашипов, налепов), появление зональных и паркетных композиций в прочерченной технике, — выразительно представлены и на осколо-донецкой посуде, а «перевёрнутые» композиции на бахмутских сосудах являются не свидетельством влияния харьков-

Днепропетровской (среднедонской) культуры, а отложением стадияльных процессов, своеобразной «моды» в орнаментации. Нет принципиальных различий и в погребальной обрядности. Это де-

лает перспективным в дальнейшем, по мере расширения источниковой базы, объединения обеих групп памятников в рамках единого культурно-исторического образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березанская С. С. Северная Украина в эпоху бронзы. — К., 1982.
2. Ромашко В. А. Поздний бронзовый век в приграничье лесостепи и степи Левобережной Украины (XII-X вв. до н. э.). — Днепропетровск, 1995.
3. Природа Украинской ССР. Почвы / Под ред. Б. Вернандер, Д. А. Тютюнник. — К., 1986.
4. Геоботаничне районування Української РСР. — К., 1977.
5. Моргунов Ю. Ю. Древнерусские городища окрестностей летописного города Лохвицы // СА. — 1988. — № 2.
6. Плетнева С. А. Половцы. — М., 1990.
7. Кириков С. В. Человек и природа восточно-европейской лесостепи в X-начале XIX вв. — М., 1979.
8. Боплан Г. Л. де. Опис України кількох провінцій королівства Польського, що тягнуться до кордонів Московії до границь Трансильванії, разом з їхніми звичаями, способом життя і веденням воєн. — К., 1990.
9. Природа и население Слободской Украины. Харьковская губерния / Под ред. проф. В. И. Тазева. — Харьков, 1918.
10. Чижов М. П. Украинский лесостеп. — К., 1961.
11. Бобошко В. И. Методы изучения почв и почвенный покров Харьковской области // Материалы Харьковского отдела географического общества Украины. — Вып. VIII. — Харьков, 1971.
12. Физико-географическое районирование Украинской ССР. — К., 1968.
13. Мильков Ф. Н. Природные зоны СССР. — М., 1977.
14. Атлас почв Украинской ССР. — К., 1979.
15. Природа Украинской ССР. — К., 1986.
16. Артюшенко А. Т. Растительность лесостепи и степи Украины в четвертичном периоде. — К., 1970.
17. Безусько Л. Г. До питання про розвиток рослинності Лівобережного лісостепу України в голоцені за даними спорово-пилкових досліджень // Український ботанічний журнал. — Т. XXX. — № 2. — К., 1973.
18. Украина и Молдавия. — М., 1972.
19. Білик Г. У. Детальне геоботаничне районування степу Української РСР // Український ботанічний журнал. — Т. XXX. — № 2. — К., 1973.
20. Альбовский Е. Валки, украинный город Московского государства. — Харьков, 1990.
21. Книга Большому чертежу. — М.-Л., 1950.
22. Багалій Д. І. Історія Слобідської України. — Харків, 1990.
23. Дневник путешествия по Слободско-Украинской губернии академика Санкт-Петербургской Академии наук Гильденштедта в августе и сентябре 1774 г. // Харьковский сборник. — Харьков, 1891 (отдельный оттиск).
24. Демченко А. М. Типы местностей бассейна р. Волчьей (в пределах Харьковской области) // Природные и трудовые ресурсы Левобережной Украины и их использование. — Т. VII. — М., 1966.
25. Красніков М. П., Трегуба С. П. Харківська область (географічний нарис). — К., 1962.
26. Слюсарский А. Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII-XVIII вв. — Харьков, 1964.
27. Котельников В. Л. Южная полоса европейской части СССР. — М., 1973.
28. Самойлова Е. М. Луговые почвы лесостепи. — М., 1981.
29. Нейштадт М. И. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. — М., 1957.
30. Бучинский И. Е. Климат Украины. — Л., 1960.
31. Борисов А. А. Климат СССР в прошлом, настоящем и будущем. — Л., 1975.
32. Лосев К. С. Климат вчера, сегодня... и завтра? — Л., 1985.
33. Серебрянная Т. А. О динамике лесостепной зоны в центре Русской равнины в голоцене // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. — М., 1982.
34. Спиридонова Е. А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене-голоцене. — М., 1991.
35. Иванов И. В. Изменение климата южной Украины в голоцене // Проблемы археологии Поднепровья. — Вып. 2. — Днепропетровск, 1985.
36. Демкин В. А. Природные условия волгоуральских степей в III-II тыс. до н. э. // Северо-

Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век). — Часть I. — Донецк, 1996.

37. Раунер Ю. Л., Золотокрылин А. Н., Попова В. В. Колебания влажности климата на европейской части СССР за 4000 лет // Известия АН СССР. Серия географическая. — № 1. — М., 1983.

38. Швец Г. И. Многовековая изменчивость стока Днепра. — Л., 1978.

39. Шрамко Б. А., Цепкий Е. А. Рыболовство у жителей Донецкого городища в VIII-XIII вв. // СА. — 1962. — № 2.

40. Мильков Ф. Н. Природные зоны СССР. — М., 1977.

41. Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы (периодизация и хронология памятников). — К., 1976.

42. Тэйлор Э. Первобытная культура. — М., 1939.

43. Крыганов А. В. Отчет о полевых исследованиях Новостроечной археологической экспедиции Харьковского госуниверситета в Купянском районе Харьковской области в 1989 году. — Архив Археологического музея ХГУ, б/н.

44. Шрамко Б. А. Курганы у с. Веселое в Харьковской области // Вестник Харьковского госуниверситета. — № 362. — Вып. 25. — Харьков, 1992.

45. Городцов В. А. Материалы исследований на берегах р. Донца, Изюмского уезда Харьковской губернии // Труды XII Археологического съезда. — Т. I. — М., 1905.

46. Шепко Л. Г. Курган эпохи бронзы у с. Новотроицкое // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. — Донецк, 1979.

47. Цуцкин Е. В., Шилов В. П. Исследования в группе Три брата // Археологические открытия (АО) 1980 года. — М., 1981.

48. Мишина Т. К. Курганы эпохи ранней бронзы Центрального Ставрополя // Древности Ставрополя. — М., 1989.

49. Байбури А. К. Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. — Л., 1990.

50. Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга за 1888-1902 гг. — СПб.; 1908.

51. Качалова Н. К. Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга. Эпоха бронзы // САИ. — Вып. В4-12. — М., 1974.

52. Санжаров С. Н. Погребения донецкой катакомбной культуры с игральными костями // СА. — 1988. — № 1.

53. Пустовалов С. Ж., Рассемакин Ю. Я. О реконструкции религиозных представлений в эпоху средней бронзы в Северном Причерноморье // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. — Запорожье, 1990.

54. Антонова Е. В., Раевский Д. С. «Богаство» древних захоронений (к вопросу о роли идеологического фактора в формировании облика погребального комплекса) // Ф. Энгельс и проблемы истории древних обществ. — К., 1984.

55. Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. — Л., 1936.

56. Клименко В. Ф. Курганные древности Северского Донца. — Енакиево, 1997.

57. Городцов В. А. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года // Труды XIII АС. — Т. I. — М., 1907.

58. Власкин М. В., Ильюков Л. С. Каменные песты и ступы катакомбной культуры Нижнего Дона // РА. — 1992. — № 3.

59. Мельник В. И. Особые виды погребений катакомбной общности. — М., 1991.

60. Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года // Труды XIII АС. — Т. I. — М., 1907.

61. Татаринцов С. И., Дмитриев В. А. Отчет об охранных раскопках на территории Артемовского района в 1989 году. — Архив Артемовского краеведческого музея, б/н.

62. Синюк А. Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Шавловский могильник). — Воронеж, 1983.

63. Шилов В. П. Проблема освоения открытых степей Калмыкии от эпохи бронзы до средневековья // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. — Элиста, 1982.

64. Крылова Л. П., Кубышев А. И., Яковенко Э. В. Курганы у с. Красное // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. — К., 1967.

65. Тоцев Г. Н. О памятниках катакомбной культуры на территории северо-западного Причерноморья. — К., 1981.

66. Кравец Д. П., Посредников В. А., Литвиненко Р. А. Курганы эпохи раннего металла Ивано-Дарьевского микрорайона в Донбассе. — Донецк, 1991.

67. Корневский С. Н. О металлических ножжах ямной, полтавкинской и катакомбной культур // СА. — 1978. — № 2.

68. Пузаков Е. В. Каменные сверленные топоры-молоты в верхнем течении Северского Донца // СА. — 1961. — № 1.

69. Клейн Л. С. Катакомбные памятники эпохи бронзы и проблема выделения археологических культур // СА. — 1962. — № 2.

70. Карагодин М. И. Новые находки бронзового века в с. Шелаево (р. Оскол) // СА. — 1977. — № 2.

71. Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.) // МИА. — № 93. — 1960.

72. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года // Труды XII АС. — Т. I. — М., 1905.
73. *Кульбака В., Качур В.* Соматичні культури бронзового віку півдня Східної Європи. — Маріуполь, 1998.
74. *Мельник Е.* Дневник раскопок // Труды XII АС. — Т. I. — М., 1905.
75. *Санжаров С. Н.* Катакомбная культура на территории Северо-Восточного Приазовья. Автореф. дисс... канд. ист. наук. — К., 1991.
76. *Беседин В. И.* Традиция ориентировок катакомбных погребений Среднего Дона // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. — Липецк, 1992.
77. *Берестнев С. И.* Новолатоновский курганный катакомбный могильник на р. Оскол // Древности. — Харьков, 1995.
78. *Погорелов В. И.* Погребения катакомбного типа II Павловского могильника // Исследования памятников археологии Восточной Европы. — Воронеж, 1988.
79. *Елисеев В. Ф., Ключинцев В. И.* Погребения с костяными пряжками в междуречье Ингульда и Тилигула // Материалы по хронологии памятников археологии Украины. — К., 1982.
80. *Зданович Г. Б.* Бронзовый век Урало-Кавказских степей (основы периодизации). — Свердловск, 1988.
81. *Евтюхова О. Н.* К вопросу о погребальном обряде абашевской культуры // МИА. — № 97. — 1961.
82. *Генинг В. Ф.* Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. — 1977. — № 4.
83. *Писларий И. А.* Итоги изучения памятников середины II тыс. до н. э. в Донецкой лесостепи // Археологические исследования на Украине в 1978–1979 гг. — Днепропетровск, 1980.
84. *Ковалева И. Ф.* Погребальный обряд и идеология ранних скотоводов (по материалам культур бронзового века Левобережной Украины). — Днепропетровск, 1983.
85. *Корпусова В. Н., Бессонова С. С., Черных Л. А.* Раскопки курганов в степном Крыму // Археологические открытия 1978 года. — М., 1979.
86. *Ефимов К. Ю., Чекаменев Ю. А.* Погребения эпохи бронзы курганного могильника Старая Капитва // Археологические исследования высшей педагогической школы. — Воронеж, 1996.
87. *Синицын И. В., Эрдниева У. Э.* Элистинский могильник // Труды КНИИЯЛИ. — Элиста, 1971.
88. *Эрдниева У. Э.* Калмыцкая степь в эпоху катакомбной культуры // Археологические памятники калмыцкой степи. — Элиста, 1978.
89. *Плешивенко А. Г., Шмакова О. А.* Катакомбный могильник на Лысой Горе Васильевского района // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. — Запорожье, 1990.
90. *Синицын И. В., Эрдниева У. Э.* Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 году. — Элиста, 1963.
91. *Березуцкая Т. Ю.* Катакомбные погребения кургана № 1 Пасековского могильника // Археологические исследования высшей педагогической школы. — Воронеж, 1996.
92. *Крайнев Д. А.* Памятники фатьяновской культуры. Московская группа // САИ. — Вып. В1–19. — М., 1963.
93. *Крайнев Д. А., Гадзяцкая О. С.* Фатьяновская культура. Ярославск-Поволжье // САИ. — Вып. В1–22. — М., 1987.
94. *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала. — М., 1967.
95. *Крижевская Л. Я.* Парное погребение животных на поселении Кокуй-II // Памятники древнейшей истории Евразии. — М., 1975.
96. *Сарианиди В. И.* Бактрия сквозь мглу веков. — М., 1984.
97. *Санжаров С. Н.* О культурной принадлежности Проказинского поселения эпохи бронзы // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины. — Харьков, 1995.
98. *Лесков А. М.* Кировское поселение // Древности Восточного Крыма. — К., 1970.
99. *Рыбалова В. Д.* Поселение Каменка в Восточном Крыму // АСГЭ. — Вып. 16. — Л., 1974.
100. *Шапошникова О. Г.* Про пам'ятки часу катакомбної культури в степовому Подніпрров'ї // Археологія. — Т. 21. — 1968.
101. *Никитин В. И.* Матвеевка-1 — поселение катакомбной культуры на Южном Буге // СА. — 1989. — № 2.
102. *Пряхин А. Д.* Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. — Воронеж, 1982.
103. *Багалей Д. И.* Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии // Труды XII АС. — Т. I. — М., 1905.
104. *Кривоцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. — № 46. — М., 1955.
105. *Корнеевский С. Н.* О металлических топорах Северного Причерноморья, Среднего и Нижнего Поволжья эпохи средней бронзы // СА. — 1976. — № 4.
106. *Ковалева И. Ф., Волкобой С. С., Костенко В. И., Шалобудов В. Н.* Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы учхоза «Самарский» (Днепропетровского сельскохозяйственного института) // Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н. э. — Днепропетровск, 1978.

107. Шапошникова О. Г. До питання про мета-лообробку у племен донецької катакомбної культури // Археологія. — № 1. — 1971.
108. Братченко С. Н., Шапошникова О. Г. Катакомбная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР. — Т. I — К., 1985.
109. Державин В. Л., Тихонов Б. Г. Погребение литейщика эпохи средней бронзы на Ставрополье // СА. — 1991. — № 3.
110. Шрамко В. А., Машкаров Ю. Г. Исследования биметаллического ножа из погребения катакомбной культуры // РА. — 1993. — № 2.
111. Радзівєвська В. Є., Шрамко В. О. Нові археологічні пам'ятки на Харківщині // Археологія. — № 33. — 1980.
112. Буйнов Ю. В. О культурно-хронологической принадлежности памятников малобудковского типа эпохи бронзы // Древности. — Харьков, 1994.
113. Выборный В. Ю. Об одном из нетрадиционных изделий погребального обряда // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. — Луганск, 1990.
114. Кривцова-Гракова О. А. Генетическая связь ямной и катакомбной культур // Труды ГИМ. — Вып. VIII. — М., 1938.
115. Попова Т. Б. Племена катакомбной культуры // Труды ГИМ. — Вып. 24. — М., 1955.
116. Кияшко В. Я. Параллели развития погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Приазовье и Западном Кавказе // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. — Донецк, 1979.
117. Евдокимов Г. Л. О раннем этапе катакомбной культуры в Северном Причерноморье // Проблемы эпохи бронзы Восточной Европы. — К., 1977.
118. Братченко С. Н. Катакомбные культуры Северского Донца и Северо-Восточного Приазовья // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. — Донецк, 1989.
119. Артамонов М. И. К вопросу о происхождении скифов // ВДИ. — 1950. — № 2(32).
120. Марковий В. И. Степи и Северный Кавказ: об изучении взаимосвязей древних племен // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. — М., 1976.
121. Клейн Л. С. Краткое обоснование миграционной гипотезы о происхождении катакомбной культуры // Вестник ЛГУ. — № 2. — Л., 1962.
122. Николаева Н. А., Сафронов В. А. Древнейшая катакомбная культура Северного Кавказа и проблема появления катакомбного обряда в Восточной Европе // Катакомбные культуры Северного Кавказа. — Орджоникидзе, 1981.
123. Городцов В. А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Исторического музея за 1914 год. — М., 1916.
124. Санжаров С. Н. Катакомбная культура на территории Северо-Восточного Приазовья. Автореф. дисс... канд. ист. наук. — К., 1991.
125. Кияшко А. В. Ранний этап катакомбной культуры на Нижнем Дону. Автореф. дисс... канд. ист. наук. — Л., 1990.
126. Марина З. П. О погребениях так называемого ямно-катакомбного типа // Древности степного Поднепровья (III-I тыс. до н. э.). — Днепропетровск, 1983.
127. Рассмакин Ю. Я. Энеолитические погребения бассейна р. Молочной // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. — К., 1987.
128. Гаджиев М. Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. — М., 1993.
129. Марковий В. И. Дольмены Западного Кавказа. — М., 1978.
130. Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Погребальный обряд племен халафской культуры (Месопотамия) // Археология Старого и Нового Света. — М., 1982.
131. Санжаров С. Н. Северскодонские раннекатакомбные погребения с орнаментированными бляхами. Каталог археологических коллекций. — Вып. 1. — Луганск, 1992.
132. Ковалева И. Ф. История населения пограничья лесостепи и степи левобережного Поднепровья в позднем энеолите-бронзовом веке. Автореф. дисс... доктора ист. наук. — К., 1987.
133. Фещенко Є. Л. Поховальний обряд населення катакомбної культури північностепового Подніпров'я та передстепу (досвід вивчення з застосуванням формалізовано-статистичних методів). — Автореф. дисс... канд. іст. наук. — Дніпропетровськ, 1993.
134. Березанська С. С. Деякі питання історії Середнього Подніпров'я в епоху ранньої бронзи // Археологія. — Т. XX. — 1966.
135. Бондарь Н. Н. К вопросу о взаимоотношениях степных и лесостепных племен в эпоху поздней бронзы // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. — Донецк, 1979.
136. Иевлев М. М., Сердюкова И. А. К вопросу о проникновении катакомбных племен в лесостепное Поднепровье // Проблемы археологии Сумщины. — Сумы, 1990.
137. Латынин Б. А. К вопросу о памятниках с так называемой многоваликовой керамикой // АСГЭ. — Вып. 6. — Л., 1964.
138. Клейн Л. С. Катакомбная культура или катакомбные культуры? // Статистико-комбинаторные методы в археологии. — М., 1970.
139. Шапошникова О. Г. Катакомбна культура на область // Археологія Української РСР. — Т. I. — К., 1971.
140. Братченко С. Н., Шапошникова О. Г. Катакомбная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР. — Т. I. — К., 1985.
141. Синюк А. Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). — Воронеж, 1983.

142. *Синюк А. Т.* Погребения ямной и катакомбной культур Первого Власовского могильника // Проблемы археологического изучения доново-волжской лесостепи. — Воронеж, 1989.
143. *Погорелов В. И.* Ямно-катакомбные погребения Среднего Дона // СА. — 1989. — № 2.
144. *Пряхин А. Д.* Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. — Воронеж, 1982.
145. *Пряхин А. Д., Матвеев Ю. П., Беседин В. И.* Среднедонская катакомбная культура: происхождение, этапы развития. — Воронеж, 1991.
146. *Матвеев Ю. П.* О происхождении среднедонской катакомбной культуры // Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. — Воронеж, 1986.
147. *Матвеев Ю. П.* Среднедонская катакомбная культура: происхождение, периодизация, дальнейшая судьба // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. — Запорожье, 1990.
148. *Смирнов А. М.* Катакомбные культуры в бассейне Северского Донца. Автореф. дисс... канд. ист. наук. — М., 1987.
149. *Матвеев Ю. П.* Заключительный этап среднедонской катакомбной культуры // Археологические исследования в Центральном Черноземье в 12-й пятилетке. — Белгород, 1990.
150. *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962–1963 гг.). — Вып. 2. — Элиста, 1966.
151. *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Древности Восточного Мангыча // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. — Элиста, 1982.
152. *Артеменко И. И.* Среднеднепровская культура // Культуры эпохи бронзы лесной полосы СССР. — М., 1987.
153. *Крайнев Д. А.* Фатьяновская культура // Культуры эпохи бронзы лесной полосы СССР. — М., 1987.
154. *Бадер О. Н.* Балановская культура // Культуры эпохи бронзы лесной полосы СССР. — М., 1987.
155. *Кияшко В. Я.* К вопросу о костяных булавах в степных погребениях эпохи бронзы // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. — Куйбышев, 1976.
156. *Бочкарев В. С., Шарфутдинова Э. С. и др.* Работы Кубанской экспедиции 1978–1980 гг. // Древние культуры евразийских степей. — Л., 1983.
157. *Трифонов В. А.* Степное Прикубанье в эпоху энеолита–средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. — Л., 1991.
158. *Кияшко В. Я.* Рогатые амулеты раннего бронзового века // Известия Ростовского областного музея краеведения. — Вып. 6. — Ростов-на-Дону, 1989.
159. *Латынин Б. А.* Молоточковидные булавы, их культурная атрибутика и датировка // АСГЭ. — Вып. 9. — Л., 1967.
160. *Ковалева И. Ф.* Север степного Поднепровья в энеолите–бронзовом веке. — Днепропетровск, 1984.
161. *Дергачев В. А.* Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. — Кишинев, 1986.
162. *Марина Э. П., Ромашко В. А., Фещенко Е. Л. и др.* Курганный могильник у с. Вербки // Исследования по археологии Поднепровья. — Днепропетровск, 1990.
163. *Корневский С. Н.* Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. — М., 1990.
164. *Серова Н. Л., Яровой Е. В.* Григориопольские курганы. — Кишинев, 1987.
165. *Писларий И. А., Кротова А. А., Клочко Т. Н.* Погребения эпохи энеолита в г. Ворошиловграде // Энеолит и бронзовый век Украины. — К., 1976.
166. *Кривоцова-Гракова О. А.* Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле // МИА. — № 115. — 1962.
167. *Андросов А. В., Яременко И. Н., Мартюшенко Д. В.* Курганы эпохи энеолита–бронзового века Каменского поля // Исследования по археологии Поднепровья. — Днепропетровск, 1990.
168. *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. — К., 1978.
169. *Державин В. Л.* Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. — М., 1991.
170. *Кузьмина Е. Е., Смирнов К. Ф.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. — М., 1977.
171. *Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П.* Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. — Самара, 1994.
172. *Горбунов В. С., Пшеничнюк А. Х., Акбулатов И. М.* Новые материалы из погребальных памятников эпохи бронзы Южного Приуралья // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. — Уфа, 1989.
173. *Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф.* Исследования курганов на р. Чагре в Заволжье // Проблемы археологического изучения доново-волжской лесостепи. — Воронеж, 1989.
174. *Пряхин А. Д.* Погребальные абашевские памятники. — Воронеж, 1977.
175. *Смирнов Ю. А.* Погребения мастеров-изготовителей древков и кремневых наконечников стрел // Древности Дона. — М., 1983.
176. *Романовская М. А.* Находки повозок эпохи бронзы в Ставрополье // КСИА. — Вып. 169. — М., 1982.
177. *Эрдниев У. Э.* Археологические памятники Южных Ергеней. — Элиста, 1988.

178. *Черных Е. Н., Кузьминых С. В.* Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). — М., 1989.
179. *Халиков А. Х.* Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // Абашевская культура в Среднем Поволжье. — М., 1961.
180. *Генинг В. Ф.* Хронологические комплексы XVI в до н. э. // Новейшие археологические открытия советских археологов. — Часть 1. — К., 1975.
181. *Отрощенко В. В.* До уточнения хронологии синташтинской культуры // Проблемы хронологии культур энеолита-бронзового века Украины и юга Восточной Европы. — Днепропетровск, 1994.
182. *Морозов Ю. А., Рутто К. Г.* Чишминское поселение срубной культуры на р. Уршак // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. — Уфа, 1989.
183. *Мамонтов В. И.* Арчединский комплекс наконечников стрел срубной культуры // СА. — 1966. — № 3.
184. *Санжаров С. Н.* К вопросу о культурно-хронологическом членении катакомбных памятников Северского Донца // СА. — 1991. — № 3.
185. *Санжаров С. Н.* Курган у г. Краматорска на Казенном Торце // Древние культуры Подонцовья. — Вып. 1. — Луганск, 1993.
186. *Пряхин А. Д., Матвеев Ю. П., Разуваев Ю. Д.* Усманский курган. — Воронеж, 1990.
187. *Динков А. Б.* Катакомбное погребение из Тимашевского кургана в Прикубанье // СА. — 1988. — № 1.
188. *Дремов И. И.* О хронологической неразрывности погребений катакомбной и срубной культур в степном Поволжье // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век). — Часть 1. — Донецк, 1996.
189. *Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х.* Курганы эпохи бронзы у селений Чегем-I, Чегем-II и Кишпек (1-я и 3-я группы) // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. — Т. I. — Нальчик, 1984.
190. *Трифонов В. А.* Батурицкий вариант предкавказской катакомбной культуры // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. — К., 1994.
191. *Берестнев С. И.* Поселение эпохи бронзы Снежковка-7 на Северском Донце // Древности. — Харьков, 1997.
192. *Зданович Г. Б.* Щитковые псалы из Среднего Приишимья // КСИА. — № 185. — 1986.
193. *Кузьмина Е. Е.* Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // ВДИ. — 1974. — № 4.
194. *Чередниченко Н. Н., Пустовалов С. Ж.* Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры (по материалам раскопок в Нижнем Поднепровье) // СА. — 1991. — № 4.
195. *Кузьмина Е. Е.* Откуда пришли индоарии. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. — М., 1994.
196. *Пряхин А. Д., Беседин В. И.* Конская узда периода средней бронзы в восточноевропейской лесостепи и степи // РА. — 1998. — № 3.
197. *Стефанов А. Т.* Раскопки курганов на Северном Донце в окрестностях хутора Хрящевского // Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии. — Кн. I. — Вып. 5-6. — 1928.
198. *Яровой Е. В., Четвериков И. А.* Уникальное захоронение катакомбной культуры в Нижнем Поднепровье // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век). — Часть 1. — Донецк, 1996.

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРЫ МНГОВАЛИКОВОЙ КЕРАМИКИ

в археологии бронзового века Восточной Европы особое место занимает проблема культуры многоваликовой керамики — явления, фиксируемого на огромных пространствах степной зоны от Дуная до Волги. Изучение культуры (культур?) многоваликовой керамики до настоящего времени во многих аспектах остается неясным и дискуссионным. Пожалуй, единственное, в чем сходятся большинство исследователей, — это в признании самого факта существования этого весьма аморфного культурно-исторического образования. В то же время поддержание этого противоречивого явления, вопросы происхождения, этапы развития, сущность процессов, обусловивших неоднозначность проявления культурообразующих признаков по-прежнему далеки от окончательного разрешения. Ситуацию несколько не проясняет наметившийся подход к археологической культуре как к рабочему инструменту исторического исследования, оставляющий широкие возможности для произвольных группировок археологических памятников на основе одного или нескольких признаков.

В середине 50-х годов Т. Б. Попова, характеризуя катакомбную культуру, отнесла к ее заключительному этапу памятники, содержащие керамику, орнаментированную множественными налепными валиками и прочерченными геометрическими композициями. Основанием послужили материалы нескольких поселений, представленных, главным образом, коллекциями подъемного материала (поселения Варыничевка под Харьковом, сад им. Шевченко в Днепропетровске и др.). Их позднекатакомбная принадлежность сомнений не вызвала, поскольку сосуды, украшенные подобным образом, были известны в катакомбных комплексах Поосколья и Среднего Дона, исследованных еще в начале XX века. Появление посуды с выраженным ребром на тулове и прочерченных геометрических композиций в орнаментации исследовательница объяснила усилившимся влиянием со стороны племен срубной культуры, продвигавшихся в середине II тыс. до н. э. в Среднее Подонье и на Северский Донец [1, с. 35–43].

Такой подход вызвал возражения у С. С. Березанской и О. Г. Шапошниковой, которые, ссылаясь на широкий пространственный диапазон рас-

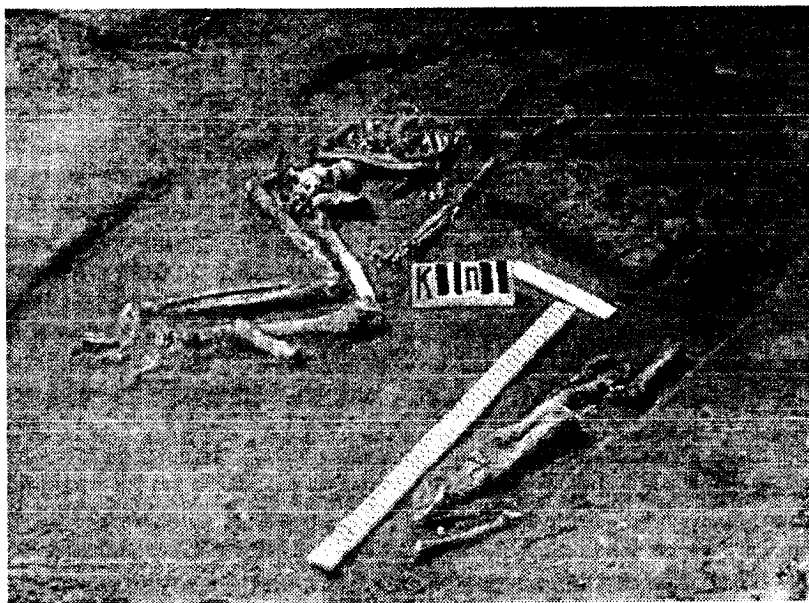
пространения памятников с многоваликовой орнаментацией керамики (по их мнению, значительно превосходивший ареал катакомбной культуры), высказали предположение об их принадлежности к самобытной этнической группе [2, с. 272]. К этому времени для подобной гипотезы уже имелась определенная фактологическая основа. В 1954 г. А. В. Добровольский произвел раскопки поселения Бабино—III в устье р. Конка, на котором были выявлены остатки двух жилищ и получена значительная коллекция керамики, изделий из камня, кремня, кости и металла. В керамическом комплексе преобладали сосуды с прямым или раструбным горлом и реберчатыми плечиками в последней трети высоты, хотя присутствовали и короткогорлые слабопрофилированные горшки. В орнаментации посуды широко использовались налепные и оттянутые валики, пальцевые зацепы, разнообразные вдавления, прочерченные композиции в виде треугольников или вертикальной елочки. На нескольких сосудах орнамент был нанесен оттисками веревочки. А. В. Добровольский отметил особенности керамического комплекса, но в целом отнес поселение к числу позднекатакомбных и датировал серединой II тыс. до н. э. [3, с. 43–45].

Небольшая группа сходной по профилировке и орнаментации керамики содержалась в материалах исследованного С. С. Березанской поселения в урочище «Городок» у с. Волынцево на р. Сейм, притоке Десны [4; 5]. В специальной работе С. С. Березанская прямо поставила вопрос о необходимости выделения особой культуры многоваликовой керамики, синхронной с позднекатакомбной и срубной на юге и комаровской культуре в лесостепи Днепровского Правобережья. Широко используя известные к тому времени материалы, она выделила свыше 100 пунктов, содержащих характерную многоваликовую керамику (в основном поселения, выявленные разведками и характеризующиеся подъемным материалом), и очертила значительную территорию от Южного Буга на западе до Оскола на востоке, от границы лесостепной и лесной зон на севере до побережья Азовского моря на юге. Сопоставляя материалы поселений Волынцево-Городок и Бабино—III,

РАЗДЕЛ II

**ПАМЯТНИКИ
ОБЩНОСТИ МНОГОВАЛИКОВОЙ КЕРАМИКИ**

С. Березанская отметила различия в их керамических комплексах, в частности, преобладание прочерченных композиций на волынцевской посуде, но в целом не сомневалась в их принадлежности к единому культурно-историческому образованию. Происхождение культуры многоваликовой керамики (КМК) она склонна была связывать с памятниками типа Глина-III в Подунавье [6, с. 26-41].

Полемизируя с ней, Т. Б. Попова обоснованно указала на существенную разницу в видовом составе и характере керамических комплексов обеих культур, которые, кроме использования рельефной орнаментации, ничего не связывало, а также на значительный хронологический разрыв между ними. Обращаясь к своеобразному облику глиняной посуды поселения Бабино-III, ставшему основанием для выделения особого культурного типа, Т. Б. Попова отметила несомненную близость форм посуды и орнаментальных композициях керамики харьковско-воронежского варианта катакомбной культуры [7, с. 42-45].

Неубедительной оказалась попытка С. С. Березанской подкрепить поселенческие материалы привлечением данных погребальных комплексов. Выделенную ею группу подкурганых захоронений, интегрируемую только наличием в инвентаре сосудов с выраженным ребром на плечиках, многоваликовыми или прочерченными геометрическими композициями, вошли погребения в широком культурно-хронологическом диапазоне от катакомбных до срубных [8].

В определенной степени тезис Т. Б. Поповой о морфологической близости многоваликовой керамики и посуды среднедонской (харьковско-воронежской) катакомбной культуры поддержал Б. А. Латынин. Справедливо указав на неправомерность ограничения при этнокультурных определениях анализом только керамических комплексов, он привлек более широкий круг источников, в частности, погребальный обряд и некоторые категории изделий из камня, кости и металла. По его мнению, своеобразие среднедонских позднекатакомбных комплексов, сближающее их с многоваликовыми, было обусловлено воздействием именно срубной культуры, генетически связанной с местной катакомбной. Поэтому памятники с многоваликовой керамикой представляли собой украинский локальный вариант срубной культуры, возникший в результате сложения двух культурных компонентов [9, с. 53-71].

С позиции безусловного признания самобытности памятников многоваликовой керамики как особого культурно-исторического образования, сменяющего катакомбную и предшествующего срубной культуре, выступает С. Н. Братченко, предложивший по базовому поселению называть культуру «бабинской». Признавая заметное

сходство керамических комплексов памятников многоваликовой керамики и лесостепных катакомбных (харьковско-воронежских или среднедонских), он видит в этом свидетельство не синхронности, а хронологической последовательности. По его мнению, в позднем периоде развития катакомбной культуры происходят перемещения значительных масс населения, обусловившие трансформацию материальной культуры и смешение признаков разных этнокультурных групп [10, с. 343]. В дальнейшем, развивая это положение, С. Н. Братченко акцентирует внимание на том, что во второй четверти II тыс. до н. э. во всей обширной области распространения культур шнуровой керамики наблюдается тенденция к замене гребенчато-шнуровой орнаментации посуды валиковой и прочерченной, отражающая процессы стадияльно-исторического характера. Отметив это чрезвычайно важное для понимания общего содержания заключительной стадии эпохи средней бронзы обстоятельство, он приходит к выводу, что сложению бабинской культуры в степи предшествовал период распространения северных, лесостепных катакомбных группировок, в керамическом комплексе которых эти новации имели наиболее выраженный характер. Исследователь не исключает, что в этих процессах могли принимать участие и другие культуры шнуровой керамики, в частности, с территории Правобережной Украины и Прикарпатья. Этнокультурная эклектика, вызвавшая распад местных и пришлых образований, сменяется периодом культурной интеграции, в результате которой формируется новое явление — культура многоваликовой керамики [11, с. 40-42].

Серьезным стимулом к активизации разработки проблем культуры многоваликовой керамики послужило выделение серии погребальных памятников, аргументированно увязываемых с КМК. В ходе полевых исследований в среднем и нижнем течении Северского Донца И. А. Писларий обратил внимание на погребения в мелких грунтовых ямах, нередко с внутримогильными деревянными конструкциями, со слабоскорченными на левом боку костяками, ориентированными головами преимущественно в западном направлении, в нескольких случаях сопровождавшиеся фрагментами сосудов с характерной многоваликовой орнаментацией. Значительная серия подобных захоронений, но без керамики, была известна по раскопкам В. А. Городцова в Харьковской и Екатеринославской губерниях; они традиционно рассматривались в рамках раннего этапа срубной культуры. Теперь появилась возможность пересмотреть их культурную атрибутику и обоснованно связать с КМК [12, с. 89-91]. Выделение погребений сместило акценты в изучении культуры, и в дальнейшем перидизационно-хронологи-

ческие построения базировались на погребальных комплексах и возможностях курганной стратиграфии [13, с. 58; 14, с. 15–17].

Суммируя все известные к концу 70-х годов данные, С. С. Березанская еще более расширила ареал новой культуры, в конечном счете охватившей часть Молдавии, всю степную и южную часть лесостепной зоны Украины, а также бассейн Дона. В пределах этой огромной территории было намечено 4 локальных варианта: юго-западный, нижнеднепровский, северо-восточный и нижнедонской, различавшиеся между собой по погребальному обряду, характеру жилищ и материальной культуре и объединяемые, по сути дела, только многоваликовой орнаментацией глиняной посуды [15, с. 4–6]. Даже при расширенном понимании термина «археологическая культура» искусственность этого образования была очевидна. Вероятно, в силу этого в последующей работе С. С. Березанская обосновывает термин «локальный вариант», понимая под ним группу памятников, одновременных с остальными, сходных с ними по основным признакам материальной и духовной культуры, но в силу своеобразия географических условий, различной подосновы формирования или сильного влияния соседних культур приобретших ряд отличительных черт [16, с. 7]. Поскольку сразу же отмечается, что локальные варианты КМК различаются между собой по типу поселений, погребальному обряду, керамике и другим категориям инвентаря, то интегрирующие культуру «основные признаки материальной и духовной культуры» фактически повисают в воздухе. Пересматривается также локализация территориальных вариантов. Теперь характеризуются юго-западный, среднеднепровский, нижнеднепровский и восточный (донецкий) варианты, тогда как памятники типа Ливенцовской крепости и Каменского поселения выделяются в особую группу, близкую, но не тождественную КМК. Восточный или донецкий вариант КМК объединил памятники лесостепной и степной зон бассейна Северского Донца и прилегающие районы Среднего Подонья. Обращает на себя внимание то, что восточноукраинскую лесостепь характеризуют поселения, в подавляющем большинстве известные по коллекциям подъемного материала, а северостепные районы Подонья и лесостепное Подонье в основном представлены погребальными комплексами. Такое пространственное размежевание, как будет показано ниже, не является случайным. Формирование культуры С. С. Березанская считает процессом одновременным, охватившим всю территорию ее распространения и предусматривавшим участие по крайней мере нескольких культур, составивших подоснову локальных вариантов. Важным представляется отмеченное С. С. Березанской обстоятельство, что в погребальном обряде КМК

наиболее отчетливо проявляются традиции древнеямной общности, а не непосредственно предшествовавшей ей катакомбной культуры [16, с. 23–29, рис. 1, с. 41–42].

Огромную территорию от Прикарпатья до Волги очерчивает как ареал КМК С. Н. Братченко, избегающий локально-территориального членения всего массива памятников многоваликовой керамики и последовательно придерживающийся ранее высказанной точки зрения о формировании культуры в зоне распространения катакомбных древностей как результата миграций и вызванной ими трансформации существовавших культурно-исторических образований [17, с. 457–458].

В то же время, обоснованность многоваликовой атрибуции памятников лесостепного Подонья была поставлена под сомнение в работах некоторых исследователей. Так, Ю. П. Матвеев проанализировал погребальные памятники, содержащие посуду с многоваликовой орнаментацией, и убедительно аргументировал их принадлежность к развитому этапу среднедонской катакомбной культуры [18, с. 66–75]. К катакомбной культуре относит А. Д. Пряхин поселения лесостепного Подонья, характеризующиеся значительным удельным весом сосудов с высоким раструбным горлом, выраженными плечиками и орнаментацией множественными налепными валиками [19, с. 78–83].

Определенное значение для дальнейшей разработки проблемы культуры многоваликовой керамики имела работа И. Ф. Ковалевой, основанная на детальном анализе более чем 100 погребальных комплексов (в том числе из хорошо стратифицированных курганов) северостепной зоны Днепровского Левобережья. Отметив заметные древнеямные реминисценции в погребальном обряде КМК и не исключая определенного влияния со стороны среднедонской (харьковско-воронежской) катакомбной культуры, она в целом констатировала зыбкость и неопределенность культурообразующих признаков, частое взаимопроникновение основных элементов. По мнению И. Ф. Ковалевой, культура многоваликовой керамики представляла собой неустойчивое эфемерное явление, возникшее на базе синтеза по крайней мере нескольких культурных групп в переломную историческую эпоху [20, с. 75–76]. Такой подход в известной мере снимал видимое противоречие между понятием «археологическая культура» и аморфностью содержания в данном конкретном случае. На основании курганной стратиграфии и сравнительно-типологического анализа сопровождающего инвентаря для Орельско-Самарского региона было выделено два стратиграфических горизонта, отражающих этапы развития КМК. Ранний горизонт составляли погребения в обширных могилах с деревянными конструкциями ящичного или срубного типа, с костяками, скорченными на спине-правом боку и

ориентированными головами на запад-северо-запад. Второй, более поздний горизонт представляется захоронения в средних по размерам могилах, нередко также с внутримогильными деревянными конструкциями, с покойниками, уложенными в умеренной или слабой степени скорченности на левом боку, иногда с завалом на грудь, и ориентированными головами на ЮВ и В-ЮВ. Различия обрядово-ритуального плана объяснялись резкой ломкой погребальной традиции, обусловленной продвижением с востока новых групп населения, а также погребения второго горизонта рассматриваются как синкретические многоваликово-срубные [20, с. 17–20]. И. Ф. Ковалева справедливо указывает на заметные древнейшие реминисценции в погребениях раннего (собственно многоваликового) стратиграфического горизонта, но призвала не преувеличивать значение этого фактора, так как в традиционной культурно-хронологической шкале древнейшие памятники отделялись от погребений КМК горизонтом катакомбных древностей [20, с. 75–76]. Это видимое противоречие снимается только в том случае, если рассматривать памятники многоваликовой керамики как явление синхронное позднекатакомбным образованиям, но сформировавшееся на позднеямном культурном субстрате в результате процессов стадияльно-исторического характера. В этой связи несомненный интерес представляют данные В. В. Отрощенко о том, что в степном Поднепровье впускные захоронения КМК планиграфически размещаются по окружности курганной насыпи или по дуге, что прямо соответствует тенденции, отмеченной для позднего этапа развития катакомбной области [21, с. 9].

Вслед за С. Н. Братченко, как результат стадияльной трансформации культур шнуровой керамики рассматривает генезис КМК Э. С. Шарандинова. В ее схеме основой КМК выступает среднедонская катакомбная культура, памятники заключительного этапа которой выкристаллизовываются в самостоятельное культурное явление, при ограниченном участии среднеднепровской культуры. Зона формирования культуры многоваликовой керамики — северостепные районы Днепровского Левобережья и бассейна среднего течения Северского Донца, откуда происходит ее распространение в западном и восточном направлении. Появление локальных особенностей объясняется не только особенностями внутреннего развития, но влиянием местного этнокультурного субстрата и соседних культур [22, с. 41–44].

Значительное расширение источниковой базы в результате масштабных исследований в степном Днепровском Правобережье и северо-западном Причерноморье не способствовало прояснению ситуации и лишней раз продемонстрировало эклектику культуuroобразующих признаков КМК на

всей территории ее распространения. В Молдове и прилегающих районах Поднепровья погребенные в большинстве случаев уложены в сильной степени скорченности на левом боку, с руками, согнутыми в локтях и кистями направленными к лицевому отделу черепа, и ориентированы головами в северо-восточном секторе горизонта. Известны также захоронения с костяками, лежащими скорченно или вытянуто на спине. Около половины погребений сопровождаются инвентарем, чаще всего — керамикой [23, с. 124–144]. В Нижнем Поднепровье погребальные памятники КМК характеризуются расположением костяков на левом боку в разной степени скорченности и преобладанием восточной ориентировки [24, с. 221–223]. В северо-западном Причерноморье захоронения производились в грунтовых ямах, в срубках и каменных ящиках, в «гробах», выдолбленных из ствола дерева. Костяки уложены на левом боку, преимущественно в сильной степени скорченности, с руками, направленными к лицевому отделу черепа или сложенными перед грудью, головами в восточном или западном секторах горизонта [25, с. 183–186]. В Днестровско-Прутском междуречье преобладает положение погребенных на левом боку в слабой или умеренной степени скорченности, с перекрестным расположением рук и северной, северо-западной и юго-восточной ориентировкой [26, с. 141–142].

Приведенные данные достаточно наглядно показывают, что различия между локальными вариантами в большей степени соответствуют различиям между отдельными культурами, существовавшими в одну историческую эпоху и отразившимися в материальной и духовной культуре характерные особенности этой эпохи. При многообразии черт погребальной обрядности консолидирующими признаками выступают лишь многоваликовая система орнаментации и прочерченные геометрические композиции [27, с. 21]. С редким в настоящее время научным мужеством С. С. Березанская, больше других приложившая усилий для доказательства существования культуры многоваликовой керамики, в одной из последних своих работ отказалась от объединения памятников с многоваликовой орнаментацией керамики в рамках единого культурно-исторического образования, отметив, что это не более, чем орнаментальный стиль, своеобразная мода, покрывающая «вуалью» ряд различных по характеру и этносу культур. Она обратила особое внимание на то, что среди всех категорий изделий из глины, дерева, кости, рога и металла нет ни одной, которую можно было бы считать характерной только для КМК и которая не встречалась бы в синхронных культурах. Чрезвычайно важным представляется заключение С. С. Березанской о том, что КМК практически не имеет своей хронологической

ниши, накладываясь на раннем этапе на позднекатакомбные и постшнуровые культуры, а на позднем — на срубную и сабашиновскую [28, с. 60–64]. Основные положения С. С. Березанской, каждое из которых при необходимости может быть дополнительно аргументировано и конкретизировано, создают парадоксальную ситуацию, выход из которой возможен при рассмотрении памятников многоваликовой керамики в системе культур заключительного периода эпохи средней бронзы, представленных на востоке памятниками типа Новый Кумак–Синташта–Петровка–Потаповка, на севере и северо-востоке, воронежской и среднедонской катакомбной культурами, памятниками осколо-донецкого типа, на западе, памятниками позднего периода азово-днепровской катакомбной культуры, на юге — памятниками предкавказской катакомбной культуры и памятниками второго периода северокавказской куль-

туры. При таком подходе вопрос заключается только в территориальном размежевании групп памятников, о степени самобытности и обособленности которых можно будет судить по выразительности проявления и сочетаемости культурообразующих признаков. Поэтому понятие «культура многоваликовой керамики», на начальном этапе стимулировавшее разработку проблемы, уже не соответствует современному состоянию источниковой базы. Сейчас в науке утверждается подход ко всей совокупности памятников этого своеобразного явления как к исторической общности культур многоваликовой керамики. Поскольку и в рамках нового подхода восточнукраинская лесостепь включается в ареал распространения многоваликовой общности, необходимо особо остановиться на анализе и характеристике лесостепных памятников многоваликовой керамики.

ГЛАВА 2

ПАМЯТНИКИ ОБЩНОСТИ МНОГОВАЛИКОВОЙ КЕРАМИКИ ВОСТОЧНОУКРАИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

На территории восточнукраинской лесостепи памятники общности многоваликовой керамики представлены небольшой группой подкурганых захоронений, обладающих устойчивым набором обрядово-ритуальных признаков, выделяющих их из общей массы погребений и позволяющих рассматривать как особое культурно-историческое явление эпохи средней бронзы. Всего учтено 97 захоронений, происходящих из 89 курганов. Картографирование известных пунктов наглядно показывает, что в подавляющем большинстве они концентрируются в пограничье степи и лесостепи северскодонецкого правобережья и прилегающих районов Поднепровья, включая днепро-деснянскую низменную равнину. Немногочисленные погребения известны и к северу от условной линии, разделяющей степь и лесостепь для эпохи бронзы: как правило, они приурочены к равнинным речным водоразделам, характеризующимся преобладанием степных ландшафтов (рис. 48). Такая пространственная локализация погребальных памятников не случайна и, по всей видимости, объективно отражает реальную картину расселения популяций со своеобразным погребальным обрядом и характерной материальной культурой. Имеющиеся к настоящему времени данные свидетельствуют, что основная территория распространения культур общности многоваликовой кера-

мики находилась южнее — в среднем и нижнем течении Северского Донца, в Нижнем Подонье, Северном Приазовье и степном Поднепровье, где исследованы сотни погребальных памятников и известны единичные пока поселения [14, с. 4; 20, с. 7; 21, с. 6; 22, с. 28; 29, с. 30; 30, с. 65, рис. 2].

В южных районах восточнукраинской лесостепи погребальные памятники общности многоваликовой керамики в большинстве случаев расположены на возвышенных участках местности — на высоких надпойменных террасах и на водоразделах. В 34 случаях захоронения КМК выступали в качестве основных под курганными насыпями. Курганы, обычно небольшие, округлой в плане формы, диаметром в среднем 20–22 м, высотой 1,0–1,2 м, возводились над одиночными погребениями, занимавшими центральное место в подкурганном пространстве. Немногочисленные более крупные насыпи есть основания связывать с социально неординарными захоронениями. Подобные курганы иногда отличает овальная в плане форма насыпи, ориентированной продольной осью в меридиональном (Копани–II, курган № 1) или широтном (Егоровка–I, курган № 1) направлении (рис. 50, 1, 5). В некоторых случаях овальная в плане форма придавалась существовавшему кургану в результате досыпки, связанной с впускным захоронением КМК. В курганной группе Пет-

в пополье—I погребение КМК было впущено в северо-западный сектор кургана № 3, возведенного над древнейшим захоронением и претерпевшим конструктивные изменения, связанные с погребениями раннего этапа днепро-азовской катакомбной культуры, и сопровождалось локальной досыпкой, придавшей насыпи в целом овальную форму. В кургане у с. Михайлики впускное погребение 6, проведённое на древней дневной поверхности к СВ от насыпи над основным захоронением 1, было скрыто под небольшой насыпью, сразу же объединённой с уже существовавшей досыпкой, придавшей всему сооружению овальную форму. Показательно, что в данном случае устанавливается прямая связь между особой семантикой овальных курганов и культом огня. По наблюдениям автора раскопок, над основным погребением 1 было сооружено шатрообразное сооружение из жердей, перекрытое конусовидной земляной насыпью. Та же насыпь над погребением 6 была обложена со сторонам деревом, сожженным и еще до полного сгорания засыпанным тонким слоем грунта. После этого вторая насыпь и прилегающий склон первой были покрыты мощным слоем сухого растительного материала, в результате сгорания которого образовался зольный горизонт толщиной до 0,15 м. Еще не прогоревший костер был перекрыт досыпкой, объединившей обе насыпи. На вершине образовавшегося кургана было совершено погребение женщины средних лет, не исключено, имевшее жертвенный характер [31, с. 43, рис. 1].

Существование особого огненного ритуала, предшествовавшего или сопровождавшего погребальную церемонию, прослеживается еще в ряде случаев. В кургане № 3 у хут. Закотный в бывшем Изюмском уезде Харьковской губернии тонкий слой золы от сгоревшего растительного покрытия на древнем горизонте покрывал всю подкурганную площадку; сверху на него лег материковый выброс из основного погребения КМК. Близкая стратиграфическая ситуация зафиксирована в кургане № 1 у с. Каменка [32, с. 246, 273]. Нередко локальные скопления древесных углей и золы, свидетельствующие о возмещении костров, находятся на уровне древней дневной поверхности в непосредственной близости от могильных ям (рис. 54, 1; рис. 55, 1). Иногда свидетельства огненного ритуала выступают в сочетании с процедурой жертвоприношения животных: в насыпи кургана № 2 у хут. Закотный обнаружен чепец овцы, лежавший на кострище [32, с. 245]. Несомненна сопряженность представлений об очищающей магической силе огня с самой церемонией захоронения. В некоторых погребениях следы воздействия огня отмечены на внешней поверхности бревенчатых накатников над могилами Верхний Степок, 2/8; Лиман—I 2/1).

В целом, в лесостепи погребальные памятники КМК никогда не образуют выраженных монокуль-

турных могильников; количество насыпей, содержащих погребения рассматриваемого типа, редко превышает 1–2. Не являются исключением и одиночные курганы. Своеобразие погребальной традиции проявляется и в характере эксплуатации курганной насыпи: в подавляющем большинстве случаев количество впускных захоронений, совершенных в насыпях курганов, созданных над погребениями КМК или возникших в предшествующие эпохи, составляет один–два. Редкие случаи большего количества впускных захоронений есть основания связывать с особой семантикой погребальной церемонии (Михайлики, курган № 1) [31, с. 43–46, рис. 1].

Основной формой погребального сооружения является относительно мелкая грунтовая яма прямоугольных в плане очертаний, иногда с округленными углами (рис. 49, 1, 2, 11; рис. 50, 2, 7). Преимущественно во впускных погребениях встречаются могильные ямы овальной в плане формы (рис. 53, 1, 2). Глубина ям основных захоронений обычно в пределах 0,55–0,70 м, сравнительно редко отмечаются могилы, углубленные в грунт более чем на 1 м (Брагинцы 1/1; Волошиновка 1/1; Котовского 1/1) (рис. 49, 1; рис. 52, 1, 4). Известны погребения, совершенные на древнем горизонте (Закотный 1/1; Михайлики 1/6).

Могильные ямы в погребениях взрослых субъектов отличаются значительными размерами, в среднем 2,1×1,6 м, что заметно превосходит необходимую для скорченного труположения площадь. Встречаются ямы, достигающие размеров 2,85×2,5–3,2×2,1 (Волошиновка 1/1; Брагинцы 1/1) [32, с. 211]. Около половины учтенных погребений (41 случай или около 42 % выборки) имели преимущественно поперечные перекрытия из бревен, плах, реже — из толстых колотых досок. В 38 захоронениях (около 39 % выборки) зафиксированы внутримогильные деревянные конструкции в виде одновенечных срубов из тонких (диаметром 0,08–0,14 м) бревен или из плах. В большинстве случаев срубы меньше могильных ям — бревна отступают от грунтовых стенок на 0,2–0,5 м, как бы отделив центральную часть могилы, при этом пространство внутри сруба соответствует скорченному на боку положению тела покойника (рис. 49, 1, 11; рис. 52, 1, 4). Показательно, что внутримогильные деревянные конструкции, равно как и деревянные накатники над могилами, выступают как прерогатива захоронений, основных под курганами или сопровождавшихся досыпками существовавших насыпей: они встречены в 24 основных погребениях (из 34), причем в 17 случаях срубы сочетались с остатками продольных или поперечных перекрытий.

Все известные к настоящему времени захоронения, условно объединяемые в рамках общности культур многоваликовой керамики, произведены по

обряду ингумации. При относительном единообразии позиции погребенных скорченно на боку дифференцирующим признаком выступает ориентировка костяков по сторонам света, поскольку именно она наиболее объективно отражает традиционные для каждого социума архетипические представления об устройстве мироздания, в частности, о пространственной локализации потустороннего мира или «страны мертвых», куда отправлялась душа усопшего. Как свидетельствуют этнографические данные, у многих народов процедура перехода в сферу загробного существования была строго канонизирована, так как от неукоснительного ее исполнения прямо зависела дальнейшая судьба умершего. Так, кеты располагали покойника головой на восток, ногами к западу, полагая, что на западе находится страна мрака и смерти, а на востоке — света и возрождения [34, с. 202]. Селькупы хоронили умерших ногами к северу, где, по их представлениям, располагалась страна мертвых [35, с. 80]. Возможна известная инвариантность в способе переправы души умершего в потусторонний мир. Остатки укладывали покойниками ногами на север, где находился Нижний мир, либо лицом к северу, чтобы он видел дорогу [36, с. 123]. Положение тела погребенного и его ориентировка по сторонам света прямо обусловлены мировоззренческими системами конкретных этносов и могут рассматриваться в качестве наиболее стабильных этнических показателей. Следует учитывать, что в древности ориентация в пространстве осуществлялась преимущественно по точкам восхода и заката солнца, в силу чего ведущими являлись четыре основных направления — восток, запад, север и юг, а промежуточные ориентировки могли быть обусловлены сезонными факторами и опосредствовано отражали общую традицию [37, с. 152].

Выделяются две основные группы погребений, различия между которыми проявляются на уровне элементов погребальной обрядности, рассматриваемых как этнические показатели. Поэтому речь может идти о сосуществовании и взаимодействии конкретных этносов как природных коллективов людей с «...общим стереотипом поведения и своеобразной внутренней структурой, противопоставляющей себя («мы») всем другим коллективам («не мы»)» [38, с. 27]. В то же время, интегрирующие признаки позволяют рассматривать их в рамках исторической и культурной общности как явление суперэтноса.

1-я Обрядовая группа (ОГ) — погребения с покойниками, уложенными скорченно на левом боку (около 81 % костяков, сохранивших анатомический порядок) и ориентированными головой в западном секторе горизонта. Степень скорченности преимущественно слабая (ноги согнуты в тазобедренных сочленениях под тупым углом, в коленях угол в диапазоне от тупого до острого) или уме-

ренная (ноги согнуты в тазобедренных сочленениях под прямым или близким прямым углом (около 77 % костяков, сохранивших анатомический порядок). В положении рук преобладает «п-рекрестная» позиция, при которой одна рука, как правило, нижняя, протянута вниз или согнута локтевым суставом и кистью направлена к лицевому отделу черепа, а вторая уложена поперек тазового пояса, так что кисть находится у локтевого сустава первой (около 43 %). Значительный удельный вес имеет позиция с обеими руками протянутыми вниз, к коленям подогнутых ног (около 21 %).

2-я Обрядовая группа — погребения с покойниками, уложенными скорченно на левом (около 56 %) или на правом (около 44 %) боку и ориентированными головой в южном секторе горизонта. Степень скорченности преимущественно сильная (ноги согнуты в тазобедренных и коленных сочленениях под острым углом) (около 58 %) и умеренная (около 26 %). В положении рук преобладает позиция «адорации» (обе руки согнуты в локтевых суставах и кистями направлены к лицевому отделу черепа) (около 46 %) и «перекрестное» положение (около 27 %).

Выделенные группы могут быть дифференцированы по социальному критерию — объему совокупного общественного труда, затраченного в процессе захоронения и материализованного в погребальном сооружении и курганной насыпи. По этому показателю условно различаются две категории погребений: «привилегированные» — сопровождавшиеся возведением кургана или насыпи; «рядовые» — впускные погребения, не связанные с конструктивными изменениями насыпи. В привилегированных захоронениях элементы погребально-поминальной обрядности проявляются, как правило, наиболее комплексно и выразительно.

К 1-ой ОГ отнесены 65 погребений, основными из которых являются погребения под курганами или впускные в насыпи предшествующего периода. Категорию привилегированных составляют 30 захоронений, из которых 15 являются основными и 6 сопровождались локальными или глобальными досыпками. Их картографирование показывает, что основным районом сосредоточения социально неординарных погребений этой группы выступает пограничье лесостепи степи северскодонского правобережья и прилегающие районы Поорелья (рис. 48). С ними связываются случаи использования огненного ритуала, фиксирующиеся по зольному слою на уровне донного горизонта или по остаткам кострищ (Законный 3/2; Каменка 1/2; Петрополье 2/3; Лиманский 2/4). Могильные ямы преимущественно прямоугольной в плане формы, размерами в среднем 2,1×1,6 и глубиной 0,6 м. В 20 случаях обнаружены остатки перекрытий могильных ям, в

зафиксированы внутримогильные деревянные конструкции в виде одновенечных срубов или рам, причем, в 14 погребениях они сочетались с перекрытиями. Распространенными элементами погребальной обрядности являются подстилки и подсыпки на дне могильных ям. В 12 захоронениях зафиксированы остатки под костяками органических подстилок из луба, травы, камыша (около 40% погребений этой категории) (рис. 49, 1, 11; рис. 50, 7). В погребении 1/5 у с. Князево все пространство внутри сруба было устлано войлоком (рис. 49, 2) [39]. Нередко встречаются подсыпки дробленого известняка или известковые побелки на могильной яме, отмеченные в 8 захоронениях (около 27%). Иногда оба элемента погребального обряда выступают в сочетании (Закотный 2/2; Копанки-II 1/1). Только в погребениях одной курганный группы у с. Малая Камышеваха отмечены подсыпки в могилу речного песка, совмещенные с дробленным известняком и органическими подстилками [32, с. 292–294]. В 6 захоронениях рассматриваемой категории зафиксировано использование красной охры в виде порошковых подсыпок, локализованных в области черепа, таза и голеней, бедер. Сплошная окраска костяка охрой встречена только в детском погребении 6/3 у с. Каменка [32, с. 278]. Относительно редким элементом погребальной обрядности является также присутствие в могиле продуктов горения — древесных углей или золы, отмеченных в 3 захоронениях. Они могли использоваться в качестве подсыпок на дне могильных ям (Николаевка 2/3; Каменка 5/4) или локализоваться пятном в районе черепа погребенного (рис. 51, 1).

Гораздо более выразительно проявляется традиция сопровождения останков усопшего костями жертвенных животных, выявленных в 14 захоронениях (около 47% погребений рассматриваемой категории). Обычно тушу животного, подвергнувшегося закланию в процессе погребальной церемонии, в могиле представляют череп и кости конечностей, реже — только кости конечностей, отчлененные в коленных суставах. В погребениях, имевших внутримогильные деревянные конструкции, кости жертвенных животных в большинстве случаев находятся за пределами ограниченного срубом пространства. Заметна тенденция в расположении костей животного в ногах погребенного (рис. 49, 1, 2, 11). В редких случаях кости обнаружены на перекрытии могильных ям (Каменка 6/3) [32, с. 278].

Как характерная особенность привилегированных захоронений 1-й ОГ может рассматриваться их преимущественная безинвентарность. Сопровождающий инвентарь, представленный престижными категориями изделий и предметами, несущими определенную семантическую нагрузку, присутствовал в 5 погребениях (рис. 49; рис. 50).

К категории рядовых отнесены 35 захоронений 1-й ОГ, совершенные в насыпях существовавших курганов; их количество объективно может быть уменьшено, прежде всего, с учетом современного состояния курганов, не всегда позволяющего определить возможные конструктивные изменения, связанные с впускными погребениями. В рядовых погребениях преобладают ямы прямоугольных в плане очертаний, иногда с заметно округленными углами, размерами в среднем 1,8×1,3 м (рис. 51, 4, 7). В 13 случаях зафиксированы остатки поперечных или продольных перекрытий из плах, горбылей или досок, в 11 — остатки внутримогильных деревянных конструкций в виде одновенечных срубов из тонких бревен или плах. Реже, чем в привилегированных захоронениях, используются подстилки и подсыпки на дне могильных ям. Следы органических подстилок под костяками, преимущественно в виде слоя луба или камыша, зафиксированы в 13 случаях (около 37%), подсыпки дробленого известняка или известковые побелки — в 5 (около 14%), продукты горения присутствовали в 4 погребениях (около 11%) и порошка красной охры — в 2 (около 6%). Значительно реже в могилах находятся кости жертвенных животных, они отмечены в 7 случаях (около 20%), причем представляет интерес то обстоятельство, что в привилегированных захоронениях в целом преобладают останки крупного рогатого скота, а в рядовых чаще встречаются кости мелко-рогатого скота.

Более трети рядовых погребений имели сопровождающий инвентарь, зафиксированный в 13 случаях (около 37%). Он представлен в большинстве случаев керамикой — сосудами баночной или остророберной формы (рис. 51, 3, 5, 6). В. А. Городцов упоминает, что в захоронении 3/1 у хут. Верхний Степок у коленей покойника находился «...изящный узкогорлый горшок, орнаментированный выпуклинами или бугорками, обведенными снизу гирляндами широких линий, выполненных мякотью пальца», а в двойном погребении 3/4–5 у с. Шпаковка под женским черепом расчищены подвески из тонкой проволоки [32, с. 287, 311]. Во впускном захоронении 1/2 у с. Светлогорское в нижнем Поворсклье найдена овальная в плане костяная пряжка с одним центральным отверстием (рис. 51, 8–9).

К 1-й ОГ могут быть отнесены и немногочисленные в рассматриваемом регионе погребения в срубах и грунтовых ямах, с костяками, лежащими в слабой или умеренной степени скорченности, преимущественно с перекрестным положением рук, на правом боку и ориентированными головой в восточном секторе горизонта (Верхний Степок 3/2; Михайлики 1/1) [31, с. 43, рис. 2, 1; 32, с. 288]. Видимое противоречие в связи с диаметрально противоположной направленностью покойников полностью снимается, если учитывать

возможную инвариантность в положении тела погребенного, допускаемую ритуалом: ногами в сторону Царства мертвых (чтобы облегчить путь) либо лицом к нему (чтобы видеть дорогу). При традиционном положении на левом боку головой к 3 лицу покойника обращено к С, туда же были направлены лица усопших, уложенных на правом боку головой на В. О совместимости обеих позиций свидетельствует (в качестве одного из примеров) ситуация, прослеженная в погребении 1/6 у с. Михайлики, а котором внутри одновенечного сруба находились костяки подростка и женщины, уложенных соответственно на левом и правом боку, головами на 3 и В. Не исключено, что в данном случае разница в позициях обусловлена социальными или половыми факторами. В то же время в погребении 5 того же кургана скелеты двух подростков (оба мальчики?) были уложены параллельно, слабоскорченно на левом боку головами на 3 [31, с. 46, рис. 3]. Аналогичное положение двух подростков зафиксировано в погребении 1/1 у с. Кунье [32, с. 339]. Все это позволяет отнести с доверием к предположению В. В. Отрошенко о женской принадлежности погребений со скорченными на правом боку и ориентированными в восточном направлении костяками [40, с. 163–165].

Ко 2-й ОГ отнесены 32 захоронения: основных и совершенных в насыпях курганов предшествующего времени. Категорию привилегированных составляют 14 погребений, из которых 10 сопровождались возведением кургана и 4 повлекли за собой глобальные или локальные досыпки. При современном состоянии источниковой базы концентрация привилегированных захоронений, объективно отражающая реальную картину расселения популяций — носителей данной погребальной традиции, наблюдается в западных и юго-западных районах лесостепи и прилегающих районах днепро-деснянской низменной равнины, представляющей, как уже отмечалось, своеобразный степной коридор вдоль левого берега Днепра (рис. 48).

Могильные ямы прямоугольной в плане формы, размерами в среднем $2,6 \times 1,8$ м, глубиной 0,5–0,8 м, хотя в некоторых случаях глубина ям основных погребений превышает 2 м (Брагинцы 1/1; Волошиновка 1/1) (рис. 52, 1, 4) [33, с. 211]. В 9 погребениях зафиксированы остатки внутримогильных деревянных конструкций в виде одновенечных срубов (рис. 52, 1, 4), но только в трех случаях они сочетались с продольным перекрытием могилы из плах или колотых досок (Кирияковка 1/2; Закотный 2/2; Кириковка 10/3) [32, с. 245; 41, с. 108; 42, с. 713]. Всего остатки деревянных перекрытий отмечены для 5 захоронений рассматриваемой группы.

Менее, чем в погребениях 1-й ОГ, распространены подстилки и ритуальные подсыпки на дне

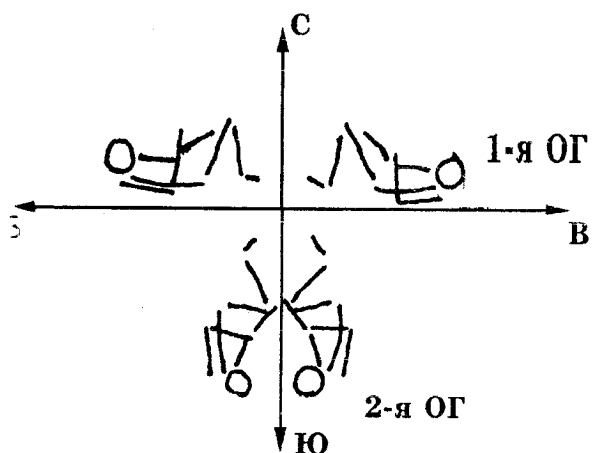
могильных ям. В 4 случаях отмечены органические подстилки под костяками, преимущественно в виде камышовых выстилок, в 1 — подсыпка дробленого известняка, в 2 — подсыпки золы. В то же время следует отметить широкое использование в погребальном обряде красной охры. Охра, локализованная пятнами преимущественно в районе черепа и стоп ног, зафиксирована в 6 погребениях рассматриваемой группы (рис. 52, 1, 4). В целом не характерно сопровождение покойников костями жертвенных животных: останки крупных парнокопытных встречены в двух случаях. Об их расположении относительно тела погребенного дает представление ситуация, зафиксированная В. А. Городцовым в основном захоронении 2/2 у хут. Закотный, где внутри сруба, перед лицом покойника, молодого мужчины, был уложен череп коровы, а в ногах — кости четырех конечностей, отрезанных в коленных суставах [32, с. 245].

Особенностью привилегированных погребений 2-й ОГ является их безинвентарность. Только в погребении 1/2 у с. Кирияковка, совершенном в неглубокой материковой яме размерами $2,8 \times 1,6$ м с продольным перекрытием из плах, в нижней части грудной клетки костяка найдена овальная в плане костяная пряжка с двумя разновеликими отверстиями — большим центральным и маленьким периферийным (рис. 53, 10) [41, с. 108, рис. 11, 6; рис. 12, 3].

Выразительным контрастом в сравнении с обширными гробницами основных захоронений выступают ямы впускных рядовых погребений. Они значительно меньше, в среднем $1,5 \times 0,8$ м, рассчитаны на скорченное на боку положение тела покойника, в ряде случаев имеют выраженную овальную форму (рис. 53, 1, 3–6). В 4 погребениях зафиксированы свидетельства существования перекрытий, в 2 — выявлены остатки внутримогильных деревянных конструкций. В целом обрядовые признаки в этой категории 2-й ОГ маловыразительны и свидетельствуют об упрощении погребальной традиции. В двух рядовых захоронениях отмечены органические подстилки под костяками, в двух — красная охра, локализованная пятнами в районе стоп ног погребенных, в двух — присутствовали продукты горения в виде зольных подсыпок и в одном случае дно могилы было посыпано дробленым известняком.

Более чем в половине погребений рассматриваемой категории (11 случаев) присутствовал сопровождающий инвентарь, представленный преимущественно керамикой — сосудами баночной или острорезерной формы (рис. 53, 2, 11–13). В двух погребениях найдены круглая (Червоне Знамено 1/10) и овальная (Кагамлык 2/1) в плане костяные пряжки с двумя разновеликими отверстиями (рис. 53, 7–9) [41, с. 107–109, рис. 12, 1; 43, с. 182–183, рис. 1, 1]

Соотношение между выделенными обрядовыми группами погребений по усредненным внутргрупповым признакам сведено в таблице II. Очевидно, что различия между ними не имеют принципиального характера и обе погребальные традиции вполне сопоставимы в концептуальном плане. По-видимому, мировоззренческие системы были сходны в таком основополагающем принципе устройства мироздания, как пространственная локализация потустороннего мира, но предусматривали разные способы переправы туда души усопшего. Значительный удельный вес во 2-й ОГ процента погребенных, уложенных скорченно на правом боку с сохранением традиционной ориентировки головой в южном секторе горизонта позволяет предположить, что покойников располагали ногами в сторону Нижнего мира, т. е. к С, куда были обращены в любой позиции лица покойников 1-й ОГ. Это положение наглядно иллюстрируется следующей диаграммой.

Следует отметить, что во 2-й ОГ все случаи присутствия в могиле костей жертвенных животных сопряжены с костяками, лежащими скорченно на левом боку. Также с левобочной позицией покойников связаны все находки костяных пряжек, которые считаются принадлежностью мужского убранства. Безусловно, проверить правомер-

ность предположения о зависимости позиции погребенных от половой принадлежности можно только с помощью антропологических определенных костных остатков.

В настоящее время нет веских оснований утверждать хронологический приоритет одной из обрядовых групп. В пределах исследуемого региона известен только один случай прямой стратиграфии захоронений 1-й и 2-й ОГ. В кургане у с. Михайлики погребение 5 было совершено с уровня древнего горизонта к СВ от «длинной» насыпи, объединившей погребения 1 и 6, по обрядовым признакам отнесенные к 1-й ОГ. Оно было произведено в яме размерами 2,2×1,65 м с установленным на дне одновенечным срубом 1,6×1,1 м и, по мнению авторов раскопок, сопровождалось глобальной досыпкой. Погребение двойное: костяки взрослого субъекта и подростка лежали слабоскорченно на левом боку и были ориентированы черепами на Ю с отклонением к З. Свидетельство существования перекрытия не отмечено. В образовавшуюся общую насыпь было впущено захоронение 4, совершенное в яме 1,7×1,6 м с вставленным одновенечным срубом размерами 1,2×0,7 м, перекрытым продольными и поперечными плахами; за северной стенкой сруба расчищены череп и кости конечностей мелкого парнокопытного. Погребенный был уложен слабоскорченно на правом боку головой на В [31, с. 43–46, рис. 1; рис. 2, 1; рис. 3; рис. 4, 1]. По комплексу обрядовых признаков погребение 4 может быть отнесено к числу «правобочных» 1-й ОГ. Дальнейшая трансформация кургана связана с серией захоронений срубной общности. Обращает на себя внимание культовый характер древнейшего «ядра» общей насыпи, в создании которого использовался «огненный» ритуал, и расположение всех захоронений на одной оси, направленной с СВ на ЮЗ, что вряд ли можно объяснить простой случайностью. С учетом того, что погребения 6 и 5, знаменовавшие основные этапы создания длинного кургана-святилища, были произведены в сходных услови-

Таблица II

Обрядовые группы	Срубы	Перекрытая	Тело		Скорченность			Ритуал				КЖ	Инв.	Всего
			Лев. бок	Прав. бок	Слаб.	Умер.	Сильн.	Орг.	Изв.	Уг. / зола	Охра			
1-я ОГ	27 / 40 %	33 / 50 %	44 / 81 %	10 / 19 %	20 / 47 %	13 / 30 %	10 / 23 %	22 / 33 %	11 / 16 %	6 / 9 %	10 / 15 %	26 / 40 %	21 / 32 %	65 / 100 %
2-я ОГ	11 / 34 %	8 / 25 %	18 / 56 %	14 / 44 %	4 / 15 %	7 / 25 %	15 / 47 %	6 / 18 %	2 / 6 %	4 / 13 %	8 / 25 %	3 / 9 %	12 / 38 %	32 / 100 %

Примечание: В числителе приводятся абсолютные показатели, в знаменателе — процент от данной выборки.

Основные сокращения: лев. — левый; прав. — правый; слаб. — слабая; умер. — умеренная; сильн. — сильная; орг. — органика; изв. — известь; уг. — уголь; КЖ — кости животных; инв. — инвентарь.

ях — с уровня древнего горизонта, оправданно предположить, что сам процесс был ограничен во времени и все захоронения относительно синхронны. При этом стратиграфические данные свидетельствуют, что погребение 5 (2-я ОГ) следовало за погребением 6 и предшествовало погребению 4 (1-я ОГ). Ситуация становится вполне объяснимой, если рассматривать михайликовский курган как общий культовый центр носителей родственных, но не тождественных погребальных традиций. Этому не противоречит и отмеченное территориальное размежевание привилегированных захоронений 1-й и 2-й обрядовых групп, объединяемых в рамках общности культур многоваликовой керамики.

Особое значение имеет вопрос о поселениях КМК, на основании которых в основном определяется северная граница ее распространения. Подавляющее большинство пунктов, обычно фигурирующих в публикациях, известно по сборам подъемного материала на поверхности и, как показывает знакомство с доступными коллекциями, содержит, помимо немногочисленных фрагментов сосудов с многоваликовыми или прочерченными композициями, керамику со шнуровой и гребенчатой орнаментацией, что не позволяет однозначно трактовать их в качестве однослойных памятников многоваликовой общности. В первую очередь это касается стоянки Шелаево-I на возвышенности в пойме левого берега р. Оскол, исследованной на небольшой площади М. Е. Фосс в 1935 г. В керамике поселения сочетается орнаментация множественными параллельными налепными валиками, прочерченными линиями, горизонтально-елочными композициями, выполненными оттисками гребенчатого или веревочного штампов [44, с. 78–79, рис. 7–10]. Как было показано в предыдущем разделе, подобная система орнаментации керамики характеризует позднекатакомбные памятники осколо-донецкого типа. Проведенные раскопки позволили установить позднекатакомбную культурную принадлежность нижнего стратиграфического горизонта поселения у с. Проказино на р. Айдар, известного до этого по сборам подъемного материала и считавшегося одним из выразительных памятников КМК на Донетчине [45, с. 36]. Отложения осколо-донецкого периода катакомбной культуры характеризуют также нижний стратиграфический горизонт поселения Поляны-I на Северском Донце [46, с. 91–93]. Таким образом, достоверно многоваликовых бытовых памятников в восточноукраинской лесостепи и прилегающих районах практически не остается. В этой связи особое значение приобретает культурная атрибуция поселения в урочище «Городок» у с. Волинцево на р. Сейм, наряду с поселением Бабино-III ставшего эталонным для культуры многоваликовой керамики.

Поселение исследовалось С. С. Березанской в начале 50-х годов. В первой краткой публикации речь шла о раскопках в двух пунктах: на поселении в урочище «Городок», занимавшем песчаное возвышение в пойме р. Сейм, и на поселении в урочище «Попова Левада», расположенном на мысу боровой террасы правого берега реки. На последнем было выявлено углубленное жилище с материковыми возвышениями-лежанками вдоль двух стен и остатками глинобитного очага. В жилище найден обломок глиняной литейной формы с негативом обушковой части вислобушного топора. Керамика представлена баночными и островерберными формами. В орнаментах использовались гладкие параллельные валики, оттиски зубчатого штампа и разнообразные наколы. На многослойном поселении в урочище «Городок» в эпоху бронзы был отнесен средний стратиграфический горизонт, подстилавшийся слоем с отложениями неолита-ранней бронзы и перекрытый напластованиями раннего железного века. Посуда из среднего горизонта характеризовалась обильной примесью песка в глиняной массе, орнаментацией налепными валиками, прочерченными композициями и поясками оттисков мелкозубчатого штампа [4, с. 111–113]. В ходе дальнейших исследований поселения Волинцево-Городок было выявлено четыре жилища небольших размеров прямоугольной в плане формы, углубленные в грунт на 0,8–1,0 м. В керамическом комплексе преобладали горшки с утолщенным воротничковым венчиком, выделенной шейкой и слабовыпуклым корпусом. В орнаментах прочерченные композиции преобладали над рельефными. Наиболее распространенные сюжеты — заштрихованные треугольники, паркетные и елочные композиции [5, с. 28–35]. Эти особенности керамического материала поселения отметила сама С. С. Березанская, но не придала им значения, полагая, что черты сходства с памятниками типа Бабино-III проявляются гораздо ярче [6, с. 34]. На своеобразии керамического комплекса поселения Волинцево-Городок обратил внимание и С. Н. Братченко, уточнивший, что высокие сосуды с прямой или раструбной шейкой и ребристыми боками, рассматривавшийся в роли индикатора керамики КМК, составляли не более четверти от общего числа, а доминировали слабопрофилированные горшковидные сосуды с коротким желобчатым или воротничковым венчиком [11, с. 31]. В настоящее время, в связи с существенным расширением источниковой базы (прежде всего, за счет хорошо исследованных районов Среднего Подонья), становится очевидным, что именно эти черты, определяющие специфику керамического комплекса поселения Волинцево-Городок, дают основания для пересмотра его культурной принадлежности.

Горшковидные сосуды с коротким венчиком, гва выделенной шейкой и слабовыпуклыми плечиками в верхней половине тулова, наряду с баночными формами, в основном определяют керамический комплекс воронежской культуры эпохи средней бронзы в лесостепном Подонье. Посуда изготавливалась из плотной глины с обильной примесью песка, поверхность тщательно заглаживалась. Характерно воротничковое или желобчатое оформление венчиков, иногда с внутренним ребром в основании шейки. Наиболее распространенные композиции орнамента, покрывавшего большую часть поверхности: вертикальные или горизонтальные ряды прочерченных линий, заштрихованные треугольники, пояски вдавлений зубчатого штампа, многорядная горизонтальная полоска, прочерченные паркетные узоры, зацепы. В меньшей степени использовалась рельефная орнаментация из наклепных валиков [47, с. 25–27, рис. 4–6]. Не противоречит подобному сопоставлению топография поселений и характерные особенности устройства жилищ. Среди поселений воронежской культуры известны расположенные на мысах низких надпойменных террас и на пойменных возвышенностях (поселения Университетское 1 и 3, Нижнесторожеское и др.). Для домостроительства обычны небольшие по площади и слабо углубленные в грунт однокамерные постройки со столбовой основой стен и открытыми очагами, подобные выявленным на поселении Во-

лынцево-Городок. Следует также учитывать оторванность последнего от районов концентрации погребальных памятников КМК и территориальную близость с ареалом воронежской культуры. В настоящее время в верховьях р. Псел, в верхнем и среднем течении р. Сейм выявлен целый ряд бытовых воронежских памятников (поселения Марица, Кузина Гора и др.) [47, с. 24, рис. 1–2]. В. И. Беседин не исключает возможность миграции части воронежских группировок в западном направлении [48, с. 64].

Значительную близость керамическому комплексу поселения Волынцево-Городок демонстрируют материалы Нижнесторожеского поселения воронежской культуры на правом берегу р. Дон. В посуде, наряду с преобладающими слабопрофилированными горшками, выделяется группа сосудов удлинённых пропорций с высоким прямым или раструбным горлом и выраженными плечиками в последней трети высоты, орнаментированных параллельными наклепными валиками, прочерченными треугольниками, паркетными композициями [49, с. 32, рис. 3].

Приведенные данные позволяют обоснованно рассматривать поселение в урочище «Городок» у с. Волынцево на р. Сейм в системе бытовых памятников воронежской культуры и, следовательно, исключить глубинные районы восточнорусской лесостепи из ареала распространения населения общности многоваликовой керамики.

ГЛАВА 3

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА.

ВОПРОСЫ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ, СИНХРОНИЗАЦИИ И ГЕНЕЗИСА

Детальная характеристика материальной культуры рассматриваемых групп памятников в значительной степени затруднена безинвентарностью большинства погребений и фактически полным отсутствием поселений, которые можно было бы аргументированно связать с этим культурно-историческим явлением. Разнородный и разнохарактерный сопровождающий инвентарь, представленный керамикой, изделиями из камня, кремня, кости, рога и бронзы, зафиксирован в 30 захоронениях обеих обрядовых групп.

Керамика

Глиняные сосуды выявлены пока только в рядовых погребениях 1-й и 2-й обрядовых групп. Планиграфически они чаще находятся в головах

погребенного (рис. 51, 2, 4; рис. 53, 1). Представлены две основные формы — баночные и островерхие сосуды. Баночные сосуды в большинстве случаев имеют прямые или слабовыпуклые стенки, плавно расширяющийся кверху корпус, округленный или уплощенный край венчика, на который приходится максимальный диаметр по тулову. Все известные экземпляры неорнаментированы (рис. 51, 3; рис. 52, 3; рис. 53, 11). Выделяется сосуд из рядового захоронения 2/6 у с. Полковая Никитовка в бассейне р. Ворскла (2-я ОГ). Он имеет невысокий, поставленный вертикально венчик, образующий цилиндрическое устье, выпуклые плечики с максимальным расширением в верхней половине тулова и дно в виде небольшого сплошного поддона. Орнаментирован

оттисками зубчатого штампа, образующими трапециевидные меандровые композиции, ограниченные под венчиком и на плечиках параллельными линиями оттисков того же штампа. Внешняя поверхность подлощена, углубления орнамента заполнены белой пастой (рис. 53, 13) [50, с. 146, рис. 2, 2].

Острореберные сосуды преимущественно призматических пропорций (соотношение общей высоты к максимальному диаметру по тулову в пределах 1:0,6–0,7). Острое или округленное ребро на плечиках всегда находится в верхней половине тулова, дно небольшое, плоское, в среднем в два раза уступающее по размерам устью. Край венчика в большинстве случаев плоско срезан. Орнамент углубленный, наносился прочерченными линиями, оттисками веревочного или зубчатого штампов. Орнаментальные композиции имеют геометрический характер и сводятся к поясам равнобедренных или прямоугольных треугольников, часто расположенных двумя зонами — в верхней половине тулова и в придонной части (рис. 51, 5, 6; рис. 53, 12). Известны случаи, когда баночные и острореберные сосуды происходят из одного погребального комплекса (рис. 53, 11–12).

Изделия из камня, кремня, кости и рога

Только с захоронениями 1-й ОГ, относимыми к категории привилегированных, связаны находки «престижных» изделий из камня и кремня, а также «производственных» наборов, несущих особую культово-семантическую нагрузку. В основном погребении 1/3 у с. Малая Камышеваха, произведенном в обширной грунтовой яме (2,4×1,75 м) со срубом и перекрытием из плах, у коленей костяка, лежавшего на подсыпке из дробленого известняка и речного песка, обнаружен обломок каменного полированного топора [32, с. 292–293]. В погребении 1/1 группы Егоровка-I под черепом погребенного мужчины найден кремневый наконечник стрелы треугольной в плане формы, с выемкой в основании (рис. 50, 6–7). Он отчетливо отпечатался на органической подстилке, что не позволяет рассматривать его как причину смерти погребенного.

Колчанный набор из 6 кремневых наконечников стрел, обработанных тонкой пильчатой ретушью, выявлен в захоронении 1/5 у с. Князево*. Наконечники, длиной от 2,2 до 4 см, находились в ногах погребенного; они лежали рядом, остриями на З. Прослежен древесный тлен от древков длиной около 60 см и толщиной от 0,8 до 1,1 см (рис. 49, 2–8). Вероятно, стрелы находились в мягком кожаном колчане, так как при расчистке зафиксированы мелкие фрагменты истлевшей

кожи. У стоп ног покойника, в юго-восточном углу сруба, найдены два массивных костяных кольца диаметром 2,8 см (рис. 49, 2, 10). Их очевидная сопряженность с колчанным набором позволяет предполагать использование их для натягивания тетивы лука.

«Производственный» набор мастера-стрелочника происходит из погребения 1/1 курганной группы «Г» у с. Красная Гусаровка на правом берегу Северского Донца. У локтевого сустава левой руки покойника лежало массивное костяное кольцо диаметром 2,5 см, на уровне стоп ног, в северо-восточном углу сруба, кучкой были сложены роговой отжимник, каменный «выпрямитель» древков стрел, небольшая прямоугольная плитка, отщеп кремня (рис. 49, 11–16).

Предположительно, с принадлежностями мастера-литейщика связываются находки в основном захоронении 1/1 группы Копани-II. На уровне тазовых костей погребенного мужчины находились глиняная льячка (?) в виде глубокой подтреугольной в плане ложечки со сквозным отверстием в торцевом выступе и небольшое цилиндрическое пестовидное изделие из серого гранита, длиной 10,5 и диаметром 4 см (рис. 50, 2–4).

Обращает на себя внимание исключительная редкость изделий из цветных металлов в погребальных памятниках многоваликовой общности рассматриваемого региона. По данным В. А. Гордцова, в двойном погребении (женщина и ребенок) 3/4–5 у хут. Шпаковка под черепом взрослого человека были расчищены бронзовые кольца из тонкой проволоки [32, с. 311]. Из захоронения 1-й ОГ у с. Морокино происходит бронзовое тесло костромского типа [51, с. 105].

Также редкой категорией находок в погребениях являются украшения. В двойном захоронении 1-й ОГ 1/6 у с. Михайлики возле женского черепа расчищены две двухрожковые и одна цилиндрическая бусины из зеленоватого фаянса и четыре маленьких круглых бусины из белой пасты (рис. 51, 10–12) [31, с. 46, рис. 3, 2–а]. Судя по описанию, похожие фаянсовые бусы находились в захоронении этой же группы 1/2 у хут. Ковалевка [32, с. 234].

Большей частью с погребениями 2-й ОГ связаны находки костяных пряжек. В рядовом погребении 1/10 у с. Червоне Знамено в нижней части грудной клетки взрослого покойника найдена плоская круглая в плане пряжка с двумя разновеликими отверстиями — большим центральным и маленьким периферийным. Центральное отверстие окаймлено рельефным бортиком (рис. 53, 7–8). Из двух погребений категории рядовых (Кагамлык 2/1) и привилегированных (Кирияковка

* Автор искренне благодарен В. Г. Бородулину за любезное разрешение использовать материалы его полевых исследований.

1/2) происходят овальные в плане и изогнутые в сечении пряжки с двумя разновеликими отверстиями и рельефным бортиком вокруг центрального (рис. 53, 9–10) [41, рис. 11, 1, 6; рис. 12, 1, 3]. Только в одном случае костяная пряжка найдена в рядовом захоронении 1-й ОГ (Светлогорское 1/2). Она овальная в плане, сегментовидная в сечении, с одним большим центральным отверстием (рис. 51, 9) [41, рис. 12, 9].

При относительной бедности и малоинформативности сопровождающего инвентаря в вопросах периодизации и относительной хронологии массива погребальных памятников, условно объединяемых в рамках общности многоваликовой керамики, на первый план выходят стратиграфические данные и типологические сопоставления.

В курганной стратиграфии захоронения многоваликовой общности следуют за захоронениями неолита–ранней бронзы, выступая в качестве впускных в курганы предшествующих эпох. В кургане № 1 группы Копанки–I погребение 1-й обрядовой группы было впущено в насыпь, созданную над вытянутыми неолитическими погребениями, и сопровождалось глобальной досыпкой. В кургане № 3 группы Петрополье–I захоронение 1-й ОГ прорезало досыпку над древнейшим курганом, связанную с двумя погребениями раннего этапа днепро-азовской катакомбной культуры. Подобные захоронения с вытянутыми на спине костяками и сопровождающим инвентарем древнейшего облика выделяются во вторую обрядовую группу катакомбных памятников Орельско-Самарского междуречья и датируются временем не позднее XVIII в. до н. э. [51, с. 12, 23]. Также в насыпи кургана с основным погребением раннего этапа днепро-азовской катакомбной культуры было впущено захоронение 1/5 (1-я ОГ) у с. Князево [39]. Территориально оба пункта относятся к бассейну р. Орель. На правом берегу Северского Донца надежно засвидетельствовано следование захоронений многоваликовой общности (преимущественно 1-й ОГ) за погребениями донецкой катакомбной культуры (Николаевка, курган № 3; Бражковский, курган № 1; Верхний Степок, курган № 2) [32, с. 229, 270, 284].

В свою очередь, погребальные комплексы многоваликовой общности в курганной стратиграфии в целом предшествуют раннесрубным, что неоднократно отмечалось в литературе [16, с. 28; 17, с. 457; 23, с. 8–9]. Таким образом, в системе относительной хронологии позиция памятников многоваликовой общности определяется их расположением между погребениями донецкой и раннего этапа днепро-азовской катакомбных культур, с одной стороны, и срубной общности — с другой. В этой связи следует отметить, что в пределах исследуемого региона не задокументировано ни одного случая стратиграфической сопряженности

позднекатакомбных захоронений осколо-донецкого типа и многоваликовых комплексов. В то же время, имеются основания для частичной синхронизации памятников многоваликовой общности и раннего этапа срубной общности. В кургане № 1 группы Копанки–II погребение 1 (1-я ОГ) было впущено в центральную часть насыпи над раннесрубным захоронением и сопровождалось глобальной досыпкой, почти вдвое увеличившей первоначальные размеры кургана. Основное погребение было совершено в обширной и глубокой материковой яме, костяк скорчен на левом боку и головой ориентирован к В; на остатках поперечного перекрытия могилы расчищены фрагменты баночного сосуда (рис. 57). Еще более выразительная стратиграфическая ситуация зафиксирована в кургане № 2 группы Петрополье–I в Приорелье. Первая небольшая насыпь была возведена над срубным погребением 2. Спустя какое-то время в 5,5 м от ее восточной полы с уровня древнего горизонта было совершено захоронение 3 (1-я ОГ), насыпь над которым перекрыла и небольшой срубный курган. Позднее в центральную часть овального в плане кургана, ориентированного продольной осью в широтном направлении, было впущено срубное погребение 1 (рис. 54). Погребение 1/2 категории рядовых 1-й ОГ выявлено в насыпи срубного кургана группы «А» у с. Красная Гусаровка на правом берегу Северского Донца (рис. 51, 4). Рядовое захоронение 4/7 этой же группы расчищено в насыпи срубного кургана у с. Полковая Никитовка в бассейне верхнего течения р. Ворскла [50, с. 153, рис. 1, IV]. Рядовые погребения 2-й ОГ встречены в качестве впускных в срубные курганы в могильниках Старомажарово–I (рис. 53, 4), Полковая Никитовка [50, с. 146, рис. 1, II], Кириковка–Б [42, с. 710]. Следует отметить, что рядовые захоронения обеих групп нередко сопровождаются керамикой, которая по форме, пропорциям и системе орнаментации аналогична посуде памятников раннего периода срубной общности (рис. 51, 3, 5, 6; рис. 53, 2, 11–13). Это обстоятельство, так же как и стратиграфические данные, свидетельствует о периоде сосуществования населения многоваликовой и срубной общностей. На включение какой-то части населения многоваликовой общности в состав срубных группировок указывает также присутствие более или менее значительной примеси посуды с характерной многоваликовой орнаментацией в материалах многих раннесрубных поселений в лесостепи. Процессы сосуществования и взаимодействия носителей разных погребальных традиций фиксируются и в соседних регионах, в частности, в северостепной зоне Днепровского Левобережья, где известны случаи стратиграфической последовательности захоронений срубной общности и общности многоваликовой керамики [20, с. 48–50].

Расположение в стратиграфической колонке между памятники донецкой и раннего этапа днепр-азовской катакомбных культур и памятниками срубной общности объективно выводит многоваликовые комплексы в одну хронологическую плоскость с позднекатакомбными древностями осколо-донецкого типа. Такой вывод находит подтверждение и в наблюдающемся территориальном размежевании обоих массивов населения (рис. 24; рис. 48). В пользу подобного хронологического сопоставления свидетельствует типологический анализ сопровождающего инвентаря, весьма ограниченного для многоваликовых комплексов рассматриваемого региона. Набор инструментов и приспособлений для изготовления древков и кремневых наконечников стрел из погребения 1/1 группы Красная Гусаровка-Г (рис. 49, 11-16) типичен для осколо-донецких захоронений с «производственным» характером сопровождающего инвентаря (рис. 45, 4, 5, 7; рис. 46, 9). Глиняная льячка и каменное пестовидное орудие из погребения 1/1 группы Копани-II имеют прямые аналогии в материалах погребальных памятников развитого этапа среднедонской катакомбной культуры (рис. 50, 2-4) [52, с. 75, рис. 29, 12-13]. Кремневые наконечники стрел с выемкой в основании имеют широкий хронологический и пространственный диапазон, но наиболее выразительно они представлены в катакомбных комплексах. В последних также нередко встречаются массивные костяные кольца (рис. 46, 10). Прямые аналогии в позднекатакомбных памятниках имеют также фаянсовые двухрожковые бусы (рис. 51, 10-11) [53, с. 46]. Приведенные данные убедительно свидетельствуют о синхронности, а не о хронологической последовательности культурно-исторических образований.

Долгое время считалось, что одним из характернейших признаков КМК являются костяные пряжки с двумя разновеликими отверстиями [54, с. 29-30]. Сейчас установлено, что изделия этого рода имеют очень широкий пространственный диапазон и встречаются в разных культурах от Зауралья до Подунавья. Представляет интерес замечание С. С. Березанской о том, что их роль вполне сопоставима с ролью каменных топоров в круге культур шнуrowой керамики [28, с. 64]. Необходимо добавить, что костяные пряжки известны и в позднекатакомбных погребениях Северного Причерноморья и Крыма [55, с. 72-73, рис. 2, 3-6; 56, рис. 2, 2]. Особый интерес представляет захоронение 1/7 группы Станиславчик в междуречье Ингульда и Тилигула, произведенное в И-образной катакомбе со срубной конструкцией в погребальной камере и сильно скорченным на левом боку покойником, ориентированным головой в южном секторе горизонта [55, рис. 2, 4]. В данном случае очень важно сочетание внутримогильной де-

ревянной конструкции и костяной пряжки, что лишний раз подтверждает правомерность предложенной выше синхронизации памятников типа Синташта-Новый Кумак-Петровка-Потаповка — доно-волжской абашевской-среднедонской катакомбной культур — памятников осколо-донецкого типа и памятников многоваликовой общности.

Еще одним аргументом в пользу предлагаемой линии синхронизации является наличие сходных видов металлических украшений. В основном детском погребении 2/4 группы Возрождение II на северскодонецком правобережье обнаружена гривна из круглой в сечении проволоки, утончавшейся к окончаниям, одно из которых было загнуто петелькой наружу, другое — внутрь [57, с. 188-189, рис. 3, 2]. Аналогичная гривна с перевитым в средней части стержнем и загнутыми в петельки окончаниями происходит из основного детского захоронения 1/6 у с. Гноровское в степном Поднепровье [53, с. 42]. Наиболее типологически близкую аналогию обоим украшениям представляет витая гривна с одним загнутым в петельку и одним гладким окончаниями из погребения 1/1 у пос. Хохольский на Среднем Дону, рассматривающегося в системе погребальных памятников воронежской культуры эпохи средней бронзы [58, с. 101, рис. 3, 11]. Представляется убедительным основанный на статистическом анализе и сопоставлении массовых керамических серий вывод А. Т. Синюка об одновременности развития в Среднем Подонье среднедонской катакомбной, донской абашевской и воронежской культур, имевших выраженное пространственное размежевание [49, с. 46; 59, с. 88, 93, рис. 1; 60, с. 264].

Следует указать также на находку типологически близкого украшения с перевитым стержнем и закрученными в спирали окончаниями в позднекатакомбном захоронении 11/6 у с. Головкивка на р. Ингулец [61, с. 21-22, рис. 23].

В рамках существующей культурно-хронологической схемы развития и смены культур эпохи бронзы на территории Украины приведенные факты большинством исследователей истолковываются как свидетельства последовательности и генетической взаимосвязи, а не синхронности и сосуществования. Подход к многоваликовой общности как к явлению, одновременному свите постшнуровых культур, в первую очередь — поздним культурам катакомбной области, и обусловленному общими с ними процессами стадийного характера, снимает проблему «временной ниши» для КМК, поскольку ее решение переносится из плоскости хронологической в плоскость пространственную и предполагает определение области первоначального культурогенеза.

Распространение в восточнoукраинской лесостепи населения донецкой катакомбной культуры, как отмечалось выше, было связано с миграцион-

выми процессами и охватило в основном ее восточную часть — Донецко-Оскольское междуречье и относительно узкую полосу по правому берегу Северского Донца (рис. 2). Западная часть лесостепи, охватывающая бассейны левых притоков Днепра — Ворсклы, Псла, Сулы, не вошла в зону атакомбной колонизации и с полным основанием может рассматриваться как «резервация» племен древнеямной общности. Во всяком случае, в настоящее время мы не можем локализовать в этих областях иного, сколько-нибудь значительного культурно-исторического образования начальной стадии эпохи средней бронзы. Сходная картина наблюдается для Правобережного Поднепровья, где существование древнеямого населения фиксируется на протяжении всей первой четверти II тыс. до н. э. [62, с. 59]. Древнеямные памятники исследуемого региона до сих пор не стали объектом монографического исследования, но имеющиеся данные позволяют некоторым исследователям предполагать существование в лесостепи по крайней мере двух территориальных вариантов: восточного, северско-донецкого, и западного, ворсклинского. Для первого характерна преимущественно восточная ориентировка скорченных на спине или на правом боку костяков, для второго — ориентировка покойников головой в западном секторе горизонта [63, с. 26–27]. Для захоронений ворсклинского варианта отмечается присутствие органических подстилок под костяками и распространенность подсыпок красной охры, локализованной чаще в районе черепа и стоп ног погребенного. Сопровождающий инвентарь, как правило, отсутствует.

Сейчас становится очевидным, что ворсклинский вариант древнеямной общности также неоднороден. В нем выделяется группа погребений, характеризующаяся устойчивой традицией ориентировки покойников головой в южном секторе горизонта, с возможными сезонными отклонениями к западу или востоку. Положение костяков скорченное на спине или на боку, преимущественно на правом, с перекрестным положением рук — одна рука протянута вниз, другая согнута в локте и направлена поперек туловища. Подобные захоронения известны в бассейне Ворсклы (Любовка, Корбины Иваны), на правобережье Орели (Старомажарово-І, Копанки-І), в Посулье (Александровка). Их более точная пространственная локализация пока ограничена возможностями источниковой базы. Не исключено чересполосное существование с носителями традиции хоронить покойников головой на запад; возможно, их отношения имели даже более тесный характер. Показательна стратиграфическая ситуация, прослеженная в кургане № 1 группы «Б» у с. Любовка на р. Мерла — левом притоке Ворсклы. Насыпь была создана над четырьмя одновременными древнеямными погребениями, расположенными по кругу в центре подкурганной

площадки; их синхронность установлена по материальным выбросам из могил, лежавших на древнем горизонте. В захоронениях 1 и 2, находившихся соответственно к З и С от условного центра, костяки лежали скорченно на правом боку, головами на Ю с незначительным отклонением к З; в захоронении 1, принадлежавшем ребенку, найдены небольшой округлодонный сосуд, орнаментированный по венчику и плечикам тремя рядами наклонных палочных насечек, и кремневый скребок. В погребениях 3 и 4, расположенных к В и ЮВ от условного центра, покойники были уложены скорченно на спине и ориентированы головами на СЗ и З, т. е. к центру кургана; в тройном погребении 4 один из взрослых покойников (женщина?), возможно, по принципу антитезы лежал головой на В [64, с. 11–13, рис. 2]. Во всех захоронениях зафиксированы остатки органических подстилок под костяками.

В кургане с прослеженной стратиграфией у с. Александровка в Посулье погребение 1 рассматриваемой группы следовало за энеолитическим и двумя древнеямными с западной ориентировкой покойников. Представляет интерес, что в захоронении 6, с которым была связана первая досыпка энеолитического кургана, костяки двух молодых мужчин находились в позиции слабоскорченно на правом боку, с перекрестным положением рук, а третий костяк, женский, был уложен в диаметрально противоположном направлении, головой к В. В следующем по времени погребении 3 покойник лежал скорченно на спине головой в западном секторе горизонта. Впущенное в досыпку над погребением 3 погребение 1 было совершено в яме с заплечиками, имевшей на уровне заплечиков продольное деревянное перекрытие. Погребенная, женщина зрелого возраста, лежала на органической подстилке, в умеренной степени скорченности на правом боку, головой на Ю. Обе руки согнуты в локтевых суставах и протянуты вперед [65, с. 14–15, рис. 3, 1].

Также в яме с заплечиками, на уровне которой могила имела перекрытие из тонкого дерева, было совершено основное захоронение 2/1 у с. Копанки. Покойник лежал слабоскорченно на правом боку, с перекрестным расположением рук, головой в южном направлении и сопровождался небольшим кремневым наконечником стрелы с выемкой в основании и более чем 60 кремневыми отщепами, находившимися первоначально в какой-то емкости, вроде кожаного мешочка [66, с. 111, рис. 14, 1–2]. Основные погребения 1/4 и 2/2 группы Старомажарово-І, характеризующиеся идентичной позицией костяков, сопровождалось округлодонными сосудами [67].

Древнеямная принадлежность приведенных погребальных комплексов не вызывает сомнений.

В то же время, стратиграфические и планиграфические данные свидетельствуют об одновременности позиций скорченно на спине и скорченно на боку, о западной и южной ориентировке покойников. Обращает на себя внимание распространенность органических подстилок, ограниченное использование охры, преимущественная безинвентарность погребений, то есть те черты погребальной обрядности, которые достаточно наглядно проявляются в погребальных комплексах заключительной стадии эпохи средней бронзы. Таким образом, в период, предшествующий появлению памятников многоваликовой общности в бассейнах левых притоков Днепра, существуют по меньшей мере две группировки древнеямных племен, в погребальной обрядности которых можно видеть истоки последующей, собственно многоваликовой традиции. На это обстоятельство обратила внимание С. С. Березанская, но при постулируемой промежуточной хронологической позиции катакомбных памятников оно оставалось труднообъяснимым [16, с. 41].

Представляется, что именно процесс постепенной трансформации древнеямных памятников под влиянием факторов стадияльного порядка отражают материалы поселений типа Перун в Днепро-ском Надпорожье. В керамических комплексах преобладают сосуды, по форме и системам орнаментации прямо восходящие к посуде позднего этапа древнеямной общности в Поднепровье. В то же время, выделяется небольшая группа сосудов, имеющих характерные признаки керамики донецкой катакомбной культуры [68, с. 100]. Неоднозначность керамических комплексов поселений типа Перун подчеркивается и тем, что в коллекциях присутствуют сосуды удлиненных пропорций с трехчастным профилем, орнаментированные прорисованными композициями и множественными налепными валиками, а также реповидные сосуды, имеющие непосредственные аналогии в позднекатакомбных памятниках осколо-донецкого типа и материалах среднедонской катакомбной культуры. Особо следует подчеркнуть наличие сосудов (в частности, глубоких плоскодонных мисок) с «гофрированной» параллельными продавленными ва-

ликами поверхностью [16, рис. 13, 2]. Сочетание в керамических комплексах поселений типа Перун посуды с ранними и поздними морфологическими признаками не позволяет видеть в них кратковременное явление и объективно свидетельствует о пользе их появления не позднее XVIII в. до н. э. существования в течение длительного времени [69, с. 106; 70, с. 48–49].

Таким образом, современное состояние источниковой базы делает вероятным предположение о формировании общности многоваликовой керамики в районах Среднего и Нижнего Поднепровья на основе разных групп населения древнеямной общности, причем этот процесс происходил параллельно с развитием поздних культур катакомбной культурно-исторической области и был обусловлен общими с ними факторами стадияльного характера.

Внутренняя хронологическая дифференциация массива погребальных памятников общности многоваликовой керамики пока может быть определена только в общих чертах в связи с отсутствием узкодатирующих категорий материальной культуры. Вероятно, не следует абсолютизировать стратиграфические данные, так как могли иметь место факторы социального или родового (кланового) порядка. На основании совокупности признаков раннему хронологическому горизонту могут быть отнесены большинство привилегированных и рядовых захоронений 1-й и 2-й обрядовых групп характеризующихся слабой или средней скорченностью уложенных на боку покойников, с руками протянутыми вниз или имеющими перекрестное направление, с использованием органических подстилок и локальными подсыпками красной охры. В качестве диагностирующих признаков принадлежности к позднему хронологическому горизонту многоваликовой общности можно указать усиление степени скорченности костяков и появления позиции «адорации» — с руками, согнутыми в локтевых суставах и направленными к лицу вому отделу черепа. Этим условиям соответствует часть рядовых погребений 1-й и 2-й обрядовых групп, в том числе сопровождающихся инвентарем позднего облика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова Т. Б. Племена катакомбной культуры // Труды ГИМ. — Вып. 24. — М., 1955.
2. Рец.: Березанская С. С., Шапошникова О. Г. Т. В. Попова. Племена катакомбной культуры // Труды ГИМ. — Вып. 24. — М., 1955 // СА. — 1957. — № 2.
3. Добровольский А. В. Поселение бронзового века Бабино-III // КСИА АН УССР. — Вып. 7. — К., 1957.
4. Березанская С. С. Исследования поселения эпохи бронзы и раннего железа на Сейме // КСИА АН УССР. — Вып. 4. — К., 1955.
5. Березанская С. С. Новые памятники эпохи бронзы и раннего железа в бассейне Сейма // КСИИМК. — Вып. 67. — М., 1957.
6. Березанская С. С. Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине // СА. — 1960. — № 4.

7. *Попова Т. Б.* К вопросу о многоваликовой керамике // СА. — 1960. — № 4.
8. *Березанская С. С.* О погребениях культуры многоваликовой керамики // МАСП. — Вып. 4. — Лесса, 1962.
9. *Латынин В. А.* К вопросу о памятниках так называемой многоваликовой керамикой АСГЭ. — Вып. 6. — Л., 1964.
10. *Братченко С. Н.* Памятники багатоваликовой керамики // Археологія Української РСР. — Т. 1. — К., 1971.
11. *Братченко С. Н.* К вопросу о сложении Вильнянских курганов (многоваликовой керамики) Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. — К., 1977.
12. *Писларий И. А.* О двух культурно-хронологических группах погребений в срубных бассейнах Северского Донца // Новейшие открытия советских археологов. — Т. 1. — К., 1975.
13. *Писларий И. А.* Итоги изучения памятников середины II тыс. до н. э. в донецкой лесостепи Археологические исследования на Украине 1978–1979 гг. — Днепропетровск, 1980.
14. *Писларий И. А.* Культура многоваликовой керамики Восточной Украины. — Автореф. дисс... канд. ист. наук. — М., 1983.
15. *Березанская С. С.* Основные результаты изучения культуры многоваликовой керамики // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. — Донецк, 1979.
16. *Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередищенко Н. Н., Шарафутдинова И. Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. — К., 1986.
17. *Братченко С. Н.* Культура многоваликовой керамики // Археологія Української РСР. — Т. 1. — К., 1985.
18. *Матвеев Ю. П.* Культурно-историческая оценка памятников с многоваликовой керамикой по материалам погребальных памятников среднедонской катакомбной культуры // Археологія восточно-европейской лесостепи. — Воронеж, 1980.
19. *Пряхин А. Д.* Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. — Воронеж, 1982.
20. *Ковалева И. Ф.* Север степного Поднепровья в среднем бронзовом веке (по данным погребального обряда). — Днепропетровск, 1981.
21. *Отрощенко В. В.* Срубная культура степного Поднепровья (по материалам погребальных памятников). — Автореф. дисс... канд. ист. наук. — К., 1981.
22. *Шарафутдинова Э. С.* Погребения культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону (вопросы генезиса и периодизации) // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. — Днепропетровск, 1987.
23. *Дергачев В. А.* Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. — Кишинев, 1986.
24. *Яровой Е. В.* Курганы энеолита-эпохи бронзы Нижнего Поднепровья. — Кишинев, 1990.
25. *Чеботаренко Г. Ф., Яровой Е. В., Тельнов Н. П.* Курганы Буджакской степи. — Кишинев, 1989.
26. *Савва Е. Н.* Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. — Кишинев, 1992.
27. *Берестнев С. И.* Культурно-историческая ситуация в лесостепи Левобережной Украины во второй половине II-начале I тыс. до н. э. // Проблемы истории та археології давнього населення Української РСР. — К., 1989.
28. *Березанская С. С.* КМК — культура или керамический стиль // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). — Запорожье, 1998.
29. *Привалов А. И.* К вопросу о культуре многоваликовой керамики в Донецкой области // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. — Донецк, 1989.
30. *Литвиненко Р. А.* К оценке культуры многоваликовой керамики // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век). — Донецк, 1996.
31. *Луговая Л. Н., Шилов Ю. А.* Михайликовский курган раннесрубного времени // Археологические исследования на Полтавщине. — Полтава, 1990.
32. *Городцов В. А.* Материалы археологических исследований на берегах р. Донца Изюмского уезда Харьковской губернии // Труды XII АС. — Т. 1. — М., 1905.
33. *Мазараки С. А.* Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1907 г. // Труды XIV АС. — Т. III. — М., 1911.
34. *Алексеенко Е. А.* Кеты. — Л., 1967.
35. *Пелих Г. И.* Происхождение селькупов. — Томск, 1972.
36. *Старцев Г.* Остяки. Социально-экономический очерк. — Л., 1928.
37. *Генинг В. В., Генинг В. Ф.* Метод определения древних традиций ориентировок погребенных по сторонам света // Археологія и методи історических реконструкцій. — К., 1985.
38. *Гумилев Л. Н.* География этноса в исторический период. — Л., 1990.
39. *Бородулин В. Г.* Отчет об археологических раскопках курганов в зоне затопления Краснопавловского водохранилища в 1973 г. — Архив ХИМ, 6/н.
40. *Отрощенко В. В.* О ранней обрядовой группе погребений культуры многоваликовой керамики в Левобережной Украине // История и археология Слободской Украины. — Харьков, 1992.
41. *Луговая Л. Н.* Погребения с костяными пряжками в среднеднепровском Левобережье

- // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. — Полтава, 1990.
42. Мельник Е. Дневник раскопок // Труды XII АС. — Т. I. — М., 1905.
43. Аксенов В. С. Археологические исследования Харьковского исторического музея // Древности. — Харьков, 1995.
44. Фосс М. Е. Раскопки стоянок на р. Осколе // Труды ГИМ. — Вып. XII. — М., 1941.
45. Санжаров С. Н. О культурной принадлежности Проказинского поселения эпохи бронзы // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины. — Харьков, 1995.
46. Берестнев С. И. Поселение эпохи бронзы Снежовка-7 на Северском Донце // Древности. — Харьков, 1996.
47. Прахин А. Д., Беседин В. И. О выделении воронежской культуры эпохи бронзы // СА. — 1988. — № 3.
48. Беседин В. И. Воронежская культура эпохи бронзы // Эпоха бронзы восточноевропейской лесостепи. — Воронеж, 1984.
49. Синюк А. Т. Нижнесторожевская стоянка и некоторые вопросы изучения воронежской культуры // Археология Доно-Волжского бассейна. — Воронеж, 1993.
50. Моруженко А. А., Усачук А. Н. Погребения эпохи поздней бронзы в бассейне Ворсклы // СА. — 1986. — № 2.
51. Ковалева И. Ф. Погребальный обряд и идеология ранних скотоводов. — Днепропетровск, 1983.
52. Синюк А. Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). — Воронеж, 1983.
53. Вангородская О. Г. О связях культуры многоваликовой керамики по материалам украшений // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. — К., 1987.
54. Отрощенко В. В. О культурной принадлежности погребений с костяными пряжками // Археологические исследования на Украине 1976–1977 гг. — К., 1978.
55. Елисеев В. Ф., Ключищев В. Н. Погребения с костяными пряжками в междуречье Ингульца и Тилигула // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. — К., 1982.
56. Тощев Г. Н. Погребения с костяными пряжками эпохи средней бронзы в Крыму // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). — Запорожье, 1998.
57. Литвиненко Р. А. Курганный могильник Возрождение II на Донетчине // РА. — 1993. — № 3.
58. Прахин А. Д., Беседин В. И. Воронежская культура средней бронзы // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. — Днепропетровск, 1988.
59. Синюк А. Т. О хронологическом соотношении культур эпохи бронзы лесостепного Дона // Археологические памятники лесостепного Подонья. — Вып. 1. — Липецк, 1996.
60. Синюк А. Т. Бронзовый век бассейна Дона. — Воронеж, 1996.
61. Полин С. В., Тупченко Ю. П., Николова А. В. Курганы верховьев Ингульца (курганы у сс. Успенка и Головкивка). — К., 1992.
62. Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д. Ямная культурно-историческая область (южнобутский вариант) // САИ. — Вып. В1-3. — К., 1986.
63. Дмитриев В. А. К вопросу о подкурганных захоронениях периода энеолита-ранней бронзы в лесостепи Левобережной Украины // Археологические исследования в Центральном Черноземье в 12-ой пятилетке. — Белгород, 1990.
64. Дмитриев В. А. Новые позднеэнеолитические памятники в бассейне р. Ворсклы // Вестник ХГУ. — № 374. — Вып. 27. — Харьков, 1993.
65. Супруненко А. Александровский курган эпохи энеолита-бронзы в междуречье Сулы и Удая. — Полтава, 1994.
66. Берестнев С. И. Новые погребения эпохи бронзы с производственным инвентарем в лесостепи Левобережной Украины // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. — Полтава, 1990.
67. Берестнев С. И. Отчет о работах лесостепной Новостроечной экспедиции ХГУ в зонах строительства Балаклейской и Первомаевской оросительных систем в 1984 г. — Научный архив АМ ХГУ. — № 97/84.
68. Шапошникова О. Г. О культурной принадлежности населения эпохи ранней бронзы степного Поднепровья // МАСП. — Вып. 7. — К., 1970.
69. Чмихов М. О., Черняков И. Т. Хронология археологических памятников эпохи міді-бронзы на территории Украины. — К., 1988.
70. Бондарь Н. Н. Поселение эпохи ранней бронзы на Нижнем Днепре // Исследования по археологии Поднепровья. — Днепропетровск, 1990.

РАЗДЕЛ III

**ПАМЯТНИКИ
СРУБНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ**

ПАМЯТНИКИ СРУБНОЙ ОБЩНОСТИ

Поселения

Наиболее многочисленную и наиболее информативную в хозяйственно-бытовом отношении группу памятников эпохи поздней бронзы составляют поселения. Именно пространственная локализация поселений объективно отражает картину распространения населения срубной общности в восточноукраинской лесостепи. К настоящему времени известно более 200 бытовых памятников, выявленных в основном разведками и характеризующихся более или менее выразительными коллекциями подъемного материала, к сожалению, не всегда позволяющими обоснованно определить их хронологическую позицию. Основное количество учетных пунктов концентрируется в бассейнах Северского Донца и Ворсклы. В природном отношении это преимущественно южная лесостепь с разнотравно-ковыльной растительностью на плоских участках водоразделов, массивами кленово-липово-дубовых лесов на дренированных плакорах и речных правобережьях, с луговыми формациями на супесчаных почвах речных долин. По мере продвижения в северном и западном направлении число памятников срубной общности заметно уменьшается, что объясняется не только относительно слабой изученностью этих районов, но и природно-климатическими факторами. Вероятно, интересам хозяйства срубных сообществ не в полной мере соответствовали местности с сильно расчлененным овражно-балочной сетью рельефом, значительной облесенностью и большими участками солончаков. Немногочисленные поселения в верхнем и среднем течении Псла и в Посулье, очевидно, фиксируют крайние пределы срубной экспансии.

В выборе места для поселения предпочтение в большинстве случаев отдавалось левым берегам рек, с их пологими склонами невысоких бортовых террас. Поселения занимали края, мысы или возвышенные участки первых надпойм на небольшом удалении от русла (Бочановка, Янохино, Зинцы, Деревки и др.). На реках, обладавших обширными долинами, поселения часто располагались на возвышенностях в прирусловой пойме (Добрянское, Пост-1, Зимовка, Горбанщина и др.). Гораздо реже заселялись правые берега, в пределах исследуемого региона чаще высокие и лесистые, изрезанные густой овражно-балочной сетью. К примеру, на более

чем 40-километровом участке правого берега р. Оскол выявлено только одно поселение (Пристин-1), тогда как на противоположном низком берегу известно более 10 бытовых памятников (Колесниковка, Бахтин, Животовка, Вишневый Сад и др.). Характерно, что правобережные поселения обычно располагались на таких участках, где рельеф местности обеспечивал свободный доступ к пойменным угодьям — в устьях балок и мелких притоков, на притеррасных возвышенностях (Сидоровка, Соваковка, Введенка и др.). На небольших реках поселения нередко располагались на возвышенных участках или мысах коренных берегов (Липцы, Большая Даниловка, Русские Тишки и др.). Поселения на водоразделах немногочисленны и, как правило, привязаны к естественным водным источникам. Так, поселение Рябухино, на водоразделе северскодонцкой и днепровской речных систем, занимало край глубокой обводненной балки, превращенной в настоящее время в цепочку смыкающихся прудов. На высоких холмах между р. Ворскла и р. Сухая Грунь, на территории Большого Бельского городища скифской эпохи, находится поселение Бельск-5. По данным Б. А. Шрамко, на территории городища до недавнего времени существовало несколько родников, один из которых в древности был даже запружен [1, с. 23].

Размеры поселений не всегда могут быть установлены с достаточной степенью точности из-за природных (изменение рельефа, размывание берегов, оползни склонов и т. п.) и антропогенных (застройка, лесопосадки, уничтожение в результате использования и т. д.) факторов. В тех случаях, когда они поддаются определению, площади поселений варьируют в широких пределах от 0,4–0,5 до 14 га.

Небольшими размерами чаще отличаются поселения на пойменных возвышенностях, фактически они регламентировались характером местности и площадью пригодного для заселения участка. Поселение Таранцево занимало мысообразный выступ большой песчаной возвышенности в пойме левого берега р. Мжа, площадью около 0,9 га. Еще меньшие размеры, около 0,6 га, имело поселение Горбанщина в 4–5 км к востоку от предыдущего. Близкими размерами характеризуются поселения Студенок-6 в пойме левого бере-

га Северского Донца, Зимовка-1 в пойме левого берега р. Оскол, Пятницкое в пойме левого берега р. Большая Бабка. Примерно 1,5 га составляла пригодная для заселения площадка пойменной возвышенности у Усова Озера [2, с. 6].

Значительно большие размеры нередко имели поселения, расположенные на возвышенных участках надпойменных террас. На поселении Снежковка-7 выходы культурного слоя прослежены на протяжении почти 2 км вдоль края надпойменной террасы левого берега Северского Донца [3, с. 84]. Площадь свыше 5 га занимало поселение Богодухов-1 на пологом склоне надпойменной террасы правого берега р. Мерла.

Подобное соотношение размеров пойменных и террасных поселений срубной общности отмечено и в хорошо исследованных районах лесостепного Подонья [4, с. 127].

Судя по имеющимся в настоящее время данным, единой системы застройки поселений не существовало. Расположение жилых и хозяйственных построек в основном определялось характером местности и, вероятно, соображениями хозяйственной целесообразности. На пойменных поселениях прослеживается тенденция к расположению жилищ по периферии возвышенностей, с оставлением свободного пространства в их центральной части (Лытый Горб, Таранцево, Горбанщина). На некоторых крупных террасных поселениях заметны элементы «уличной» планировки, с расположением построек одним-двумя рядами вдоль склонов (Поляны-1, Снежковка-7) [3, с. 84, рис. 1, 1].

Выявленные на поселениях остатки жилых построек позволяют составить общее представление о характере и традициях домостроительства населения срубной общности в восточнукраинской лесостепи. Выделяются две основные группы жилищ: 1) наземные постройки; 2) полуземлянки.

К первой группе отнесены наземные сооружения и постройки с незначительно углубленными в грунт котлованами, высота грунтовых стенок которых в период функционирования не превышала 0,5-0,6 м, что делало почти обязательным наличие внешних деревянных конструкций. Чисто наземные сооружения, не имеющие выраженных котлованов, в пределах исследуемого региона встречаются относительно редко. К их числу может быть отнесена постройка № 4 поселения Таранцево, ооконтуренная по столбовым ямкам, образывавшим прямоугольник размерами 3,25×2,55 м [5, с. 123]. Небольшие размеры, отсутствие следов очага, находки в прилегающих квадратах обломков литейных форм и других свидетельств бронзолитейного ремесла позволяют рассматривать ее как сооружение производственного назначения. С. С. Березанская, основываясь на этнографических данных, полагает, что различные типы наземных жилищ бытовали

в лесной и лесостепной зонах Украины на всем протяжении эпохи бронзы [6, с. 106]. Известны они и в других культурно-исторических образованиях позднего бронзового века Восточной Европы, вполне сопоставимых со срубной общностью по уровню социально-экономического развития и находившихся в сходных природно-климатических условиях [7, с. 46; 8, с. 248; 9, с. 45-47].

В большинстве случаев жилища первой группы имели мелкие котлованы, преимущественно прямоугольных в плане очертаний, иногда с округленными или нечетко выраженными углами, площадью от 26 до 90 кв. м. Возможны различные варианты реконструкции устройства стен и кровли. Размещение столбовых ямок по периметру котлованов позволяет предполагать существование плоской или односкатной кровли, поддерживавшейся вертикально-столбовой конструкцией стен. Промежутки между опорными столбами могли закрываться плетневыми щитами, обмазанными глиной с одной или обеих сторон. На существование внешних стен турлучного типа указывает, в частности, скопление глиняной обмазки у северной стенки жилища № 5 поселения Шоссейное в верхнем течении Северского Донца [10, с. 140, рис. 1]. Не исключено, что аналогичное устройство стен и кровли имели жилища поселения Боровское-1 и жилища № 2 поселения Садовое-IV в лесостепном Подонье [11, с. 121; 12, с. 156].

Существование двускатной кровли представляется предпочтительным для построек, имевших, помимо столбовой основы стен, еще ряд опорных столбов по продольной оси котлованов (рис. 59, 5). Конек кровли поддерживался центральной матицей, а края опирались на вертикально-столбовую конструкцию стен.

Есть основания предполагать существование наружных стен в виде горизонтально-бревенчатых конструкций срубного типа. Достаточно высокий уровень развития деревообработки наглядно демонстрируют внутримогильные деревянные конструкции в погребениях, представляющие ящичные гробницы из тщательно подогнанных досок или срубы в один-три венца, связанные по углам в «полдерева», «в лапу», «на шип» и т. п. [13, с. 58]. Возможно, близкую аналогию жилищам с наземными стенами срубного типа и двускатной кровлей представляет встреченная в одном из курганов у с. Каменка конструкция в виде дощатого ящика с двускатным перекрытием из жердей, покрытых сверху камышом [14, с. 236-237].

Иначе как наличием наружных бревенчатых стен трудно объяснить устройство жилищ с продольным центральным рядом опорных столбов, но без всяких следов несущих конструкций по краям мелких котлованов (рис. 59, 1). Еще более вероятно их существование для построек, в площади которых столбовые ямки отсутствовали, как

в жилище поселения Янохино на р. Оскол [15, рис. 1]. Вероятность подобного предположения подтверждается тем, что в наполовину разрушенном карьере жилище поселения Зимовка-1 вдоль западной стенки прослежены остатки двух горизонтально лежавших обугленных бревен, по всей видимости, от обрушившихся в котлован внешних стен. Следы наземных бревенчатых стен выявлены в жилище поселения Покровское в Приуралье [16, с. 60, рис. 1, 1].

Ко второй группе отнесены полуземлянки — постройки с выраженными котлованами глубиной 0,7–1,5 м от уровня древнего горизонта. Различия между обеими группами жилищ не имели принципиального характера и могут быть объяснены топографическими особенностями расположения поселений: наземные сооружения чаще встречаются на пойменных поселениях, тогда как полуземлянки характерны для поселков, занимавших возвышенные участки надпойменных террас. Все известные постройки однокамерные, прямоугольной, реже — квадратной в плане формы, площадью от 49 до 215 кв. м. Устройство стен и кровли могло быть аналогичным охарактеризованному выше для наземных сооружений. Отсутствие следов несущих вертикально-столбовых конструкций в площади котлованов позволяет предполагать существование наружных стен срубного типа и плоской или односкатной кровли для большинства жилищ этой группы. Нельзя исключать возможности существования двускатных кровель, конек которых поддерживался матицей, уложенной на ряд опорных столбов, а края опирались непосредственно на грунтовые стенки жилища, как в жилище № 1 поселения Рубцы, где линия столбовых ямок проходила по диагонали, деля помещение на две части — большую, восточную, и меньшую, западную (рис. 59, 4) [17, с. 86]. В полуземлянках больших размеров возможно было сочетание двускатной кровли, опиравшейся на центральный ряд опорных столбов, и вертикально-столбовой конструкции стен. Именно такое расположение столбовых ямок зафиксировано в жилище Лукьяновского поселения в бассейне верхнего течения р. Оскол [18, с. 5, рис. 1]. В левобережном жилище 1-го Сусканского поселения ямки от опорных столбов располагались двумя параллельными рядами по продольной оси котлована, что позволило предположить наличие наземных стен и двускатной кровли, скаты которой сверху не сходились вплотную, а нависали один над другим, оставляя свободное пространство для выхода дыма и проветривания [19, с. 109–110]. Учитывая значительное расстояние между рядами столбов, предпочтительней выглядит реконструкция трехскатной кровли с горизонтальным верхним скатом. Для выхода дыма могло существовать небольшое отверстие в кровле, не способствовавшее быстрому охлаждению помещения, особенно

в холодное время года. На Украине еще в XVII–XVIII вв. бытовали крестьянские хаты с печами без дымоходов; в потолке имелись специальные «отворы», закрывавшиеся заслонками после топки [20, с. 257]. Возможно, такое же устройство кровли имели полуземлянки Ильичевского поселения на Северском Донце и Успенского поселения в Поволжье [21, с. 154, рис. 2–В; 22, с. 209, рис. 15]. Более сложное устройство многоскатной кровли, опиравшейся на 3–4 ряда столбов, предложила С. С. Березанская для жилища № 1 поселения Усово Озеро [2, с. 16, рис. 6].

Для покрытия кровель наземных построек и полуземлянок, скорее всего, использовались подручные и легкодоступные материалы — камыш, солома и т. п., укладываемые на легкие каркасы из жердей. От сгорания такой кровли мог образоваться зольный слой в нижней части заполнения котлована жилища поселения Утковка-1 и 15–20-сантиметровый слой золы с примесью древесных углей на полу жилища № 1 поселения Рубцы (рис. 59, 4) [23].

Вход в жилище чаще имел вид пологого спуска шириной 0,9–1,8 м, прослеживавшегося за пределами котлована на протяжении 1,0–2,5 м, и располагался в одной из продольных или поперечных стен (рис. 59, 1, 3, 4, 7). В большинстве случаев вход был обращен во внешнюю от поселения сторону, к реке или в пойму.

Непременной принадлежностью интерьера жилища был очаг. Планиграфически очаг почти никогда не занимал центрального положения в помещении, обычно он был смещен к одной из стен или в угол. Судя по постройкам с прослеженными входами, существовала тенденция к размещению очага вблизи от входа, что естественным образом решало задачи вентиляции и отвода дыма (рис. 59, 3, 4, 7). Подобное расположение очагов характерно для срубных жилищ Подонья, Среднего Поволжья и Приуралья [24, с. 45; 25, с. 14; 26, с. 149].

Встречаются очаги двух основных типов — открытые и углубленные. Открытые очаги фиксируются по остаткам кострищ, пятнам прокаленного грунта и локальным скоплениям продуктов горения. В некоторых случаях открытые очаги имели невысокие бортики из кусков рваного камня или глиняных кирпичиков-вальков (рис. 59, 2) [27, с. 181]. Углубленные очаги представляют собой ямы округлой, овальной или подпрямоугольной в плане формы, глубиной 0,1–0,6 м, заполненные продуктами горения и кухонными отходами. В жилище поселения Воиновка на р. Оскол углубленный очаг изнутри был обмазан слоем глины, обожженной до кирпичеобразного состояния [28, с. 54].

Функционально очаги могут быть разделены на кухонные, предназначенные для приготовления пищи, и отопительные, использовавшиеся

для обогрева и освещения помещений. Индикатором кухонного очага является насыщенность прилегающих участков пола кухонными отбросами, нередко — наличие вблизи вкопанных в пол крупных сосудов для хранения пищевых продуктов. В некоторых жилищах «кухонная» половина с очагом отделялась от остального помещения специальной перегородкой. По данным Е. В. Пузакова, северная половина постройки на поселении Бердюково-2, где находился вход и размещалась важная яма, отделялась от южной плетневой перегородкой, обмазанной глиной (рис. 59, 3) [29]. Есть основания полагать, что перегородка существовала и в жилище № 1 поселения Рубцы (рис. 59, 4) [23]. Подобная внутренняя планировка жилищ встречается на обширной территории Восточной Европы, в памятниках срубной и алаульской общностей [2, с. 34; 30, с. 98–99; 31, с. 77; 32, с. 328].

В полуземлянках нередко фиксируются грунтовые возвышения-лежанки, по всей вероятности, предназначенные для сна и отдыха обитателей. Их ширина в пределах 1,0–1,9 м, высота над уровнем пола 0,2–0,4 м. Внешняя поверхность могла укрепляться глиняной обмазкой или иметь деревянное покрытие (рис. 59, 7) [33, с. 93]. Планиграфически лежанки в большинстве случаев расположены в удаленной от входа части жилища (рис. 59, 7). Вероятно, существовали и легкие деревянные конструкции, выполнявшие функции лежанок [34, с. 54].

Особое место в жилище отводилось домашнему алтарю-жертвеннику. В наполовину разрушенном полземле жилище № 2 поселения Снежковка-7 алтарь находился в северном углу помещения и представлял собой тумбообразное возвышение прямоугольной в плане формы, ориентированное продольной осью в меридиональном направлении. Он был сложен из кусков рваного песчаника, скрепленных глиняным раствором с обильной примесью дробленых кальцинированных костей и измельченных фрагментов керамики. На внешней поверхности имелось небольшое углубление, заполненное чистой золой (рис. 59, 8). Развал подобного алтаря расчищен в северо-восточном углу жилища № 3 (рис. 59, 9) [3, с. 86]. Остатки домашних алтарей-жертвенников известны также в жилищах срубной общности смежных и более удаленных регионов Восточной Европы. В центральной части жилища II поселения Ильичевка на Северском Донце обнаружено округлое в плане тумбообразное возвышение из песчано-меловой массы, окруженное четырьмя крупными сосудами, один из которых, судя по законченности, мог использоваться в качестве курильницы. Рядом найдена каменная полированная булава. В жилище VI этого же поселения выявлено два «очага» в виде возвышающихся над уровнем пола обожжен-

ных площадок из песчано-меловой массы; один из них, больший, находился в центральной части постройки, второй был смещен к юго-восточной стенке. У центральной площадки найдено четыре небольших вотивных сосудика, их семантическая сопряженность с алтарем не вызывает сомнений. Как остатки алтарей следует рассматривать сформированные из песчано-меловой массы возвышения в центральной части жилища VII. Возле них на полу обнаружены 11 глиняных «хлебцов» и 4 вотивных сосудика [21, с. 154–155, рис. 2].

Явно выделялся из окружающей обстановки алтарь в жилище № 5 поселения Усово Озеро, представлявший собой овальное в плане материковое возвышение, обмазанное глиной и обожженное до ошлакованности. На его поверхности лежали глиняные зооморфные статуэтки, глиняные модели яиц и колосовидные глиняные изделия со сквозными отверстиями. Характер вотивных изделий позволил С. С. Березанской предположить непосредственную связь алтаря с культовыми сооружениями, известными в постройках сабатиновской культуры [2, с. 87–88, табл. IV]. Прямое сопоставление, свидетельствующее об идеологическом влиянии, в данном случае вряд ли оправданно, скорее речь может идти о сходстве религиозно-мифологических представлений, восходящих к культам ранних земледельцев и скотоводов. А. А. Формозов полагает, что алтари в срубных жилищах в идеологическом плане вполне сопоставимы с крестообразными глинобитными возвышениями в постройках трипольской культуры [35, с. 240].

В эпоху поздней бронзы ареал распространения домашних алтарей-жертвенников чрезвычайно широк. На срубном поселении Зимница-II в бассейне р. Хопёр у западной стенки жилища № 1 прослежено материковое возвышение, покрытое зольно-угольным слоем. В его центральной части находилось округлое в плане углубление, в котором обнаружены фрагменты трех нарядно орнаментированных сосудов [33, с. 90]. Как остатки алтаря своеобразной конструкции можно рассматривать необычное сооружение в жилище Максютовского поселения в Нижнем Поволжье. В северной стенке полуземлянки находилось углубление 2,5×2,0 м, высотой 0,25 м от уровня пола, небольшим уступом заходившее внутрь котлована. Его поверхность покрывал зольно-угольный слой, рядом найдено несколько обожженных камней [22, с. 199–200]. Обособленность этого сооружения в интерьере жилища, наличие продуктов горения при отсутствии кухонных отходов указывают на его культовый характер. Имеются также сведения об остатках домашних алтарей в срубных жилищах Приуралья [16, с. 60–62; 36, с. 24].

В лесостепном Поволжье остатки домашних алтарей встречены в жилищах приказанской куль-

туры [37, с. 176–180]. К примеру, в жилище № 1 Балымского поселения расчищена вымостка из четырех слоев песка, глины и извести, возвышавшаяся над уровнем пола. В ее центральной части на зольно-угольном пятне стоял сосуд. Подобные вымостки отмечены и в других жилищах [38, с. 36–37].

Алтари-жертвенники выделяются и в жилых постройках алакульских памятников Зауралья и Западной Сибири. В жилищах Алексеевского поселения на р. Тобол неоднократно встречены площадки округлой или овальной в плане формы, выложенные из тщательно подогнанных камней. Каменные вымостки всегда имели следы прокаленности, но кухонные остатки на них практически отсутствовали. Параллельно с ними в жилищах существовали глинобитные очаги, окруженные обильными хозяйственными отходами. О. А. Кривцова-Гракова предполагала, что глинобитные очаги использовались для приготовления пищи, а каменные вымостки — для обогрева помещений [31, с. 89–90]. Незначительное количество продуктов горения на каменных площадках и их сопряженность с каменными полированными ступками, глиняными пряслицами и другими предметами, несущими семантическую нагрузку, свидетельствуют в пользу их культового характера.

Прямая связь каменных вымосток с процедурой жертвоприношения устанавливается на основании того, что в жилище № 2 поселения Камышное-1 на площадке из глиняных вальков и камней выявлено скопление измельченных кальцинированных костей животных. Рядом найдены два сосуда и крупное каменное изделие [32, с. 110].

Приведенные примеры очерчивают огромную территорию степной и лесостепной зон от Поднепровья до Восточного Казахстана, выводя различные культурно-исторические образования, находившиеся на сопоставимых уровнях социально-экономического развития, в единую плоскость религиозно-мифологических представлений. Очевидно, не следует искать абсолютного тождества в устройстве домашних алтарей-жертвенников, в характере и смысловой нагрузке отправлявшихся на них культов. Форма и устройство алтарей не были строго канонизированы и регламентировались скорее местной традицией на родовом или племенном уровне. Интегрирующей в данном случае выступает сама практика создания индивидуализированных семейных святилищ, обособленных от общинных культовых центров. Общими чертами, объединяющими домашние алтари на всей территории их распространения, могут считаться: 1) обособленность алтаря в интерьере жилища; 2) обязательное возвышение над уровнем пола; 3) неординарность строительного материала и конструкции; 4) неременное присут-

ствие на поверхности продуктов горения или следов воздействия огня; 5) сопряженность с предметами культового характера.

Судя по имеющимся данным, алтарь не имел строго определенного места в жилище, он мог находиться в его центральной части, быть смещенным к одной из стенок или в угол. В ведийской космогонии жертвоприношение или акты, символизировавшие жертвоприношение, всегда локализовались в центре вселенной, там, где человеческое соприкасалось с божественным. Именно эту точку отмечал алтарь, воплощавший собой функцию организации сакрального пространства [39, с. 39].

Не исключено, что на лесостепных поселениях существовали и общинные культовые центры — святилища, подобные исследованным на поселениях Усово Озеро и Богуслав [2, с. 86–87; 40, с. 85–88, рис. 2]. Сам факт наличия в прилегающих районах таких культовых центров достаточно показателен, и их выявление в лесостепи становится вопросом времени. Обращает на себя внимание, что общинные святилища распространены на обширной территории, они известны на поселениях приказанской, абашевской, алакульской культур, что в общих чертах совпадает с ареалом домашних алтарей-жертвенников [8, с. 95; 31, с. 71–73; 41, с. 27–30].

На некоторых лесостепных поселениях обнаружены следы легких пристроек к жилищам, имеющих вид деревянных конструкций за пределами котлованов. Столбовые ямки, расположенные в ряд на расстоянии 2,0–2,1 м от продольной стенки жилища № 1, зафиксированы на поселении Студенок-6. Существование наземной пристройки к жилищу отмечено на поселении Сердюково-2 [29]. Обоснованно судить об их конструкции и предназначении на основании имеющихся данных очень сложно. Они могли представлять хозяйственные помещения или использоваться для стойлового содержания молодняка домашнего скота.

Вероятно, были и специализированные хозяйственные и производственные постройки, впрочем упоминавшегося небольшого наземного сооружения на поселении Таранцево, предположительно связывающегося с бронзолитейным производством. На поселении Воиновка на р. Оскол исследованы остатки наземной пристройки с глинобитным полом. Ямки от вертикально-столбовой конструкции стен и кровли прослежены по периметру и продольной оси помещения. Отсутствие очага и незначительное количество материальных остатков на полу позволили автору раскопок предположить хозяйственное назначение сооружения [28, с. 53]. По мнению С. С. Березанской, для содержания молодняка домашнего скота использовались некоторые постройки на поселениях восточно-тшинецкой культуры [42, с. 52–55]. Сооружения на столбовой основе, предназначавшиеся для стойлового со-

держания скота, известны на бытовых памятниках приказанской культуры [41, с. 9]. Специализированные помещения, связанные с металлургическим циклом или с металлообработкой, обнаружены на поселениях срубной общности Усово Озеро на Северском Донце и Мосоловское в лесостепном Подонье [2, с. 52–56; 43, с. 36].

На некоторых лесостепных поселениях выявлены очаги, преимущественно открытого типа, не связанные с конкретными жилищными комплексами. Так, на поселении Горбанщина остатки кострища, окруженного обильными бытовыми отходами и костями животных, находились в промежутке между жилищами № 1 и № 2. Следы такого же очага, обложенного по периметру кусками рваного камня, зафиксированы на Мерещанском поселении [44]. Возможно, в таких случаях правомерно говорить о летних очагах, использовавшихся для приготовления пищи в теплое время года.

Неподалеку от жилых и хозяйственных построек обычно находилось от 1–2 до 6–8 хозяйственных ям, представлявших углубления разной конфигурации и глубины, заполненные органическими остатками, хозяйственными и бытовыми отходами.

В целом, по топографическим условиям расположения, элементам пространственной организации и характеру домостроительства бытовые памятники восточнорусской лесостепи органично вписываются в систему срубных древностей Подонья, Поволжья, Приуралья и обнаруживают существенные отличия, прежде всего в традициях жилищной архитектуры, с памятниками позднего бронзового века Нижнего Поднепровья и Приазовья Украины.

Погребальные памятники

Массив погребений эпохи поздней бронзы в восточнорусской лесостепи внутренне неоднороден и отчетливо распадается на неравные группы по двум основным параметрам: 1) типу погребального памятника (подкурганное захоронение, грунтовые могильники, одиночные погребения на территории поселений); 2) способу захоронения (ингумация, кремация). Интегрирующим признаком, позволяющим условно рассматривать всю совокупность как некую целостность, выступает характер сопровождающего инвентаря, в частности, специфические формы керамики. В то же время, особенности погребальной обрядности делают возможным дифференцированный подход и выделение отдельных групп погребений, имеющих, как представляется, этническое содержание.

Наиболее представительную часть погребальных памятников составляют подкурганное захоронение по обряду ингумации — 260 погребений

из 129 курганов, сгруппированных в могильники, реже — одиночных. Курганы в подавляющем большинстве случаев расположены на высоких надпойменных террасах или на водоразделах. Пойменные могильники (Грушеваха-1) скорее представляют исключение и территориально тяготеют к северостепному Орельско-Самарскому региону, где традиция использования для захоронения речных пойм прослеживается, начиная с эпохи энеолита [13, с. 47].

В литературе неоднократно отмечалось, что курганные могильники бронзового века обнаруживают тенденцию к линейному расположению в широтном направлении, при этом в центре располагаются наиболее крупные курганы, а от них в стороны расходятся небольшие насыпи [45, с. 703; 46, с. 101; 47, с. 2]. При анализе пространственной организации лесостепных курганных могильников следует учитывать, что большинство из них формировались в течение длительного времени и представляют явления поликультурного характера. У многих первобытных народов места захоронений наделялись особой сакральной силой и олицетворяли предметную границу между земным и потусторонним мирами. Поэтому стремление произвести захоронение усопшего сородича вблизи уже существовавших могил вполне объяснимо, но расположение курганов может рассматриваться как реализация конкретной эсхатологической идеи, связанной с традиционными представлениями о месторасположении «иного мира» или «страны предков». В мифологических и фольклорных источниках, как правило, указываются их точные координаты — на севере, на западе, на небе, под землей и т. п. Не исключено, что пространственная организация могильников в некоторых случаях материализует стремление обозначить направление движения и тем самым облегчить переправу души усопшего. Цепочками в широтном направлении были расположены курганы в группах Копани-1, Петровское-1, Калиновка-1. Вероятно, воплощение этой же эсхатологической идеи можно видеть и в некоторых поликультурных могильниках. Древнейшим в составе группы «Б» у с. Красная Гусаровка был курган, возведенный над катакомбным захоронением; две насыпи над срубными погребениями, возведенные к западу от него, завершили композиционное оформление могильника. В этом отношении также показательны «длинные» курганы, образовавшиеся в результате слияния двух и более разновременных насыпей, по мнению некоторых исследователей материализовавшие процесс переправы души покойника и служившие одновременно святилищами открытого типа [48, с. 7–8]. В лесостепном регионе «длинные» курганы, как правило, ориентированы по оси запад-восток. Характерным примером представляется

курган у хут. Котовского, возникший после объединительной досыпки над срубным захоронением 3, произведенной с уровня древнего горизонта между насыпями над погребениями катакомбной и многоваликовой общностей. В данном случае досыпка завершила имеющий определенные временные параметры процесс, так как первоначальные конструктивные изменения обеих насыпей были связаны с впускными неординарными срубными захоронениями (рис. 60). Целенаправленными поэтапными досыпками формировался курган у с. Михайлики в Ворсклинско-Псельском междуречье. Его древнейшее «ядро» составил длинный курган, возникший над несколькими сопровождавшимися досыпками погребениями многоваликовой общности и ориентированный продольной осью в направлении СВ-ЮЗ. Спустя какое-то время к 3 от него возникла насыпь над несколькими одновременными захоронениями срубной общности, и наконец они были объединены досыпкой над срубным погребением, совершенным с уровня древнего горизонта между ними. Образовавшийся курган значительно увеличился в размерах и приобрел широтную ориентировку [49, с. 53–54, рис. 1]. Одновременно он приобрел новое смысловое содержание, соответствовавшее представлениям его создателей. Поэтому пространственную организацию могильников и формирование насыпей с определенной семантической нагрузкой предпочтительней рассматривать именно как процесс, отражающий экстраординарную ситуацию и направленный на достижение определенной цели.

Вместе с тем, нередко курганы образуют скопления, лишённые видимого порядка. В большинстве случаев насыпи над срубными погребениями вписывались в состав уже существовавших могильников. Чисто «срубные» некрополи в лесостепи встречаются относительно редко и обычно насчитывают от 2 до 6 курганов.

В современном состоянии насыпи над срубными захоронениями не отличаются значительными размерами. Их высота в пределах 0,5–1,5 м, диаметр 18–26 м. Более крупные курганы, высотой 2,0–3,5 м и диаметром до 50–60 м, немногочисленны и, как правило, характеризуются одиночными неординарными погребениями. Созданию кургана как ритуально-мистического символа иногда предшествовали определенные действия, направленные на подготовку места захоронения. Немаловажная роль при этом отводилась огню, по-видимому, наделавшемуся очистительными свойствами и способностью противодействовать враждебным силам. В процессе археологических исследований свидетельства огненного ритуала фиксируются в виде кострищ, содержащих чистые продукты горения и занимающих подчас большую площадь. Так, почти все пространство под насыпью кургана № 3 у с. Кириковка на р. Ворскла было покрыто тонким

слоем золы от сожженного растительного покрытия. Остатки большого костра на древнем горизонте прослежены в кургане № 4 у с. Воронцовка на р. Оскол [50, с. 705, 723]. Три костра горели вблизи основного погребения в кургане № 3 у с. Байрак [51, с. 9]. Иногда костер разводился в специальном сооружении, в какой-то степени дублирующем могилу. Дуговидной формы яма (1,3×0,5×0,65 м), заполненная древесными углями, золой и кальцинированными костями животных, выявлена к В от основного захоронения в кургане № 3 у пос. Лиман; неподалеку от нее на древнем горизонте был поставлен лепной сосуд баночной формы, заполненный, судя по осадку на внутренней поверхности, какой-то жидкостью (кровью?). После возведения насыпи яма оказалась за ее пределами (кроме сосуда, попавшего под край восточной полы) и была перекрыта только глобальной досыпкой, сопровождавшей несколько детских впускных погребений. Характерно, что огненный ритуал при этом был продублирован: в первую насыпь впущена еще одна яма (2,3×1,75×1,05 м), на дне которой, на дощатой выстилке, разведен костер. Огонь еще горел, когда яму засыпали при досыпке кургана (рис. 74). Судя по составу и структуре грунта, промежуток времени между совершением основного и впускных захоронений был незначительным. Это дает основания предполагать родственные отношения между покойниками. Яма, содержащая продукты горения и пережженные кости животных, находилась вблизи основного срубного погребения в кургане № 1 группы Копанки-II. Стратиграфически надежно установлена их одновременность.

Огненный ритуал мог также завершать погребальную церемонию. В таких случаях остатки кострищ фиксируются в насыпях курганов, они отмечают одну из промежуточных стадий их создания [14, с. 237–238].

К мероприятиям, предшествовавшим или сопутствовавшим захоронению, относятся встреченные в нескольких случаях ритуальные площадки — специально оборудованные места для осуществления культовых действий, входивших в погребальную церемонию. В кургане № 2 у с. Мажарка площадка представляла собой слой плотно утрамбованной материковой глины прямоугольной в плане формы, размерами 3×4 м, ориентированной продольной осью в меридиональном направлении. В южной части площадки прослежены остатки небольшого костра, в северной выявлено основание вертикально вкопанного деревянного столбика (рис. 72). В кургане № 2 группы Залиман-I ритуальная площадка прямоугольной в плане формы (7×3 м), ориентированная продольной осью в широтном направлении, была образована слоем белого мелкозернистого песка, в верхней части смешанного с золой и древесными

угольками. На ее поверхности прослежен тонкий слой древесного тлена от покрытия (рис. 71). Значительными размерами отличалась ритуальная площадка под насыпью кургана № 3 группы Копанки-I. Она имела подпрямоугольную форму, размерами 9×8 м, и была образована слоем материковой глины мощностью до 0,28 м, доставленной, очевидно, со стороны, так как под насыпью заметных углублений в грунте не выявлено. Ее поверхность была покрыта тонким слоем чистой золы, местами смешанной с мелкозернистым белым песком, в южной части расчищены мелкие фрагменты лепного сосуда баночной формы и древесные угольки (рис. 65, 1). О глиняной «подушке» размерами 5×4 м, покрытой толстым слоем чистой золы в кургане № 3 группы «В» у с. Кириевка упоминает Е. Н. Мельник [50, с. 706].

До сих пор речь шла о ритуальных площадках, сопровождавших основные захоронения срубной общности и устроенных на древней дневной поверхности, но в исключительных случаях они сопутствуют и погребениям, впущенным в насыпи более древних курганов. В уже упоминавшемся «длинном» кургане у хут. Котовского срубное захоронение 2 было совершено в западной части кургана над погребением многоваликовой общности и сопровождалось глобальной досыпкой, значительно увеличившей размеры первой насыпи. При этом склон первой насыпи, примыкавший к могиле с востока, был спланирован по горизонтали, и на образовавшейся ровной поверхности создана ритуальная площадка размерами 4,0×1,1 м, сформованная из светло-серого золистого грунта с обильной примесью древесных угольков (рис. 60). Масштабы досыпки и оформление нового погребения выделяют его из числа рядовых погребальных памятников (рис. 61, 1-2).

К действиям, в исключительных случаях предшествовавшим совершению захоронения, может быть отнесено сооружение специальных конструкций, имевших целью ограничение околомогильного пространства. В кургане № 2 у с. Мажарка сплошным кольцевым ровиком была окружена небольшая первая насыпь, скрывшая погребение и созданную рядом с ним ритуальную площадку. Материковый выброс из ровика был направлен на склоны насыпи, образовав внешний глиняный валик. Стратиграфические данные свидетельствуют, что сразу же после этого курган был дощипан (рис. 72). В кургане № 2 группы Петровское-I ровик отличался овальной в плане формой, соответствовавшей конфигурации первой небольшой насыпи, и имел два нешироких «прохода» в юго-восточной и юго-западной частях (рис. 63, 1). Состав и структура грунта первой насыпи и досыпки, а также отсутствие других погребений в кургане свидетельствуют о том, что после сооружения ровика курган был досыпан. Прямоуголь-

ную в плане форму с «проходом» в южной части имел ровик под первой насыпью кургана № 1 группы Петрополье-I (рис. 62, 1). Прямоугольные ровики известны в срубных курганах северостепной зоны Днепровского Левобережья [52]. По-видимому, цель ограничения околомогильного пространства преследовало также создание кромлеха из двойного ряда кусков рваного песчаника под насыпью кургана № 2 группы «Б» у с. Красная Гусаровка на Северском Донце. Как и в некоторых подкурганых ровиках, в кромлехе имелось два нешироких прохода в северной и северо-восточной частях (рис. 70, 1).

Возможно, как желание укрепить границу между земным и потусторонним мирами, нарушенную при захоронении, следует рассматривать случаи обкладывания курганной насыпи на одной из стадий ее возведения деревом. В кургане № 3 у с. Полковая Никитовка первая небольшая насыпь была обложена толстыми, до 40 см, бревнами, частично обугленными; в одном месте прослежено соединение бревен встык [53, с. 147, рис. 3]. Остатки бревен и многочисленные куски истлевшей древесины зафиксированы в насыпи кургана № 1 у г. Волчанск, деревянная конструкция была сразу же засыпана черноземным грунтом [54, с. 15].

Отношение к кургану как к особому мистическому символу, олицетворявшему непосредственную границу с потусторонним миром, иллюстрируется ситуацией, прослеженной в кургане № 1 группы Копани-I. Первая небольшая округлая в плане насыпь не содержала погребения: уровень древнего горизонта отчетливо прослеживался во всех контрольных бровках. Сразу же после ее создания у восточной полы было совершено погребение в обширной и глубокой яме, материковый выброс из которой был направлен на прилегающий склон насыпи. Последовавшая досыпка значительно увеличила размеры кургана и придала ему овальную в плане форму (рис. 64). Неординарность совершенного захоронения, помимо размеров и глубины ямы, подчеркивается присутствием в инвентаре вотивного сосуда. «Пустой», не содержащий погребения курган исследован в Северном Приазовье, под его вершиной на древней дневной поверхности обнаружен череп лошади [55, с. 63].

Чаще всего под курганной насыпью находилось одно основное захоронение, планиграфически обычно занимавшее центральное место на подкурганной площадке. В нескольких курганах выявлено по два одновременных погребения, причем в двух случаях есть основания предполагать, что покойники состояли в родственниках отношениях. В кургане № 5 группы Старомажарово-I рядом в индивидуальных могилах были захоронены взрослый и ребенок, в кургане № 2 у г. Волчанск — мужчина и женщина. Их синхронность устанавливается стратиграфическими данными и

подтверждается близким сходством погребальной обрядности и сопровождающего инвентаря (рис. 67, 1–6) [54, с. 16]. В двух курганах одно из основных погребений занимало явно подчиненное положение: в кургане № 2 группы «Б» у с. Красная Гусаровка захоронение взрослого мужчины было смещено в северо-западный сектор площадки и перекрывалось камнями кромлеха, окружавшего центральное погребение; каменной крошкой был обильно насыщен грунт заполнения могилы (рис. 70). В кургане № 1 группы Петрополье-I двойное захоронение (мужчина и женщина, находившиеся в «зеркальной» позиции) было совершено на периферии подкурганной площадки, вблизи неширокого «прохода» в южной части ровика (рис. 62). В обоих случаях одновременность погребений фиксируется материковыми выбросами из могил, лежавшими основаниями на древнем горизонте.

В двух курганах одно из основных захоронений ситуационно и по содержанию связывается с ритуальным погребением животного. В кургане № 7 группы Старомажарово-I захоронение 3, совершенное в трапециевидной в плане яме с деревянным перекрытием, находилось в центральной части подкурганной площадки, а захоронение 2, произведенное также в трапециевидной яме, но без перекрытия, было смещено в юго-восточный сектор. У продольной южной стенки ямы расчищены кости конечностей и фрагменты черепа мелкого животного (овцы-козы) (рис. 66, 1, 4, 5). Никаких других костных останков в могиле не обнаружено. Аналогичная ситуация прослежена в кургане № 1 группы Мажарка-I. Центральное погребение 1 было совершено в яме абсидовидной в плане формы с остатками деревянного перекрытия, ориентированной в меридиональном направлении. Костяк разрушен ходами землероев, отдельные кости человека встречены в грунте заполнения и в кротовинах. Погребение 2 было смещено в северо-восточный сектор и совершено с уровня древнего горизонта. У продольной западной стенки прямоугольной в плане могильной ямы расчищены кости конечностей, несколько позвонков с короткими обрубками ребер и череп крупного парнокопытного. Как и в первом случае, никаких других остатков и свидетельств перекрытия не обнаружено.

В лесостепных курганах известны и групповые погребения под одной насыпью. В кургане № 3 у с. Грушеваха центральное захоронение 9, совершенное в неглубокой материковой яме, было окружено четырьмя погребениями (6, 7, 10, 12), произведенными на древнем горизонте. Все захоронения идентичны по ведущим признакам погребального обряда, характеру и особенностям сопровождающего инвентаря [56]. В «длинном» кургане у с. Михайлики насыпь V была возведена над тремя од-

новременными захоронениями, одно из которых совершено в неглубокой материковой яме, а два других — на древнем горизонте [49, с. 54, рис. 1]. В кургане № 3 у с. Полковая Никитовка четыре погребения в мелких ямах, впущенных с уровня древнего горизонта, располагались по окружности подкурганной площадки и перекрывались общей насыпью, имевшей деревянную обкладку [53, с. 147–150, рис. 3].

Могильные ямы преимущественно прямоугольной, реже — квадратной, овальной или трапециевидной в плане формы. В целом для 85 % основных и 30 % впускных захоронений зафиксированы остатки перекрытий из бревен, плах, жердей или толстых досок, уложенных чаще поперек могилы. Иногда накатник покрывался сверху дополнительным слоем луба (Покровский 1/5; Копани-I 4/2), травы или камыша (Старомажарово-I 7/2; Петрополье-I 2/1), посыпался песком (Копани-I 3/3; Лиман-I 3/3) (рис. 66, 4; рис. 54, 2). В некоторых случаях покрытие костяка травой или камышом заменяло и, не исключено, символизировало деревянное перекрытие могилы (рис. 66, 2). Нередко внешняя поверхность бревенчатых накатников обуглена от воздействия огня (Копанки-I 3/1; Красная Гусаровка-«А» 1/3) или присыпана продуктами горения от разведенного на стороне костра (рис. 71, 2). Есть свидетельства сооружения более сложных, двухъярусных перекрытий из уложенных накрест бревен или плах, подчас разделенных прослойкой материковой глины [50, с. 718]. Подобные перекрытия в погребальных памятниках эпохи поздней бронзы известны на обширной территории степной и лесостепной зон Восточной Европы [57, с. 90; 58, с. 60; 59, с. 158; 60, с. 69]. Следует отметить, что двухъярусные перекрытия с использованием материкового грунта известны в позднекатакомбных комплексах и встречены в некоторых погребениях могильника Синташта [61, с. 329; 62, с. 70–71].

Иногда на бревенчатых накатниках над могилами присутствуют костные останки лошади — череп, позвоночный столб с короткими обрубками ребер и кости конечностей, отчлененные в скакательных суставах, что традиционно рассматривается как растягивание «шкуры» животного [63, с. 81] (рис. 54, 2; рис. 66, 4; рис. 65, 2). Комплектность костей (череп и кости конечностей) позволяет предполагать, что в некоторых случаях «шкура» не растягивалась на перекрытии, а компактно (очевидно, в сложенном виде) укладывалась в самой могиле, обычно между стенкой ямы и стенкой сруба (рис. 67, 10).

Почти в 15 % учтенных погребений присутствовали внутримогильные деревянные конструкции в виде срубов или ящиков. Наиболее распространены срубы в один-два венца, изготовленные из неошкуранных или отесанных на две или четыре

границ бревен. Как исключение встречаются срубы в четыре—пять венцов [50, с. 718; 53, с. 152, рис. 7]. Способы соединения продольных и поперечных сторон сруба могли быть разными в техническом исполнении. Часто практиковалось соединение «встык», при котором бревна вплотную прилегали к грунтовым стенкам ямы и поперечные, реже — продольные, выполняли роль распорок, придающих всей конструкции необходимую жесткость. Нет никаких оснований полагать, что лесостепные племена в меньшей степени были знакомы с техникой деревообработки, чем население соседних регионов, использовавшее связь «на пип», «в обло», «в лапу» и т. п. [13, с. 58; 14, с. 233]. Как правило, срубы устанавливались на дне могильных ям и лишь в отдельных случаях деревянные конструкции находились на древней дневной поверхности или на грунтовых заплечиках и служили опорой для перекрытий (рис. 70, 3).

Сравнительно редкой разновидностью внутримогильных деревянных конструкций являются ящики — сооружения из обработанных досок. В погребении 2/1 у с. Граково доски толщиной 1,5–2 см были установлены на ребро в неглубокие канавки по периметру ямы, при этом поперечные служили распорками для продольных. Тонкий слой древесного тлена прослеживался до верхнего края могилы, имевшей глубину 0,6 м. Щитовые ящики зафиксированы еще в нескольких лесостепных погребальных комплексах [50, с. 711; 64, с. 211]. Детальное описание ящичной гробницы в срубном захоронении на р. Торез оставил В. А. Городцов [14, с. 234–235]. Подобные конструкции спорадически встречаются в срубных погребениях Донбасса и степного Поднепровья [55, с. 77; 66, с. 12].

Имеются свидетельства существования вертикальных внутримогильных деревянных конструкций. В погребении 1/1 группы Новоосиновое-I могильная яма по периметру была обставлена короткими, отесанными на четыре грани столбиками, у продольных стенок на них были уложены две горизонтальные плахи, поддерживавшие поперечное перекрытие (рис. 76, б). В кургане № 2 группы Копани-I неошкуренные обрезки бревен высотой 0,5 м были установлены вертикально на грунтовых заплечиках у длинных стенок ямы и служили опорой для поперечного бревенчатого перекрытия (рис. 68, б).

Использовались и упрощенные деревянные конструкции, в большей степени символизировавшие устройство «подземного дома» для усопшего. В некоторых срубных захоронениях, преимущественно впускных, бревна были уложены только у длинных стенок могилы и выступали в роли опоры для поперечного перекрытия [67, с. 307]. Подобные бревна у коротких стенок ямы встречаются в погребениях детей и подростков.

Около 95 % подкурганых захоронений срубной общности в восточнорусской лесостепи совершено по обряду ингумации. В соответствии с предложенными выше принципами классификации погребений по ведущим признакам обряда, выделяются две основные обрядовые группы, нумерация которых продолжает принятую для заключительного периода эпохи средней бронзы.

3-я Обрядовая группа — погребения с костями, лежащими, как правило, скорченно на левом боку и ориентированными головой в восточном секторе горизонта. Степень скорченности преимущественно сильная — ноги согнуты в тазобедренных и коленных сочленениях под острым углом, руки согнуты в локтях и кистями направлены к лицевому отделу черепа или сложены перед грудью. Сопровождающая керамика чаще находится в районе черепа.

4-я Обрядовая группа — погребения с покойниками, уложенными, как правило, скорченно на левом боку и ориентированными головой в северном секторе горизонта. Степень скорченности преимущественно умеренная или слабая — угол в тазобедренных сочленениях в диапазоне от прямого до тупого, в коленях чаще острый. Руки согнуты в локтях и кистями направлены к лицевому отделу черепа, сложены перед грудью или протянуты вперед. Сопровождающая керамика чаще находится в области таза или в ногах покойника.

К 3-й ОГ отнесены 155 погребений, совершенных с уровня древнего горизонта или впущенных в курганы предшествующего времени. Категорию привилегированных составляют 50 захоронений: 31 было основным под курганной насыпью, 19 повлекли за собой глобальные или локальные досыпки. Могильные ямы относительно мелкие, глубиной 0,4–0,8 м, прямоугольных, реже — квадратных или трапецевидных в плане очертаний, размерами в среднем 1,9×1,3 м, хотя не являются исключением более обширные и глубокие могилы. Остатки, чаще поперечных, перекрытий из бревен или плах отмечены для 42 привилегированных погребений (около 84 %). В 26 случаях выявлены следы внутримогильных деревянных конструкций, преимущественно в виде одновенчатых срубчатых срубов, установленных на дне ям (около 52 %). В 24 % захоронений зафиксированы органические подстилки под костями, в 12 % — подсыпки мела, дробленого известняка или известковые побелки пола, в 8 % — обнаружены продукты горения — зола или древесные угли, в 8 % — красная охра, чаще локализованная пятном в районе таза, бедер или стоп ног. В каждом пятом погребении (около 20 %) присутствовали кости жертвенных животных, представленные в основном конечностями или отдельными костями крупного или мелкого рогатого скота. В семи курганах на бревенчатых накатниках над

могилами были уложены «шкура» лошадей, в четырех — исследованы ритуальные площадки, в трех — обнаружены подкурганские ровики (рис. 62, 1; рис. 63, 1-2; рис. 65; рис. 66, 4). Известны кенотафы, иногда отличающиеся наличием престижных категорий сопровождающего инвентаря (рис. 68, 1-4; рис. 85, 1). В некоторых случаях есть основания говорить о существовании обычая совершения расчлененных и неполных захоронений. В погребении 1/5 у с. Хижняковка в бассейне р. Орель тело покойника было расчленено пополам: верхняя половина уложена на правом боку, руки согнуты в локтях и кистями направлены к лицевому отделу черепа, нижняя — скорченно на левом боку, стопами к верхней половине туловища [68, с. 98]. В захоронении 4/2 группы Петровское-I у покойника отсутствовал череп и верхние шейные позвонки, при неплохой сохранности костяка (рис. 63, 8). Существуют биритуальные погребения, сочетающие обряды ингумации и кремации. В основном захоронении кургана № 2 у хут. Покровское костяк погребенного был уложен скорченно на боку у продольной северной стенки сруба, а напротив него, у южной стенки сруба, находилась кучка пережженных костей человека. Погребение сопровождалось четырьмя сосудами, причем два из них располагались симметрично, к востоку и западу от остатков кремации [47, с. 22-23]. Судя по широтной ориентировке могильных ям, к привилегированным погребениям 3-й ОГ могут быть отнесены некоторые захоронения по обряду кремации, о которых речь пойдет ниже. Сопровождающий инвентарь присутствовал в 78 % погребений этой категории, он представлен керамикой, предметами вооружения, орудиями труда, украшениями из бронзы (рис. 67-69). С основными захоронениями 3-й ОГ связаны погребения останков жертвенных животных в особых могильных конструкциях (рис. 66, 4-5).

Рядовые погребения 3-й обрядовой группы характеризуются могильными ямами прямоугольной, реже — квадратной или овальной в плане формы, размерами в среднем 1,6×1,1 м. Остатки перекрытий из бревен, плах или досок зафиксированы в 32 % комплексов. В 18 % захоронений присутствовали внутримогильные деревянные конструкции в виде одновенечных срубов, в 15 % — отмечены органические подстилки под костяками, в 10 % — ритуальные подсыпки мела или дробленого известняка, в 4 % — зафиксировано присутствие продуктов горения, в 3 % — красной охры. Около 8 % погребений сопровождалось костями жертвенных животных. Известны кенотафы (рис. 78, 2). Сопровождающий инвентарь, представленный в большинстве случаев керамикой, встречен в 48 % рядовых захоронений (рис. 61, 7; рис. 67, 7).

4-ю ОГ составляют 105 погребений основных под курганами или впущенных в насыпи предшествующего времени. Именно с этой группой связываются немногочисленные групповые захоронения на горизонте (Грушеваха, Полковая Никитовка, Михайлики). К категории привилегированных отнесены 45 погребений в обширных и глубоких могилах, преимущественно прямоугольной в плане формы, размерами в среднем 2,0×1,5 м и глубиной 1,2-1,4 м. Из них 16 вступали в качестве основных под насыпями, 29 сопровождалась досыпками существовавших курганов. В 25 случаях (около 56 %) зафиксированы остатки перекрытий из бревен или плах, в 9 могилах (20 %) сохранились внутренние деревянные конструкции в виде одновенечных или двухвенечных бревенчатых срубов. В 18 % захоронений отмечены органические подстилки под костяками, в 16 % — присутствовали продукты горения, в 11 % — ритуальные подсыпки красной охры чаще локализованной пятном в районе черепа стоп ног погребенного, в 4 % — подсыпки мела. Кости жертвенных животных, в большинстве случаев конечности крупного рогатого скота, находившиеся в могиле или сложенные кучкой на перекрытии, зафиксированы в 11 % погребений. Существуют кенотафы (рис. 73, 5). С привилегированными захоронениями связаны случаи обкладывания насыпи кургана на одной из стадий возведения деревом (Волчанок, Полковая Никитовка), облицовка ее склонов материковой глиной, ограничение околмогильного пространства кольцевым ровиком или кромлехом (рис. 70, рис. 72). Только в захоронениях этой категории встречаются материковые или грунтовые записки по периметру могильных ям (рис. 70, рис. 75, 1), а также сложные двухъярусные катники над могилами [50, с. 718; 53, с. 14]. В двух курганах с основными погребениями 4-й ОГ зафиксированы ритуальные площадки, в двух новых захоронениях на бревенчатых накатах находилась «шкура» лошади (рис. 71; рис. 7). С погребением 4-й ОГ в кургане № 1 у с. Мажар связано одновременное периферийное захоронение крупного парнокопытного животного в особой могиле. Сопровождающий инвентарь, представленный главным образом керамикой, присутствовал в 76 % привилегированных погребений.

Ямы рядовых захоронений 4-й ОГ характеризуются меньшими размерами, в среднем 1,7×1,2 м. Менее чем для половины (около 42 %) отмечены остатки перекрытий из бревен или плах и всего в 10 % присутствовали внутримогильные деревянные конструкции, преимущественно в виде одновенечных бревенчатых срубов. Органические подстилки под костяками зафиксированы в 14 погребений, подсыпки древесных углей или золы — в 10 %, порошка красной охры — в 3 %. Гораздо

Таблица III

Основные обрядовые признаки 3-й и 4-й ОГ

ОГ		Размеры могилы (усредненные)	Пере- крытие	Сруб (ящик)	Орга- ника	Мел/ известь	Зола/ уголь	Охра	КЖ	«Шкура»	РП	Инвен- тарь	ВСЕГО
3-я	Привилеги- рованные	1,9×1,3×0,6 м	42/84	26/52	12/24	6/12	4/8	4/8	10/20	7/14	4/8	39/78	50/100
	Рядо- вые	1,6×1,1 м	33/32	19/18	16/15	11/10	4/4	3/3	8/8	—	—	50/48	105/100
4-я	Привилеги- рованные	2,0×1,5×1,3	25/56	9/20	8/18	2/4	7/16	5/11	5/11	2/4	2/4	34/76	45/100
	Рядо- вые	1,7×1,2 м	25/42	6/10	8/14	—	6/10	2/3	3/4	—	—	38/64	60/100

Примечание: в числителе дробей приводятся абсолютные показатели, в знаменателе — в процентах от данной выборки.

Условные сокращения: КЖ — кости жертвенных животных; РП — ритуальная площадка.

реже, чем в привилегированных, встречаются кости жертвенных животных (около 4 %). Сопровождающий инвентарь, представленный керамикой и немногочисленными изделиями из бронзы, обнаружен в 64 % рядовых захоронений (рис. 70–77).

Показатели по основным обрядовым признакам погребений 3-й и 4-й обрядовых групп сведены в таблицу III.

Следует учитывать еще одну разновидность подкурганых погребений по обряду ингумации, слишком немногочисленную, чтобы рассматриваться в рамках отдельной обрядовой группы. Речь идет о захоронениях в материковых или грунтовых ямах, с вытянутым на спине положением покойников. К настоящему времени в лесостепном регионе известно три таких погребения. Захоронение 4/1 группы Копани-1, совершенное в узкой прямоугольной яме с округленными углами, было основным под курганной насыпью. Костяк, частично разрушенный ходами землероев, лежал на спине и головой был ориентирован на север, с небольшим отклонением к востоку. В грунте заполнения ямы, на высоте 0,20 м от уровня дна, зафиксирована тонкая прослойка белесоватого тлена от органического покрытия, на ней находились два сосуда (рис. 65, 5; рис. 69, 7–8). Северный угол ямы и прилегающая часть материкового выброса, лежавшего основанием на древнем горизонте, были прорезаны впускным погребением 2, относящегося к 3-й ОГ (рис. 65, 4; рис. 69, 5–6). Впускные в насыпи более древних курганов захоронения с вытянутыми на спине костяками, ориентированными головой на С и на В, исследованы у с. Орлик и у с. Великая Камышеваха. В обоих случаях погребенные сопровождались лепными сосудами баночной формы [69, с. 322; 70, с. 275]. Территориально все учтенные погребения тяготеют к бассейну р. Орель, регио-

ну, где в эпоху средней бронзы были распространены катакомбные памятники ингульского типа.

Особый тип подкурганых захоронений представляют захоронения по обряду кремации. Их интегрирует способ обращения с телом покойника, тогда как процедура захоронения праха отражает различные погребальные традиции и, соответственно, различные религиозно-мифологические системы. Сожжение тела усопшего всегда производилось на стороне и в погребальное сооружение помещался только прах, нередко в сочетании с продуктами погребального костра. В зависимости от характера и особенностей погребального сооружения выделяются три группы кремаций: 1) захоронение праха в обычной грунтовой могиле, зачастую с внутренней деревянной конструкцией и перекрытием; 2) захоронение праха в небольшой грунтовой ямке в сопровождении сосуда, иногда предварительно разбитого; 3) захоронение праха в керамическом сосуде-урне. Кремации первого типа встречены пока только в курганах, тогда как второго и третьего известны и в составах грунтовых могильников.

Кремации первого типа в обрядовом отношении как бы дублируют обычные погребения с трупоположением и нередко сопровождаются сравнительно богатым и разнообразным инвентарем. Погребение 1/3 у хут. Котовского, сопровождавшееся досыпкой, объединившей две отдельные насыпи и сформировавшей «длинный» курган, было совершено в обширной и глубокой материковой яме с установленным на дне одновенечным срубом, перекрытым продольными плахами. В могиле, помимо продуктов кремации, ссыпанных кучкой в центральной части ограниченного срубом пространства, находились также сосуд, бронзовый нож и несколько ребер крупного животного (лошади?). Показательно, что, кроме ножа,

смещенного ходами землероев, остальной инвентарь и кости жертвенного животного располагались так же, как и в погребении по обряду ингумации, со скорченным на левом боку костяком (рис. 60; рис. 61, 5–6; рис. 85, 2). В срубке кургана № 1 у с. Николаевка останки по крайней мере двух кремированных покойников сопровождалось шестью сосудами, двумя бронзовыми ножами и костями жертвенных животных. В кургане № 4 того же могильника остатки кремаций второго типа выявлены в грунтовых ямках в насыпи вместе с глиняными сосудами [69, с. 226–230].

Кремации третьего типа немногочисленны и, как представляется, отражают экстраординарную ситуацию. Сосуды-урны с прахом кремированных покойников и продуктами погребального костра выявлены в кургане у хут. Котовского, в кургане № 5 у с. Николаевка, в кургане № 5 у с. Шпаковка, в кургане № 424 «Плюскуша» у с. Липовица (рис. 60; рис. 61, 10) [69, с. 227, 229; 71, с. 42]. В северостепном Днепровском Левобережье сосуд с остатками кремации обнаружен в насыпи кургана № 1 группы III у с. Новоподкряж [72, с. 32]. Следует отметить, что кремации третьего типа часто сопряжены с курганами, несущими определенную семантическую нагрузку. Так, погребальные урны были впущены в центральную часть «длинных» курганов у хут. Котовского и у с. Липовицы. В центральной части «длинного» кургана со сложной системой подкурганых ровиков была захоронена урна с остатками кремации у с. Политотдельское в Нижнем Поволжье [73, с. 247]. Необычный, выходящий за привычные рамки характер урновых кремаций выразительно проявляется в уникальном культовом сооружении кургана № 1 группы «Рясные могилы» в степном Поднепровье. В каменном ящике, сложенном из тщательно подогнанных и обмазанных снаружи глиной плит известняка, было произведено трупосожжение. Погребальный костер и прах кремированного были перекрыты плоскими плитками известняка, на которых произведено еще одно трупосожжение. Прах второго покойника был ссыпан в большой баночный сосуд, установленный в специально вырезанную круглую лунку в каменной плите. Затем урну перекрыли черепахообразной каменной закладкой, а остальное пространство внутри ящика забутовали камнем, так что образовалась ровная площадка, увенчаная сверху известняковой плитой. На ее поверхности было произведено третье трупосожжение, причем прах также помещен в сосуд-урну. Все это сложное каменное сооружение, находившееся на кострище диаметром около 5 м, было покрыто овальной в плане грунтовой насыпью, вытанутой в широтном направлении [74, с. 178].

Не исключено, что кремации третьего типа связаны с человеческими жертвоприношениями, так как концептуально не вписываются в общую по-

гребальную традицию и обнаруживают семантическую связь со сложными культово-погребальными комплексами.

К настоящему времени в пределах рассматриваемого региона известно несколько грунтовых могильников, расположенных в сходных топографических условиях — на краях коренных берегов или первых надпойменных террас. Вероятно, остатки разрушенного оползнями берега грунтового могильника выявлены на окраине многослойного поселения у с. Большая Даниловка на р. Харьков [75, с. 121]. Практически уничтоженный карьером грунтовой могильник был обследован И. П. Костюченко на пологом склоне надпойменной террасы р. Большая Бабка, левого притока Северского Донца [76]. Несколько погребений в мелких грунтовых ямах без перекрытий, с покойниками, уложенными скорченно на левом боку и сопровождавшимися сосудами баночной и острореберной формы, выделены в составе поликультурного грунтового могильника «Госпитальный холм» на правом берегу р. Орель [77, с. 26]. Вероятно, часть поликультурного могильника исследована на окраине скифского поселения у с. Лихачевка на левом берегу р. Ворскла. Всего выявлено 14 захоронений в широком хронологическом диапазоне от энеолита до позднего бронзового века и несколько отдельных сосудов, по-видимому, из разрушенных комплексов. Погребения срубной общности были совершены в мелких грунтовых ямах без перекрытий, костяки скорчены на левом или на правом боку и ориентированы головами на В и С [78]. Три захоронения в неглубоких грунтовых ямах со скорченными на боку костяками исследованы на окраине скифского селища у с. Пожарная Балка на р. Ворскла [79, с. 256]. Возможно, часть грунтового могильника составляли захоронения на территории Черняховского поселения у с. Волчик в Посулье [80, с. 311].

Чрезвычайно интересные данные получены в ходе раскопок грунтового могильника у с. Червоный Шлях на правом берегу Северского Донца. Всего исследовано 41 захоронение, из которых 3 являлись биритуальными и 38 совершены по обряду кремации, с захоронением праха в небольшой грунтовой яме, в одном случае — в сосуде-урне. Биритуальные погребения были произведены в мелких ямах без следов перекрытия, костяки лежали на левом (2) и правом боку и были ориентированы головами на В и Ю. Остатки кремаций находились в ямках округлой, овальной или подпрямоугольной формы, размерами 0,5–1,0 м. Сопровождающий инвентарь в большинстве случаев составляли фрагменты предварительно разбитых сосудов, в 14 погребениях инвентарь отсутствовал [81, с. 91–92].

Скорее всего, как грунтовой могильник должен рассматриваться комплекс захоронений на террито-

ри средневекового городища у с. Сухая Гомольша на правом берегу Северского Донца. Атрибутация погребального памятника как кургана вызывает сомнения по ряду причин. Во-первых, создание насыпи из принесенного со стороны песчаного грунта совершенно не свойственно срубной погребальной традиции и не имеет аналогов в курганной архитектуре позднего бронзового века. Во-вторых, линейное расположение погребений по обряду ингумации и кремации, большое количество не связанных конкретными комплексами сосудов характерно именно для грунтовых могильников, а не для курганов. В-третьих, некоторые захоронения находятся за пределами всхолмления, определяемого авторами раскопок как курган эпохи бронзы. Всего исследовано 15 погребений, из которых 4 совершены по обряду ингумации в мелких грунтовых ямах без перекрытий. Костяки находились в позиции скорченно на левом боку и были ориентированы головами на В и С. Прах кремированных покойников погребался в сосудах-урнах или ссыпался в мелкое, округлые в плане, ямки диаметром 0,45–0,50 м и сопровождался целыми или преднамеренно разбитыми сосудами [82, с. 87–93, рис. 1–3].

Степень изученности лесостепных грунтовых могильников пока не позволяет обоснованно судить об их пространственной организации. На исследованном большой площадью Осиповском могильнике на левом берегу р. Орель прослежена тенденция к расположению захоронений несколькими параллельными рядами вдоль склона надпойменной террасы [83, с. 67]. Такая же планировка заметна в могильниках с преобладающим обрядом кремации [82, рис. 1].

Захоронения по обряду ингумации в грунтовых могильниках совершались в небольших и мелких, в среднем 1,5×0,9×0,5 м грунтовых ямах, как правило, без деревянных перекрытий. Костяки в большинстве случаев сильно скорченны на боку, руки согнуты в локтях и кистями направлены к лицевому отделу черепа. Следует отметить высокий процент правобочных погребений (до 40%), что значительно превосходит этот показатель для подкурганных захоронений. В ориентировке преобладает направление на В, с возможными сезонными отклонениями. Органические подстилки под костяками отмечены для 6% погребений. Ритуальные подсыпки красной охры или мела единичны. Сопровождающий инвентарь присутствовал в 68% комплексов. В подавляющем большинстве случаев это керамика, представленная одним-двумя сосудами баночной, остророберной или горшковидной формы.

К особой разновидности грунтовых захоронений могут быть отнесены одиночные погребения на территории поселений. Погребение подростка в мелкой грунтовой яме исследовано на поселении Студенок-6. Он лежал на левом боку, в умеренной

степени скорченности, и головой был ориентирован в северном секторе горизонта. Сопровождающей инвентарь отсутствовал. В культурном слое поселения Сердюково-2 обнаружен костяк пожилой женщины, уложенной скорченно на левом боку головой на В [84]. Остатки двух разрушенных при строительных работах костяков зафиксированы в разных местах Меревянского поселения на р. Мжа [44].

Разрозненные погребения на территории поселений — явление обычное в культурах позднего бронзового века Восточной Европы. В северостепном Днепровском Левобережье они обнаружены на срубных поселениях Осиповка и Великая Козырщина [85, с. 9]. На поселении Усово Озеро исследовано 6 захоронений, из которых 3 находились в разных местах поселения, а 3 располагались компактно на его окраине [2, с. 89–90]. В лесостепном Подонье одиночные погребения известны на поселениях Мосоловское и Рыкань-1 [86, с. 23; 87, с. 128]. Выявлены они на территории срубных поселений Среднего и Нижнего Поволжья [19, с. 119; 88, с. 17]. Захоронения в культурном слое поселений не редкость в культурах, образующих северную периферию срубной общности [37, с. 206; 89, с. 284].

Вопрос о характере одиночных погребений на территории поселений, по всей видимости, не имеет однозначного решения. Показательно, что часто они находятся вблизи жилых построек, и не исключено, что были совершены в период их функционирования. Это предполагает придание им какой-то «охранительной» функции. В то же время, нет веских оснований отрицать возможность использования для захоронений территории оставленных обитателями поселков. Так, на Мосоловском поселении некоторые погребения были впущены в котлованы заброшенных жилищ [90, с. 24]. Следует учитывать, что у многих традиционных народов определенные участки пространства наделялись особой сакральной силой, олицетворяя точки соприкосновения земного и потустороннего миров. К их числу относились перекрестки дорог, старые кладбища, оставленные поселки и заброшенные жилища [91, с. 11].

В целом, массив памятников эпохи поздней бронзы в восточнукраинской лесостепи многокомпонентен и внутренне неоднороден. В большей степени это касается погребальных памятников, тогда как информация, получаемая в процессе исследования поселений, имеет более сnivelированный характер. Только подкурганные захоронения по обряду ингумации отражают существование по крайней мере двух погребальных традиций, основывающихся на мировоззренческих системах конкретных этносов. Их взаимодействие между собой и с остатками аборигенного населения во многом обусловили специфику этнокультурной ситуации в рассматриваемом регионе в середине-второй половине II тыс. до н. э.

ГЛАВА 2

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Материальные остатки, получаемые в процессе археологических исследований, являются основным источником для изучения культуры, быта и хозяйства населения восточнорусской лесостепи в эпоху поздней бронзы. Коллекции находок из поселений и погребальных памятников включают бытовую и техническую керамику, изделия из камня, кремня, кости, рога, дерева и цветных металлов.

Бытовая керамика

Глиняная посуда, преимущественно во фрагментарном виде в материалах поселений и нередко целыми формами в погребальных памятниках, составляет основную часть материальных остатков, добываемых в ходе полевых исследований. Она отличается известным консерватизмом в рамках конкретных культурно-исторических образований и выступает в качестве наиболее выразительного их внешнего признака. Керамический комплекс населения позднего бронзового века восточнорусской лесостепи формируют несколько видов сосудов, объединяемых в группы по морфологическим показателям или функциональным признакам. Основной классификационной единицей является тип, основывающийся на особенностях профилировки, при сохранении основных морфологических показателей формы. Возможные множественные подтипы и варианты в предлагаемой классификации не рассматриваются, так как при современном состоянии источниковой базы не имеют выраженной хронологической или локально-территориальной нагрузки. В то же время, обобщенный подход, в рамках группы и типа, позволяет наметить общие направления развития керамического комплекса и проводить более широкие пространственные сопоставления.

Группа I. Баночные сосуды

В группу объединены сосуды разных размеров и пропорций, характеризующиеся простейшей конфигурацией тулова и отсутствием важного показателя профилированности — выделенной шейки. Существуют три основных типа, не исключающие возможности выделения переходных форм.

Тип 1 — открытые банки — сосуды с прямыми или слабовыпуклыми стенками, плавно поднимающимися от плоскости дна до устья. Максимальный диаметр по тулову приходится на край венчика (рис. 79, I, 1).

Тип 2 — закрытые банки — сосуды с прямыми или слабовыпуклыми стенками, в верхней части имеющими заметный наклон внутрь, отчего образуются выраженные плечики, на которые

приходится максимальный диаметр по тулову (рис. 79, I, 2).

Тип 3 — профилированные банки — сосуды с невысоким, вертикально поставленным венчиком, образующим цилиндрическое устье, с выпуклыми, иногда остросереберными плечиками в верхней половине тулова, на которые приходится максимальный диаметр (рис. 79, I, 3).

Банки всех трех типов составляют основу керамических коллекций поселений и хорошо представлены в материалах погребальных комплексов.

Группа II. Чаши

Группу составляют широкооткрытые сосуды преимущественно горизонтальных пропорций, с хорошо выраженными остросереберными или округленными плечиками в верхней половине тулова и небольшим плоским дном, размерами в два раза уступающим устью. В литературе подобные сосуды обозначаются общим определением «остросереберные сосуды». Явление остросереберности, особенно в ранний период срубной общности, имеет более широкий характер и выходит за рамки одного вида посуды, что оправдывает употребление термина «чаши» в отношении именно этой формы керамики. Выделяются три основных типа чаш.

Тип 1 — сосуды с невысоким прямым венчиком и остросереберными плечиками в верхней половине тулова или в последней трети высоты (рис. 79, II, 1).

Тип 2 — сосуды с невысоким, более или менее выразительно отогнутым наружу венчиком, выраженной короткой шейкой и остросереберными плечиками в верхней половине тулова (рис. 79, II, 2).

Тип 3 — сосуды с невысоким, поставленным прямо или слабо отогнутым наружу, венчиком и округленными выпуклыми плечиками в верхней половине тулова (рис. 79, II, 3).

Чаши всех типов выразительно представлены в материалах поселений и преобладают в составе погребальных комплексов.

Группа III. Горшки

В группу объединены сосуды разных размеров и пропорций, характеризующиеся наличием общего признака — профилированного тулова. Выделяются три основных типа.

Тип 1 — сосуды преимущественно удлиненных пропорций, с невысоким, слабо отогнутым наружу венчиком, выраженной короткой шейкой и полными слабовыпуклыми плечиками в верхней половине тулова (рис. 79, III, 1). В типологическом ряду представляются производными от банок типа III.

Тип 2 — сосуды преимущественно горизонтальных пропорций, с невысоким, отогнутым наружу

венчиком, хорошо выраженной короткой шейкой и округлым или биконическим корпусом с максимальным расширением примерно на середине высоты (рис. 79, III, 2). В типологическом ряду, вероятно, связаны с острореберными чашами типа II.

Тип 3 — сосуды преимущественно горизонтальных пропорций, с невысоким, отогнутым наружу венчиком, короткой шейкой и выпуклыми плечиками в верхней половине тулова (рис. 79, III, 3). В морфологическом отношении обнаруживают близость с округлоплечими чашами типа III.

Горшки всех типов выразительно представлены в материалах поселений, в погребальных комплексах их находки единичны.

Группа IV. Миски

В группу объединены широкооткрытые сосуды горизонтальными пропорциями с невыделенным венчиком и небольшим плоским дном, размерами в среднем в два и более раз уступающим устью. Выделяются два основных типа.

Тип 1 — *острореберные миски* — приземистые сосуды с прямыми или слабовыпуклыми стенками, в верхней половине корпуса имеющими заметный наклон внутрь, отчего образуются выраженные острореберные плечики (рис. 79, IV, 1).

Тип 2 — *полусферические миски* — приземистые сосуды со слабовыпуклыми стенками, под тупым углом поднимающимися от плоскости дна (рис. 79, IV, 2).

Миски обоих типов представлены в основном в материалах поселений.

Группа V. Жаровни

В группу выделены низкие, округлые или овальные в плане, сосуды с невысокими бортиками и широким плоским дном, по размерам ненамного уступающим устью. Выделяются два основных типа.

Тип 1 — сосуды с прямыми или слегка выпуклыми низкими стенками, под тупым углом поднимающимися от плоскости дна (рис. 79, V, 1).

Тип 2 — плоские массивные диски с утолщенными краями, образующими рельефные бортики (рис. 79, V, 2).

Группа VI. Стаканы

Группу составляют небольшие, высотой 7–12 см, диаметром 6–13 см, сосуды разных пропорций, в основном повторяющие формы банок типов I–III и горшков типа I (рис. 79, VI, 1–4). Основанием для объединения в составе особой группы является предположение о специфическом функциональном предназначении (для питья).

Группа VII. Культовые сосуды

По функциональному признаку в отдельную группу выделены миниатюрные сосудики, высо-

той 1,5–3 и диаметром 2–5 см, предположительно, специализированно-культового назначения. Особой формы не имеют, в основном повторяя баночные или горшковидные очертания (рис. 79, VII, 1–2).

Группа VIII. Котлообразные сосуды

В отдельную группу выделены немногочисленные в лесостепном регионе сосуды преимущественно вертикальных пропорций с невысоким прямым венчиком, иногда снабженным выступом-козырьком наружу, острореберными или округленными плечиками в верхней половине тулова и небольшим плоским дном, часто с кольцевым поддоном (рис. 79, VIII, 1). Редкость находок сосудов этой группы, представленных единичными экземплярами в материалах поселений и погребений, затрудняет обоснованное выделение типов.

Группа IX. Сосуды со сферическим туловом

Немногочисленная группа сосудов, встречающихся исключительно в материалах поселений и отличающихся относительно крупными размерами. Характеризуются коротким прямым, нередко утолщенным, венчиком и шаровидным туловом с плавным переходом к небольшому плоскому дну (рис. 79, IX). Генетически восходят к реповидным сосудам эпохи средней бронзы.

Техническая керамика

К категории технической керамики отнесены изделия из глины производственного назначения.

Пряслица хорошо представлены в материалах поселений всех периодов развития срубной общности. Они имеют округлую в плане форму, диаметром 2–4 см, с центральным сквозным отверстием. Основанием для классификации являются их очертания в поперечном сечении. Выделяются пряслица шаровидной (рис. 80, 1–2), полусферической (рис. 80, 3–4), биконической (рис. 80, 5–6), конической (рис. 80, 7, 13), прямоугольной (рис. 80, 12), трапециевидной (рис. 80, 8–9), битрапециевидной (рис. 80, 11), колесовидной (рис. 80, 15), «гофрированной» форм (рис. 80, 10, 14).

Грузила. Возможно, в качестве грузил использовались более массивные изделия диаметром 6–8 см, прямоугольной, колесовидной или сегментовидной форм (рис. 80, 16–19).

Пращевые ядра — изделия шаровидной формы, диаметром 5–8 см, изготовленные из глины с обильной примесью песка или шамотной крошки и поверхностно обожженные.

Вальки — массивные кирпичеобразные изделия прямоугольной, подквадратной или овальной в плане формы, размерами от 14×8×6 до 18×10×7 см, изготовленные из глины с отощающими примесями шамота или песка, чаще хорошо обожженные (рис. 80, 26–28). Их функцио-

нальное назначение не совсем понятно. Известны случаи, когда из вальков были выложены бортики открытых очагов в жилищах [27, с. 181]. Не исключено их использование в качестве очажных подставок.

Возможно, в гончарном производстве в качестве орудий для заглаживания внешней поверхности использовались изделия из стенок разбитых сосудов со сточенным наискось рабочим краем, покрытым продольными микроцарапинами (рис. 80, 23–24). Сложнее определить функциональное назначение поделок из фрагментов стенок разбитых сосудов, которым обточкой краев придавались геометрические очертания (рис. 80, 22, 25). Не исключено, что речь может идти о детских игрушках.

К украшениям из глины может быть отнесена бусина с продольным отверстием, найденная на полу жилища № 1 поселения Таранцево (рис. 80, 20).

Серия изделий из глины связана с бронзолитейным производством, в частности, тигель в виде глубокой округлодонной плоски с обожженной до стекловидного состояния и покрытой сетью микротрещин внутренней поверхностью (рис. 80, 21). Пока только в материалах поселений известны литейные формы для изготовления ножей-кинжалов с плоским ромбическим перекрестием (рис. 81, 1), вислобушных топоров (рис. 81, 2–3), сегментовидных в сечении браслетов(?) (рис. 81, 4).

Изделия из камня и кремня широко использовались в быту для изготовления предметов вооружения, орудий труда и приспособлений хозяйственного назначения.

Зернотерка из мелкозернистого кремнистого песчаника была найдена на древнем горизонте возле ямы основного погребения 3, относящегося к 4-й ОГ, кургана № 1 у с. Граково на левобережье Северского Донца. Вместе с ней находился терочник вытянуто-овальной в плане формы, с рельефными бортиками-ограничителями у коротких сторон (рис. 82, 1–2). О находке большой зернотерки из серпантина под насыпью кургана № 5 группы «В» у с. Кириковка на р. Ворскла упоминает Е. Н. Мельник [50, с. 707]. Каменный «жерновок» был обнаружен В. А. Городцовым вблизи основного погребения кургана № 7 на р. Торец [14, с. 237].

Ступка и пестик из кварцита имеются в материалах поселения Поляны на Северском Донце. Ступка цилиндрической формы с небольшим углублением в центральной части рабочей поверхности и двумя небольшими углублениями на боковых сторонах, предназначенными, очевидно, для фиксации орудия при работе. Пестик удлиненно-цилиндрической формы, со слабовыпуклой рабочей частью [92, с. 107, рис. 6, 2, 4].

Ступовидное изделие из гранита с заполированной до блеска поверхностью происходит из культурного слоя поселения Горбанщина на р. Мжа (рис. 82, 7). Незначительные размеры углубления

на рабочей плоскости и тщательная обработка поверхности не позволяют однозначно трактовать находку в качестве ступки. Аналогичное каменное полированное изделие обнаружено у вымостки жилища № 2 Алексеевского поселения на р. Тобол [31, с. 122, рис. 47]. Предположение о том, что каменные вымостки в жилищах андроновской общности представляют остатки домашних алтарей-жертвенников позволяет видеть в полированных ступовидных каменных изделиях предметы культового характера. Типологически и функционально близкие каменные изделия, в том числе и миниатюрных размеров, известны в материалах памятников позднего бронзового века степного Поднепровья [93, с. 132, рис. 53].

Пока только в материалах поселений и случайными находками представлены привязные топоры-молоты и молоты (рис. 82, 4–6), тесла (рис. 82, 11), точильные бруски, чаще прямоугольных в плане очертаний, иногда с глубокими бороздками от заточки шильев (рис. 82, 9–10, 13). На территории поселения Подгороднее-I найден обломок мраморного навершия булавы шаровидной формы с цилиндрическим отверстием для рукояти (рис. 82, 8). Каменное полированное навершие булавы найдено у домашнего алтаря-жертвенника в жилище II поселения Ильичевка на Северском Донце [21, с. 154]. Из различных пород песчаника, в исключительных случаях и оббитых кремневых желваков, изготавливались пращевые ядра (рис. 82, 12).

Особую категорию каменных изделий составляют литейные формы. Обломок песчаниковой формы с негативом верхней части ножа-кинжала с плоским ромбическим перекрестием найден в насыпке могилы впускного погребения 1/3 группы Хотомля-II (3-я ОГ). На обратной стороне матрицы заметен плохо сохранившийся негатив тесловидного орудия (рис. 81, 5). Судя по прокаленности камня и сети микротрещин на поверхностях, матрица длительное время была в употреблении. Обломок половинки тальковой формы для отливки ножей-кинжалов с кольцевидным упором происходит из урочища «Мамаевщина» на окраине г. Сумы (рис. 81, 11). Две половинки двусторонних сланцевых матриц с негативами таких же ножей-кинжалов найдены на территории Харьковской области (рис. 81, 10, 12). Обломок литейной формы с негативом лезвийной части, вероятно, аналогичного ножа-кинжала найден на территории срубного поселения Терновое-II на р. Уды (рис. 81, 9). В материалах поселения Студеное на Северском Донце имеется обломок двухсоставной формы с негативом линзовидного в сечении предмета (браслета?) (рис. 81, 6). Обломки двух тальковых матриц найдены на территории срубного поселения у с. Сеньково на р. Оскол. На одной сохранилась часть негатива долотовидного

рудия и негатив небольшой сферической бусины; на обратной стороне вырезаны негативы шести таких же бусин, расположенных попарно в три ряда (рис. 81, 8). На другой различима часть ромбической или треугольной в плане подвески (?) (рис. 81, 7).

Изделия из кремня в широком спектре представлены только в материалах поселений и практически исключительно в виде отщепов разных размеров и аморфных очертаний представлены в инвентаре погребений, преимущественно 4-й ОГ (рис. 56, 1, 3, 5–7; рис. 76, 11–12). В хозяйстве, вероятно, для заготовки грубых растительных кормов, использовались массивные **серпы-резаки** (рис. 82, 21), в обработке шкур и кожи могли применяться **ножи-резаки** с подправленным ретушью лезвием (рис. 82, 22). Возможно, для работы по дереву предназначалось крупное **тесло** с заполированным до блеска острием (рис. 82, 14). Нередко встречаются **скребки** на отщепавших или крупных сколах (рис. 82, 15) и **ножевидные пластины** с подправленными ретушью краями (рис. 82, 20). Предметы вооружения и охотничьего снаряжения представлены **наконечниками стрел** треугольной в плане формы с выемкой в основании, подромбической, листовидной и иволистной в плане формы (рис. 82, 16–19). Более крупные экземпляры могли использоваться в качестве наконечников дротиков и копий (рис. 82, 23).

Изделия из кости и рога в основном связаны с домашним производством — пряжением, ткачеством, плетением, обработкой шкур и кожи.

Известны **пряслица** полусферической формы из головок суставных костей (рис. 83, 1), **прокалки** из расколотых вдоль трубчатых костей (рис. 83, 4–5, 7–8), **роговые шилья** (рис. 83, 15), **дошица** из ребер крупных животных (рис. 83, 3, 6), **тупик** из половинок нижних челюстей крупного рогатого скота (рис. 83, 10, 12) или из лопаточных костей (рис. 83, 13). Изделия из небольших трубчатых костей с заполированной внешней поверхностью, по мнению некоторых исследователей, представляли собой одно из древнейших приспособлений для доения (рис. 83, 2) [94, с. 187–192]. Не исключена возможность их использования в качестве рукоятей металлических шильев [58, рис. 10]. Встречаются также кочедьковидные **орудия** (рис. 83, 11). Трудно определить функциональное назначение изделий из астрагалов с проделанным поперечным отверстием (рис. 83, 9). На поселении Горбанщина найден зубчатый штамп, использовавшийся для орнаментации керамики (рис. 83, 14). Из погребений 4-й ОГ в курганах у с. Тимашовка и с. Петрашовка в Днепропетровском Левобережье происходят округлые в плане плоские пряжки с двумя разновеликими отвер-

стиями — большим центральным и маленьким периферийным (рис. 83, 15–17). Подобная круглая плоская пряжка найдена в захоронении 4-й ОГ в кургане у с. Новый Мерчик*.

Изделия из дерева

Изделия из дерева, безусловно, широко использовались в быту и хозяйстве населения срубной общности, но в силу особенностей материала они редко присутствуют в археологических коллекциях. В некоторых лесостепных погребальных комплексах зафиксированы остатки деревянной посуды в виде мелких блюд-подносов. В захоронении 4/1 группы Копани—I овальное в плане блюдо размерами 25×20 см было установлено перед погребенным и заполнено желтой мелкозернистой массой; в могиле находились также два глиняных сосуда, часть позвоночного столба и кости двух конечностей мелкого животного (козы-овцы) (рис. 65, 4; рис. 69, 7–8). Внешняя поверхность блюда была слегка вогнута, утолщенные края создавали слаборельефные бортики (рис. 83, 18). Вероятно, от подобного блюда осталось округлое пятно древесного тлена в основном погребении кургана «Русавцева могила» у пос. Котельва в Поворсклье. Среди древесного тлена расчищены небольшие бронзовые заклепки, использовавшиеся, скорее всего, для украшения внешней поверхности (рис. 86, 27). В состав сопровождающего инвентаря входили также глиняный сосуд баночной формы и бронзовый нож-кинжал с плоским ромбическим перекрестием (рис. 84, 2). Показательно, что в обоих случаях остатки деревянной посуды сопряжены с погребениями 3-й обрядовой группы.

Остатки плоских блюд-подносов известны и в прилегающих северостепных районах Донбасса и Днепропетровского Левобережья. В захоронении-кенотафе у с. Миньковка выявлены фрагменты блюда с бронзовой фигурной оковкой края, крепившейся маленькими бронзовыми гвоздиками [95, с. 87, рис. 6]. Следы плоских блюд, в том числе с фигурными бронзовыми оковками, неоднократно отмечены в погребениях маевского типа [96, с. 11, 15, рис. 9]. О находке тонкостенной «чашечки», окованной по краям двумя бронзовыми обоями и бронзовыми гвоздиками в захоронении 3/2 у с. Новоалександровка на р. Торез упоминал В. А. Городцов [14, с. 323].

Изделия из цветных металлов

Ассортимент изделий из цветных металлов в эпоху поздней бронзы достаточно широк, хотя это и относительно редкая категория находок на поселениях и в погребениях. Так, бронзовые предметы встречены в 18 погребальных комплексах ле-

* Личная информация А. Бандуровского о его раскопках в 1998 г.

состепного региона, что составляет около 6 % от общего числа учтенных захоронений. Немногочисленны они и в материалах бытовых памятников. В то же время, с каждым годом увеличивается количество случайных находок бронзовых изделий, территориально и хронологически связанных со срубным ареалом в восточнорусском лесостепи.

Наиболее многочисленны находки полифункциональных режуще-колющих орудий, объединяемых в общий разряд ножей-кинжалов. По морфологическим и функциональным критериям выделяется несколько групп, подразделяющихся на типы на основании признака особенностей формы.

Группа I. *Двулезвийные ножи-кинжалы с плоским ромбическим перекрестием*

Тип 1 — ножи-кинжалы длиной 13–20 см, с подтреугольным или треугольно-линовидным в плане лезвием с максимальным расширением в основании, в поперечном сечении линзовидным или удлинено-ромбическим. Пятка черенка всегда приострена, на некоторых экземплярах имеет выраженную ромбическую расковку. Перекрестие выделено боковыми выемками в основании клинка (рис. 84, 1–7).

Тип 2 — ножи-кинжалы длиной 14–22 см, с листовидным в плане лезвием, имеющим максимальное расширение в средней части, в поперечном сечении линзовидным или удлинено-ромбическим. Пятка черенка всегда приострена, иногда — расширена и округлена. Ромбическое перекрестие отделено от лезвия и черенка (рис. 84, 8–12, 14; рис. 85, 1–2).

Ножи-кинжалы группы I имеют чрезвычайно широкий пространственный диапазон, от Зауралья до Подунавья, в основном не выходя за рамки сейминского хронологического горизонта [97, с. 157]. В восточнорусском лесостепи имеются в материалах бытовых и погребальных памятников, а также представлены случайными находками. Известны глиняные и каменные литейные формы для их изготовления. (рис. 81, 1, 5). Ножи-кинжалы типов 1 и 2 равным образом встречаются в захоронениях 3-й и 4-й ОГ, засвидетельствовано их сочетание в составе одного погребального комплекса (Николаевка 1/1) [69, табл. XI, 1–2]. Глиняные литейные формы для изготовления ножей обоих типов содержатся в материалах Мосоловского поселения металлургов-литейщиков на Среднем Дону [98, рис. 16, 1, 5–7].

Группа II. *Ножи-кинжалы с кольцевидным перекрестием-упором*

В особую группу выделены ножи-кинжалы с выраженным кольцевидным перекрестием-упором в основании черенка, предназначенного для крепления деревянной или костяной рукояти. В зави-

симости от формы клинка выделяются два основных типа.

Тип 1 — ножи-кинжалы длиной 20–23 см, с листовидным в плане клинком, имеющим максимальное расширение в основании и снабженным валикообразным продольным осевым утолщением. Черенок уплощенный с приостренной пяткой, достигает $1/3$ – $1/4$ общей длины (рис. 85, 3–4).

Тип 2 — ножи-кинжалы длиной 15–19 см, с листовидным в плане клинком, имеющим максимальное расширение в средней части и валикообразное продольное осевое утолщение. Черенок массивный, с приостренной пяткой, составляет $1/4$ – $1/6$ общей длины (рис. 85, 5–7).

В пределах лесостепного региона известны находки каменных матриц для отливки ножей-кинжалов с кольцевидным перекрестием-упором типа 2, что свидетельствует в пользу их местного изготовления (рис. 81, 9–12).

Все учтенные ножи-кинжалы группы II представлены случайными находками и не связаны с конкретными культурно-хронологическими комплексами. В классификации Е. Н. Черных они соответствуют КТР Н–36, основной ареал распространения которых приходится на Поднепровье, при единичности находок на обширной территории от Трансильвании и Нижнего Подунавья до Волго-Уралья [97, с. 121]. Важным для определения времени их существования является присутствие матриц для их изготовления в материалах Головуровской, Новокиевской, Андровской, Красномяцкой, Малокопаневской мастерских литейщиков [99, с. 76, рис. 20, 6; 100, рис. 2, 3, рис. 3, 6; 101, рис. 2, 1–2; 102, рис. 7, 16, рис. 11, 3].

Группа III. *Ножи-кинжалы без выделенного перекрестия*

В группу объединены небольшие ножи-кинжалы, характеризующиеся отсутствием выделенного перекрестия. Представлены несколькими типами.

Тип 1 — ножи-кинжалы с коротким сужающимся к пятке черенком и треугольно-линовидным в плане клинком, подромбическим в поперечном сечении (рис. 84, 13). В лесостепи представлены единственной пока находкой в погребении 3-й обрядовой группы у с. Барановка на левобережье р. Псел [51, с. 4, рис. 1, 4–7]. Типологически близкие ножи известны в раннесрубных комплексах Нижнего Поволжья и в составе Лобойковского клада из Поднепровья [97, табл. XXXIV, 24; 103, с. 79, рис. 17, 7].

Тип 2 — ножи-кинжалы с коротким приостренным к пятке черенком и параллельными сторонами обоюдоострого клинка, подромбического в поперечном сечении (рис. 85, 11–12). В лесостепном регионе представлены случайными находками. Относятся к числу руководящих форм металлических изделий в памятниках белозерской

культуры Северного Причерноморья, где известны не только многочисленные целые экземпляры, но и литейные формы для их изготовления [102, рис. 1, 10–11, 13, рис. 2, 17–18; 104, рис. 33].

Тип 3 — бесчеренковые ножевидные пластины длиной 8–11 см с параллельными сторонами обоюдоострого лезвия, линзовидного в поперечном сечении (рис. 85, 10). В лесостепи и прилегающих районах известны в материалах поселений [2, с. 68, рис. 16, 9; 5, с. 133, рис. 8, 23]. Типологически близки бесчеренковым ножам с параллельными лезвиями турбинского типа [105, рис. 56, 3–11].

Группа IV. Кинжалы

От ножей-кинжалов группы II отличаются большими размерами и наличием комбинированной или цельнолитой рукояти. В пределах исследуемого региона представлены случайной находкой у с. Волчик в Лубенском районе Полтавской области [106, с. 57, рис. 8, 4]. Кинжал длиной около 30 см, имеет листовидный в плане клинок с максимальным расширением в средней части и валикообразным продольным осевым утолщением. В основании клинка находится кольцевидный упор, отделенный от лезвия короткой суженной шейкой. Длинный черенок в виде подквадратного в поперечном сечении стержня снабжен металлическим завершием с грибовидной пяткой (рис. 85, 15).

Есть сведения о находке типологически близкого медного(?) кинжала с цельнолитой металлической рукоятью на территории Белгородской области Российской Федерации [107, с. 92, рис. 2, 1]. В. А. Ромапко, основываясь на находке подобного кинжала в жилище поселения Богуслав на р. Самара, выделяет их в особый богуславский тип кинжалов и датирует XIV/XIII–XII вв. до н. э. [108, с. 54, рис. 1, 17].

Группа V. Однолезвийные ножи

Однолезвийные ножи немногочисленны и могут рассматриваться в рамках одного типа. Характеризуются несколько утолщенной ровной спинкой, образующей одну линию с коротким черенком, отделенным от лезвия выраженным уступом, прямым лезвием, плавно поднимающимся к острию (рис. 85, 8). В материалах поселения Поляны-I имеется заготовка для подобного ножа из обрубленной бронзовой пластины (рис. 85, 9).

Однолезвийные черешковые ножи содержатся в составе Райгородского и Ново-Григорьевского кладов, в материалах поселения у с. Верхняя Тарасовка [97, с. 114; 102, рис. 9, 1; 109, табл. XIX, 5].

Наконечники копий и дротиков

Наконечники копий и дротиков разделяются условно, так как весьма близки морфологически и функционально; наконечники дротиков отличаются меньшими размерами.

Предположительно, с территории Полтавской области происходит кованый наконечник копья с узким треугольно-листовидным пером, подромбическим в поперечном сечении, и длинной разомкнутой втулкой с симметрично расположенными в нижней части отверстиями для крепления (рис. 86, 1). Опубликовавший находку Е. Н. Черных отнес ее к КТР П-4 и отметил, что подобные наконечники характерны для сейминского хронологического горизонта и имеют самый широкий круг аналогий в Волго-Уральском регионе [97, с. 98, табл. XXVII, 1]. Вероятность вхождения территории Восточной Украины в зону непосредственного влияния сейминской традиции металлообработки выразительно иллюстрируется находками литейных форм для наконечников сейминских типов на Мосоловском поселении в лесостепном Подонье и поселении Усово Озеро в среднем течении Северского Донца, а также целыми экземплярами в пределах юга лесной зоны Днепро-Донского междуречья [2, рис. 15, 3; 98, рис. 9; 107, рис. 2, 8; 110, с. 43].

В окрестностях с. Содатское на р. Оскол в Харьковской области случайно найден литой наконечник копья с удлинненной сомкнутой втулкой, снабженной в нижней части симметричными отверстиями для крепления древка, и листовидным широким пером с прорезными крыльями (рис. 86, 6) [111, с. 96, табл. XX, 18]. Е. Н. Черных отметил ряд находок подобных наконечников на территории Украины и пришел к выводу, что в Северном Причерноморье в конце эпохи поздней бронзы существовал один из центров их производства [97, с. 101].

Более выразительно представлены наконечники дротиков, в ряде случаев надежно увязывающиеся с бытовыми памятниками срубной общности. Представлены двумя основными типами.

Тип 1 — небольшие наконечники с листовидным пером с максимальным расширением в основании, с сомкнутой втулкой, в виде подромбического или округлого в сечении стержня продолжающейся до острия и снабженной в нижней части боковым ушком. Эта деталь отражает общую традицию, так как функционально кажется лишней с учетом отверстий для крепления древка на боковых поверхностях втулки. Наконечник типа 1 происходит из раннесрубного горизонта поселения Таранцево на р. Мжа (рис. 86, 5). Совершенно аналогичный, возможно, изготовленный в той же мастерской, наконечник найден неподалеку от поселения, у пос. Соколово (рис. 86, 4). Более крупный экземпляр наконечника происходит с территории Харьковской области (рис. 86, 3). Типологически близкий наконечник дротика случайно найден у с. Полосковка в Полтавской области [102, рис. 17, 15]. В Подесенье подобный наконечник в комплексе с кинжалом сейминского типа входил в состав инвентаря погреб-

бения-кенотафа у с. Кветунь в Брянской области Российской Федерации [112, с. 290, рис. 2]. Фрагменты каменных матриц с негативами небольших наконечников с боковым ушком на втулке содержатся в составе Головуровской мастерской литейщика [99, рис. 6, 3-4]. Учитывая концентрацию большинства известных наконечников в пределах лесостепной и южной части лесной зон Днепро-Донского междуречья, можно предположить их местное производство в рамках сейминского хронологического горизонта.

Тип 2 — небольшие наконечники с листовидным пером с максимальным расширением в основании и удлинённой сомкнутой втулкой, в виде округлого в сечении стержня продолжающейся до острия. Этот тип представлен случайной находкой у с. Петровка в Полтавской области (86, 2) [113, с. 41, табл. IV, 17]. Е. Н. Черных отметил широкий пространственный диапазон подобных наконечников, но их производство предположительно связал с Северным Причерноморьем [92, с. 98-99]. Продолжительность существования наконечников этого типа устанавливается по их присутствию в инвентаре погребений протомеотского Николаевского могильника в Прикубанье [114, с. 115, табл. I-II]. Не исключено, что в типологическом ряду подобные наконечники представляют производное от наконечников типа 1, их более позднюю модификацию, избавленную от архаической детали — бокового ушка.

Проушные топоры

Проушной вислообушный топор представлен единственной находкой в окрестностях г. Изюм на Северском Донце. Его отличает выделенная втулка с овальным проухом и приостренной обушковой частью, короткий клин, расширенное и оттянутое назад лезвие (рис. 86, 7). Типологически близкие топоры отливались в глиняных матрицах поселения Усово Озеро [2, рис. 13-14]. Возможно, для изготовления подобных изделий предназначались глиняные формы, представленные фрагментами в материалах поселения Таранцево на р. Мжа и поселения Деревки в Поворсклье* (рис. 81, 2-3). Несмотря на различия в некоторых деталях, топоры этого типа сопоставимы с топорами 4-й группы Уральской горно-металлургической области, ареал распространения которых включает районы Поволжья и Подонья [115, с. 47-49, рис. 6-8]. Следует отметить, что при общем сходстве с топорами, отливавшимися в глиняных формах Мосоловского поселения на Среднем Дону, изюмский топор и литейные формы поселения Усово Озеро отличает больший угол скоса верхней части втулки, более короткий и широкий клин [98, рис. 2-5]. Не исключено, что

в дальнейшем эти обстоятельства позволят различать продукцию среднедонского и северско-донецкого очагов металлообработки.

Тесла

Массивное литое тесло с уплощенной пяткой, параллельными боковыми сторонами и слегка расширенным и округленным лезвием найдено в окрестностях г. Чугуев на Северском Донце (рис. 86, 8). Судя по описанию, этот тип тесел представлен находкой у хут. Кнышовка на р. Осколь [116, № 1238]. Близкие по форме, размерам и пропорциям тесла известны в памятниках баланбашско-абашевской культуры и памятниках раннего периода срубной общности в Поволжье [105, рис. 52, 8, 11; 117, с. 58, рис. 13].

Кельты

Территориально и хронологически с памятниками срубной общности могут быть связаны многочисленные находки кельтов, представленных несколькими типами.

Тип 1 — кованые безушковые кельты со сквозной втулкой. Кельт этого типа входил в состав утраченного впоследствииклада из пос. Карачев под Харьковом (рис. 86, 9). По данным Б. А. Шрако, в кладах были также бронзовые серпы кабовского типа, наконечник копья и неопределенные бронзовые изделия [75, с. 117]. Еще один подобный кельт найден на территории Харьковской области (рис. 86, 10). За пределами срубной ареала известна еще одна находка кельта типа 1 — у с. Долинское Сосницкого района Черниговской области [118, с. 90, рис. 2, 7]. Е. Н. Черных кованые безушковые кельты отнес к сейминскому хронологическому горизонту и определил два района их максимальной концентрации — Правобережье Днестра и Среднее Поволжье [97, с. 69, табл. II, 1-5].

Тип 2 — литые безушковые кельты со сквозной втулкой. В лесостепи кельты этого типа представлены случайной находкой у с. Иваницы бывшего Прилукского уезда Полтавской губернии (рис. 86, 11). Опубликовавший находку Е. Н. Черных предположительно связал ее происхождение с Уралом [97, с. 69].

Тип 3 — литые одноушковые кельты, овальные шестигранные в сечении, с арочными фасками и широкими плоскостями и «пещеркой» на одной из них. Представлены случайной находкой на территории Полтавской области (рис. 86, 14). Основная территория распространения кельтов этого типа находится к западу от Днестра. Многочисленные аналогии имеются в кладах и мастерских литейщиков ингуло-красномайского хронологического горизонта [97, с. 77-78, табл. VI, 1-9].

* Разведки А. А. Моруженко в 1976 г. Материалы хранятся в кабинете археологии Донецкого государственного университета.

Тип 4 — литые двушковые овально-шестигранные в сечении кельты с арочными фасками на широких плоскостях. Фрагментированный экземпляр подобного кельта найден на территории крупного поселения у с. Хоружее Решетилковского района Полтавской области (рис. 86, 12) [119, с. 81, рис. 1]. Е. Н. Черных опубликовал еще одну находку с территории Полтавской области и отнес в целом кельты этого типа к узколокальной приднепровской группе [97, с. 85, табл. VIII, 6].

Серпы

Серпы в восточнорусской лесостепи представлены несколькими типами, известными в основном по случайным находкам.

Тип 1 — серпы-секачи с расширяющимся к носу телом, слабо изогнутой спинкой, почти ровным лезвием и откованным крюком на пятке. Один серп этого типа найден на территории Харьковской области, другой, происходящий с территории Полтавской области, опубликован А. М. Лесковым (рис. 86, 5) [102, рис. 17, 20]. Обломок серпа-секача имеется в материалах поселения у с. Ильичевка в зоне пойменных лесов среднего течения Северского Донца [21, табл. XVIII, 8]. Шесть изделий этого типа входили в состав Кобаковского клада, найденного в 1915 г. в нижнем течении р. Орель, в пограничье лесостепи и степи Днепропетровского Левобережья [113, с. 41, табл. IV, 5–15]. Целые и фрагментированные экземпляры имеются в составе Лобойковского клада, а литые формы для изготовления подобных серпов содержатся в Головуровской мастерской литейщика [97, табл. XIX; 120, рис. 1, 1а]. По мнению Е. Н. Черных, центр производства серпов-секачей этого типа локализуется в области Днепропетровского Левобережья [97, с. 95].

Тип 2 — серпы со сравнительно широким телом, круто изгибающимся на последней трети длины, округленным носком и откованным крюком на пятке. Два таких серпа найдены случайно на территории Харьковской области (рис. 86, 16–17). Серп из окрестностей с. Гарбузовка в Кобелякском районе Полтавской области опубликован Е. Н. Черных, полагающим, что центр производства серпов этого типа находился в Приуралье и Поволжье, а их распространение в западном направлении было связано с продвижением населения срубной общности [97, с. 93–94, табл. XVII, 8].

Тип 3 — серпы со сравнительно узким телом, равномерно изогнутым по всей длине, приостренным носком и откованным крюком на пятке. По мнению Е. Н. Черных, опубликованного серп из с. Вьюнцы в Полтавской области, изделия этого типа представляют узколокальный приднепровский тип [97, с. 90, табл. XVI, 12] (рис. 86, 18). Вероятно, географию распространения серпов типа 3 следует расширить, учитывая, что глиняные литые формы для их изготовления имеются в ма-

териалах поселения Усово Озеро в среднем течении Северского Донца [2, с. 83, рис. 14, 4].

Тип 4 — серпы с массивной коленчатой рукоятью с крюком на конце и узким, слабо изогнутым лезвием. Серп этого типа найден случайно на территории Харьковской области (рис. 86, 19). Два аналогичных серпа происходят из окрестностей с. Новопавловка в Днепропетровской области [121, с. 25]. Серпы этого типа известны в основном на Днепропетровском Правобережье и в Молдавии, при концентрации находок западнее, в Трансильвании и в Южных Карпатах [97, с. 97, табл. XXIII–XIV].

Литое долото с внутренней втулкой и желобчатым лезвием найдено на территории Восточного укрепления Вольского городища скифской эпохи на левобережье Ворсклы (рис. 85, 14). В эпоху поздней бронзы ареал распространения орудий этого типа локализуется в Поднепровье, где известны и литые формы для их изготовления [97, с. 109, табл. XXXI, 6–10].

Рыболовный крючок крупных размеров вместе с костями животного находился внутри отдельно вкопанного горшковидного сосуда на территории грунтового могильника у с. Сухая Гомольша [82, с. 93, рис. 3, 14]. Он изготовлен из прямоугольного в сечении прута, имеет выраженную бороздку на острие и боковую петлю на противоположном конце (рис. 85, 13). Рыболовные крючки имеют широкий пространственный диапазон, различаясь между собой размерами и способом крепления лесы. Типологически близкий крючок содержится в составе Лобойковского клада в Поднепровье [97, табл. XXXII, II]. Аналогичное крупное изделие происходит из культурного слоя Мосоловского поселения на Среднем Дону [122, с. 54, рис. 3, 4].

Шилья в виде заостренных с обеих сторон стержней, прямоугольных или квадратных в сечении, хорошо известны в материалах поселений и в погребальных памятниках (рис. 86, 20, 21, 25). Этот вид изделий широко варьирует во времени и пространстве.

Иглы в пределах исследуемого региона связаны с погребениями 3-й ОГ, образуя семантические связи игла — шило. Представлены двумя типами.

Тип 1 — игла из круглой в сечении проволоки с одним заостренным и другим расплюснутым и завернутым в ушко окончаниями происходит из захоронения в кургане у хут. Котовского (рис. 86, 22). Ближайшие аналогии по способу оформления ушка представляют иглы из погребений Покровского и Хрящевского могильников в Поволжье [58, с. 80, рис. 17, 8; 105, рис. 60, 35]. Подобная игла входила в состав Лобойковского клада [97, табл. XXXII, 16].

Тип 2 — игла из круглой в сечении проволоки с предусмотренным при литье ушком найдена в женском погребении 2 кургана № 2 у хут. Черногоровка в бывшем Изюмском уезде Харьковской

губернии [69, с. 242, табл. XIII]. Аналогичная игла имеется в составе Лобойковского клада [97, табл. XXXII, 17].

Долотце небольших размеров, изготовленное из прямоугольного в сечении стержня, с одним уплощенным и другим приостренным окончаниями происходит из культурного слоя поселения Горбанщина на р. Мжа (рис. 86, 23). Находка типологически близкого изделия на поселении Усово Озеро позволяет предполагать существование специализированных небольших долотовидных орудий неясного пока назначения [2, рис. 16, 6].

Из культурного слоя поселения Горбанщина происходит тонкая бронзовая пластина с сохранившимся небольшим отверстием для крепления, возможно, представляющая фрагмент оковки деревянного сосуда (рис. 86, 29).

Украшения из цветных металлов немногочисленны и в большинстве случаев связаны с погребальными комплексами.

Серьги овальной в плане формы с приостренными незамкнутыми окончаниями, отогнутыми в сторону под прямым углом, изготовленные из полукруглого в поперечном сечении стержня, найдены в районе ушных отверстий черепа женского костяка в захоронении 4-й ОГ кургана № 2 группы Лиман-I (рис. 56, 2). В момент расчистки серьги были скреплены попарно: отогнутые в сторону окончания были соединены 1,5–2 оборотами тонкой проволоки, образывавшей полукруглую дужку (рис. 86, 32–36). Вероятно, фрагменты подобных серег выявлены в кургане № 2 у с. Пришиб в Луганской области [123, рис. 5, 2, 4]. В погребении у с. Миньковка в Донецкой области серьги из полукруглой в сечении толстой проволоки встречены в комплексе с желобчаты-

ми подвесками абашевского типа [95, рис. 15, 2–3]. Во всех случаях серьги сопряжены с захоронениями 4-й обрядовой группы.

Литая сегментовидная бусина с поперечным сквозным отверстием найдена в погребении 3-й ОГ в кургане № 3 группы «В» у с. Красная Гусаровка на Северском Донце (рис. 86, 28). В могиле также находился неорнаментированный баночный сосуд типа 1. Прямые аналогии этому украшению в памятниках срубной общности автору неизвестны.

Литая подвеска треугольной в плане формы с отверстием для подвешивания в верхней части и орнаментом в виде наклонных рельефных отрезков на внешней поверхности находилась в сосуде из погребения 3-й ОГ в кургане у хут. Котовского (рис. 61, 1–2; рис. 86, 31). Фрагменты двух таких же подвесок обнаружены в сосуде из захоронения 3 того же кургана, совершенного по обряду кремации и на основании широтной ориентировки могилы отнесенного к 3-й ОГ (рис. 61, 5–6). Типологически близкие сурьмяные подвески содержатся в инвентаре погребения 3-й ОГ 4/2 у с. Иловатка в Нижнем Поволжье [73, с. 222, рис. 8, 6].

Пронизка в виде трубочки, свернутой в один оборот из тонкой бронзовой пластины происходит из раннесрубного горизонта поселения Таранцево на р. Мжа (рис. 86, 26). Ожерелье из подобных пронизок встречено в погребении-кенотафе, ориентированном в широтном направлении, в кургане у с. Пологи в Полтавской области [124].

Подвески в 1 и 1,5 оборота из круглой в сечении тонкой проволоки известны в материалах поселений Сердюково-2 и Терновоя-I (рис. 86, 30, 37).

Последние две категории бронзовых украшений имеют широкий хронологический диапазон от эпохи энеолита до раннего железного века.

ГЛАВА 3

ПАМЯТНИКИ ВОСТОЧНОУКРАИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

В СИСТЕМЕ СРУБНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

Сложность интерпретации памятников позднего бронзового века восточнукраинской лесостепи заключается в их заметной неоднородности, что обуславливает возможность разных подходов к их культурно-исторической оценке. В первую очередь, это касается проблемы формирования местных срубных древностей. В ее решении существует два основных направления — «миграционистское» и «автохтонистское». В. А. Городцов, основываясь на различиях в устройстве погребальных сооружений и стратиграфии северскодонецких курганов, пришел к выводу, что «срубный» народ здесь

появился позже «катакомбного» и не был с ним генетически связан [125, с. 209]. Как результат распространения из районов Нижнего Поволжья, где прослеживалась непрерывная линия развития древнейшая-полтавкинская-срубная культуры, рассматривала процесс появления срубных племен на востоке Украины О. А. Кривцова-Гракова [117, с. 110–111]. Этой точки зрения придерживались и другие исследователи [126, с. 63–65; 127, с. 405; 6, с. 40]. В середине 70-х годов формируется иной подход к вопросу о генезисе срубных памятников на Левобережье Украины, в ко-

тером переселенцам из Поволжья отводилась лишь роль одного из компонентов. Характеризуя локальное явление — погребальные памятники «маевского локального варианта», И. Ф. Ковалева и С. С. Волкобой обратили внимание на присутствие в сопровождающем инвентаре сосудов с многоваликовой орнаментацией. Это позволило им высказать предположение о том, что памятники маевского типа возникают на основе консолидации местного многоваликового субстрата и восточного, андроновско-срубного инфильтрата [96, с. 19–21]. Позднее это положение было конкретизировано и аргументировано И. Ф. Ковалевой, полагающей, что в качестве местной генетической основы срубной культуры на территории Орельско-Самарского междуречья должна рассматриваться культура многоваликовой керамики, а между ней и собственно срубными памятниками находится горизонт синкретических памятников маевского типа. По мнению исследовательницы, наблюдается процесс постепенной замены традиционных многоваликовых обрядовых норм и предписаний новыми, характерными для срубной общности [13, с. 9–10, 69].

Наиболее полное и последовательное развитие «автохтонистское» направление получило в работах Н. Н. Чередниченко. По его мнению, единого центра сложения срубной культуры, исторической «прародины», не существовало, а само формирование такого грандиозного явления как срубная культурно-историческая область является следствием глобальных событий первой половины II тыс. до н. э., выразившихся в резком взлете экономики древних сообществ. В результате этих недостаточно изученных и поэтому мало понятных процессов складывается срубная культурно-историческая область, состоящая из отдельных культур, возникших на местной генетической основе. В качестве таковой в бассейне Северского Донца выступает абашевско-многоваликовый конгломерат, а в Среднем Поднепровье памятники многоваликовой керамики [128, с. 6–7; 99, с. 44–50, 77–78]. В историко-археологических реконструкциях Н. Н. Чередниченко за основу принят анализ материальной культуры, тогда как данные погребальной обрядности используются как типологический инструмент при характеристике массива памятников и как основа для социологических пассажей.

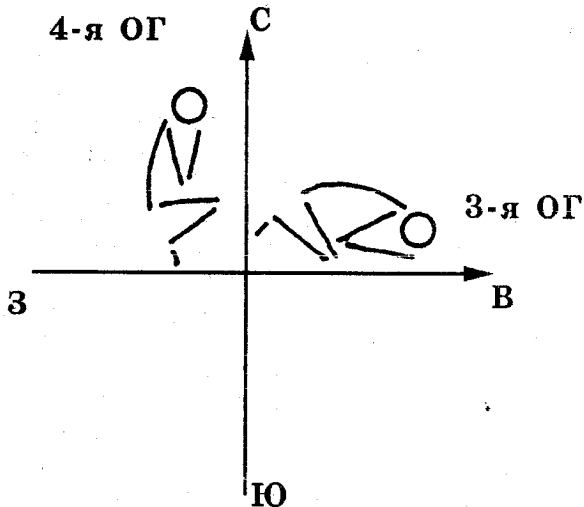
Полемизируя с И. Ф. Ковалевой и Н. Н. Чередниченко, С. С. Березанская указала на свидетельства сосуществования раннесрубных памятников с многоваликовыми, что само по себе исключает возможность постепенной трансформации последних в первые. Кроме того, присутствие в восточнoукраинских срубных памятниках различного локального компонента свидетельствует, что его включение в срубную среду могло произойти толь-

ко в местах непосредственного соприкосновения обоих массивов населения, то есть за пределами Украины [2, с. 111–112; 129, с. 100–111].

В какой-то степени компромиссную в рассмотрении затронутых проблем позицию занимает Р. А. Литвиненко. Появление срубных памятников в бассейне Северского Донца он связывает с продвижением из Среднего Подонья племен — носителей покровской погребальной традиции, которые какое-то время сосуществуют с местным позднемноговаликовым населением. Последнее принимает участие в формировании срубной культуры в ее развитом виде. Таким образом, срубная культура в северскодонецком регионе появляется не в готовом виде, а в стадии становления [130, с. 15–16]. Новый, восточный импульс с содержащимся в нем андроновским компонентом по времени соотносится с развитой срубной культурой, которая характеризуется захоронениями в ямах и срубах с восточной ориентировкой скорченных на левом боку покойников, сопровождающихся типичной керамикой баночных, остросереберных и горшковидных форм [130, с. 7–8]. Причины и процесс трансформации погребального обряда, в частности, изменение ориентировки погребенных по сторонам света, убедительного объяснения не получили.

Более продуктивным, учитывающим многокомпонентность срубных погребальных памятников Восточной Украины, представляется подход В. В. Отрощенко, предполагающего, что в совокупности памятников срубной культурно-исторической общности выделяются две линии развития: северная, лесостепная, представленная покровской срубной культурой и южная, степная, иллюстрируемая памятниками бережновско-маевской срубной культуры [131, с. 152–153]. Говорить о двух культурах в отношении лесостепных памятников пока преждевременно, даже при неопределенности самого понятия «археологическая культура». Тем не менее, только подкурганые захоронения по обряду ингумации объективно отражают существование по крайней мере двух погребальных традиций, основывающихся на мировоззренческих системах конкретных этносов. Речь идет о погребениях 3-й и 4-й обрядовых групп, выделенных для эпохи поздней бронзы и формирующих собственно «срубный» компонент населения лесостепи. Концептуально они вполне совместимы по отношению к строго регламентированному месту расположения погребенного, куда должны были направляться души усопших. Как уже отмечалось, существовала известная инвариантность в расположении тела покойника, либо ногами к «царству мертвых», чтобы облегчить дорогу, либо лицом к нему, чтобы ясно был виден путь. При таком подходе лица погребенных 3-й ОГ, уложенных в подавляющем большинстве случаев

скорченно на левом боку головой в восточном секторе горизонта, были обращены к югу, куда были направлены ноги погребенных 4-й ОГ, лежащих скорченно на левом боку головой в северном направлении. Эта ситуация иллюстрируется следующей диаграммой.

В идеологической сфере, в плане целостной религиозно-мифологической концепции, находящей прямое отражение в погребальной обрядности, захоронения 3-й и 4-й обрядовых групп не имеют истоков в лесостепных культурно-исторических образованиях предшествующей эпохи, ни в позднекатакомбных памятниках осколо-донецкого типа, ни в памятниках общности многоваликовой керамики. При сопоставлении с последними, в которых многие исследователи видят один из главных компонентов сложения местной срубной культуры, бросается в глаза диаметрально противоположность представлений о расположении потустороннего мира. Этот показатель относится к числу основополагающих в мировоззренческих системах и не может игнорироваться или подменяться второстепенными признаками в культурогенезных реконструкциях. Поэтому погребальные традиции, представленные захоронениями 3-й и 4-й ОГ, должны рассматриваться как привнесенные извне в результате миграции этнокультурных группировок. Современное состояние источниковой базы позволяет в общих чертах определить исходные области и наметить возможные пути передвижений.

По основным обрядовым признакам, устройству погребального сооружения, позиции и ориентировке костяков, а также характеру сопровождающего инвентаря захоронения 3-й обрядовой группы определено сопоставимы с раннесрубными погребальными памятниками Нижнего Поволжья и степного Волго-Донского междуречья, так как именно этот регион характеризуется устойчивой традицией ориентировки покойников головой в восточном секторе горизонта, с возможными сезонными отклонениями от основного направления. Погребения береж-

новского горизонта степного Волго-Донья могут быть основными или впущенными в курганы предшествующих эпох; они, как правило, не образуют значительных скоплений под одной насыпью. Нередко встречается предварительная подготовка площадки захоронения, в том числе очищение ее огнем, жертвоприношение животных, практика возложения «шкур» лошади на перекрытие могильной ямы. Ямы прямоугольной, квадратной, овальной в плане формы часто имеют бревенчатые накатники. Существуют внутримогильные деревянные конструкции, преимущественно в виде одноветочных срубов. Позиция костяков достаточно стабильна: на левом боку, в сильной или умеренной степени скорченности, с руками, направленными кистями к лицевому отделу черепа. Распространены подсыпки мела или красной охры. Сопровождающий инвентарь в большинстве случаев представлен керамикой, установленной чаще в районе черепа погребенного. Характерны банки и сосуды преимущественно горизонтальных пропорций с острым или округленным ребром в верхней половине тулова, украшенные геометрическими композициями, выполненными в прочерченной технике, оттисками зубчатых или веревочного штампов [132, с. 72–76; 133, с. 32–33; 134, с. 45–46; 135, с. 152].

Сопоставление погребений 3-й ОГ с погребальными памятниками раннесрубного, бережновского, горизонта показывает если и не полную идентичность, то значительную степень сходства по основным показателям. Речь идет пока не о полной хронологической совместимости, а о линии развития, о существовании целостной системы религиозно-мифологических представлений, находящих прямое отражение в погребальной обрядности. В силу этого, исходным районом миграции носителей погребальной традиции 3-й ОГ можно предположительно считать степи Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья, причем, продвижение отдельных сообществ в западном и северо-западном направлении начинается в раннесрубное время. Их путь через степные районы Донбасса маркируется рядом погребальных памятников с характерными обрядовыми признаками [57, с. 90; 136, с. 45; 137, с. 188–197]. В северостепном Орельско-Самарском междуречье наложение нижневолжского этнокультурного компонента на местный субстрат выразилось, по всей видимости, в формировании памятников маевского типа [96, с. 3–21]. В восточнукраинской лесостепи погребения 3-й ОГ концентрируются в основном в южных районах, характеризующихся преобладанием степных ландшафтов (рис. 87). Принятая линия сопоставления оправдывает использование в дальнейшем в отношении 3-й ОГ условного термина «памятники нижневолжского типа» (ПНТ).

Погребения 4-й ОГ по основным обрядовым признакам тяготеют к кругу раннесрубных памятни-

нов Среднего Поволжья, в частности, к памятникам покровского типа, характерные особенности которых показаны в работах ряда исследователей [138, с. 64–79; 139, с. 67–79; 140, с. 82–94; 141, с. 149–150]. В то же время, имеющиеся к настоящему времени данные свидетельствуют, что покровскими памятниками не исчерпывается все многообразие этнокультурных явлений в северостепной и лесостепной зонах Поволжья. В ряде могильников Среднего Поволжья (Песочное, Новопавловка, Кочетное и др.) «абашидные» черты, зачастую выступающие в качестве решающих аргументов в культурно-исторических определениях, выражены опосредствовано или вовсе отсутствуют, хотя характер и особенности сопровождающего инвентаря позволяют синхронизовать их с собственно покровскими памятниками, с одной стороны, и поднеабашевскими, петровскими и многоваликовой керамики — с другой [142, с. 67–70; 143, с. 24–25; 144, с. 52]. Поэтому сведение раннего горизонта срубной общности в Среднем Поволжье только к памятникам покровского типа заведомо упрощает и обедняет этнокультурную палитру обширного территориального региона, в которой покровские древности целесообразно рассматривать в качестве только одной из составляющих. Вероятно, речь может идти о близких, но не тождественных этносах, объединяемых сходными религиозно-мифологическими системами и отражающих особую линию развития, отличающуюся от фиксируемой для Нижнего Поволжья и степного Волго-Донья. В силу этого, оправданным представляется использование в дальнейшем условного термина «памятники средневожского типа» (ПСТ) для обозначения общей погребальной традиции, наиболее полно представленной в системе раннесрубных памятников Среднего Поволжья.

С последними погребения 4-й ОГ сближают небольшие, округлые в плане курганные насыпи, встречающиеся коллективные захоронения под одной насыпью, традиция облицовки курганов на одной из стадий их создания деревом или материковой глиной, обширные прямоугольные в плане могильные ямы, нередко с грунтовыми заплечиками по периметру, позиция костяков средне- или слабоскорченно на левом боку, ориентировка головой в северном секторе горизонта, распространенность органических подстилок, расположение сопровождающего инвентаря и костей жертвенных животных не только в могилах, но и на деревянных перекрытиях. В керамическом комплексе «абашидные» черты проявляются ослабленно, в виде немногочисленных сосудов колоколовидного профиля, иногда с примесью дробленой ракушки в глиняной массе (рис. 75, 7; 76, 8, 13; 77, 4–5).

В восточнорусской лесостепи продвижение сообществ — носителей средневожской погребальной традиции фиксируется в основном в централь-

ных и южных районах, в общем направлении на запад-юго-запад. Достаточно быстро они осваивают Поворсклье и выходят в бассейны Псла и Сулы (рис. 87). Часть средневожских группировок, вероятно, по доно-донецкому водоразделу проникает в Донбасс, Северное Приазовье и Нижнее Подонье [145, с. 21–23; 146, с. 53; 147, с. 36–38].

Имеющиеся к настоящему времени данные позволяют предполагать сосуществование носителей обеих погребальных традиций в пределах рассматриваемого региона. Их хронологическое соотношение надежно устанавливается на основании курганной стратиграфии северскодонецкого правобережья и Приорелья. В кургане № 7 группы Старомажарово-1 первая насыпь была возведена над захоронением 3-й ОГ, расположенным в центре подкурганной площадки и совершенным в материковой яме с поперечным бревенчатым накатником, на котором была уложена «шкура» лошади и поставлен толстостенный баночный сосуд. На поверхности материкового выброса, примыкающего к яме, находился развал еще одного сосуда, украшенного налепным валиком под венчиком (рис. 66, 1, 4, 7, 8). Одновременно в юго-восточном секторе подкурганной площадки в неглубокой, трапециевидной в плане яме без следов перекрытия было совершено захоронение костей животного (рис. 66, 1, 5). Позднее в центральную часть кургана было введено погребение 4-й ОГ, сопровождавшееся глобальной досыпкой (рис. 66, 1, 6, 9, 10). Аналогичная стратиграфическая ситуация зафиксирована в кургане № 1 группы Красная Гусаровка-А с основным захоронением 3-й ОГ, сопровождавшимся остроресберной чашей и бронзовым ножом-кинжалом с плоским ромбическим перекрестием (рис. 69, 1; рис. 84, 9). Впускные погребения 4–6, по обрядовым признакам относящиеся к 4-й ОГ, располагались в ряд в юго-восточном секторе насыпи и сопровождалась сосудами удлинённых пропорций с хорошо выраженным ребром в последней трети высоты и бронзовым ножом-кинжалом с плоским ромбическим перекрестием (рис. 77, 9–10; рис. 84, 3).

Известны случаи и обратной стратиграфической последовательности. В кургане № 6 группы Калиновка-1 небольшая насыпь над захоронением 4-й ОГ была перекрыта полой крупного кургана, насыпанного над совершенным с уровня древнего горизонта погребением 3-й ОГ (рис. 78). Следует отметить, что курганы с отмеченной стратиграфической последовательностью погребений 3-й и 4-й обрядовых групп локализируются в основном в южных районах лесостепи, где средневожские сообщества имели непосредственное соприкосновение с носителями нижневожской погребальной традиции. В глубинных районах лесостепи средневожские комплексы чаще выступают в «чистом» виде. Вероятно, отношения между двумя потоками мигрантов имели мирный харак-

тер, о чем свидетельствуют смешанные могильники, сочетающие захоронения с признаками обеих обрядовых групп. Характерным примером может служить курганная группа Егоровка-II в Поосколье, в состав которой входили два детских кургана-кладбища. Один из них (курган № 3) по основным обрядовым признакам может быть отнесен к кругу памятников нижневолжского типа, а другой (курган № 4) содержал захоронения, выдержанные в средневолжской традиции.

Известная смешанность населения иллюстрируется и материалами поселений, в раннесрубных горизонтах которых, помимо керамики, традиционно определяемой как срубная, нередко присутствует посуда колоколовидного профиля, иногда — с примесью дробленой ракушки в глиняной массе, со «штрихованной» внешней поверхностью, стратиграфически или планиграфически ни в одном случае не выделяющаяся (рис. 88, 8-9; рис. 89, 9, 11; рис. 91, 12). По данным Ю. М. Бровендера, на Капитановском поселении в нижнем течении Северского Донца керамика покровского типа и раннесрубная сочетаются как в пределах одного стратиграфического горизонта, так и в пределах одного жилища [148, с. 47]. В то же время, в пределах исследуемого региона до сих пор нет ни одного поселения, которое можно было бы обоснованно связать с покровской срубной культурой, где керамика, подобная происходящей из погребальных памятников покровского типа, была бы представлена в чистом виде, без сочетания с типично «срубными» формами посуды и системами ее орнаментации. Изучение технологии изготовления керамики на материалах бытовых памятников показало, что в восточнукраинской лесостепи прослеживаются две технологические традиции, восходящие к различным представлениям о глине как о сырье, типологически и стратиграфически не разделяющиеся. Это свидетельствует о существовании и смешении по крайней мере двух групп населения [150, с. 61]. В силу этих обстоятельств выделение особой покровской раннесрубной культуры на основании только погребальных памятников представляется преждевременным. Более оправданно говорить о двух составляющих, двух линиях развития в составе срубной культурно-исторической общности, двух погребальных традициях, вполне сопоставимых в идеологическом отношении и основывающихся на общих мировоззренческих концепциях. В то же время, множественность проявления второстепенных обрядоворитуальных признаков указывает на то, что оба миграционных потока, по всей видимости, имели дискретный характер и осуществлялись несколькими последовательными волнами, имевшими в качестве исходных точек разные районы Нижнего и Среднего Поволжья. Не исключено, что реконструируемая ситуация близ-

ка той, которая предполагается для периода завоевания ариями Индии. По мнению некоторых исследователей, арии не составляли единого народа, это были небольшие племена, заключавшие между собой временные и непрочные союзы [149, с. 447].

Срубные группировки составляли господствующий, но не единственный компонент населения лесостепи в начале эпохи поздней бронзы. В состав сообщества оказались включенными также остатки автохтонного населения. Выше отмечались случаи стратиграфического следования погребений 1-й и 2-й обрядовых групп, отождествляемых с разными вариантами (или культурами?) общности многоваликовой керамики, за захоронениями средневолжского и нижневолжского типов (Копанки-II курган № 1, Петрополье-I курган № 2, Старомажарово-I курган № 5 и др.) (рис. 54; рис. 57). Есть все основания трактовать это как свидетельства хронологического стыка и более или менее продолжительного периода сосуществования обоих массивов населения, завершившегося постепенной ассимиляцией аборигенов. Обращает на себя внимание, что в начале позднего бронзового века погребальные памятники многоваликовой общности немногочисленны и как бы рассеяны среди срубных, не образуя нигде значительных скоплений. Включение остатков местного населения в состав срубных группировок иллюстрируется и материалами поселений. В материалах ряда раннесрубных бытовых памятников присутствует иногда весьма значительная примесь посуды, изготовленной из обильно насыщенной песком глиняной массы, с характерной орнаментацией множественными налепными валиками, стратиграфически ни в одном случае не выделяющаяся (поселения Сердюково-2, Янохино, Александрия и др.). Особенно много ее на поселениях пограничных со степью районов, где в предшествующую эпоху отмечалась максимальная концентрация погребальных памятников многоваликовой общности. На поселении Рубцы в нижнем течении р. Оскол она составляла в среднем 1 % по слою, значительно больше ее было в жилище № 1 [17, с. 88]. В нижнем стратиграфическом горизонте Ильичевского поселения на Северском Донце фрагменты посуды с многоваликовой орнаментацией достигали 1/3 керамического комплекса [21, с. 156]. Присутствие многоваликовой керамики в культурном слое и на полу жилища зафиксировано на поселении Капитаново-I в низовьях Северского Донца [151, с. 233]. Вероятно, процесс непосредственного взаимодействия обоих массивов населения имел локальный характер, так как на некоторых раннесрубных поселениях многоваликовая керамика представлена единичными экземплярами или вовсе отсутствует (Таранцево, Утковка-I, Усово Озеро и др.).

Не следует исключать возможность вхождения в срубные сообщества и остатков позднекатакомбного населения, на что указывает встречающаяся в срубных захоронениях позиция «всадника» — на правом или левом боку, в умеренной или сильной степени скорченности, с руками, протянутыми вниз, к коленям подогнутых ног, а также некоторые формы керамики, в частности, сосуды группы К — со сферическим туловом, генетически восходящие к позднекатакомбным реповидным формам (рис. 79; рис. 89, 12; рис. 91, 16–17). Показательное существование небольшой группы погребений с вытянутыми на спине костяками, сопровождающимися типично срубной керамикой (рис. 65, 5; рис. 69, 7–8). Территориально они совпадают с районами Приорелья, занятыми в конце эпохи средней бронзы катакомбными памятниками ингульского типа [152, с. 413].

Предложенной схеме этнокультурного состава населения восточнoукраинской лесостепи в позднем бронзовом веке не противоречит существование грунтовых могильников по обряду ингумации. Грунтовые могильники в Среднем и Нижнем Поволжье известны уже на стадии формирования срубной общности и бытуют на всем протяжении ее развития [133, с. 37; 138, с. 64]. По основным обрядовым признакам бескурганый обряд захоронения органично вписывается в систему религиозно-мифологических представлений срубных племен. Не исключено, что различия между подкурганными и грунтовыми погребениями кроются в социальной сфере и курганы можно рассматривать как привилегию родовой и племенной аристократии.

Вероятно, погребально-поминальная традиция населения срубной общности предусматривала в особых случаях сожжение тела умершего с последующим захоронением праха. Вопрос об истоках кремации у срубников имеет большую историографию и до сих пор не может считаться окончательно решенным. Некоторые исследователи считают его привнесенным извне в результате разнообразных культурно-исторических контактов. В частности, в качестве исходного региона предлагались области Карпато-Дунайского бассейна, население которых с энеолита практиковало трупосожжение покойников с захоронением праха в глиняных сосудах-урнах на территории грунтовых могильников [153, с. 111]. Необоснованность этого предположения была показана В. В. Отропенко, связавшим распространение обряда кремации с продвижением в западном направлении отдельных групп носителей федоровской культуры, вовлеченных в общий миграционный поток [74, с. 185]. В настоящее время, в связи с пересмотром и уточнением вопросов происхождения и хронологии памятников федоровского типа, формирующихся на позднеалакульской основе, это положение также не выдерживает критики. Сле-

дует отметить, что кремация вообще более характерна для восточных областей федоровской культуры, чем для западных, где удельный вес трупосожжений составляет около 5%, что близко к аналогичному показателю у срубных племен Поволжья [154, с. 153; 155, с. 108]. Неубедительны попытки связать распространение обряда кремации с земледельческим населением лесостепи Правобережной Украины, от которых через носителей культур шнуrowой керамики он распространяется на восток [156, с. 30]. В Поволжье полное или частичное сожжение покойников практиковалось еще древнейшими племенами [157, с. 31–33]. Спорадически кремации встречаются в полтавских погребальных памятниках [158, с. 44]. Р. С. Багаутдинов, обобщивший данные по погребениям с трупосожжением в Поволжье, пришел к выводу, что этот обряд в срубных сообществах является дальнейшим развитием культа огня у населения этого региона в эпохи ранней и средней бронзы [159, с. 21–22].

На территории Восточной Украины немногочисленные кремации известны в погребальных памятниках донецкой катакомбной культуры и общности многоваликовой керамики. Ни в одном случае этот обряд не стал доминирующим или равноценным, а спорадичность применения только подчеркивает его экстраординарный характер, отражающий, вероятно, особое отношение к личности покойника или его особый социальный статус. В этом отношении весьма показательны, что в срубных погребальных памятниках трупосожжения нередко прямо связаны с необычными культовыми церемониями, не исключено — с человеческими жертвоприношениями (к примеру, упоминавшийся уникальный культовый комплекс в группе Рясные могилы в степном Поднепровье). М. Ф. Косарев, основываясь на многочисленных этнографических данных, полагает, что у народов Западной Сибири в эпоху бронзы сожжению подвергались тела наиболее выдающихся членов коллектива, тем самым получавшим преимущественное право на бессмертие и скорейшее возрождение [160, с. 222]. Такой подход в значительной степени объясняет относительную редкость погребений по обряду кремации и подчеркивает их престижный характер в русле общей погребальной традиции. Следует отметить, что в восточнoукраинской лесостепи подкурганые захоронения с трупосожжением связываются пока только с носителями нижневолжской погребальной традиции.

В то же время, массовые урновые или ямные кремации в грунтовых могильниках не имеют выраженных признаков неординарности и явно отражают иную религиозно-мифологическую концепцию. Погребально-поминальная обрядность относится к наиболее консервативным аспектам идеологической сферы, ориентированным не на

развитие, а на сохранение. Ее самодостаточность определяется наличием высшего мифо-ритуального сценария, в неукоснительном исполнении которого видится решающее условие сохранения миропорядка [91, с. 3]. В силу этого, появление новаций в погребальной обрядности, тем более имеющих чуждую идеологическую нагрузку, следует объяснять не заимствованиями, не копированием чужих образцов, а вхождением в состав данного сообщества каких-то групп с разнящимся мировоззрением и отличным стереотипом поведения. Не исключено, что традиции грунтовых могильников по обряду трупосожжения уходят корнями в ранний бронзовый век Среднего Поднепровья, представленный памятниками софиевской группы позднего триполья. Именно для этой группы характерны бескурганые могильники с захоронением праха покойников в керамических урнах или небольших грунтовых ямках. Соотношение обоих видов кремации в рамках одного могильника примерно равное, в пользу их одновременности свидетельствует и характер сопровождающего инвентаря [161, с. 92–94; 162, с. 143–191]. Продвижение в восточном и южном направлениях племен среднеднепровской культуры и освоение ими территорий, прежде занятых софиевцами, привели к появлению у первых новой погребальной традиции — грунтовых могильников по обряду трупосожжения, сохранившихся до финальной стадии культуры [163, с. 39–40]. В последующее время бескурганые могильники по обряду кремации с захоронением праха в керамических урнах или грунтовых ямках существовали у приднепровских группировок восточно-тишинецкой культуры. С. С. Березанская склонна объяснять устойчивость традиции кремации сохранением местной этнической основы с присутствием ей мировосприятием [7, с. 72].

В эпоху поздней бронзы по каким-то причинам, возможно, связанным с общей дестабилизацией обстановки, распадом существовавших прежде и складыванием новых культурно-исторических общностей, происходит перемещение отдельных популяций с характерным погребальным обрядом из Среднего Поднепровья на восток, в бассейн Северского Донца, где с ними можно связать могильники у с. Сухая Гомольша и с. Червоный Шлях.

Таким образом, в начале позднего бронзового века восточноукраинская лесостепь представляла собой довольно пеструю в этническом и культурном отношении картину. Мощный восточный импульс, связанный с продвижением срубных группировок, сnivelировал ее, прежде всего в материальной сфере, но в области идеологии, материализованной в погребальном обряде, традиции автохтонных популяций какое-то время проявляются достаточно выразительно. В материалах бытовых памятников инородные элементы выступают менее отчетливо,

в основном в виде отдельных форм посуды и приемов орнаментации, не свойственных собственно срубному гончарству.

Памятники позднего бронзового века восточноукраинской лесостепи представляют северо-западную периферию обширного ареала срубной культурно-исторической общности, и период их развития должен рассматриваться в контексте существующих хронологических разработок по срубной проблематике. В нашем случае речь может идти об уточнении времени появления срубного населения и продолжительности его существования в рассматриваемом регионе. Поэтому временные показатели в их абсолютном выражении в дальнейшем могут быть скорректированы в обе стороны. Имеющиеся к настоящему времени датирующие изделия в целом не противоречат данным относительной хронологии, объективно отражающим процессы взаимодействия и смены археологических культур в лесостепи.

Важными хронологическими реперами представляются некоторые категории металлических украшений. К их числу может быть отнесена литая сегментовидная бусина с поперечным отверстием из погребения 3-й обрядовой группы 3/1 группы «В» у с. Красная Гусаровка на Северском Донце (рис. 86, 28). Украшения этого типа не характерны для срубной металлообработки. Они имели широкое распространение у населения Предкавказья и Северного Кавказа, особенно на втором этапе развития северокавказской культуры [164, рис. 16, 6]. Показательна также находка плоской треугольной в плане подвески в захоронении 3-ей ОГ в кургане у хут. Котовского (рис. 86, 31). Типологически близкие сурьмяные подвески входили в состав ожерелья из раннесрубного погребения в кургане у с. Иловатка в Нижнем Поволжье. К. Ф. Смирнов связывал их происхождение с Северным Кавказом [73, с. 233, рис. 8, 6]. Справедливость такого определения подтверждается наличием в составе ожерелья также биволютной и ластовидных подвесок, имеющих прямые аналогии в позднекатакомбных памятниках, синхронных второму этапу северокавказской культуры [164, рис. 13, 58; 165, рис. 1, 17; 166, рис. 4].

Характерно, что находки украшений, связывающихся с позднекатакомбной средой, иллюстрируют южную волну миграции срубных группировок, представленную памятниками нижне-волжского типа. В свете имеющихся данных Нижнее Поволжье и Волго-Донское междуречье представляются одной из контактных зон, где обитавшая населения могли иметь непосредственное соприкосновение. Характеризуя позднекатакомбные памятники бахмутского типа в Нижнем Подонье, С. Н. Братченко выделил небольшую группу погребений в катакомбах с костяками, находивши-

...ся в несвойственной катакомбному ритуалу по-
 ложи — скорченно на боку, с руками, согнутыми
 в локтях и кистями направленными к лицевому
 отделу черепа. Последовательно отстаиваемое им
 положение о промежуточной хронологической по-
 зиции памятников многоваликовой керамики, от-
 личившей позднекатакомбные комплексы от ран-
 нерубных, делало это обстоятельство «...аномаль-
 ным... и непонятным явлением» [167, с. 62].
 Вероятно, по этой же причине к позднему времени
 были отнесены известные в Северном Приазовье и
 Бежнем Подонье немногочисленные захоронения
 в ямах с выраженными подбоями под одной из
 длинных стенок, с костяками, лежавшими в позе
 шпороции и сопровождавшимися архаичной сруб-
 ной керамикой [168, с. 16]. В пользу того, что это
 явление не случайное, а отражающее реальную ис-
 торическую ситуацию, свидетельствуют находки в
 инвентаре позднекатакомбных погребений бронзо-
 вых ножей-кинжалов с плоским ромбическим пе-
 рекрестием, не связанных с катакомбной традици-
 ей металлообработки и представляющих явно за-
 имствованную форму [167, рис. 45, 1; рис. 54, 5;
 169; 170]. Имеются убедительные данные и обрат-
 ного воздействия. По мнению некоторых исследо-
 вателей, на сосуществование катакомбных и сруб-
 ных групп населения в Нижневолжском Правобере-
 жье и Волго-Донском междуречье указывают
 находки в раннесрубных погребальных комплек-
 сах изделий, связанных происхождением с ката-
 комбным ареалом [171, с. 187; 172, с. 27–26; 173,
 с. 91–92]. В срубном захоронении Белогорского
 могильника обнаружен типичный для позднеката-
 комбного периода бронзовый нож с подтреуголь-
 ной расковкой острия [174, с. 114, рис. 1]. По ор-
 наментированным круглым бронзовым бляхам и
 бронзовым пронизкам погребение надежно синхро-
 низуется с памятниками покровского типа.

В свете приведенных данных существование
 в срубных комплексах отдельных категорий из-
 делий позднекатакомбного облика не выглядит
 необъяснимым явлением и свидетельствует о том,
 что время появления срубных группировок в ле-
 остепи нельзя отрывать от финала катакомбной
 общности. Как было показано выше, прекраще-
 ние развития позднекатакомбных памятников ос-
 трого-донецкого типа может быть определено на-
 чалом XVI в. до н. э.

Немаловажное значение для уточнения ниж-
 ней хронологической границы срубной общности
 в восточнoукраинской лесостепи имеют бронзо-
 вые наконечники дротиков таранцевского типа
 (рис. 86, 3–5). По основным морфологическим по-
 казателям — листовидному перу с максимальным
 расширением в основании, удлинённой втулке,
 в виде подромбического в сечении стержня про-
 должающейся до острия, боковому ушку на втул-
 ке, они определенно сопоставляются с более круп-

ными наконечниками копий сейминского типа.
 В то же время, отсутствие близких аналогий,
 прежде всего по размерам, в Волго-Уральском
 регионе оправдывает поиски их прототипов в ме-
 стной среде предшествующей эпохи. В качестве
 таковых могут рассматриваться литые наконеч-
 ники дротиков среднеднепровской культуры [175,
 рис. 19, 3; рис. 20, 2]. Для их датировки важное
 значение имеет находка наконечника длиной 13,5
 см в богатом погребении 11/1 в урочище Мошка
 у с. Ходосовичи в Белоруссии [176, рис. 10–11].
 Присутствие в инвентаре захоронения бронзовых
 очковидных подвесок и янтарной подвески в виде
 плоского кольца с примыкающей прямоугольной
 планкой позволяет синхронизировать его с поgre-
 бальными памятниками абашевской культуры
 Среднего Поволжья, в которых известны анало-
 гичные украшения [177, с. 56, рис. 8, 1; рис. 9,
 2–3]. В настоящее время большинство исследова-
 телей относят средневожских абашевцев к до-
 сейминскому времени, к XVIII–XVII вв. до н. э.
 [105, с. 94; 178, с. 87; 179, с. 48]. По всей види-
 мости, в это же время существовали литые нако-
 нечники дротиков среднеднепровской культуры.
 В XVI в. до н. э., в период широкого распростра-
 нения сейминской традиции металлообработки,
 носителями которой выступали и мигрировавшие
 в западном направлении срубные группировки, оп-
 робированная форма обогащается новой дета-
 лью — боковым ушком на втулке, сочетающейся
 с отверстиями для крепления древка. Параллель-
 но существуют и крупные сейминские наконечни-
 ки копий, подобные отливавшимся в литейной
 форме с поселения Усово Озеро [2, рис. 15, 3].

На неизжитость абашевской традиции метал-
 лообработки указывает встречающаяся на ножах-
 кинжалах с плоским ромбическим перекрестием
 ромбическая расковка пятки черенка (рис. 84, 1–
 3). Весьма показательны, что подобные ножи-кин-
 жалы происходят из комплексов как средневож-
 ского, так и нижневолжского типов.

Следует учитывать также проявление на неко-
 торых категориях изделий элементов карпато-ми-
 кенского орнаментального стиля, концептуально
 не связанных с традиционно срубными геометри-
 ческими композициями. Узоры в виде «бегущей
 волны» и закрученных в противоположные сторо-
 ны спиралей спорадически встречаются на глиня-
 ной посуде бытовых памятников и погребальных
 комплексов (Таранцево, Москалевка, Янохино,
 Кириковка) [5, с. 134, рис. 3, 4–5; 50, рис. 125;
 180]. Реплики карпато-микенской орнаментации
 встречаются в материалах памятников на обшир-
 ной территории Восточной Европы от северо-запад-
 ного Причерноморья до Южного Урала, отражая
 конкретный хронологический горизонт, синхрон-
 ный микенским шахтовым гробницам и культурам
 конца раннего бронзового века Центральной Евро-

пы [181, с. 47–50; 182, с. 231]. В раннесрубном горизонте поселения у с. Ильичевка на Северском Донце найдена костяная бляха с врезным Т-образным меандровым орнаментом, которую автор раскопок обоснованно сопоставил с украшениями микенских шахтовых гробниц и резной костью культур Ватина и Фюзешабонь [21, с. 159, рис. 5]. Семантически близкая резная орнаментация встречена на обломках костяного псаля и костяной бляхи из раннего горизонта поселения Капитаново-I в нижнем течении Северского Донца [183, с. 54, рис. 1–2]. В этом отношении весьма показателен декор в виде «бегущей волны» на некоторых дисковидных псалях с шипами с территории Среднего Поволжья и лесостепного Подонья [184, рис. 5, 1–2; 185, рис. 2, 5; 186, рис. 2, 4]. Последнее обстоятельство позволяет рассматривать дисковидные псаля с шипами и плоские щитковые псаля в рамках одного хронологического горизонта. К этому же времени могут быть отнесены и стержневидные роговые псаля с отверстиями в двух плоскостях, подобные найденному на поселении Усово Озеро, аналогии которому С. С. Березанская склонна видеть в псалях из Сусканского поселения и поселения Тасты-Бутак [2, с. 106, рис. 10, 1]. Типологически близок усвоозерскому псалю роговой псаля из городища мадьяровской культуры в Веселом Градке в Словакии, украшенный резной орнаментацией в карпато-микенском стиле. А. Точик отнес памятник к периоду ВА₂ (XVI в. до н. э.) [187, с. 53, рис. 29, 3; 188, с. 17]. Аналогичные псаля имеются в материалах отоманского поселения Слишский Швортек, откуда также происходят золотые и бронзовые желобчатые височные подвески в 1,5 оборота. Ж. Владар датировал поселение в пределах второй половины XVI в. до н. э. [189, с. 101, рис. 33, 35]. Следует отметить, что желобчатые в 1,5 оборота подвески известны в раннесрубных погребальных комплексах, а в комплексе с ними встречаются подвески из полукруглой в сечении проволоки, подобные найденным в захоронении 4-й ОГ у пос. Лиман (рис. 86, 32–36) [103, с. 52, рис. 6, 5; 190, с. 279, рис. 2, 6; 95, рис. 15, 2–3].

Учитывая данные относительной хронологии и датирующие категории изделий, время появления срубных группировок в восточноукраинской лесостепи в рамках существующей хронологической шкалы можно отнести к середине-началу второй половины II тыс. до н. э.

Верхняя хронологическая граница срубной общности устанавливается менее определенно. На протяжении последней четверти II тыс. до н. э. постепенно прекращается жизнь на большинстве лесостепных срубных поселений (Поляны-I, Снежковка-7, Мерефа, Пески Радьковские, Зимовка-I и др.). В XII в. до н. э. последние обитатели покидают поселение Усово Озеро в зоне пойменных ле-

сов долины Северского Донца [2, с. 107]. К XI в. до н. э. Т. А. Шаповалов относит запустение Ильичевского поселения, хотя сам признает, что, кроме сравнительно-типологического анализа керамики позднего хронологического горизонта, особых оснований для такого ограничения нет [191, с. 21]. Представляется важным, что на территории некоторых оставленных позднесрубных поселений зафиксированы грунтовые, по обряду кремации, могильники малобудковского типа (Студенок-6, Червоный Шлях, Горбанщина), на других возникают небольшие поселения бондарихинской культуры [81, с. 91; 2, с. 10; 21, с. 151; 192, с. 7–8; 193, с. 154]. Очевидно, что проникновение инокультурных групп населения в восточноукраинскую лесостепь стало возможным только после прекращения существования срубной общности в этом регионе как единого социально-политического организма, так как потенциалом для силового вытеснения аборигенов переселенцы явно не обладали. Таким образом, малобудковские памятники могут рассматриваться в качестве хронологического репера финала срубной общности в лесостепи. В одной из последних работ Ю. В. Буйнов, справедливо отметив неосновательность попыток их отнесения к середине II тыс. до н. э., датировал ранний, малобудковский, этап бондарихинской культуры рубежом XIII–XII вв. до н. э.—серединой XI в. до н. э. [192, с. 12]. Такое определение представляется несколько заниженным, поскольку все привлекаемые для датировки предметы имеют довольно широкий хронологический диапазон в пределах середины XII–X вв. до н. э. и сдвигать время их появления у малобудковских племен к нижней хронологической границе веских оснований нет. Так, Первомаевский курганный могильник, в одном из погребений которого обнаружена гагатовая катушковидная пронизь, аналогичная костяной пронизи из малобудковского горизонта поселения Ницаха, отнесен к XI–X вв. до н. э. [194, с. 124–125]. Этим же временем датирован Васильевский белозерский могильник, содержащий в инвентаре некоторых захоронений бронзовые колоколовидные подвески, подобные найденной в жилище поселения Студенок-5 [195, с. 63]. Спиралевидная бронзовая пронизь из малобудковского жилища поселения Тимченки представляет тип украшений, распространенных на Северном Кавказе в период Кобан-II (середина XII–рубеж XII–X вв. до н. э.) [196, с. 77, рис. 7, 18].

Не могут быть использованы в качестве аргумента для удревления памятников малобудковского типа и приводимые стратиграфические данные. Материалы исследованных С. И. Татаринковым поселений Дроновка и Клиновое-2 либо не опубликованы, что лишает возможности проверку их культурно-хронологической атрибуции, либо вызывают сомнения в малобудковско-бондари-

ской принадлежности приведенных в иллюстрациях фрагментов керамики [197, с. 84; 198, с. 281–282, рис. 2]. Бондарихинский горизонт Шиповского поселения на Среднем Дону, где зафиксирована стратиграфическая последовательность отложений эпохи поздней бронзы и начала раннего железного века, помимо того, что авторы раскопок намеренно подчеркнули нетождественность его материалов бондарихинской культуре в ее классическом выражении, датирован в пределах начала II тыс. до н. э. [199, с. 88–90, рис. 2–3]. На поселении Любовка особый малобудковский горизонт культурного слоя, якобы разделяющий отложения срубной общности и скифского времени, не выделяется. Сведений об этом нет в работе Б. А. Шрамко, на которую ссылается Ю. В. Буйное, нет их и в более поздней публикации материалов исследователя [92, с. 102; 200, с. 57–74]. Малобудковская керамика в пределах слоя стратиграфически не различается с позднесрубной, совместное залегание их зафиксировано и на полу жилища (рис. 101, 1–2). Отнесение поселения к концу раннесрубного периода также не может быть принято, так как Б. А. Шрамко отмечает присутствие в материалах жилища фрагментов посуды, орнаментированной налепными валиками и жемчужинами [92, с. 103]. В этой связи особое значение приобретает датировка железного ножа, найденного на полу жилища. Нож обломан в месте перехода от лезвия к черенку, но особенности его формы устанавливаются достаточно надежно. Его отличает почти ровная спинка с заметным изгибом при переходе к черенку и слегка приподнятое к острию лезвие (рис. 101, 13). Типологически близкие бронзовые ножи известны в наиболее ранних памятниках сосиской культуры, в которых ощущается заметное влияние западных культур, в частности, лужицкой с территории Чехии и Польши [201, с. 120, рис. 37, 19–20]. Подобные железные ножи встречаются в материалах памятников Центральной и Южной Европы периодов НАВ₁₋₂ (X–IX вв. до н. э.) [202, с. 270]. Технологические особенности любовского ножа, выкованного из простого кричного железа без применения специальных методов обработки металла, позволяют отнести его к числу наиболее ранних изделий этого типа и датировать в пределах XI в. до н. э.

Поселение Любовка в целом характеризуется синкретическим характером культуры, сочетающей позднесрубные и малобудковские черты, при преобладании первых, и маркирует окончание срубной и начало постсрубной периодов в истории населения восточнoукраинской лесостепи. К этому времени трансформируются и видоизменяются основные признаки, формирующие археологическую культуру, и она переходит в новое качество. В более широком плане это означает распад существовавшей системы социально-экономических и по-

литических связей, цементировавших население крупного территориального региона и превращавших его в единый общественный организм. Деструктивные процессы, появление в лесостепи новых, этнически и культурно чуждых группировок знаменуют финал срубной общности в этом регионе и создают специфику постсрубного периода, предшествовавшего формированию лесостепных культур скифской эпохи.

Существенное значение для уточнения окончания срубной и начала постсрубной периодов имеет распространение «жемчужной» орнаментации керамики, появление которой, не исключено, было связано с продвижением носителей культуры малобудковского типа. Немногочисленные фрагменты сосудов, украшенных наколами изнутри, образующими на внешней поверхности рельефные бугорки, присутствуют в материалах ряда позднесрубных поселений (рис. 93, 6; рис. 94, 7; рис. 97, 3; рис. 99, 9). В это же время жемчужная орнаментация появляется на керамике поздних памятников сосиской культуры, относимых к XII–началу XI вв. до н. э. [42, с. 143, табл. XXI]. Единичные фрагменты сосудов, украшенных жемчужинами, встречены на некоторых позднебелогрудовских поселениях, но в целом этот прием орнаментации не получил распространения на Днепровском Правобережье [203, с. 134, рис. 1, 3]. В Верхнем и Среднем Поднепровье и в Подесенье он хорошо представлен в материалах памятников лебедовского типа. И. И. Артеменко и С. С. Березанская, расходясь в вопросах культурной атрибуции лебедовских памятников, согласны в их датировке XI–IX вв. до н. э. [204, с. 112, рис. 52; 205, с. 214, рис. 2]. Фрагменты сосудов, украшенных жемчужинами, вместе с валиковой керамикой хвалынского типа происходят из верхней части культурного слоя поселения Моечное Озеро на р. Уса [206, рис. 12]. В Нижнем Поволжье этот способ орнаментации использовало население, оставившее памятники нурского типа, относимые к X–VIII вв. до н. э. [207, с. 151–152]. Показательно, что совместное залегание хвалынской и нурской керамики отмечено на поселении Ерзовка–I под Волгоградом [208, с. 54]. Жемчужная орнаментация появляется на глиняной посуде хуласюцкого этапа балановской культуры (XI–IX вв. до н. э.) [209, с. 59, табл. 41]. Этот орнаментальный прием зафиксирован в материалах памятников рубежа II–I тыс. до н. э. на Южном Урале и в Зауралье [8, с. 390, рис. 62]. Керамика с жемчужным орнаментом выявлена в верхнем стратиграфическом горизонте Алексеевского поселения на р. Тобол, датированном X–VIII вв. до н. э. [210, с. 170, рис. 4]. В лесостепной зоне Западной Сибири жемчужная орнаментация присутствует в материалах памятников межовского и ирменского типов, относимых к X–VIII вв. до н. э. [211, с. 164, рис. 63; 212,

с. 295]. Небольшая коллекция керамики с жемчужинами выделяется на сейминском могильнике у с. Ростовка. По мнению Е. Н. Черных, она связана с кладом бронзовых изделий самого конца II тыс. до н. э. [213, с. 240, рис. 107]. Керамика с жемчужинами встречается в материалах памятников трушниковского типа в Восточном Казахстане [214, с. 35, табл. XIX–XXX].

Очевидно, что рельефная жемчужная орнаментация имеет чрезвычайно широкий пространственный диапазон, и речь должна идти о явлении стадийного порядка, такого же масштаба, как распространение валиковой керамики в эпоху поздней бронзы. Максимальное распространение этой орнаментальной системы приходится на конец II–начало I тыс. до н. э., что в общих чертах совпадает с началом раннего железного века [215, с. 43].

Распад срубной общности и проникновение в лесостепь инокультурных группировок обусловили известный синкретизм ряда поздних памятников, наиболее полно проявляющийся в характере и особенностях керамических комплексов (поселения Любовка, Васицево, Веселое-I и др.). Этот процесс, по всей видимости, не был однозначным: в одних местах преобладали местные, в других — пришлые культурные компоненты. Это позволяет включить в число синкретических памятников некоторые поселения, обычно рассматривающиеся в рамках бондарихинской культуры, в частности, поселения Дроновка на Северском Донце, Бузовка и Залинейное на р. Орель, Старая Игрень на р. Самара. На присутствие позднесрубного компонента указывает наличие горшков типа 1 и 2, жаровень типа 1, использование слаборе-

льефных налепных валиков в верхней части плечиков и традиционных для срубного гончарства углубленных композиций в виде пояска наклонных насечек или зерновидных вдавлений [198, рис. 2; 216, рис. 9–16]. На поселениях Бузовка и Залинейное найдены бронзовые втульчатые двухлопастные наконечники стрел, датированные в широких пределах XII–X вв. до н. э. [216, с. 69–70, рис. 9, 9; рис. 15, 16]. На основании приведенных в работе аналогий более оправданным представляется отнесение их к IX–X вв. до н. э. По мнению В. А. Ромашко, на значительную роль позднесрубного населения в сложении синкретических памятников Предстепья указывают также системы орнаментации местной столовой керамики [217, с. 19–20].

В целом, прекращение существования срубной общности как целостного социально-экономического организма в восточнорусской лесостепи можно отнести к концу XII в. до н. э., учитывая, что распад сложившейся системы связей не означал полной смены населения и отдельные группировки могли продолжать развитие в новой исторической обстановке. Но синкретические срубно-бондарихинские и пережиточно-срубные памятники, типа верхнего горизонта поселения Таранцево, уже отражают иную культурно-историческую ситуацию и иную линию развития, отличающуюся от прежней по существу культурообразующих процессов [5, с. 136–137]. Характеристика этого качественно нового периода в истории населения восточнорусской лесостепи выходит за рамки настоящей работы и представляет тему особого исследования.

ГЛАВА 4

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СРУБНОЙ ОБЩНОСТИ В ВОСТОЧНОУКРАИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Почти полутысячелетний период развития населения срубной общности в восточнорусской лесостепи закономерно отразился в постепенном видоизменении основных характеристик, формирующих археологическую культуру. Внутренние процессы консолидации и дезинтеграции, явления стадийно-исторического порядка, разнообразные экономические связи находили реальное воплощение в материальной области, представляющей наиболее динамичным элементом культуры, тогда как идеологическая сфера, частично материализованная в погребальных памятниках, изначально была более инертна и консервативна, в гораздо меньшей степени подвержена временным трансформациям. В силу этого хронологическая дифференциация та-

кого грандиозного явления как срубная культурно-историческая общность основывается на типологическом анализе основных категорий материальной культуры, выявлении системы предметов и изделий, характеризующих каждый из этапов его развития. Имеющиеся данные позволяют выделять два хронологических этапа в развитии срубной общности на территории восточнорусской лесостепи — ранний и поздний.

РАННИЙ ЭТАП

(середина XVI–XV вв. до н. э.)

Начало раннего этапа срубной общности в лесостепи характеризуется активными миграционными процессами, представлявшими, вероятно, после-

ние всплески периода «дестабилизации», спровоцированного синташтинским и сейминским импульсами [213, с. 261; 218, с. 32]. Передвижение крупных группировок из районов Среднего и Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья разрушило сложившийся в предшествующую эпоху в Восточной Украине этнокультурный баланс, но не привело к полной смене населения в лесостепи. Автохтонные сообщества частью отступили в западном направлении, частью растворились в среде переселенцев, сохранив на какое-то время свое культурное своеобразие. Судя по имеющимся данным, основная масса мигрантов осела в бассейнах Северского Донца и Ворсклы, отдельные группировки продвинулись дальше и вышли в Посулье (рис. 87).

Перемещение крупных масс населения с востока в пределы Украины, помимо отмеченных выше особенностей погребальной обрядности и материальной культуры, подтверждается и данными антропологических исследований. Как показало изучение костных остатков из памятников срубной общности, население Левобережной Украины, в частности, бассейна Северского Донца, обнаруживает большую степень сходства по основным параметрам с населением Среднего и Нижнего Поволжья и значительно отличается от населения Днепровского Правобережья [219, с. 80; 220, с. 15].

Активное курганное строительство в начале эпохи поздней бронзы соответствует периоду освоения новых территорий и косвенно указывает на возросшую в ходе миграций роль представителей высших социальных слоев общества. Об этом же свидетельствует наличие неординарных захоронений, выделяющихся сложностью и семантической насыщенностью погребальных сооружений и иллюстрирующих существование развитой социальной иерархии. В погребальных памятниках отчетливо проявляются особенности погребально-поминальных обычаев, позволяющие разграничивать захоронения разных обрядовых групп, восходящие к традициям конкретных этносов. Собственно «срубный» компонент населения лесостепи формируют погребения 3-й и 4-й обрядовых групп, отражающие нижневолжскую и средневолжскую линии развития. На основании стратиграфических данных и типологического анализа сопровождающего инвентаря к раннему этапу могут быть отнесены «привилегированные» и часть «рядовых» захоронений обеих обрядовых групп. Следует признать, что к настоящему времени четкие критерии хронологического членения массива погребальных памятников отсутствуют. В основе хронологических колонок обычно находятся стратиграфические наблюдения, фиксирующие последовательность совершения захоронений в пределах курганной насыпи. Однако следование погребений одного за другим (по прин-

ципу основное-впускное) далеко не всегда означает наличие значительного временного разрыва между ними. Могли иметь место факторы социального характера, когда курган приобретал функцию семейной (клановой, родовой) усыпальницы и погребенные в нем состояли в родственных отношениях. Характерным примером может служить курган у хут. Котовского в Приорелье, «длинная» насыпь которого была сформирована рядом последовательных досыпок над захоронениями с выраженными признаками сакральной неординарности (культовая площадка у погребения 2, кремация 1-го типа в погребении 3, урновая кремация погребения 4, наличие семантической связки игла-шило в погребении 6) (рис. 60–61). В целом курган, вероятно, приобрел характер открытого святилища. Интегрирующей чертой в данном случае выступает причастность большинства погребенных к выполнению культовых функций, тогда как строгая направленность создания «длинного» кургана не позволяет предполагать наличие значительных хронологических промежутков между захоронениями.

В кургане № 3 группы Лиман-1 первая насыпь была создана над основным погребением 3, расположенным в центре подкурганной площадки. Спустя какое-то время в юго-восточном секторе первой насыпи было совершено пять одновременных детских захоронений, после чего курган досыпан. Состав и структура грунта первой насыпи и досыпки, использование в обоих случаях огненного ритуала (кострища в грунтовых ямах), идентичные черты погребального обряда позволяют предполагать незначительный промежуток между погребениями и родственные отношения погребенных. Но основное захоронение 3 обладает признаками принадлежности к памятникам покровского типа (большая яма с грунтовыми заплечиками по периметру, слабоскорченное на левом боку положение погребенного, ориентированного головой к С, присутствие в инвентаре сосуда колоколовидных очертаний с крупнозубчатыми расчесами внешней поверхности), тогда как керамика впускных погребений, относящихся к той же обрядовой группе, имеет вполне срубный характер (рис. 74–75). Объяснение, скорее всего, следует искать в социальной сфере, а не в хронологических показателях.

Как отмечалось выше, обрядовые признаки наиболее комплексно проявляются в захоронениях, относимых к категории «привилегированных», сопровождавшихся созданием кургана или досыпкой существовавшего. В «рядовых» погребениях они выступают в упрощенном виде, что, вероятно, соответствует социальному статусу покойника. Строгая регламентация погребального обряда, присущая народам с мифологическим восприятием мира, предусматривала присутствие в могиле определенных категорий сопровождающе-

го инвентаря. В этой связи представляют интерес наблюдения Г. Б. Здановича за составом глиняной посуды в захоронениях бронзового века Урало-Казахстанских степей. В петровских комплексах баночные сосуды составляют около 30 % всех форм, почти в такой же пропорции этот вид посуды присутствует в алакульских и федоровских памятниках [154, с. 110]. В силу этого, вопросы о хронологическом соотношении одной или разных обрядовых групп должны решаться особо в каждом конкретном случае, с учетом всего комплекса данных, в том числе и через призму социальных отношений.

К раннему этапу могут быть отнесены также подкурганые захоронения с кремнированными покойниками и некоторые грунтовые могильники по обряду ингумации (Большая Даниловка, Госпитальный Холм, Лихачевка). Остатки автохтонных группировок представлены погребениями 1-й и 2-й обрядовых групп и немногочисленными погребениями с вытянутыми на спине костяками, сопровождавшимися керамикой срубного типа.

Поселения раннего этапа преимущественно невелики по размерам, занимая в среднем площадь 0,9–1,5 га. Расположены они чаще в непосредственной близости от речных долин: на краях или мысах невысоких бортовых террас (Янохино, Рубцы, Утковка-1), на возвышенностях в прирусловой пойме (Таранцево, Горбанщина, Соваковка), на коренных берегах небольших рек (Большая Даниловка, Русские Тишки, Пески-1). Прослеживается тенденция к расположению жилых и хозяйственных построек по периферии площадки поселения, с оставлением свободного пространства в ее центральной части. Тип жилищ во многом определялся характером местности: на пойменных поселениях чаще встречаются наземные сооружения с углубленным полом, на террасовых преобладают полуземлянки.

Имеющиеся данные свидетельствуют о разнообразии архитектурно-строительных способов устройства жилищ. Существовали постройки с двускатной кровлей, поддерживавшейся центральным продольным рядом опорных столбов, и горизонтально-бревенчатой, срубного типа, конструкцией наружных стен (рис. 59, 1, 4). Такое же устройство внешних стен, при плоской или односкатной кровле, возможно для жилищ, в площади которых остатки опорных столбов не выявлены. В полуземлянках больших размеров, таких как жилище поселения Лукьяновка, наружные стены могли иметь вертикально-столбовую основу, промежутки между столбами закрывались плетневыми щитами, иногда обмазанными глиной, конек двускатной кровли поддерживался одним-двумя рядами опорных столбов. Интерьер жилищ предусматривал их разделение в ряде случаев на две части легкими внутренними перегородками (рис. 59, 3, 4).

Для обогрева помещений и приготовления пищи использовались открытые или углубленные очаги, планиграфически чаще смещенные в прилегающую ко входу часть постройки (рис. 59, 2–4). Судя по данным, полученным в прилегающих регионах, уже в раннее время существовали домашние алтари-жертвенники. Выявлены сооружения производственно-хозяйственного назначения. По характеру домостроительства поселения восточнорусской лесостепи обнаруживают значительную степень сходства с бытовыми срубными памятниками Подонья, Поволжья и Приуралья.

Наиболее выразительно и комплексно особенности раннего этапа срубной общности в лесостепи проявляются в характере и составе вещевого комплекса, в первую очередь — керамики.

Посуда изготавливалась из плотной глины с отщипываемыми примесями песка, мелких и средних фракций шамота, реже — дробленой ракушки, вручную, методом донно-емкостного начина с ленточным налепом. Поверхности до обжига выравнивались щепкой или пучком травы, нередко обрабатывались зубчатым орудием, оставлявшим рельефные параллельные бороздки — «расчески». Внешняя поверхность иногда тщательно заглажи-

валась, на отдельных экземплярах встречается некачественное черное или бурое лощение. Обжиг в большинстве случаев костровой, поверхностный: черепок в изломе имеет двух- или трехслойную структуру. Обычны угольные пятна нагара.

Основу посудного набора составляют сосуды баночной формы. В материалах поселений, где наиболее полно представлен комплекс бытовой керамики, их удельный вес достигает 80–85 %. В погребальных комплексах они присутствовали почти в половине инвентарных захоронений. Существуют банки трех выделенных типов (рис. 79, 1, 1–3). Их процентное соотношение в пределах группы в материалах поселений может варьировать, но в целом заметно численное преобладание банок типов 1 и 2; они же встречены в большинстве погребений (рис. 54, 4; рис. 65, 7; рис. 67, 4–5; рис. 71, 3; рис. 73, 3, 7; рис. 88, 1–4, 7; рис. 91, 1–3, 6). Особо следует отметить явление острорребности, во многом определяющее своеобразие раннесрубного керамического комплекса. Выраженный перелом стенок в последней трети высоты, образующий острое ребро, чаще всего встречается на банках типа 2 (рис. 63, 6; рис. 65, 3; рис. 68, 5; рис. 69, 7, 10). В некоторых случаях острое ребро на плечиках присутствует на банках типа 3 (рис. 76, 3; рис. 77, 10). Острорребные банки равным образом встречаются в погребальных комплексах средневожского и нижневожского типов. В то же время, только с захоронениями 4-й обрядовой группы связаны находки баночных сосудов с выразительно отогнутым наружу краем венчика, придающим профилю коло-

овидность, с внутренним ребром на шейке (рис. 56, 4; рис. 73, 11; рис. 75, 7; рис. 77, 4, 5). Фрагменты банок с желобчатым венчиком и внутренним ребром встречаются в материалах поселений раннего этапа (рис. 88, 8-9; рис. 91, 12). Иногда сосуды этого типа характеризуются наличием дробленой ракушки в глиняной массе.

Орнаментировано около половины банок всех типов. Орнамент отличается простотой как в техническом, так и в композиционном отношении. Чаще всего это углубленные композиции в виде одного-двух поясков наклонных палочных насечек, подтреугольных вдавлений углом плоского штампа или отпечатков зубчатого штампа под краем венчика (рис. 61, 3, 8; рис. 70, 4; рис. 88, 1, 3, 4; рис. 91, 1-7). Встречаются несложные геометрические композиции в верхней половине тулова, выполненные в прочерченной технике, вдавлениями зубчатого штампа или веревочки (рис. 66, 3; рис. 67, 11; рис. 73, 11; рис. 77, 10; рис. 78, 5). В погребальных комплексах и материалах поселений в небольшом количестве встречаются баночки преимущественно типов 2 и 3, украшенные мелким валиком под краем венчика. Валики «палочные», подтреугольные в поперечном сечении, нанесенные на поверхности сплюсцивающими движениями пальца по краям, в традициях предшествующей эпохи всегда гладкие (рис. 61, 2; рис. 66, 8; рис. 88, 5).

Размеры баночных сосудов варьируют в широких пределах. В среднем диаметр по венчику составляет 18-24 см, при высоте 16-20 см. Только в поселенческих коллекциях встречаются крупные экземпляры, с диаметром венчика до 50 см, использовавшиеся, очевидно, для хранения припасов или в качестве тары.

Вторую по численности группу раннесрубного типологического комплекса составляют чаши, насчитывающие от 8 до 15 % всех форм в материалах поселений и присутствовавшие почти в 52 % инвентарных захоронений, где они часто выступали в сочетании с сосудами баночных очертаний. Наиболее распространены остросереберные чаши типов 1 и 2 (рис. 79, II, 1-3). Чаши типа 3, с округленным дном, встречаются реже, хотя представлены в материалах и погребальных и бытовых памятников (рис. 67, 3; рис. 76, 7, 8; рис. 92, 3, 6, 8). Чаши особого вида посуды отличает старательная, дощатошпательная, обработка внешней поверхности, гладкая и сложная в композиционном отношении орнаментация. Основной орнаментальный фриз наносился в верхней половине тулова и, как правило, ограничивался параллельными горизонтальными линиями под краем венчика и на плечиках. Преобладают геометрические композиции из поясков равнобедренных, прямоугольных треугольников, нанесенных один в другой или заполненных наклонными или взаимопересекающимися отрезка-

ми, соприкасающихся углами ромбов, одинарных или сдвоенных зигзагов, угловых фигур, нередко обрамленных «бахромой» из насечек, наколов или вдавлений торцом трубочки (рис. 63, 3, 4; рис. 67, 3, 9, 11; рис. 68, 2; рис. 77, 2, 11; рис. 89, 2, 3). Реже встречаются сюжеты в виде Г-, Т- или П-образного меандра, сочетания наклонных и горизонтальных отрезков (рис. 66, 10; рис. 69, 2-4; рис. 75, 9). Свыше 60 % чаш имеют двухзонную орнаментацию: второй, вспомогательный, фриз наносится на тулове, ниже ребра и состоит из несложных геометрических композиций или представляет зеркальное отражение фигур верхнего фриза (рис. 69, 1, 4, 10; рис. 70, 5, 7; рис. 71, 4; рис. 77, 1, 3; рис. 90, 1, 4). На отдельных экземплярах встречается и третий орнаментальный пояс, расположенный в придонной части (рис. 89, 4).

Орнамент на чашах наносился исключительно в углубленной технике. Особенностью лесостепного региона можно считать широкое распространение композиций, выполненных вдавлениями веревочки; подобным образом было орнаментировано около 45 % чаш. В равной степени использовались оттиски зубчатых штампов и сюжеты в прочерченной технике. Применение мелкозубчатого штампа и гребенки было крайне ограничено, по видимому, эта орнаментальная традиция постепенно отживает. Пока только с погребениями 3-й ОГ связаны находки чаш с углубленным орнаментом, заполненным белой пастой (рис. 69, 1; рис. 69, 4). Как исключение могут рассматриваться неорнаментированные чаши, их отличает старательная, дощатошпательная, обработка внешней поверхности (рис. 54, 5; рис. 69, 12).

Сосуды, относимые к группе горшков, полнее представлены в материалах поселений, где они составляют от 2 до 7 % всех форм. В погребениях их находки единичны, возможно, это связано со строгой регламентацией погребально-поминальной обрядности, предусматривающей помещение в могилу определенных видов глиняной посуды. Численно преобладают слабопрофилированные горшки типа 1, которые в типологическом ряду могут рассматриваться как производные от банок типа 3. От последних их отличает слегка отогнутый наружу край венчика, создающий слабо выраженную шейку (рис. 61, 5). В русле отмеченной выше тенденции к остросереберности отдельные экземпляры отличает заметное ребро на плечиках (рис. 63, 7). Следует отметить немногочисленные горшки колоколовидного профиля с внутренним ребром на шейке (рис. 77, 12). Как и охарактеризованные выше колоколовидные банки, они связаны с захоронениями средневожского типа.

Орнаментировано менее половины горшков. Орнамент чаще углубленный, наносился в прочерченной технике, оттисками зубчатых штампов, пальцевыми вдавлениями и зацепами, реже —

отпечатками веревочки. Композиции несложны и в основном повторяют сюжеты, распространенные на сосудах баночных форм (рис. 89, 8, 10, 13; рис. 90, 7, 9; рис. 91, 10). Традиции предшествующей эпохи проявляются в немногочисленных случаях использования рельефной орнаментации — одного-двух налепных валиков, расположенных на шейке и плечиках сосуда (рис. 92, 7, 9, 11).

Присутствие мисок в большей степени характеризует керамические комплексы поселений, тогда как в погребальных памятниках они представлены единичными экземплярами. Наиболее распространены глубокие полусферические миски типа 2, встреченные пока только в материалах бытовых памятников. Вольшей частью они неорнаментированы, на некоторых мисках имеются несложные геометрические композиции в углубленной технике (рис. 90, 10-11; рис. 91, 14). Численно им значительно уступают остроредерные миски типа 1, известные в керамических комплексах поселений и в погребениях (рис. 69, 9; рис. 91, 13).

Непременной принадлежностью посудного набора раннего этапа срубной общности в лесостепи являются небольшие сосуды, преимущественно баночных форм, выделяемые в группу стаканов. Они хорошо представлены в материалах поселений (рис. 88, 2-3; рис. 91, 15). Их присутствие в инвентаре некоторых захоронений, обладающих признаками сакральной неординарности, позволяет предполагать их использование в определенных культовых церемониях (рис. 64, 1-2, 4; рис. 68, 1, 3-4). По-видимому, с культовыми функциями следует связывать миниатюрные сосудики, известные в материалах бытовых и погребальных памятников (рис. 68, 7, 9; рис. 91, 8).

К числу редких для раннесрубного гончарства форм могут быть отнесены котлообразные сосуды, в пределах рассматриваемого региона связанные преимущественно с погребальными комплексами 4-й обрядовой группы (рис. 77, 6-7). По мнению некоторых исследователей, подобные сосуды характерны для целого ряда культур эпохи бронзы Восточной Европы и хронологически не выходят за рамки середины-начала второй половины II тыс. до н. э. [221, с. 169]. Их относительная немногочисленность и устойчивая сопряженность с погребальными памятниками делает правомерным предположение об их специализированно-культовом характере.

Только в материалах поселений в небольшом количестве встречаются сосуды со сферическим туловом, нередко отличающиеся крупными размерами (рис. 89, 12; рис. 91, 16-17).

Из глины в раннее время изготавливались некоторые виды изделий, относимых к категории технической керамики. С прядением связываются многочисленные находки глиняных пряслиц. Судя по однослойным памятникам и закрытым комп-

лексам, на раннем этапе бытовали пряслица шаровидной, полусферической, прямоугольной, трапециевидной, биконической, «гофрированной» в поперечном сечении формы (рис. 80, 1, 4, 8, 10, 12, 14; рис. 90, 13, 14). В качестве общей тенденции следует отметить относительную массивность пряслиц этого времени, в последующем они заметно уменьшаются в размерах. С бронзолитейным производством связаны фрагменты глиняных литейных форм с негативами вислообушных топоров, ножей-кинжалов с плоским ромбическим перекрестием, вероятно, ножей-кинжалов с кольцевидным упором (рис. 81, 1-3, 9). Матрицы для отливки предметов вооружения, орудий труда и украшения изготавливались также из мягких пород камня — сланца, песчаника, гешира (рис. 81, 5, 7, 8, 10-12). Из более твердых пород камня делались зернотерки и терочки, привязные топоры, навершия булав, ступовидные изделия, предположительно культового назначения, точильные бруски (рис. 82, 1-5, 7-8, 10).

Ассортимент изделий из кремня включает наконечники стрел листовидной формы и удлиненно-треугольной формы с выемкой в основании, небольшие наконечники дротиков иволистной в плане формы, орудия труда в виде массивных желобчатых тесел, ножевидные пластины, отщепы разных образных очертаний и размеров (рис. 56, 5-7; рис. 82, 14, 18-20). Показательно, что все изделия из кремня, представляющие предметы вооружения и орудия производственно-бытового назначения происходят из материалов поселений, тогда как в погребальных комплексах, в отличие от предшествующей эпохи, они практически отсутствуют.

Так же немногочисленны изделия из кости и рога, безусловно, имевшие широкое распространение в эпоху бронзы, но в силу особенностей материала редко сохраняющиеся до нашего времени. В поселенческих коллекциях известны небольшие молотковидные орудия из просверленных поперек трагалов (рис. 83, 9), фрагменты кочедыковидных изделий (рис. 83, 11), тупики из половинок нижних челюстей крупного рогатого скота (рис. 83, 10), обломки роговых шильев (рис. 83, 15). Представляет интерес находка в погребении 1/6 у хутора Котовского прокол из расколотых вдоль трубчатых костей, выступавших в семантической связи с бронзовыми шилом и иглой (рис. 61, 7; рис. 83, 7-8; рис. 86, 21-22). С захоронениями 4-й обрядовой группы связаны находки округлых в плане плоских костяных пряжек с двумя разновеликими отверстиями (рис. 83, 15-17).

Пока только с погребениями 3-й ОГ сопряжены остатки округлых или овальных в плане деревянных блюд (рис. 65, 4; рис. 83, 18). По мнению В. В. Отрощенко, деревянная посуда в основном характеризует комплексы с выраженными признаками социальной неординарности [222, с. 89].

К раннему этапу срубной общности в лесостепи могут быть отнесены изделия из цветных металлов, преимущественно из бронзы, представляющие предметы вооружения и орудия производственного назначения. Это кованые и литые наконечники копий сейминских типов (рис. 86, 1), литые наконечники дротиков таранцевского типа (рис. 86, 3-5), ножи-кинжалы с плоским ромбическим перекрестием (рис. 84, 1-12, 14), ножи-кинжалы без выделенного перекрестия (рис. 84, 13), вышубленные вислоубленные топоры (рис. 86, 7), бронзовые кованые и литые кельты со сквозной дыркой (рис. 86, 9-11), плоские тесла (рис. 86, 12), серпы типов 1 и 2 (рис. 86, 15-17), шилья типов 1 и 2 (рис. 86, 20-22). Вероятно, еще в раннее время появляются ножи-кинжалы с ромбовидным упором (рис. 85, 3-7).

Украшения из цветных металлов в целом немногочисленны и представлены пронизками, отогнутыми в один оборот из тонкой пластины (рис. 86, 26), литыми сегментовидными бусами с поперечным отверстием (рис. 86, 28), плоскими круглыми в плане подвесками с рифленой поверхностью и отверстием для подвешивания (рис. 86, 31), массивными серьгами с несомкнутыми и отогнутыми в сторону приостренными концами (рис. 86, 32-36), подвесками в 1 и 2 оборота из тонкой круглой в сечении проволоки (рис. 86, 30, 37). Судя по находкам литейных форм, изготавливались также небольшие бронзовые бусы (рис. 81, 8) и колосовидные украшения с ушком для подвешивания [18, рис. 1, 2]. В оформлении деревянных блюд и чаш использовались оковки из тонкой бронзовой пластины и небольшие заклепки с гвоздевидными головками (рис. 86, 29, 27).

Находки глиняных и каменных литейных форм с территории небольших поселений свидетельствуют, что основные категории металлических изделий могли изготавливаться на месте, в рамках местного производства. Вместе с тем, уже в это время оформляются крупные центры металлообработки, такие как Мосоловское поселение в Среднем Подонье и поселение Усово Озеро на Северном Донце, обеспечивавшие своей продукцией не только прилегающую округу, но и более отдаленные местности.

На раннем этапе металлургическое производство Левобережной Украины было ориентировано преимущественно на восточные сырьевые источники [97, с. 156-157]. Спектральный анализ металла бронзовых изделий с территории восточноукраинской лесостепи показал, что они были изготовлены из сырья волго-камских и волго-донецких месторождений*. Возможно, в это вре-

мя начинает функционировать горно-металлургический центр на базе медистых песчаников Донбасса, разработка которых восходит еще к эпохе средней бронзы [197, с. 91].

Основные категории датирующих для раннего этапа изделий не выходят за рамки сейминского хронологического горизонта, что и позволяет датировать его в указанных пределах. В этот период население восточнукраинской лесостепи представляет северо-западную периферию обширного раннесрубного ареала, сохраняющую крепкие связи с прародиной и развивающуюся в соответствии с общими закономерностями бурной и насыщенной событиями эпохи.

ПОЗДНИЙ ЭТАП

(XIV-XII вв. до н. э.)

Поздний этап развития срубной общности в лесостепи характеризуется общей стабилизацией обстановки и преобладанием интегрирующих процессов в обществе, что нашло отражение, прежде всего, в стандартизации погребальной обрядности и материальной культуры. Территория распространения срубных группировок в пределах исследуемого региона существенных изменений не претерпевает, наблюдается ее некоторое расширение в северном направлении, фиксируемое по бытовым памятникам, выявленным в верхнем и среднем течении р. Псел. Судя по количеству известных поселений, значительно возрастает численность и плотность населения (рис. 95).

В то же время, заметно сокращаются масштабы курганного строительства. На основании стратиграфических данных и типологического анализа к этому времени может быть отнесена большая часть рядовых погребений, выступающих в качестве впускных в насыпи курганов раннего этапа и предшествующих эпох. Они представлены захоронениями 3-й и 4-й ОГ, сохранившими основные обрядовые признаки, но практически не различающимися по составу и характеру сопровождающего инвентаря. Постепенно прекращается практика создания внутримогильных деревянных конструкций в виде ящиков или срубов. Прослеживается тенденция к усилению скорченности погребенных, к сокращению подсыпок красной охры, мела и продуктов горения, к использованию органических подстилок под костяками. Аргументированное выделение погребений позднего этапа срубной общности затруднено известным консерватизмом погребально-поминальной традиции, регламентирующей состав и характер сопровождающего инвентаря, в котором практически не нашли отражения хронологические видоизменения материальной сферы.

*Анализы были произведены в лаборатории спектрального анализа Харьковского государственного университета Л. П. Грубник-Буйновой. См. Приложение I.

К позднему этапу могут быть отнесены некоторые, вероятно, возникшие в конце предшествующего периода, грунтовые могильники по обряду трупоположения (Большая Бабка, Лихачевка) и грунтовые могильники по обряду кремации (Сухая Гомольша, Червоный Шлях). Не исключено, что в это время тенденция к созданию грунтовых могильников становится преобладающей, что сказывается на сокращении количества подкурганых захоронений. Сходные по содержанию процессы отмечены в Поволжье, Поднепровье и Степном Причерноморье [19, с. 146; 223, с. 85].

Заметны изменения в топографических условиях расположения поселений. Наряду с пойменными и террасовыми, появляются поселения на водоразделах (Рябухино, Глинское, Бельск-5 и др.), что косвенно указывает на возросшую численность населения, стимулировавшую попытки освоения новых хозяйственных угодий. В то же время, прослеживается тенденция к увеличению размеров поселений, теперь нередко занимающих площадь в 10–12 га (Поляны-I, Богодухов-I, Снежковка-7 и др.), и соответствующему возрастанию их демографической ёмкости. В планиграфии расположения жилых построек, особенно на территории крупных поселков, заметны элементы «уличной» планировки [3, рис. 1].

Продолжают существовать жилища обеих выделенных для предшествующего времени групп — наземные постройки с углубленным полом и полуземлянки. Для жилищ первой группы, наземных, весьма вероятно существование наружных деревянных стен срубного типа и плоской или односкатной кровли, так как в их площади столбовые ямки от несущих конструкций не обнаружены (жилища в раскопах III и IV поселения Лысый Горб, жилища № 1 и № 2 поселения Горбанщина и др.) [27, рис. 1, 1, 5]. Возможно, остатки подобных наружных стен обнаружены в жилище поселения Зимовка-I. В некоторых случаях есть основания для реконструкции двускатной кровли, конек которой поддерживался матицей, уложенной на центральный ряд опорных столбов, а края опирались на вертикально-столбовую конструкцию стен (жилища поселений Пески Радьковские, Воиновка, Введенка) (рис. 59, 5). Промежутки между несущими столбами стен могли закрываться более легкими конструкциями плетневого или турлучного типа.

Наземные стены срубного типа наиболее вероятны для жилищ второй группы, полуземлянок, в пределах котлованов которых столбовые ямки не обнаружены (Поляны-I, жилища № 1 и № 2; Новодоновка-I, жилище № 1; Снежковка-7, жилища № 1, № 3, № 5) (рис. 59, 6, 7). Вероятно, в таких случаях края плоской или односкатной кровли опирались непосредственно на горизонтально-столбовую конструкцию стен. В полуземлянках больших размеров могла создаваться дву-

скатная кровля, конек которой поддерживался одним-двумя рядами опорных столбов по продольной оси постройки (Студенок-6, жилище № 1).

Все известные жилища однокамерные, в некоторых постройках прослежены входы в виде пологих спусков-тамбуров в одной из стен. Открытые или углубленные очаги планиграфически чаще смещены в примыкающую ко входу часть помещения (рис. 59, 7). Открытые очаги иногда имеют бортики, выложенные из кирпичиков-валков, в углубленных встречается внутренняя глиняная обмазка. В полуземлянках нередко прослеживаются грунтовые возвышения-лежанки, предназначавшиеся для сна и отдыха обитателей (рис. 59, 6, 7). В жилищах позднего этапа выявлены остатки сложенных из рваного камня алтарей-жертвенников (рис. 59, 8, 9). Существуют постройки хозяйственного назначения.

В области домостроительства, как в плане архитектурно-технических решений, так и в плане организации внутреннего пространства, жилища позднего этапа срубной общности обнаруживают прямую зависимость от строительных традиций предшествующего этапа и представляют их дальнейшее развитие.

Более существенные изменения наблюдаются в материальной культуре, в частности, в характере и составе керамического комплекса. Посуда как и прежде, изготавливалась из гончарной глины с остающимися примесями песка или шамота, вручную, что нередко приводило к известной асимметрии форм. Из числа технологических примесей практически исчезает дробленая ракушка, в отдельных случаях фиксируется использование дровины и кровавика. Обжиг по-прежнему костровой, поверхностный: черепок в изломе чаще двухслойный. Устойчиво сохраняется традиция обработки внешней поверхности зубчатыми орудиями, особенно широко применявшаяся на сосудах бытовых форм (рис. 96, 1; рис. 98, 4). В некоторых случаях разнонаправленные движения штампа создают орнаментальные зоны, придающие поверхности нарядный вид (рис. 96, 9). В системах углубленной орнаментации постепенно входят из употребления оттиски веревочки гребенчатого штампа, сокращается использование крупнозубчатого и гладкого штампов. В русле этой тенденции к упрощению орнаментальных схем несколько возрастает удельный вес прерывчатых композиций. На отдельных сосудах встречается не свойственный срубному гончарству прием обрызгивания жидкой глиной поверхности, придающий ей нарочито бугристый характер. Его появление можно объяснить активизированными контактами с сабатиновскими группировками Поднепровья, в среде которых подобные методы обработки керамики имели распространение [224, с. 80].

Диагностический для позднего периода срубной общности характер приобретает распространение рельефной орнаментации керамики, в виде одинарных налепных валиков на шейке или на плечиках сосудов. В отличие от рельефной орнаментации, периодически встречающейся на посуде раннего этапа и представляющей реплики затухающей традиции финальной стадии эпохи средней бронзы, валики этого времени, более массивные, полукруглые или полуовальные в поперечном сечении, никогда не бывают гладкими, обычно они украшены в углубленной технике — пальцевыми вдавлениями, оттисками разнообразных штампов, палочными насечками. Широкое распространение валиковой орнаментации, охватившей в ограниченный промежуток времени широкий круг культур Евразии от Балкан на западе до Алтая на востоке, позволяет видеть в ней явление стадиально-исторического масштаба, характеризующее в области керамического производства постсейминский хронологический горизонт [225, с. 246–256].

Существенные изменения претерпевает видовой состав керамического комплекса, что находит наиболее полное и комплексное отражение в материалах поселений, тогда как в погребальных памятниках новации почти не прослеживаются. В целом заметно уменьшение удельного веса сосудов баночных форм, хотя они по-прежнему доминируют в погребальных наборах. Процентное соотношение разных групп сосудов в керамических комплексах поселений может изменяться в довольно широких пределах, что не в последнюю очередь зависит от представительности выборки, но тенденция к постепенному сокращению числа банок проявляется вполне наглядно. Так, в срубном горизонте культурного слоя поселения Снежковка-7 банки всех трех типов составляют около 75 % всего комплекса [3, с. 88]. Близкое соотношение видов посуды установлено на поселении Поляны-I, несколько ниже этот показатель на поселении Студенок-6 (около 70 %). Для сравнения укажем, что в материалах раннесрубного горизонта поселения Таранцево удельный вес банок достигает 86 %, а на однослойном поселении Утэвка-I — 89 % [5, с. 123].

Внутри группы наблюдается некоторое уменьшение количества банок типа 2 и увеличение удельного веса банок типа 3. В русле изживания общей традиции острорубности керамических форм, практически исчезают острорубные банки, плечики на банках типов 2 и 3 приобретают более плавные очертания (рис. 96, 5, 8, 9). В это время на баночных сосудах нередко фиксируются образовавшиеся в результате уплощения края венчика выступы-конырьки в одну или обе стороны (рис. 93, 3; рис. 96, 4, 10, 11; рис. 98, 2, 5). Поздним признаком следует считать утолщенный и косо срезанный наружу край венчика (рис. 98, 6). Профилировка банок типа 3 нередко становится более выразительной, прежде

всего, за счет четко обозначенного перехода от венчика к плечикам (рис. 96, 10, 11; рис. 98, 5, 6). Орнаментировано менее половины баночных сосудов. Орнаментация преимущественно углубленная, в большинстве случаев сводящаяся к одному-двум поясам палочных насечек, зерновидных вдавлений, несложным геометрическим композициям, выполненным в прочерченной технике или оттисками зубчатого штампа (рис. 93, 2; рис. 96, 1, 4, 5, 8, 10; рис. 98, 1, 4). Около 10 % орнаментированных банок украшено налепным валиком под краем венчика, иногда сочетающимся с углубленными сюжетами (рис. 94, 9; рис. 96, 3, 6, 7; рис. 98, 3).

На протяжении позднего этапа постепенно переходят из употребления острорубные и округлоплечие чаши группы II. В то же время, до 20–28 % в составе керамического комплекса возрастает удельный вес группы горшков. Наиболее распространены, до 70 % в рамках группы, слабопрофилированные горшки типа 1, характеризующиеся в целом удлиненными пропорциями, мягко отогнутым наружу невысоким венчиком, выраженной короткой шейкой и пологими плечиками в верхней половине тулова (рис. 97, 4; рис. 98, 8; рис. 99, 7). Около трети горшков этого типа орнаментировано налепным валиком на шейке или в верхней части плечиков (рис. 93, 5, 7, 8; рис. 97, 1, 5, 7; рис. 98, 7). На некоторых экземплярах валик имеет незамкнутые и мягко опущенные вниз окончания или же одно из окончаний отходит вниз под острым углом (рис. 94, 10; рис. 97, 2). В конце позднего этапа на горшках появляется рельефная жемчужная орнаментация (рис. 97, 3; рис. 99, 9). Наряду с рельефной, продолжают использоваться традиционные системы углубленной орнаментации, большей частью композиционно несложные и воспроизводящие сюжеты, распространенные на баночных сосудах (рис. 93, 4; рис. 94, 1, 8; рис. 99, 5, 8, 11; рис. 100, 12).

На позднем этапе появляются и получают распространение горшки типов 2 и 3, характеризующиеся в целом горизонтальными пропорциями и по морфологическим признакам обнаруживающие определенную близость к острорубным и округлоплечим чашам предшествующего времени. Большая часть горшков этих типов неорнаментирована, в целом их отличает старательная, до подлощенности, обработка внешней поверхности (рис. 97, 6, 8, 11; рис. 99, 10). В орнаментации преобладают налепные валики на шейке или в верхней части плечиков (рис. 97, 9; рис. 98, 10). На отдельных экземплярах встречена жемчужная орнаментация (рис. 93, 6).

В материалах поселений позднего этапа миски составляют от 2,5 до 4 % посудного набора. Абсолютно преобладают полусферические миски типа 2, присутствующие в материалах большинства поселений. Углубленные системы орнаментации на них почти не встречаются, в некоторых случаях отме-

чены выступы-козырьки внутрь и налепные валики по бортику (рис. 96, 12, 13; рис. 98, 13, 16).

В это время существуют также округлые или овальные в плане жаровни типов 1 и 2 (рис. 94, 3-5; рис. 96, 16; рис. 98, 11). Сравнительно редко встречаются крышки в виде массивных плоских дисков, иногда снабженных налепом-ручкой в центре внешней поверхности. В материалах поселений представлены небольшие сосуды, объединяемые в группу стаканов. Теперь они зачастую приобретают горшковидные очертания, воспроизводя формы не только банок, но и горшков 1 и 2 типов (рис. 93, 10; рис. 96, 14, 15; рис. 98, 14). Известны находки миниатюрных сосудиков, вероятно, культового характера (рис. 98, 9).

В категории технической керамики следует отметить изделия, связанные с бронзолитейным производством. Это плавильные чаши или тигли (рис. 80, 21) и глиняные литейные формы (рис. 81, 4). Продолжают существовать пряслица тех же типов, что и в предшествующее время, но в материалах поселений позднего этапа засвидетельствовано появление пряслиц конической в сечении формы (рис. 80, 2, 3, 5, 9, 7, 13). Ряд более крупных и массивных изделий условно рассматривается как грузила (рис. 80, 16-19). Нередки находки кирпичиков-вальков подпрямоугольной или булковидной формы (рис. 80, 26-28).

Из разных пород камня изготавливались ступки и пестики, зернотерки, привязные молоты, долотовидные орудия, точильные бруски, пращевые ядра (рис. 82, 3, 6, 11, 12) [92, рис. 6, 2, 4]. В бронзолитейном производстве широко использовались сланцевые и тальковые литейные формы (рис. 81, 6, 9-12).

Ассортимент изделий из кремня включает массивные серпы-косари, возможно, использовавшиеся для заготовки грубых кормов, ножи-резаки, скребки разнообразных очертаний и размеров, ножевидные пластины, наконечники стрел и дротиков (рис. 82, 15-17, 21, 22). Известны находки пращевых ядер из грубо оббитых кремневых желваков. Есть основания предполагать, что в это время существуют крупные производственные центры по добыче и первичной обработке кремня, продукция которых в виде полуфабрикатов могла распространяться на широкой территории [3, с. 91].

Из кости изготавливались орудия и приспособления хозяйственного назначения: пряслица из отрезков суставных головок, изделия из трубчатых костей небольших животных и птиц, проколки, скребки, струги, ложила, зубчатые штампы (рис. 83, 1-6, 10, 12-14).

На позднем этапе существенно изменяется набор изделий из цветных металлов. Получают широкое распространение появившиеся в конце ран-

него этапа ножи-кинжалы с кольцевидным упором-перекрестием (рис. 85, 3-7). Судя по находкам каменных литейных форм, значительная их часть изготавливалась на месте. Появляются однопольные черепковые ножи и кинжалы с металлическими и комбинированными рукоятями (рис. 85, 8, 9, 15). К концу этапа следует относить ножи-кинжалы с параллельными сторонами ободуострого клинка (рис. 85, 11-12). В это время существуют наконечники копий с прорезными перьями и наконечники дротиков типа 2 с удлиненной втулкой и листовидным пером (рис. 86, 2) [111, табл. XX, 18]. Известны находки одноушковых и двуушковых кельтов, серпов типов 3 и 4, литых желобчатых долот с внутренней втулкой (рис. 85, 14; рис. 86, 12-14, 18-19). В материалах погребальных и бытовых памятников имеются шилья, иглы с предусмотренным при литье ушком, небольшие долотовидные орудия (рис. 86, 23-25).

На позднем этапе заметно возрастает значение западных, карпато-трансильванских рудных источников. Спектральный анализ металла ряда изделий этого времени показал, что большая их часть отлита из оловянистых бронз карпато-трансильванского происхождения*. Это подтверждает вывод Е. Н. Черных о преобладании западного металла в памятниках сабатиновского времени [97, с. 47].

Было бы неоправданным представлять рубеж между ранним и поздним этапами срубной общности в лесостепи в виде конкретной хронологической границы, разделяющей различающиеся по существу явления. В действительности имел место процесс постепенной трансформации социально-экономического организма, рассматриваемого в рамках срубной общности, обусловленный сложным сочетанием внешних факторов стадийно-исторического порядка и закономерностей внутреннего эволюционного развития. Общая стабилизация обстановки на заключительной стадии эпохи поздней бронзы и постепенная переориентация культурно-экономических связей закономерно отразились на видоизменении материальной сферы. По ее ведущим показателям, таким как керамическое производство, комплекс бронзовых орудий и форм для их изготовления, памятники позднего этапа в целом соответствуют содержанию постсейминского хронологического горизонта Евразии, что и определяет их хронологические рамки. Последующий период в истории населения восточноукраинской лесостепи, характеризующийся этнокультурной эклектикой и центробежными тенденциями в обществе, соотносится с началом раннего железного века и требует особого исследования.

* См. Приложение I, анализы №№ 391, 675, 2391, 2399, 2463, 2484, 2496, 2497.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шрамко В. А.* Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). — К., 1982.
2. *Березанская С. С.* Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. — К., 1990.
3. *Берестнев С. И.* Поселение эпохи бронзы Гвежковка-7 на Северском Донце // Древности. — Харьков, 1996.
4. *Матвеев Ю. П., Левых Г. А.* Поселения донской лесостепной срубной культуры в среднем нижнем течении р. Усмань // Поселения срубной культуры. — Воронеж, 1989.
5. *Берестнев С. И.* Поселение Таранцево и вопрос о населении Днепровского лесостепного Левобережья в начале раннего железного века // РА. — 1994. — № 3.
6. *Березанская С. С.* Северная Украина в эпоху бронзы. — К., 1982.
7. *Березанская С. С.* Средний период бронзового века в Северной Украине. — К., 1972.
8. *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала. — М., 1967.
9. *Бадер О. Н., Халиков А. Х.* Памятники балановской культуры // САИ. — Вып. В1-25. — М., 1976.
10. *Смирнов А. С., Сорокин А. Н.* Поселение эпохи поздней бронзы в верховьях Северского Донца // СА. — 1984. — № 4.
11. *Пряхин А. Д., Старцева Т. С.* Боровское поселение эпохи бронзы под г. Воронежем // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. — Воронеж, 1981.
12. *Екимов Ю. Г.* Позднесрубное поселение Саговое IV на р. Битюг // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. — Воронеж, 1981.
13. *Ковалева И. Ф.* Север степного Поднепровья в среднем бронзовом веке (по данным погребального обряда). — Днепропетровск, 1981.
14. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, летом 1903 года // Труды XIII АСГЭ. — Т. I. — М., 1907.
15. *Митрофанова В. И.* Янохинское поселение срубной культуры на р. Оскол // КСИА АН УССР. — Вып. 9. — К., 1960.
16. *Порохова О. Н.* Срубно-алакульское Покровское поселение в западном Оренбуржье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. — Уфа, 1989.
17. *Березанская С. С.* Поселение срубной культуры на р. Осколе // КСИА АН УССР. — Вып. 8. — К., 1958.
18. *Качалова Н. К.* Лукьяновское поселение и некоторые вопросы срубной культуры // АСГЭ. — Вып. 16. — Л., 1974.
19. *Мерперт Н. Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА. — № 61. — 1958.
20. *Приходько Н. П.* Некоторые вопросы истории жилища на Украине // Древнее жилище народов Восточной Европы. — М., 1975.
21. *Шаповалов Т. А.* Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце // Энеолит и бронзовый век Украины. — К., 1976.
22. *Синицын И. В.* Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья // СА. — Т. XI. — 1949.
23. *Березанская С. С.* Отчет о раскопках поселения срубного времени у с. Рубцы Красно-Лиманского района Сталинской области 1956 г. — НА ИА НАН Украины. — Фонд. эксп. № 2572.
24. *Пряхин А. Д.* Древнее население Песчанки. — Воронеж, 1973.
25. *Синицын И. В., Фисенко В. А.* Поселение срубной культуры Гуселка II в окрестностях Саратова // Античный мир и археология. — Саратов, 1972.
26. *Горбунов В. С.* Жилищные комплексы I Береговского поселения // Поселения срубной общности. — Воронеж, 1989.
27. *Воловик С. И.* Поселение эпохи бронзы у поселка Лагери на Северском Донце // РА. — 1993. — № 3.
28. *Либеров П. Д.* Поселения у хуторов Войновки и Шведовки на р. Осколе // КСИА АН УССР. — Вып. 11. — К., 1961.
29. *Пузаков Е. В.* Отчет об археологических исследованиях Харьковского государственного исторического музея в бассейне Северского Донца в 1956 г. НА ИА НАН Украины. — Фонд. эксп. № 2648.
30. *Мамонтов В. И.* Землянка эпохи бронзы Приморской стоянки // Историко-краеведческие записки. — Вып. III. — Волгоград, 1975.
31. *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник // Труды ГИМ. — Вып. XVII. — М., 1948.
32. *Потемкина Т. М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. — М., 1985.
33. *Кривцова-Гракова О. А.* Памятники бронзовой эпохи у селений Мокшан и Пустынь // Труды ГИМ. — Вып. XII. — М., 1941.
34. *Сорокин В. С.* Жилища поселения Тасты-Бутак // КСИА АН СССР. — Вып. 91. — М., 1962.
35. *Формозов А. А.* Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла // СА. — 1984. — № 4.
36. *Лопатин В. А.* Постройки периода становления срубной культуры степного Волго-Уральского междуречья // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. — Саратов, 1991.
37. *Калинин Н. Ф., Халиков А. Х.* Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951-1952 гг. // МИА. — № 42. — 1954.
38. *Халиков А. Х.* Памятники эпохи бронзы в Среднем Поволжье // КСИИМК. — Вып. 50. — М., 1953.
39. *Топоров В. Н.* О брахмане, к истокам концепции // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. — М., 1974.

40. Ромашко В. А. Святилища и жертвенники на поселениях срубной культуры Украины // Проблемы археологии Поднепровья. — Днепропетровск, 1993.

41. Халиков А. Х. Приказанская культура // САИ. — Вып. VI-24. — М., 1980.

42. Березанская С. С. Пустынка. Поселение эпохи бронзы на Днепре. — К., 1974.

43. Прахин А. Д. Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы. — Воронеж, 1993.

44. Левицкий И. Ф. Мерефяньское поселение (краткий отчет). — НА ИА НАН Украины. — Фонд. эксп. № 1.051.

45. Мельник Е. Раскопки курганов в Харьковской губернии 1900-1901 гг. // Труды XII АС. — Т. I. — М., 1905.

46. Готье Ю. В. Доклад о раскопках 1901 г. в окрестностях с. Каменки Харьковской губернии Изюмского уезда // Древности. — Т. XIX. — Вып. III. — М., 1902.

47. Данилович В. Е. Раскопка курганов около хут. Покровского Валковского уезда Харьковской губернии // Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV Археологического съезда. — Т. V. — М., 1908.

48. Отрощенко В. В. Идеологические воззрения племен эпохи бронзы на территории Украины (по материалам срубной культуры) // Обряды и верования древнего населения Украины. — К., 1990.

49. Луговая Л. Н., Шилов Ю. А. Михайликовский курган раннесрубного времени // Археологические исследования на Полтавщине. — Полтава, 1990.

50. Мельник Е. Дневник раскопок // Труды XII АС. — Т. I. — М., 1905.

51. Лугова Л. М. Раннеозрубні поховання басейну Пела // Пам'ятки археології Полтавщини. — Полтава, 1991.

52. Ковалева И. Ф., Шалобудов В. Н. Археологические исследования в зонах орошения в Днепропетровской области в 1984 году. — НА ИА НАН Украины. — Фонд эксп. 1984/146.

53. Моруженко А. А., Усачук А. Н. Погребения эпохи поздней бронзы в бассейне Ворсклы // СА. — 1986. — № 2.

54. Федоровский А. С. Археологические раскопки в окрестностях г. Волчанска // Волчанский земский листок. — 1916. — № 47-48.

55. Косиков В. А. Курганная группа у с. Новоамвросиевка на р. Крынка (из раскопок Т. А. Шаповалова) // ДАС. — Вып. 6. — Донецк, 1996.

56. Бородулин В. Г. Отчет об археологических раскопках курганов в зоне затопления Краснопавловского водохранилища в 1973 году. — НА ИА НАН Украины. — Фонд эксп. 1973/94.

57. Ветштейн Р. I. Розкопки двох курганів біля Ворошиловграду // АП УРСР. — Т. VI. — К., 1956.

58. Мерперт Н. Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА. — № 42. — 1954.

59. Миронов В. Г. Раскопки на Верхней Терешке // АО 1979 года. — М., 1980.

60. Агапов С. А. Деревянные погребальные сооружения срубной культуры на территории Куйбышевской области // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. — Куйбышев, 1976.

61. Городцов В. А. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года // Труды XIII АС. — Т. I. — М., 1907.

62. Генинг В. Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. — 1977. — № 4.

63. Грязнов М. П. Бык в обрядах и культуре древних скотоводов // Проблемы археологии Египта и Северной Америки. — М., 1977.

64. Мазараки С. А. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1907 году // Труды XIV АС. — Т. III. — М., 1911.

65. Гриб В. К. К вопросу о срубах в погребениях бронзового века на территории Донецкой и Ворошиловградской областей // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. — Донецк, 1979.

66. Отрощенко В. В. Срубная культура степного Поднепровья (по материалам погребальных памятников). — Автореф. дисс... канд. ист. наук. К., 1981.

67. Луговая Л. Н. Работы в нижнем течении р. Псел // АО 1983 года. — М., 1985.

68. Цымбал В. И. Охранные раскопки в Харьковской области // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. — Полтава, 1990.

69. Городцов В. А. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца, Изюмского уезда Харьковской губернии // Труды XII АС. — Т. I. — М., 1905.

70. Луговая Л. Н. Работы Полтавского краеведческого музея // АО 1980 года. — М., 1981.

71. Журнал раскопок Н. Е. Бранденбург 1888-1902 гг. — СПб., 1908.

72. Ковалева И. Ф., Волкобой С. С. Срубные курганные могильники Нижнего Приорелья // Курганные древности степного Поднепровья III-I тыс. до н. э. — Днепропетровск, 1978.

73. Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Литотдельское Сталинградской области // МИА. — № 60. — 1958.

74. Отрощенко В. В. Погребения с трупосожжением у племен срубной культуры Нижнего Поднепровья // Энеолит и бронзовый век Украины. К., 1976.

75. Шрамко Б. А. Древности Северского Днeca. — Харьков, 1962.

76. Костюченко И. П. Разведка в северо-восточной части Харьковской области. — НА ИА НАН Украины. — Фонд. эксп. № 1.186.

77. Ковалева И. Ф. Нео-энеолитический могильник «Госпитальный холм» // Проблемы археологии Поднепровья III-I тыс. до н. э. — Днепропетровск, 1984.

78. *Моруженко А. А.* Отчет лесостепной экспедиции Донецкого университета о работах в 1982 году. — НА ИА НАН Украины. — Фонд эксп. № 3426.
79. *Андриенко В. П.* Скифское поселение у с. Пожарная Балка // АО 1983 года. — М., 1985.
80. *Кропоткин В. В.* Изучение черняховской культуры на Полтавщине // АО 1968 года. — М., 1969.
81. *Буйнов Ю. В.* Грунтовой могильник срубной культуры у с. Червоный Шлях на Харьковщине // История и археология Слободской Украины. — Харьков, 1992.
82. *Буйнов Ю. В., Михеев В. К.* Курган срубной культуры у с. Сухая Гомольша на Харьковщине // Вестник ХГУ. — № 343. — Вып. 23. — Харьков, 1989.
83. *Беляев А. С.* Похоронения зрубной культуры I раннего залізного віку Йосипівського могильника // Археологія. — № 36. — 1981.
84. *Пузаков Е. В.* Отчет об археологических исследованиях Харьковского государственного исторического музея в бассейне р. Северского Донца в 1957 году. — НА ИА НАН Украины. — Фонд эксп. № 2648.
85. *Беляев А. С.* Поздний период эпохи бронзы на пограничье лесостепи и степи в Днепровском Левобережье. — Автореф. дисс... канд. ист. наук. — К., 1980.
86. *Мерперт Н. Я., Пряхин А. Д.* Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь // Археология восточноевропейской лесостепи. — Воронеж, 1979.
87. *Матвеев Ю. П., Левых А. Г.* Поселения донской лесостепной срубной культуры в среднем и нижнем течении р. Усмань // Поселения срубной общности. — Воронеж, 1989.
88. *Синицын И. В., Фисенко В. А.* Поселение срубной культуры Гуселка II в окрестностях Саратова // Античный мир и археология. — Саратов, 1972.
89. *Цветкова И. К.* Погребения поздняяковской культуры на Черной Горе // Древности Восточной Европы. — М., 1969.
90. *Пряхин А. Д., Бровендер Ю. М.* Бескурганые могильники в площади Капитановского и Мосоловского поселений срубной культурно-исторической общности // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона. — Луганск, 1995.
91. *Байбурич А. К.* Ритуал: своё и чужое // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. — Л., 1990.
92. *Радзівєвська В. Є., Шрамко Б. А.* Нові археологічні пам'ятки на Харківщині // Археологія. — № 33. — 1980.
93. *Шарафутдинова И. Н.* Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. — К., 1982.
94. *Галкин Л. Л.* Одно из древнейших практических приспособлений скотоводов // СА. — 1975. — № 3.
95. *Кравец В. П., Посредников В. А.* Результаты полевых исследований курганных групп у с. Миньковка // ДАС. — Вып. 6. — Донецк, 1996.
96. *Ковальова І. Ф., Вовкобой С. С.* Маївський локальний варіант зрубної культури // Археологія. — № 20. — 1976.
97. *Черник Е. Н.* Древняя металлообработка на юго-западе СССР. — М., 1976.
98. *Пряхин А. Д., Саверасов А. С.* Глиняные литейные формы с Мосоловского поселения металлургов-литейщиков // Поселения срубной общности. — Воронеж, 1989.
99. *Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чердынченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. — К., 1986.
100. *Гершкович Я. П., Клочко В. И., Евдокимов Г. Л.* Новокиевская литейная мастерская и проблемы хронологии сабастиновских памятников Нижнего Поднепровья // СА. — 1987. — № 2.
101. *Писларий И. А., Будылкина Г. Л.* Клад литейщика эпохи бронзы из с. Андрово // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. — К., 1982.
102. *Лесков А. М.* О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. — К., 1967.
103. *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. — № 60. — 1959.
104. *Ванчугов В. П.* Белозерские памятники в северо-западном Причерноморье. — К., 1990.
105. *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. — № 172. — 1970.
106. *Кулатова И. Н.* Разведки в Лубенском районе Полтавской области // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины. — Полтава, 1989.
107. *Тихонов Б. Г.* Металлургия лесостепных племен междуречья Волги и Дона // Проблемы советской археологии. — М., 1978.
108. *Ромашко В. А.* К выделению нового типа кинжалов позднего бронзового века // Древности. — Харьков, 1996.
109. *Фабрициус И. В.* Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. — Вып. I. — К., 1951.
110. *Молодцов Б. А.* Находка сейминского копия // Археологічні дослідження на Україні у 1990 р. — К., 1991.
111. *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. — № 30. — Т. 5. — М., 1952.
112. *Падин В. А.* Курганы эпохи бронзы около Трубчевска // СА. — 1963. — № 1.
113. *Рудинський М.* Археологічні збірки Полтавського музею // Збірник № 1, присвячений 35-річчю музею. — Полтава, 1928.
114. *Анфимов Н. В.* Протогеотский могильник у с. Николаевского // Сборник материалов по археологии Адыгеи. — Т. II. — Майкоп, 1961.

115. *Корневский С. Н.* Металлические втульчатые топоры Уральской горно-металлургической области // СА. — 1973. — № 1.
116. *Каталог* выставки XII Археологического съезда. Отдел древностей, добытых из раскопок и случайных находок. — Харьков, 1902.
117. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. — № 46. — 1955.
118. *Виноградский Ю. С.* Археологические работы Сосницкого историко-краеведческого музея // КСИА АН УССР. — Вып. 5. — К., 1955.
119. *Заїка Г. П.* Знахідка бронзового кельту в Решетилівському районі // Полтавський археологічний збірник. — Частина 1. — Полтава, 1993.
120. *Шарафутдінова І. М.* Бронзоліварна майстерня в с. Головурів на Київщині // Археологія. — № 12. — 1973.
121. *Федоровський О. С.* Харківський археологічний музей та його науково-дослідча праця // Наука на Україні. — № 1. — К., 1926.
122. *Пряхин А. Д.* До виділення мосолівського горизонту доби пізньої бронзи євразійського степу та лісостепу // Археологія. — 1997. — № 3.
123. *Гершкович Я. П.* Культурно-хронологические группы погребений эпохи средней-поздней бронзы кургана у с. Пришиб // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. — К., 1982.
124. *Андриенко В. П.* Отчет об археологических исследованиях в 1971 году. — НА ИА НАН Украины. — Фонд эксп. № 1389.
125. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года // Труды XII АС. — Т. I. — М., 1905.
126. *Тереножкин А. И.* Основы хронологии предскифского периода // СА. — 1965. — № 1.
127. *Лесков О. М.* Зрубна культура // Археологія Української РСР. — Т. 1. — К., 1971.
128. *Чередниченко Н. Н.* О некоторых проблемах срубной культуры // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. — Донецк, 1979.
129. *Березанская С. С., Гершкович Я. П.* Андроновские элементы в срубной культуре на Украине // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск, 1983.
130. *Литвиненко Р. О.* Зрубна культура басейну Сіверського Дінця (за матеріалами поховальних пам'яток). — Автореф. дис... канд. іст. наук. — К., 1994.
131. *Отрощенко В. В.* О двух линиях развития культур племен срубной общности // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. — Вып. II. — Запорожье, 1994.
132. *Качалова Н. К.* Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья // СА. — 1978. — № 3.
133. *Качалова Н. К.* Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. — Куйбышев, 1985.
134. *Мамонтов В. И.* Памятники эпохи бронзы Волго-Донского междуречья // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. — Саратов, 1986.
135. *Мыськов Е. П.* К проблеме периодизации срубной культуры Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья // СА. — 1991. — № 4.
136. *Антоненко Е. В.* О времени появления памятников срубной культуры на Украине // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. — Луганск, 1990.
137. *Литвиненко Р. А.* Курганний могильник Возрождение-II на Донеччині // РА. — 1992. — № 3.
138. *Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова О. П.* Периодизация памятников срубной культуры Среднего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. — Куйбышев, 1985.
139. *Халиков А. Х.* Поволжье в покровское время // Археология восточноевропейской степи. — Саратов, 1989.
140. *Малое Н. М.* Погребальные памятники Покровского типа в Нижнем Поволжье // Археология восточноевропейской степи. — Саратов, 1989.
141. *Малов Н. М.* Памятники покровского типа восточно-европейских степей // История и археология Слободской Украины. — Харьков, 1992.
142. *Зудина В. Н., Скарбовенко В. А.* Раннесрубный могильник у с. Песочное // Древности Среднего Поволжья. — Куйбышев, 1985.
143. *Скарбовенко В. А.* Погребения эпохи бронзы Новопапавловского курганного могильника // Древние и средневековые культуры Поволжья. — Куйбышев, 1981.
144. *Юдин А. К.* Преимущество и инновации в раннесрубных погребальных комплексах Саратовского Поволжья // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. — Воронеж, 1996.
145. *Литвиненко Р. А.* Памятники покровского типа в бассейне Северского Донца // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. — Саратов, 1991.
146. *Литвиненко Р. А.* Керамический комплекс погребений покровского горизонта донецкой лесостепи // Срубная культурно-историческая общность. — Саратов, 1994.
147. *Отрощенко В. В.* К проблеме выделения погребений покровской срубной культуры на Нижнем Дону // Доба бронзи доно-донецкого регіону. — Київ-Воронеж-Перевальськ, 1997.
148. *Бровендер Ю. М.* К вопросу о соотношении некоторых групп керамики на раннесрубных поселениях Среднего Подонковья // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. — Воронеж, 1996.
149. *Елизаренкова Т. Я.* «Ригведа» — великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I-IV. — М., 1989.
150. *Денисова А. А.* Некоторые особенности технологии изготовления керамики срубной куль-

туры на территории лесостепной Украины // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. — К., 1989.

151. *Чередниченко Н. Н.* Поселение срубной культуры на Луганщине // СА. — 1970. — № 1.

152. *Братченко С. Н., Шапошникова О. Г.* Катакомбная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР. — Т. I. — К., 1985.

153. *Шмаглий И. М., Черняков И. Т.* Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра МАСП. — Вып. 6. — Одесса, 1970.

154. *Зданович Г. Б.* Бронзовый век Урало-Кавказских степей (основы периодизации). — Свердловск, 1988.

155. *Молодин В. А.* Бараба в эпоху бронзы. — Новосибирск, 1985.

156. *Отрощенко В. В., Моця О. П.* Обряд кремации у стародавнього населення України (V тис. до н. е.—I тис. н. е.) // Археологія. — 1989. — № 2.

157. *Иванов В. А.* Новый памятник ямной культуры в Куйбышевском Заволжье // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. — Куйбышев, 1976.

158. *Васильев И. Б., Пятых Г. Г.* Новые трупожжения бронзового века в Заволжье // Очерки истории культуры Поволжья. — Куйбышев, 1976.

159. *Багаутдинов Р. С.* Погребения с сожжением среднего и позднего бронзового века в Поволжье. — Автореф. дисс... канд. ист. наук. — М., 1984.

160. *Косарев М. Ф.* Западная Сибирь в древности. — М., 1984.

161. *Даниленко В. М., Макаревич М. Л.* Червонохутірський могильник мідного віку з трупопаленням // АП УРСР. — Т. VI. — К., 1956.

162. *Дергачев В. А., Манзура И. В.* Погребальные памятники позднего триполья. — Кишинев, 1991.

163. *Артеменко И. И.* Культуры шнуровой керамики // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. — М., 1987.

164. *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.) // МИА. — № 93. — 1960.

165. *Динков А. В.* Катакомбное погребение из Гимашевского кургана в Прикубанье // СА. — 1988. — № 1.

166. *Мунчаев Р. М., Сарганиди В. И.* Бамутские курганы эпохи бронзы // КСИА АН СССР. — Вып. 98. — М., 1964.

167. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. — К., 1976.

168. *Братченко С. Н.* Погребения срубной культуры // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. — К., 1977.

169. *Писларий И. А., Дубовская О. Р., Самойленко В. Г.* Отчет об археологических исследованиях в Ворошиловградской области. — НА ИА НАН Украины. — Фонд эксп. № 1976/10.

170. *Братченко С. Н., Писларий И. А.* Отчет о раскопках курганов эпохи бронзы у г. Лисичан-

ска. — НА ИА НАН Украины. — Фонд эксп. № 1973/39.

171. *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. — № 60. — 1959.

172. *Качалова Н. К.* О локальных различиях в лесостепной срубной культуре // АСГЭ. — Вып. 18. — Л., 1977.

173. *Пятых Г. Г.* К проблеме сложения срубной культуры в Поволжье // Культуры бронзового века Восточной Европы. — Куйбышев, 1983.

174. *Дремов И. М.* О хронологической неразрывности погребений катакомбной и срубной культур в степном Поволжье // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит—бронзовый век). — Часть 1. — Донецк, 1996.

175. *Артеменко И. И.* Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. — М., 1967.

176. *Артеменко И. И.* Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи Гомельской области ВССР // Памятники каменного и бронзового веков. — М., 1964.

177. *Ефименко П. П., Третьяков В. П.* Абашевская культура в Поволжье // МИА. — № 97. — 1951.

178. *Горбунов В. С.* Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье. — Куйбышев, 1989.

179. *Пряхин А. Д., Беседин В. И.* Хронологические горизонты погребений Подклетинского могильника // Проблемы хронологии культур энеолита—бронзового века Украины и юга Восточной Европы. — Днепропетровск, 1994.

180. *Материалы раскопок В. И. Митрофановой* поселения Янохино на р. Осколе. Фонды Института археологии НАН Украины. — Коллекция № 378.

181. *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. — М., 1977.

182. *Гершкович Я. П., Евдокимов Ф. Л.* Об одной категории костяных изделий срубной культуры // СА. — 1982. — № 4.

183. *Бровендер Ю. М., Отрощенко В. В.* Карпато-микенский орнаментальный стиль в материалах поселения Капитаново-I // Доно-донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. — Вып. 2. — Воронеж, 1996.

184. *Пряхин А. Д., Беседин В. И., Левых Г. А., Матвеев Ю. П.* Кондрашкинский курган. — Воронеж, 1989.

185. *Пряхин А. Д., Матвеев Ю. П.* Курган у с. Богоявленское // СА. — 1991. — № 1.

186. *Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П.* Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье // Археологические вести. — Вып. 1. — СПб, 1992.

187. *Tosik A.* Opevnena osada z doby bronzovej vo Veselom. — Bratislava, 1964.

188. *Bouzek I.* The aegean Anatolia and Europe cultural interrelations in the millennium B. C. — Praha, 1985.

189. *Vladar J.* Umenie davnovekeho Spisa. — Bratislava, 1978.
190. *Мамонтов В. И.* Погребения эпохи бронзы Глазуновского курганного могильника // СА. — 1981. — № 1.
191. *Шаповалов Т. А.* Периодизация эпохи бронзы бассейна Северского Донца. — Автореф. дисс... канд. ист. наук. — К., 1983.
192. *Буйнов Ю. В.* О культурно-хронологической принадлежности памятников малобудковского типа эпохи бронзы // Древности. — Харьков, 1994.
193. *Берестнев С. И.* Исследования многослойного поселения на р. Мже // Древности. — Харьков, 1996.
194. *Евдокимов Г. Л.* Курганный могильник белозерского времени у с. Первомаевка // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. — К., 1987.
195. *Ванчугов В. П., Субботин Л. В.* Васильевский курганный могильник белозерской культуры на левобережье Нижнего Подунавья. — К., 1989.
196. *Козенкова В. И.* Хронология кобанской культуры: достижения, опыт уточнения, нерешенные проблемы // СА. — 1990. — № 3.
197. *Татаринов С. И.* Древний металл Восточной Европы. — Артемовск, 1993.
198. *Татаринов С. И.* Железоделательный горн бондарихинской культуры // СА. — 1980. — № 3.
199. *Екимов Ю. Г., Беседин В. И.* К вопросу о памятниках заключительного этапа эпохи бронзы в лесостепном Подонье // Археология восточно-европейской лесостепи. — Воронеж, 1980.
200. *Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А.* Начальный этап обработки железа в Восточной Европе (доскифский период) // СА. — 1977. — № 1.
201. *Балагури Э. А., Крушельницкая Л. И., Конопля З. М.* Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (энеолит, бронза и раннее железо). — К., 1990.
202. *Pitioni R.* Die urgesehichtliche Grundlagen der europaischer Kultur. — Wien, 1949.
203. *Лагодювська О. Ф.* Поселення часу пізньої бронзи в с. Сандраки // Археологія. — Т. IX. — К., 1954.
204. *Артеменко И. И.* Сосницкая культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. — М., 1987.
205. *Березанская С. С.* Лебедовская культура // Энеолит и бронзовый век Украины. — К., 1976.
206. *Трубникова Н. В.* Некоторые итоги археологических исследований по р. Усе // МИА. — № 61. — 1958.
207. *Качалова Н. К.* Памятники нурского типа и проблема культур эпохи финальной бронзы // Археология восточноевропейской степи. — Саратов, 1989.
208. *Качалова Н. К.* Нурские памятники в системе древностей степей Евразии конца бронзового начала раннего железного века // Древности волго-донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. — Волгоград, 1996.
209. *Бадер О. Н.* Памятники балановской культуры // САИ. — Вып. В1-25. — М., 1976.
210. *Евдокимов В. В.* Новые раскопки Алексеевского поселения на р. Тобол // СА. — 1975. — № 4.
211. *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. — М., 1981.
212. *Косарев М. Ф.* Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзового века к раннему железному // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. — М., 1987.
213. *Черных Е. Н., Кузьминых С. В.* Древняя металлургия Северной Евразии. — М., 1989.
214. *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. — № 88. — 1960.
215. *Бочкарев В. С.* К вопросу о ранней стадии использования железа в Северном Причерноморье // Тезисы докладов международной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения М. И. Артамонова. — Л., 1988.
216. *Ромашко В. А.* Поздний бронзовый век в пограничье лесостепи и степи Левобережной Украины (XII-X вв. до н. э.). — Днепрпетровск, 1995.
217. *Ромашко В. А.* К вопросу о «чернолесской» керамике Левобережной Украины // Проблемы истории и археологии Украины. — Харьков, 1997.
218. *Отрощенко В. В.* З приводу культурної належності поховань доби бронзи Кулішівських курганів // Проблеми археології, древньої і середньовікової історії України. — Харьков, 1995.
219. *Кондукторова Т. С.* Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. — М., 1973.
220. *Шепель Е. А.* Население бассейна Северского Донца в эпоху энеолита-бронзы по антропологическим данным. — Автореф. дисс... канд. ист. наук. — К., 1985.
221. *Волковой С. С.* Срубные погребения с кубками в Днепровском Левобережье // Курганы степного Поднепровья. — Днепрпетровск, 1980.
222. *Отрощенко В. В.* Деревянная посуда в срубных погребениях Поднепровья // Проблемы археологии Поднепровья III-I тыс. до н. э. — Днепрпетровск, 1984.
223. *Отрощенко В. В.* Могильники степного Поднепровья // Древние культуры Поволжья и Приуралья. — Куйбышев, 1978.
224. *Добровольский А. В.* Перше Сабатинівське поселення // АП УРСР. — Т. IV. — К., 1952.
225. *Черных Е. Н.* Общность культур валиковой керамики Евразии (к постановке проблемы) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. — М., 1984.

РАЗДЕЛ IV

**ОЧЕРКИ ИДЕОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОУКРАИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ
В ЭПОХУ СРЕДНЕЙ—ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ**

ГЛАВА 1

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Идеология относится к числу наиболее трудно и проблематично реконструируемых на основании археологических источников сфер культуры древнего общества. Тем не менее, отдельные ее аспекты, в частности, комплекс религиозно-мифологических представлений о «загробной» жизни, о существовании «потустороннего» мира и его связях с реальным земным миром, находят более или менее полное отражение в погребальных памятниках. Для архаических культур характерно мифопоэтическое восприятие действительности, определяющая роль символических, а не утилитарных ценностей, наличие высшего сценария бытия, неукоснительное соблюдение которого гарантировало неизбежность мироздания. Основное содержание этого сценария виделось в борьбе космического упорядочивающего начала с хаотическим деструктивным началом, а способ понимания мира и разрешения возникающих противоречий обеспечивался мифологией, понимаемой как способ мышления [1, с. 10]. Мифопоэтическое мировоззрение основывается на тождестве человека и природы, так как человек рассматривался как один из крайних ипостасных элементов общей космологической схемы, в которой все сущее в конечном итоге восходило к космической материи. В силу этого все окружающее было космологизовано и, следовательно, сакрализовано. Только в сакрализованном мире существовали и были известны основные принципы его организации, вне его — господствовал хаос. Поэтому реальный мир воспринимался в неразрывной связи с космологическими схемами и историческими преданиями, которые рассматривались как прецедент, имевший место в прошлом и являвшийся образцом для подражания. В то же время, мифология как неотъемлемая часть традиционного сознания была органически связана с религиозными культами, сосредотачивая в себе функции комментариев к религиозным обрядам [2, с. 22]. Но и мир, в котором пребывал конкретный человек и общество, не был одноплоскостным, в нем существовали две неразрывно связанные сферы: человеческая, принадлежавшая человеку и освоенная им, и нечеловеческая, божественная, несущая в себе как положительный, так и отрицательный потенциалы. Равновесие между сферами, являвшееся непременным условием сохранения мироз-

дания, поддерживалось постоянным обменом символическими и материальными ценностями. Время от времени возникали коллизии, нарушавшие гармонию и угрожавшие благополучию социума. К числу таких коллизий относилась смерть человека, которая разрушала границу между земным и «потусторонним», ликвидировала систему привычных связей и могла повлечь за собой самые печальные последствия. Устранить конфликт и восстановить равновесие можно было только при помощи и в ходе определенного ритуала, призванного установить прямую связь между сферой человеческого и сферой божественного и обеспечить беспрепятственную переправу покойника в «миной» [3, с. 2–4]. Этот ритуал реализовывался в процессе захоронения усопшего и включал стереотипную для данного социума последовательность ритуально-практических действий, предназначенных для воздействия на сверхъестественные силы или существа в интересах исполнителей. Таким образом, обряд погребения должен рассматриваться в контексте кризисной с точки зрения современников ситуации, как ритуальное оформление перехода умершего из сферы жизни в сферу смерти, гарантирующее благополучное для живых преодоление границы между ними и ее последующее восстановление [4, с. 99].

В процессе археологических исследований является относительно небольшая часть погребального обряда, материализованная в процессе его исполнения и сохранившаяся до настоящего времени. Поэтому при реконструкции религиозных представлений архаических сообществ важное значение приобретает привлечение других источников — этнографических, фольклорных, исторических, в условиях корректности социально-экономических и идеологических сопоставлений.

Само по себе целенаправленное создание специального погребального сооружения, предназначенного для изоляции покойника от мира живущих, свидетельствует о существовании представления о загробной жизни особой бестелесной и бессемной субстанции — души. Вместе с тем, отдаляемость мест захоронения от мест обитания, введенное в содержание погребального обряда сопровождающее инвентаря и символов, фиксирующих отношения передающей (коллектив) и принимающей

сверхъестественные силы) сторон, указывает на то, умерший уже не принадлежит к миру людей, сакральная сфера отделена от профанической. Предполагает наличие космологических схем, несняющих возникновение мира, и неразрывно связанных с ними религиозных верований.

Есть основания полагать, что космогонические представления в ряде случаев находили отражение в процессе создания надмогильного погребального сооружения — курганной насыпи. По мнению некоторых исследователей, в основе конусообразной или полусферической насыпи кургана лежит та же идея, что и у создателей переднеазиатских мастаб или египетских пирамид — идея сотворения, извлечения Творцом холмика из недр мирового океана, покрывавшего зем-

[5, с. 44–45]. Символическое воссоздание процесса сотворения мира можно видеть в структуре насыпей некоторых курганов эпохи средней бронзы восточноукраинской лесостепи. Представляет собой птичье яйцо имитирует курган № 3 группы Колесниковка-II на р. Оскол. Над основным конусообразным захоронением, входной колодец которого был плотно «закупорен» конусовидной лепешкой из замешанной на охровом растворе мажорановой глины, была создана многослойная глиняная насыпь со следами неоднократного использования огненного ритуала, перекрытая слоем замешанного грунта и мощным пластом чернозема (рис. 4; рис. 5, 1). отождествляя глиняную насыпь с желтком, слой замешанного грунта с белком, черноземный панцирь со скорлупой яйца, в самом погребальном сооружении следует видеть своеобразный «зародыш» будущей жизни. О том, что это не случайное явление, а устойчивая тенденция к символическому воссозданию конкретной космогонической схемы свидетельствуют близкие стратиграфическое и, вероятно, семантическое соотношение насыпи курганов у с. Веселое на Харьков и у г. Изюм на Северском Донце, также включавшие глиняное «ядро» и черноземную оболочку [6, с. 111; 7, с. 287]. Возможно, истоки подобных представлений о сотворении мира следует искать в идеологической сфере майкопских племен Предкавказья и Северного Кавказа, в погребальных памятниках которых в ряде случаев встречается та же идея «первой яйца»: каменные насыпки над основными захоронениями скрывались под небольшими полусферическими грунтовыми насыпями с закрепленными каменными крепидами на склонах, над которыми возводился земляной курган [8, с. 239–240; 9, с. 229–240]. При сохранении принципиально той же структуры: «зародыш» (погребение) — желток (первая насыпь с каменной облицовкой) — белок (курган), происходит вполне закономерная замена исходного материала (камня на глину), придающая картине даже большую выразительность.

Образ яйца как первоосновы вселенной присутствует в мифологии многих народов мира. В гимнах Ригведы содержатся сведения о том, что воды первичного океана носили в своем лоне яйцо, из которого впоследствии появился Висвакарман — творец мира [РВ, X, 82, 5–6]. В верованиях иранцев сохранились следы почитания мифической птицы, высидевшей яйцо, из которого возник мир. В авестийской литературной традиции неоднократно встречаются упоминания о том, что земля, воды и небо сделаны по образцу птичьего яйца, что небо над и под землей создано Ахурамаздой наподобие яйца, что Земля находится внутри неба, как желток в яйце [2, с. 145–146]. В древнеегипетской мифологии сохранились указания на существование весьма архаических представлений о мировом яйце, из которого родилось солнце, а может быть, и весь мир [10, с. 313–314].

Воссоздание в погребальном обряде мифологического сюжета о сотворении мира и его закрепление в структуре погребального памятника в полной мере соответствует ведийской космогонии, в которой каждый ключевой момент в жизни общества рассматривался как повторение изначального процесса возникновения вселенной, как эпизод в бесконечно повторяющихся циклах возрождения жизни [11, с. 28–37]. Смерть члена коллектива, безусловно, относилась к числу экстраординарных ситуаций и предполагала воспроизведение процесса творения в ритуале, что как бы обеспечивало последующее возрождение покойника. Было бы неоправданным полагать, что космогонические схемы тиражировались в каждом погребальном памятнике, существовали и упрощенные системы передачи мифологического сюжета, вполне понятные современникам. В колесниковском кургане следует видеть явление чрезвычайное, обусловленное особым отношением к личности погребенного, наделявшего, вероятно, при жизни сверхъестественными способностями. На это же указывает стремление «замкнуть» погребение, изолировать покойника от окружающего мира, избежать возможности негативного проявления его силы. В погребении кургана № 3 у с. Колесниковка это желание проявляется в устройстве заклада погребальной камеры из обрезков бревен и кусков обожженной глины, глиняной «закупоркой» входного холодца, ограничении погребальной площадки сплошным кольцевым ровиком (рис. 4–5). Во многих традиционных обществах кругом обводили неприкосновенное пространство, круг наделялся магическим свойством препятствовать проникновению враждебных сил [12, с. 153]. Вероятно, граница считалась непроницаемой в обе стороны. Изоляция места погребения могла достигаться и другими способами, реально или символически замыкавшими погребальную площадку: деревянными изгородями

(Граково, к. № 3; Славянок, к. № 253), бревенчатой обкладкой склонов насыпи (Ковалевка, к. № 3) (рис. 9, 1). Желание обезопасить живущих от общения с покойниками, наделявшимися негативными свойствами, прослеживается на всем протяжении эпохи средней-поздней бронзы. На это указывают кромлехи и кольцевые ровики под курганами срубной общности (рис. 62, 1; рис. 63, 1; рис. 70, 1). В кургане № 2 у с. Мажарка сплошным кольцевым ровиком была обведена первая насыпь, причем, материковый выброс из ровика был обращен на склоны насыпи, создав внешний глиняный панцирь и оставив свободной только вершины (проход, направленный в небо?). Сразу после этого курган был досыпан (рис. 72).

Представления о магических свойствах круга нашли наглядное отражение в хеттском обряде «нунтарияска», заключавшемся в ежегодном объезде царской четой государства и поклонении божествам всех территорий. Типологическое и генетическое родство с ним обнаруживает древнеиндийский ритуал «раджасуя» — «порождение царя», заключающийся в том, что после церемонии помазания царь, следуя по курсу движения солнца, на колеснице объезжал страну и совершал жертвоприношения. Магический смысл этой поездки по кругу состоял в том, что царь объединял вселенную в своей персоне и символически воспроизводил возрождение космоса и свое собственное возрождение как гаранта сохранения миропорядка. В то же время, объезд территории был связан с функцией защиты страны и преследовал цель укрепления границы и создания барьера от враждебных сил [13, с. 22]. Очевидно, в погребальных памятниках бронзового века восточнорусской лесостепи отразились более архаичные представления о соотношении земного и потустороннего и о способах сохранения границы между ними.

Подобные обрядово-ритуальные действия свидетельствуют о том, что в восприятии современников потусторонний мир находился в непосредственной близости и угрожал вторжением. Поэтому усилия социума были направлены на обеспечение непроницаемости рубежа, на предотвращение нежелательных контактов. Страх перед покойниками наиболее выразительно проявляется в погребальных памятниках эпохи средней бронзы, в которых он находит воплощение в устройстве подземных катакомбных гробниц, в практике устройства бревенчатых или каменных закладов погребальных камер, в заполнении грунтом входных колодцев после совершения захоронения. Поразительно близкий по содержанию и форме погребальный обряд существовал у южноафриканских зулусов, которые в XVIII в. находились на стадии разложения родоплеменных отношений и вели экстенсивное скотоводческо-земледельческое хозяйство. У них практически отсутствова-

ли сколько-нибудь выраженные религиозные культы, но сохранялся стойкий страх перед умершими, которые по их представлениям продолжали существовать после смерти, пусть даже не во плоти, вмешиваясь в дела живущих. Умершего сородича до наступления трупного окоченения связывали в сидячем положении (позиция «всадника») и некоторое время держали в его хижине перед горящим очагом. Тем временем, в особом месте где находились могилы предков, выкапывали глубокую яму, в одной из стенок которой вырезали погребальную камеру, куда затем укладывали покойника в скорченном положении, на боку, лицом ко входу. Перед ним и в ногах размещали оружие и ставили кухонные горшки с едой и пивом. Затем могилу закапывали и сооружали над ней надгробие из камней [14, с. 74–76]. В полном объеме обряд исполнялся только при погребении представителей высшего социального слоя, родовых или клановых вождей, тогда как рядовых сородичей просто закапывали поглубже.

Подобное боязливо-почтительное отношение к покойникам прослеживается в верованиях многих традиционных народов. Боязнь вызвать чем-либо неудовольствие умершего побуждала кетов привлекать к похоронным действиям — обрядным усопшего, рытью могилы и т. д. — чужеродцев [15, с. 185]. Вогулы, покидая после похорон кладбище, преграждали дорогу засекой [16, с. 147].

В ведийской мифологии присутствует особый класс персонажей — «отцов», идентифицируемых с умершими предками. Они пребывают на небе, но определенно не равнозначны богам [РВ, X, 1]. Различие проявляется и в ритуале: «отцам» поносят поминальную пищу, тогда как богам подносит жертвоприношение. Предки заряжены как положительным, так и отрицательным потенциалом. Они могли благоприятно влиять на дела людей, обеспечивая хороший урожай, приплод скота, здоровое мужское потомство, но соприкосновение с ними было опасным для живущих и этого следовало избегать при помощи особых обрядов. Прямое сопоставление ведийской мифопоэтической традиции с представлениями лесостепных племен бронзового века вряд ли оправданно, так как ведийские арии практиковали обряд трупосожжения и по своим представлениям душа умершего на небе соединялась с новым телом [17, с. 504]. Вероятно, в погребальных памятниках Восточной Украины нашло отражение более архаические взгляды, тесно связанные с анимистическими воззрениями. Душа, пребывая на небе, находила временное пристанище в материальной оболочке, находившейся в погребальной усыпальнице.

Следы религиозных культов в памятниках начальной стадии эпохи средней бронзы проявляются не очень выразительно. Собственно, как свидетельство обращения к богам можно рассматривать

менный алтарь на древнем горизонте под насыпью кургана № 3 у с. Ковалевка, семантически связанный с расположенными рядом захоронениями взрослого и ребенка. Правомерность такой трактовки подтверждается исследованиями Молочанского святилища в Северном Причерноморье. На первом этапе функционирования святилища на угловой вершине шестиметрового кургана был сооружен алтарь из крупных глиняных блоков, оклеенный камышовой вымосткой. От него радиально к подножию кургана расходились 13 валов, сложенных из глиняных блоков. Дальнейшие этапы использования святилища связаны с расширением и конструктивными изменениями [18, с. 82]. Сходство между Ковалевским и Молочанским святилищами ограничивается наличием выделенного алтаря, сложенного в первом случае из каменных плит, в другом — из глиняных блоков. Но не следует забывать, что Молочанское святилище территориально относится к Регульской катакомбной культуре, которая некоторыми исследователями происхождения связывается с Ближним Востоком [19, с. 30–31].

Гораздо более выразительно следы религиозных культов проявляются в памятниках эпохи ранней бронзы. В первую очередь, речь идет о ритуальных площадках, неоднократно встречающихся под насыпями курганов срубной общины (рис. 60; рис. 65, 1; рис. 71; рис. 72). Они всегда занимают центральное место в подкурганном пространстве, выделены в интерьере материалами, из которых изготовлены, и неизменно содержат продукты горения — древесными опилками или золой. Нет сомнения, что они предназначались для специальных обрядовых действий, направленных на установление контакта с богами и обеспечение благосклонного отношения к усопшему, могила которого всегда имела периферийное по отношению к ним положение. На поверхности некоторых площадок зафиксированы остатки органического покрытия из прутьев и травы. В индоиранских религиозных системах, наиболее полно представленных в ведийской и авестийской традициях, существовали специальные термины, обозначающие «подушку из соломки», «связку травы для жертвоприношений», в которых помещались боги и люди, приносившие жертву (древнеиндийское *barhis*, авестийское *haman*). Из них этимологически выводится термин «брахман», первоначально обозначавший совокупность действий и слов во время ритуальных церемоний, особенно связанных с жертвоприношением [20, с. 23–26]. В таком контексте семантическая нагрузка специально оборудованных площадок, предназначавшихся для общения с богами и принесения жертв в процессе обряда погребения, представляется очевидной. В срубных курганах Орельско-Самарского междуречья вы-

явлены кости жертвенных животных, помещенные вблизи могилы на выстилках из камыша [21, с. 63]. По-видимому, здесь речь должна идти о локальных особенностях обряда, обусловленного местными традициями и содержанием ритуала.

Показательно, что в индоиранской космогонии два основных элемента культа — специально подготовленное место и огонь — всегда выступают в неразрывном единстве, воплощая идею постоянного возрождения жизни: площадка (или алтарь) соотносится с женским началом, огонь — с мужским [20, с. 35–39]. Следует также отметить наличие вертикально вкопанного столбика на ритуальной площадке в кургане у с. Мажарка. У ведийских ариев жертвенный столб символизировал путь, по которому жертва направлялась к богам [22, с. 91].

С отправлением религиозных обрядов связаны также алтари-жертвенники в лесостепных жилищах срубной общины, непременно в той или иной форме сопряженные с огнем или продуктами горения (рис. 59, 7–8). Домашние алтари известны с эпохи неолита и обычно рассматриваются как свидетельства существования культа предков и тесно связанной с ним идеи плодородия [23, с. 73; 24, с. 224]. Об этом свидетельствует и характер вотивных предметов, найденных на алтарях и возле них — зооморфных статуэток, «хлебцов», глиняных моделей яиц, соляных символов в виде колосовидных изделий из глины [25, с. 54, рис. 2; 26, с. 87, табл. IV]. Некоторые исследователи считают, что вылепленные из глины фигурки животных являлись символической заменой реального жертвоприношения [27, с. 181; 28, с. 22]. Подтверждающие эту точку зрения данные имеются в этнографических материалах [29, с. 190]. С земледельческими культами связываются глиняные модели лепешек — «хлебцы», во многих случаях содержащие растительные примеси и зерна в глине [30, с. 188; 31, с. 118–119]. По этнографическим данным известно, что у некоторых народов яйцо выступает как символ плодородия и используется в культах, приуроченных к началу полевых работ [10, с. 192]. В несомненной семантической связи с указанными вотивными предметами находятся изделия в виде диска со сквозным отверстием в центре. А. Голан полагает, что колесо, представляющее соляной символ, в частности в индоевропейской традиции, является переосмысленным в эпоху бронзы более древним, неолитическим или даже верхнепалеолитическим графическим знаком неба [32, с. 20–23]. Традиционным для индоиранских народов считается изображение солнца в виде колеса с шестью спицами, но в данном случае надо принимать во внимание небольшие размеры изделий и особенности материала — глины, из которой не просто было вылепить колесо со спицами. Вероятно, близкую в религиозно-мифологическом контексте нагрузку имели

глиняные модели колес в виде сплошных дисков с выраженной втулкой, происходящие из погребений катакомбной и балановской культур [33, с. 117, рис. 50; 34, с. 107, рис. 17, 19]. В катакомбных и близким им по времени памятниках встречаются глиняные модели кузовов одноосных двухколесных повозок типа арбы, но они никогда не совмещаются с моделями колес [35, с. 153, рис. 13; 36, рис. 4, 4]. По-видимому, в эпоху средней бронзы колесо приобретает самостоятельное символическое значение, сочетая представления о переправе души усопшего в мир иной на повозке с солярным культом. Сопряженность моделей колес с идеей погребальной колесницы с бычьей упряжкой выразительно проявляется в донецком катакомбном захоронении 4/4 у с. Вербовка, где модели двух колес находились во входном колодце вместе с черепами двух быков [37, с. 122, рис. 74, 3-4] (рис. 22, 12-13). В эпоху поздней бронзы в семантике колеса возобладало солярное значение.

Обращает на себя внимание относительная редкость домашних алтарей-жертвенников на исследованных поселениях срубной общности, что может рассматриваться как косвенное свидетельство известного обособления сакральных функций в руках отдельных семей. По мнению некоторых исследователей, наличие общинного культового центра — святилища на поселении — знаменует ту стадию развития общества, когда на первый план выходят не родственные, а территориальные связи, нуждающиеся в религиозных образах более общего и высокого порядка [24, с. 227]. Это говорит в пользу предположения о смешанности населения восточнорусской лесостепи в эпоху поздней бронзы.

Роль огня в обрядах и культах древних сообществ сопоставима только с его значением в жизни человека. По содержательному критерию в контексте погребального обряда могут быть выделены три основные функции огня: 1) очистительно-охранительная, 2) жертвенная, 3) семейно-родовая.

Очистительно-охранительная функция огня фиксируется в виде кострищ на древнем горизонте или в насыпи кургана, содержащих чистые продукты горения. Возжигание костров, предшествовавших, сопутствовавших захоронению или следовавших за ним, очевидно, было связано с архаическими представлениями об огне как о первооснове мира и верой в его магические свойства противодействовать враждебным силам. В зороастрийской мифологии присутствуют сюжеты о появлении семени людей и животных из пламени [38, с. 41]. Сходные мотивы имеются в древнегреческих преданиях о происхождении людей из золы испепеленных молниями Зевса титанов [39, с. 326]. Пламя костра как бы воссоздавало картину творения и обеспечивало перевоплощение умершего.

В верованиях многих народов прослеживается убежденность в способности огня отгонять враждебные человеку силы, уничтожать все вредные элементы материального или духовного порядка [40, с. 371-372; 41, с. 599]. В представлениях осетин костер не только очищал могилы от злых духов, но и позволял судить о судьбе покойника в загробном мире: если дым от костра поднимался в небо, то усопшему было даровано вечное блаженство, если же он стелился по земле, то боги отвергали душу покойного и она была обречена на вечные скитания. В дождливую или морозную погоду примогильный костер жгли три ночи подряд, чтобы умерший мог обсушиться и согреться перед дальней дорогой [42, с. 68]. С этим перекликаются верования некоторых народов Сибири, согласно которым переход в мир иной совершается ночью [43, с. 357-359].

С очистительно-охранительной функцией огня следует связывать обожженность деревянных перекрытий могильных ям, являющуюся следствием разведения костра на их внешней поверхности. В таких случаях можно предположить, что огонь, очистив могилу от враждебных сил, должен был сопровождать покойника в его путешествии в потусторонний мир. Обычай «умерщвления огня» засвидетельствован этнографическими данными: костер разводили у могилы или на перекрытии, и не дав окончательно прогореть, сыпали землей, действуя по принципу: «умершего человека должен сопровождать умерший огонь» [44, с. 697; 45, с. 72]. Вероятно, с этих позиций следует объяснять засыпку грунтом еще полыхшей деревянной обкладки насыпи кургана многочисленными захоронениями у с. Михайловки [46, с. 53, рис. 1]. По-видимому, аналогичная цель преследовалась разведением костра в особняке и его засыпкой до прогорания в кургане М-1 группы Лиман-1, связанная с совершением впускных срубных погребений и глобальной досыпкой (рис. 74). В некоторых случаях реальный акт возжигания огня мог символизироваться насыпкой перекрытия золой или углями, взятыми из обожженного на стороне костра (рис. 71, 2).

Функционально от очистительно-охранительных и сопровождающих костров отделяются жертвенные костры, хотя, разумеется, непреодолимая граница между ними не была. Костры для приношения жертв были связаны с представлениями об огне как о посреднике в общении с миром богов. В ведийской мифопоэтической традиции это один из ипостасей бога Агни: своим пламенем он охватывал жертву и дымом передавал ее богам [РВ, 12]. Жертвенные костры отличает обязательное присутствие в них целых или фрагментированных кальцинированных костей животных. Часто жертвоприношение составляло часть погребальной церемонии и предшествовало или сопутствовало

жертвенному. В таких случаях жертвенные костры возводятся вблизи могилы на древнем горизонте, в некоторых случаях — на дне кольцевых ростворов, ограждающих погребальную площадку (рис. 62, 1; рис. 70, 1). Иногда жертвенный костер возводился в специальной яме, в какой-то степени обволакивающей могилу (рис. 74). Есть основания полагать, что жертвоприношение могло также завершать погребальную церемонию. В таких случаях жертвенные костры находятся в насыпи кургана очевидно, отмечают одну из стадий его возведения. Нельзя исключать определенную символизацию жертвоприношения, когда реальное сжигание жертвенного животного заменялось возложением частей его туши на уже потухший костер, как это обнаружено в кургане № 2 у хут. Закотный, на кострище обнаружен целый череп овцы.

Еще одна функция огня, реконструируемая по данным погребальных памятников, связывается с почитанием одной из основных родовых святынь — домашнего очага. Она устанавливается по присутствию в погребении продуктов горения в виде древесных углей или чистой золы, образующих локальные скопления или имеющих характер подтопок и не связанных с непосредственным разведением огня (рис. 10, 1; рис. 6, 1; рис. 66, 4; рис. 67, 1-2). Этнографические данные свидетельствуют об исключительном уважении и почитании, которым пользовался свой огонь; разводить его в чужаке, а тем более выносить из жилища, мог только один из сородичей [47, с. 441]. У осетин именно от домашнего очага наиболее авторитетная женщина рода зажигала околomoгильный очистительный костер [42, с. 68]. Показательно, что у осетин процесс усыновления, то есть вхождение в состав рода, сопровождался обмазыванием лица нового родственника золой из домашнего очага [48, с. 269]. Может быть, присутствие в могиле части домашнего очага преследовало цель укрепить связи с миром предков и обеспечить их кровительство.

Важная роль в системе представлений о загробном существовании отводилась сопутствующей жертве животного. В погребальных памятниках присутствуют, как правило, отдельные части скелета, имевшие для современников вполне понятный, конкретный смысл: череп и кости конечностей, отдельно череп или заменяющая его по принципу «часть как целое» нижняя челюсть, отдельные кости конечностей. Сочетание черепа и костей конечностей обычно рассматривается как свидетельство наличия «шкуры» животного [49, с. 84-85]. Особое отношение к шкуре жертвенного животного засвидетельствовано многочисленными этнографическими и историческими источниками. В ходе раскопок дворца в урартской крепости Тайтебаини было обнаружено помещение (комната № 26), заполненное пережженными костями жи-

вотных, крупного и мелкого рогатого скота. Б. В. Пиотровский обоснованно определил это помещение как хранилище остатков жертвоприношений, но указал на полное отсутствие среди костных остатков черепов и костей конечностей, подчеркнув, что в процессе жертвоприношения шкуре, отделенной с головой и конечностями, придавалась важнейшее значение и они хранились отдельно [50, с. 33]. У уральских, сибирских и алтайских народов было принято шкуры жертвенных животных, снятые с черепом и нижними костями конечностей, развешивать на деревьях вблизи святилища либо водружать на специальный шест [49, с. 83; 51, с. 33; 52, с. 288-289]. Возможно, истоки этих обрядов у столь разных народов восходят к очень древним охотничьим культам, связанным с представлениями об умирающем и воскресающем звере, о возрождении животного, если сохранены его кости. Отголоски подобных мифов нашли отражение в осетинском эпосе, в котором павший конь героя после того, как с него сняли шкуру и набили ее соломой, обретает чудесное свойство возрождаться и дальше служить хозяину [53, с. 194-195]. Не исключено, что именно такую цель преследовало помещение шкуры домашнего животного в могилу. Можно предположить, что аналогичный результат достигался помещением в могилу или на ее перекрытие отделенной от туловища головы животного. У народов Средней Азии сохранились языческие домусульманские представления о черепе как об основномместилище души [54, с. 36]. Абхазы самой страшной клятвой считали клятву черепами предков [55, с. 38]. Как тенденцию к упрощению, схематизации обряда сопутствующего жертвоприношения следует рассматривать присутствие в погребальном сооружении отдельных частей туши жертвенного животного — части хребта, ребер, костей конечностей. Показательно, что у хеттов Передней Азии ритуально чистыми частями тела жертвенного животного, наряду с головой и ногами, считались также грудинка и лопатки [13, с. 58]. В подобных случаях речь должна идти о части как воплощении целого.

Семантически от сопутствующих жертвоприношений отделяются захоронения полных туш или отдельных частей тела домашних животных в специальных погребальных сооружениях. Обращает на себя внимание, что погребения животных персонифицированы, обособлены от захоронений людей и представляют результат специального ритуального действия. В структуре погребального памятника они имеют равнозначное положение, либо выступая в качестве одного из основных (Колесниковка-II 4/2, Пришиб 1/5), либо сопровождая досыпкой существовавшей насыпи (Высшее Солёное 2/1). То же самое наблюдается в области обрядовых признаков: в известковых побелках, подсыпках охры и мела, в присутствии сопровож-

дающего инвентаря. В истолковании содержания персонифицированных погребений животных важное значение приобретает характер сопровождающего инвентаря. Показательны находки каменного привязного молота и кремневого наконечника дротика (рис. 31, 1–2; рис. 45, 2, 9). Наличие в захоронении предметов с выраженной военной функцией представляется не случайным, ведь в обоих случаях в могиле находились кости крупного рогатого скота (корова/бык). У ведийских ариев корова являлась главным животным, источником материального благополучия и богатства. В Ригведе для обозначения коровы используется 15 синонимов, для обозначения быка 10 [55, с. 39–40]. В то же время, корова олицетворяет небо и Индру — бога войны, грома и молнии. Синонимом последнего в гимнах нередко выступает бык — «неукротимый, крепкий бык», «ярый бык» [РВ, I, 10; IV, 18]. В таком контексте объяснимо присутствие в захоронениях каменного молота и кремневого наконечника как атрибутов грозного бога Индры — ваджры — «дубины грома» и копья бога войны.

Этнографические данные свидетельствуют, что зоолатрия (теротеизм) эволюционирует в направлении от обожествления животных к посвящению их конкретному божеству. Когда в религиозных представлениях дух животного отделяется от его плоти, объектом поклонения становится не само животное, а божество, воплотившееся в его теле [29, с. 167]. Вероятно, именно эту стадию развития культа представляют персонифицированные погребения животных, представляющих земные инкарнации определенных божеств. Такому подходу не противоречит присутствие в катакомбе погребения 1/5 у с. Пришиб костяного кольца, лежавшего на охрово-меловом пятне [37, с. 99]. Кольцо является одним из древнейших символов неба и семантически связывается с идеей плодородия [32, с. 19].

В традиционных обществах погребальный обряд был строго регламентирован и в его содержании не могло быть случайных элементов. Важное значение имело «цветовое» оформление обряда, отражавшее основные аспекты эсхатологической символики. В захоронениях эпохи бронзы в большинстве случаев представлены три цвета: красный (охра в диапазоне оттенков от розового до вишневого), белый (известковые побелки, подстилки из бересты) и черный (цвет земли). Применение охры многими исследователями рассматривается, видимо, по ассоциативности цветового восприятия, как символ крови. В контексте погребального обряда красная охра символизировала очищение от всего земного, преодоление смерти и насыщение тела новой кровью [57, с. 190–196; 58, с. 151–153; 59, с. 91; 60, с. 92]. В определенной степени это подтверждается этнографическими данными, свидетельствующими о поразительной близости в пони-

мании семантики основных цветов у самых разных народов мира, разделенных подчас огромными пространствами. У большинства из них белое ассоциируется с благом, чистотой, очищением и возрождением, красное означает символ жизни, крови и силы, радости и здоровья, а черное является знаком зла, траура, смерти и тьмы. В индуистской литературе эти цвета отождествляются с тремя «гунами» — нитями существования, пронизывающими все природное бытие: саттва (белое) — качество чистоты и безмятежности, раджас (красное) — активное начало, порождающее карму, тамас (черное) — состояние заторможенности и латентной апатии, близкое смерти [61, с. 71–98]. Показательно, что аналогичная цветовая символика прослеживается у хеттов, канонизировавших чрезвычайно сложные ритуальные церемонии. В описании одного из религиозных обрядов, исполняемых ежегодно царем и царицей, упоминается украшение царской колесницы тремя лентами — красной, белой и синей (синее часто равнозначно черному) [62, с. 189]. В данном случае содержание обряда прямо связывается с воссозданием жизни через преодоление смерти. В силу этого присутствие в могиле охры, мела, известки следует рассматривать в позиции воспроизведения акта сотворения в бесконечном круговороте жизни.

В процессе обмена между земным и потусторонним мирами, материализованного, в погребальной памятнике, важное значение имел язык вещей как необходимое звено в системе семиотических средств задействованных в ритуале. Характер и расположение сопутствующего инвентаря диктовались обрядовыми предписаниями и его предназначение в «ином» мире. Сведение глиняных сосудов, находящихся в могиле, только к хранению пищи, с бранной «в дорогу» покойнику, концептуально соответствует содержанию погребальной церемонии направленной на перевод умершего в качественное состояние. Общим для индоевропейских народов было представление о душе как о жидкости, содержащейся в теле человека [63, с. 8]. Для хранения души-жидкости предназначался сосуд в хеттском погребальном обряде. Вероятно, к этим архаическим представлениям восходит восприятие сосуда как вместилища жизненных сил человека прослеживающееся в ведийской мифопоэтической традиции. Человек, долгое время отсутствовавший и считавшийся умершим, должен был совершить ритуал возрождения в золотом или глиняном сосуде, наполненном жидким маслом и водой [3, с. 40–41]. Таким образом, присутствие глиняных посуды в составе сопровождающего инвентаря может рассматриваться как составляющая общепонятной идеи последующего возрождения. Не исключено, что семантика погребальной керамики со временем могла изменяться в сторону усиления чисто религиозных моментов. В зороастризме, возникающ-

при переходе от патриархальной общины к раннеклассовому обществу, было принято около умирающего ставить кувшин с ритуальным напитком хаомой как символ жертвоприношения родственникам Ахура-Мазде и другим божествам [64, с. 56]. Можно также предположить, что кровь жертвенного животного, считавшаяся особо ценным продуктом при жертвоприношении, собиралась в сосуд, который устанавливался возле покойника с целью последующей передачи богам. Косвенно на это указывают подтеки красящей жидкости на внешней и темный осадок на внутренней поверхностях сопровождающей керамики, нередко встречающиеся в захоронениях эпохи бронзы. Этнографические данные свидетельствуют, что жрецы пили кровь жертвенного животного, чтобы привести себя в состояние экстаза [41, с. 436].

При отправлении религиозных обрядов использовались деревянные чаши, иногда с бронзовыми оковками краев, которые, по мнению некоторых исследователей, отмечают погребения с выраженными признаками социальной (и сакральной) неординарности [21, с. 65–66; 65, с. 89]. Семантически и, вероятно, функционально с чашами как с ритуальной посудой, изготавливавшейся только из дерева, могут быть связаны деревянные блюда-подносы, известные в погребениях катакомбной и срубной общностей (рис. 27, 3; рис. 65, 4).

Сакральной символикой пронизан весь погребальный обряд, в котором не было места обыденному, профаническому. В процессе постоянных связей и обмена между двумя мирами, земным и потусторонним, функции «посредников» отводились субъектам, которых подозревали в способности непосредственного общения с представителями потустороннего — колдунам, знаха-

рям, ремесленникам. В мифопоэтическом восприятии действительности происхождение ремесла тесно связано с ситуацией сотворения мира демиургом — творческим началом, первым ремесленником. Человек, владеющий тайнами ремесла, как бы воспроизводил те же операции, которые в момент первотворения были под силу только божественным творцам. Поэтому ремесло имело не только хозяйственно-производственное значение, но и было в большой степени сакрализовано, соотносясь с общими космологическими схемами. В ведийской традиции в роли первого божественного плотника выступает творец всех форм Тваштар, вытесавший чашу для сомы [РВ, I, 19]. В гимнах передается миф о трех братьях Рибху, которые благодаря исключительному мастерству плотников получили бессмертие и право на долю сомы в жертвоприношениях [РВ, I, 20; I, 161; 17, с. 450, 496]. Не с сакрализованной ли сферой плотничьего ремесла следует связывать ножи в погребениях эпохи бронзы, возможно, соединяющие военную и хозяйственно-производственную

функции? В погребальных комплексах катакомбной общности нередко встречаются шилья, семантически связанные с ножами, каменными топорами и другими престижными категориями изделий (Колесниковка-II 3/1, Малая Камышеваха 4/2, Ново-Платоновка 5/1). В производственной области шилья в большей степени соответствуют специальностям, ориентированным на обработку шкур, кожи, на пошив одежды, обуви и т. п. Их сочетание с предметами, воплощающими властно-военные функции косвенно указывает на неразделенность управленческой и сакральной сфер.

В более определенном виде сакрализованность ремесла портного проявляется в эпоху поздней бронзы, когда в захоронениях срубной общности шилья образуют семантические пары с бронзовыми иглами (рис. 61, 7; рис. 85, 20, 22). И. Ф. Ковалева отмечает неординарность подобных погребений, полагая, что присутствие в них орудий, связанных с ритуальным пошивом одежды, является знаком избранности, причастности к сокровенным культам, обеспечивающим сохранение мироздания [66, с. 92–93]. Ритуализированный характер прядения, ткачества, пошива одежды, их сопряженность с космогоническими представлениями о создании вселенной, с зачатием и рождением выразительно проявляются в нартском эпосе [67, с. 160].

В целом наблюдается определенная динамика в развитии религиозно-мифологических представлений населения восточнорусской лесостепи в эпоху средней–поздней бронзы. Ранний период среднего бронзового века, представленный памятниками донецкой катакомбной культуры, характеризуется преобладанием мифологических мотивов. Тенденция к воссозданию в структуре погребального памятника акта сотворения мира свидетельствует о существовании развитой космогонической доктрины, основанной на убежденности в бесконечности циклов творения. Смерть означала не окончательное исчезновение, а всего лишь эпизод в череде перерождений. Потусторонний мир, населенный дудами предков, воспринимался как нечто реальное, существующее совсем рядом и грозящее возможностью негативного вмешательства. Отсюда страх перед покойниками, стремление изолировать их от живущих и укрепить границу между земным и потусторонним. Эта цель достигалась созданием подземной камеры-усыпальницы, «закупоркой» ее деревянным закладом, заполнением грунтом входного колодца и, наконец, возведением надмогильного сооружения — курганной насыпи. В отношении лиц, наделявшихся при жизни сверхъестественными способностями, возможно — колдунов, применялись экстраординарные меры — «замыкание» места захоронения кольцевым ровиком или деревянной оградой (рис. 5, 1; рис. 8, 1). Стремление избежать нежелательных последствий проявляется также в создании кенотафов. Этно-

графически засвидетельствовано существование у многих народов архаических представлений о том, что души покойников, не похороненных должным образом из-за отсутствия тела, могут стать вредоносными [41, с. 85].

Вместе с тем предки обладали и большим позитивным потенциалом, они могли обеспечить здоровое мужское потомство, хороший урожай, обильный приплод скота, процветание и благополучие коллектива. Поэтому заметно предельно уважительное отношение к умершим, составлявшее основное содержание погребального обряда. Место захоронения огнем очищали от враждебных сил, в могилу помещали особым образом сложенную шкуру жертвенного животного (череп сверху перекрывает кости конечностей), которое, возродившись, должно было обеспечить благосостояние покойника в «ином» мире. Рядом с телом устанавливались сосуды, содержавшие дары богам. Семейно-родовые связи с «отцами» укреплялись помещением в могилу элементов домашнего очага — углей или золы. В катакомбных погребениях продукты горения нередко содержатся в жаровнях из крупных фрагментов разбитых сосудов. Возможна этимологическая связь между смертью человека и «умерщвлением» предмета, в данном случае — с преднамеренным разбиванием сосуда; этим подчеркивалось предназначение жаровни с содержимым именно умершему, тогда как сосуды с дарами были адресованы богам и не требовали перевода в иное качество. Возможно, захоронения лиц, имевших при жизни прямое отношение к отправлению религиозных церемоний, сопровождалось курильницами как специализированно-культурной категорией посуды, переносными алтарями.

Как символические алтари, отмечавшие причастных к культу членов коллектива, можно рассматривать ниши в погребальных камерах и стенках входных колодцев, неоднократно встреченные в катакомбных захоронениях [68, с. 137, 141, рис. 4, 1, рис. 8, IV; 69, с. 138–139; 70, с. 95].

Идеи очищения от всего земного и последующего возрождения в новом качестве выражались цветовыми символами — известковыми побелками погребального сооружения или его части, подсыпками мела и охры. Локальный характер ритуальных подсыпок, вероятно, отмечает те части тела человека, где, по представлениям современников, концентрировались его жизненные силы — череп, колени и стопы ног.

Потусторонний мир или царство мертвых имели вполне определенные пространственные координаты. В донецких погребениях преобладает ориентировка покойников головой на юг, что при положении тела скорченно на правом боку обращает покойника лицом к востоку. В ведийской религиозно-мифологической традиции север и восток в целом наделялись позитивными качествами, но

страна мертвых располагалась на юге, там царствовал Яма — первый из смертных, проложивший путь остальным, впоследствии — бог смерти [71, с. 27]. В ведийской литературе упоминается великая гора Меру (в более ранних источниках — хребет Меру), находившаяся на севере. На ее вершине пребывают всеисильные боги, находится рай великого бога Индры, и туда слетаются души всех существ [72, с. 40]. Учитывая заметное противоречие в дислокации царства мертвых Ямы и расположении рая Индры можно предположить, что северное направление восходит к более архаичным пластам индоиранской мифологии, ко времени создания вед уже кардинально пересмотренным и сохраняющимся в виде смутных преданий. Может быть, отголоски первоначальных представлений нашли отражение в древнеиндийском обычае укладывать больного и умирающего головой на юг, а на погребальном костре придавать ему диаметрально противоположное направление — головой к северу; в головах покойника, к северу от тела, отводилось место сопровождающей его вдове [73, с. 196–197].

Близкие тенденции прослеживаются и в авестийской религиозной традиции, в которой с югом и востоком связываются обитель богов, рай и центр мироздания, а смерть в виде мухи прилетает с севера [74, с. 19–21; 64, с. 55].

Расположение тел покойников в донецких погребениях соответствует наиболее архаичному комплексу представлений об устройстве мироздания: их укладывали ногами в сторону царства мертвых и лицом к стране богов. Ситуация заметно меняется в позднекатакомбный период, представленный в лесостепи памятниками осколо-донецкого типа. Как уже упоминалось, захоронения этого времени располагались по периферии курганной насыпи, в общем направлении по часовой стрелке, что при сохранении традиционной позиции тела неизбежно приводило к нестабильности ориентировок погребенных по сторонам света (рис. 25). Для столь существенных отклонений от прежней погребальной традиции необходимы были серьезные трансформации идеологической сферы, прежде всего — системы воззрений на устройство вселенной. По всей вероятности, в силу причин стадийно-исторического характера, курган приобретает функцию организации сакрального пространства, выступая как модель макрокосма. Показательно, что эта же функция центра мироздания отличает ведийскую гору Меру и соответствующую ей в авестийской традиции гору Хара Березайти, вокруг которых вращается солнце, звезды и остальные светила [72, с. 40, 54–56].

Определенная близость к космогоническим представлениям племен донецкой катакомбной культуры прослеживается в содержании погребального обряда общности многоваликовой керамики, пред-

ставляющей культурно-историческое явление, в общем синхронное позднекатакомбным памятникам осколо-донецкого типа. Эта близость, вероятно, основывается не на генетической связи, а на сходных уровнях религиозно-мифологических воззрений, характеризующих эпоху в целом. Ориентировка тел погребенных по сторонам света интегрируется идеей о расположении страны предков или царства мертвых на севере: в северную сторону обращены лица покойников в составе 1-й обрядовой группы и туда же направлены ногами костяки в захоронениях 2-й обрядовой группы. Попытки воссоздания в погребальном памятнике акта первоначального творения мира можно видеть в существовании «длинных» (яйцевидных?) насыпей, в большинстве случаев связанных с социально-неординарными захоронениями (Жопани-П, курган № 1; Егоровка-I, курган № 1). В данном случае сложная внутренняя структурная символика заменяется упрощенной передачей внешнего образа. В погребальном ритуале важная роль отводится огню, с выраженной очистительно-оградительной функцией. На это указывают кострища, локализованные вблизи могильной ямы или занимающие всю подкурганную площадку (Петрополье, курган № 2; Каменка, курган № 1), а также сожжение деревянно-растительной обкладки склонов курганной насыпи (Михайлики, курган № 1). Другие функции огня, жертвенная и семейно-родовая, проявляются не так выразительно.

Заметны различия в содержательной части погребального ритуала, в его эсхатологической направленности. Вера в загробное существование души умершего выражается в создании погребального памятника, в существовании внутримогильных деревянных конструкций, вероятно, имитирующих земное жилище, в сохранении цветовой символики очищения и возрождения (известковые побелки, органические подстилки, подсыпки мела, окры), в помещении в могилу шкуры жертвенного животного с черепом и костями конечностей, но она лишена того потенциально-негативного заряда, что у населения катакомбной культурно-исторической области. Погребение не преследует цели надежной изоляции покойника: могильные ямы просторные и относительно мелкие, более половины их не имело перекрытий. Культ предков, по всей видимости, имеет положительную направленность, от «отцов» ожидается содействие и помощь. Безинвентарность большинства захоронений многоваликовой общности может рассматриваться как свидетельство того, что в процессе постоянного обмена между земным и потусторонним акцент смещен из предметной сферы в сферу символическую, в нематериальную область погребального обряда. Косвенно на это указывают и остатки тризны на околмогильных площадках.

Появление в восточнорусской лесостепи племен срубной общности означало возобладание иной религиозно-мифологической концепции, существенно отличающейся от представлений местного населения предшествующего времени. Прежде всего, отличия проявляются в диаметрально противоположной дислокации царства мертвых. Ориентировка костяков в погребениях 3-й и 4-й ОГ предполагает движение в южном направлении, что в целом соответствует ведийской традиции. Опасения негативного вмешательства покойников, видимо, наделявшихся при жизни особой сакральной силой или сверхъестественными способностями, заметны в стремлении «замкнуть» место захоронения особыми конструкциями в виде кольцевого ровика или каменного кромлеха. Важно отметить, что, в отличие от предшествующего времени, они всегда имеют небольшие «проходы», направленные к югу или северу (рис. 62, 1; рис. 63, 1; рис. 70, 1). В единичных случаях подкурганные ровики сплошные (рис. 72, 1). По-видимому, речь может идти о градации степени опасности усопшего для общества.

Забота о покойниках, желание обеспечить их беспроblemное существование в потустороннем мире находят отражение в использовании огненного ритуала для очищения места захоронения от враждебных сил, в сооружении деревянных «жилищ» в могилах, в помещении туда сосудов с ритуальным содержимым и шкур или отдельных частей тела жертвенных животных, в символических действиях. В то же время заметно возрастает жертвенная функция огня: кострища с кальцинированными костями животных на околмогильных площадках, на дне кольцевых ровиков или в насыпях курганов свидетельствуют о практике особых обрядов жертвоприношения, адресованное не душе сородича, а богам, от которых зависело ее дальнейшее существование. На функциональное отделение чисто религиозных обрядовых церемоний от традиционного культа предков указывают также культовые площадки, в контексте ведийской мифопоэтической традиции предназначавшиеся для помещения божеств, незримо присутствовавших на церемонии. С этих позиций следует рассматривать домашние алтари-жертвенники в жилищах и общинные святилища на территории поселений эпохи поздней бронзы.

Таким образом, в позднем бронзовом веке культ предков постепенно уступает позиции культу богов, воспринимаемых в общественном сознании как сверхъестественные силы, в той или иной степени антропоморфизированные, от которых при соблюдении соответствующих норм поведения и правил, закрепленных в ритуале, можно добиться благоприятного результата. Вера пока еще имеет функциональный характер, в ней нет безусловного и безоговорочного подчинения.

ГЛАВА 2

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Социальные отношения — один из наиболее сложно реконструируемых на основании археологических источников аспектов истории древних обществ. Повышенный интерес исследователей именно к погребальным памятникам объясняется их многочисленностью, очевидной символическостью и значимостью для современников и информационной насыщенностью, позволяющей с большей или меньшей степенью достоверности воссоздавать идеологическую, социальную, культурную сферы давно исчезнувших народов. Их значение тем более возрастает, что для отдаленных эпох, в частности для бронзового века, не имеется других, полноценных источников. Проблема интерпретационных возможностей погребальных памятников в социологических реконструкциях имеет весьма значительную историографию, включающую как теоретико-методологические разработки, так и целенаправленные исследования конкретных археологических культур [75; 76; 77; 78; 79; 80; 81; 82 и др.].

В основе социологического анализа лежит сформулированное еще в конце прошлого века положение о прямо пропорциональной связи между общим количеством труда, затраченного в процессе создания погребального памятника, и социальным статусом покойника в обществе [83, с. 133–143]. На качественно новом уровне это направление получило разработку в монографии В. М. Массона, исследовавшего взаимосвязи между идеологией и общественными отношениями, между социальной стратификацией и обрядовой дифференциацией [84, с. 149–176]. Социальная структура проецируется на погребальный памятник и получает овеществленное выражение в виде наличия или отсутствия индивидуального надмогильного сооружения, размеров и сложности погребальной конструкции, полноты комплекса обрядово-ритуальных признаков, состава и характера сопровождающего инвентаря. Это позволяет в процессе исследования выделять группы захоронений в диапазоне от «очень богатых» до «очень бедных», от социально значимых до неполноправных, что, по мнению большинства исследователей, отражает реальный состав общества, хотя существует и противоположная точка зрения [85, с. 10].

Как один из важных показателей социальной неординарности может рассматриваться размер курганной насыпи над основным захоронением. Подобная зависимость отмечалась для погребальных памятников эпохи ранней бронзы [86, с. 54–55; 87, с. 67]. При средних размерах донецких катакомбных курганов 18–25 м и высоте до 1,5 м,

насыпи диаметром 40–60 м, высотой 2,5–4 м (Ковалевка, к. № 3; Колесниковка-II, к. № 3; Веселое-I, к. № 2) представляют явление, выходящее за рамки обыденности и предполагающее значительные трудовые затраты. Показательно, что во всех указанных случаях фиксируется сложная структурная символика курганов, возможно, моделирующая создание вселенной или отражающая определенную религиозную церемонию, вызванную чрезвычайными обстоятельствами. Об исключительном, даже для современников, значении крупных курганов свидетельствует и их относительная редкость в пределах рассматриваемого региона. По всей вероятности, создание больших курганных насыпей подобало только лицам, занимавшим при жизни высшие ступени социальной иерархии.

Возведение любого кургана требовало объединенных усилий всего коллектива, к которому принадлежал умерший, что неминуемо должно было сказаться на хозяйственном цикле. В силу этого трудоемкий процесс создания погребального сооружения и надмогильной конструкции сам по себе указывает на привилегированное положение умершего в обществе, которое воздаст ему должное и после смерти. Вероятно, прав А. Т. Синюк, полагающий, что в эпоху бронзы в курганах хоронили только представителей высшего социального ранга [88, с. 10]. Следует, однако, учитывать, что могла существовать определенная градация размеров курганов, не в последнюю очередь обусловленная значением и потенциалом возводивших их социальных единиц разного уровня, от патриархальной общины и рода до племени и, не исключено, более крупного объединения — союза племен. Поэтому величина курганов, прямо отражающая объем трудовых затрат, может рассматриваться как показатель общественного положения погребенного.

Особого внимания заслуживает вопрос о досыпках над впускными захоронениями. В донецкое время досыпками курганов в большинстве случаев сопровождалась катакомбные погребения, совершенные в центральной части насыпей предшествующих эпох энеолита или ранней бронзы. Характерным примером является донецкое захоронение 5/3-а группы Красная Гусаровка-А, наполовину разрушившее основное древнейшее погребение 3 и повлекшее за собой глобальную досыпку, значительно увеличившую размеры первой насыпи. Подобные стратиграфические ситуации неоднократно фиксировались в лесостепных курганах эпохи ранней-средней бронзы (Шпаковка, к. № 2; Вербовка, к. № 3; Борщовка, к. № 2 и др.). Видимо, в таких случаях речь может идти

«переприсвоении» насыпей, создатели которых были неизвестны, и следовательно «ничьих». Досыпка воспроизводила возведение кургана, и он обретал нового владельца.

Правомерность сопоставления актов создания кургана и досыпки существовавшего как индикаторов социального аспекта погребального обряда подтверждается анализом размеров погребального сооружения — могилы. В 35 учтенных захоронениях взрослых субъектов, основных под курганными насыпями, средние размеры погребальных камер катакомб составили $2,0 \times 1,3$ м, при крайних показателях $2,9 \times 1,75$ (Ново-Платоновка 2/7) и $1,5 \times 1,2$ м (Веселое-I 7/1). Практически идентичные средние размеры погребальных камер характеризуют 10 взрослых донецких захоронений, сопровождавшихся глобальными досыпками существовавших курганов. Вместе с тем, корреляция размеров погребального сооружения и курганный насыпи показывает, что прямая зависимость между ними отсутствует. Так, под 4-метровым курганом № 2 у с. Веселое, имевшим сложную структурную символику, выделяющую его из общего ряда памятников среднего бронзового века, находилась катакомба основного захоронения 1 с размерами погребальной камеры $1,5 \times 1,2$ м [6, с. 111]. Над основным донецким погребением 1/3 группы Ново-Платоновка, с размерами погребальной камеры $1,52 \times 1,65$ м, была возведена насыпь диаметром 50 м и высотой 1,1 м [68, с. 134]. Следует учитывать, что размеры погребальных камер впускных захоронений, не сопровождавшихся зафиксированными стратиграфически досыпками, не намного меньше, в среднем $1,8 \times 1,1$ м при весьма значительных возможных отклонениях в обе стороны. Поэтому размеры погребального сооружения нетекстурных оснований считать стабильным показателем социального статуса покойника.

В ряде случаев можно предполагать существование родственных связей между погребенными. Курган № 3 группы Колесниковка-II был возведен над захоронением взрослого мужчины, расположенным в центре под курганный площадки. Спустя какое-то время в центральную часть насыпи, в С и З от основного погребения, были впускены еще два захоронения, которые, судя по составу и характеру сопровождающего инвентаря, могли принадлежать женщинам (рис. 4–6). С еще большей долей вероятности родственные отношения между покойниками можно предполагать в отношении кургана № 1 у с. Пески Радьковские, в котором в насыпь над погребением взрослого мужчины были впускены погребения женщины с ребенком и подростка (рис. 7). Характерная стратиграфическая ситуация прослежена в кургане № 2 группы Гусаровка-I, в котором первая небольшая насыпь была создана над донецким захоронением в яме с деревянным перекрытием, со-

державшим костяки женщины и ребенка 4–5 лет. Спустя какое-то время к Ю от него было совершено впускное погребение мужчины в обширной катакомбе, сопровождавшееся глобальной досыпкой (рис. 10). В данном случае возведение кургана над захоронением женщины с ребенком может рассматриваться как свидетельство их принадлежности к высшему социальному слою общества. Обращает на себя внимание, что в этом двойном погребении именно костяк ребенка (мальчика?) находился в традиционной позиции — скорченно на правом боку головой к Ю, тогда как женщина была уложена на левом боку, лицом к ребенку, что представляло известное отклонение от принятого ритуала. Досыпка над захоронением мужчины могла подчеркивать его положение главы семьи. Вероятно, как близкую по содержанию следует расценивать стратиграфическую ситуацию в кургане у с. Кравцовка (рис. 14).

О доминирующих позициях мужчины в обществе свидетельствует погребение в кургане № 2 у «Гострой могилы», произведенное в двухкамерной катакомбе с Т-образным сопряжением погребальных камер и трапециевидного в плане входного колодца. В западной камере с закладом из дубовых плах и костями жертвенного животного находился костяк мужчины средних лет, лежавший скорченно на правом боку головой на Ю и сопровождавшийся бронзовым ножом и каменным навершием булавы. В восточной камере была захоронена женщина, также уложенная скорченно на правом боку головой на Ю, но развернутая спиной ко входу. Перед ее лицом стоял круглодонный сосуд. На дне колодца, ближе к восточной камере, расчищен костяк ребенка примерно двухлетнего возраста, лежавший на органической подстилке, скорченно на правом боку головой на В. У его правого плеча найдено костяное шило, окрашенное охрой [7, с. 328]. В данном случае все требования ритуала были соблюдены в отношении мужчины и ребенка, тогда как в позиции женщины идея следования за «мужем» возобладали над традиционными предписаниями о положении тела в погребальном сооружении.

Приведенные примеры дают основания полагать, что уже в донецкое время курган имеет характер коллективной усыпальницы социальных единиц, занимавших высшие ступени в социальной иерархии. Такой подход в известной мере снимает вопрос о социальной стратификации основных и впускных захоронений, хотя в условиях подвижного образа жизни возможны разные ситуации, требующие специального анализа в каждом конкретном случае.

О привилегированном в системе общественных отношений положении субъектов, погребение которых сопровождалось возведением кургана или досыпкой уже существовавшего, свидетельствует

состав и характер сопровождающего инвентаря. Предметы, помещаемые в могилу и предназначенные служить покойнику в потустороннем мире, либо представляли его личную собственность при жизни, либо были в собственности семейной общины или рода. К первой категории сопровождающего инвентаря могут быть отнесены изделия функционально-престижного, функционально-утилитарного и функционально-сакрального характера (инсигнии власти, предметы вооружения, производственный инвентарь, курильницы, ступки и пестики, каменные «алтарики» и проч.). Глиняная посуда и жертвенный скот находились в семейно-родовом владении и, следовательно, включением в содержание погребального обряда выводились из хозяйственного обращения, что само по себе указывает на особый статус покойника. Таким образом, предметы личной собственности фиксируют индивидуальный социальный ранг погребенного, тогда как предметы семейно-родовой принадлежности указывают на его общественное положение как представителя привилегированной социальной группы — семейной общины или рода. Этнографические данные свидетельствуют о том, что в родовом обществе любой лидер в общественном мнении осознается как представитель того коллектива родственников, к которому он принадлежит по происхождению и который через него реализует свои претензии на соучастие во власти [89, с. 99]. В то же время, присутствие в погребении предметов, относимых к инсигниям власти, объективно указывает на их индивидуализированный характер, на то, что власть рассматривалась не как наследственная привилегия, а как избранничество, обусловленное личными заслугами.

Предметы, помещаемые в могилу с покойником, в контексте погребального обряда приобретали символическое значение, воплощая в большей степени функцию, чем практическое предназначение. При таком подходе становится объяснимым наличие в составе сопровождающего инвентаря разнородных изделий, отражающих символическую связь усопшего с сакрализованными сферами общественной и производственной деятельности. В этой связи представляется правомерной и обоснованной точка зрения А. Т. Синюка о том, что в подобных случаях речь должна идти о престижности определенных профессий, возможно, отождествляемых в религиозно-мифологическом плане с действиями демиурга, а не о представителях конкретных ремесленных специальностей [88, с. 10–11]. Иначе в погребальных памятниках был бы представлен весь спектр профессий, существовавших в данном социуме и необходимых для обеспечения его жизнедеятельности.

Имеющиеся к настоящему времени по лесостепному региону данные не позволяют однозначно

утверждать существование внутренней дифференциации погребений с выраженными признаками социальной неординарности. В рамках принятого в настоящей работе подхода к погребальному памятнику (индивидуальной насыпи или досыпке) как к основному признаку привилегированного общественного положения, представляется возможным фиксировать преобладание в семантике захоронения одной из двух основополагающих функций — религиозной или властной, при нередком сочетании признаков обеих. К первой следует относить структурную символику погребального памятника, выходящую за личностный уровень, нетрадиционный способ обращения с останками покойника (кремацию), присутствие в сопровождающем инвентаре предметов с очевидным для современников сакральным значением. Рассмотрим реконструируемую ситуацию на конкретных примерах.

В основном погребении 3/1 группы Колесниковка-II, имевшем сложную структурную символику насыпи и погребальной конструкции, воссоздающих первояйцо как основу создания мира, покойника сопровождали бронзовые нож и шило и костяные проколки (рис. 5). Моделирование процесса первотворения оправданно в отношении человека, имевшего при жизни непосредственное отношение к культуре и наделявшегося особой сакральной силой (колдуна или жреца). Присутствие в могиле орудий, сопряженных с ремеслом, в частности — с раскроем и пошивом одежды, занятиями, в индоиранской традиции символизирующими создание вселенной, вполне уместно и подчеркивает причастность покойника к сокровенным тайнам. Подобный подход возможен также в отношении захоронения 2/1 группы Веселое-I, имевшего аналогичную структурную символику курганной насыпи. Отличие заключается в безинвентарности погребения, над которым был возведен 4-метровый курган. Можно предположить, что лица, наделявшиеся особой сакральной силой и могуществом, воспринимались как представители «чужого» в мире людей и обычные нормы погребального обряда на них могли не распространяться. Следует отметить, что безинвентарными были также два погребения-кенотафа в кургане № 3 у с. Граково, с зафиксированными на подкурганной площадке остатками деревянной ограждающей конструкции (рис. 9). Отсутствовал инвентарь и в катакомбе погребения 3/2 группы Гусаровка, сопровождавшегося глобальной досыпкой существовавшей насыпи (рис. 10, 4).

Как признак сакральной неординарности можно рассматривать помещение остатков кремированного покойника в катакомбу погребения 5/1 группы Колесниковка-II (рис. 11, 1–3). Такое значительное отклонение от традиционного ритуала должно было иметь причины, выходящие за при-

вычные рамки обыденности. В концептуальном плане сожжение человека семантически сопоставимо с сожжением частей тела жертвенного животного, предназначенного божествам. Обращает на себя внимание, что планиграфическое расположение сопровождающего инвентаря в погребальной камере соответствует захоронению по обряду ингумации.

О причастности погребенного к отправлению религиозных действий свидетельствует присутствие в составе сопровождающего инвентаря предметов с сакральной семантикой. К их числу относятся небольшие каменные зернотерки или ступы и пестики, встречающиеся в погребальных камерах донецких катакомб, основных под курганами (Станиславка 6/1) или сопровождавшихся глобальными досыпками (Вербовка 11/5) [37, с. 189, рис. 116, 3; рис. 124, 1] (рис. 21, 6). Некоторые исследователи полагают, что эти изделия символизировали атрибуты божества смерти и были призваны укрепить границу между земным и потусторонним мирами [90, с. 192]. Не отрицая возможности подобного истолкования каменных предметов в содержании погребального обряда, отмечу, что в индоиранской традиции ступка и пестик определенно соотносятся с понятиями «верхний» и «нижний», «мужской» и «женский», отождествляются с гениталиями и таким образом входят в широкий круг идей, связанных с зачатием, рождением и плодородием [20, с. 39]. Такая семантика сопоставима с образом первотворения, моделируемым в структуре погребального памятника, и в большей степени соответствует сакральной неординарности захоронения.

Нельзя также исключать возможность сопричастности к культу погребенных, захоронение которых производилось одновременно с индивидуализированным захоронением животного, которое, как уже отмечалось, могло представлять земную инкарнацию определенного божества.

Преобладание властной функции в социально неординарных погребениях фиксируется по присутствию в сопровождающем инвентаре инсигний власти, предметов вооружения и орудий, связанных с сакрализованными сферами производства. К инсигниям власти большинство исследователей относят каменные навершия булав и каменные полированные топоры [91, с. 82; 92, с. 66–70; 93, с. 78]. В основном захоронении 2/7 группы Ново-Платоновка-I обнаружено роговое навершие в виде небольшого топорика, имевшего деревянную рукоять, прослеженную на протяжении 0,3 м (рис. 21, 15) [68, с. 137, рис. 4, 1]. В стенке погребальной камеры, в ногах погребенного, была вырезана полукруглая ниша, трактуемая как алтарь. Сочетание культового элемента (алтаря) и символа власти (навершия) свидетельствуют о неразделенности сакральной и властной функций (вождь-жрец).

Можно предполагать сакрализацию и самого навершия посоха или жезла. В индоиранской мифопоэтической традиции жезл или посох с роговым или каменным навершием выступает как символ могущества и связи со сверхъестественными силами, им одним герой побеждает целые полчища врагов [94, с. 347; 95, с. 81].

В мужском погребении 2/4 группы «Гостра могила» каменное навершие булавы обнаружено в сочетании с бронзовым ножом и отщепом кремня [7, с. 328]. Нож, как орудие полифункциональное в использовании, мог в данном случае воплощать военную функцию, чему не противоречит присутствие кремневого отщепа как части (сегмента) производственного процесса по изготовлению наконечников стрел. В более выраженном виде военная функция присутствует в захоронении 7/1 группы Веселое-I, содержащем кремневые наконечник копья и наконечники стрел (рис. 22, 1–8) и захоронении 10/5 у с. Вербовка, в инвентаре которого присутствовал кремневый наконечник копья (рис. 22, 10) [6, с. 117; 37, с. 179]. Вероятно, как выражение властно-военной функции следует расценивать состав инвентаря в погребении 1/5 у хут. Черевков, включавшего бронзовые нож и шило, кремневые отщепы, 3 кремневых наконечника стрел, каменные «выпрямители» древков стрел, оселки и створки пресноводных раковин [7, с. 265–266]. В этом случае семантическая связка нож-шило, как уже отмечалось, выражает причастность к сакрализованным специальностям, тогда как военная функция проявляется в символизации производственного процесса по изготовлению наконечников и древков стрел. Большую степень близости в составе и семантической нагрузке сопровождающего инвентаря обнаруживает захоронение 15/3 у с. Каменка, в котором выявлены бронзовые нож, шило, крюк, костяные проколки и 7 кремневых наконечников стрел [96, с. 300]. Бронзовый нож, кремневый наконечник копья, точильный брусок, остатки простого лука и костяное кольцо для натягивания тетивы найдены в основном погребении 5/7 у с. Каменка [7, с. 277]. Очевидно, что совмещение в погребении предметов, символизирующих разные сферы общественной и производственной деятельности, имело целью не подчеркнуть прижизненную специализацию покойника, а отметить его социальный статус как носителя властной функции, в древности неразрывно связанной с военным аспектом (защита коллектива — важнейшая прерогатива вождя). В донецких погребальных комплексах изделия производственного характера встречаются относительно редко и обычно сочетаются с «престижными» категориями сопровождающего инвентаря.

В целом, в лесостепи донецкие захоронения с признаками социальной или сакральной неординарности, выраженными в структуре погребального сооружения или в составе и характере сопро-

вождающего инвентаря, встречены в 20 случаях, что составляет около 16 % всей выборки или около 36 % от числа основных и сопровождавшихся досыпками погребений. В то же время, по другим признакам погребальной обрядности (органические подстилки под костяками, цветовая обрядовая символика, продукты горения, инвентарь, кости жертвенных животных) они не имеют существенных отличий от основной массы донецких захоронений.

В позднекатакомбном периоде, представленном памятниками осколо-донецкого типа, тенденция к превращению кургана в родовую (семейную?) усыпальницу становится очевидной. Принадлежность к привилегированным коллективам, обладавшим правом возведения погребальной памятника, подтверждается получившими распространение локальными досыпками, вероятно, не столько призванными укрепить нарушенную границу между земным и потусторонним, сколько подчеркнуть положение в системе общественной иерархии. В первую насыпь кургана № 7 группы Ново-Платоновка-I, созданную над основным мужским погребением 3, было впущено детское захоронение 2, сопровождавшееся досыпкой. Спустя какое-то время в западной поле образовавшегося кургана было совершено погребение 1, содержащее костяки женщины и девочки-подростка [68, с. 140-142, рис. 8]. Еще более выразительно ситуация проявляется в кургане № 1 группы Станиславка-I, насыпанном над основным древнеямным захоронением. В западную полу были впущены 4 погребения, повлекшие за собой локальные досыпки, причем, погребения 6 и 9, принадлежавшие женщине и ребенку, перекрывались общей досыпкой. Окончательное оформление насыпи связано с парным захоронением 8 (мужчина и женщина). Позднее в восточном секторе насыпи были совершены погребения двух детей (рис. 25, 3). В кургане № 1 у с. Вышее Соленое три впускных захоронения, произведенные в западном, северном и восточном секторах, сопровождались общей глобальной досыпкой. Самое позднее погребение было впущено в южный сектор насыпи (рис. 25, 6). Планиграфия впускных осколо-донецких захоронений в пределах курганной насыпи, как и отсутствие взаимных нарушений, свидетельствуют о том, что они производились по определенной системе, подтверждающей отношение к кургану как к коллективной усыпальнице.

Вероятно, для этого периода можно определенно говорить о сложившейся системе социальной дифференциации, в которой сама принадлежность к «знатым» родам гарантировала привилегированное положение в обществе. На это красноречиво указывают курганы и досыпки над погребениями детей и подростков. Курган № 2 группы Малая Волчь-I был возведен над катакомбой с костяком

подростка и досыпан после совершения впускного захоронения подростка. С впускными погребениями подростков связаны досыпки кургана № 1 группы Вишневка-II и кургана № 1 группы Охримовка-I. В подобных случаях речь должна идти не о личных заслугах, маловероятных уже в силу возрастных показателей, а о реализации наследственной привилегии. Отмеченное явление находит объективное подтверждение в присутствии в захоронениях детей и подростков предметов, относимых к инсигниям власти. В двойном погребении 8/3 группы Станиславка-I костяки мальчика-подростка и взрослой женщины лежали параллельно, в идентичных позициях. Возле локтевых суставов подростка находился небольшой каменный топор с круглым проухом, в головах, под развалом сосуда, расчищена шлифованная каменная плитка (рис. 44, 5-6). Также в двойном захоронении (женщина и ребенок) 2/3 группы Охримовка-I возле костяка ребенка обнаружено роговое навершие в виде топорика-клевца с цилиндрическим проухом (рис. 46, 11). Погребения детей с инсигниями власти некоторыми исследователями рассматривается как признак обособившейся социальной группы, передающей этот статус по наследству [40, с. 271].

В погребениях взрослых субъектов в качестве показателей высокого общественного положения выступают каменные топоры, предметы вооружения из бронзы, камня и кремня. Каменные полированные топоры семантически сопоставимы с каменными или роговыми навершиями жезлов как символов властной функции. Изображения топоров на древних антропоморфных стелах позволяют рассматривать их как атрибуты родовых старейшин или вождей племен [97, с. 187]. Н. Я. Мерперт предположил, что топоры могли воплощать не только властную или военную, но и сакральную функцию [98, с. 170]. Подтверждением этому является орнамент на топоре из основного катакомбного захоронения 1/1 группы Залиман-II. На боковых поверхностях топора имеется рельефное изображение в виде двух сливающихся овалов, напоминающее двулезвийную секиру-лабрис (рис. 44, 2). Похожий рельеф на каменном топоре из катакомбного погребения 2/18 у с. Баратовка И. Н. Шарафутдинова сопоставляет с ритуальной символикой верховного божества в Микенах и на Крите [92, с. 68]. Следует отметить, что «лабрисовидные» знаки встречаются на обширных пространствах Евразии начиная с эпохи неолита [99, с. 193]. С двулезвийной секирой изображался один из главных богов прибалтийских славян Радегаст [100, с. 45]. Возможно, подобные изображения восходят к эпохе индоевропейского единства, как символы божества неба. Во всяком случае, такое предположение правомерно в отношении декора топоров из катакомбных погребальных памятников.

В составе сопровождающего инвентаря топоры иногда сочетаются с предметами, относимыми к сакрализованным сферам производства, в частности, к пошиву одежды. В основном захоронении 4/2 у с. Малая Камышеваха две половинки сломанных топоров были сложены так, что образовывали как бы целый экземпляр, а рядом с ними лежали бронзовые нож и шило и костяная проколка [7, с. 204–205, табл. IV, рис. 2]. В погребении 5/2 группы Ново-Платоновка-I вместе с каменным топором найдено бронзовое шило [48, с. 139, рис. 6, II].

В контексте погребального обряда с семантикой каменных топоров, воплощающих в большей степени властную и культовую функции, сопоставимо значение бронзовых ножей, объединяющих военную и производственную функции. В лесостепи ножи во всех известных случаях сопровождали захоронения либо основные под курганными насыпями, либо повлекшие за собой досыпки курганов. В кургане № 5 группы Ново-Платоновка погребение с бронзовым ножом выступало в роли основного при впускном с каменным полированным топором [48, с. 138–139]. Известны находки ножей в сочетании с бронзовым шилом, каменным оселком и кремневыми отщепами (Герасимовка 4/1), с каменными выпрямителями древков стрел (Сеньково 1/1), с каменным пестовидным орудием (Залиман-II 2/1).

Вероятно, чисто военную функцию символизируют кремневые наконечники копий и дротики, не исключено — кремневые кинжалы. Показательна ситуация кургана № 9 группы Колесниковка-II, в котором в центре подкурганной площадки находилось погребение мужчины с кремневым наконечником, а к юго-западу от него одновременно было совершено захоронение женщины и ребенка (рис. 26).

Представляется, что погребения людей, причастных к тайному знанию, символизируемому сакрализованными отраслями ремесла, отмечают «производственные» наборы сопровождающего инвентаря. В погребениях осколо-донецкого типа они в большинстве случаев связаны с ремеслом мастера по изготовлению стрел и, возможно, луков, что позволяет связывать эту специальность с военной функцией. В наборах присутствуют выпрямители древков стрел, роговые отжимники, каменные бруски или плитки, иногда — конечный продукт в виде готовых наконечников стрел (Колесниковка-II 2/1; Ново-Платоновка-I 7/3; Безмятежное 1/5) [37, с. 90; 68, с. 141–142, рис. 9, 7–12]. Заслуживает внимания сочетание в одном комплексе (Красная Гусаровка-B 3/1) каменных выпрямителей древков стрел, кремневых отщепов, каменных плиток, костяных «челночков» и деревянной палочки с поперечными желобками (рис. 46, 13–17, 20) [101, с. 111–112, рис. 14, 3–16]. Костяные «челночки», вырезанные из рас-

колотых вдоль трубчатых костей животных, известны в катакомбных захоронениях. В материалах разрушенного погребения «Кубаевой могилы» на р. Оскол они ситуационно могут быть связаны с выпрямителями, роковым отжимником, кремневыми отщепами и кремневыми наконечниками стрел с выемкой в основании [102, рис. 3]. В литературе уже высказывались обоснованные сомнения в единстве этого комплекса, сочетающего разновременные предметы [103, с. 232]. По аналогии с красногусаровским захоронением такая связь представляется вполне оправданной. В погребении маньчского типа 106/14 могильника Новый в бассейне р. Сал «челночки» входили в состав сопровождающего инвентаря вместе с бронзовыми ножами, шилом, теслом, каменным пестом и кремневыми отщепами [90, рис. 4, 15–23]. О производственном назначении этих изделий определенно судить трудно, но их сопряженность с частями вертикального ткацкого станка в погребении позднего бронзового века у с. Пелагеевка в Поингулье позволяет предполагать их принадлежность к ткацкому производству [104, с. 84, рис. 9]. Как уже отмечалось, прядение, ткачество, пошив одежды относились к сакрализованным сферам деятельности [67, с. 160].

Как свидетельство социальной дифференциации общества в позднекатакомбное время могут рассматриваться случаи неравноправного расположения костяков в пределах погребального сооружения. Во впускной катакомбе 2/5 группы Ново-Платоновка-I, сопровождавшейся костями двух особей крупного и двух особей мелкого рогатого скота, уложенными на дне входного колодца, расчищены скелеты двух мужчин большого роста, лежавших последовательно, один в ногах другого, причем один находился в традиционной для катакомбного ритуала позиции скорченно на правом боку, а другой — скорченно на спине [68, с. 136, рис. 2, VI]. Аналогичное сочетание расположения и позиций двух взрослых субъектов зафиксировано в погребении 1/4 у с. Безмятежное [37, с. 88, рис. 51, 1]. Положение погребенного скорченно на спине представляет явную реплику древнейшей погребальной обрядности, но делать вывод о социальной неравноправности остатков автохтонного населения было бы преждевременно, так как известны катакомбные захоронения со скорченными на спине костяками, сопровождавшимися предметами, относимыми к категории инсигний власти (Ново-Платоновка-I 3/2) [68, с. 137, рис. 4, III, рис. 5, 6]. Последовательно могут располагаться погребенные, находящиеся в одинаковых позициях, как в погребении 1/2 у с. Безмятежное, где подросток находился в ногах взрослого человека [37, с. 82, рис. 49, 2]. В захоронении 2/3 группы Охримовка-I костяк женщины располагался в ногах ребенка, сопровождав-

шегоса роговым навершием жезла (рис. 27, 1). Подобное расположение покойников в могиле может рассматриваться как признак их разного социального статуса [105, с. 31].

На существование неполноправной, зависимой группы в составе катакомбного сообщества указывают также захоронения людей во входных колодцах катакомб, при наличии основных погребенных в погребальных камерах. В погребении 1/8 группы Станиславка-I в камере находились костяки мужчины и женщины, уложенных параллельно в одинаковой позиции. На дне входного колодца расчищены останки взрослого человека, лежавшего скорченно на правом боку головой на Ю (рис. 27, 5). Есть данные о «сопутствующих» погребениях во входных колодцах катакомб в курганах у с. Грушеваха на р. Берека [106, с. 307]. В лесостепном Подонье скелет мужчины на дне входного колодца лежал ничком, производя впечатление небрежно сброшенного в яму тела [107, с. 33]. Периферийное расположение в пределах погребального сооружения, невыразительность или полное отсутствие следов обрядово-ритуальных действий указывают на то, что подобные захоронения представляют не объект погребальной церемонии, а элемент сопровождения, наряду с сопутствующим инвентарем и костями жертвенных животных. Это позволяет видеть в них погребения представителей неполноправных, зависимых слоев населения.

Существование социальной дифференциации общества прослеживается и на материалах погребальных памятников общности культур многоваликовой керамики. Признаками высокого положения в системе общественной иерархии следует считать возведение курганной насыпи или досыпку существовавшей. Именно с такими погребениями, условно относимыми к категории привилегированных, связаны случаи использования огненного ритуала и наиболее полный комплекс обрядово-ритуальных признаков. Возможно, создание овальных в плане (яйцевидных?) насыпей, сжигание древесно-травяной обкладки склонов отмечают захоронения лиц, имевших при жизни непосредственное отношение к культуре или наделявшихся сверхъестественными способностями.

Важным показателем привилегированного положения является наличие внутримогильной деревянной конструкции в виде рамы или сруба, часто сочетающейся с деревянным перекрытием. Заслуживает внимания то обстоятельство, что ограничение внутримогильного пространства особой конструкцией семантически сопоставимо с ролью погребальной камеры в катакомбе, но в погребениях общности многоваликовой керамики является признаком избранничества, особого социального статуса покойника. Показательно, что срубы или рамы зафиксированы в 71 % основных захоронений. В то же время, они присутствовали почти

в каждом четвертом впускном погребении, что подтверждает высказанное ранее предположение о подкурганном захоронении как о привилегии определенных социальных единиц (семей или родов). С погребениями в срубах связаны единичные в лесостепном регионе находки предметов вооружения и орудий производственного назначения. В захоронении 1/5 группы Князево-I в ногах погребенного мужчины находились 6 кремневых наконечников стрел с остатками древков, первоначально помещенные в кожаный колчан, а у пяточных костей расчищены два массивных костяных кольца, предположительно использовавшихся для натягивания тетивы лука (рис. 49, 2-10). Также в ногах погребенного, в северо-восточном углу сруба погребения 1/1 группы Красная Гусаровка-«Г» обнаружены каменные плитка и выпрямитель древков стрел, роговой отжимник и кремневый отцеп, у локтевого сустава левой руки — массивное костяное кольцо (рис. 49, 11-16). Эти комплексы, как и в охарактеризованных выше катакомбных памятниках, могут быть истолкованы как символизирющие военную и властную, через приобщенность к сакрализованным сферам производства, функции.

Возможно, ниже в системе социальной иерархии находились субъекты, захороненные в ямах с бревенчатыми накатниками и сопровождавшиеся глиняной «ляжкой» и каменным пестовидным орудием (Копанки-II 1/1) и кремневым наконечником стрелы (Егоровка-I 1/1), хотя в обоих случаях речь идет о погребениях основных под курганными насыпями (рис. 50).

Следует отметить, что в среде носителей традиции многоваликовой орнамента керамики отчетливо прослеживается тенденция к дифференциации захоронений по половому признаку. Речь идет о костяках скорченных на правом боку и ориентированных головой на В составе 1-й обрядовой группы и скорченных на правом боку и направленных головой к Ю костяках в составе 2-й обрядовой группы, которые, как отмечалось выше, есть основания отождествлять с погребениями женщин. Бинарность позиций в содержании погребального обряда в целом соотносится с авестийской мифопоэтической традицией, в которой мужчина находится в семантической связи с первочеловеком, солнцем и левой стороной, а женщина — с первоскотом, луной и правой стороной. Позиция умершей женщины на правом боку символизировала возвращение природе жизненной силы и способности к воспроизводству. В то же время, бездетные или нерожавшие женщины были бессильны воздействовать на возрождение природы, и их следовало хоронить по мужскому обряду [108, с. 126-127]. Встречающееся основное положение под курганными насыпями погребений, трактуемых как женские, свидетельствует о равноправном положении женщин в обществе. Высокое место в системе

социальной иерархии, по-видимому, является наследственной привилегией, аккумулируемой в рамках «знатных» родов. На это прямо указывают основные захоронения детей и подростков, сопровождаемые престижными категориями инвентаря, в частности, редкими типами бронзовых украшений [109, с. 188, рис. 2–3].

Предложенные признаки социальной неординарности могут быть использованы и при анализе массива памятников срубной культурно-исторической общности на территории восточнорусской лесостепи. В. В. Отрощенко, основываясь на материалах срубных памятников Поднепровья, разработал систему оценки «богатства» или неординарности погребений на базе трех групп признаков:

I — количество трудозатрат при возведении погребального памятника (наличие кургана или дощечки, большая могильная яма, сложная погребальная конструкция в яме, над ней или в насыпи);

II — состав и характер сопровождающего инвентаря (присутствие в могиле более чем одного сосуда, наличие металлических изделий и частей туши или костей жертвенных животных);

III — особые черты ритуала (использование краски — мела или охры, применение огненного ритуала, наличие тризны).

Наличие в погребении хотя бы одного признака из каждой группы объективно выделяло его из числа рядовых [110, с. 86]. Эти положения легли в основу ряда работ, посвященных социологическим реконструкциям на базе срубных памятников конкретных территориальных регионов [111, с. 28–30; 112, с. 138–140]. Следует отметить, что подобный подход отражает концептуальные основы социальной градации, но не исключает возможности произвольных группировок на основании выделенных признаков, поскольку удельный вес каждого из них в системе погребального обряда не поддается точному определению.

Объективным показателем социальной неординарности, как и в эпоху средней бронзы, представляется наличие индивидуальной курганной насыпи над захоронением или досыпка уже существовав-

шей. В лесостепи этим условиям соответствует 95 погребений, что составляет около 37 % всей выборки. Значительный удельный вес этой группы погребений указывает либо на то, что срубное общество имело многочисленный слой «аристократии», составляющий более трети всего населения, либо на то, что подкурганный способ захоронения сам по себе являлся привилегией социальной верхушки. В последнем случае основные и сопровождавшиеся досыпками погребения можно рассматривать как погребения лиц, имевших высокий личный социальный статус, а впускные в насыпи курганов — как погребения представителей социальных единиц, занимавших господствующие позиции в системе общественной иерархии (кланов или родов). Можно предположить, что рядовое полноправное население хоронило своих покойников в грунтовых могильниках, в противном случае количество подкурганных захоронений в лесостепи, даже при минимальной плотности населения, должно было исчисляться десятками и сотнями тысяч.

Сопоставление основных и сопровождавшихся досыпками погребений, с одной стороны, и впускных без прослеженных конструктивных изменений насыпи, с другой, показывает, что различия между ними заключаются не в отсутствии того или иного признака, а в их удельном весе в пределах совокупности (таблица IV).

Принципиально возможна ситуация, когда впускное захоронение будет отличаться от основного только отсутствием индивидуальной насыпи или досыпки, при равенстве других обрядовых показателей. Это подтверждает высказанное предположение, что стратиграфическая позиция погребений отражает внутреннюю градацию привилегированных слоев населения, а не отношения знать–народ.

Таким образом, в качестве индикатора высшего социального положения, обусловленного личными заслугами, может рассматриваться курганная насыпь или досыпка, тогда как размеры погребального сооружения, наличие над- и внутримогильных деревянных конструкций, полнота обрядово-ритуальных признаков выступают как

Таблица IV

Признаки / Категории	Над- и внутримогильные конструкции		Ритуал					Инвентарь	ВСЕГО
	Перекрытие	Сруб / ящик	Органика	Мел / известь	ПГ	охра	КЖ		
Основные (досыпки)	67/71	35/41	20/21	8/8	11/12	9/9	15/16	73/71	95/100
Впускные	57/32	25/15	24/15	11/7	10/6	5/3	11/7	88/53	165/100

Примечание: в числителе дробей приводятся абсолютные показатели, в знаменателе — проценты от выборки.
Условные обозначения: изв. — известь, ПГ — продукты горения (зола, древесный уголь), КЖ — кости животных, инвентарь — сопровождающий инвентарь.

показатель принадлежности к определенному социальному слою. Вероятно, привилегированный слой срубного общества был неоднороден и имел внутреннюю структуру, которая пока может быть определена только в общих чертах. Важным признаком высокого социального положения является помещение в могилу или на ее перекрытие шкуры или частей туши коня (рис. 54, 2; рис. 65, 2). По мнению некоторых исследователей, конь очень рано становится прерогативой господствующих слоев древних народов, символом их престижа и привилегий [113, с. 254]. В ведийской мифопоэтической традиции конь относился к богам солярного цикла, семантически связанным с космогонией, а жертвенный конь отождествлялся с солнцем, охраняющим вселенную своими лучами-поводьями [РВ, I, 163, 5]. Жертвоприношение коня рассматривается некоторыми исследователями как древнейшая замена человеческих жертвоприношений [22, с. 92]. В ахеменидской Персии существовала прямая связь между культовой ролью коня и представлениями о святости царской власти [114, с. 91]. В силу этого, в погребенных, сопровождаемых шкурой жертвенного коня, можно видеть представителей высших эшелонов власти.

Возможно, на этой же ступени социальной иерархии следует помещать субъектов, захоронения которых сопровождались предметами, относимыми к числу инсигний власти — наверхиями посохов, жезлов или нагаек [115, с. 101–106]. Относительную редкость подобных находок в пределах обширного срубного ареала правомерно объяснять приобретением ими характера наследственных властных символов. В ахейской Греции царские скипетры, представлявшие собой род посоха, передавались из поколения в поколение [116, II, 100–110].

Пока трудно установить иерархическое соотношение между погребениями с явными признаками властной функции, подобными приведенным выше, и погребениями, сопровождавшимися бронзовыми ножами-кинжалами, вероятно, воплощавшими главным образом военную функцию. В лесостепи представители воинского сословия занимали высокое положение в обществе, так как ножи-кинжалы в большинстве случаев происходят из основных или сопровождавшихся досыпками захоронений (рис. 61, 6; рис. 68, 1; рис. 85, 1–2). Заслуживает внимания то обстоятельство, что в погребальных срубных комплексах Восточной Украины практически не представлены другие предметы вооружения, в частности, бронзовые наконечники копий и дротиков, хотя на этой территории они известны и по случайным находкам, и содержатся в материалах поселений (рис. 86, 1–5). По-видимому, между практическим использованием предмета и его семантикой в контексте погребального обряда существовала непреодоли-

мая граница, отчетливо осознаваемая современниками. Помещение наконечника копья в могилу могло выражать особый социальный статус коллектива, к которому принадлежал умерший. Имеющиеся к настоящему времени данные показывают, что наконечники копий в составе сопровождающего инвентаря являются почти исключительной прерогативой группировок, обитавших в Поволжье и Среднем Подонье.

Среди погребений лиц, занимавших высшие ступени социальной иерархии в срубном обществе, выделяются погребения с явными признаками сакральной неординарности. Употребление по отношению к ним термина «жрецы» представляется неправомерным, поскольку сужает понятие до пределов только религиозной функции. В традиционных обществах, как свидетельствуют этнографические материалы, большим влиянием и уважением пользовались люди, наделявшиеся сверхъестественными способностями, но не имевшие непосредственного отношения к религиозным культам — колдуны, знахари, прорицатели и т. п. Именно с захоронениями субъектов, обладавших особой сакральной силой, имевшей потенцию и негативного проявления, связаны случаи «изоляции» могилы созданием кромлеха или кольцевого ровика (рис. 62; рис. 63, 1; рис. 70).

Как один из показателей, отмечающих причастность умершего к религиозной практике, можно рассматривать наличие ритуальной площадки — специально оборудованного места для проведения определенных культовых церемоний (рис. 60; рис. 65, 1; рис. 71, 1; рис. 72). В. В. Отрощенко предложил считать определяющими для «жреческих» комплексов наличие каменного или деревянного столба (менгира, изваяния), ритуальной площадки, валообразного сооружения, трактуемого как святилище, нетрадиционный способ захоронения (кремация, кенотаф и пр.), присутствие в сопровождающем инвентаре деревянной чаши с бронзовыми оковками, в некоторых случаях — «богатство» погребений [117, с. 72]. К этому следует добавить, причастность к отправлению религиозных культов весьма вероятна в отношении захоронений, сопровождавшихся глиняной посудой, не предназначенной для практического использования, в частности — вставными сосудиками (рис. 68, 7–9; рис. 73, 2–8).

Нередко признаки социальной и сакральной неординарности проявляются в комплексе, как в кургане № 3 группы Копанки-1, где основное и единственное погребение 1, расположенное к северо-западу от ритуальной площадки, сопровождалось шкурой лошади, растянутой на бревенчатом перекрытии могилы (рис. 65, 1–2). В захоронении 3 «длинного» кургана у хут. Котовского, произведенного по обряду кремации и сопровождавшегося досыпкой, объединившей два кургана, вместе с

костями жертвенного животного и сосудом обнаружен бронзовый нож-кинжал (рис. 60; рис. 61, б). В срубном погребении-кенотафе, повлекшем за собой глобальную досыпку энеолитического кургана, в группе Красная Гусаровка-«А», нож-кинжал находился в комплексе с двумя votивными сосудиками (рис. 68, 1-4). Сочетание в погребальном комплексе изделий жреческой атрибутики и предметов вооружения свидетельствует о неразделенности властной и культовой функций в доклассовых обществах. По данным И. И. Дремова, в Поволжье неоднократно зафиксировано присутствие в сопровождающем инвентаре деревянных чаш с металлическими оковками и бронзовых наконечников копий [118, с. 57]. Такой вывод в целом соответствует этнографическим данным, в соответствии с которыми в обществах, основанных на родоплеменных связях, религия имела легитимирующее значение при организации власти [89, с. 80].

Противоположный полюс социальной организации срубного общества представляют «сопутствующие» погребения, занимающие периферийное положение в курганный планиграфии. В лесостепи эти связаны с сакрально неординарными основными захоронениями. В кургане № 1 группы Петрополье-I двойное погребение (мужчина и женщина) в мелкой материковой яме было произведено в южной части подкурганной площадки, у «прохода» в подкурганном ровике (рис. 62). В кургане № 2

группы Красная Гусаровка-«Б» захоронение взрослого мужчины расчищено под камнями кромлеха, окружавшего основное погребение 1 (рис. 70). Спорядичность «сопутствующих» захоронений указывает на то, что социальная дифференциация еще не достигла высшей ступени развития, знаменующей переход к раннеклассовому обществу.

На существование не только социальной, но и половозрастной стратификации у срубных племен указывает наличие детских курганов-кладбищ (Егоровка-II, курганы № 3 и 4). Повсеместность этого явления в рамках срубной общности иллюстрируется выявлением детских курганов-кладбищ в Приуралье, Поволжье, Подонье и Приазовье [119, с. 148; 120, с. 161-178; 121, с. 151-177]. В традиционных обществах лиц, не достигших биологической или возрастной зрелости, не приобщенных к коллективу через обряд инициации, нередко хоронили на особых кладбищах [122, с. 114].

Реконструируемая социальная структура сообществ, заселявших восточнорусскую лесостепь в эпохи средней-поздней бронзы, не претендует на универсальный характер и учитывает, в первую очередь, особенности местных памятников и возможности источниковой базы. Население лесостепного региона входило в состав крупных культурно-исторических образований и представляло только часть социально-политического организма, вероятно, не отражая весь спектр общественной иерархии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Топоров В. Н.* Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки истории естественно-научных знаний в древности. — М., 1982.
2. *Шахнович М. И.* Первобытная мифология и философия. — Л., 1971.
3. *Байбури А. К.* Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. — Л., 1990.
4. *Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* Мотив «уничтожения-проводов нечистой силы» в восточнославянском купальском обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. — М., 1990.
5. *Чмихов М. О.* Курганні пам'ятки як явище давньої культури. — К., 1993.
6. *Шрамко Б. А.* Курганы у с. Веселое в Харьковской области // Вестник Харьковского университета. — № 362. — Вып. 25. — Харьков, 1992.
7. *Городцов В. А.* Материалы исследований на берегах р. Дона, Изюмского уезда Харьковской губернии // Труды XII АС. — Т. 1. — М., 1905.
8. *Мишина Т. К.* Курганы эпохи ранней бронзы Центрального Ставрополя // Древности Ставрополя. — М., 1989.
9. *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. — М., 1975.
10. *Токарев С. А.* Религия в истории народов мира. — М., 1976.
11. *Кейпер Ф. Б. Я.* Труды по ведийской мифологии. — М., 1986.
12. *Бардавелидзе В. В.* Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. — Тбилиси, 1957.
13. *Ардзинба В. Г.* Ритуалы и мифы древней Анатолии. — М., 1982.
14. *Риттер Э. А.* Зулус Чака. — М., 1989.
15. *Алексеев Е. А.* К вопросу о роли фактора родства в социальной жизни кетов // Охотники, собиратели, рыболовы. — Л., 1972.
16. *Чернецов В. Н.* Представления о душе у обских угров // Труды Института этнографии. — Т. 51. — М., 1959.
17. *Елизаренкова Т. Я.* «Ригведа» — великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандапы I-IV. — М., 1989.
18. *Пустовалов С. Ж., Рассамкин Ю. Я.* О реконструкции религиозных представлений в эпоху средней бронзы в Северном Причерноморье // Про-

блемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. — Запорожье, 1990.

19. *Пустовалов С. Ж.* Деякі близькосхідні елементи в ідеології катакомбного населення Північного Причорномор'я // *Археологія*. — 1993. — № 1.

20. *Топоров В. Н.* О брахмане, к истокам концепции // *Проблемы истории языков и культуры народов Индии*. — М., 1974.

21. *Ковалева И. Ф.* Север степного Поднепровья в среднем бронзовом веке (по данным погребального обряда). — Днепропетровск, 1981.

22. *Иванов Вяч. В.* Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от asva — «конь» (жертвоприношение коня и дерево asvattha в Древней Индии // *Проблемы истории языков и культуры народов Индии*. — М., 1974.

23. *Кушнарёва К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры Кавказа. — Л., 1970.

24. *Антонова Е. В.* Обряды и верования первобытных земледельцев востока. — М., 1990.

25. *Шаповалов Т. А.* Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце // *Энеолит и бронзовый век Украины*. — К., 1976.

26. *Березанская С. С.* Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. — К., 1990.

27. *Шражке Б. А.* Древности Северского Донца. — Харьков, 1962.

28. *Мелюкова А. И.* Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии // *МИА*. — № 96. — 1961.

29. *Соколова З. П.* Культ животных в религиях. — М., 1972.

30. *Шражке Б. А.* Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке // *СА*. — 1967. — № 1.

31. *Винокур Г. С.* История та культура черняхівських племен. — К., 1972.

32. *Голан А.* Миф и символ. — Иерусалим, Москва, 1994.

33. *Бадер О. Н.* Балановский могильник. — М., 1963.

34. *Державин В. Л.* Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. — М., 1991.

35. *Синицын И. В.* Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья // *СА*. — Т. X. — 1948.

36. *Андреева М. В.* Курганы у Чограйского водохранилища (материалы раскопок экспедиции 1979 г.) // *Древности Ставрополья*. — М., 1989.

37. *Клименко В. Ф.* Курганные древности Северского Донца. — Енакиеве, 1997.

38. *Литвинский Б. А.* «Золотые люди» в древних погребениях Центральной Азии. Опыт истолкования в свете истории религии // *СЭ*. — 1982. — № 4.

39. *Лосев А. Ф.* Греческая мифология // *Мифы народов мира*. — Т. 1. — М., 1980.

40. *Штернберг Л. Я.* Первобытная религия в свете этнографии. — М., 1936.

41. *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. — Изд. 2-е. — М., 1983.

42. *Яценко С. А.* Сарматские погребальные ритуалы и осетинская этнография // *РА*. — 1998. — № 3.

43. *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья // *МИА*. — № 18. — Часть I-II. — 1950.

44. *Народы Сибири*. — М.-Л., 1956.

45. *Пелих Г. И.* Происхождение селькупов. — Томск, 1972.

46. *Луговая Л. Н., Шилов Ю. А.* Михайликовский курган раннесрубного времени // *Археологические исследования на Полтавщине*. — Полтава, 1990.

47. *Харузина В.* Этнография. — Вып. 1. — М., 1909.

48. *Исигон Никейский.* Невероятные сказания // *ВДИ*. — 1947. — № 4.

49. *Грязнов М. П.* Бык в обрядах и культах древних скотоводов // *Проблемы археологии Евразии и Северной Америки*. — М., 1977.

50. *Пиотровский Б. Б.* Кармир-Блур. — Ереван, 1950.

51. *Теплоухов А. Е.* О доисторических жертвенных местах на Уральских горах // *Записки Уральского общества любителей естествознания*. — Т. VI. — Вып. 1. — М., 1880.

52. *Зеленин Д. К.* Культ онгонов в Сибири. — М.-Л., 1936.

53. *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты / Пер. А. З. Алмазовой. — М., 1980.

54. *Раппопорт Ю. А.* Из истории религии древнего Хорезма. — М., 1971.

55. *Инал-Ипа Ш. Д.* Страницы исторической этнографии абхазов. — Сухуми, 1971.

56. *Елизаренкова Т. Я.* Грамматика ведийского языка. — М., 1982.

57. *Куликовский Ю. А.* К вопросу об окрашенных костяках // *Труды ИАС*. — Т. 1. — М., 1901.

58. *Городцов В. А.* Бытовая археология. М., 1910.

59. *Ковалева И. Ф.* Погребальный обряд и идеология ранних скотоводов (по материалам культур бронзового века Левобережной Украины). — Днепропетровск, 1983.

60. *Шилов Ю. А.* Прародина ариев. История обряды и мифы. — К., 1995.

61. *Тэрнер В.* Символ и ритуал. — М., 1983.

62. *Герни О. Р.* Хетты. — М., 1987.

63. *Иванов Вяч. В.* Реконструкция структуры и семантики индоевропейского погребального обряда // *Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд*. — М., 1990.

64. *Дорошенко Е. А.* Зороастрийцы в Иране. — М., 1982.
65. *Отрощенко В. В.* Деревянная посуда в срубных погребениях Поднепровья // Проблемы археологии Поднепровья III—I тыс. до н. э. — Днепропетровск, 1984.
66. *Ковалева И. Ф.* Кому принадлежали срубные погребения с бронзовыми иглами и шильями Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век). — Часть 1. — Донецк, 1996.
67. *Ардзинба В. Г.* Нартский сюжет о рождении героя из камня // Древняя Анатолия. — М., 1985.
68. *Берестнев С. И.* Новолатоновский катакомбный курганный могильник на р. Оскол // Древности. — Харьков, 1995.
69. *Либеров П. Д.* Курганы у с. Константиновки // КС ИИМК. — Вып. XXXVII. — 1951.
70. *Фисенко Е. Л.* Типология катакомбных погребальных сооружений Орельско-Самарского междуречья // Проблемы археологии Поднепровья. — Днепропетровск, 1991.
71. *Атхарваведа.* Избранное / Пер. и коммент. Т. Я. Елизаренковой. — М., 1976.
72. *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. — Изд. 2-е. — М., 1983.
73. *Пандей Р. Б.* Древнеиндийские домашние обряды / Пер. и коммент. А. А. Вичасина. — М., 1982.
74. *Погодин А. П.* Религия Зороастра. — СПб, 1903.
75. *Алекшин В. А.* К изучению социальной структуры ранних кочевников Средней Азии (по материалам могильников) // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. — Л., 1975.
76. *Алекшин В. А.* Погребальный обряд как археологический источник // КСИА. — Вып. 167. — 1980.
77. *Лебедев Г. С.* Погребальный обряд как источник социологической реконструкции // КСИА. — Вып. 148. — 1977.
78. *Добролюбовский А. О.* О принципах социологической реконструкции по данным погребального обряда // Теория и методы археологических исследований. — К., 1982.
79. *Плетнева С. А.* Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности // РА. — 1993. — № 4.
80. *Бунятян Е. П.* Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV—III вв. до н. э.). — К., 1985.
81. *Генинг В. Ф., Бунятян Е. П., Пустовалов С. Ж., Рычков Н. А.* Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). — К., 1990.
82. *Ольховский В. С.* Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. — 1995. — № 2.
83. *Labbok D.* Prehistoric times. — London, 1900.
84. *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. — Л., 1976.
85. *Алекшин В. А.* Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока). — Л., 1986.
86. *Васильев И. Б.* Могильник ямно-полтавского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Археология восточно-европейской лесостепи. — Воронеж, 1980.
87. *Марина З. В.* Некоторые аспекты социальной структуры и идеологии древнеянного общества // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. — Днепропетровск, 1981.
88. *Синюк А. Т.* К социальной интерпретации некоторых погребений эпохи бронзы // Доно-днецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. — Воронеж, 1996.
89. *Куббель Л. Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. — М., 1988.
90. *Власкин М. В., Ильюков Л. С.* Каменные песты и ступы катакомбной культуры Нижнего Дона // РА. — 1992. — № 3.
91. *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. — К., 1974.
92. *Шарафутдинова И. М.* Орнаментовані сокири-молотки з катакомбних поховань на Інгулі // Археологія. — 1980. — № 33.
93. *Ковалева И. Ф.* Социальная и духовная культура племен бронзового века. — Днепропетровск, 1989.
94. *Дрезден М.* Мифология древнего Ирана // Мифология народов мира. — М., 1976.
95. *Нарайан Р. К.* Боги, демоны и другие. — М., 1974.
96. *Городцов В. А.* Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года // Труды XIII АС. — Т. 1. — М., 1907.
97. *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству // МИА. — № 165. — 1969.
98. *Мерперт Н. Я.* Ритуальные модели топоров из Эзеро // Памятники древнейшей истории Евразии. — М., 1975.
99. *Рыгдылон Э. Р.* Писаницы близ оз. Широ // СА. — № 29/30. — 1959.
100. *Фамицын А. С.* Древнеарийские и древнесеми-тские элементы в обрядах и обычаях славян // Этнографическое обозрение. — 1895. — Кн. 26. — № 3.
101. *Берестнев С. И.* Новые погребения эпохи бронзы с производственным инвентарем в лесостепном Левобережье Украины // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. — Полтава, 1990.

102. *Карагодин М. И.* Новые находки бронзового века в Шелаево (р. Оскол) // СА. — 1977. — № 2.
103. *Вангородская О. Г., Санжаров С. Н.* Погребение донецкой катакомбной культуры Николаевского могильника с украшениями // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. — К., 1991.
104. *Шарафутдинова И. Н.* Курган у с. Пелагеевки // Древности Поингуля. — К., 1977.
105. *Хлобыстина М. Д.* Тройные погребения евразийской степи в бронзовом веке // КСИА. — Вып. 185. — 1986.
106. *Бородулин В. Г., Ганага Н. Н.* Раскопки Харьковского исторического музея // АО 1978 года. — М., 1979.
107. *Пряхин А. Д., Матвеев Ю. П.* Курганы эпохи бронзы Побитюжья. — Воронеж, 1988.
108. *Хлопин И. Н.* Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам Сумбарских могильников. — Л., 1983.
109. *Литвиненко Р. А.* Курганный могильник Возрождение на Донетчине // РА. — 1993. — № 3.
110. *Отрощенко В. В.* О социальном членении погребений срубной культуры Поднепровья // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. — Донецк, 1979.
111. *Цимиданов В. В.* О социальном членении срубных погребений Донбасса и северо-восточного Приазовья // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. — Донецк, 1986.
112. *Литвиненко Р. А.* О социальном членении погребений срубной культуры донецкой лесостепи // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. — Липецк, 1992.
113. *Штаерман Е. М.* Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. — М., 1961.
114. *Пьянков И. В.* Образование державы Ахеменидов по данным античных источников // История иранского государства и культуры. — М., 1971.
115. *Отрощенко В. В.* Клейноды срубного суспльства // Археология. — 1993. — № 1.
116. *Илиада* / Пер. В. Вересаева. — М.-Л., 1949.
117. *Отрощенко В. В.* К проблеме выделения «жреческих» комплексов среди погребений срубной культурно-исторической общности // Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья (К 100-летию создания Херсонского музея древностей). — Херсон, 1990.
118. *Дремов И. И.* Курган покровского времени у с. Березовка как материал для социо-культурных реконструкций эпохи поздней бронзы // Доно-донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. — Вып. 1. — Воронеж, 1996.
119. *Обыденнова Г. Т., Обыденнов М. Ф.* Исследования могильника эпохи бронзы в Башкирии // АО 1980 года. — М., 1981.
120. *Кузнецова Л. В., Седова М. С.* Курганный могильник срубной культуры у с. Волчанска в Куйбышевском Заволжье // СА. — 1991. — № 3.
121. *Посредников В. А., Зарайская Н. П.* Материалы курганов у с. Огородное // ДАС. — Вып. 4. — Донецк, 1993.
122. *Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. — М., 1981.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В историческом развитии населения эпохи бронзы восточноукраинской лесостепи выделяется несколько последовательных этапов, различающихся по этнокультурному и социально-экономическому содержанию. Степень их изученности не одинакова и в решающей мере определяется состоянием источниковой базы. К настоящему времени более полно изучены южные районы лесостепи, тогда как памятники глубинных и пограничных с лесной зоной районов известны еще недостаточно и нуждаются в дополнительном исследовании.

Имеющиеся данные показывают, что в раннем бронзовом веке рассматриваемая территория входила в ареал распространения древнеямной культурно-исторической общности. Продвижение в лесостепь населения донецкой катакомбной культуры было связано с миграционными процессами, не в последнюю очередь обусловленными природно-климатическими факторами. Формирование донецкой культуры происходило вне пределов рассматриваемого региона, вероятно, в областях северо-восточного Приазовья и Нижнего Подонья, и явилось следствием эпохальных трансформаций идеологической сферы, в частности — распространения новой религиозной концепции, базировавшейся на принципиально иных представлениях об устройстве мироздания. В плоскости археологических источников новации отразились в появлении сложных погребальных катакомбных конструкций и в утверждении новых черт погребальной обрядности, в первую очередь — в позиции и ориентировке погребенных. Видоизменение материальной культуры, прежде всего, керамики и способов ее ornamentации, диктовалось необходимостью приведения ее в соответствие с идеологическими постулатами.

Мигрировавшие в северном направлении донецкие группировки освоили те районы лесостепи, которые по основным показателям приближались к природным условиям степной зоны и в наибольшей степени отвечали интересам экстенсивного скотоводческого хозяйства, — донецко-оскольское междуречье и Поосколье. Их продвижение сопровождалось вытеснением и, вероятно, частичной ассимиляцией автохтонного древнеямного населения. Имеющиеся данные позволяют огра-

ничить начало этого периода концом III—рубежом III—II тыс. до н. э.

Ведущие черты погребальной обрядности и общий облик материальной культуры позволяют ранний горизонт катакомбных памятников в лесостепи рассматривать в системе донецкой катакомбной культуры, как ее северную периферию. В существующих схемах относительной хронологии Восточной Европы донецкую катакомбную культуру следует рассматривать как культурно-историческое явление, в основном синхронное раннему этапу северокавказской культуры на юге, полтавкинской общности на востоке, массиву позднеямных памятников на севере и западе, в лесостепном Подонье и в Среднем Поднепровье, раннему периоду днепро-азовской катакомбной культуры на юго-западе.

Материалы погребальных памятников дают основания предполагать существование в катакомбном обществе этого периода выраженной социальной дифференциации. Сам подкурганый обряд захоронения правомерно рассматривать как привилегию и прерогативу «знатных» родов, социальных единиц, сосредоточивших в своих руках властную, военную и культовую функции. В то же время, присутствие в составе сопровождающего инвентаря предметов, трактуемых как «инсигнии власти», указывает на то, что власть в значительной мере имела личностный характер, высокое положение в системе общественной иерархии было обусловлено личными заслугами покойного.

На археологических источниках трудно установить причины и содержание процессов стадияльно-исторического характера, отразившихся на целом ряде культурно-исторических образований Восточной Европы на рубеже первой—второй четвертей II тыс. до н. э. Как следствие этих процессов в восточноукраинской лесостепи формируется массив позднекатакомбных памятников осколо-донецкого типа, генетически связанных с предшествующими памятниками донецкой катакомбной культуры. Новации в идеологической сфере нашли непосредственное отражение в изменении подходов к семантике погребального памятника: курганная насыпь приобретает функцию организации сакрального пространства, что выражается в планиграфии

впускных захоронений и неустойчивости ориентировок погребенных по сторонам света. Постепенную трансформацию экономического уклада иллюстрирует появление поселений с выраженными культурными слоями. В материальной культуре прослеживается преемственность с традициями предшествующего времени (в основных типах глиняной посуды, в отдельных элементах орнаментации) и ярко проявляются характерные черты новой эпохи (в системах орнаментации керамики, в появлении новых типов изделий из камня, кости, рога и бронзы).

Данные относительной хронологии и датирующие предметы позволяют осколо-донецкие памятники в основном синхронизировать с позднекатакомбными памятниками бахмутского и манычского типов, с ингульской катакомбной культурой, с памятниками второго периода северокавказской культуры, со среднедонской катакомбной и воронежской культурами, с баланбашской и доно-волжской абашевской культурами, с горизонтом памятников типа Новый Кумак—Синташта—Петровка—Потаповка, с общностью культур многоваликовой керамики и начальным этапом формирования срубной культурно-исторической общности.

В погребальных памятниках осколо-донецкого типа прослеживается развитие социальной стратификации позднекатакомбного общества. Есть основания полагать, что курганы приобретают характер семейных усыпальниц отдельных «знатных» родов. В то же время, появление в составе сопровождающего инвентаря захоронений детей и подростков предметов, относимых к категории «инсигний власти», указывает на то, что принадлежность к властной функции становится наследственной привилегией. Существование неполноправных групп населения в системе общественных отношений иллюстрируется наличием «сопутствующих» погребений, занимающих подчиненное положение в пространстве погребальных камер или совершенных на дне входных колодцев катакомб.

Как явление, в общих чертах синхронное позднему периоду развития катакомбной культурно-исторической области, следует рассматривать общность культур многоваликовой керамики, в пределах рассматриваемого региона представленную небольшим количеством погребальных памятников, имеющих заметное территориальное размежевание с памятниками осколо-донецкого типа. Имеющиеся к настоящему времени данные, в первую очередь — картографирование известных памятников и характерные особенности погребальной обрядности, позволяют предполагать, что формирование общности многоваликовой керамики происходило в областях Среднего и Нижнего Поднепровья на базе разных групп позднеямного населения. Этот процесс проходил параллельно с образованием и начальными фазами развития

поздних культур катакомбной культурно-исторической области и был обусловлен общими с ними факторами стадияльно-исторического порядка. Общность многоваликовой керамики представляла собой многокомпонентное, полиэтническое образование заключительной стадии эпохи средней бронзы, территориально локализованное, преимущественно, в пределах степной зоны Украины.

Общество общности многоваликовой керамики имело выраженную социальную структуру, фиксируемую на материалах погребальных памятников. Признаками высокого социального положения выступают индивидуальная курганная насыпь или досыпка существовавшей, наличие внутримогильных деревянных конструкций, присутствие в сопровождающем инвентаре предметов престижно-утилитарного или престижно-символического характера. Как и в позднекатакомбном обществе, властная функция является наследственной привилегией в рамках знатных родов, о чем свидетельствуют захоронения детей и подростков, сопровождающиеся престижными категориями инвентаря. В то же время, наблюдается дифференциация погребальной обрядности по половому признаку, причем нередкое основное положение погребений, трактуемых как женские, в системе курганной стратиграфии указывает на равноправное положение женщины в обществе.

Поздний бронзовый век восточнукраинской лесостепи связан с развитием населения срубной культурно-исторической общности. Появление в лесостепи группировок с характерным погребальным обрядом и своеобразным обликом материальной культуры было связано с мощными миграционными процессами, определившими дальнейшее историческое развитие Восточной Украины. Наблюдающиеся различия в особенностях погребальной обрядности, в первую очередь — в позиции и пространственной ориентировке костяков, позволяют выделять два основных этнокультурных компонента в составе срубной общности, представленные захоронениями 3-й и 4-й обрядовых групп, и определить в качестве исходных для них области Нижнего и Среднего Поволжья. Погребения 3-й ОГ иллюстрируют южную волну миграции, связанную с населением Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья, в среде которого традиционно преобладало сильно скорченное на левом боку положение покойников, ориентированных головой в восточном секторе горизонта. Северную волну миграции из районов Среднего Поволжья представляют захоронения 4-й ОГ, с покойниками, уложенными в средней или слабой степени скорченности на левом боку и ориентированными головой в северном направлении. Обе погребальные традиции, отражающие религиозные представления конкретных этносов, близки по основным мировоззренческим позициям и совместимы

в рамках единой идеологической концепции. Мирные и достаточно близкие отношения между группировками, входившими в состав разных миграционных потоков, проявляются в существовании смешанных могильников (Егоровка-II, Калиновка-I) и подтверждаются материалами поселений, в которых прослеживаются две технологические традиции в керамическом производстве. В состав срубного населения лесостепи вошли также остатки автохтонных группировок, сохранивших на какое-то время свое культурное своеобразие.

В целом ранний этап срубной общности в лесостепи (середина XVI-XV вв. до н. э.) характеризуется общей дестабилизацией обстановки, перемещением больших массивов населения, известной культурной эклектикой. Мощный восточный импульс оказывает решающее воздействие на облик материальной культуры неоднородного в этническом отношении населения крупного территориального региона. Срубные группировки сохраняют прочные связи с прародиной, используя преимущественно металл восточных месторождений. Вероятно, уже в это время начинает функционировать горно-металлургический центр на базе железистых песчаников Донбасса и появляются крупные центры металлообработки (поселение Усово-Озеро).

Материалы погребальных памятников показывают существование развитой социальной структуры общества. Подкурганый способ захоронения выступает как прерогатива высшего социального слоя, нередко курган имеет характер семейной или родовой усыпальницы. Судя по характеру и составу сопровождающего инвентаря «богатых» погребений, властная, военная и культовая функции

еще не дифференцированы, хотя появление культовых площадок — специально оборудованных мест для осуществления ритуальных действий — косвенно свидетельствует о начале процесса сакрализации власти.

Поздний этап развития срубной общности в лесостепи (XIV-XII вв. до н. э.) характеризуется стабилизацией обстановки и преобладанием интегрирующих процессов в обществе, что находит отражение в увеличении количества бытовых памятников и возрастании их демографической емкости. Наряду с традиционным использованием поименных долин начинается освоение водоразделов. Видимо, в результате процессов стадийно-исторического характера заметно сокращаются масштабы курганного строительства и прослеживается прогрессирующая тенденция к созданию грунтовых могильников. Постепенно видоизменяется комплекс материальной культуры, в металлургии происходит переориентация на западные, карпато-трансильванские рудные источники. Социальная структура общества не находит адекватного отражения в погребальных памятниках, вероятно, в организации власти акцент переносится из символической сферы в сферу практическую.

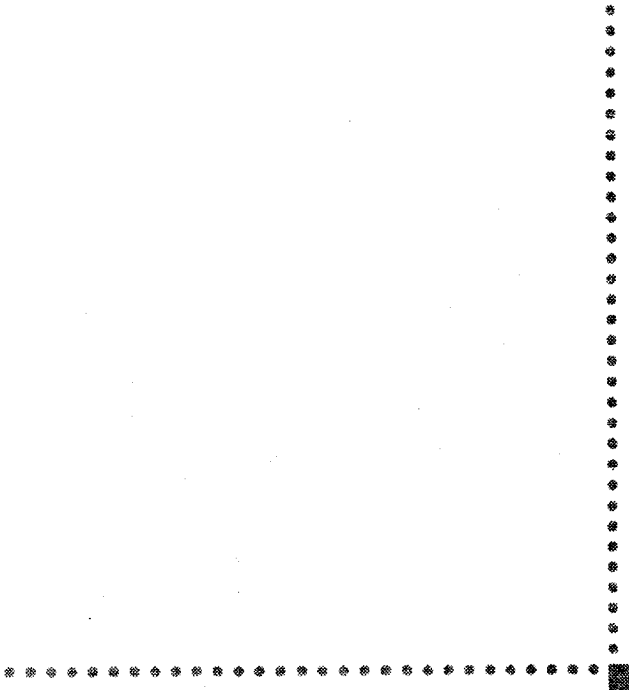
В конце этапа нарастающие центробежные процессы в обществе разрушают систему традиционных связей, цементирующих единый социально-экономический организм, объединяемый понятием «археологическая культура», и приводят к его распаду. Продвижение в лесостепь инокультурных и иноэтничных группировок и их взаимодействие с постсрубным населением составляют содержание новой исторической эпохи и предмет особого исследования.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Результаты количественного спектрального анализа изделий из цветных металлов срубной общности. Сводная таблица

Шифр лаб.	Рисунк	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
2384	84,10	основа	0,011	0,01	—	0,008	0,001	0,009	—	0,154	0,007	—	0,007	—
2385	84,6	-//-	0,02	0,008	0,01	0,007	0,001	0,009	0,203	0,023	0,02	—	0,007	—
2388	84,14	-//-	1,429	0,007	—	0,006	0,001	0,021	0,16	0,236	0,029	—	0,007	—
2859	84,3	-//-	0,003	0,008	0,083	0,01	0,003	0,01	0,016	0,033	0,01	0,002	—	0,001
2860	84,9	-//-	3,35	0,003	—	0,01	0,01	0,083	0,093	0,046	0,01	0,005	—	—
2861	85,1	-//-	2,67	0,006	—	0,01	0,01	0,018	0,126	0,032	0,01	0,004	—	0,001
2400	86,10	-//-	0,174	0,009	—	0,006	0,0005	0,066	1,901	0,026	0,055	—	0,007	0,0001
2495	86,9	-//-	0,012	0,015	—	0,006	0,0003	0,257	0,023	0,034	0,078	—	0,007	—
2462	86,15	-//-	0,113	0,006	—	0,006	0,0015	0,009	0,023	0,069	0,011	0,006	0,007	—
2464	86,16	-//-	1,429	0,007	—	0,008	0,0011	—	0,023	0,113	0,007	—	0,009	—
2532	86,5	-//-	3,35	0,04	—	0,013	0,0025	0,028	0,323	0,074	0,02	0,006	0,007	—
2484	85,10	-//-	1,571	0,006	—	0,006	0,0002	0,014	0,126	0,095	0,027	—	0,007	—
675	85,14	-//-	4,04	0,071	0,484	0,079	0,277	0,04	2,33	0,047	0,028	—	0,007	0,0001
2399	86,2	-//-	6,65	0,005	0,01	0,008	0,0009	0,073	0,685	0,16	0,1	0,021	0,069	0,0001
2497	85,5	-//-	0,01	0,007	—	0,008	0,0003	0,01	0,264	0,005	0,006	0,008	0,008	0,0001
2494	85,7	-//-	1,363	0,007	—	0,006	0,0011	0,019	0,21	0,027	0,073	—	—	—
2496	85,9	-//-	0,01	0,013	0,01	0,006	0,0007	—	—	0,054	0,003	—	0,007	—
2463	86,19	-//-	4,96	0,013	—	0,006	0,0004	0,09	0,113	0,26	0,126	0,04	0,008	—

Г Р А Ф И К А

ОПИСАНИЕ РИСУНКОВ

- Рис. 1.** Восточнoукраинская лесостепь в системе восточноевропейской лесостепи.
Условные обозначения: а — границы восточноевропейской лесостепи; б — границы исследуемого региона.
- Рис. 2.** Карта распространения памятников донецкой катакомбной культуры в восточнoукраинской лесостепи:
1 — Балаклея; 2 — Боровское; 3 — Боршовка; 4 — Бунаково; 5 — Великая Камышеваха; 6 — Вербовка; 7 — Веселое; 8 — Граково; 9 — Гусаровка; 10 — Залиман-II; 11 — Каменка; 12 — Колесниковка-II; 13 — Котовского; 14 — Корбины Иваны; 15 — Кравцовка; 16 — Красная Гусаровка-«А»; 17 — Кунье; 18 — Лиман; 19 — Мостовое; 20 — Николаевка; 21 — Ново-Платоновка; 22 — Пески Радьковские; 23 — Петрополье; 24 — Станиславка; 25 — Старомажарово-II; 26 — Хижняковка; 27 — Хотомля-III; 28 — Шелаево.
Условные обозначения: а — южная граница лесостепи; б — погребальные памятники донецкой катакомбной культуры (ДКК); в — погребальные памятники раннего периода днепро-азовской катакомбной культуры (ДАКК).
- Рис. 3.** Типология катакомбных погребальных сооружений.
- Рис. 4.** Колесниковка-II, курган № 3. План и профили контрольных бровок.
- Рис. 5.** Колесниковка-II, курган № 3:
1 — восточный профиль центральной бровки (выноска); 2 — основное погребение 1; 2-а — заклад погребальной камеры; 3-5 — вещи из погребения (3 — бронзовое шило, 4 — бронзовый нож, 5 — костяная проколка).
Условные обозначения: а — пахотный слой; б — черноземный грунт; в — мешаный грунт; г — глина; д — чернозем с примесью продуктов горения; е — древесный уголь; ж — глина на охровом растворе; з — погребенная почва; и — контуры ровика; к — материк; л — контуры глиняной насыпи; м — контуры насыпи из мешаного грунта; н — грунт заполнения входного колодца катакомбы.
- Рис. 6.** Впускные погребения кургана № 3 группы Колесниковка-II:
1, 7 — погребение 2; 2-б, 8 — погребение 3.
- Рис. 7.** Пески Радьковские, курган № 1:
1 — план кургана; 2 — погребение 22; 3 — погребение 21; 4 — погребение 20.
- Рис. 8.** Пески Радьковские, курган № 1:
1 — погребение 23; 2-3, 7 — вещи из погребения 23; 4 — сосуд из погребения 21; 5 — сосуд из погребения 20; 6 — сосуд из погребения 22.
- Рис. 9.** Граково-I, курган № 3:
1 — план кургана; 2 — погребение 1; 3 — погребение 2.
- Рис. 10.** Погребения донецкой катакомбной культуры:
1 — основное погребение 2/1 группы Гусаровка-I; 2-3 — сосуд и жаровня из погребения 1; 4 — впускное погребение 2/2.
- Рис. 11.** Погребения донецкой катакомбной культуры:
1-3 — Колесниковка-II 5/1; 4-7 — Залиман-II 4/1.
- Рис. 12.** Погребения донецкой катакомбной культуры:
1, 3-6 — Колесниковка-II 4/1; 2, 7 — Колесниковка-II 4/2.
- Рис. 13.** Кенотафы донецкой катакомбной культуры:
1 — Ново-Платоновка 3/1; 2-3 — Ново-Платоновка 3/2; 4 — Залиман-II 4/2.
- Рис. 14.** Погребения донецкой катакомбной культуры:
1 — курган № 1 группы Кравцовка-I, план; 2, 4 — впускное погребение 1; 3, 5 — основное погребение 2.
- Рис. 15.** Общая схема классификации катакомбной керамики.

- Рис. 16.** Посуда донецкой катакомбной культуры. Низкогорлые сосуды:
1 — Ново-Платоновка 1/3; 2 — Ново-Платоновка 1/3; 3 — Станиславка-I 7/3; 4-5 — Ново-Платоновка 2/7; 6-7 — Балаклея 2/5; 8 — Вербовка 4/4; 9 — Вербовка 7/3.
- Рис. 17.** Посуда донецкой катакомбной культуры. Кубки и крынки:
1 — Вербовка 5/3; 2, 4 — Красная Гусаровка-«А» 5/3-а; 3 — Хотомля-III 1/5; 5 — Станиславка-I 6/1; 6 — Вербовка 10/5.
- Рис. 18.** Посуда донецкой катакомбной культуры. Низкогорлые сосуды, банки, баклаги, курильницы:
1 — Станиславка-I 9/1; 2 — Вербовка 9/6; 3 — Новомажарово-I 5/3; 4 — Ново-Платоновка 2/7; 5 — Борщовка 2/1; 6 — Борщовка 4/1; 7 — Вербовка 5/3; 8 — Славянск 253/8.
- Рис. 19.** Изделия из бронзы донецкой катакомбной культуры. Ножи и шилья:
1 — «Гостра могила» 2/3; 2 — г. Чугуев, случайная находка; 3 — Ковалевка 3/2; 4-5 — Шелаево, «Кубаева могила», разрушенный курган; 6, 9 — Черевков 1/5; 7 — Вербовка 10/7; 8 — Вербовка 5/6.
- Рис. 20.** Украшения из бронзы, кости, рога, железа:
1-18 — украшения донецкой катакомбной культуры; 19-46 — украшения из позднекатакомбных памятников осколо-донецкого типа; 47-59 — украшения из позднеямных комплексов. (1 — Ковалевка 3/1; 2-5; 15-16, 18 — Вербовка 3/1; 6 — Вербовка 4/3; 7-11 — Колесниковка-II 3/2; 12-13 — Колесниковка-II 4/1; 14 — Вербовка 4/4; 17 — Селимовка 3/2; 19, 39 — Ново-Платоновка 3/2; 20-24, 42-44 — Вербовка 11/6; 25 — Шелаево, «Кубаева могила»; 26 — Вишневка-II 1/1; 27-28 — Красная Гусаровка-«Г» 5/5; 29 — Ново-Платоновка 7/1; 30, 45 — Ново-Платоновка 4/1; 31 — Вербовка 4/1; 32-34 — Безмятежное 1/1; 35 — Безмятежное 1/2; 36-37 — Вербовка 6/1; 38 — Вербовка 4/3; 40-41 — Пески Радьковские 1/23; 46 — Мостовое 4/12; 47-53 — Станиславка-I 3/1; 54-59 — Станиславка-I 4/2.) 1-17, 19-35, 38-45, 48-59 — бронза; 36-37 — бронза с позолотой, 18 — кость; 46 — железо; 47 — рог.
- Рис. 21.** Донецкая катакомбная культура. Изделия из камня, кости, рога:
1 — Черевков 3/6; 2 — Русская Лозовая, случ. находка; 3 — Сеньково, случ. находка; 4 — Великая Камышеваха 2/4; 5 — Вербовка 8/2; 6 — Станиславка-I 6/1; 7-9 — Безмятежное 1/5; 10 — Вербовка 10/4; 11 — Боровское 1/2; 12 — Колесниковка-II 3/1; 13 — Пришиб 1/5; 14 — Вербовка 5/5; 15 — Ново-Платоновка 2/7. 1-10 — камень; 11, 15 — рог; 12-14 — кость.
- Рис. 22.** Донецкая катакомбная культура. Изделия из кремня и глины:
1-8 — Веселое 7/1; 9 — Безмятежное 1/5; 10 — Вербовка 10/5; 11 — Боровское 1/2; 12-13 — Вербовка 4/4. 1-11 — кремень; 12-13 — рог.
- Рис. 23.** Донецкая катакомбная культура. Сводная таблица.
- Рис. 24.** Карта распространения позднекатакомбных памятников осколо-донецкого типа.
Условные обозначения: а — южная граница лесостепи; б — погребения; в — поселения.
Могильники: 1 — Андреевка; 2 — Балаклея; 3 — Безмятежное; 4 — Богдановка; 5 — Боровское; 6 — Борщовка; 7 — Бунаково; 8 — Великая Камышеваха; 9 — Вербовка; 10 — Вишневка-I; 11 — Вишневка-II; 12 — Волосская Балаклея; 13 — Воронцовка; 14 — Высшее Соленое; 15 — Герасимовка; 16 — Довгалева; 17 — Егоровка-II; 18 — Залиман-II; 19 — Колесниковка-II; 20 — Купянск; 21 — Малая Волчьа; 22 — Мостовое; 23 — Ново-Платоновка; 24 — Охримовка; 25 — Пески Радьковские; 26 — Печенеги; 27 — Пристин; 28 — Пришиб; 29 — Сеньково; 30 — Станиславка; 31 — Тимченки; 32 — Хотомля; 33 — Червоне Знамено; 34 — Шелаево; 35 — Шебелинский.
Поселения: 1 — Большая Бабка; 2 — Берека; 3 — Большая Даниловка; 4 — Бражничи; 5 — Валуйки; 6 — Варничевка; 7 — Васищево; 8 — Героев Труда-I; 9 — Дальняя Даниловка; 10 — Задонецкое; 11 — Колосково; 12 — Красивая; 13 — Малая Даниловка; 14 — Липцы; 15 — Лозовеньки; 16 — Мартово; 17 — Новоодоновка; 18 — Новокомсомольский; 19 — Петровское; 20 — Поляны-I; 21 — Пролетарское; 22 — Сердюково-II; 23 — Снежковка-7; 24 — Студенок-VI; 25 — Федоровка; 26 — Черкасский Вишкин; 27 — Чугуев; 28 — Шелаево; 29 — Яблонька; 30 — Ямное.
- Рис. 25.** Планиграфия впускных погребений осколо-донецкого типа:
1 — Вишневка-II, курган № 1; 2 — Охримовка-I, курган № 1; 3 — Станиславка-I, курган № 1; 4 — Станиславка-I, курган № 2; 5 — Станиславка-I, курган № 5; 6 — Высшее Соленое-I, курган № 1.

- Рис. 26.** Погребения осколо-донецкого типа:
1 — Колесниковка-II, курган № 9, план; 2, 3, 5 — погребение 2; 4, 6, 7 — погребение 1.
- Рис. 27.** Погребения осколо-донецкого типа:
1-4 — Охримовка-I 2/3; 5-7 — Станиславка-I 1/8.
- Рис. 28.** Погребения осколо-донецкого типа:
1-2 — Высшее Соленое-I 1/2; 3-4 — Высшее Соленое-I 2/2.
- Рис. 29.** Погребения осколо-донецкого типа:
1 — Вишневка-II 1/2; 2 — Вишневка-II 1/6.
- Рис. 30.** Погребения осколо-донецкого типа:
1-3 — Высшее Соленое-I 1/3; 4 — Вишневка-II 1/2; 5 — Вишневка-II 1/6.
- Рис. 31.** Погребения животных в катакомбах:
1 — Высшее Соленое-I 2/1; 2 — Колесниковка-II 7/2.
- Рис. 32.** Погребение осколо-донецкого типа:
1 — остатки деревянной конструкции в погребальной камере катакомбы погребения 1/5 группы Охримовка-I; 2 — реконструкция сооружения; 3-4 — каменные плитки из погребения.
- Рис. 33.** Керамика поселений. Студенок-IV.
- Рис. 34.** Керамика поселений. Студенок-IV.
- Рис. 35.** Керамика поселений:
1-7 — пос. Ямное-I; 8-12 — пос. Героев Труда.
- Рис. 36.** Керамика из погребальных памятников осколо-донецкого типа. Высокогорлые сосуды:
1 — Охримовка 1/2; 2 — Вишневка-II 1/4; 3 — Охримовка 1/5; 4 — Малая Волчья 2/2; 5 — Колесниковка-II 9/1; 6 — Станиславка 7/2; 7 — Колесниковка-II 8/1; 8 — Станиславка 1/10; 9 — Колесниковка-II 7/1; 10 — Колесниковка-II 2/1; 11 — Ново-Платоновка 7/1; 12 — Вишневка-II 1/1.
- Рис. 37.** Керамика из погребальных памятников осколо-донецкого типа. Высокогорлые сосуды:
1 — Ново-Платоновка 7/1; 2 — Колесниковка-II 8/1; 3 — Ново-Платоновка 8/3; 4 — Высшее Соленое 1/5.
- Рис. 38.** Высокогорлые сосуды:
1 — Пристин 2/1; 2 — Вишневка-II 1/3; 3 — Станиславка 5/3; 4 — Станиславка 7/4.
- Рис. 39.** Низкогорлые сосуды из осколо-донецких комплексов:
1 — Малая Волчья 1/1; 2 — Станиславка 6/5; 3 — Охримовка 1/6; 4 — Охримовка 1/4.
- Рис. 40.** Низкогорлые и баночные сосуды из осколо-донецких комплексов:
1-2 — Станиславка 1/3; 3 — Ново-Платоновка 2/1; 4 — Ново-Платоновка 7/3; 5 — Ново-Платоновка 3/2; 6 — Станиславка 1/9.
- Рис. 41.** Низкогорлые сосуды из осколо-донецких комплексов:
1 — Малая Волчья 2/1; 2 — Станиславка 1/5; 3-5 — Станиславка 6/5; 6 — Колесниковка-II 7/6; 7 — Станиславка 5/1; 8 — Станиславка 5/2; 9 — Станиславка 4/3.
- Рис. 42.** Реповидные сосуды из осколо-донецких комплексов:
1 — Станиславка 6/4; 2 — Станиславка 6/4; 3 — Ново-Платоновка 8/3; 4 — Ново-Платоновка 5/2; 5 — Станиславка 2/5; 6 — Станиславка 8/3; 7 — Станиславка 1/5; 8 — Высшее Соленое 2/5.
- Рис. 43.** Бронзовые и железные изделия из осколо-донецких комплексов и с территории распространения памятников осколо-донецкого типа:
1 — Залиман-II 2/1; 2 — Высшее Соленое 1/5; 3 — Ново-Платоновка 5/1; 4 — Вербовка 5/6; 5, 7 — Малая Камышеваха 4/2; 6 — пос. Студенок-IV; 8 — Ново-Платоновка 5/2; 9 — Ново-Платоновка 6/2; 10 — Станиславка 5/3; 11 — Сенково, разрушенный курган; 12 — пос. Большая Бабка-I, яма № 1; 13 — Герасимовка 14/1; 14-21 — Колоньяев, клад; 22 — Кнышевка, случ. находка; 23 — Куряж, случ. находка.
1-12, 14-23 — бронза; 13 — бронза и железо.
- Рис. 44.** Каменные топоры:
1 — Ново-Платоновка 5/2; 2 — Залиман-II 1/1; 3 — Ново-Платоновка 3/2; 4 — Алексеевка, случ. находка; 5-6 — Станиславка 8/3; 7 — Глубокое, случ. находка; 8 — Красный Донец, случ. находка; 9 — Богуславка, случ. находка.

- Рис. 45.** Изделия из камня и кремня:
1, 3-5 — Колесниковка-II 2/1; 2 — Колесниковка-II 7/2; 6-7 — Красная Гусаровка-«Б» 3/1; 8-14 — Студенок VI; 9 — Высшее Соленое 2/1.
1-8 — камень; 9-14 — кремень.
- Рис. 46.** Изделия из кости, рога и дерева:
1-2 — пос. Поляны-1; 3-5 — пос. Студенок VI; 6 — Ново-Платоновка 6/2; 7-8 — Станиславка 6/5; 9 — Колесниковка-II 2/1; 10 — Пришиб 1/5; 11 — Охримовка 2/3; 12, 18 — пос. Героев Труда; 13-17, 20 — Красная Гусаровка-«Б» 3/1; 19 — Ново-Платоновка 7/1.
1-8, 10, 13-17 — кость; 9, 11, 12, 18 — рог; 19 — смола; 20 — дерево.
- Рис. 47.** Памятники осколо-донецкого типа. Сводная таблица.
- Рис. 48.** Карта распространения памятников общности многоваликовой керамики:
Условные обозначения: а — южная граница лесостепи; б — погребения 1-й ОГ; в — погребения 2-й ОГ; г — могильники с погребениями 1-й и 2-й ОГ.
1 — Барановка; 2 — Брагинцы; 3 — Великая Камышеваха; 4 — Веремеевка; 5 — Верхний Степок; 6 — Волошиновка; 7 — Воронцовка; 8 — Гладковщина; 9 — Грушеваха; 10 — Егоровка-I; 11 — Закотный; 12 — Кагамлык; 13 — Каменка; 14 — Кириковка; 15 — Кирияковка; 16 — Климовка; 17 — Князеве; 18 — Копани-II; 19 — Копанки-I; 20 — Копанки-II; 21 — Котовского; 22 — Красная Гусаровка; 23 — Кулешовка; 24 — Кунье; 25 — Лиман-I; 26 — Малая Камышеваха; 27 — Мацковцы; 28 — Мечебилово; 29 — Михайлики; 30 — Морокино; 31 — Николаевка; 32 — Новомажарово; 33 — Пальмира; 34 — Петрашовка; 35 — Петрополье-I; 36 — Полковая Никитовка; 37 — Покровский; 38 — Прилипка; 39 — Рождественка; 40 — Светлогорское; 41 — Селимовка; 42 — Серго; 43 — Старомажарово-II; 44 — Тимашовка; 45 — Червоне Знамено; 46 — Черногоровка; 47 — Шпаковка; 48 — Ямполь.
- Рис. 49.** Погребения общности многоваликовой керамики (1-я ОГ):
1 — Котовского 1/1; 2-10 — Князеве 1/5; 11-16 — Красная Гусаровка-«Г» 1/1.
- Рис. 50.** Погребения общности многоваликовой керамики (1-я ОГ):
1-4 — Копанки-II 1/1; 5-7 — Егоровка-I 1/1.
- Рис. 51.** Погребения общности многоваликовой керамики (1-я ОГ):
1 — Копани-II 1/1; 2-3 — Грушеваха 2/8; 4-5 — Красная Гусаровка-«А» 1/2; 6-7 — Барановка 2/9; 8-9 — Светлогорское 1/2; 10-12 — Михайлики 1/6.
- Рис. 52.** Погребения общности многоваликовой керамики (2-я ОГ):
1 — Брагинцы 1/1; 2-3 — Кулешовка 425/3-5; 4 — Волошиновка 1/1.
- Рис. 53.** Погребения общности многоваликовой керамики (2-я ОГ):
1-2 — Рождественка 1/10; 3 — Грушеваха 2/3; 4 — Старомажарово-1 5/3; 5 — Новомажарово 1/2; 6 — Старомажарово 2/6; 7-8 — Червоне Знамено 1/10; 9 — Кагамлык 2/1; 10 — Кирияковка 1/2; 11 — Полковая Никитовка 2/6; 12-13 — Кириковка-B 8/7.
- Рис. 54.** Погребения многоваликовой и срубной общностей в кургане № 2 группы Петрополье-I:
1 — план и профили контрольных бровок кургана № 2; 2, 4 — погребение 1; 3, 5 — погребение 2; 6 — погребение 3.
- Рис. 55.** Погребения многоваликовой и срубной общностей кургана № 2 группы Лиман-I:
1 — план и профили контрольных бровок кургана № 2; 2 — погребение 2; 3 — погребение 3; 4 — погребение 1; 5 — погребение 4; 6-7 — погребение 5.
- Рис. 56.** Погребения кургана № 2 группы Лиман-I:
1, 3, 5-7 — погребение 7; 2, 4 — погребение 6.
- Рис. 57.** Погребения срубной и многоваликовой общностей кургана № 1 группы Копанки-II:
1 — план и профили контрольных бровок кургана № 1; 2 — погребение 1; 3-4 — погребение 2.
- Рис. 58.** Общность культур многоваликовой керамики. Сводная таблица.
- Рис. 59.** Жилища срубной культурно-исторической общности в лесостепи:
1 — пос. Таранцево, жилище № 1; 2 — очаг в жилище № 1; 3 — пос. Сердюково-2, жилище № 1; 4 — пос. Рубцы, жилище № 1; 5 — пос. Пески Радьковские, жилище № 1; 6 — пос. Снежковка-7, жилище № 1; 7 — пос. Снежковка-7, жилище № 5; 8 — каменный алтарь-жертвенник из жилища № 2 пос. Снежковка-7; 9 — остатки алтаря-жертвенника в жилище № 3 пос. Снежковка-7.

Условные обозначения: а — столбовая ямка; б — глиняная обмазка; в — очаг; г — куски камня; д — хозяйственная яма; е — задернованный слой; ж — культурный слой; з — грунт заполнения котлованов жилищ; и — золистый слой; к — материк.

Рис. 60. «Длинный» курган № 1 у хут. Котовского:

Условные обозначения: а — современный контур насыпи; б — насыпь над погребением 1 многоваликовой общности; в — досыпка над срубным погребением 2; г — насыпь над катакомбным погребением 5; д — досыпка над срубным погребением 7; е — пахотный слой; ж — материковый выброс из могилы; з — погребенная почва; и — материк; к — культовая площадка; л — погребение 4 по обряду кремации с захоронением праха в керамической урне.

Рис. 61. Погребения кургана № 1 у хут. Котовского:

1-2 — погребение 2; 3-4 — погребение 7; 5-6 — погребение 3; 7-9 — погребение 6; 10 — сосуд-урна погребения 4.

Рис. 62. Курган № 1 группы Петрополье-I:

1 — план и профили контрольных бровок кургана № 1; 2-3 — погребение 2.

Рис. 63. Погребения срубной общности (3-я ОГ):

1 — план и профили контрольных бровок кургана № 2 группы Петровское-I; 2-4 — Петровское-1 2/1; 5-6 — Петровское-1 4/1; 7-8 — Петровское-I 4/2.

Рис. 64. Погребения срубной общности (3-я ОГ):

1 — план и профили контрольных бровок кургана № 1 группы Копани-I; 2-4 — Копани-I 1/1.

Рис. 65. Погребения срубной общности (3-я ОГ):

1 — план и профиль ЦБ кургана № 3 группы Копанки-I; 2-3 — Копанки-I 1/1; 4 — Копани-I 4/1; 5 — Копани-I 4/2.

Рис. 66. Погребения 3-й и 4-й ОГ кургана № 7 группы Старомажарово-I:

1 — план и профили контрольных бровок кургана № 7; 2-3 — погребение 1; 4, 7-8 — погребение 3; 5 — погребение 2; 6, 9-10 — погребение 4.

Рис. 67. Погребения 3-й ОГ:

1, 3-4 — Старомажарово-I 5/1; 2, 5-6 — Старомажарово-I 5/2; 7-9 — Красная Гусаровка-«А» 1/3; 10-11 — Калиновка-I 1/1.

Рис. 68. Погребения 3-й ОГ:

1-4 — Красная Гусаровка-«А» 2/2; 5-6 — Копани-I 3/2; 7-9 — Кисели-I 1/1.

Рис. 69. Керамика из погребений 3-ей ОГ:

1 — Красная Гусаровка-«А» 1/8; 2, 4 — Егоровка-II 3/6; 3 — Егоровка-II 3/13; 5-6 — Копани-1 4/1; 7-8 — Копани-I 4/1-а; 9 — Рождественка 1/9; 10 — Калиновка-I 6/2; 11-12 — Калиновка-I 2/1.

Рис. 70. Погребения 4-й ОГ кургана № 2 группы Красная Гусаровка-«Б»:

1 — план и профиль ЦБ кургана № 2; 2 — погребение 2; 3 — погребение 1; 4-7 — сосуды с уровня древнего горизонта.

Рис. 71. Погребение 4-й ОГ в кургане № 2 группы Залиман-I:

1 — план и профили ЦБ кургана № 2; 2-4 — погребение 1.

Условные обозначения: а — культовая площадка; б — пахотный слой; в — погребенная почва; г — материк.

Рис. 72. Курган № 2 группы Мажарка-I:

Условные обозначения: а — кости животного; б — продукты горения; в — глина; г — деревянный столбик; д — пахотный слой; е — погребенная почва; ж — материк.

Рис. 73. Погребения 4-й ОГ:

1 — Мажарка-I 2/1; 2-4 — Красная Гусаровка-«Г» 3/1; 5-8 — Красная Гусаровка-«Г» 5/3; 9-11 — Красная Гусаровка-«Б» 3/2.

Рис. 74. План и профили контрольных бровок кургана № 3 группы Лиман-I.

Условные обозначения: а — культовая яма; б — кострище; в — материковый выброс из могилы; г — пахотный слой; д — первая насыпь; е — погребенная почва; ж — материк; з — сосуд.

Рис. 75. Погребения 4-й ОГ из кургана № 3 группы Лиман-I:

1, 7 — погребение 3; 2, 8, 13 — погребение 2; 3, 10 — погребение 4; 4, 9 — погребение 6; 5, 12 — погребение 7; 6, 11 — погребение 5.

Рис. 76. Погребения 4-й ОГ:

1-3 — Старомажарово-1 6/2; 4 — Старомажарово-1 6/3; 5-6 — Новоосиново-1 1/1; 7-8 — Хотомля-11 1/9; 9 — Калиновка-1 1/2; 10 — Хотомля-11 1/8; 11 — Калиновка-1 4/1.

Рис. 77. Керамика из погребений 4-й ОГ:

1 — Старомажарово-1 6/3; 2 — Калиновка-1 1/2; 3-8 — Хотомля-11 1/8; 4 — Грушеваха-1 3/2; 5 — Егоровка-11 4/3; 6 — Хотомля-111 3/1; 7 — Хотомля-111 2/1; 9 — Красная Гусаровка-«А» 1/4; 10 — Красная Гусаровка-«А» 1/5; 11 — Копанки-1 2/2; 12 — Калиновка-1 4/1.

Рис. 78. Курган № 6 группы Калиновка-1:

1 — план и профили контрольных бровок кургана № 6; 2, 6 — погребение 1; 3 — погребение 2; 4-5 — погребение 3.

Рис. 79. Общая схема классификации керамики срубной общности.**Рис. 80.** Техническая керамика:

1, 6, 8, 11, 12, 14, 17, 20, 22-25 — пос. Таранцево; 2, 5, 16, 21 — пос. Студенок-VI; 4, 7, 10, 26 — пос. Снежковка-7; 3, 9, 13, 15, 18, 19, 27, 28 — пос. Горбанщина.

Рис. 81. Глиняные и каменные литейные формы:

1-3 — пос. Таранцево; 4, 6 — пос. Студенок-VI; 5 — Хотомля-11 1/3; 7-8 — с. Сеньково, случ. находки; 9 — пос. Терновая-1; 10, 12 — находки на территории Харьковской области; 11 — г. Сумы, случайная находка.
1-4 — глина; 5-12 — камень.

Рис. 82. Изделия из камня и кремня:

1-2 — Граково, курган № 1; 3 — пос. Городное-2; 4 — пос. Грушеваха; 5 — пос. Зливки; 6, 11, 12, 22 — пос. Снежковка-7; 7 — пос. Горбанщина; 8 — пос. Подгороднее-4; 9, 10, 13, 17-20, 23 — пос. Таранцево; 14 — пос. Старый Салтов-1; 15 — пос. Студенок-VI; 16 — пос. Голубовка-IV; 21 — пос. Поляны-1.
1-13 — камень; 14-23 — кремень.

Рис. 83. Изделия из кости, рога и дерева:

1, 2, 6 — пос. Снежковка-7; 3-5 — пос. Студенок-VI; 7-8 — Котовского 1/6; 9-11, 15 — пос. Таранцево; 12-14 — пос. Горбанщина; 15 — Тимашовка 2/2; 16 — Петрашовка 5/2; 17 — Петрашовка 7/1; 18 — Копани-1 4/1.
1-17 — кость; 18 — дерево; 19 — рог.

Рис. 84. Изделия из бронзы:

1 — Новый Мерчик 1/4; 2 — Котельва, «Русавцева могила» 1/1; 3 — Красная Гусаровка-«А» 1/4; 4 — пос. Коломак; 5 — пос. Янохино; 6, 10, 14 — находки на территории Харьковской области; 7 — Байрак 1/1; 8 — с. Войновка Полтавской обл., случайная находка; 9 — Красная Гусаровка-«А» 1/8; 11 — Байрак 2/1; 12 — Волчанок 2/1; 13 — Барановка 2/8.

Рис. 85. Изделия из бронзы:

1 — Красная Гусаровка-«А» 2/2; 2 — Котовского 1/3; 3 — с. Бугаи Харьковской обл., случ. находка; 4 — с. Буланово Полтавской обл., случ. находка; 5 — пос. Рябухино; 6 — с. Шаховка Полтавской обл., случ. находка; 7 — пос. Лизогубовка; 8 — пос. Терновая; 9 — пос. Поляны-1; 10 — пос. Таранцево; 11-12 — находки на территории Харьковской обл.; 13 — Сухая Гомольша; 14 — Восточное управление Вольского городища; 15 — с. Волчик Полтавской обл., случайная находка.

Рис. 86. Изделия из бронзы:

1 — с. Гарбузовцы Полтавской обл., случ. находка; 2 — с. Петровка Полтавской обл., случ. находка; 3 — Харьковская обл., случ. находка; 4 — пгт. Соколово Харьковской обл., случ. находка; 5 — пос. Таранцево; 6 — с. Солдатское Харьковской обл., случ. находка; 7 — г. Изюм, случ. находка; 8 — г. Чугуев, случ. находка; 9 — с. Карачевка; 10 — Харьковская обл., случ. находка; 11 — с. Иваницы бывш. Полтавской губ.; 12 — с. Хоружее Полтавской обл.; 13 — Полтавская обл., случ. находка; 14 — Полтавская обл., случ. находка; 15 — Харьковская обл., случ. находка; 16-17 — Харьковская обл., случ. находки; 18 — с. Вьюнцы Полтавской обл., случ. находка; 19 — Харьковская обл., случ. находка; 20 — пос. Большая Даниловка; 21-22 — Котовского 1/6; 23, 29, 38 — пос. Горбанщина; 24-25 — Черногородка 2/2; 26 — пос. Таранцево; 27 — Котельва, «Русавцева могила» 1/1; 28 — Красная Гусаровка-«В» 3/1; 30 — пос. Новодоновка-2; 31 — Котовского 1/2; 32-35 — Лиман-1 2/6; 36 — серьги погребения 2/6 в момент расчистки; 37 — пос. Сердюково-2.

Рис. 87. Памятники раннего этапа срубной общности:

1 — Ахтырка; 2 — Байрак-I; 3 — Байрак-II; 4 — Барановка; 5 — Безымянная могила; 6 — Большая Даниловка; 7 — Бочановка; 8 — Бражковский; 9 — Бражники; 10 — Великая Камышеваха; 11 — Вишневка-I; 12 — Вишневый сад; 13 — Волчанск; 14 — Волчик; 15 — Волчья Гора; 16 — Воронцовка; 17 — Горбанщина; 18 — Гороховатка; 19 — Госпитальный холм; 20 — Граково; 21 — Грушеваха; 22 — Деревки; 23 — Егоровка-II; 24 — Закотный; 25 — Залиман-I; 26 — Зинцы; 27 — Калиновка; 28 — Кириковка; 29 — Кисели; 30 — Князево; 31 — Колесниковка; 32 — Коломак; 33 — Копани-I; 34 — Копанки-I; 35 — Копанки-II; 36 — Котовского; 37 — Красная Гусаровка; 38 — Крутой Берег; 39 — Кулешовка; 40 — Кунье; 41 — Купянск; 42 — Лиман-I; 43 — Липовица; 44 — Лихачевка; 45 — Лукьяновка; 46 — Малая Камышеваха; 47 — Мартовая; 48 — Михайлики; 49 — Москалевка; 50 — Николаевка; 51 — Новоосиново; 52 — Новый Мерчик-I; 53 — Новый Мерчик-II; 54 — Пески; 55 — Петрашовка; 56 — Петровское-I и II; 57 — Петровское-6; 58 — Петрополье; 59 — Писаревка; 60 — Пожарная Балка; 61 — Покровский; 62 — Пологи; 63 — Полковая Никитовка; 64 — Пост-I; 65 — Прилипка; 66 — Пролетарское; 67 — Рождественка; 68 — Русские Тишки; 69 — Рубцы; 70 — Селимовка; 71 — Серго; 72 — Сердюково-2; 73 — Соваковка-I; 74 — Старомажарово-I; 75 — Старый Салтов; 76 — Сухая Гомольша; 77 — Таранцево; 78 — Тимашовка; 79 — Тимченки; 80 — Утковка-I; 81 — Хотомля-II и III; 82 — Червоне Знамено; 83 — Червоный Шлях; 84 — Чемужовка; 85 — Черногоровка; 86 — Янохино; 87 — Яроховка.

Условные обозначения: а — южная граница лесостепи; б — погребения 3-й ОГ; в — погребения 4-й ОГ; г — могильники с погребениями 3-й и 4-й ОГ; д — грунтовые могильники; е — разведанные поселения; ж — поселения, исследовавшиеся раскопками.

Рис. 88. Керамика нижнего стратиграфического горизонта пос. Таранцево.

Рис. 89. Керамика нижнего стратиграфического горизонта пос. Таранцево.

Рис. 90. Материалы поселения Утковка-I. 1-11, 13-14 — глина; 12 — камень.

Рис. 91. Керамика нижнего стратиграфического горизонта пос. Горбанщина.

Рис. 92. Керамика нижнего стратиграфического горизонта пос. Горбанщина.

Рис. 93. Керамика верхнего стратиграфического горизонта пос. Горбанщина.

Рис. 94. Керамика верхнего стратиграфического горизонта пос. Горбанщина.

Рис. 95. Памятники позднего этапа срубной общности.

Поселения: 1 — Андреевка; 2 — Артюховка; 3 — Базалеевка; 4 — Барановка; 5 — Бахтин; 6 — Безлюдовка; 7 — Безруки; 8 — Белая Гора; 9 — Бельск-5; 10 — Березняки; 11 — Берека I-V; 12 — Богодухов; 13 — Богуславка; 14 — Большая Гомольша; 15 — Большое Городище; 16 — Бугроватка; 17 — Бунаково; 18 — Введенка; 19 — Великий Перевоз; 20 — Великие Сорочинцы; 21 — Вертиевка; 22 — Верхний Салтов; 23 — Воиновка; 24 — Герасимовка; 25 — Гиевка; 26 — Глинское; 27 — Глушковка; 28 — Головино-2; 29 — Горбанщина; 30 — Городное; 31 — Гряниковка; 32 — Дальние Пески; 33 — Дементьевка; 34 — Добрянское; 35 — Довгалева; 36 — Должик; 37 — Дубнево-2; 38 — Животовка; 39 — Замостье; 40 — Зимовка; 41 — Изюм-4; 42 — Казачья Лопань-3; 43 — Кишеньки; 44 — Кицевка; 45 — Клепачи; 46 — Климковка; 47 — Клугино-Башкировка 1-3; 48 — Коломак-6; 49 — Колонтаев; 50 — Кочеток; 51 — Крапивное; 52 — Краснополье; 53 — Красный Оскол; 54 — Кротенки; 55 — Кузнецовка-13; 56 — Купьеваха; 57 — Лагери; 58 — Лазуковка; 59 — Лаптево; 60 — Лиман; 61 — Липцы; 62 — Литвяки; 63 — Лихачевка; 64 — Лысый Горб; 65 — Макуховка; 66 — Малые Проходы; 67 — Маринчино; 68 — Марки; 69 — Мацковцы; 70 — Мерефа; 71 — Михайловка; 72 — Насосная станция; 73 — Новодоновка 1-2; 74 — Огурцово; 75 — Октябрьское; 76 — Опшня; 77 — Охочее; 78 — Павловщина; 79 — Павлюковка; 80 — Петровское 1-4; 81 — Пески Радьковские; 82 — Пожня; 83 — Поляны-I; 84 — Подгороднее; 85 — Птицеферма; 86 — Пристин-2; 87 — Родной Край; 88 — Рубежное; 89 — Рябухино; 90 — Сабынино; 91 — Сады; 92 — Сары; 93 — Сидоровка-2; 94 — Снежковка-7; 95 — Солоница; 96 — Студенок-VI; 97 — Сумы; 98 — Терновая; 99 — Хотомля; 100 — Шляховое; 101 — Чугуев-9.

Могильники: 1 — Безымянная могила; 2 — Бражковский; 3 — Великая Камышеваха; 4 — Волчья Гора; 5 — Воронцовка; 6 — Граково; 7 — Грушеваха; 8 — Залиман-2; 9 — Кириковка; 10 — Князево; 11 — Копанки-1; 12 — Копанки-II; 13 — Копани-I; 14 — Красная Гусаровка; 15 — Кунье; 16 — Купьеваха; 17 — Купянск; 18 — Лиман; 19 — Малая Камышеваха;

20 — Ново-Платоновка; 21 — Новомажарово; 22 — Покровский; 23 — Рождественка; 24 — Селимовка; 25 — Серго; 26 — Станиславка; 27 — Старомахарово-2; 28 — Сухая Гомольша; 29 — Червоне Знамено; 30 — Червоный Шлях; 31 — Черногоровка; 32 — Чугуев.

Условные обозначения: а — южная граница лесостепи; б — поселения; в — курганные могильники; г — грунтовые могильники.

Рис. 96. Керамика поселения Студенок-VI.

Рис. 97. Керамика поселения Студенок-VI.

Рис. 98. Керамика поселения Снежковка-7.

Рис. 99. Керамика поселения Новодоновка.

Рис. 100. Керамика позднесрубных поселений:

1-7 — поселение Тополи; 8-13 — Поселение Липцы.

Рис. 101. Пос. Любовка-I, материалы с пола жилища № 1.

Рис. 102. Срубная общность. Сводная таблица.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ К РИСУНКАМ

Б	—	бронзовые бусы	Кс	—	кострище
Бл	—	деревянное блюдо	КТ	—	каменный топор
БС	—	бронзовые серьги	Л	—	глиняная льячка
В	—	войлок	М	—	мел
Вб	—	материальный выброс	Н	—	бронзовый нож
Д	—	дерево	О	—	красная охра
Ж	—	жаровня	ОБ	—	обмазка
ЖО	—	желтая охра	ОП	—	органическая подстилка
Зл	—	зола	ПР	—	костяная пряжка
И	—	известковая побелка	Пр	—	костяная проколка
Иг	—	бронзовая игла	Р	—	изделие из рога
К	—	камень	РТ	—	роговой топорик-навершие
КЖ	—	кости животных	С	—	сосуд
КМ	—	каменный молот	Ск	—	кремневый скребок
КН	—	кремневый наконечник копья	Тз	—	остатки тризны
Кн	—	кремень	Тр	—	травы
КО	—	комки охры	У	—	древесный уголь
Ко	—	костяные кольца	Фр	—	фрагмент керамики
КП	—	культовая площадка	Ш	—	бронзовое шило
Кр	—	остатки кремации			

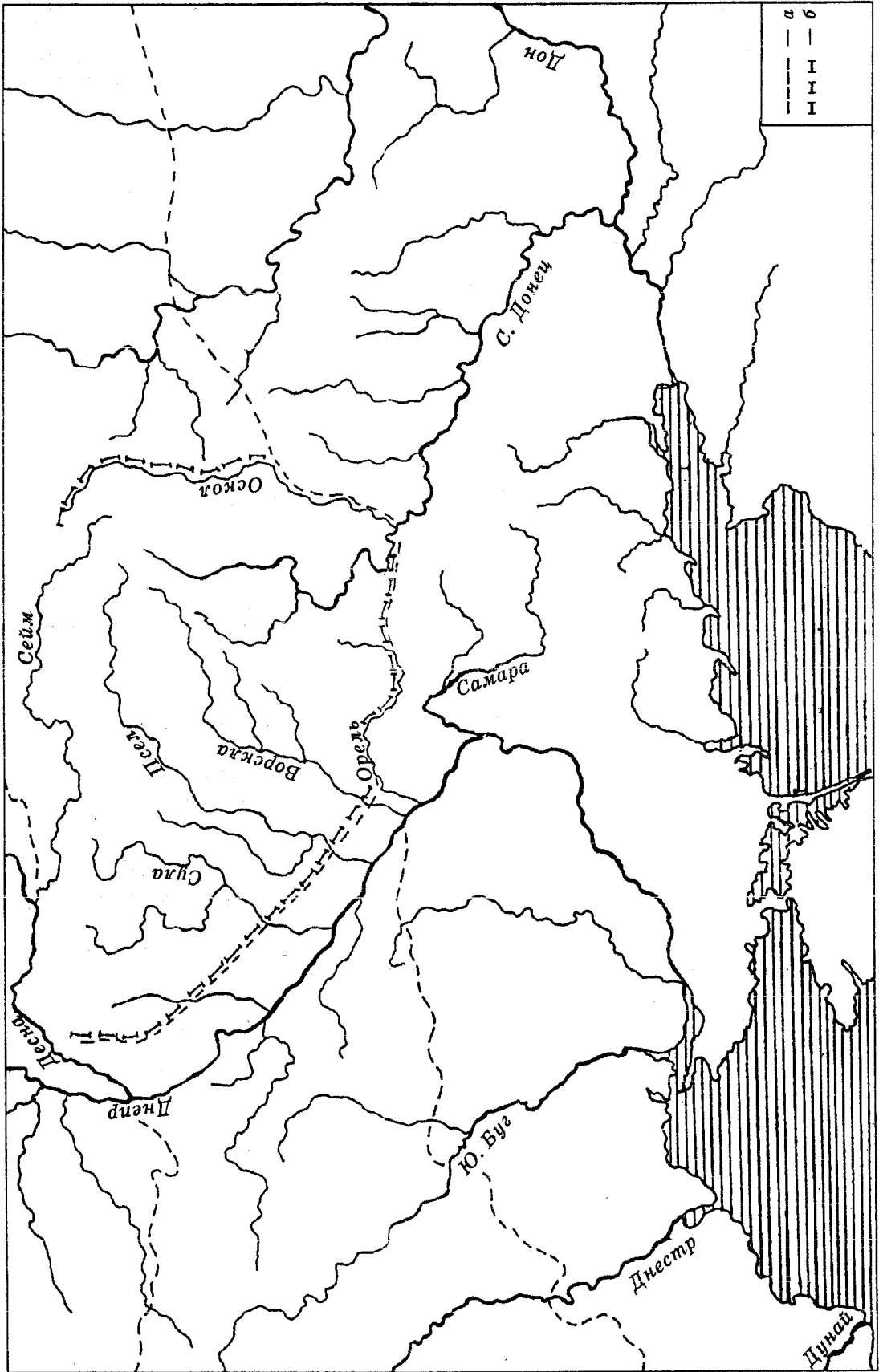

Рис. 1

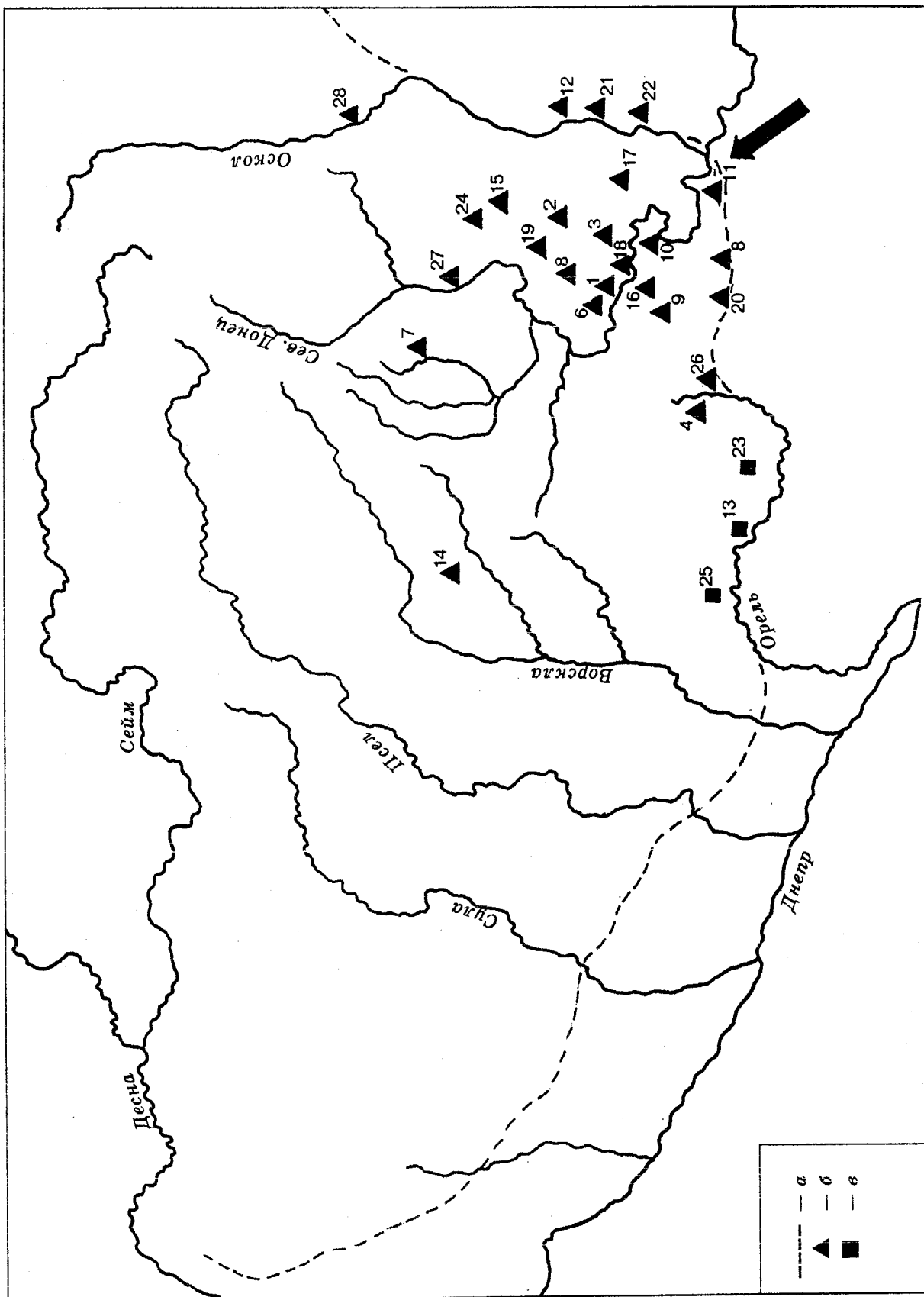

Рис. 2

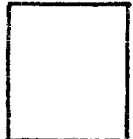
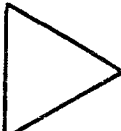

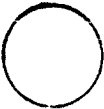

ГРУППА: Т-ОБРАЗНЫЕ				ГРУППА: Н-ОБРАЗНЫЕ			
ТИП		ПОДТИП		ПОДТИП		ТИП	
I		1		ВАРИАНТ	1		I
II		2		A	2		II
III		3		Б	3		III
IV		4		Б	4		IV
V							V
VI							VI

Рис. 3

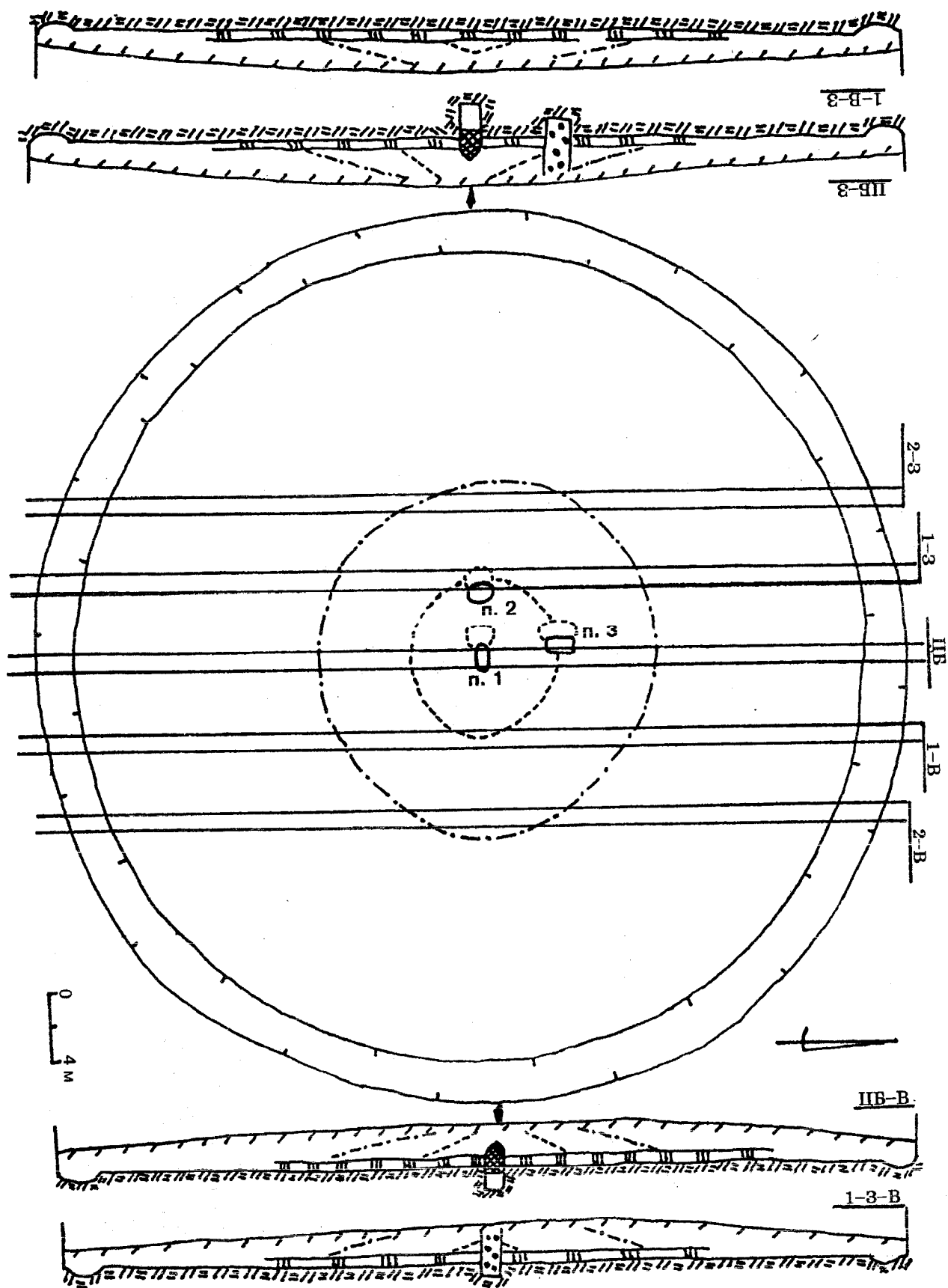

Рис. 4

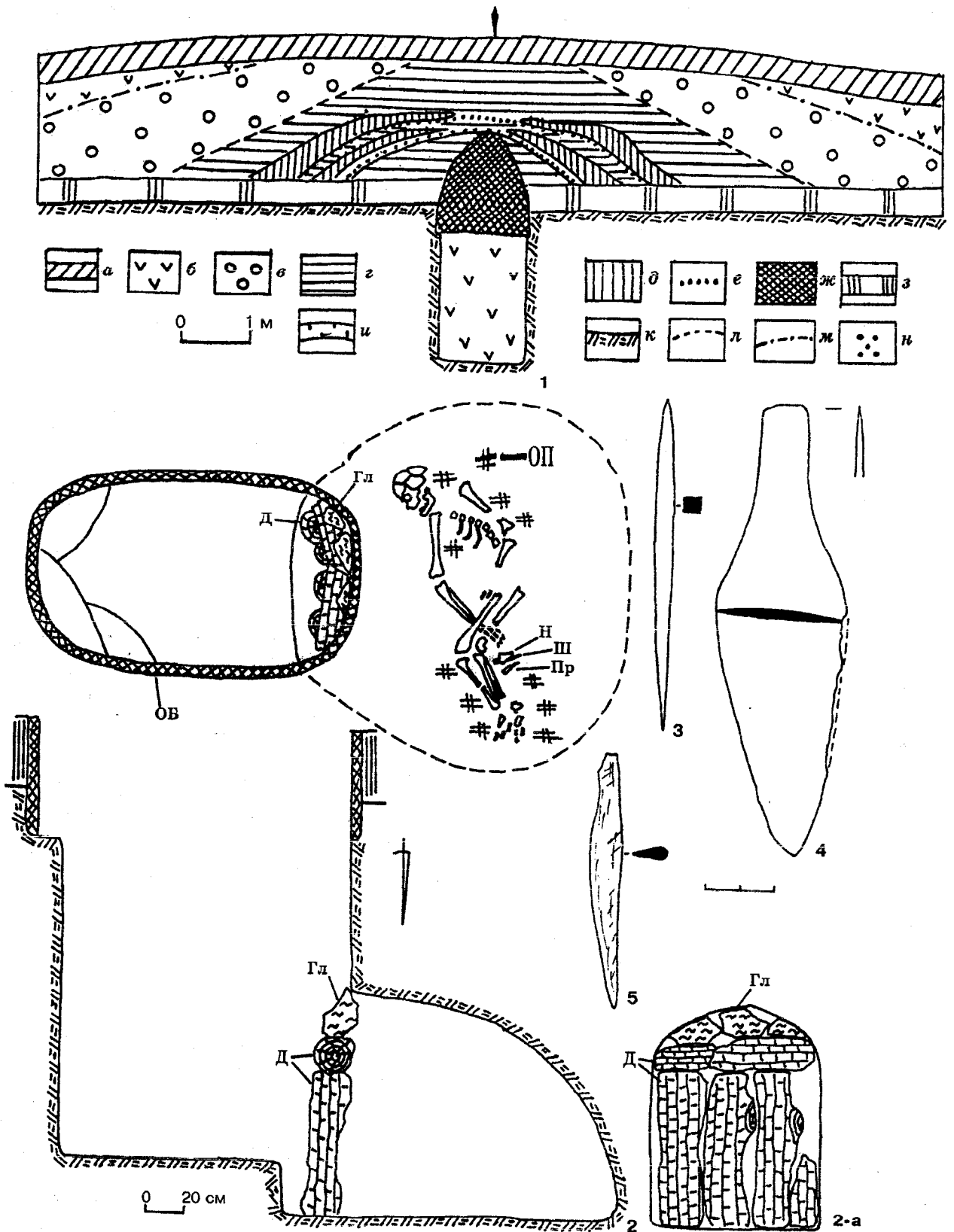

Рис. 5

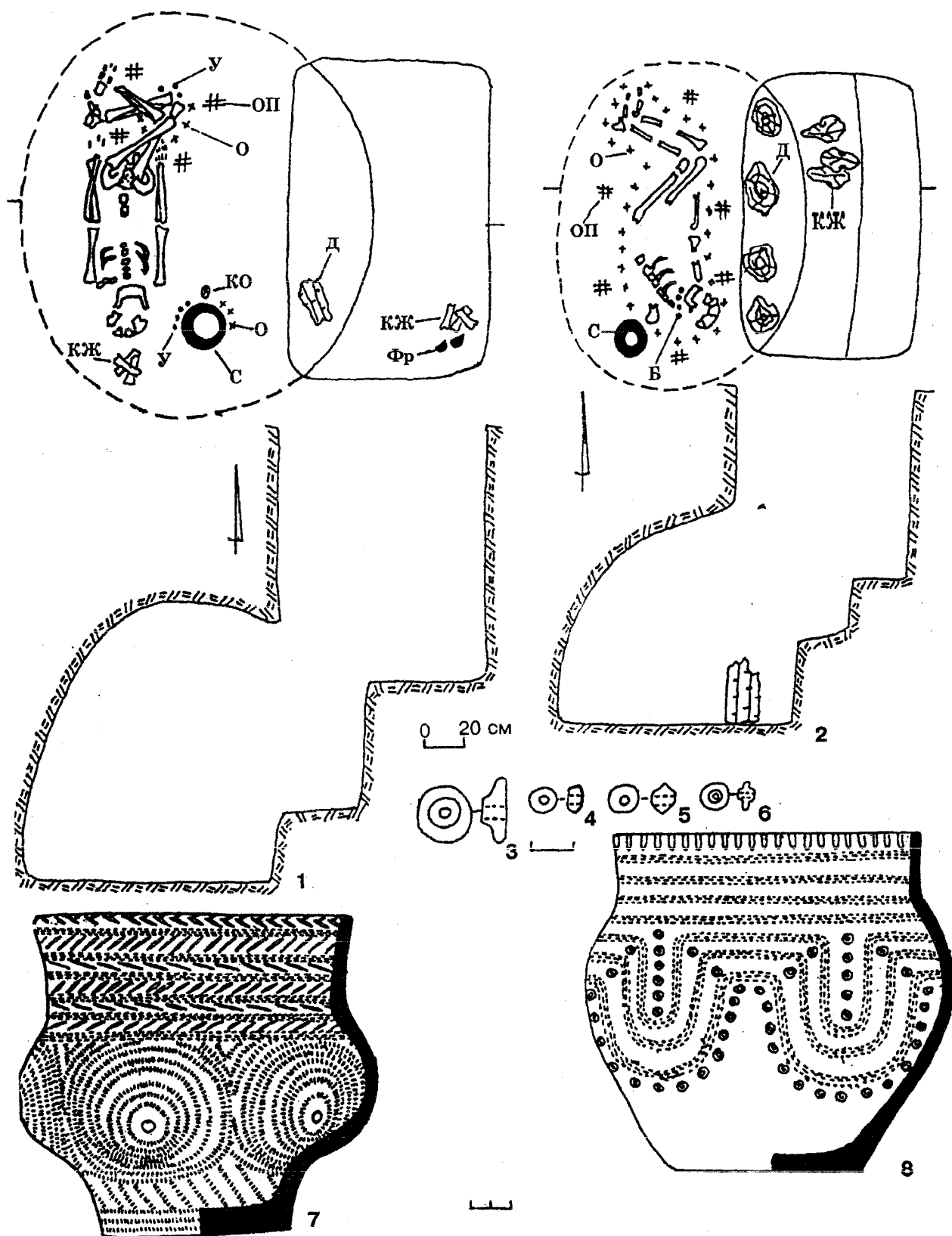

Рис. 6

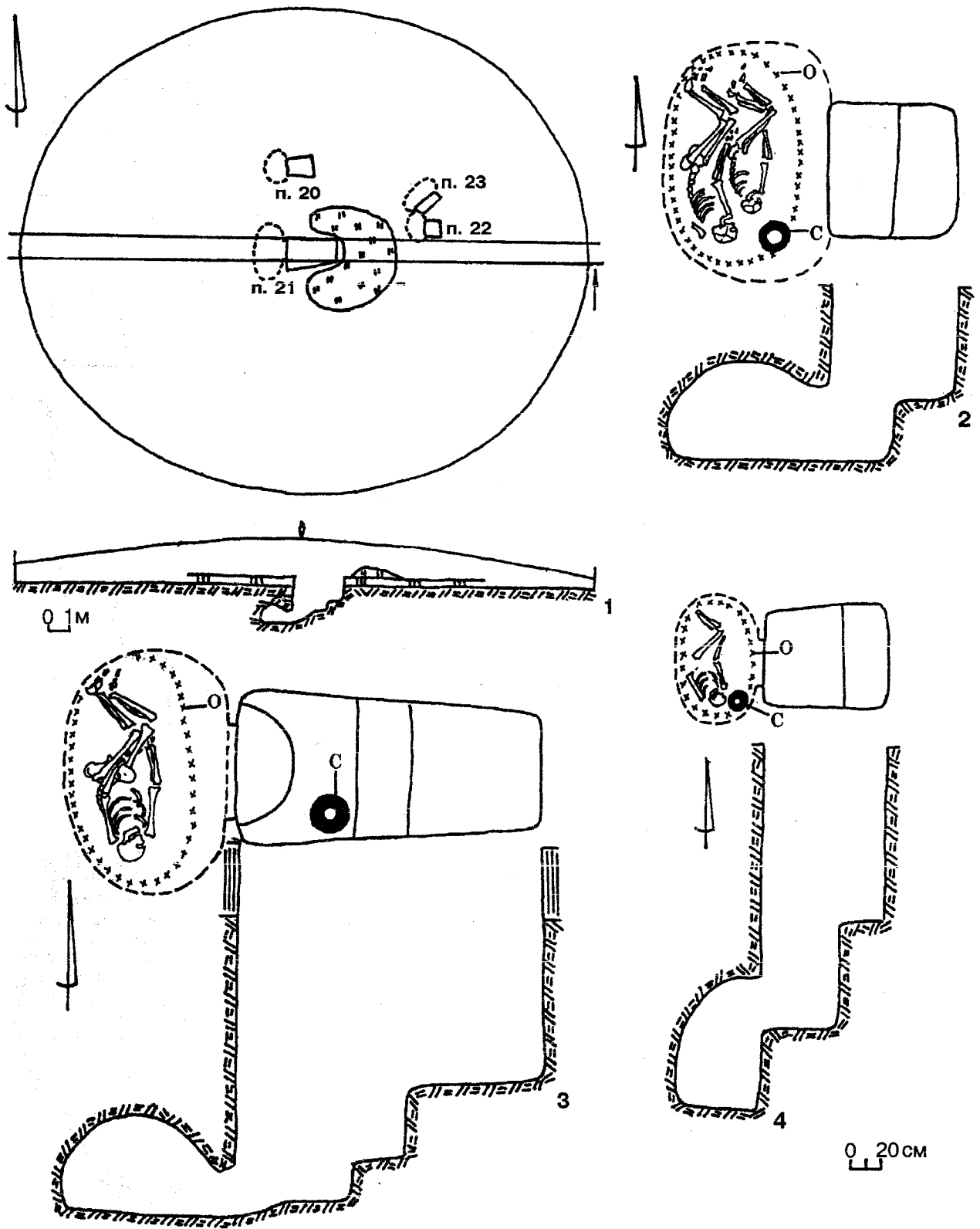

Рис. 7

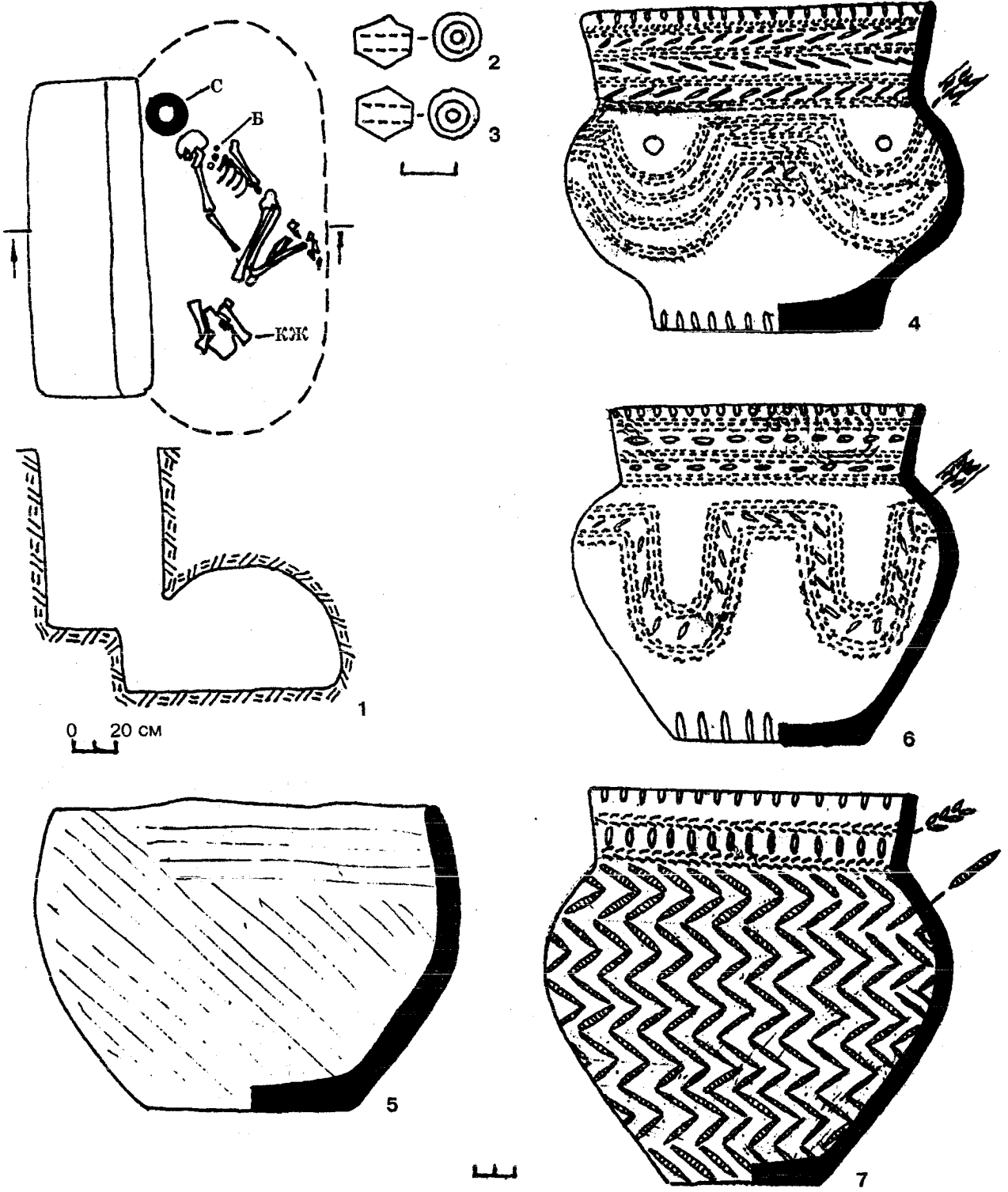

Рис. 8

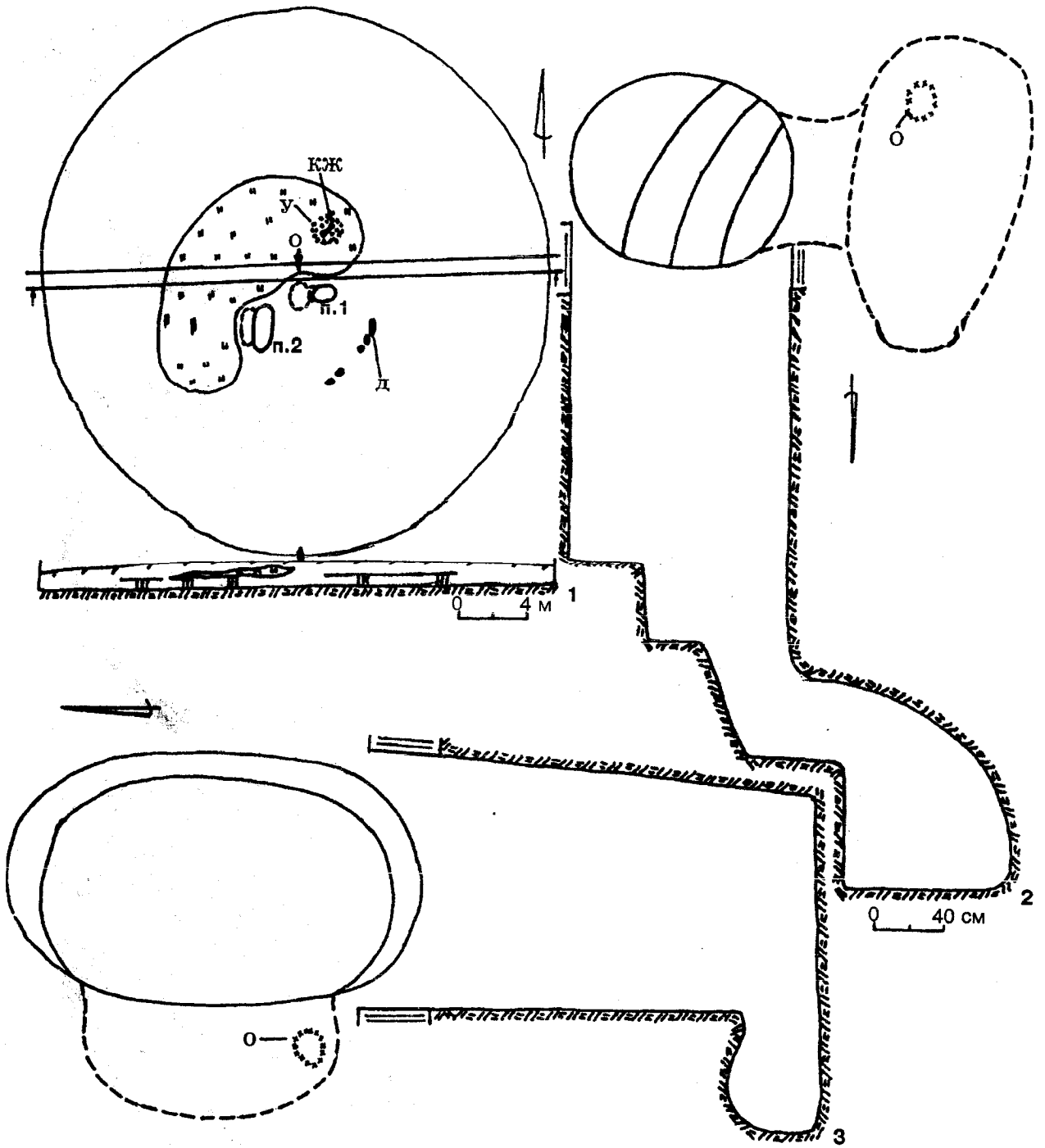

Рис. 9

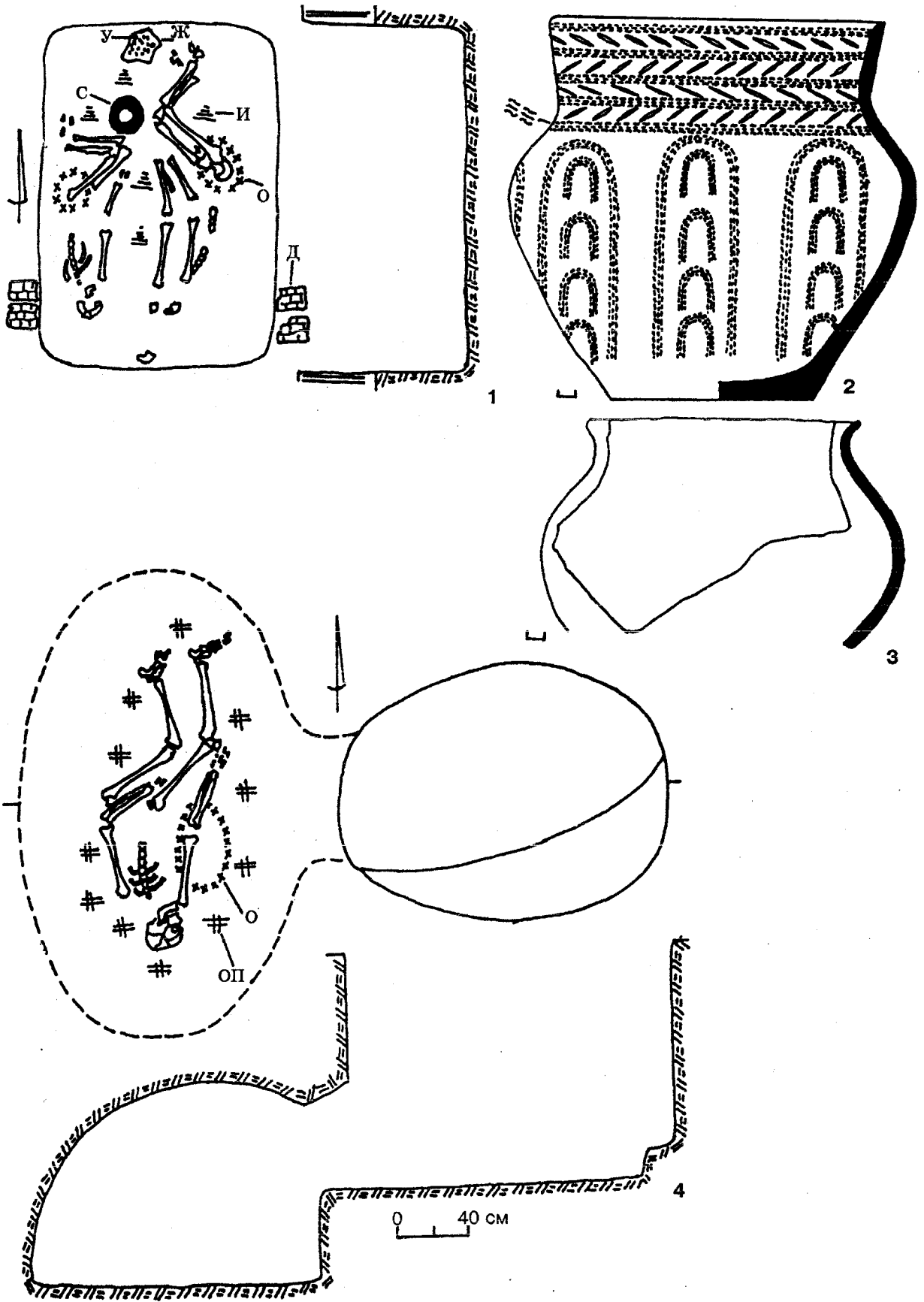

Рис. 10

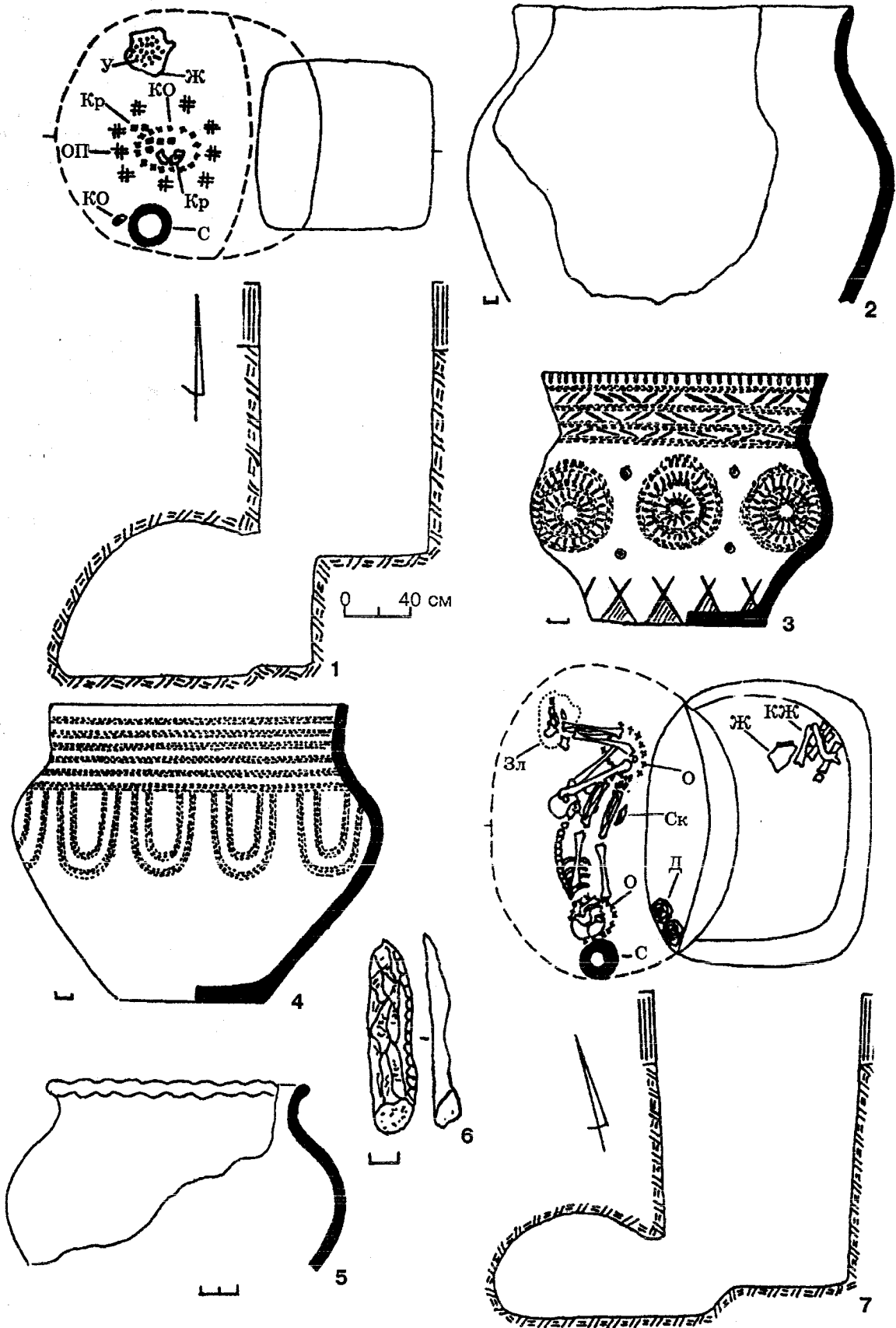

Рис. 11

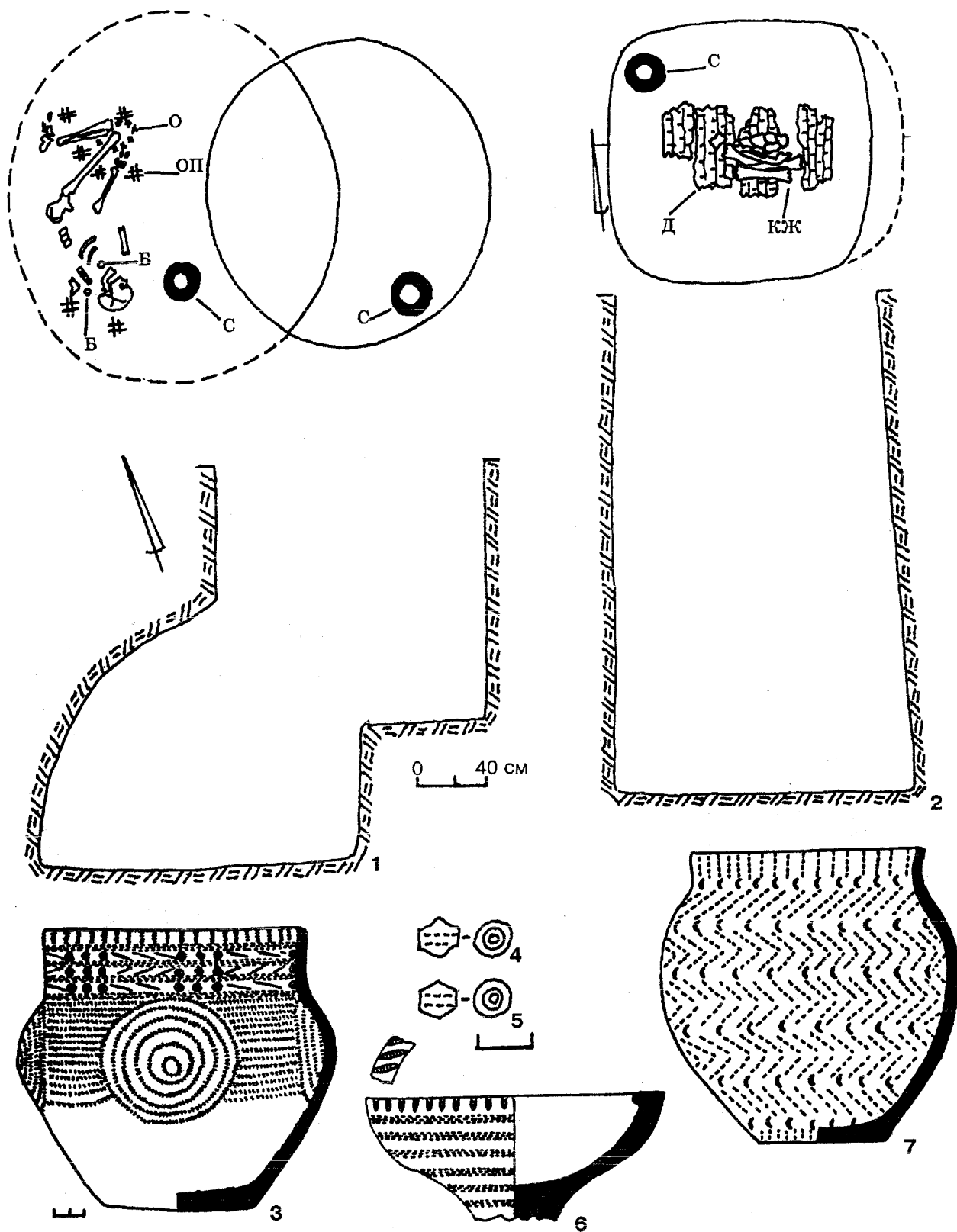

Рис. 12

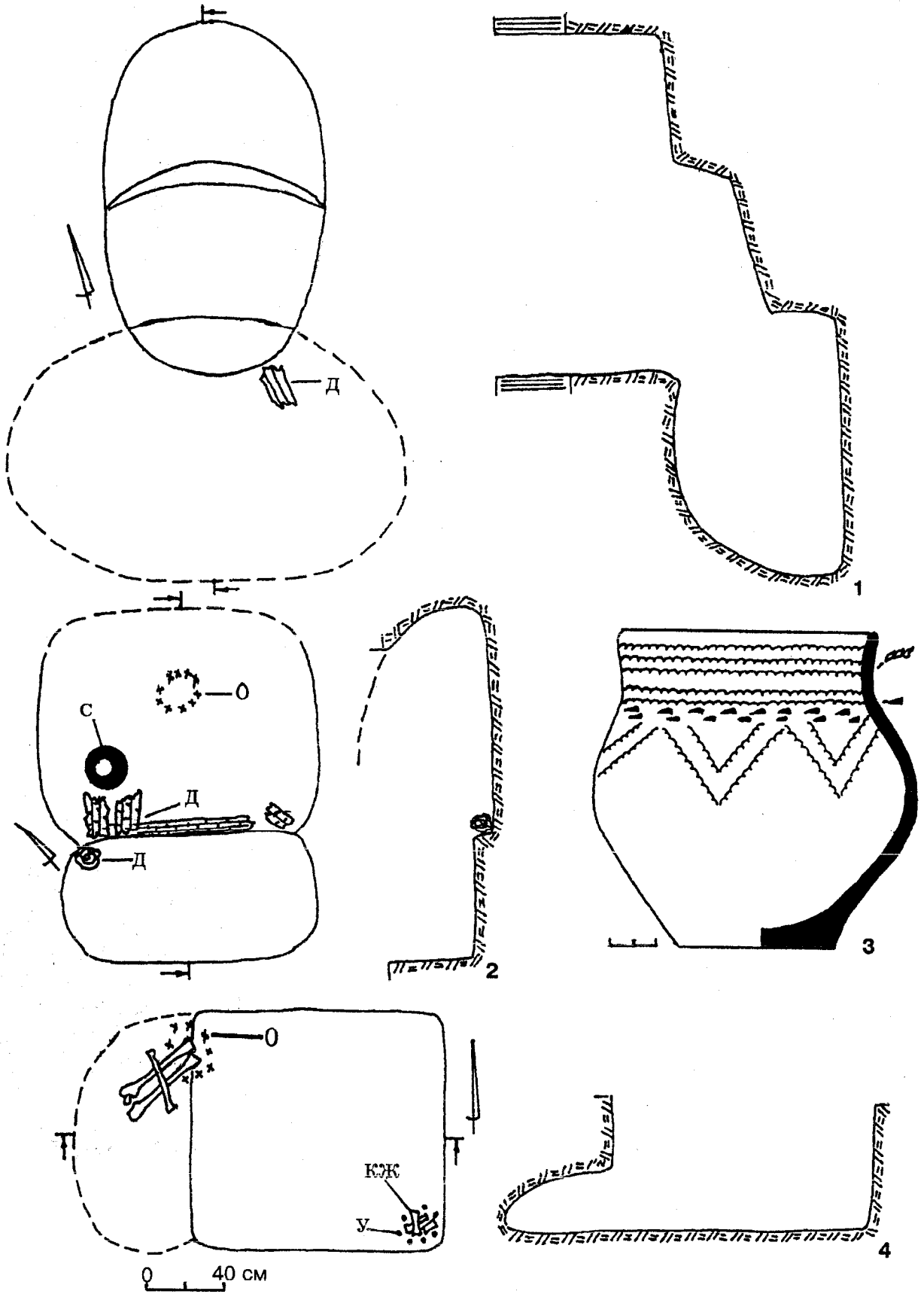

Рис. 13

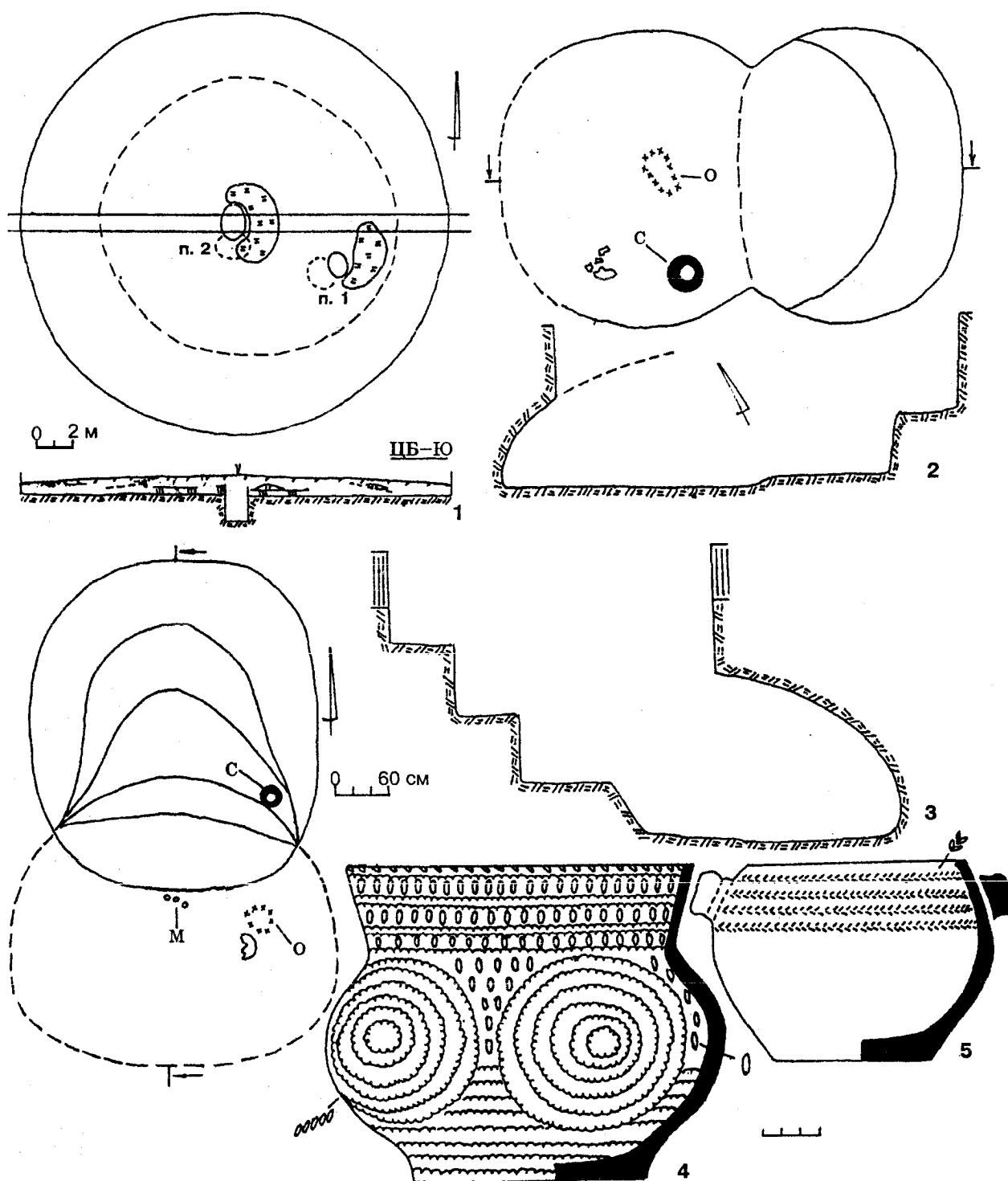

Рис. 14

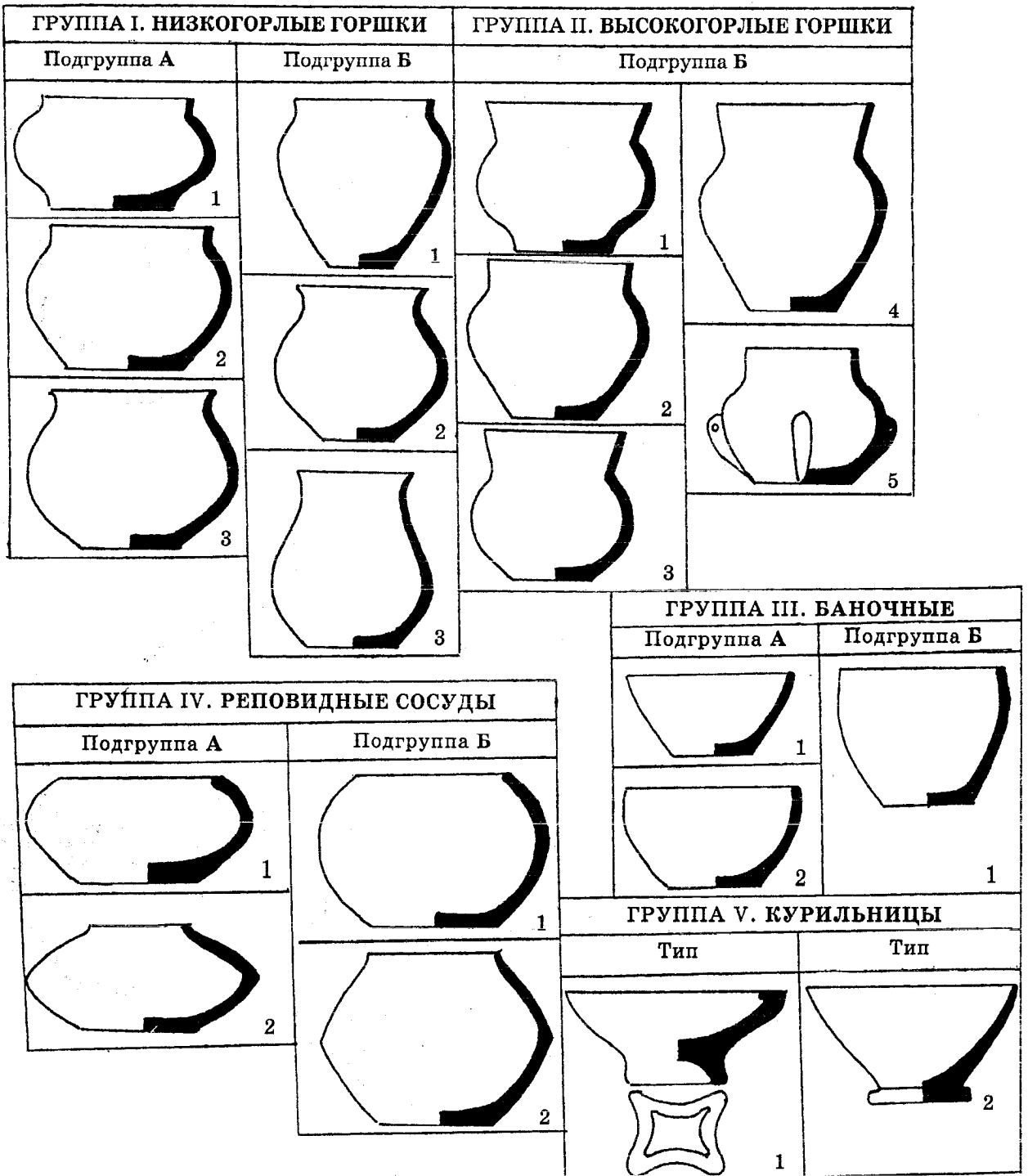

Рис. 15

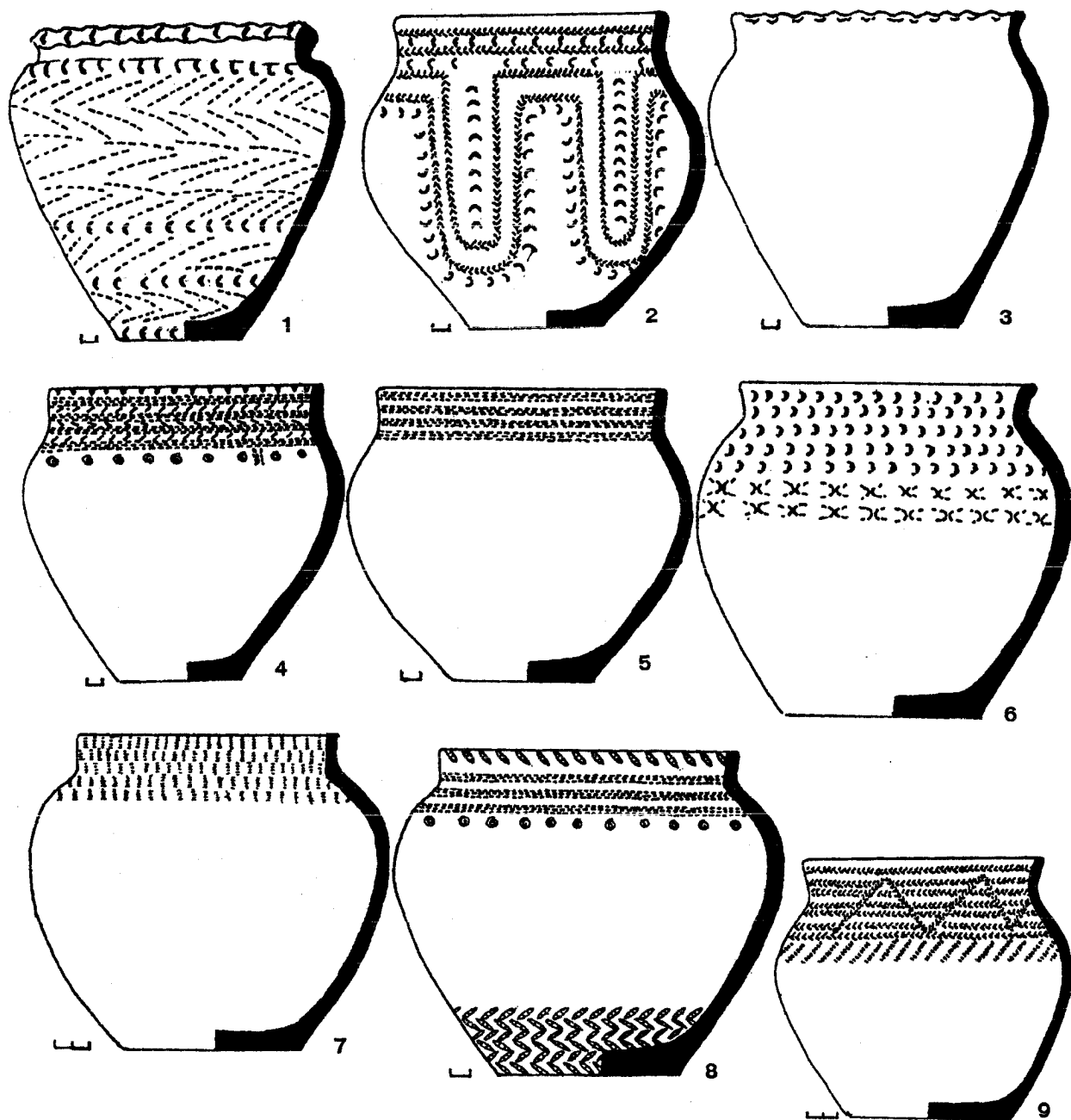

Рис. 16

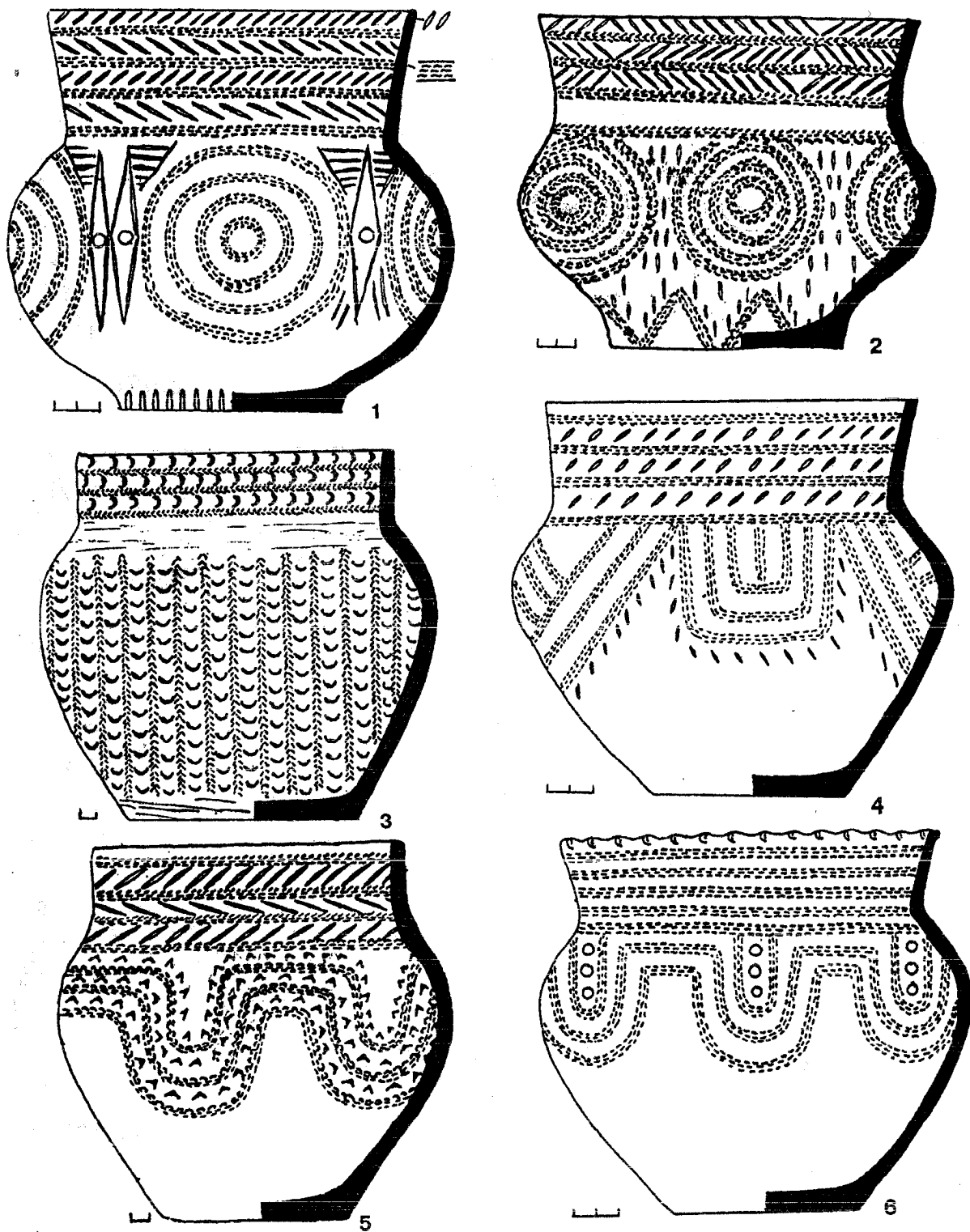

Рис. 17

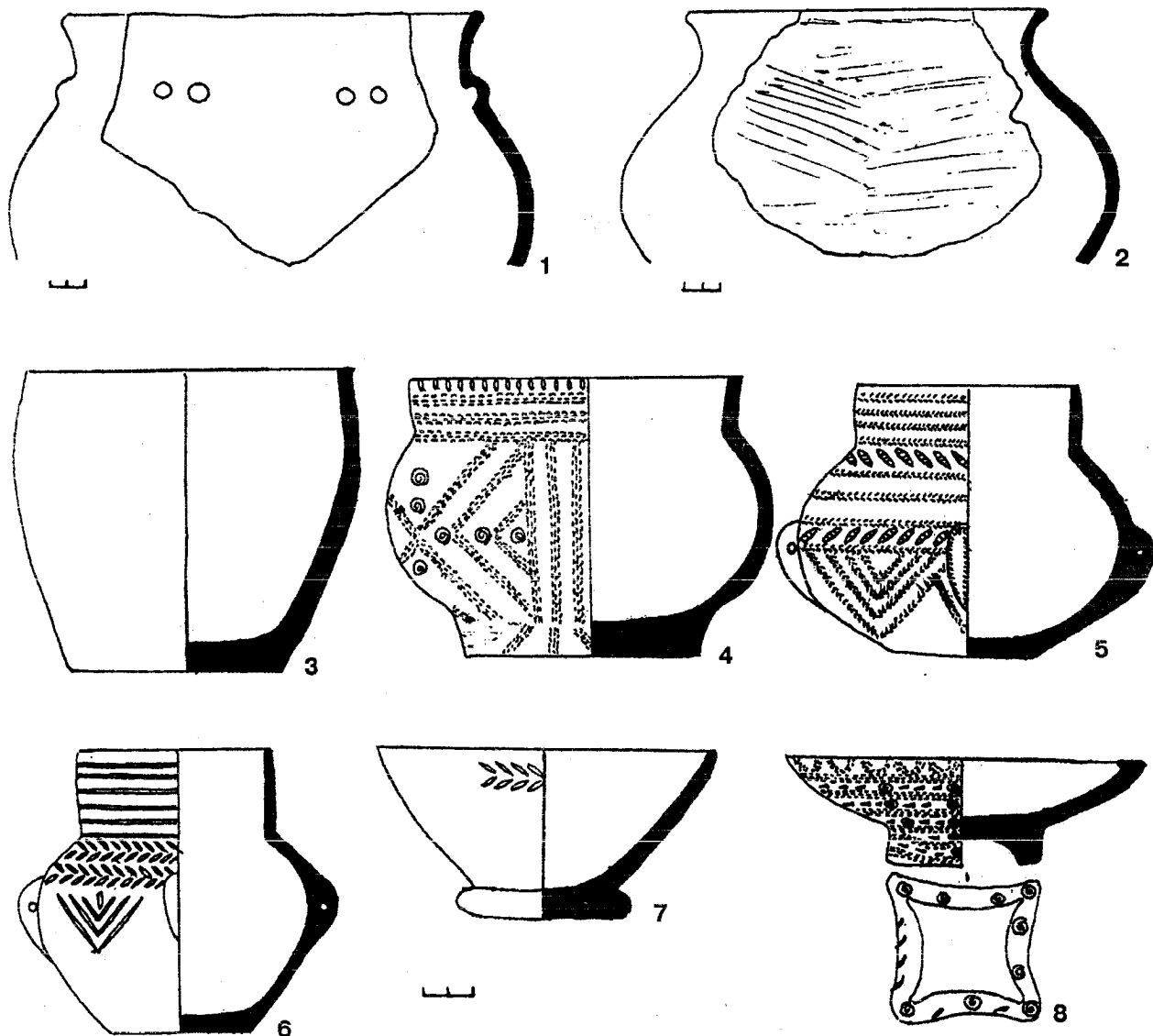

Рис. 18

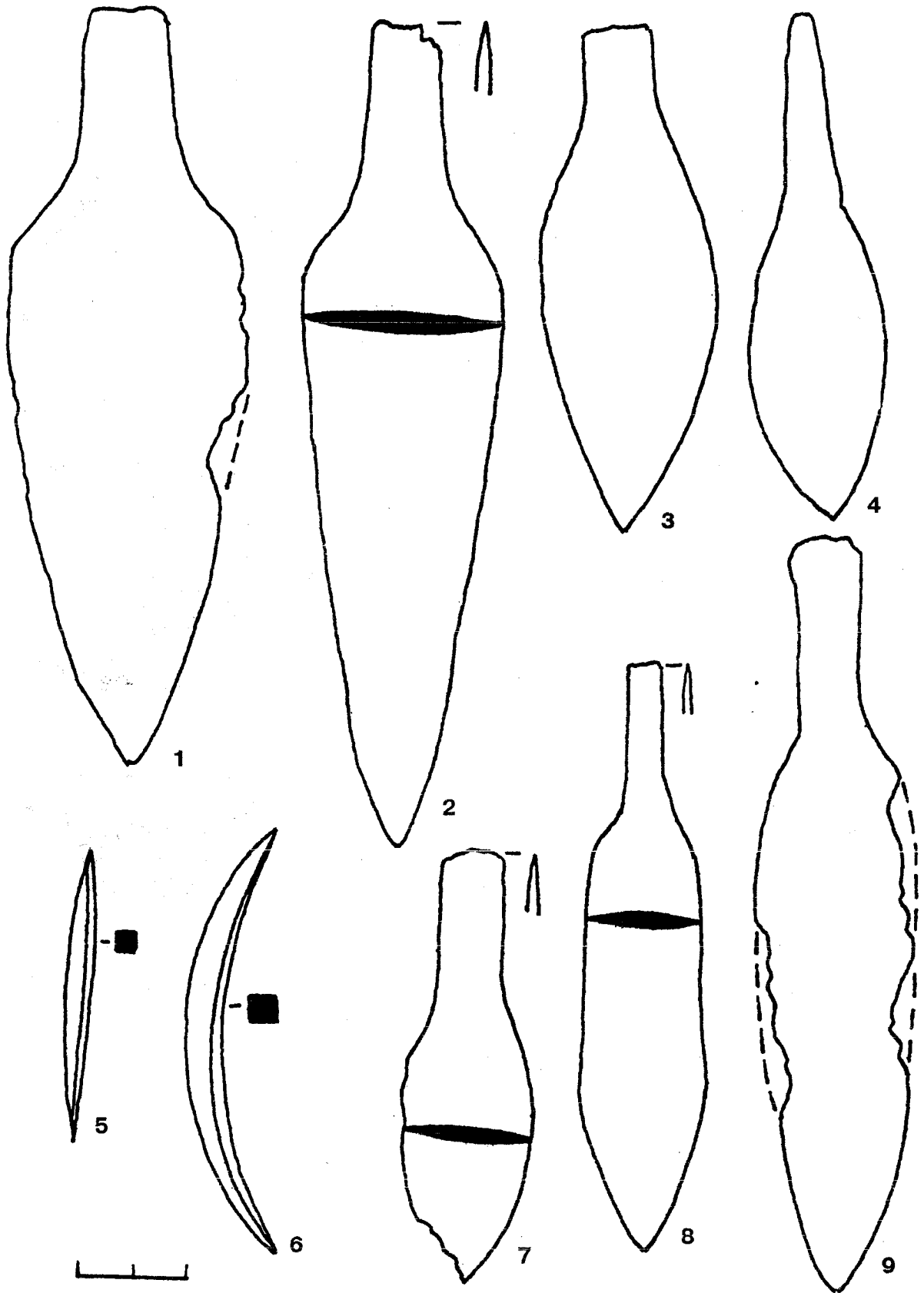

Рис. 19

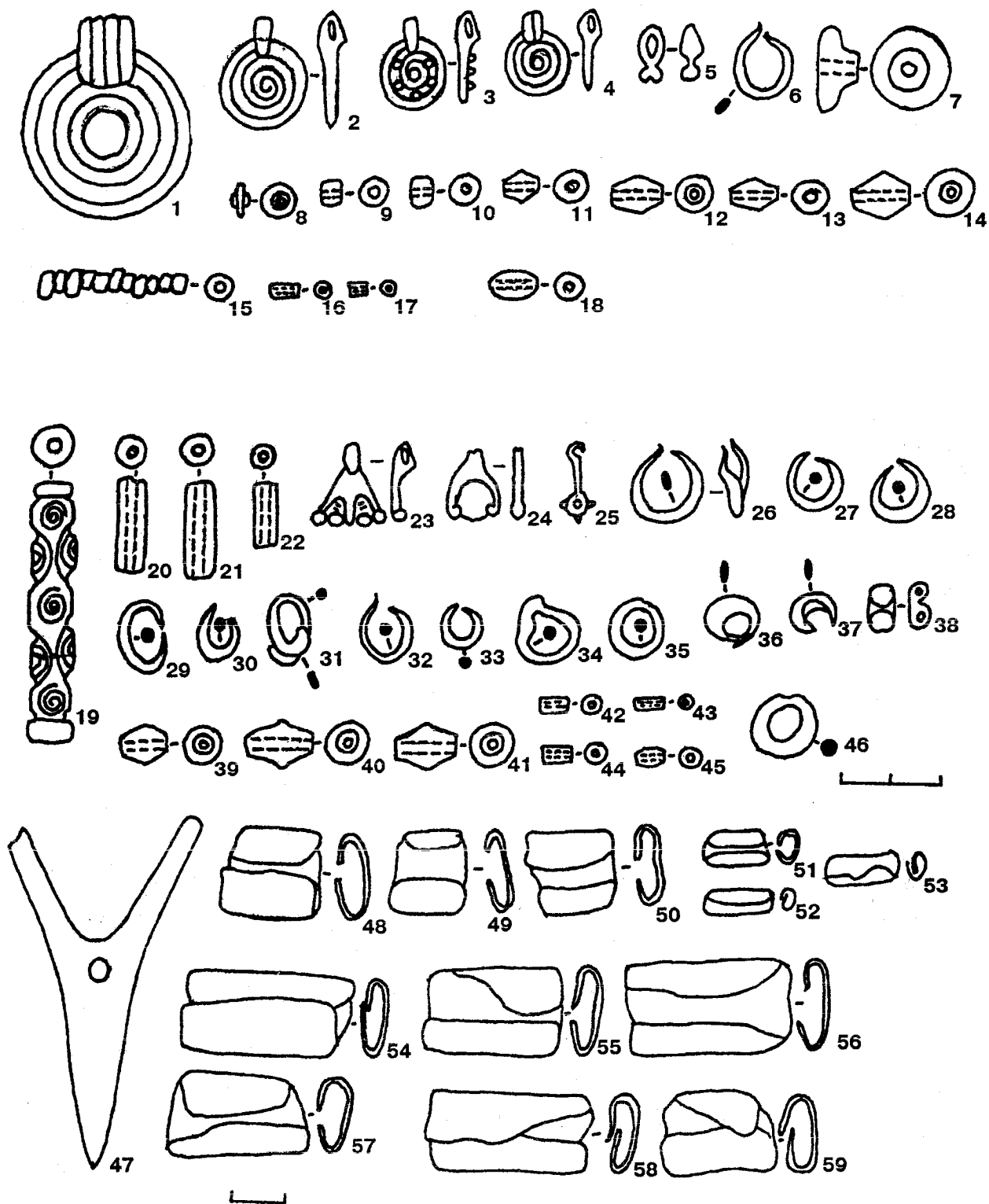

Рис. 20

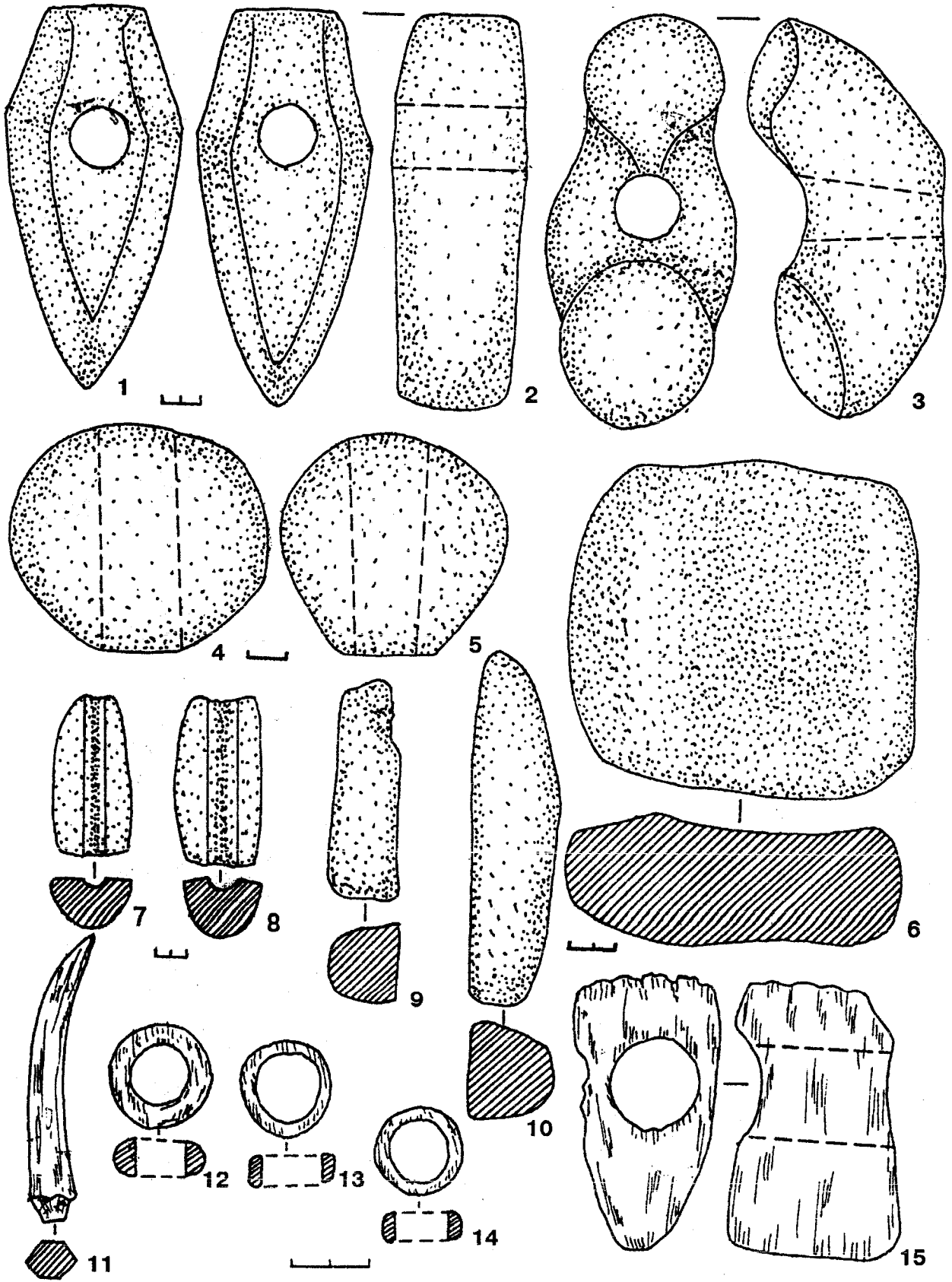

Рис. 21

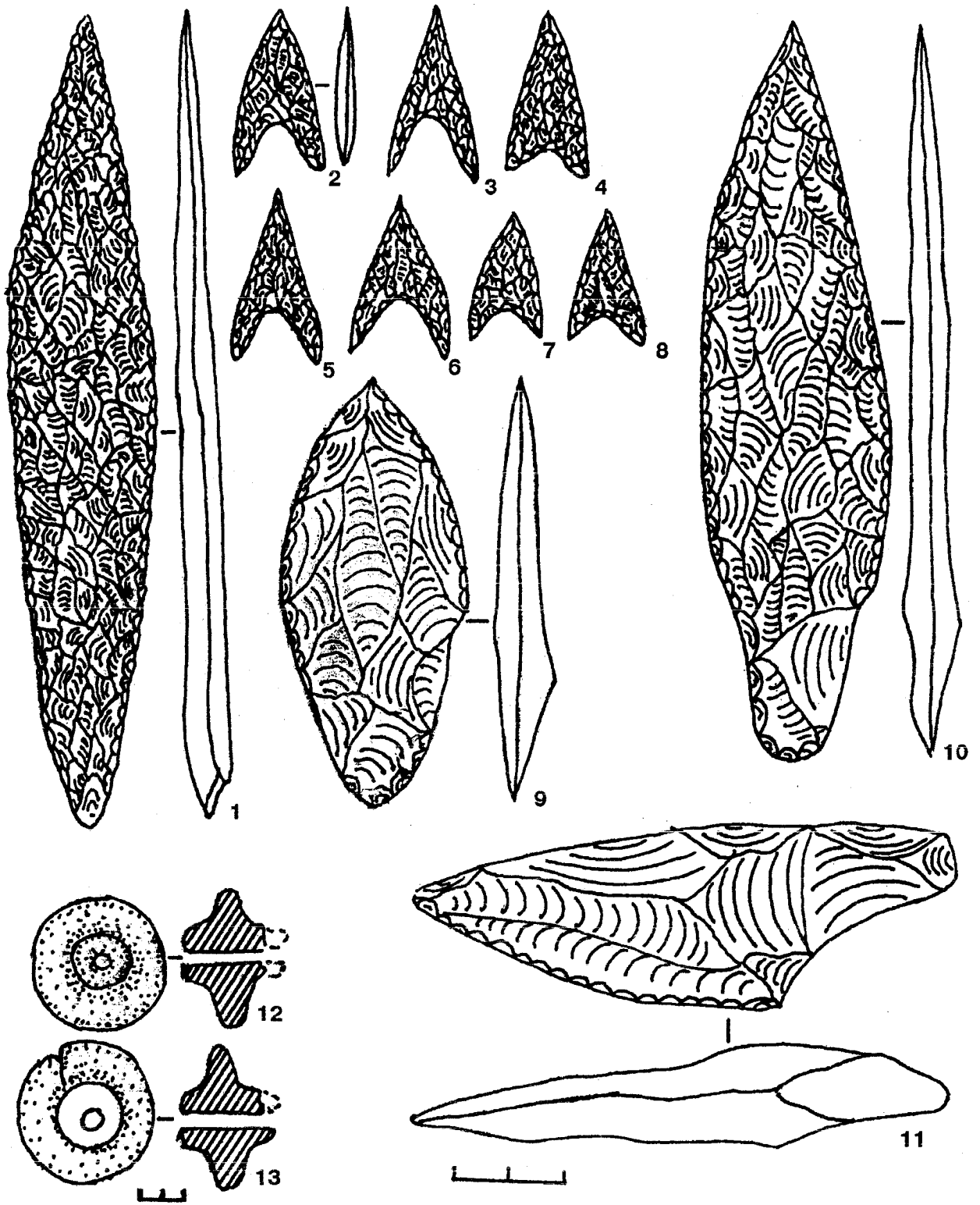

Рис. 22

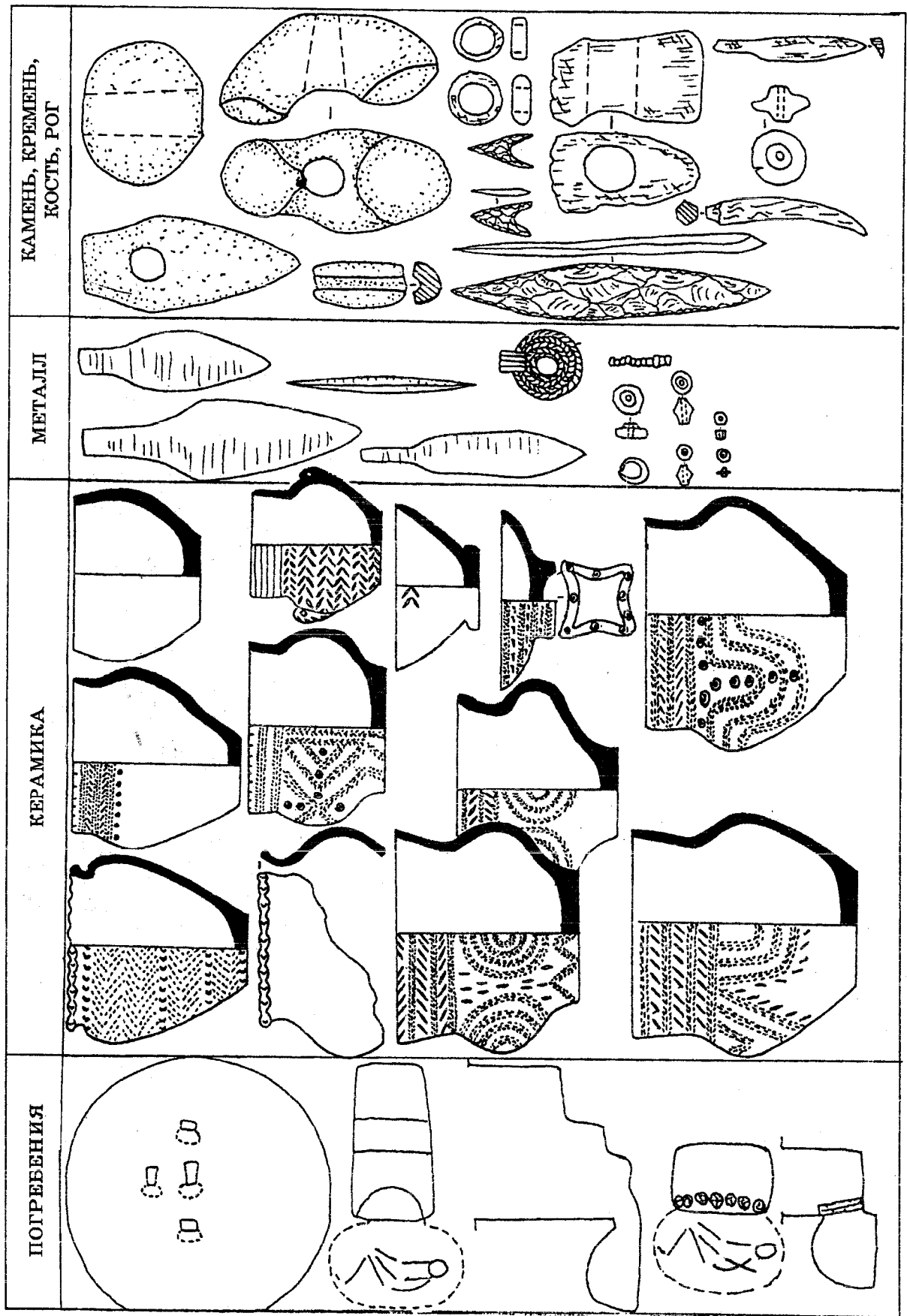

Рис. 23

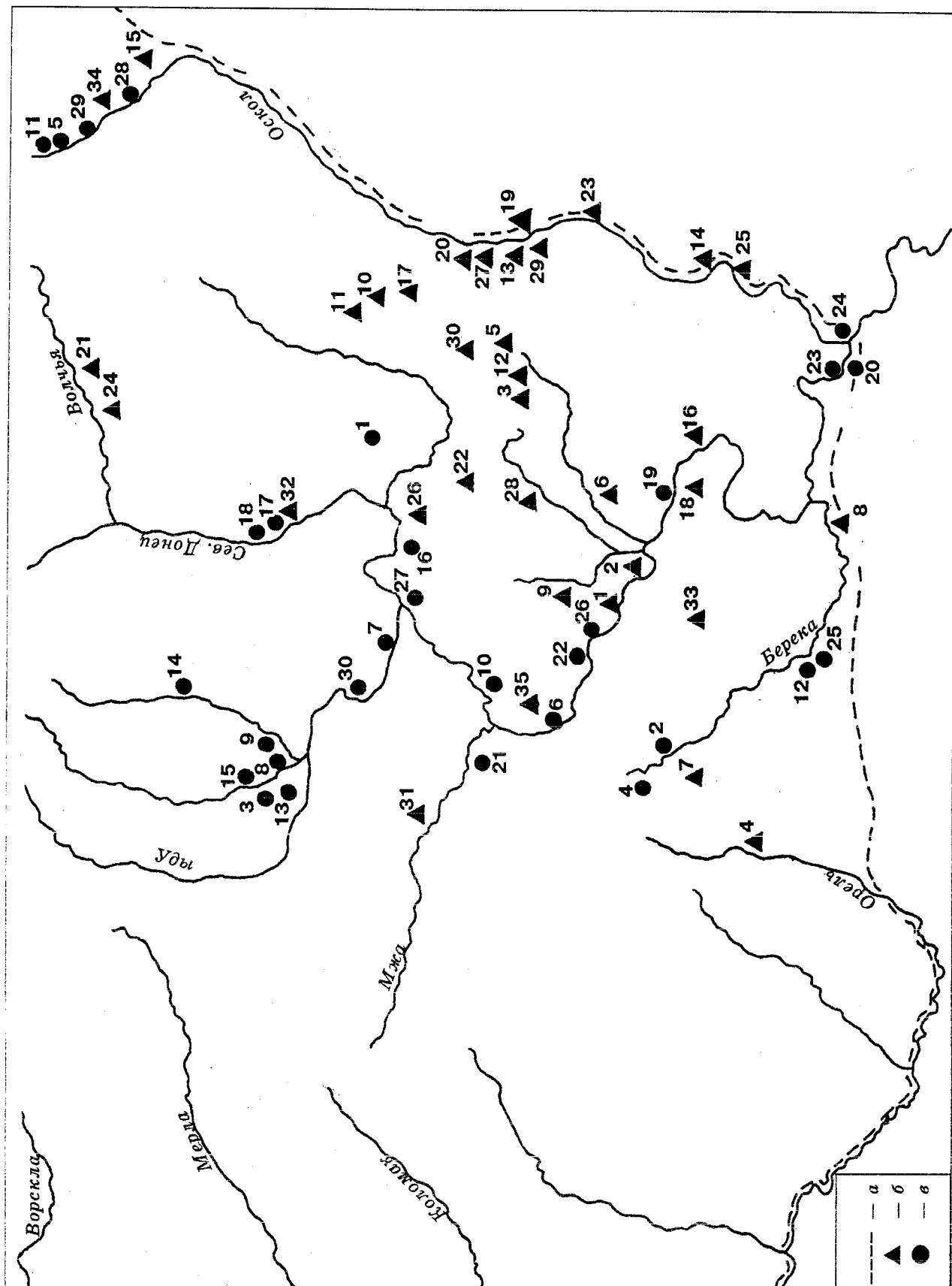

Рис. 24

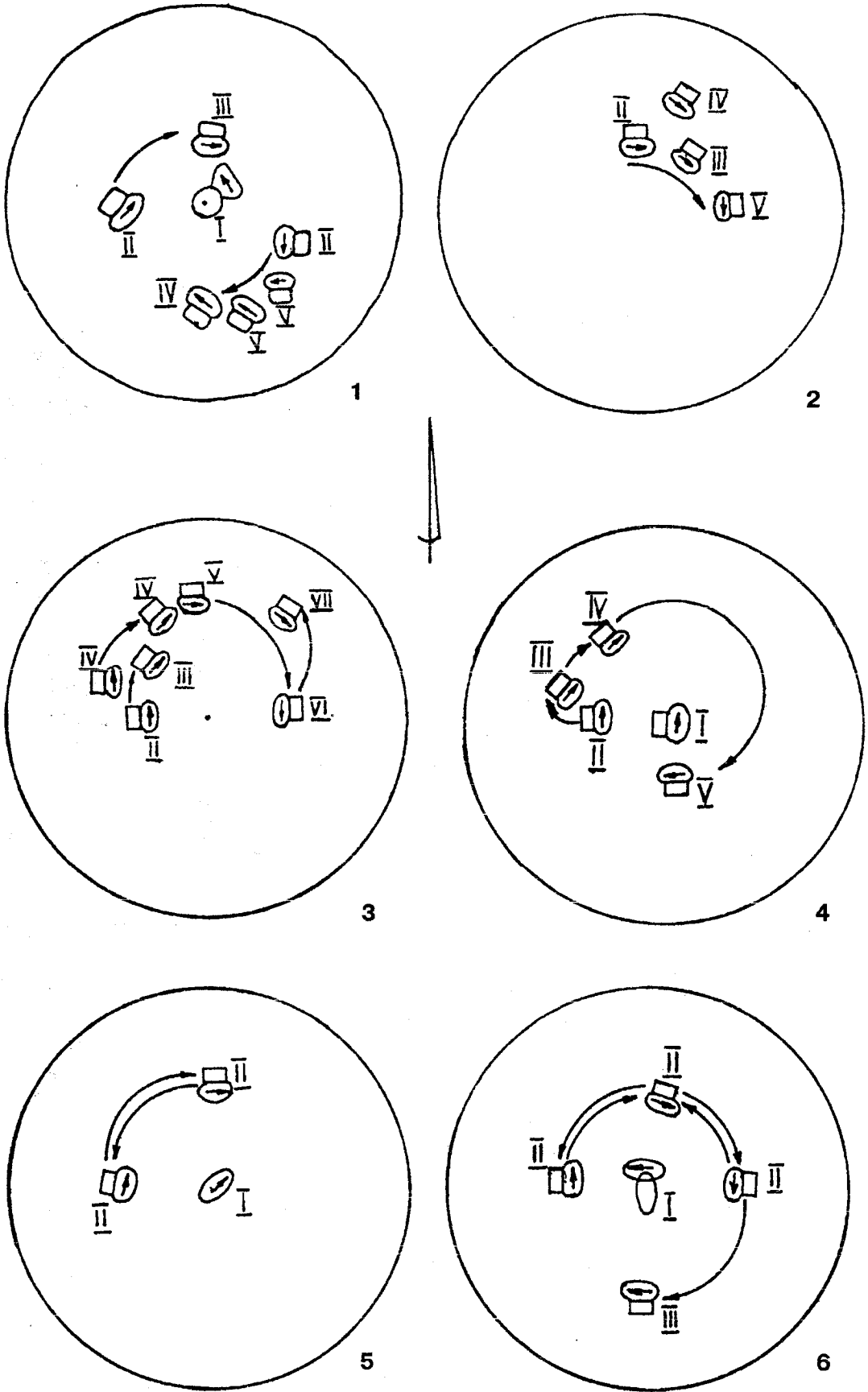

Рис. 25

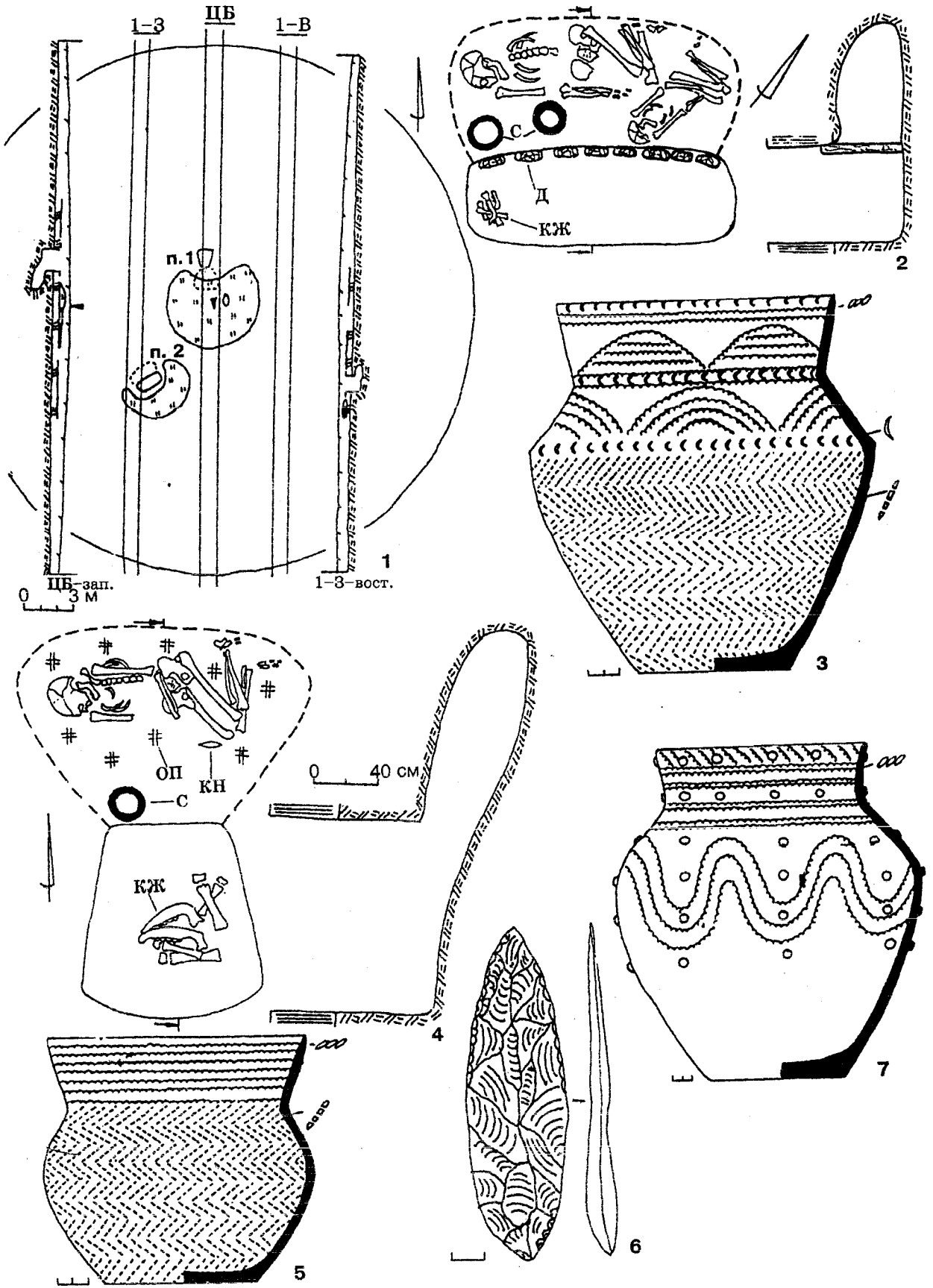

Рис. 26

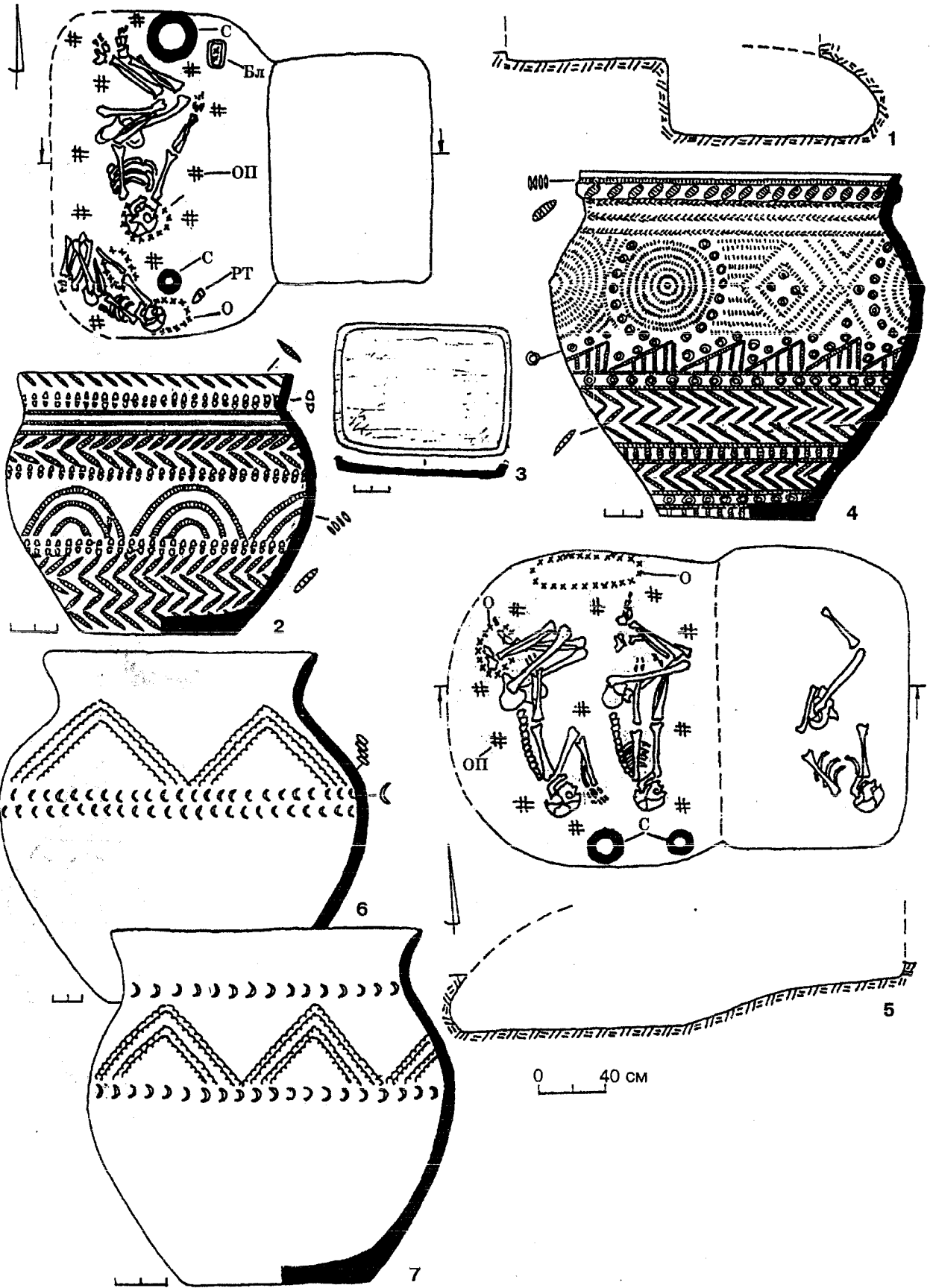

Рис. 27

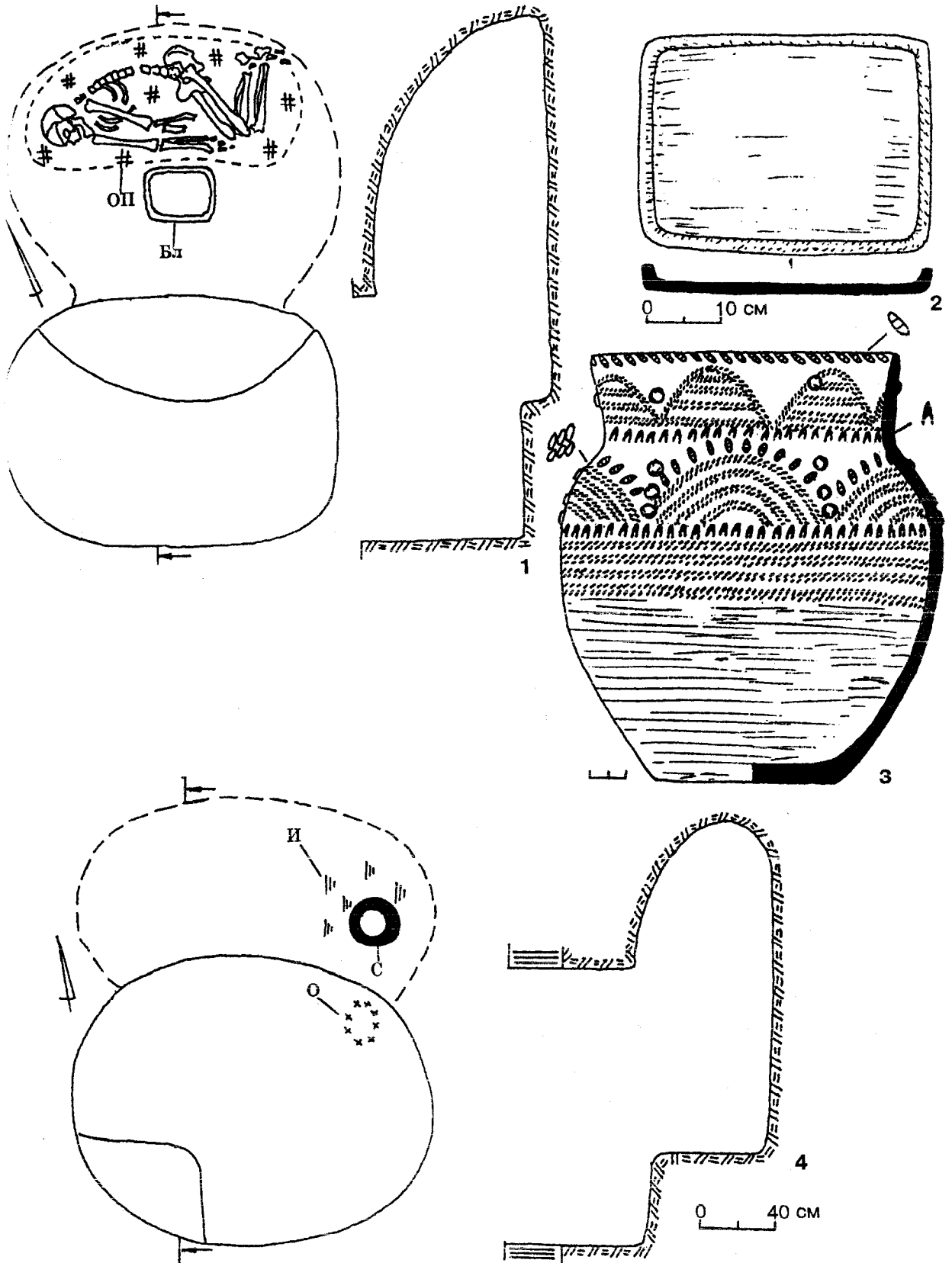

Рис. 28

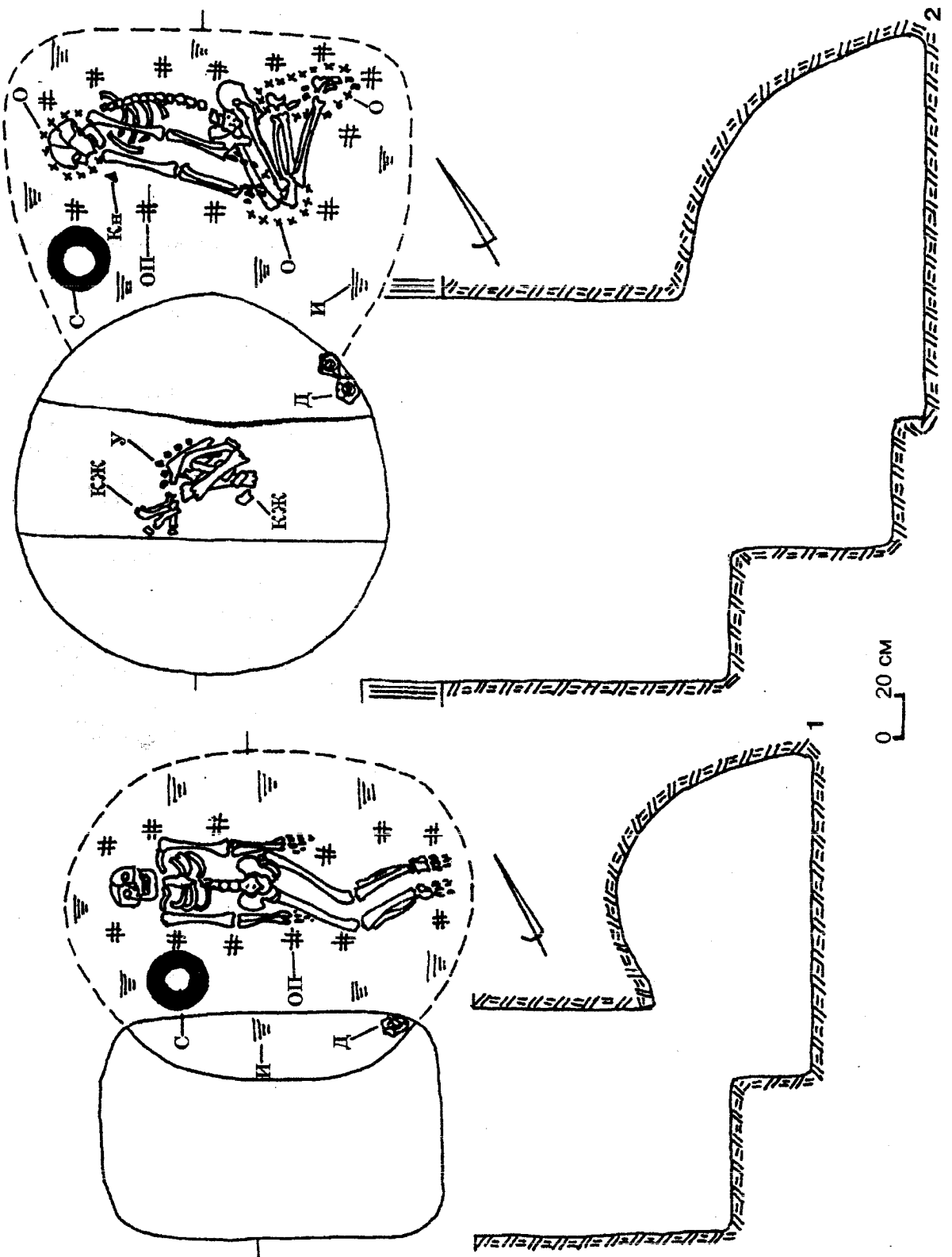

Рис. 29

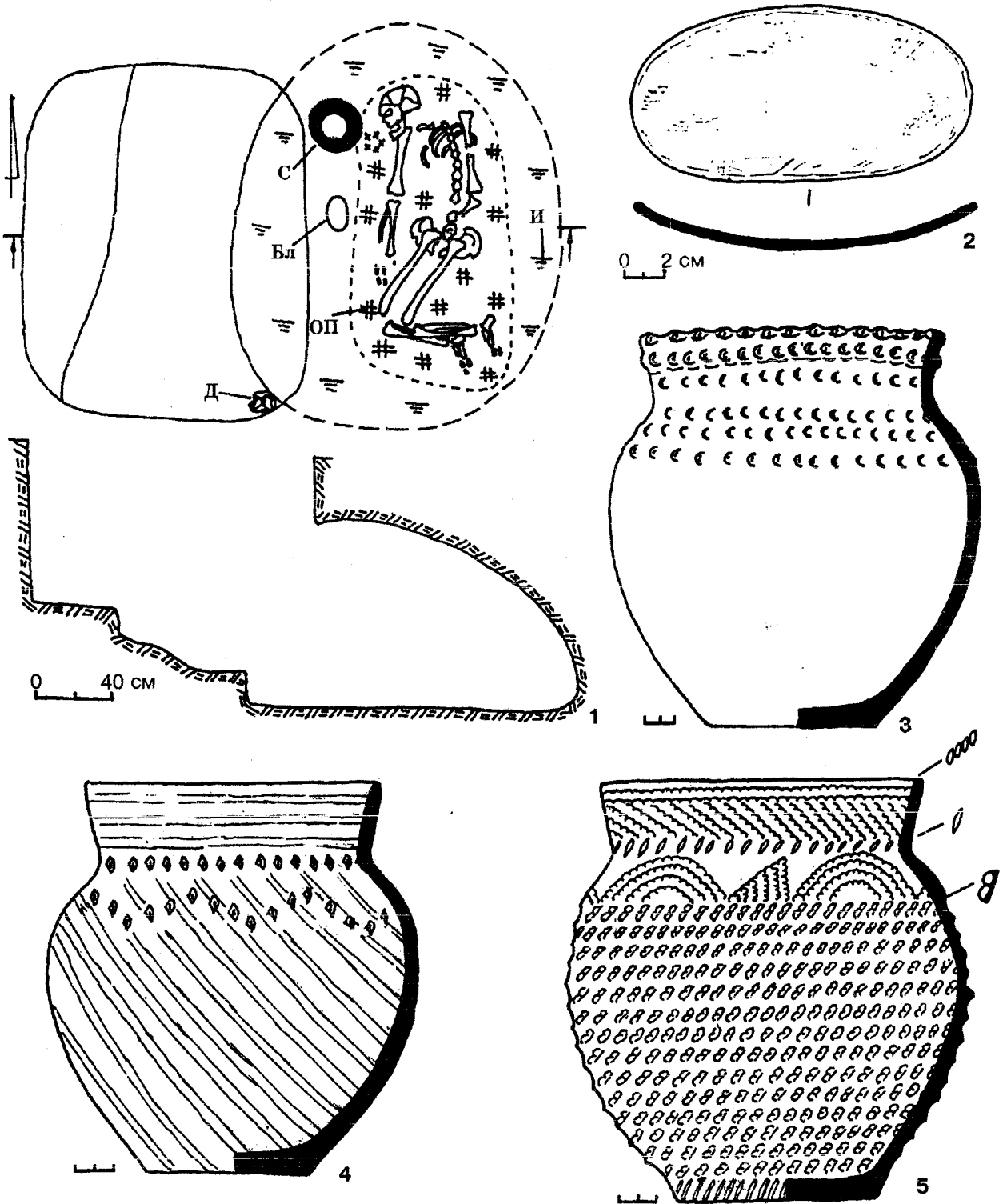

Рис. 30

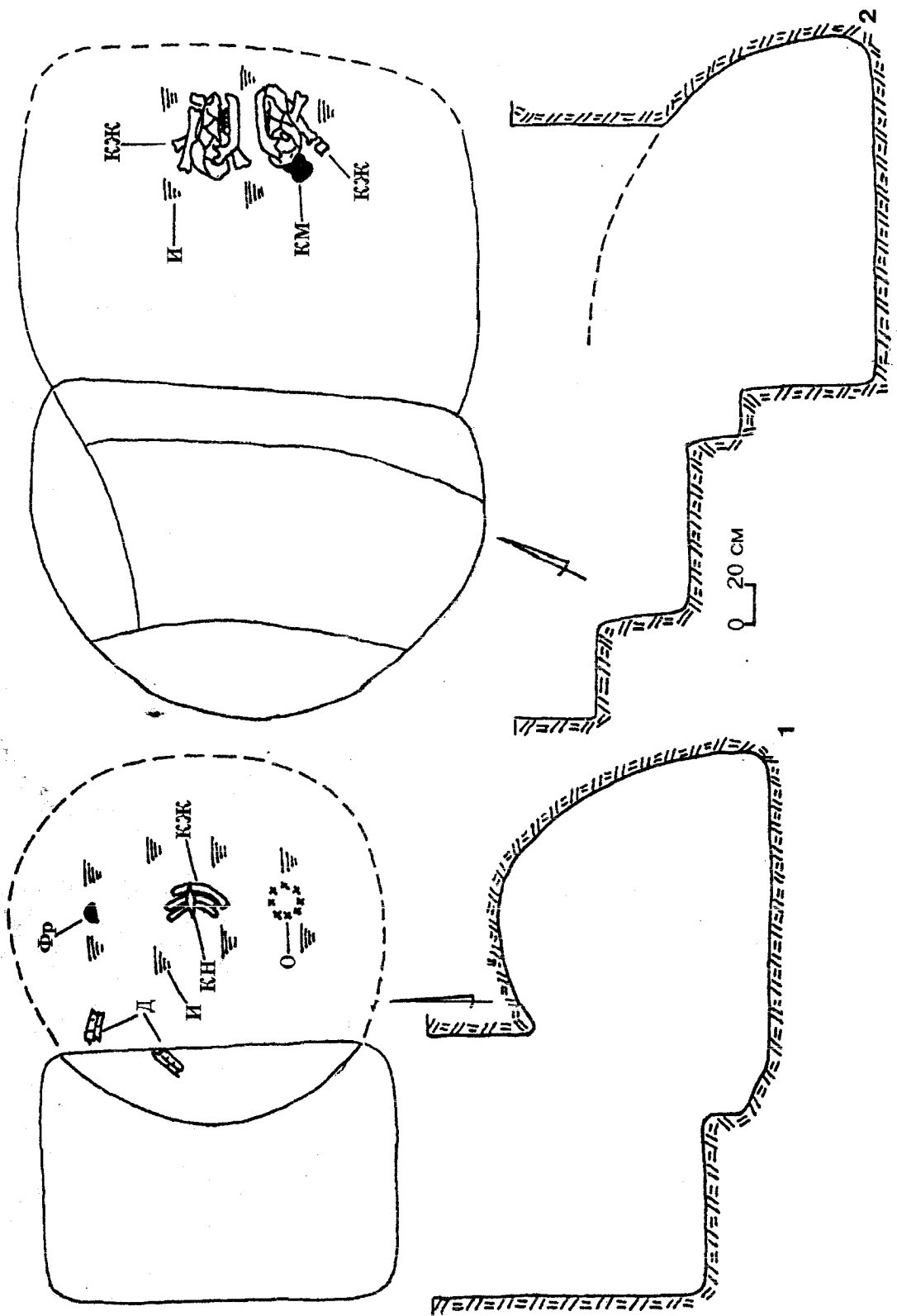

Рис. 31

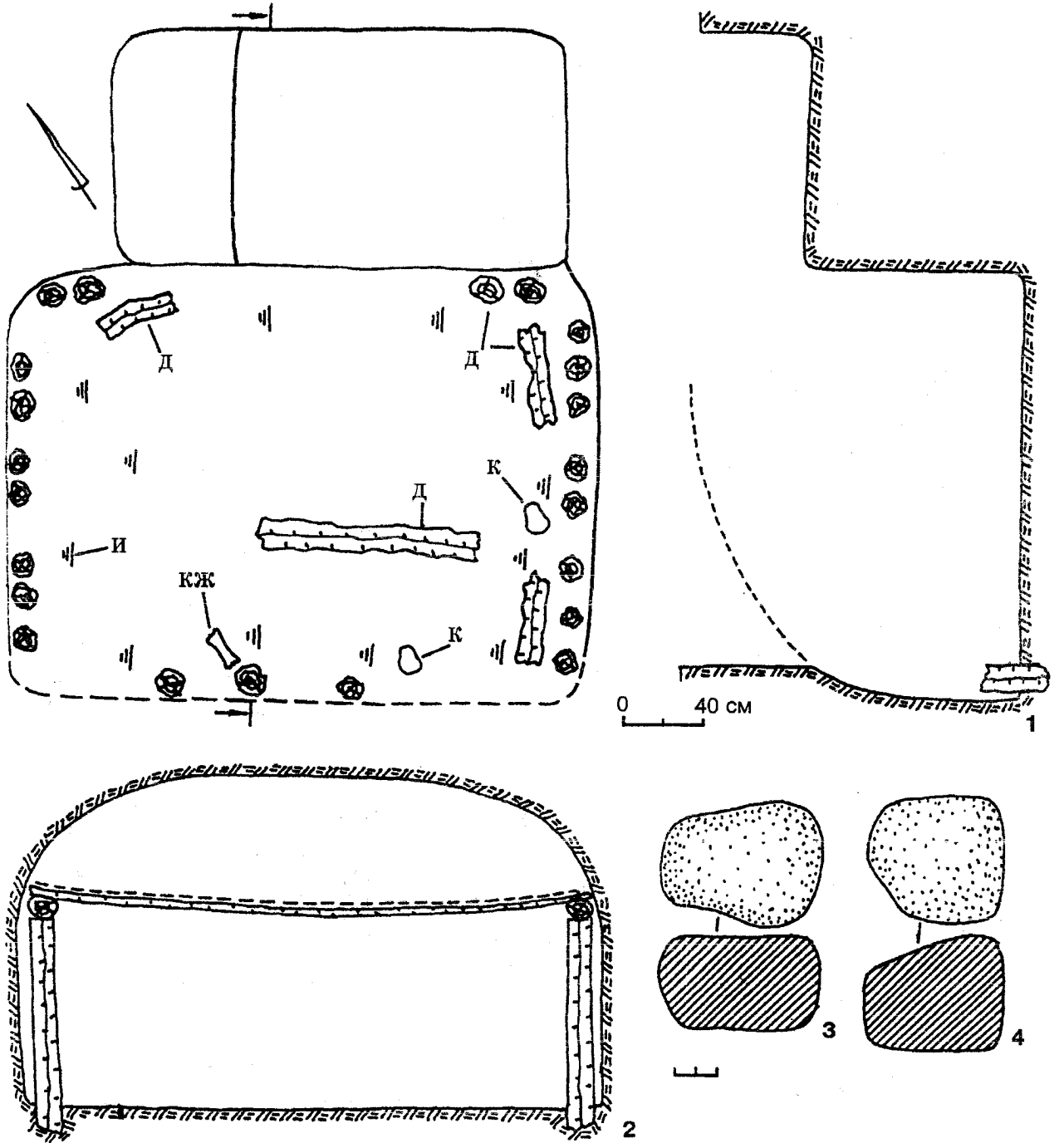

Рис. 32

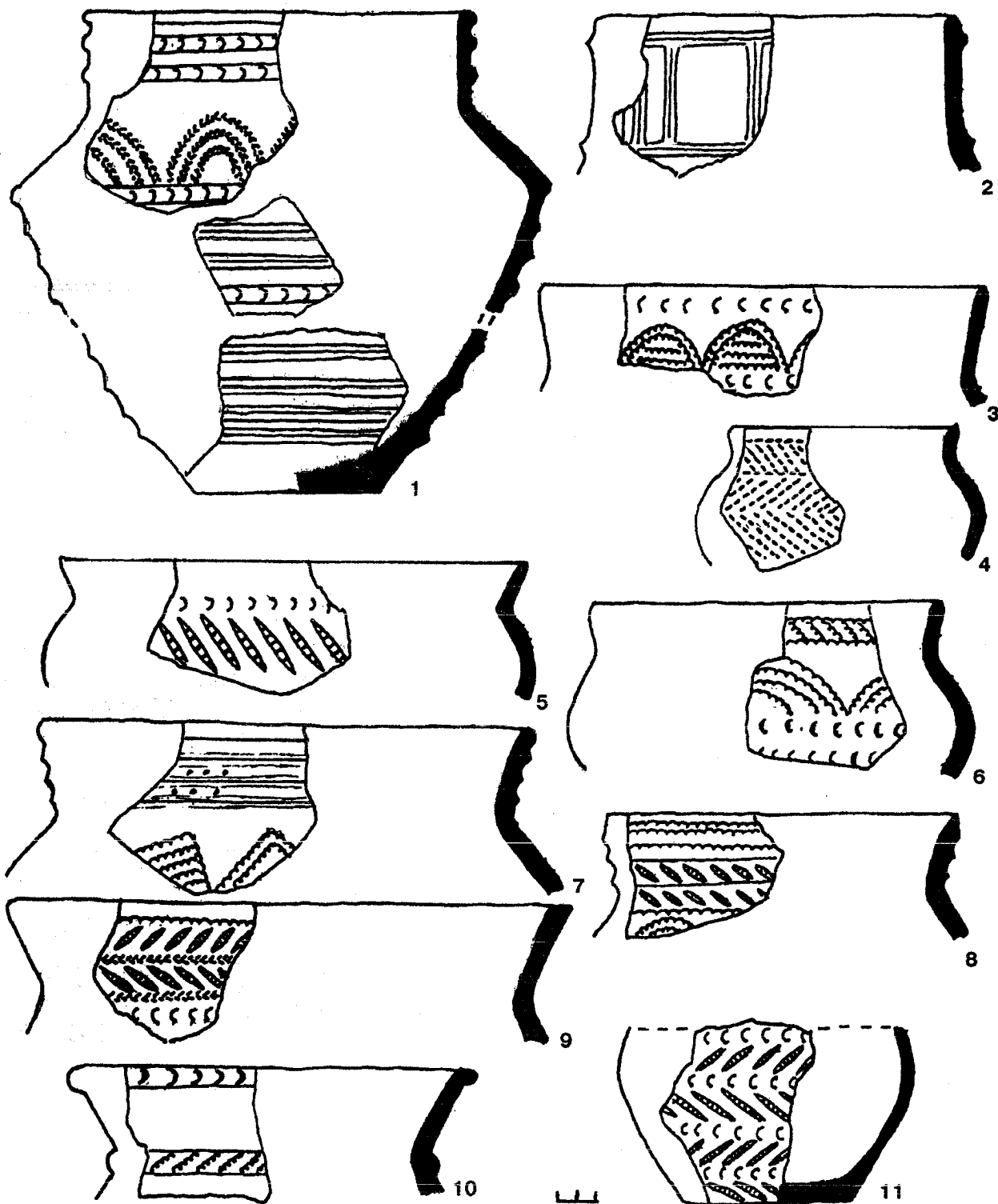

Рис. 33

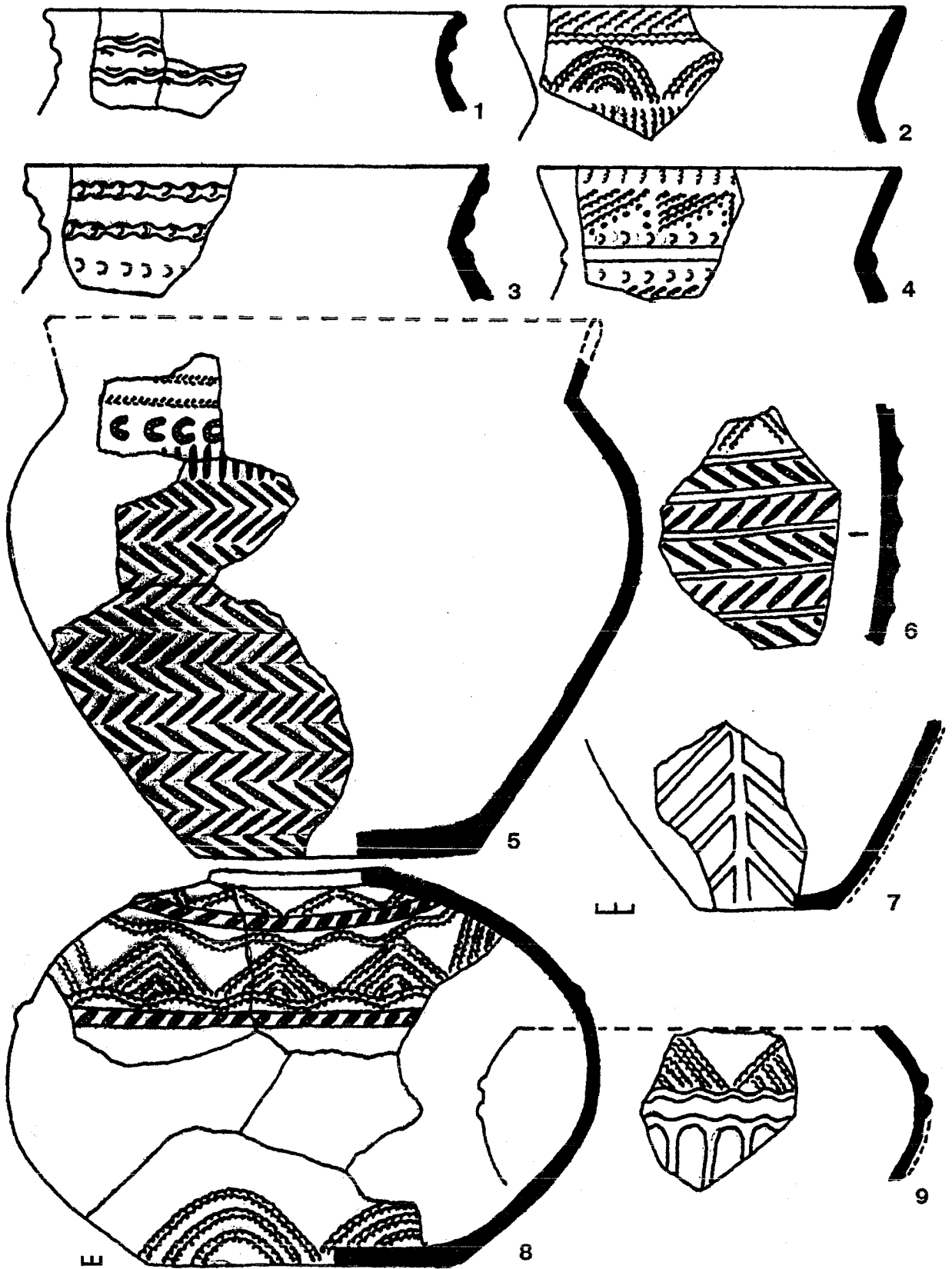

Рис. 34

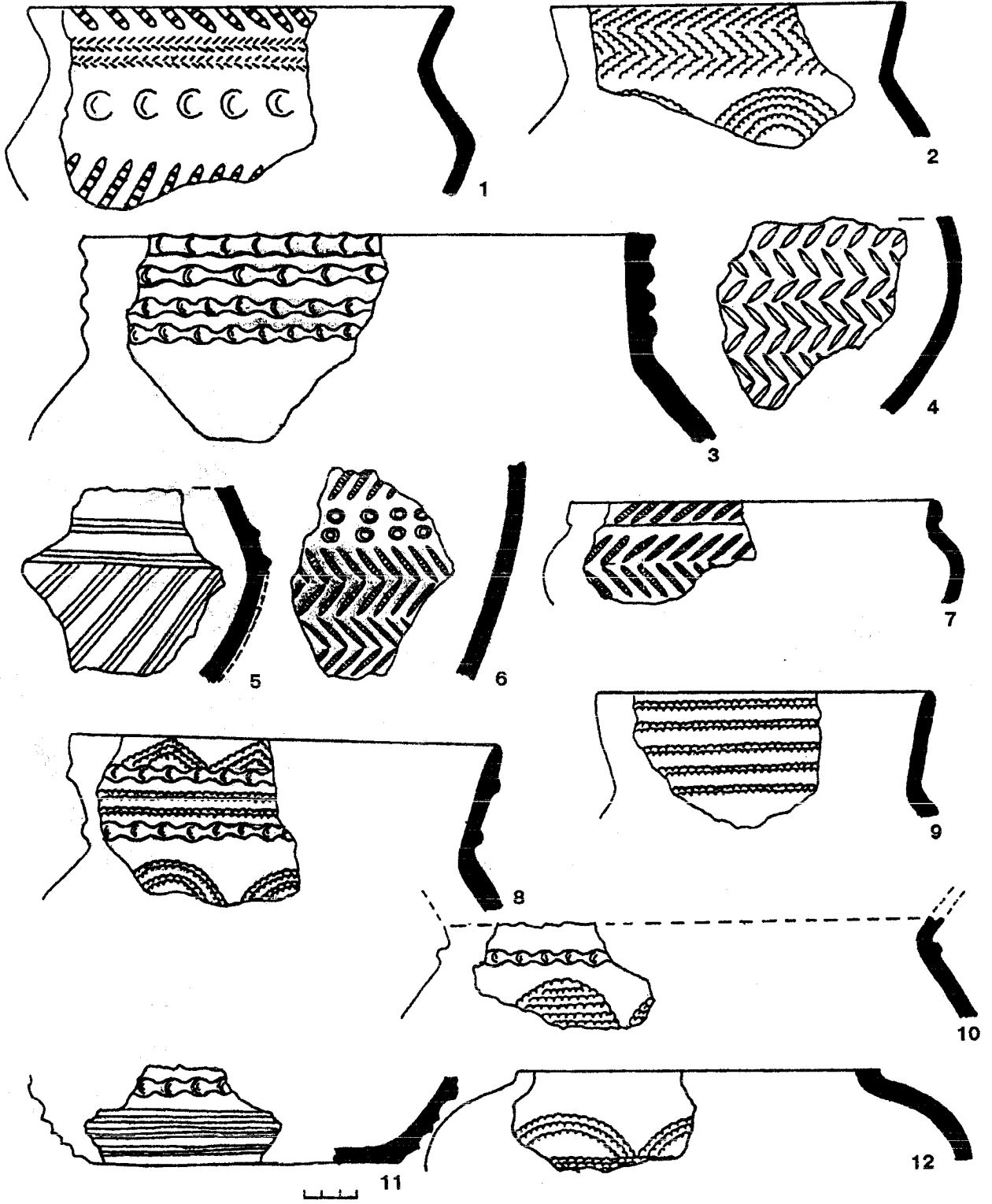

Рис. 35

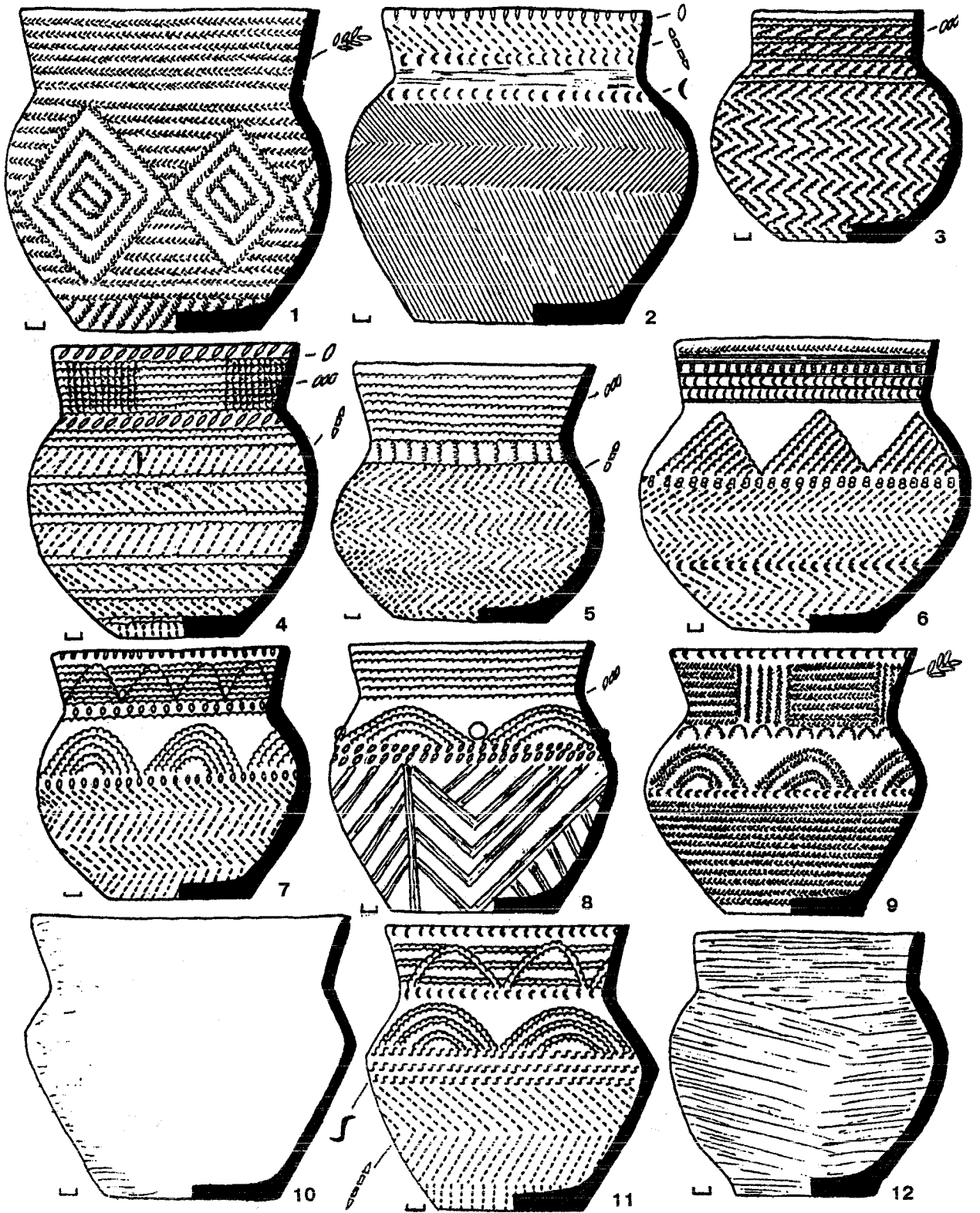

Рис. 36

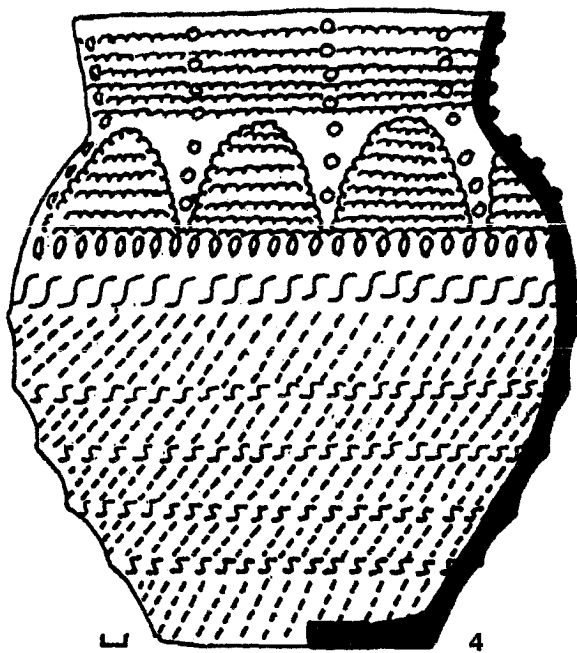
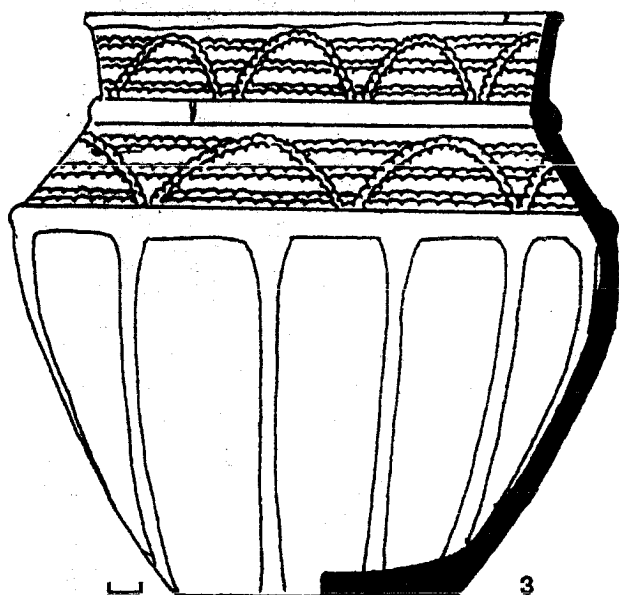
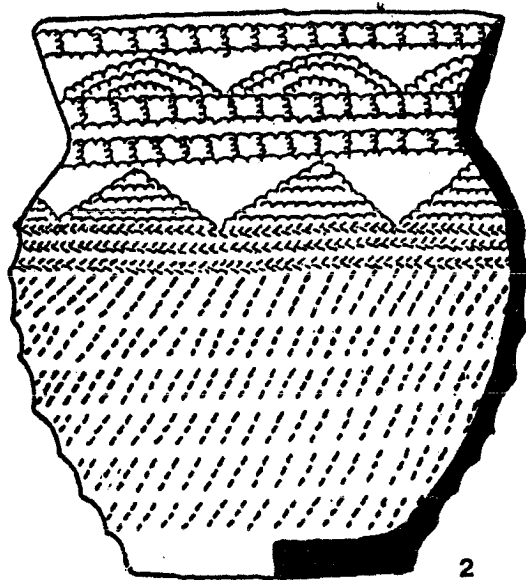

Рис. 37

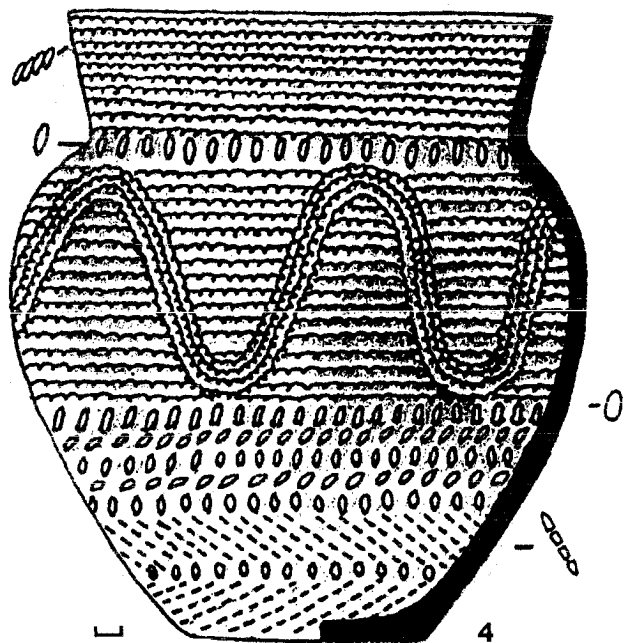
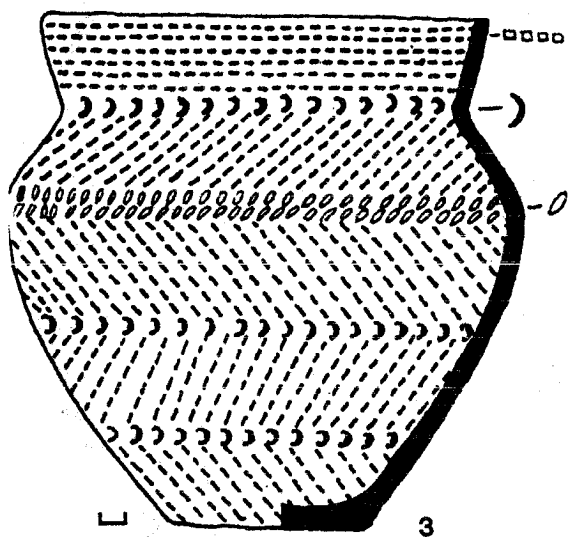
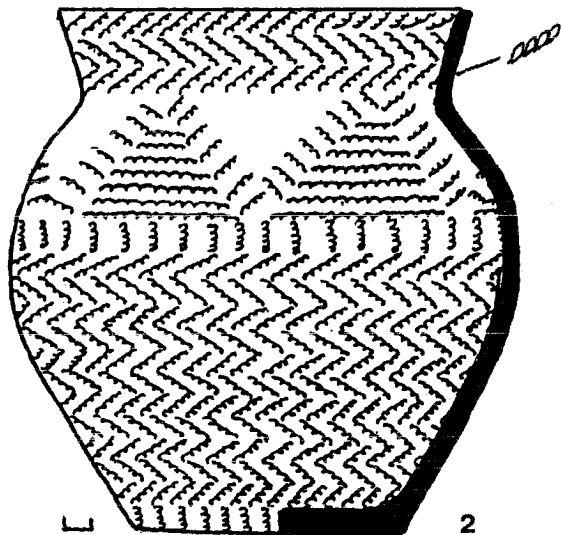
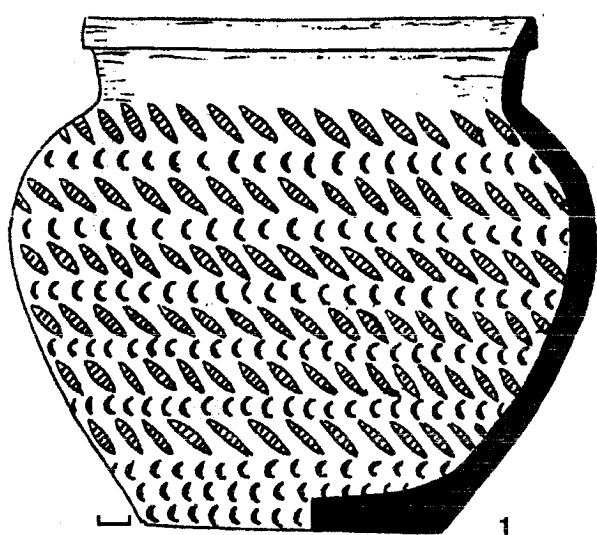

Рис. 38

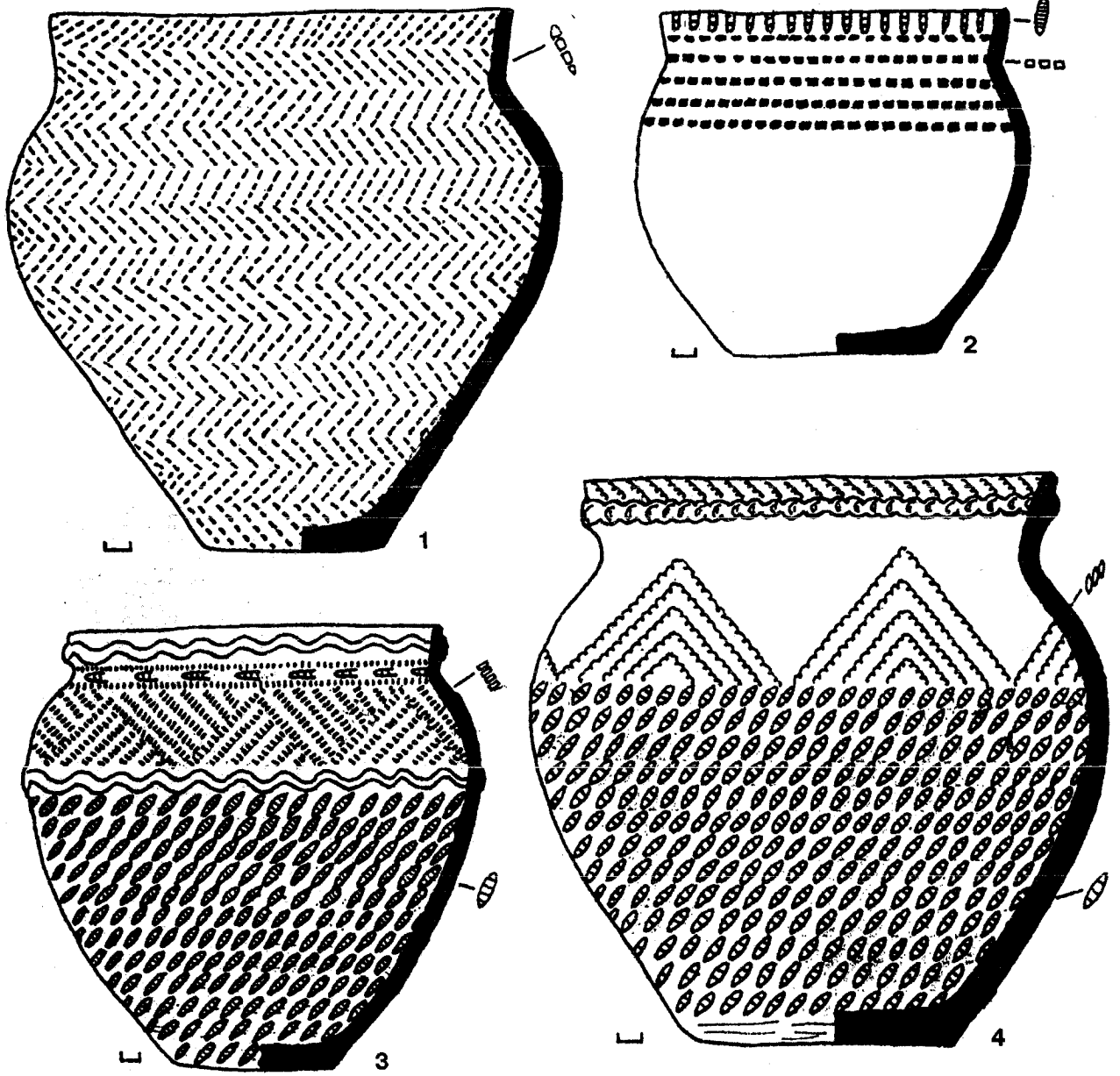

Рис. 39

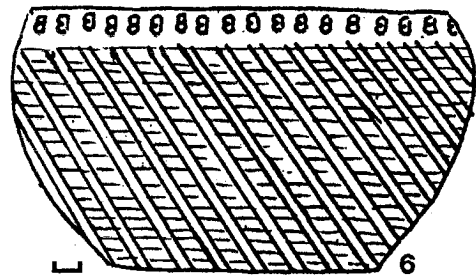
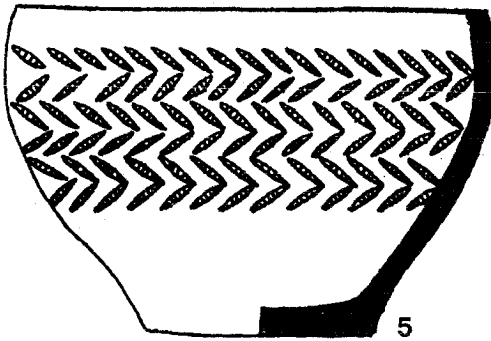
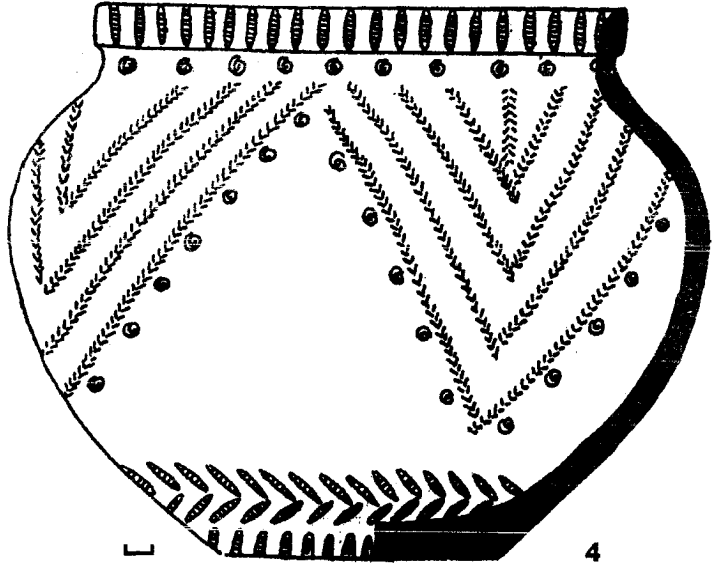
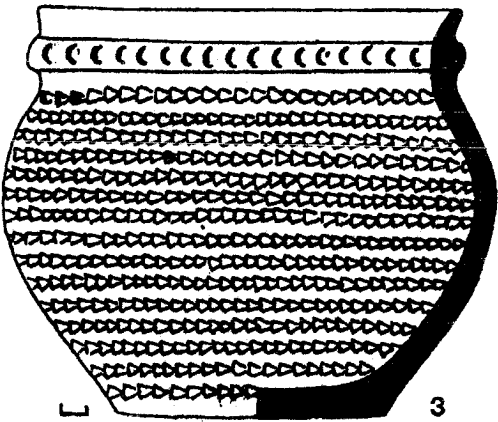
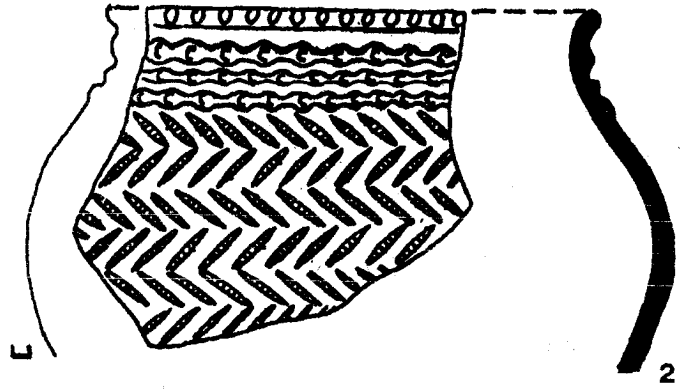
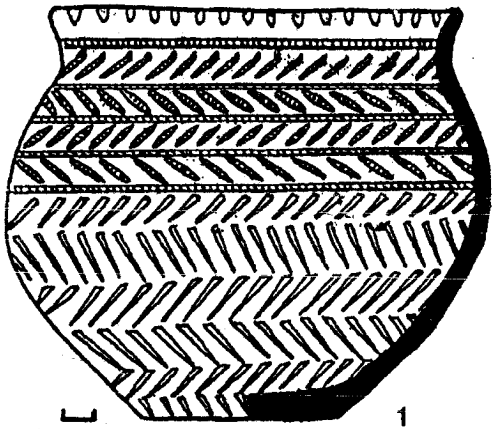

Рис. 40

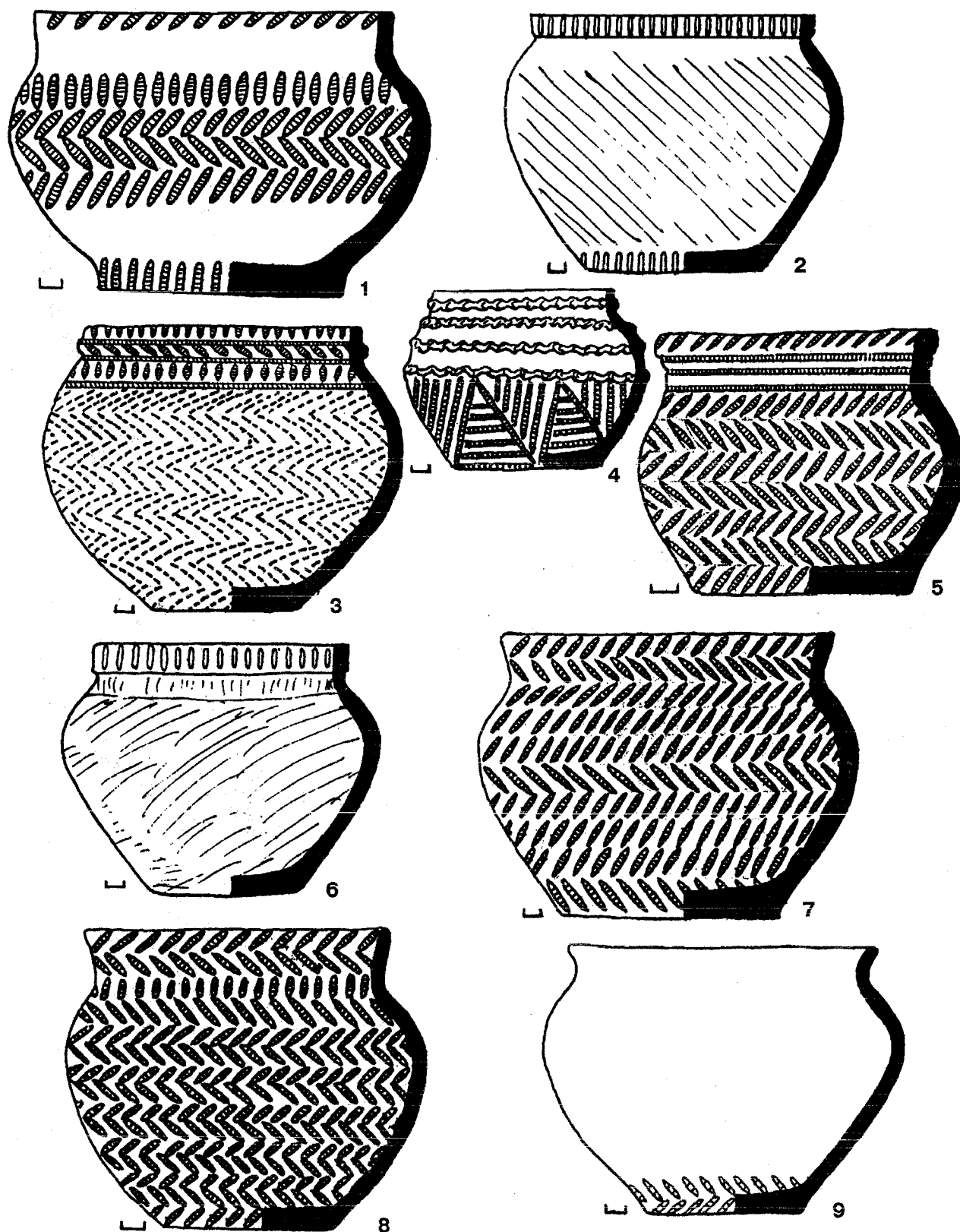

Рис. 41

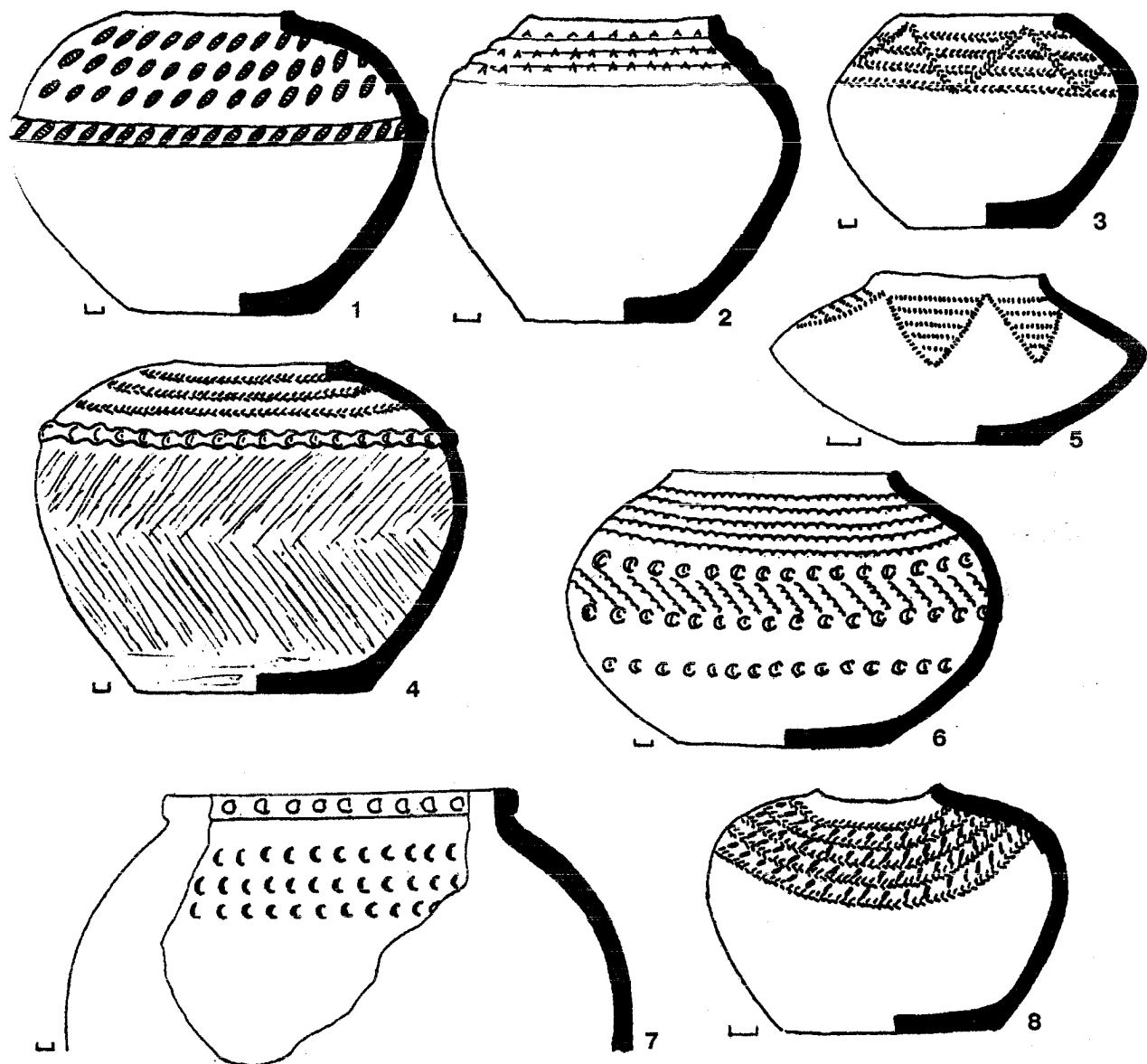

Рис. 42

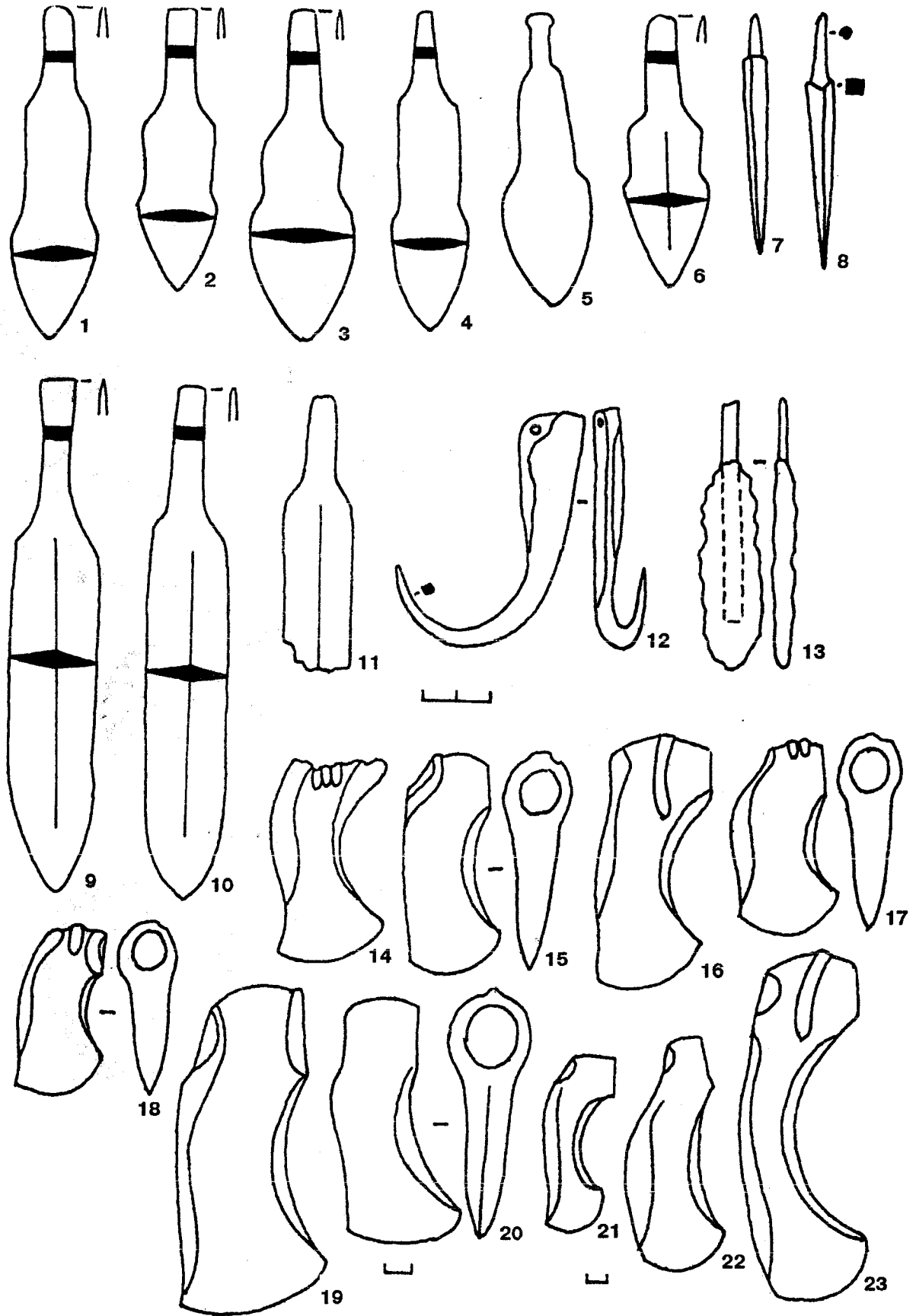

Рис. 43

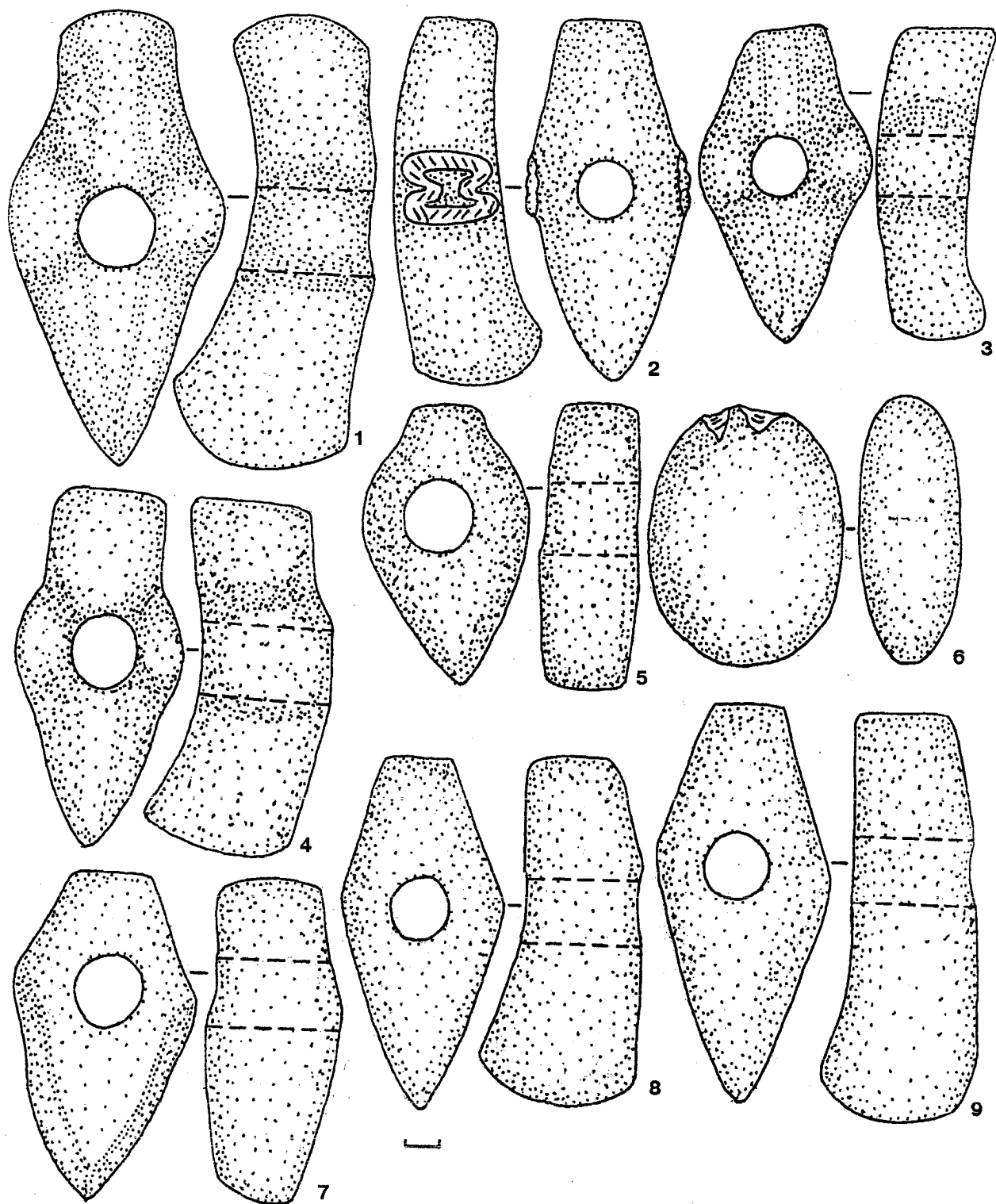

Рис. 44

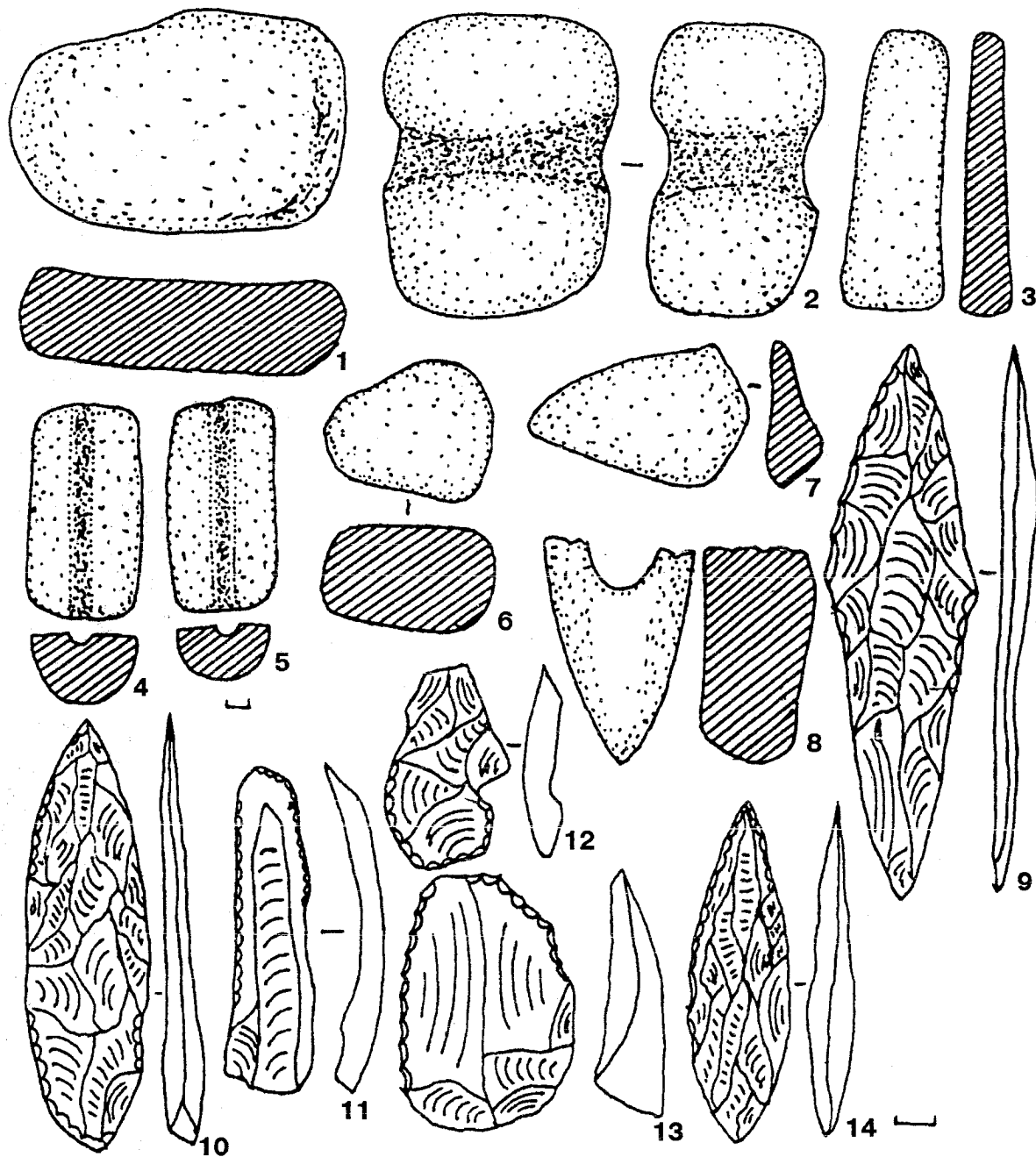

Рис. 45

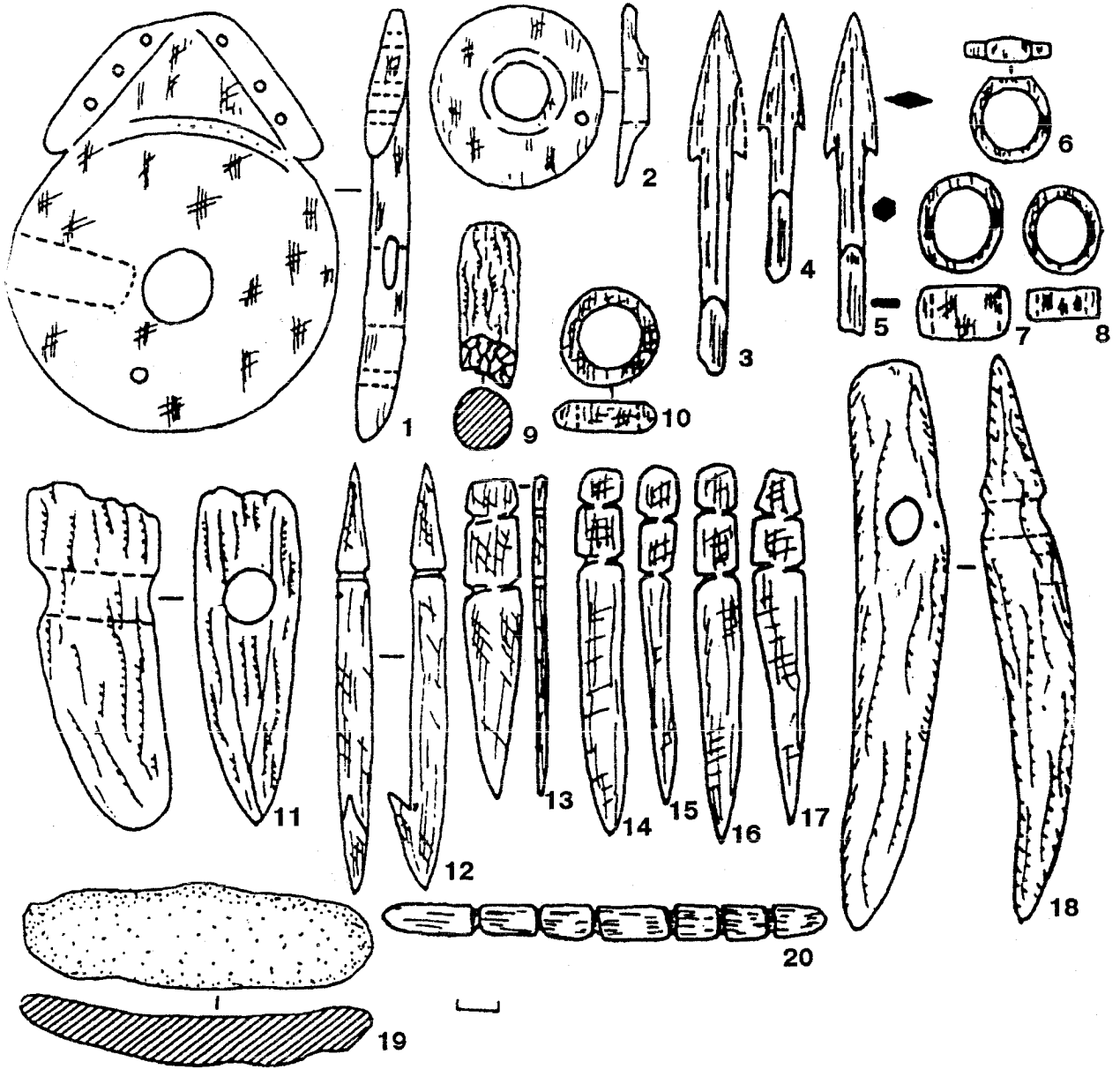

Рис. 46

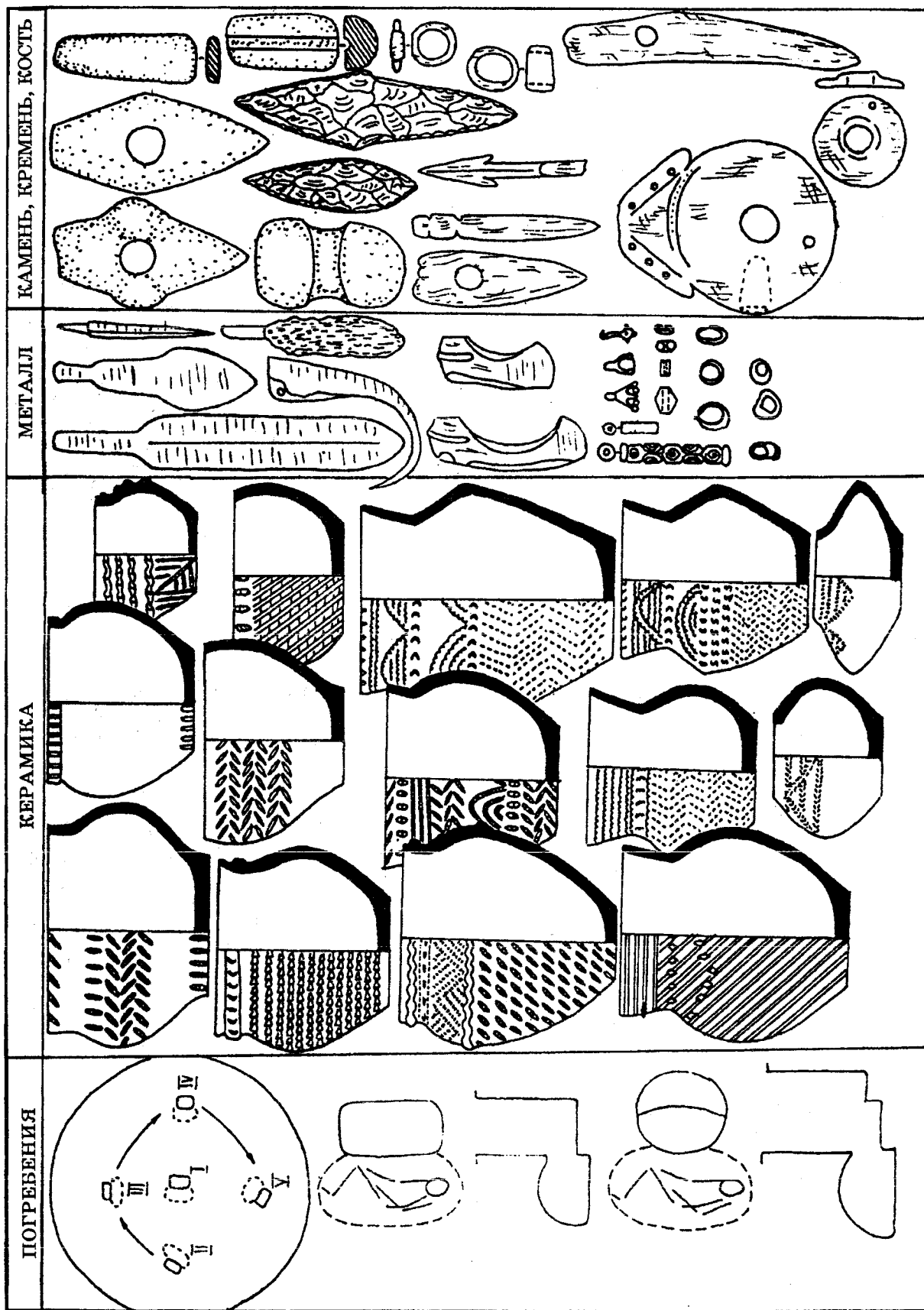

Рис. 47

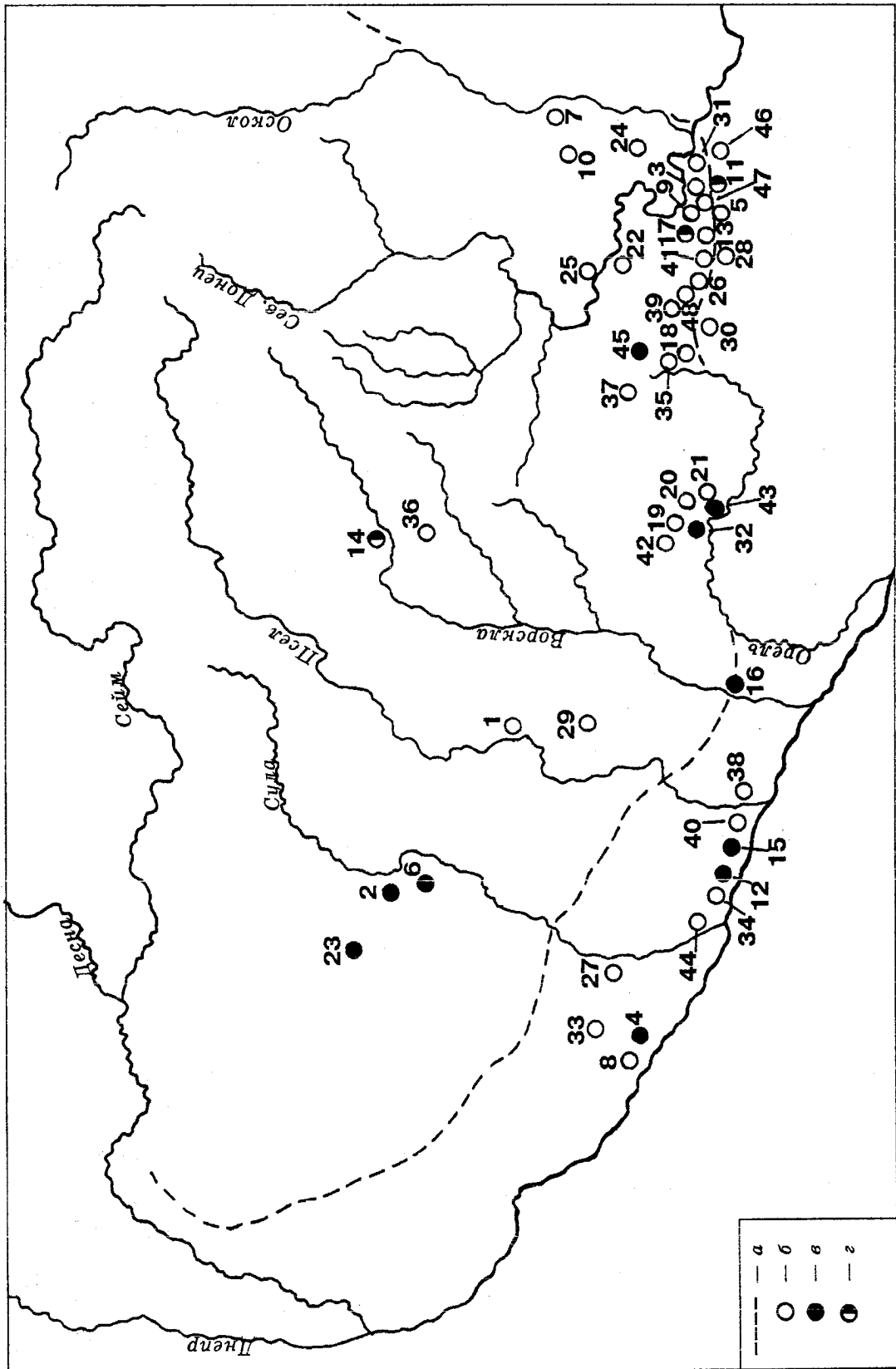

Рис. 48

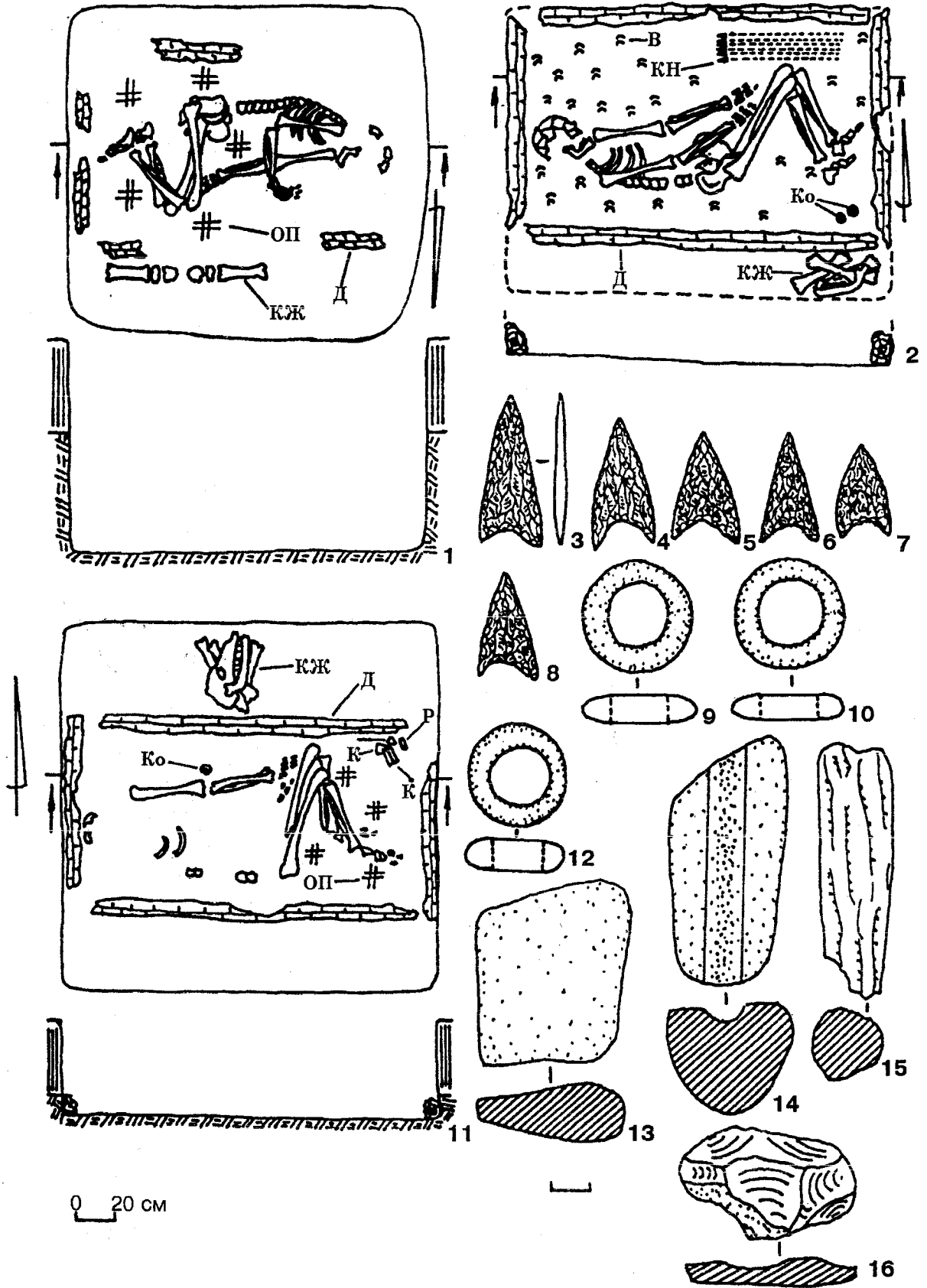

Рис. 49

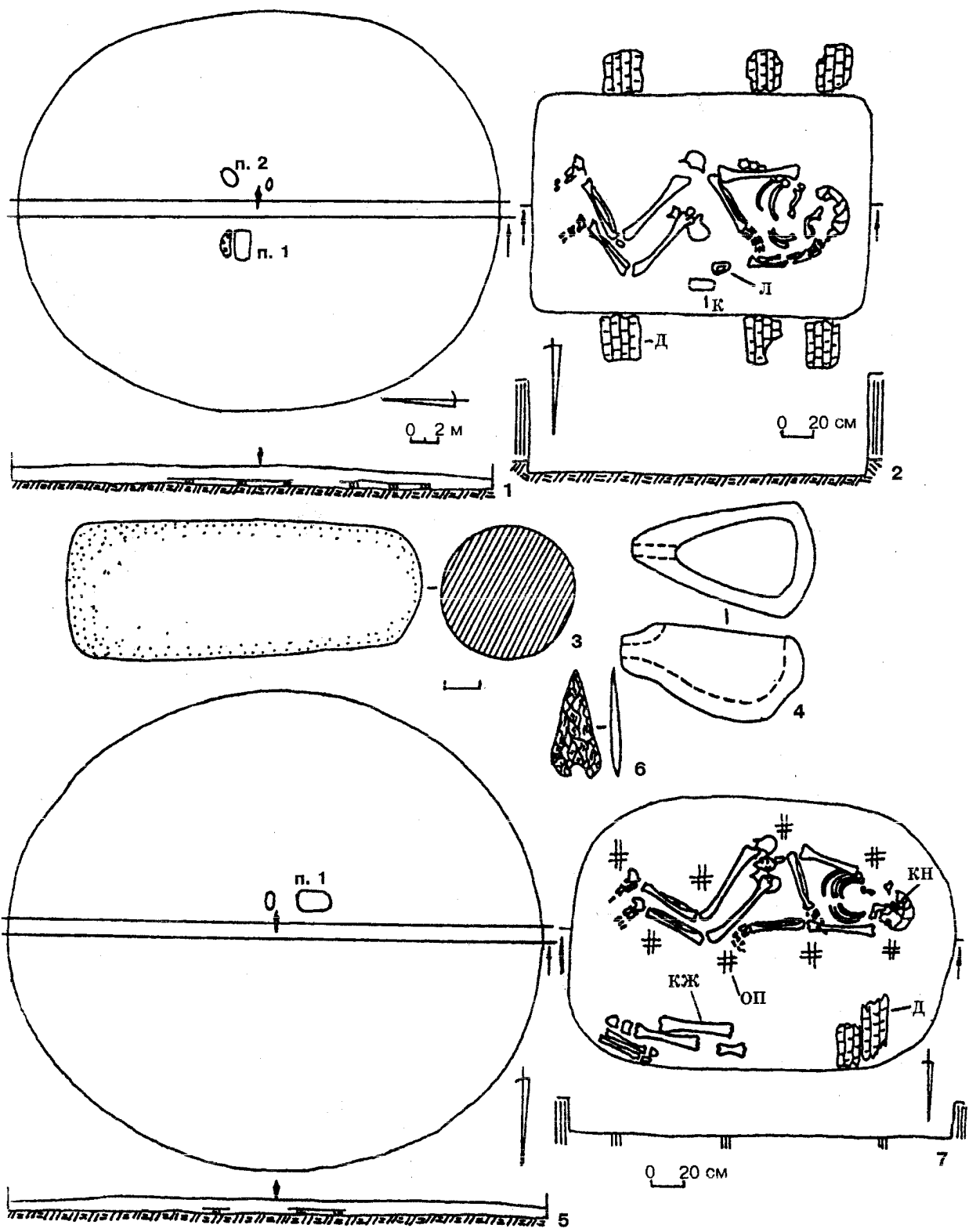

Рис. 50

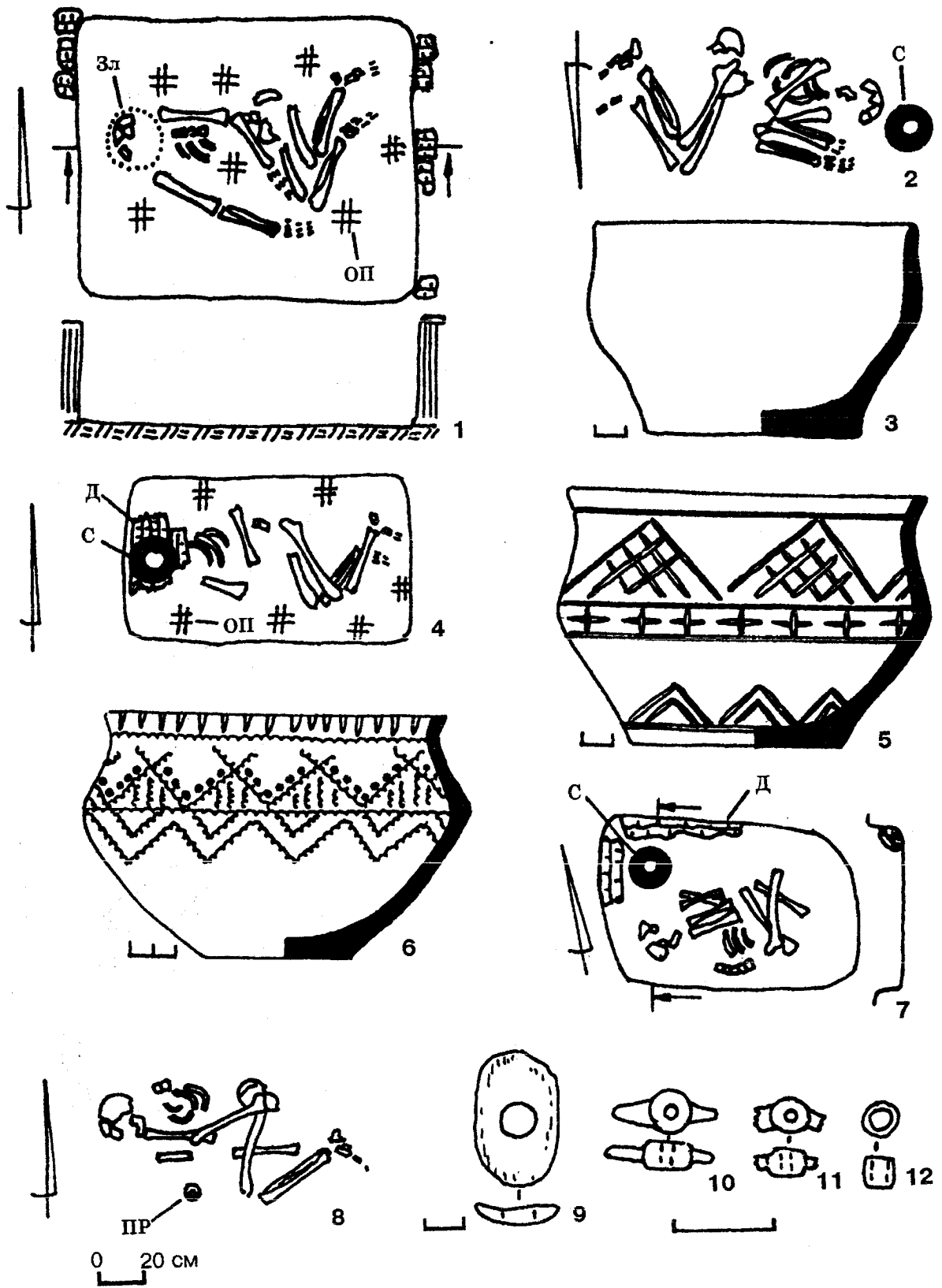

Рис. 51

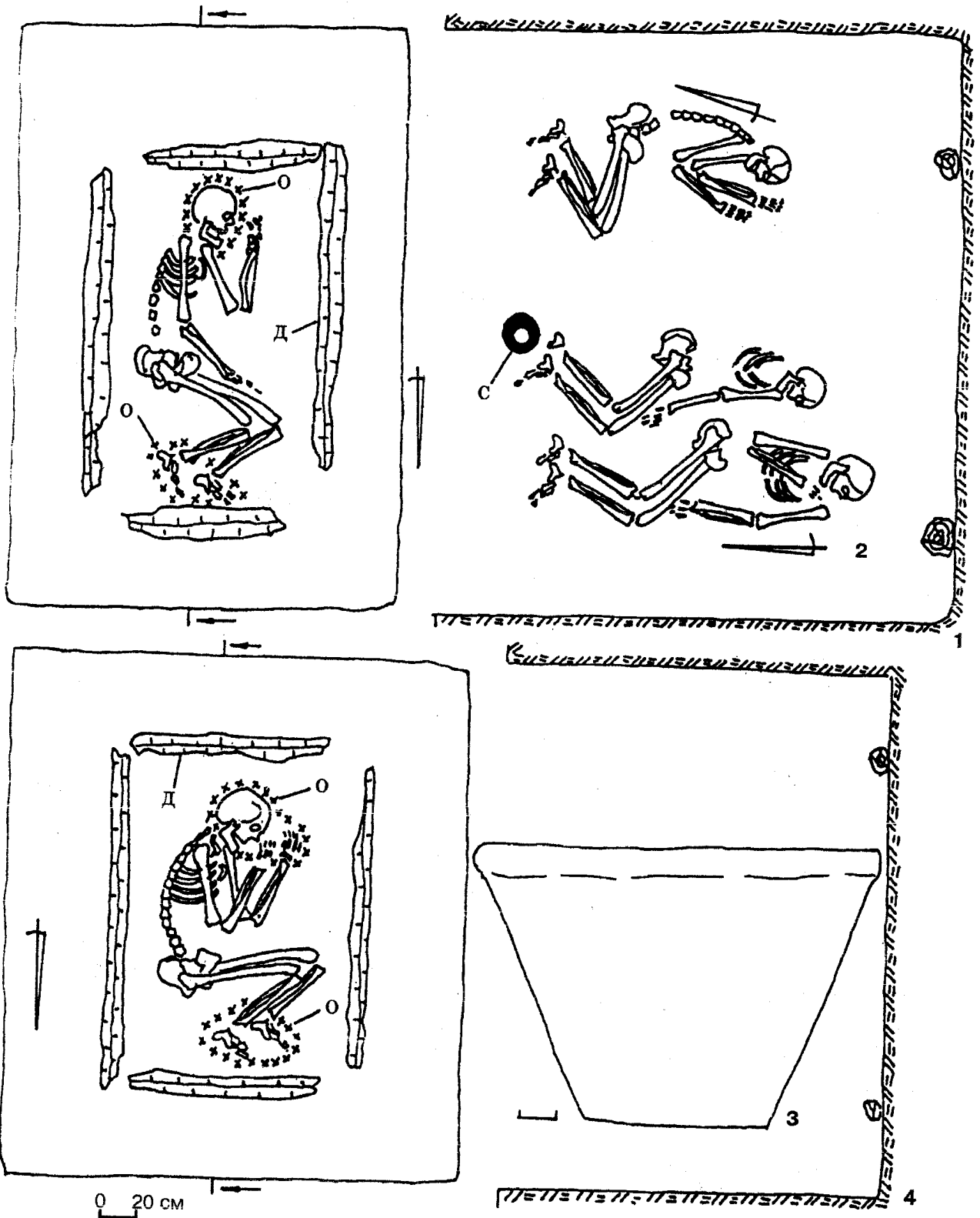

Рис. 52

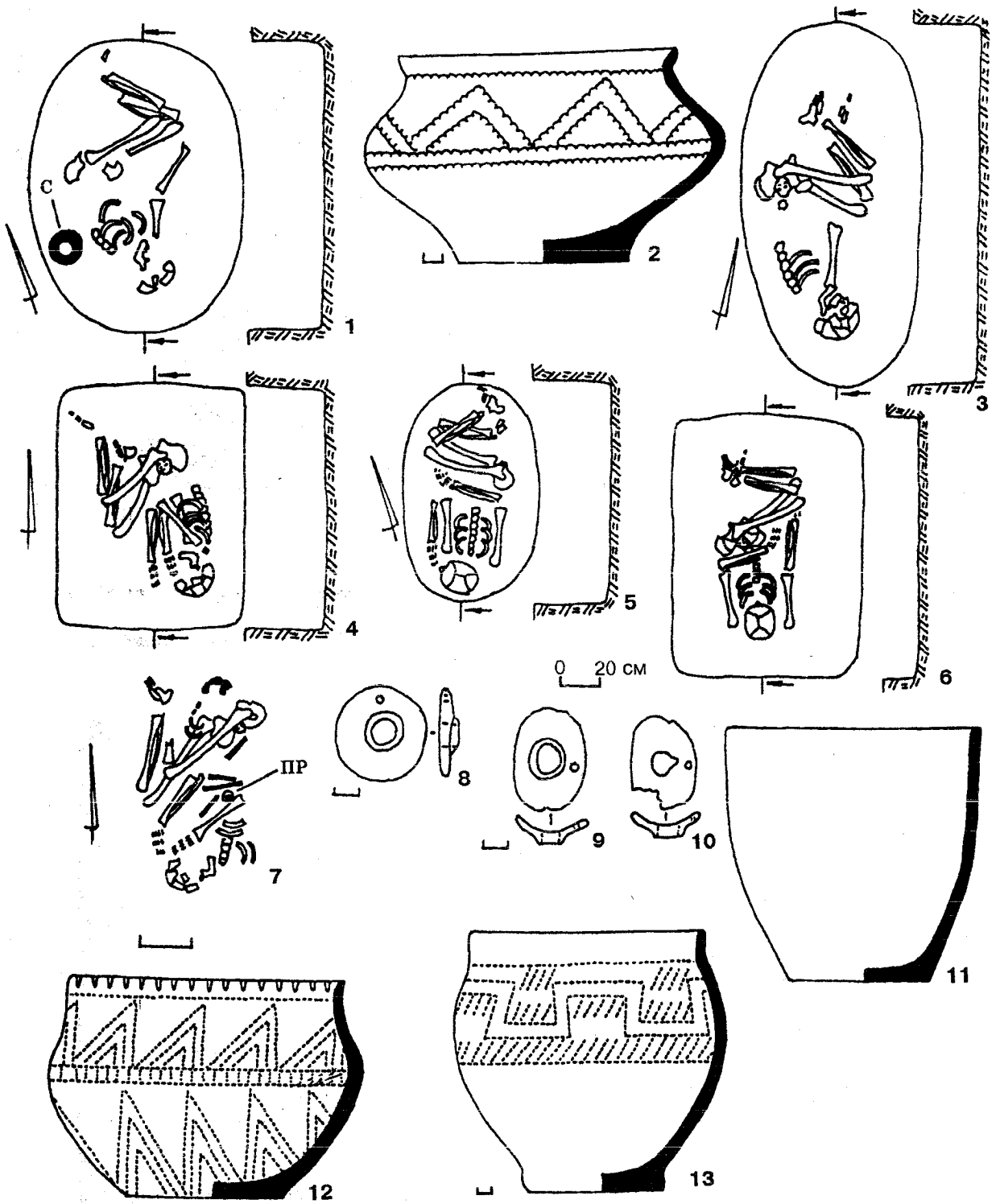

Рис. 53

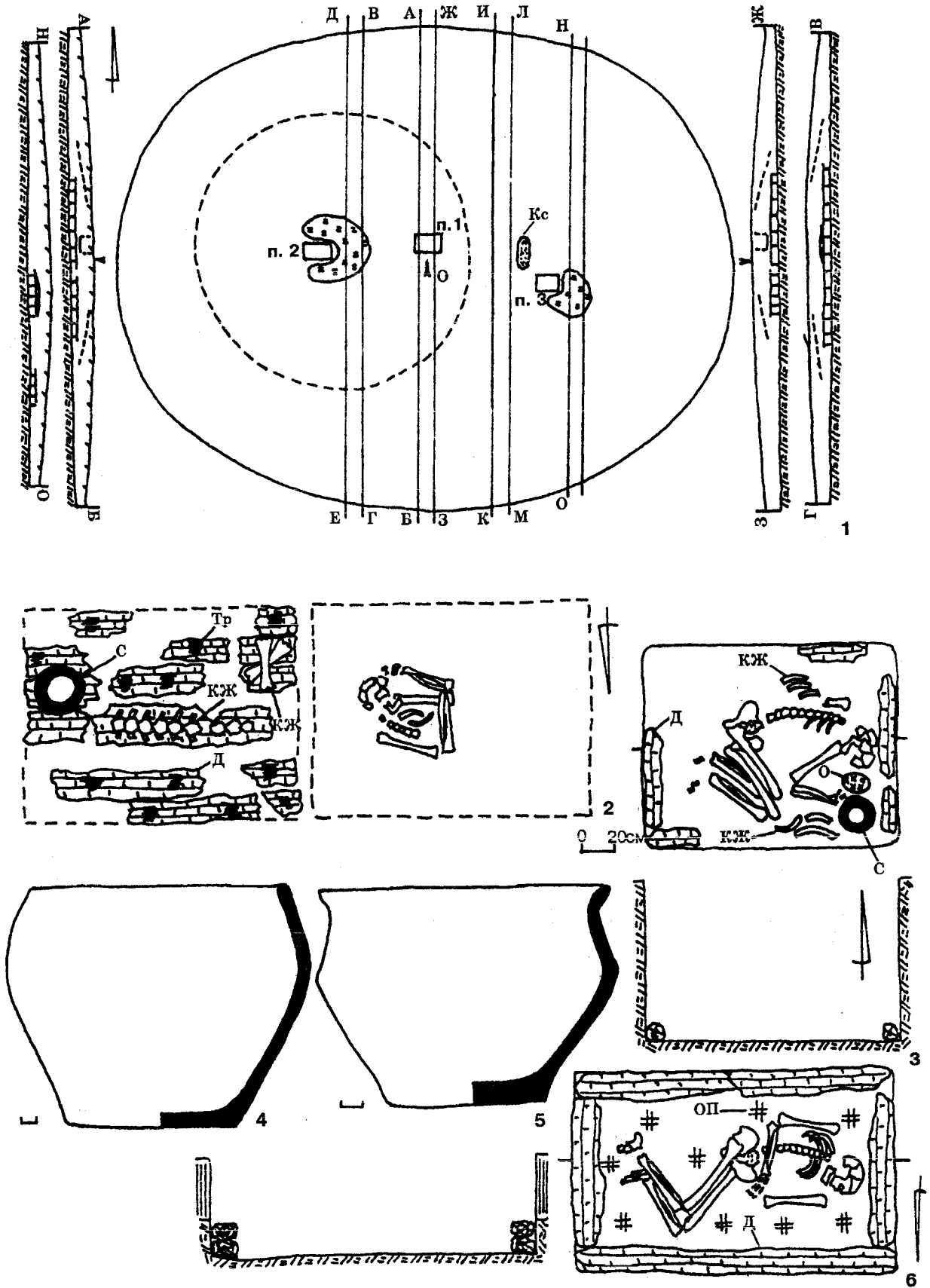

Рис. 54

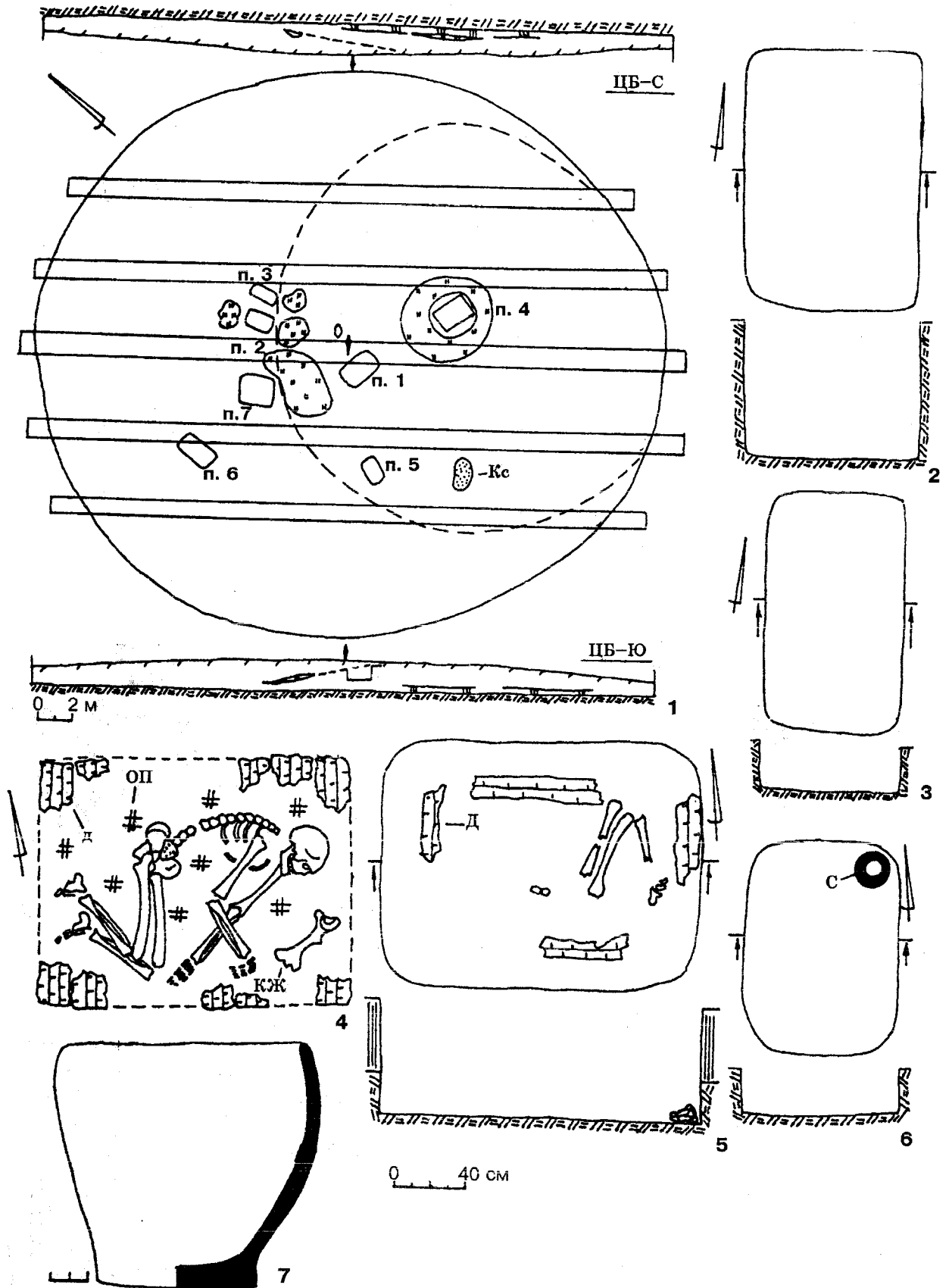

Рис. 55

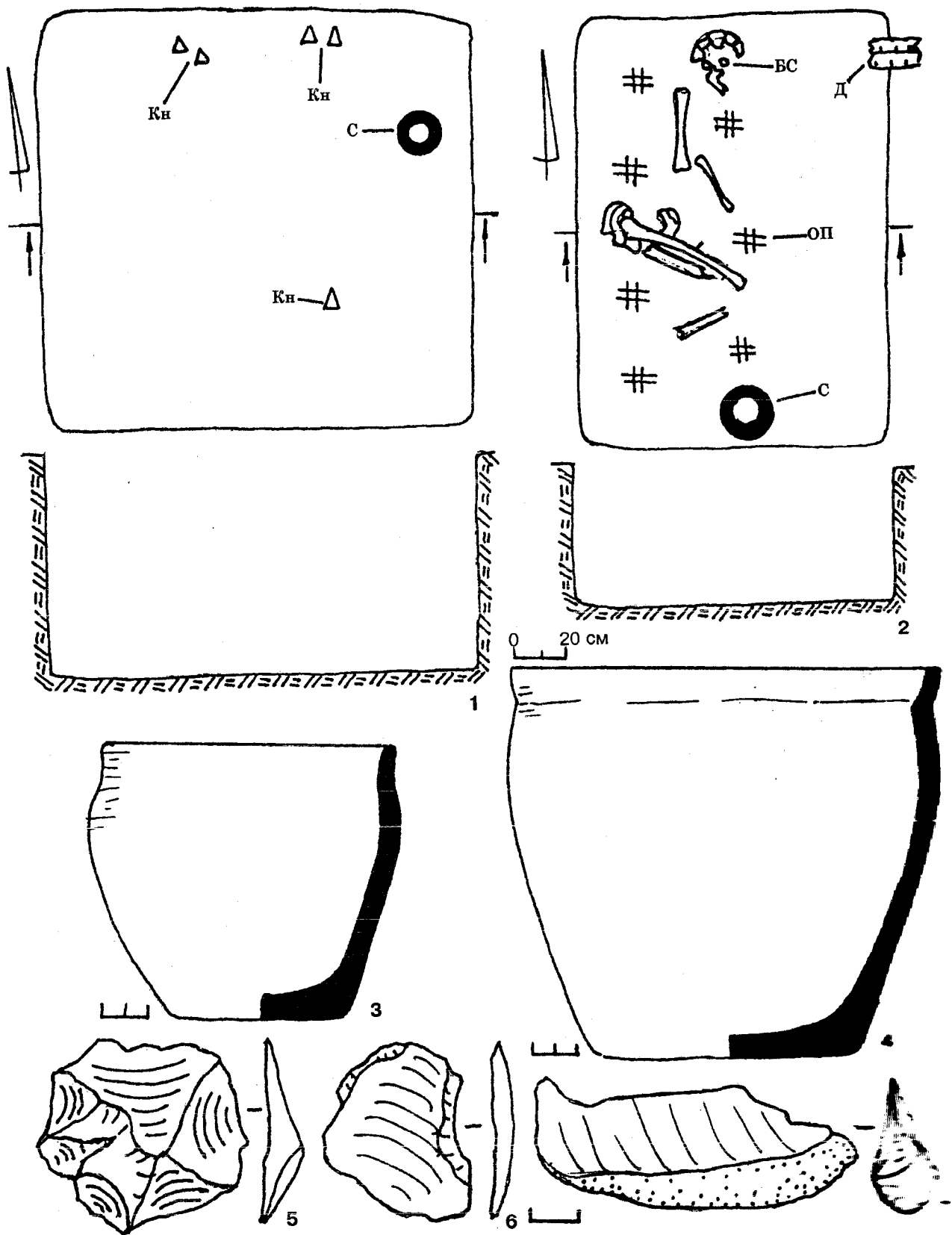

Рис. 56

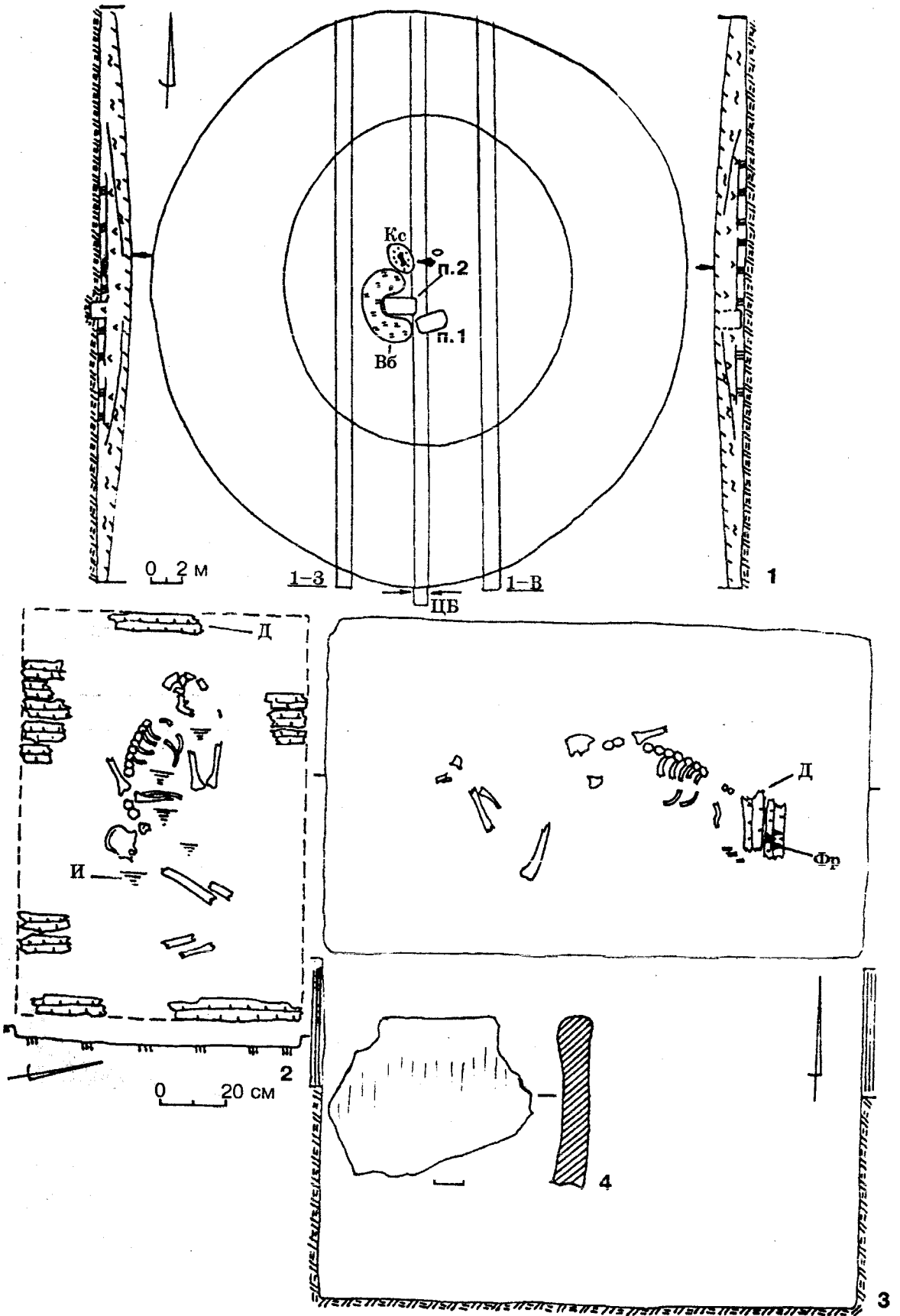

Рис. 57

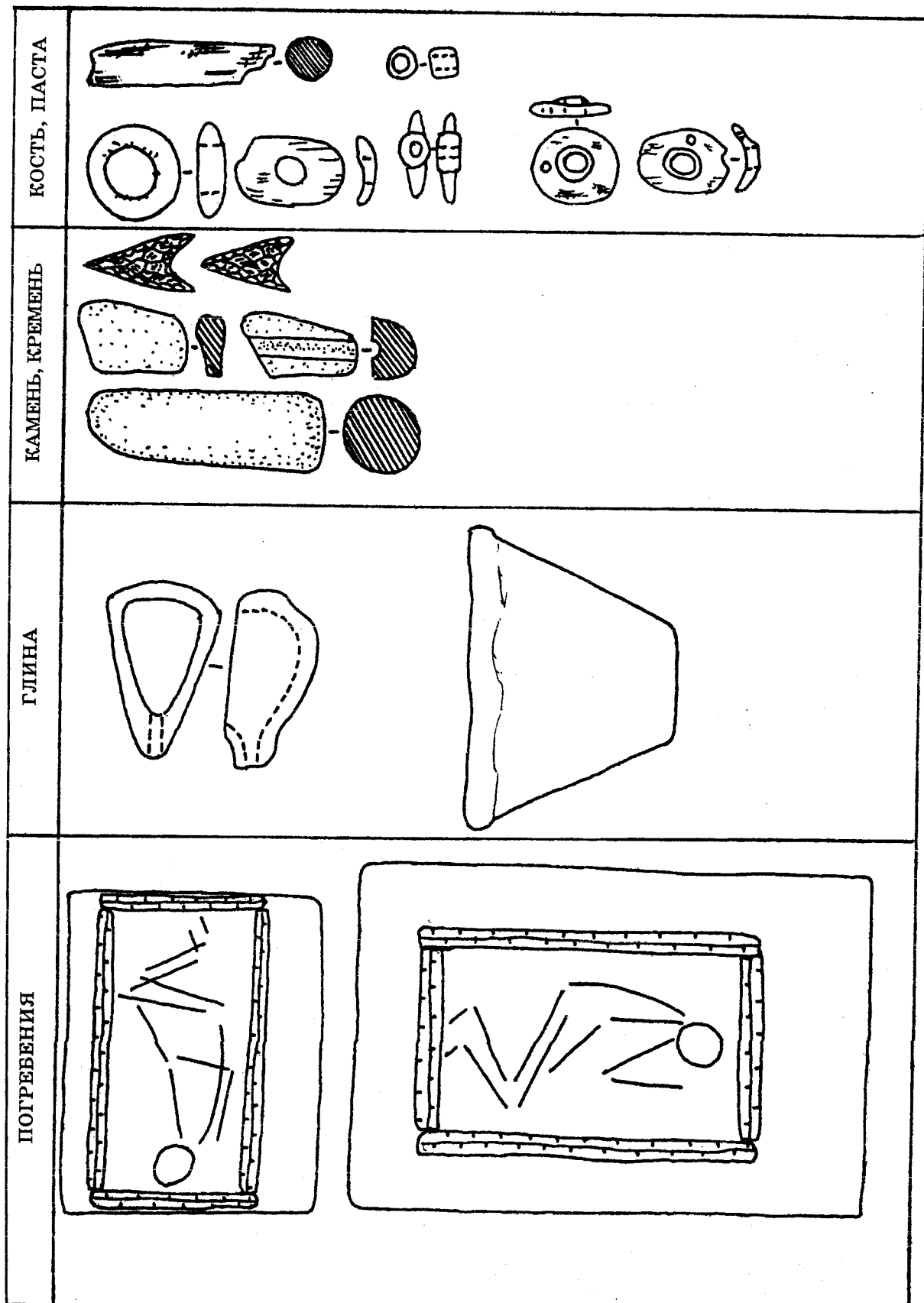

Рис. 58

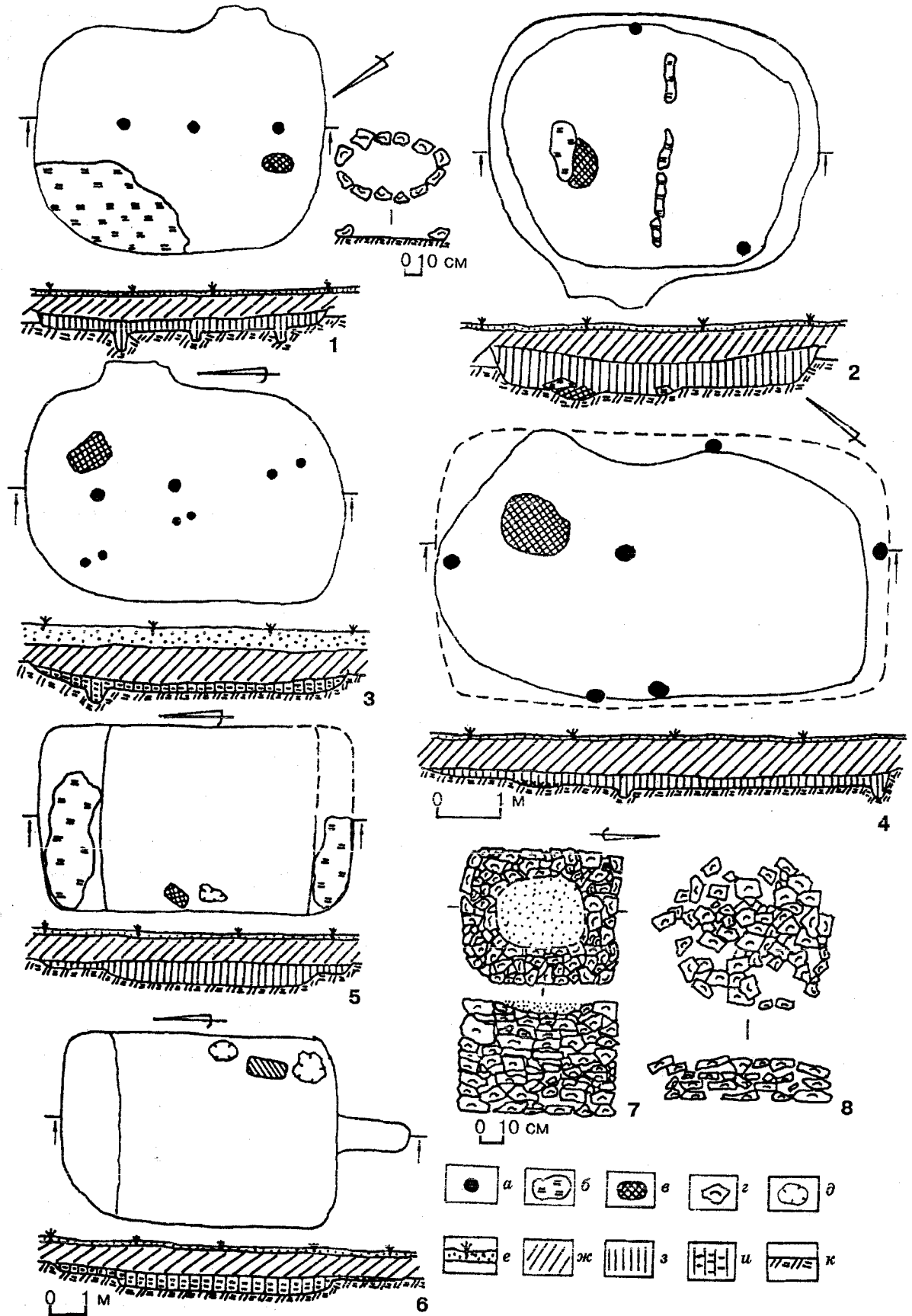

Рис. 59

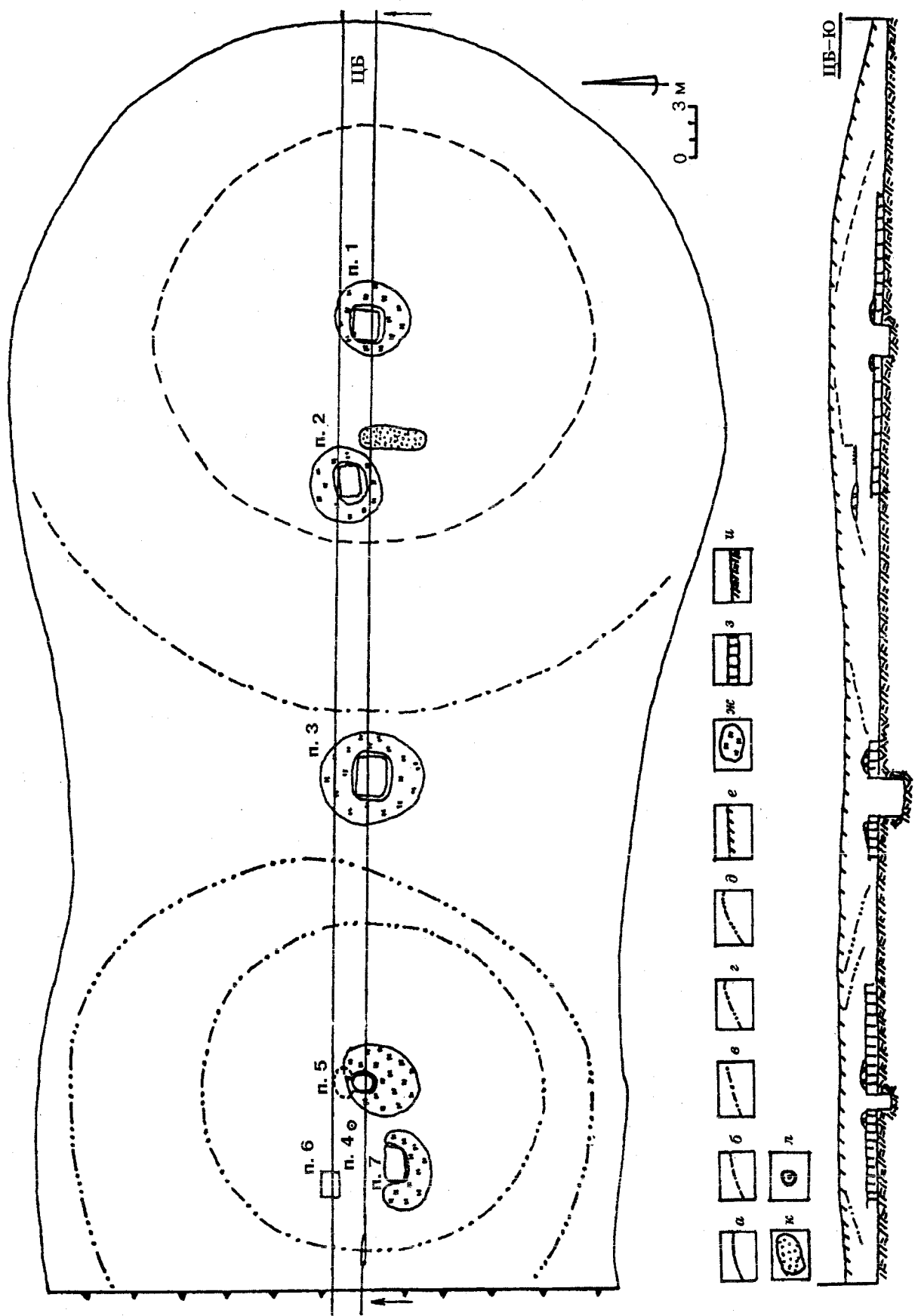

Рис. 60

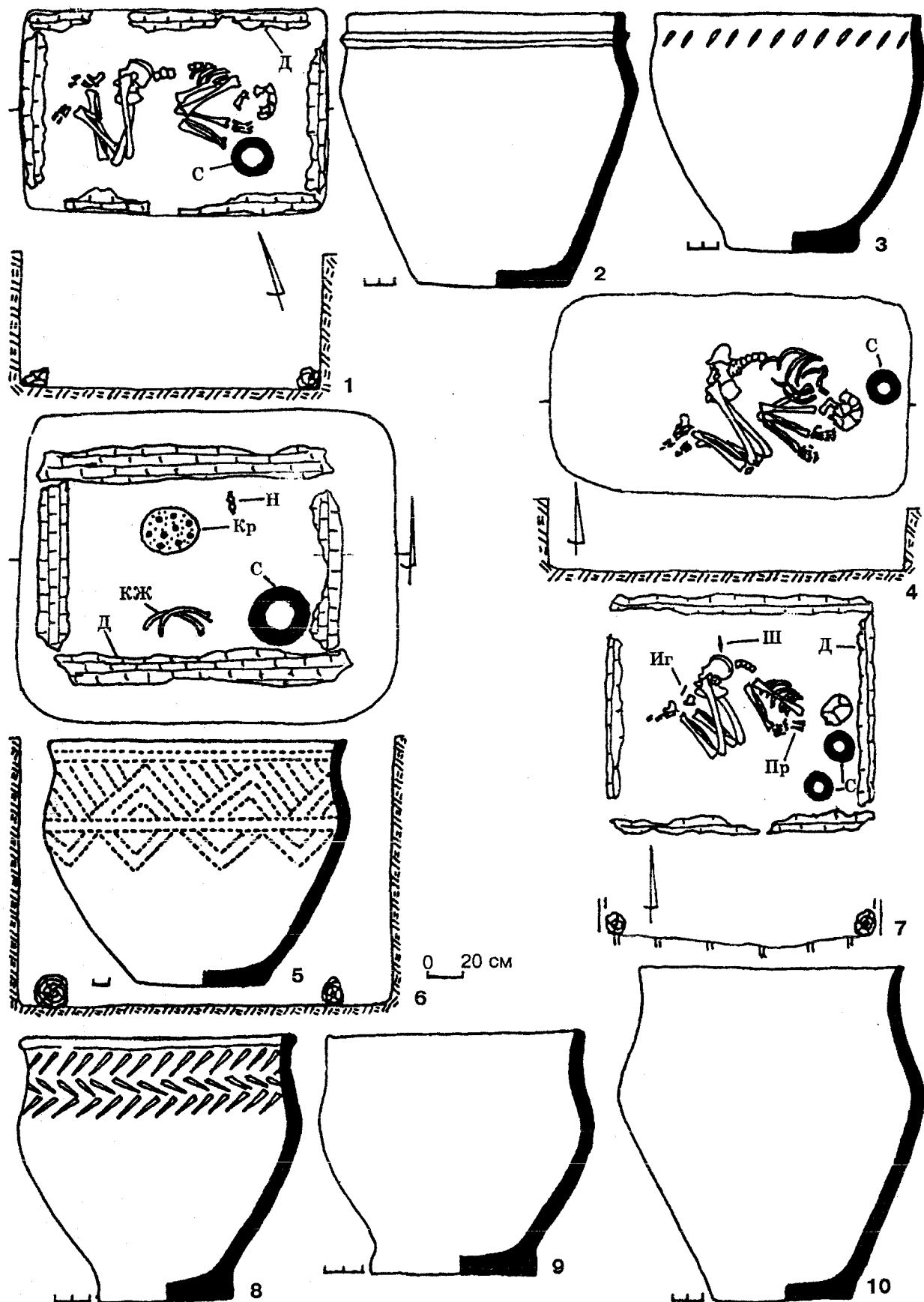

Рис. 61

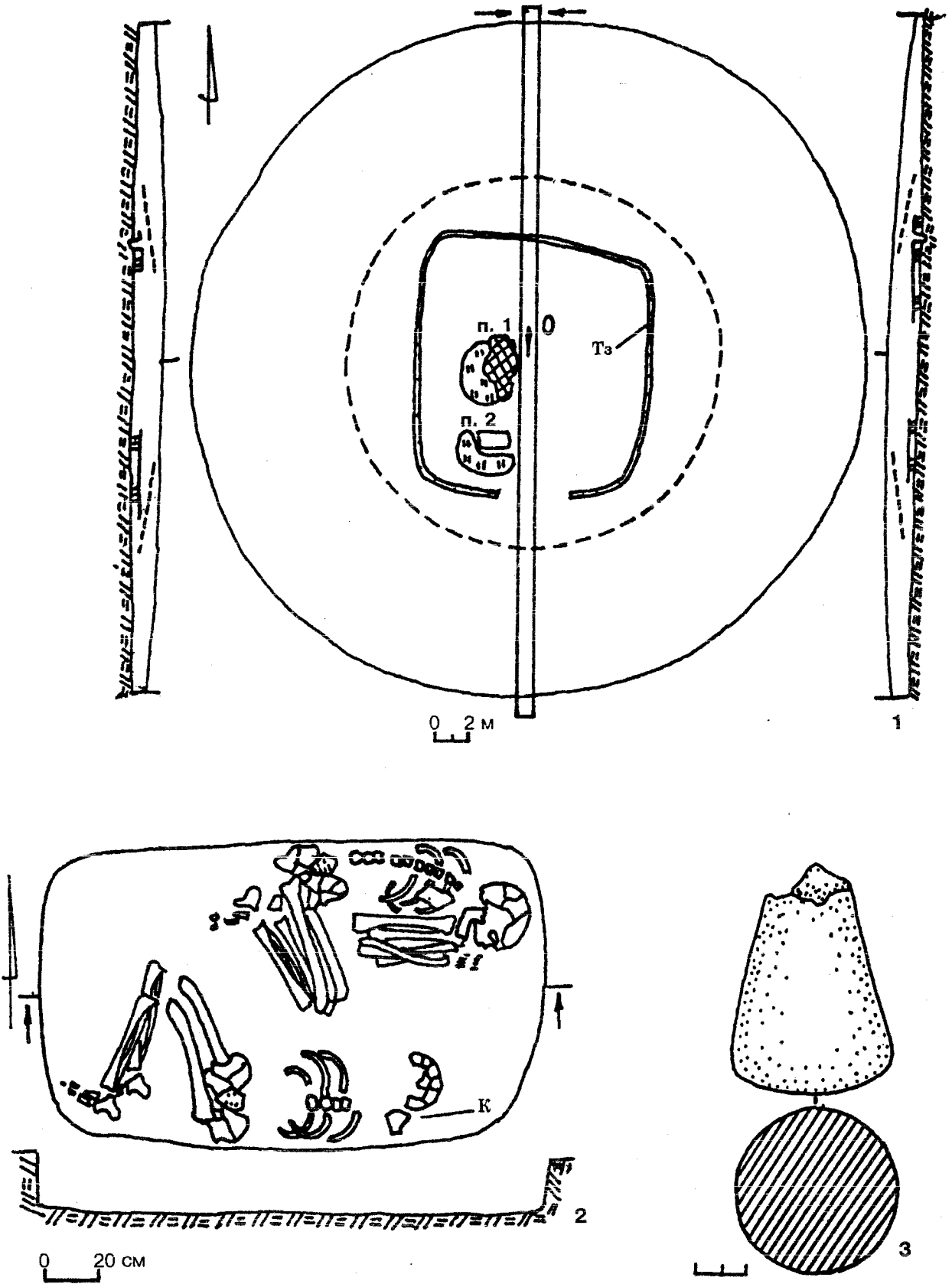

Рис. 62

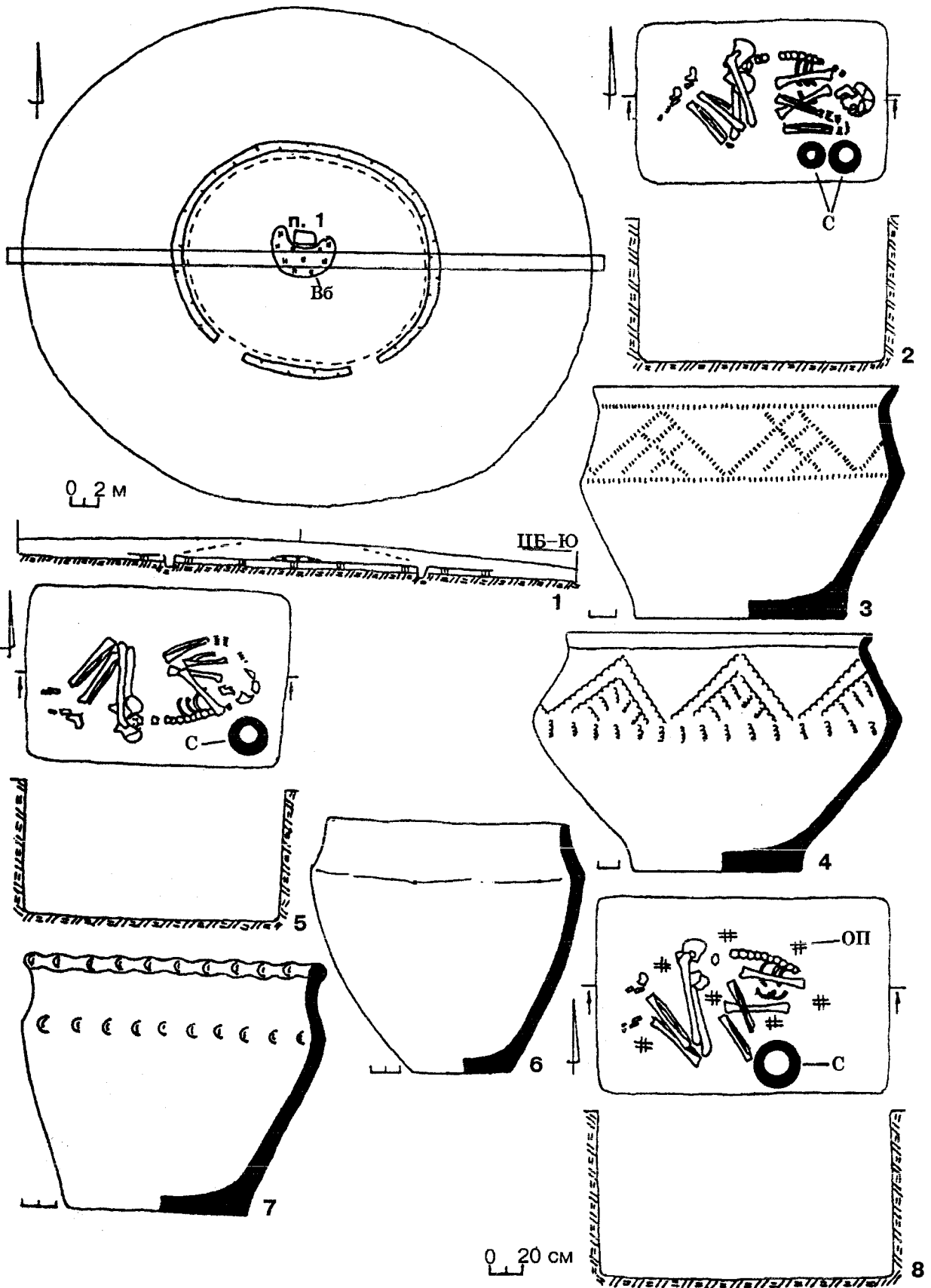

Рис. 63

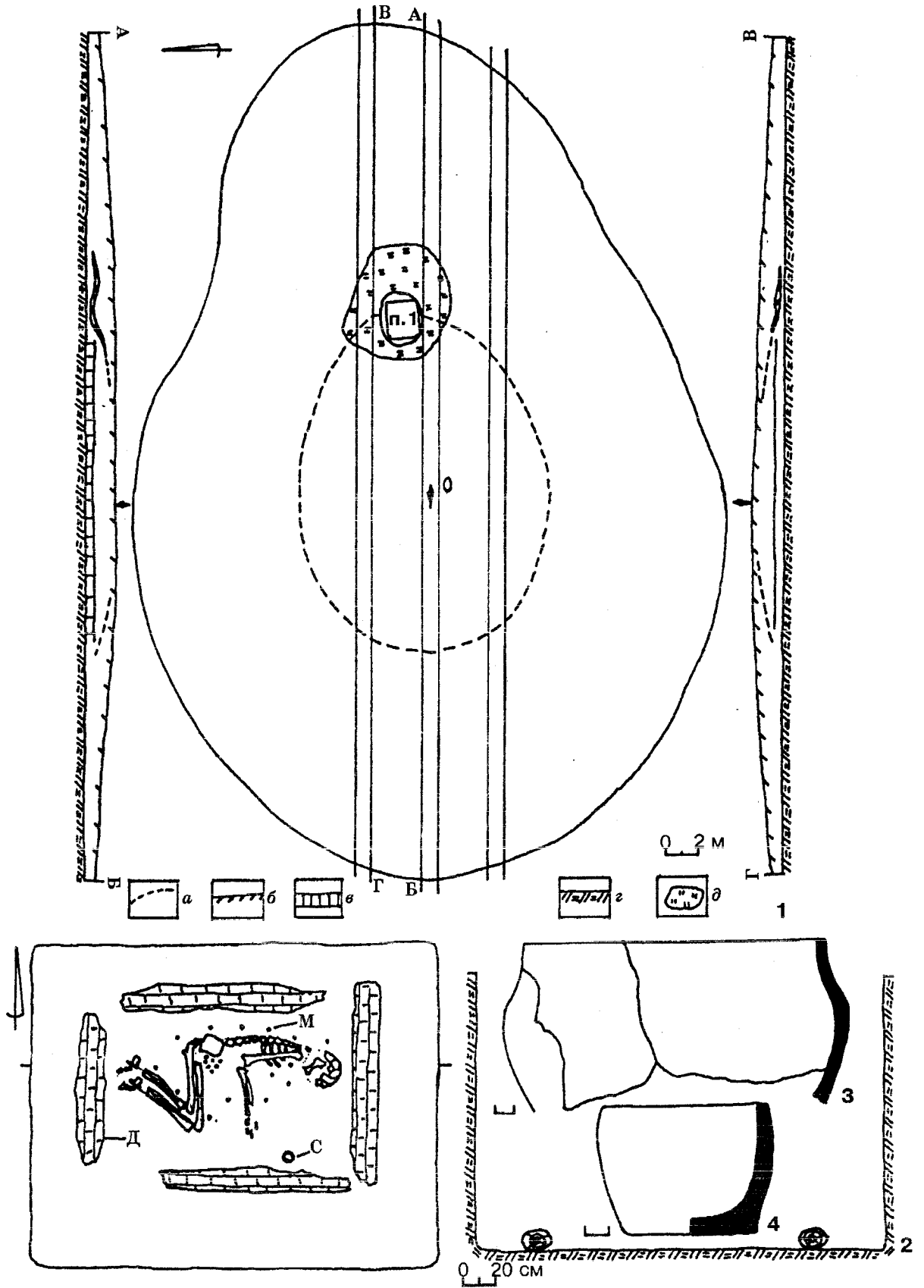

Рис. 64

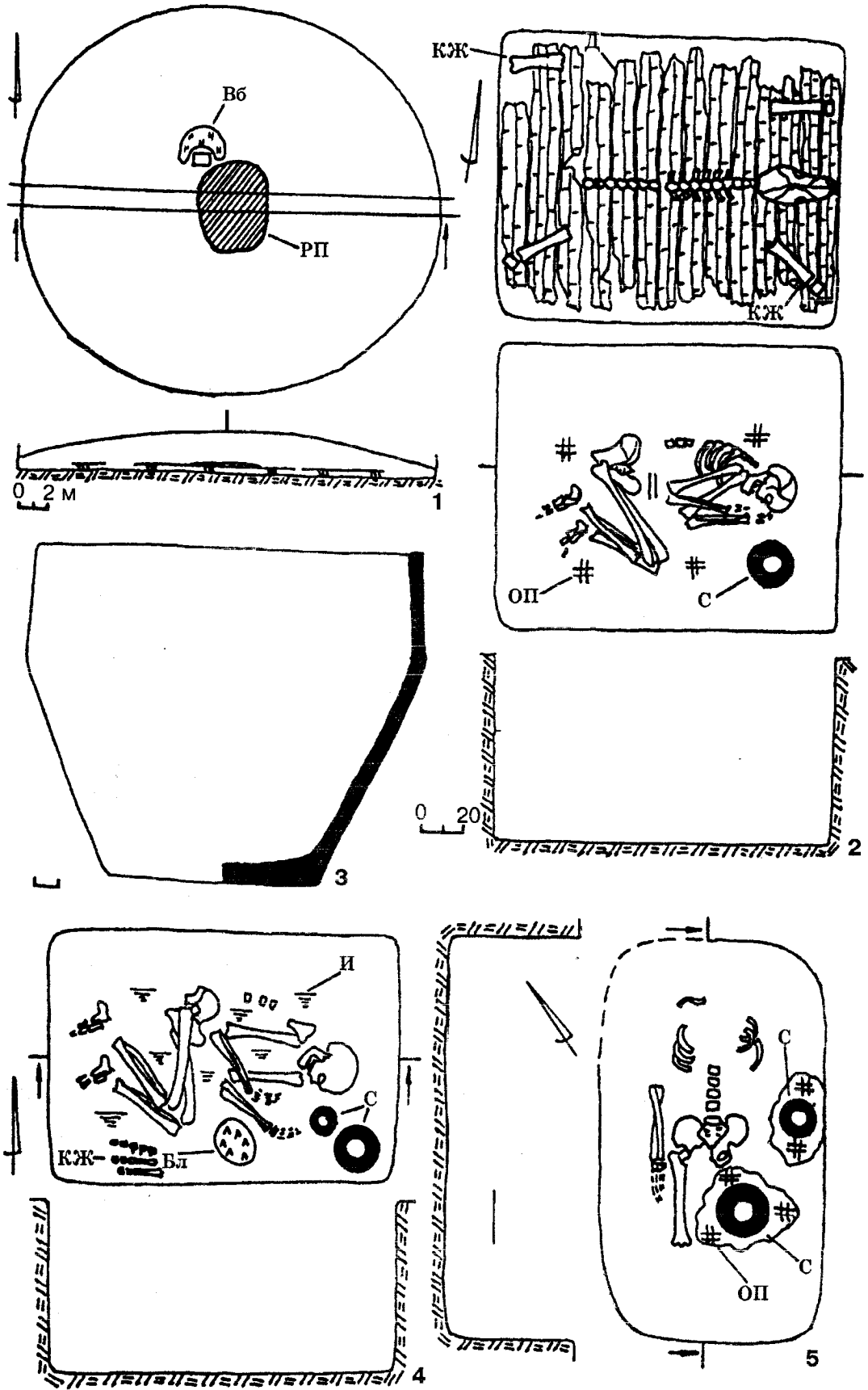

Рис. 65

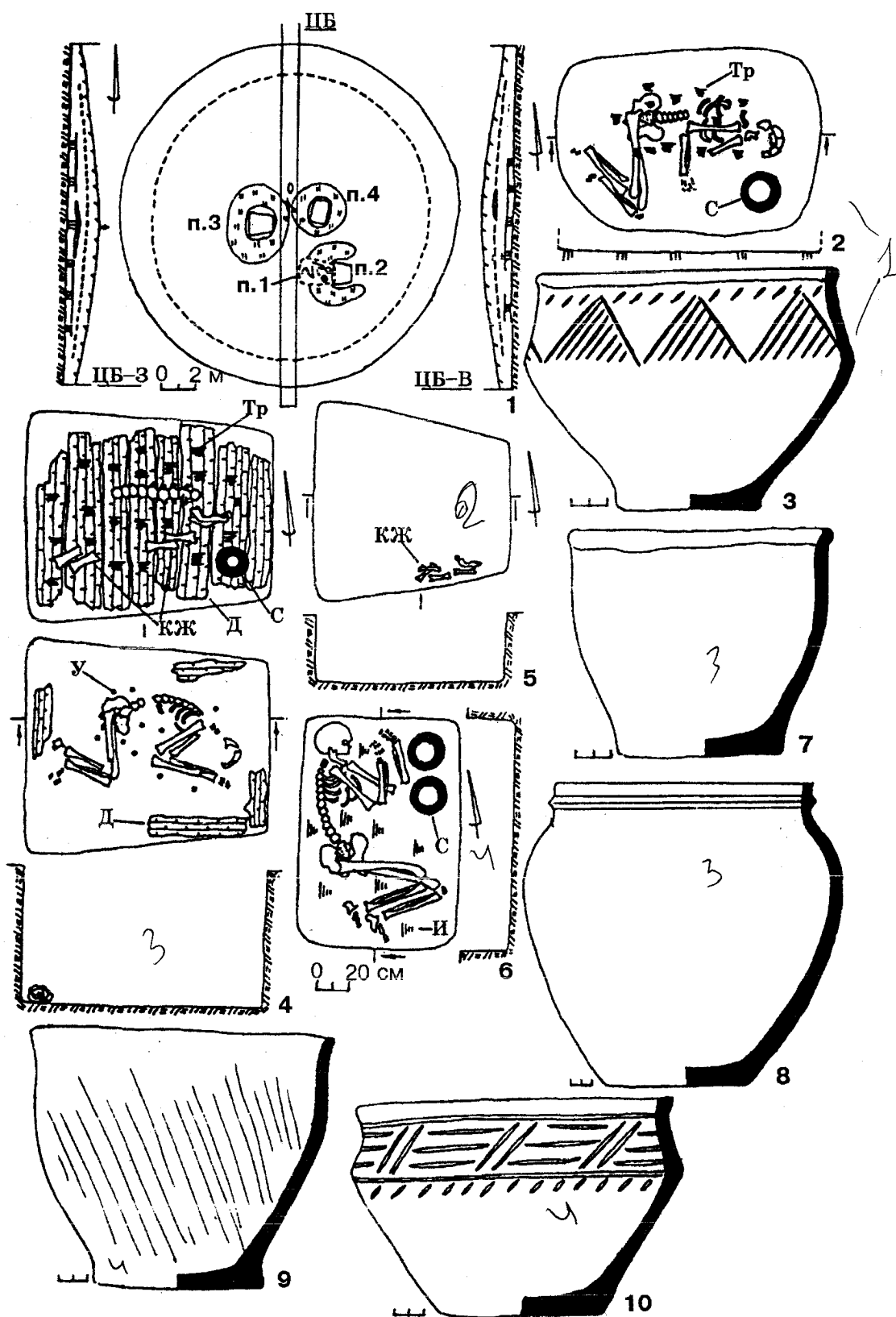

Рис. 66

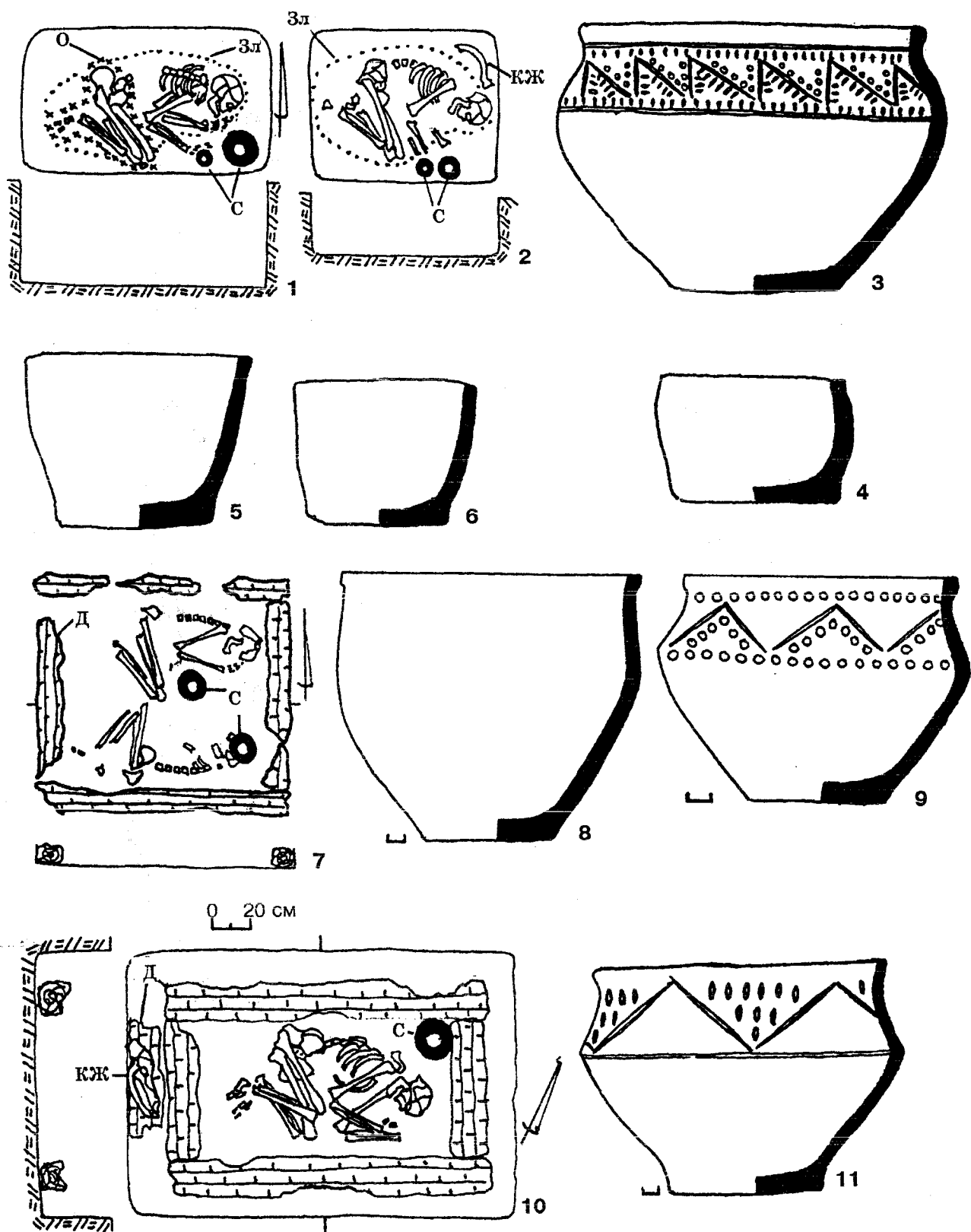

Рис. 67

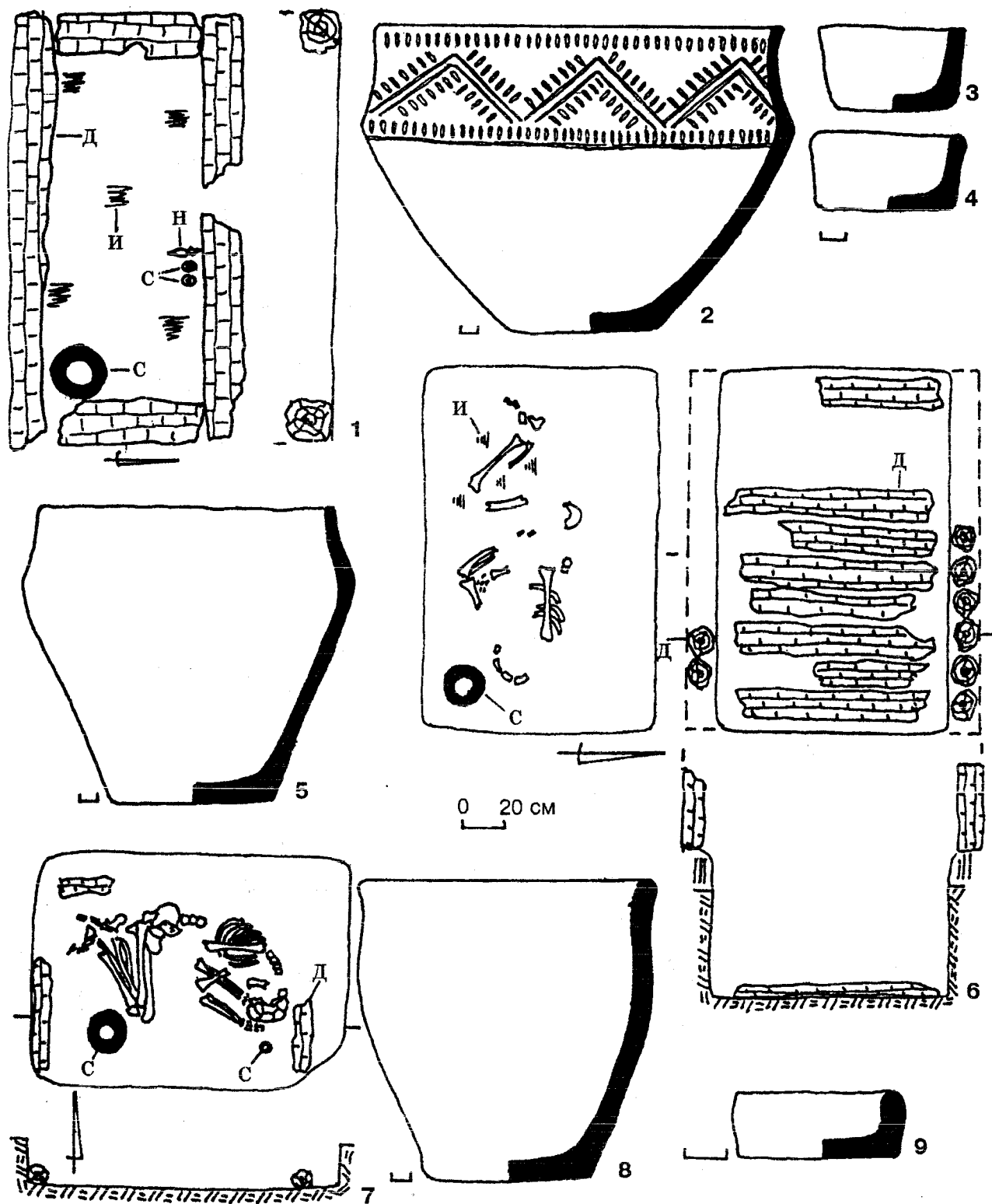

Рис. 68

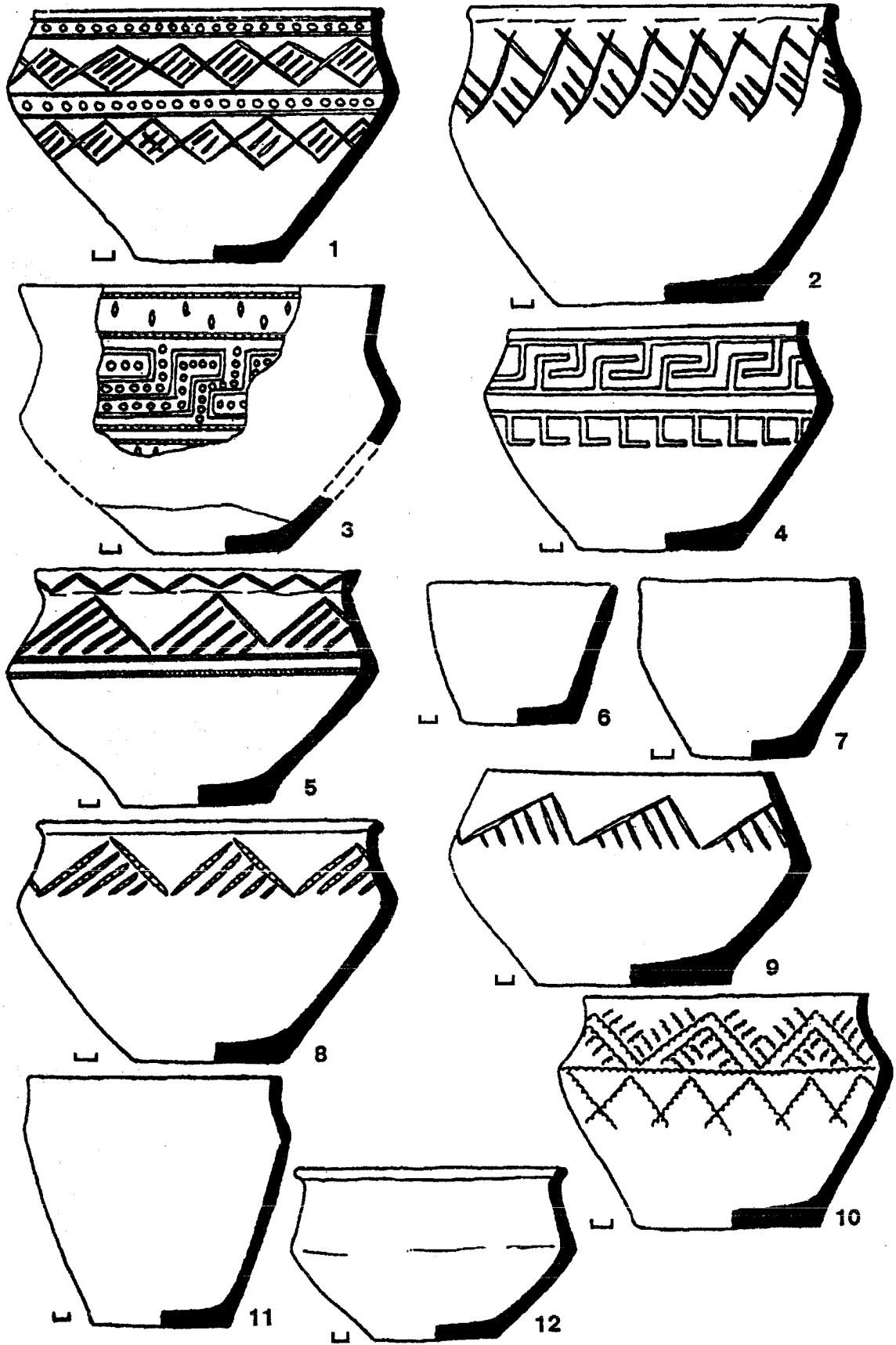

Рис. 69

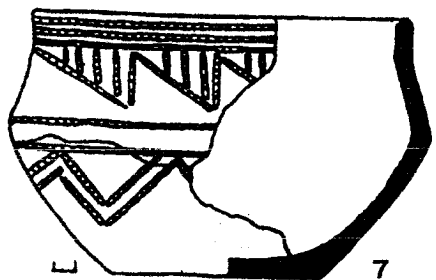
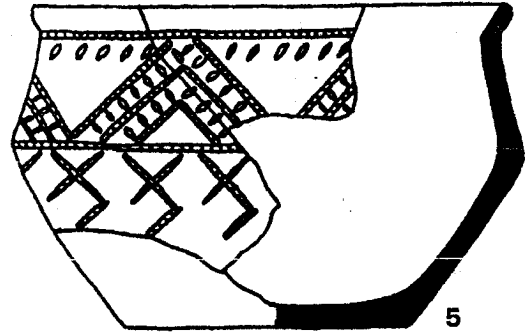
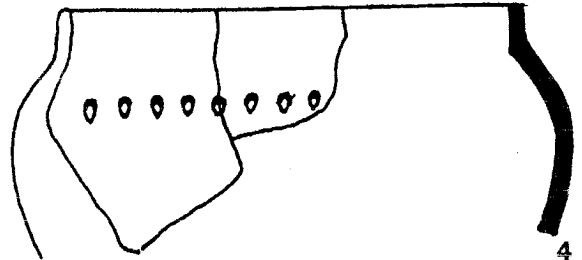
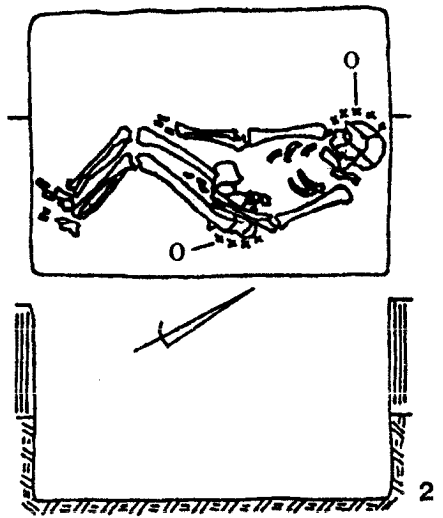
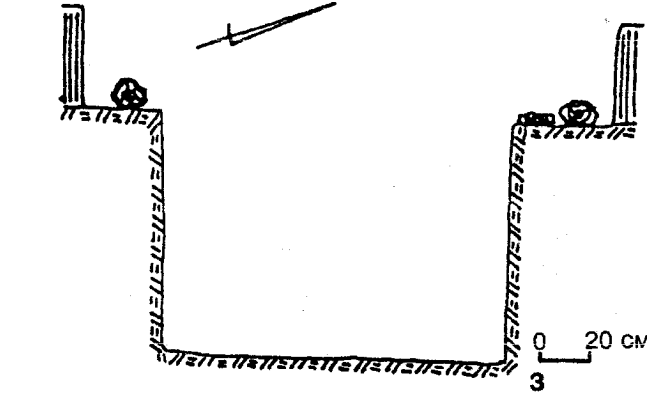
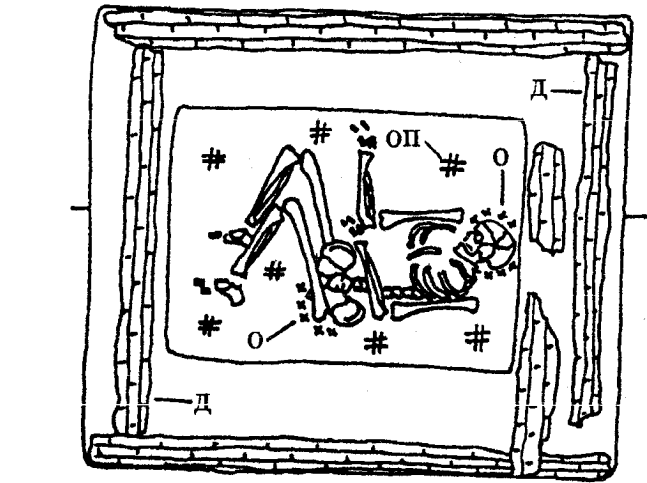
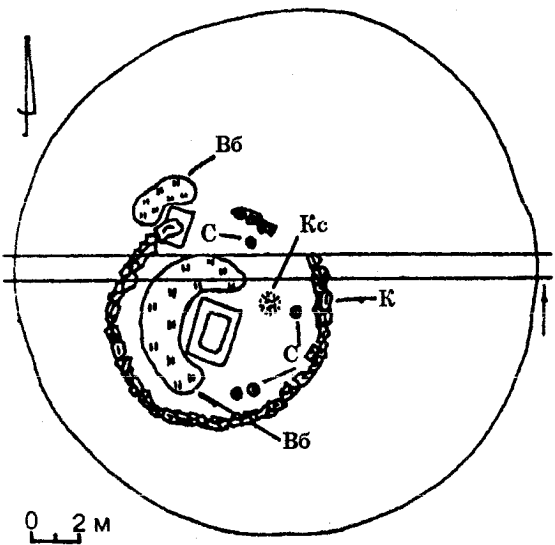

Рис. 70

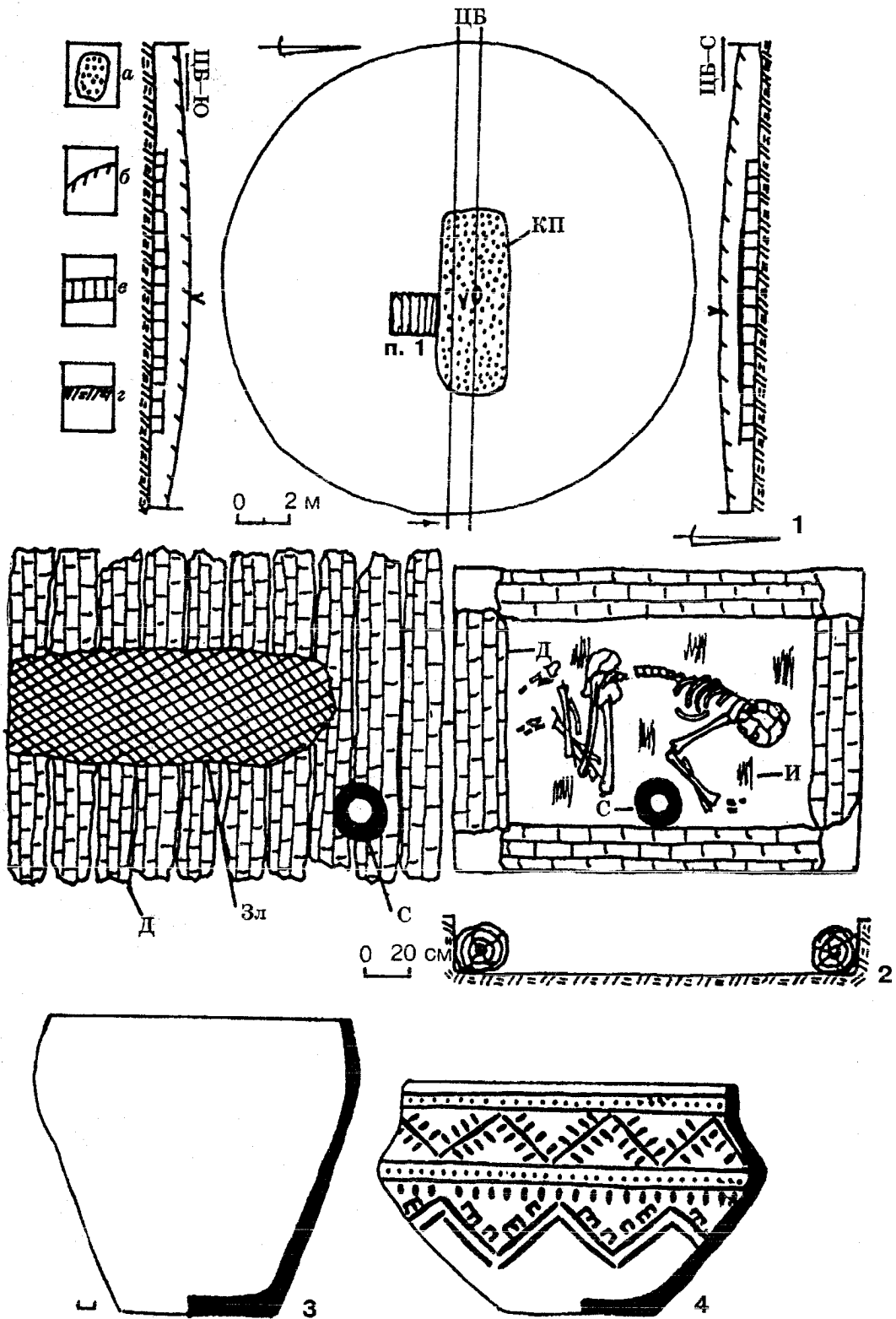

Рис. 71

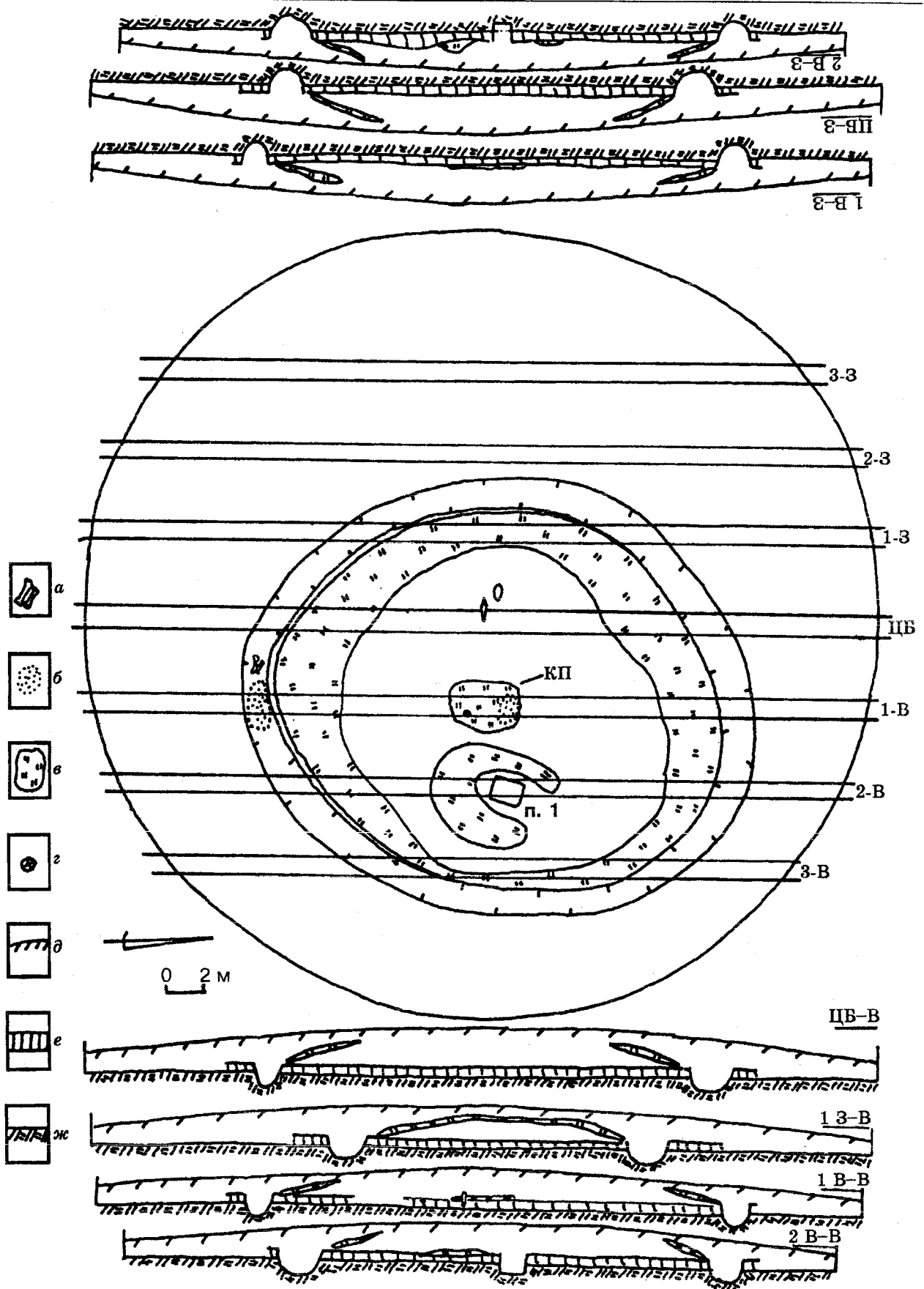

Рис. 72

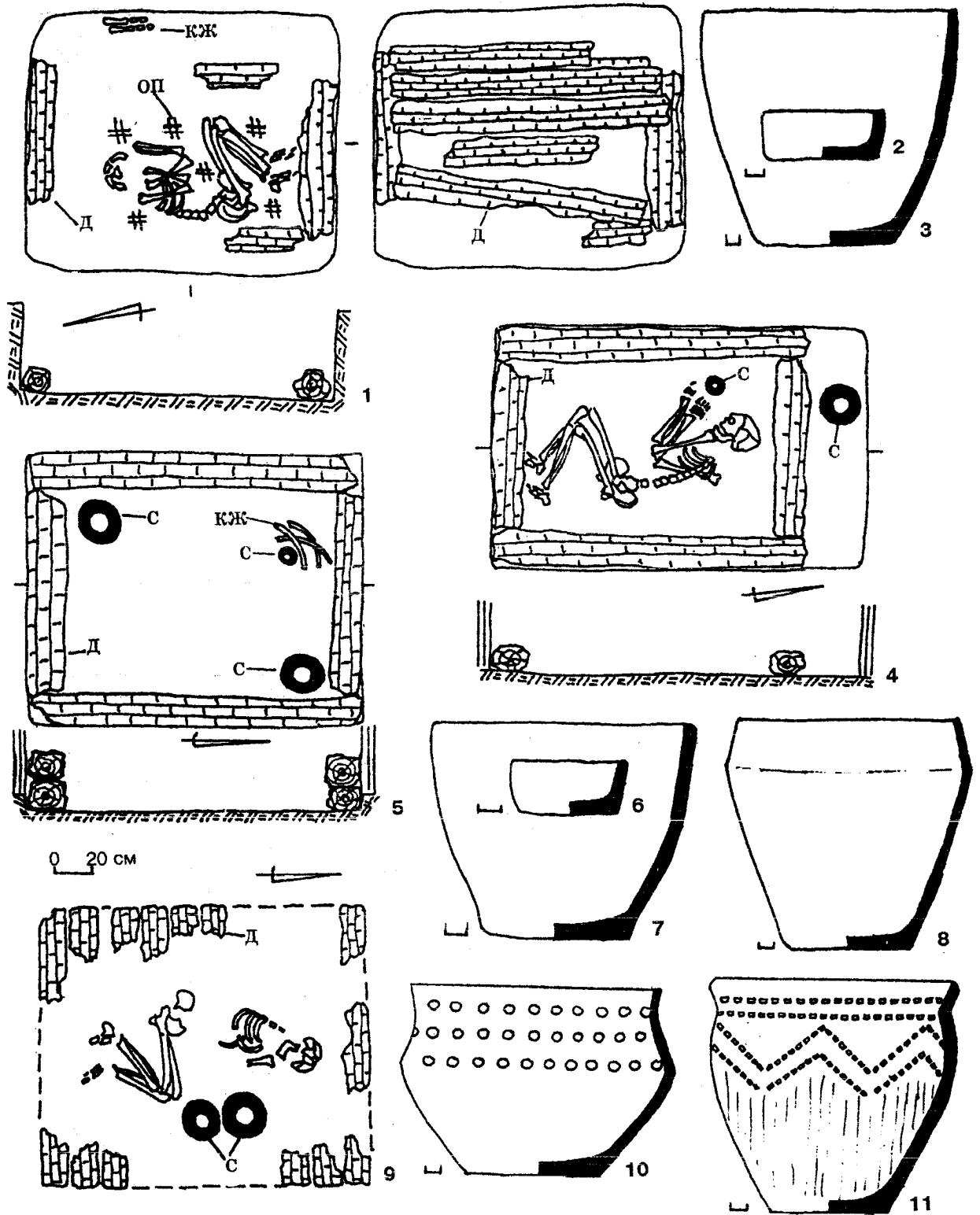

Рис. 73

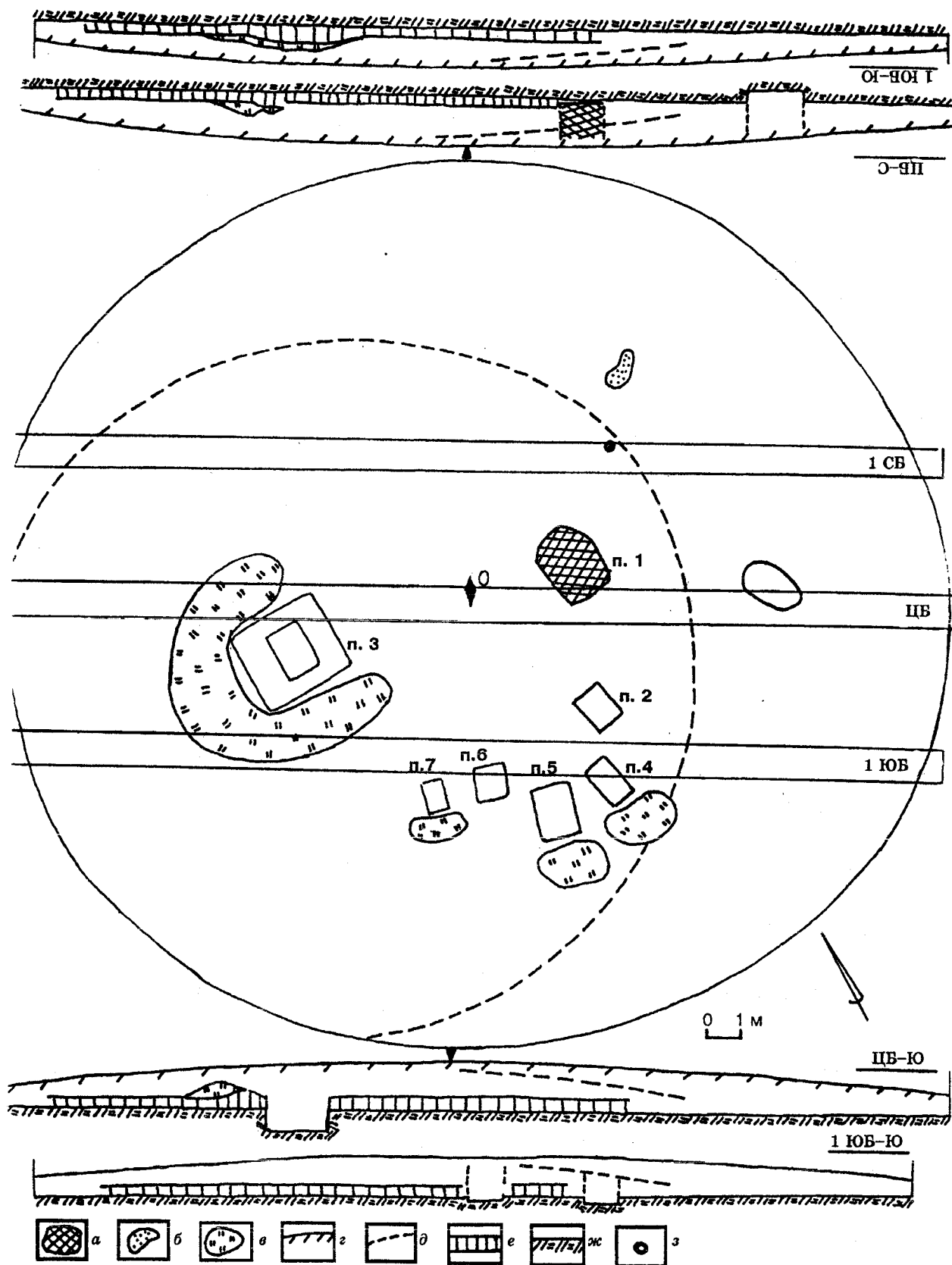

Рис. 74

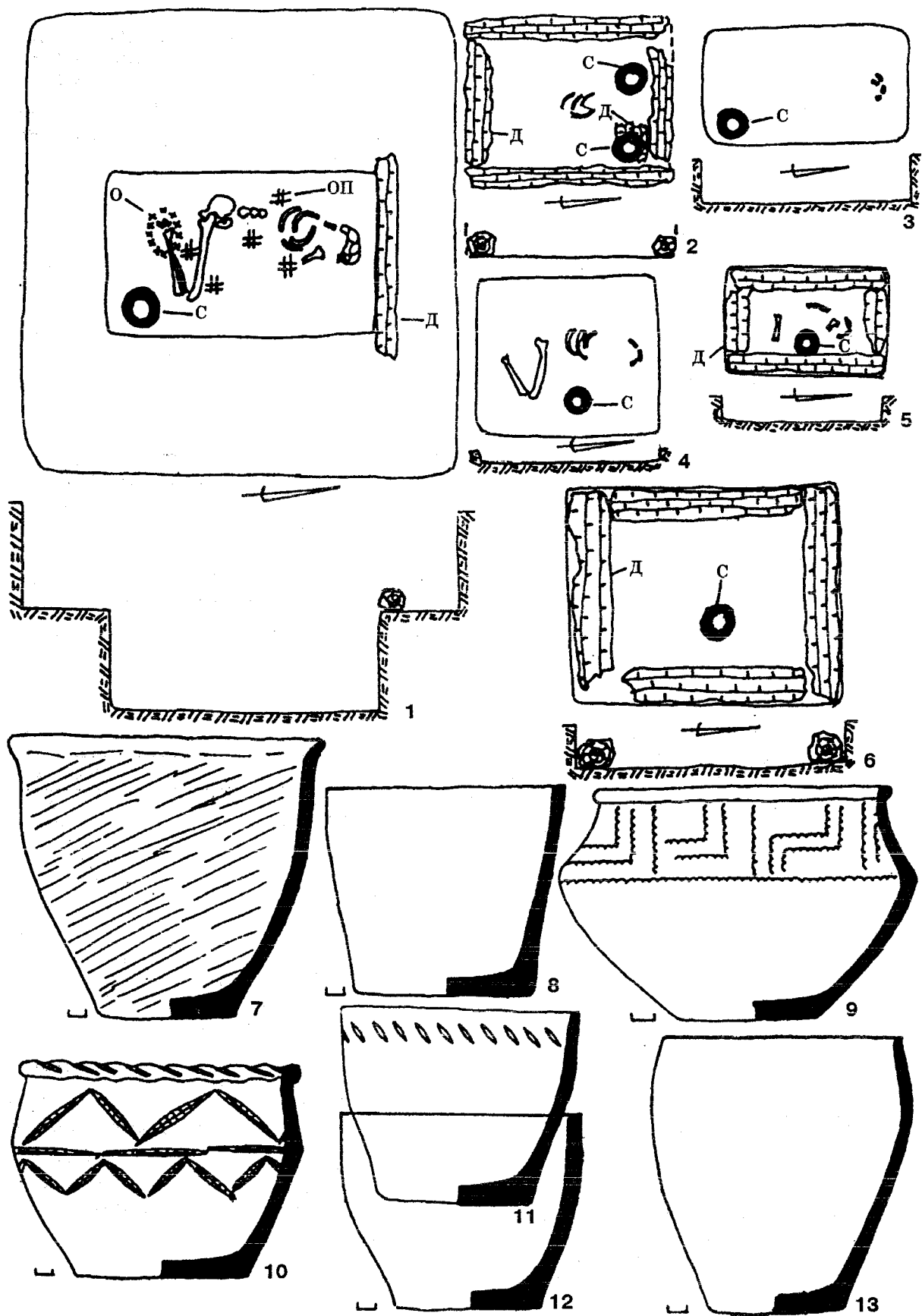

Рис. 75

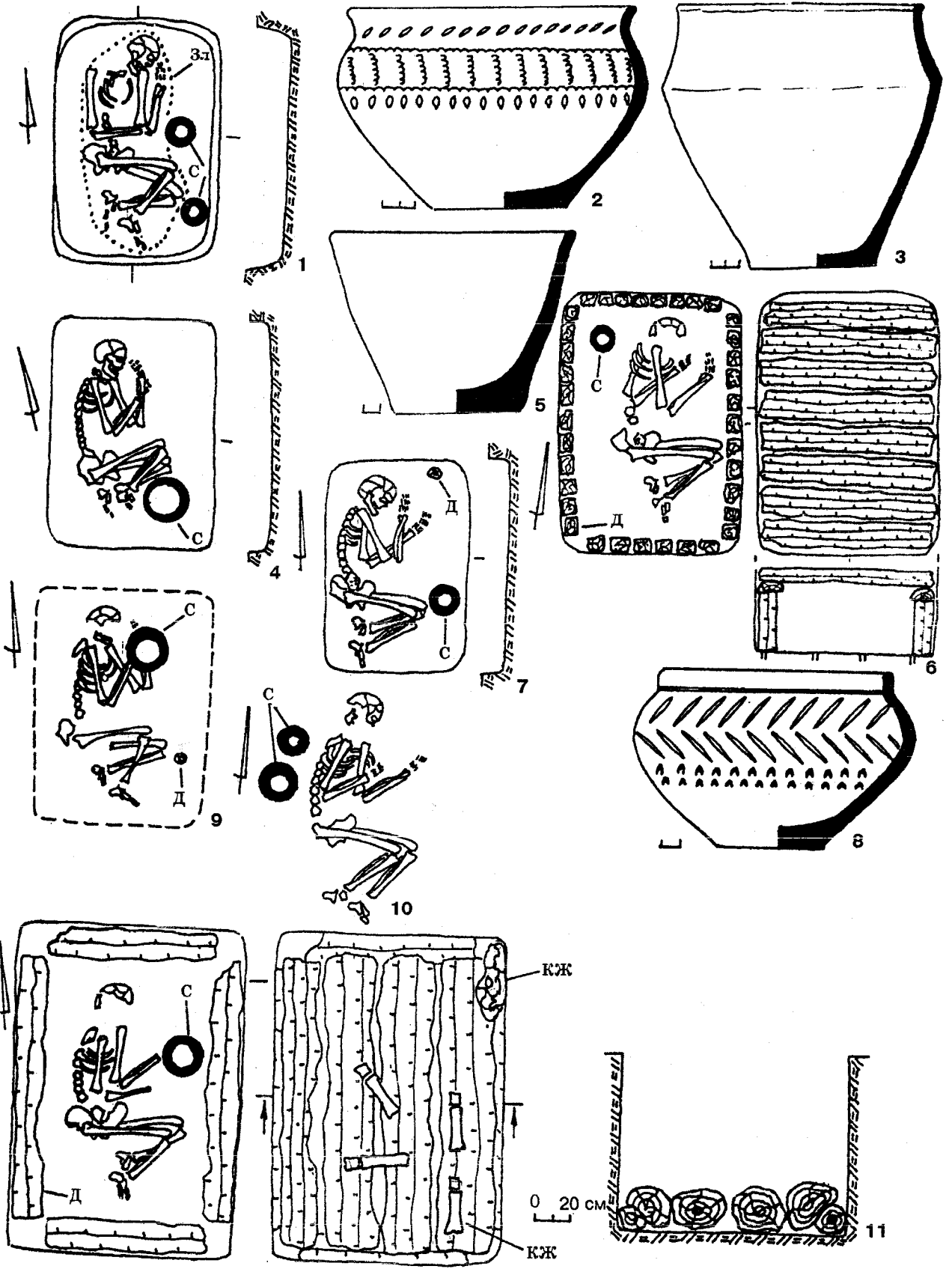

Рис. 76

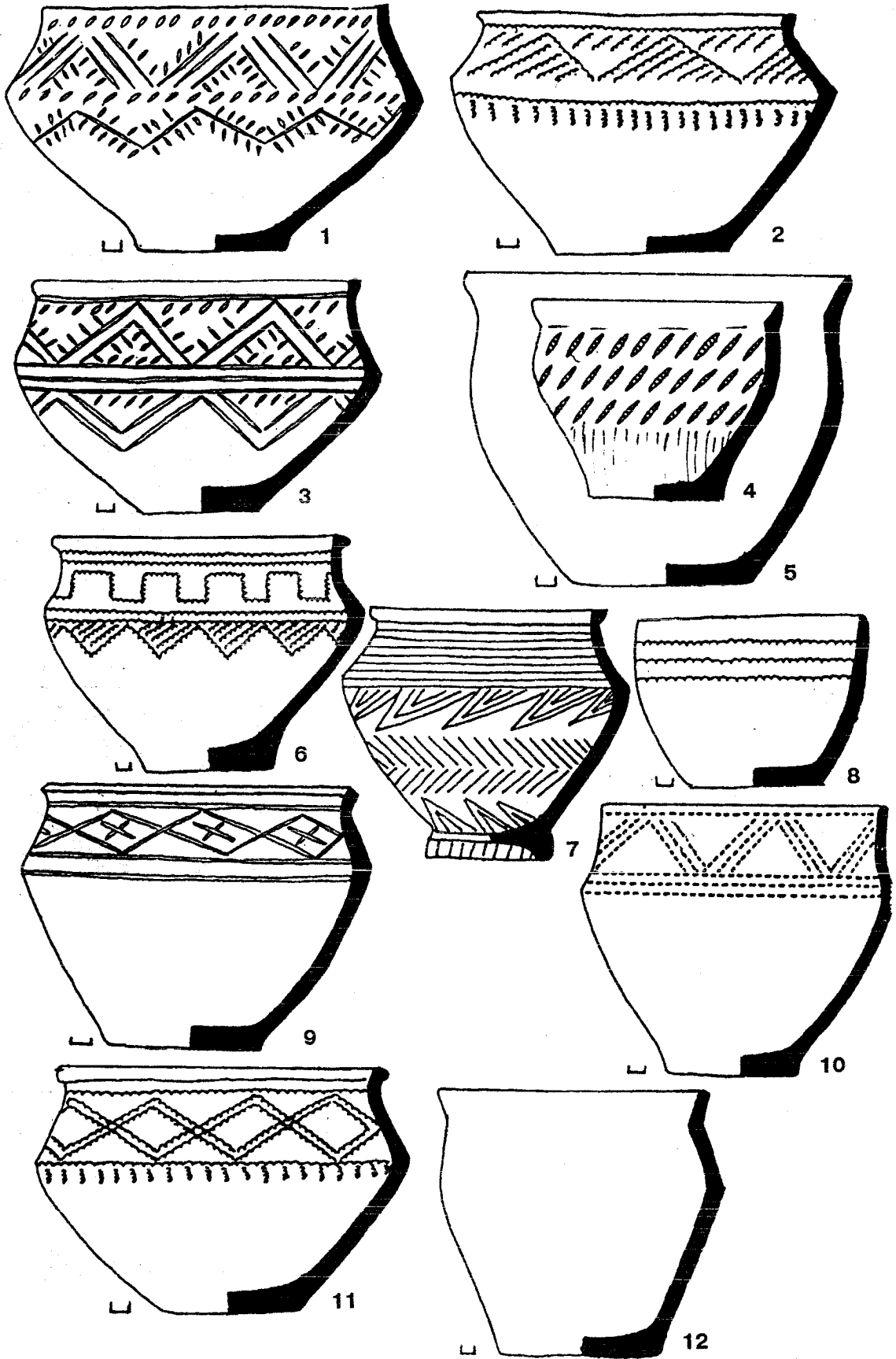

Рис. 77

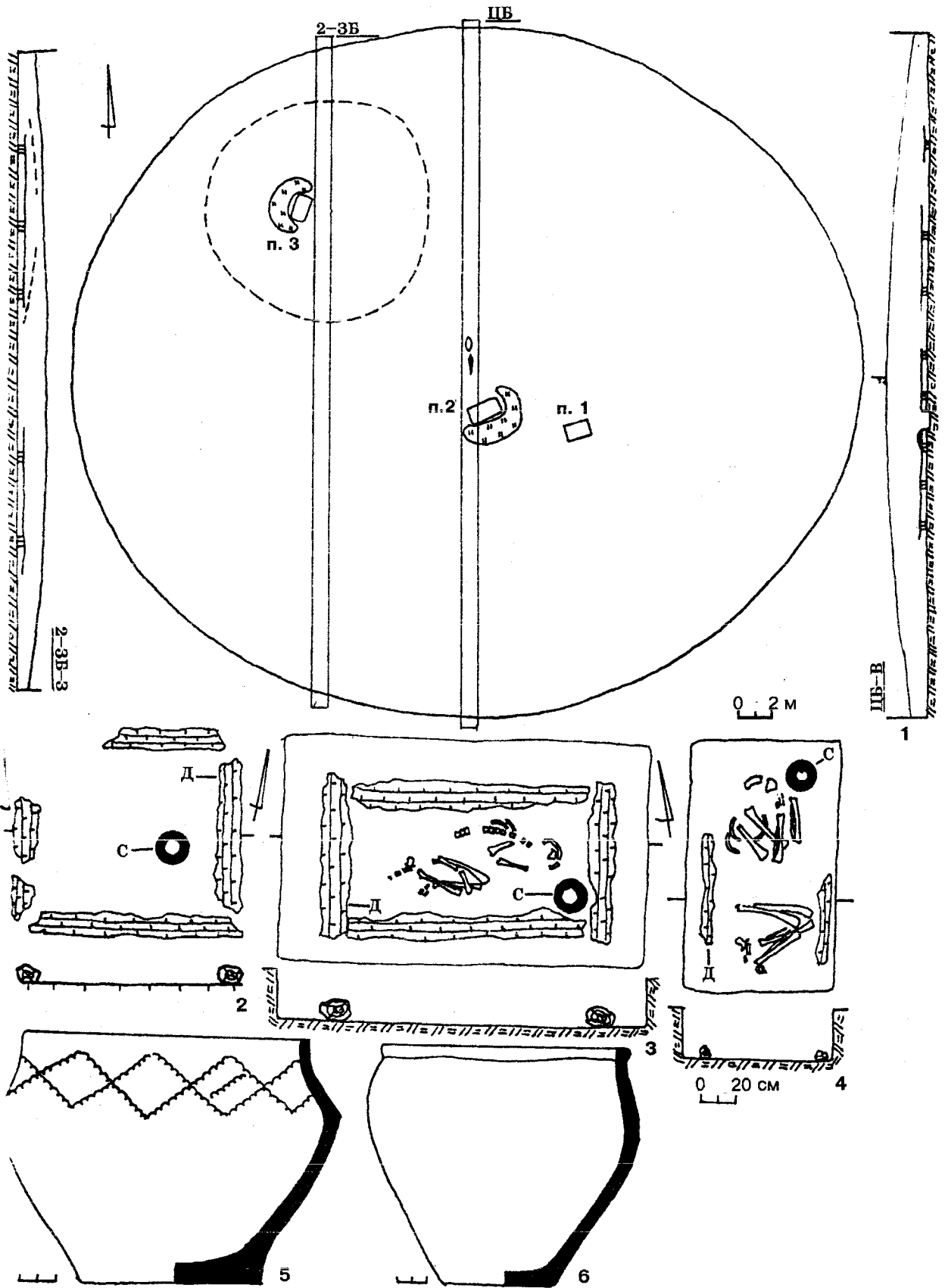

Рис. 78

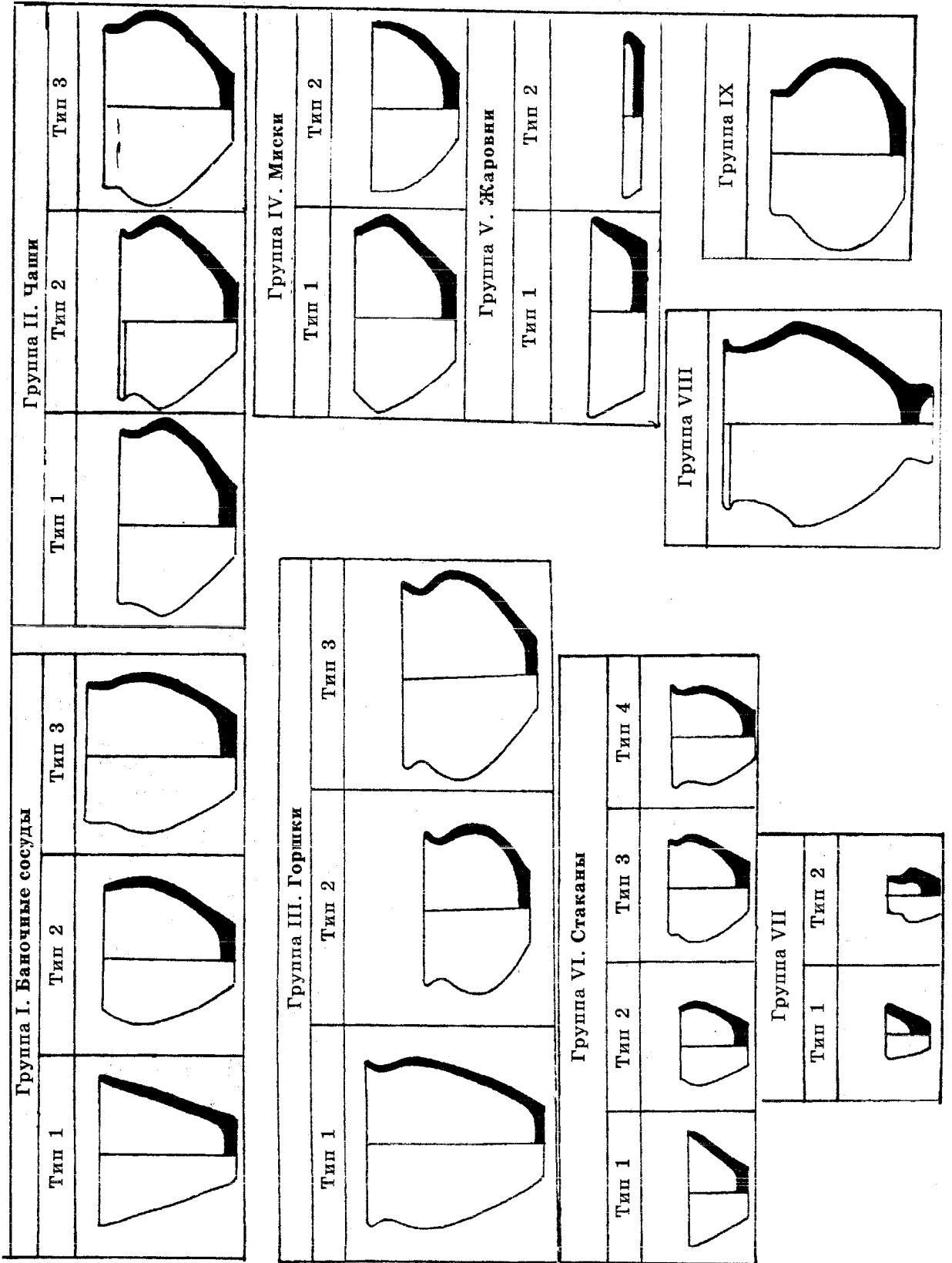

Рис. 79

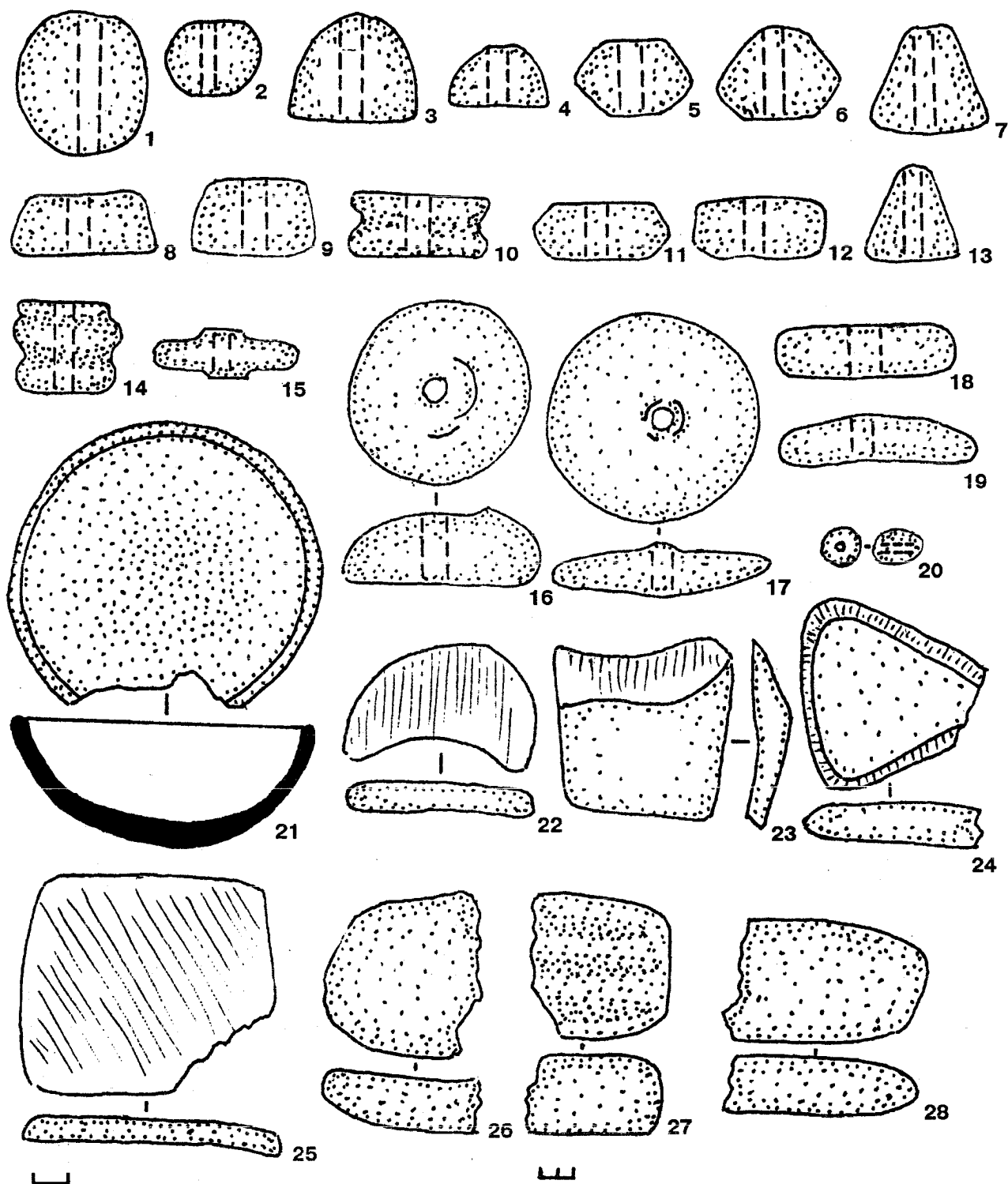

Рис. 80

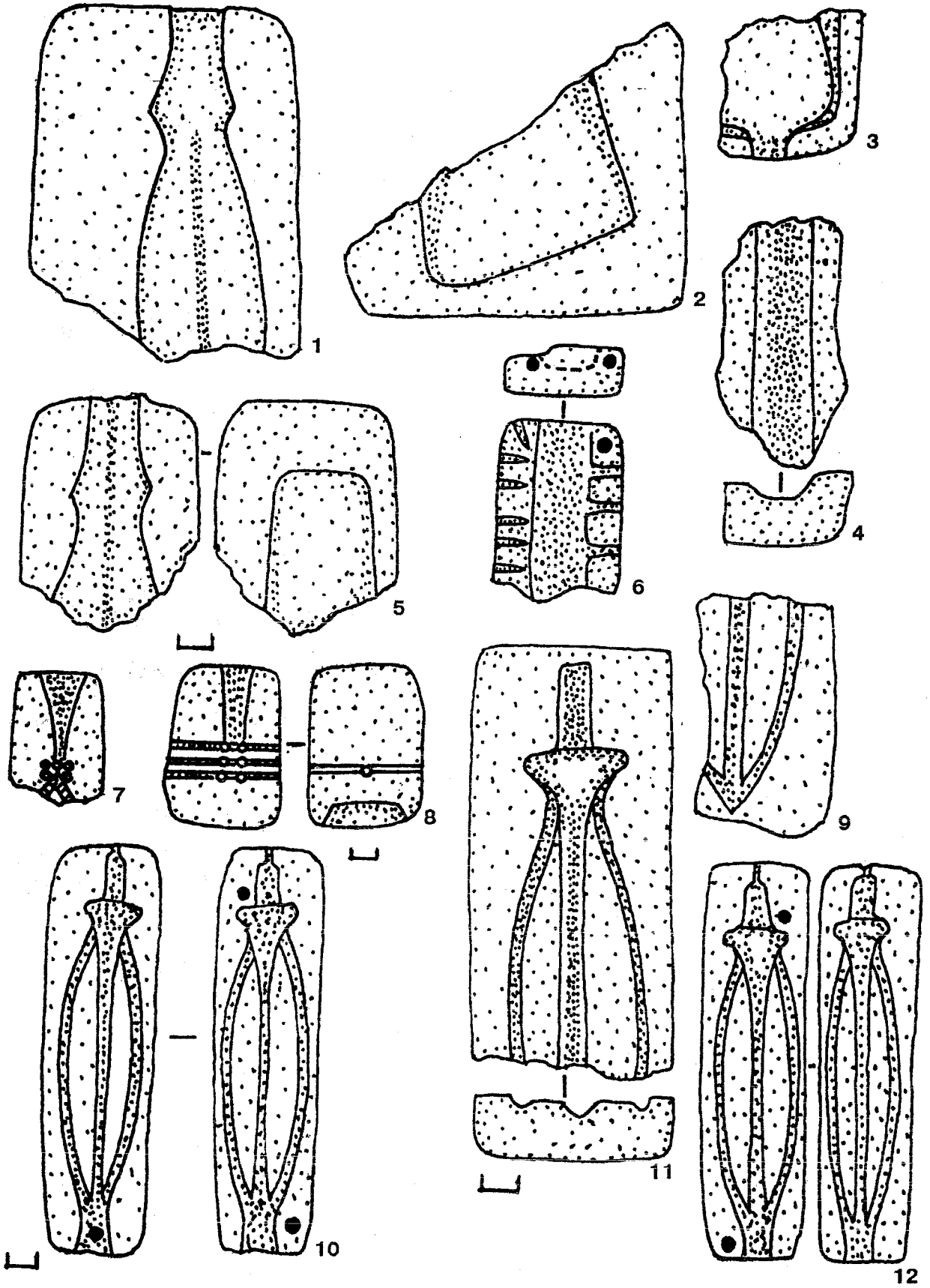

Рис. 81

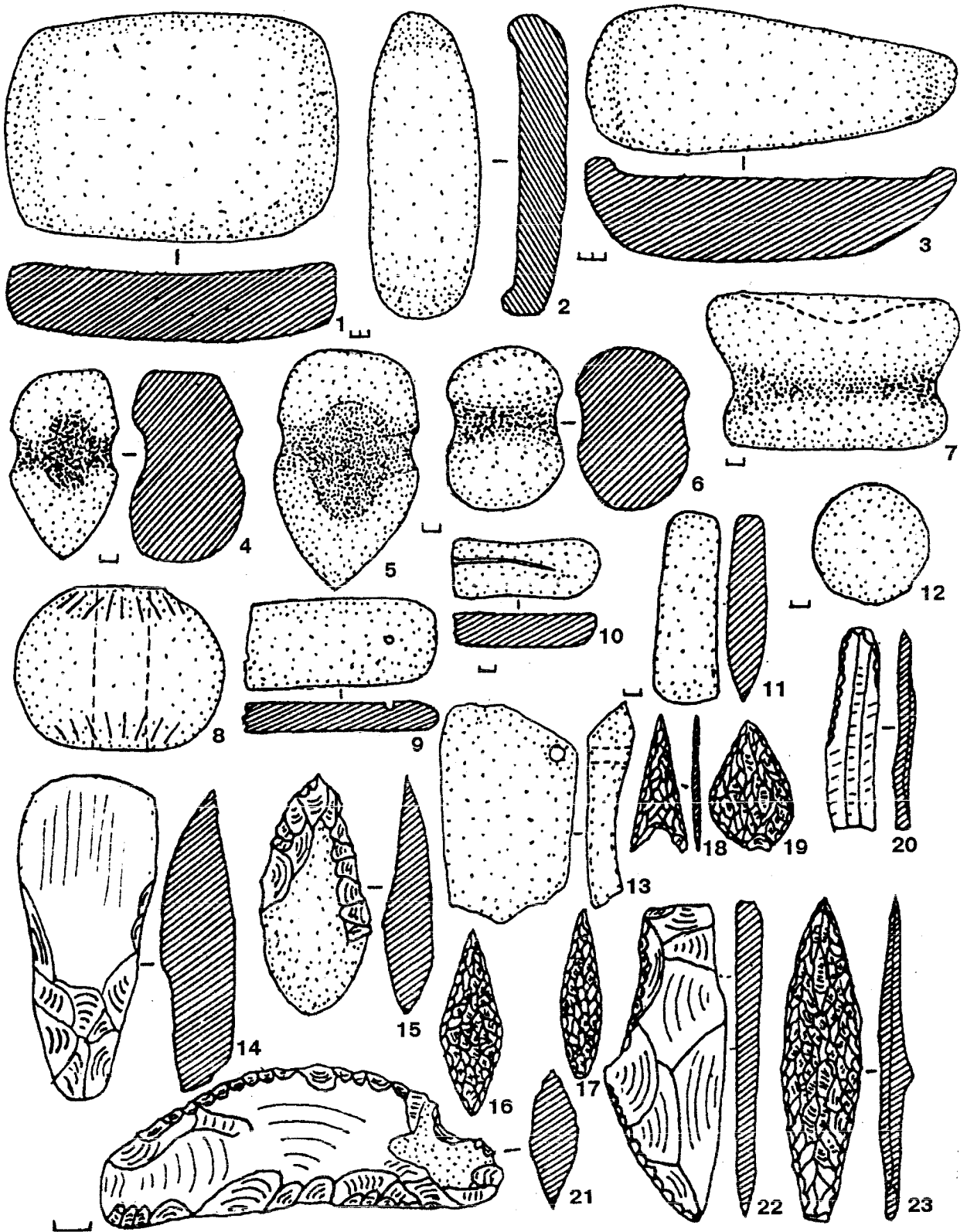

Рис. 82

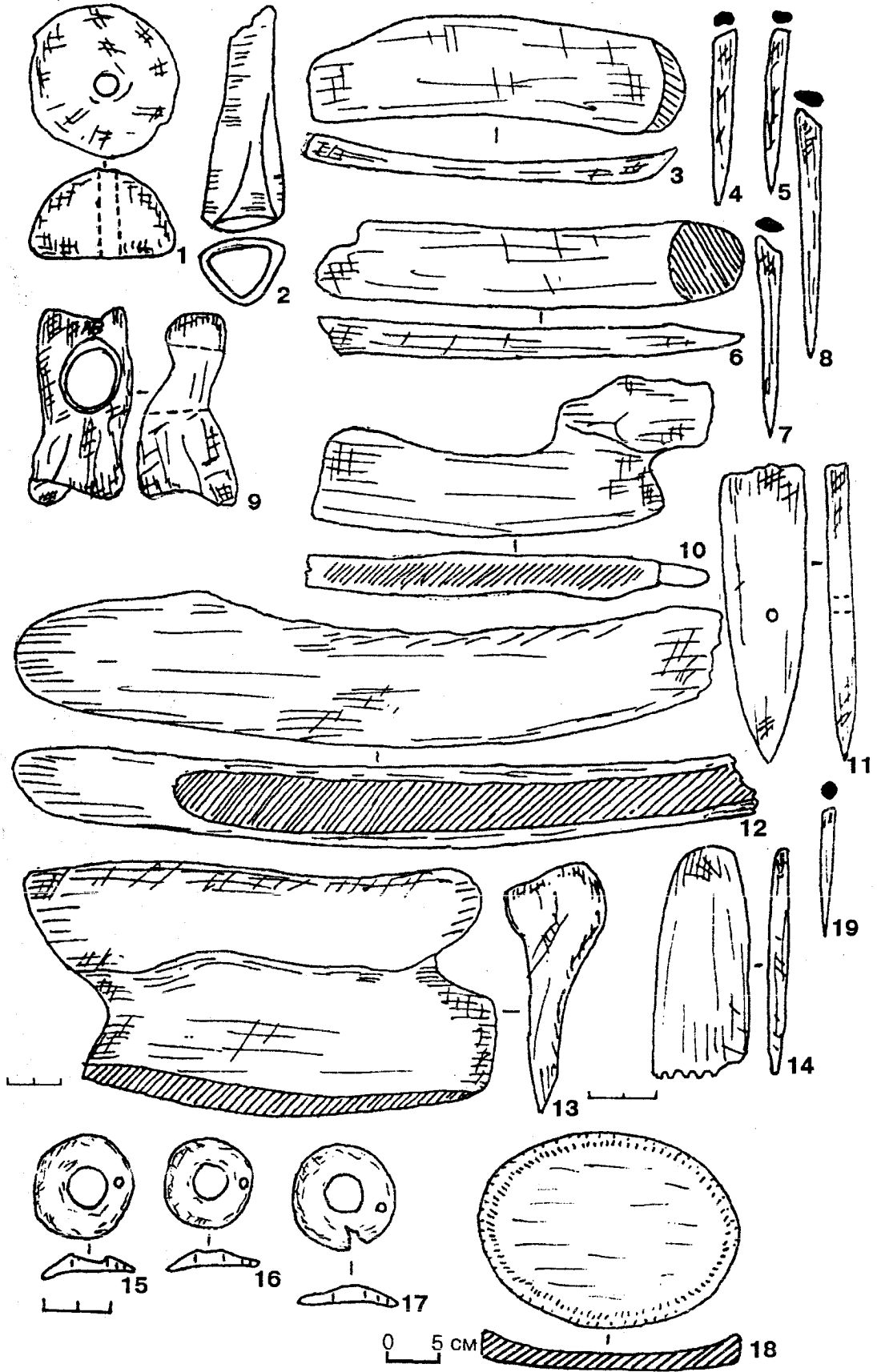

Рис. 83

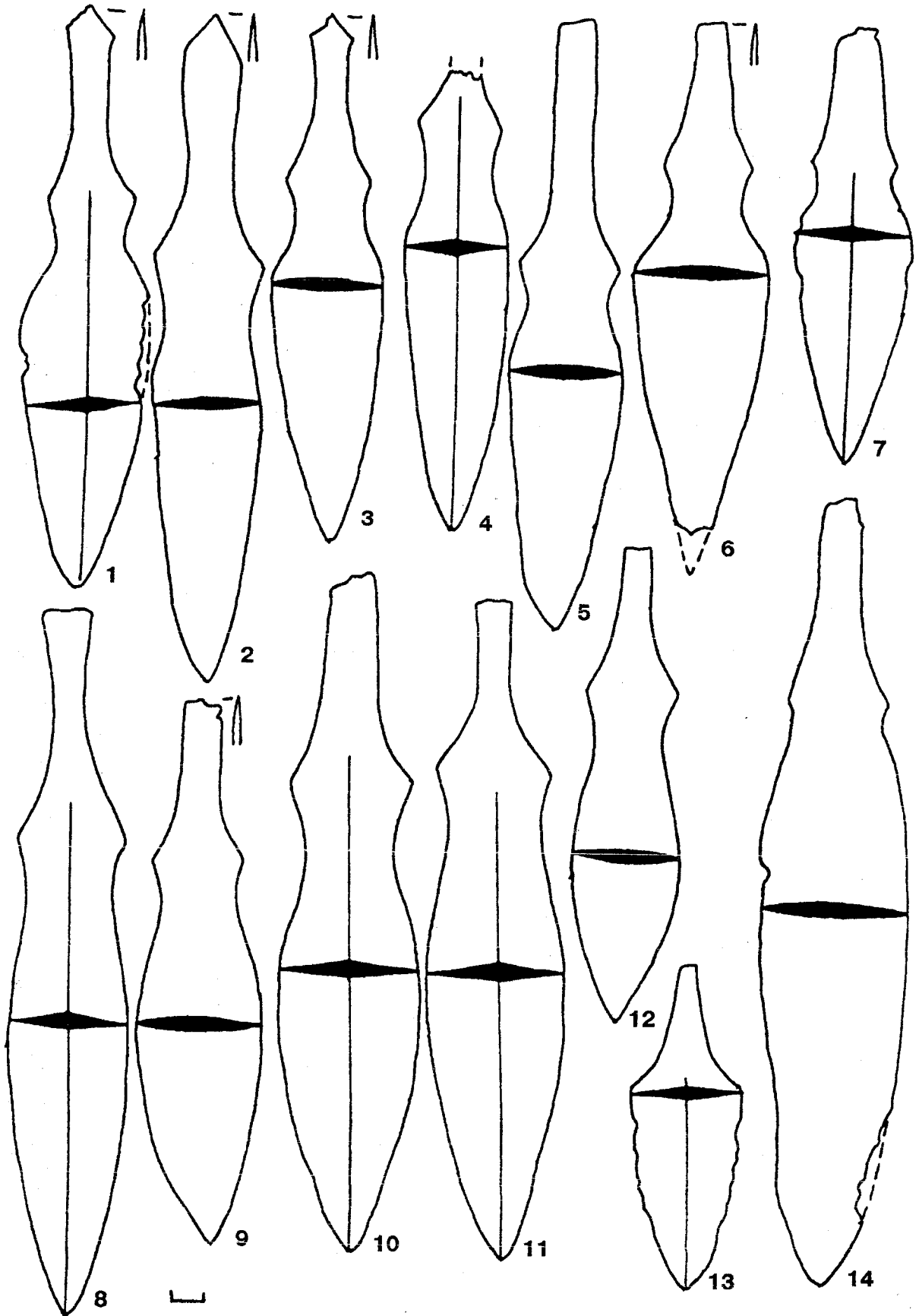

Рис. 84

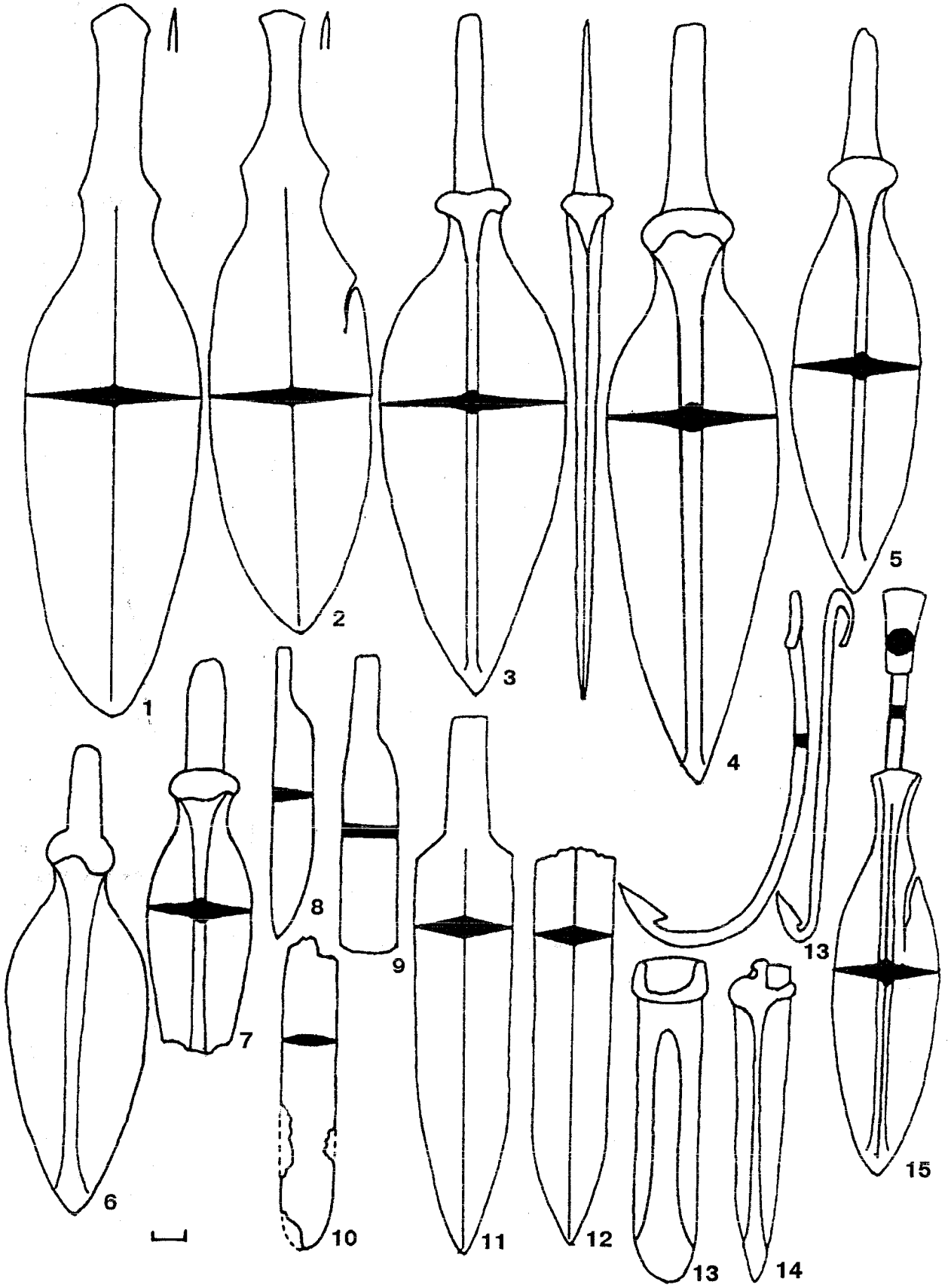

Рис. 85

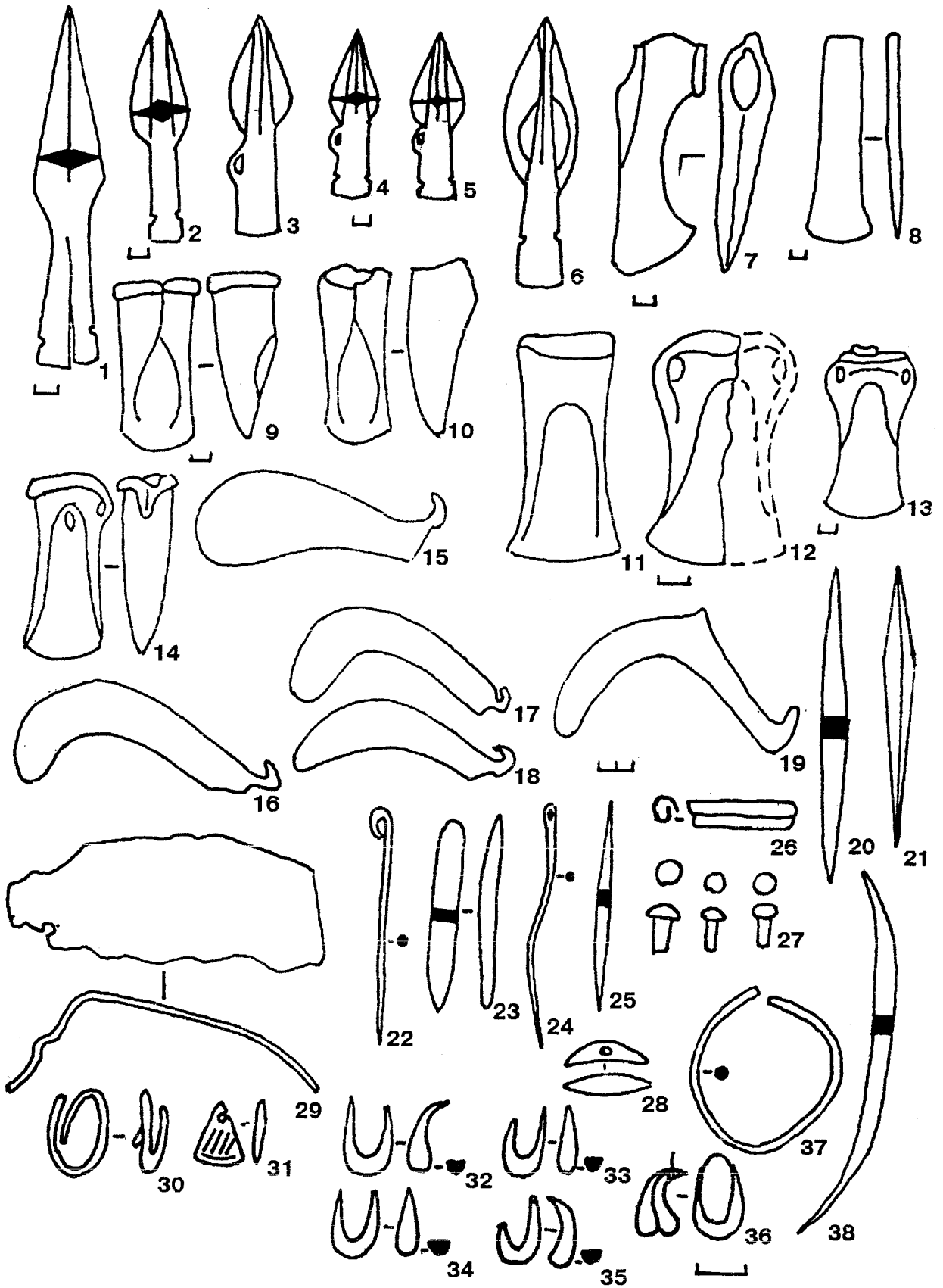

Рис. 86

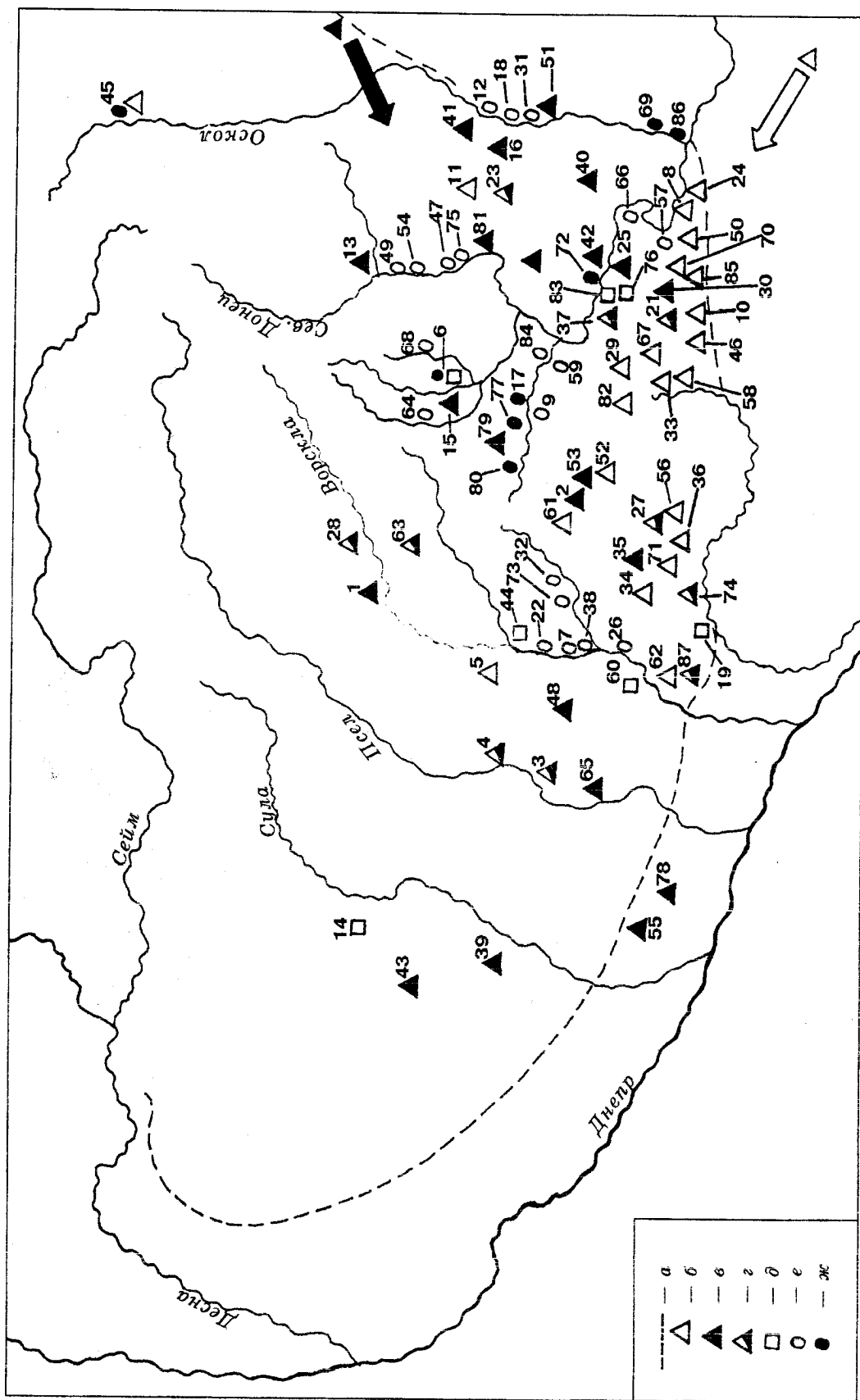

Рис. 87

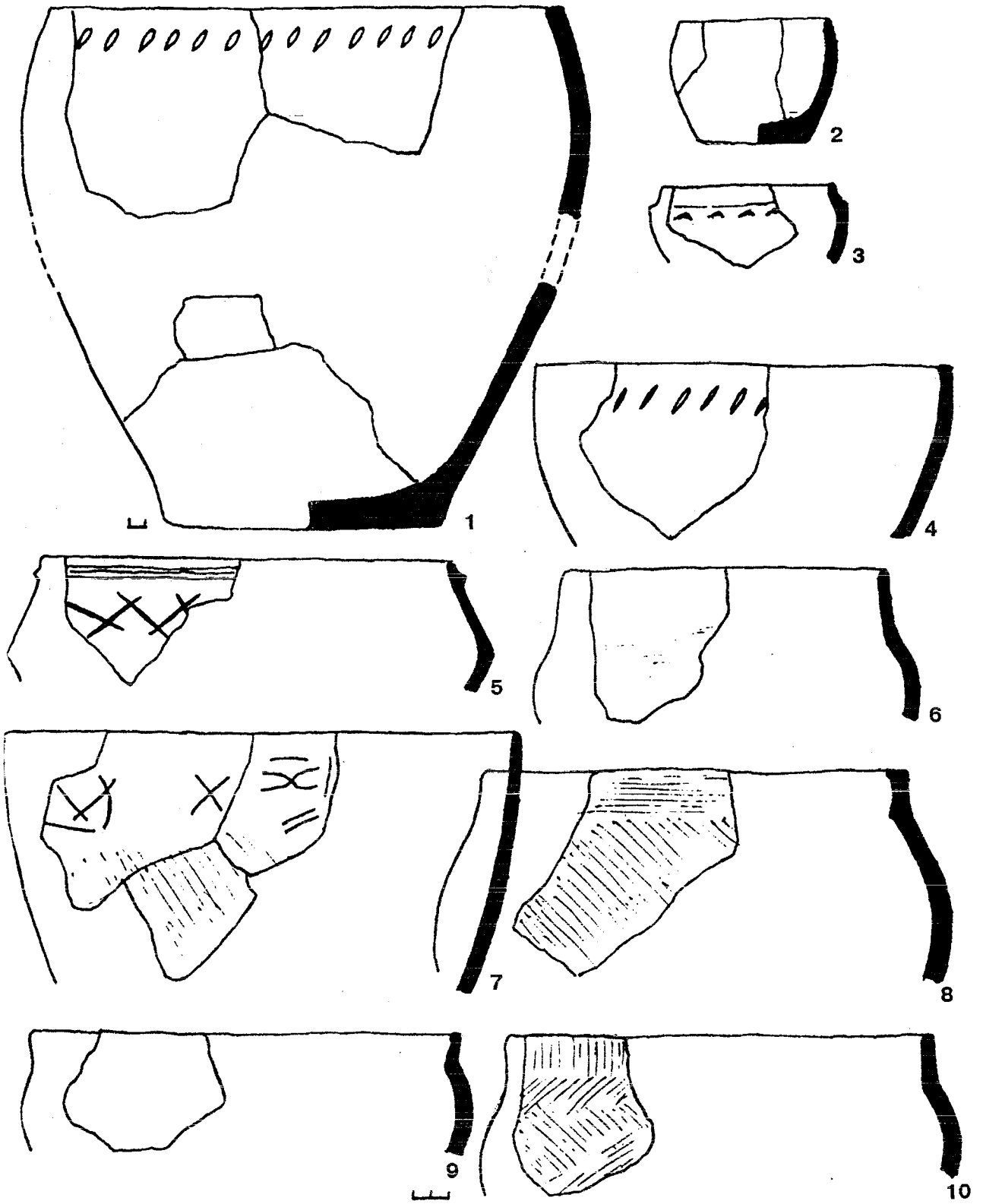

Рис. 88

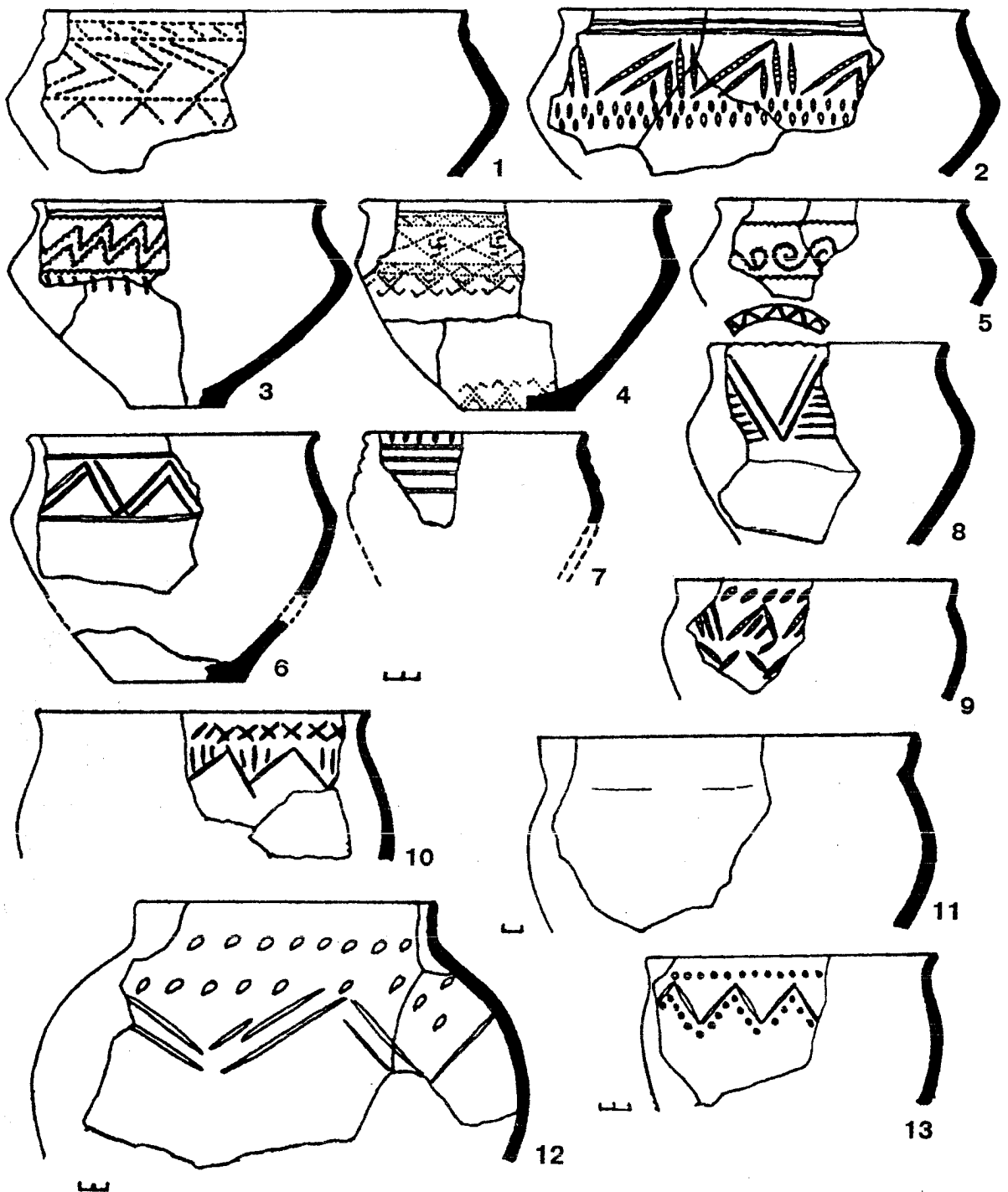

Рис. 89

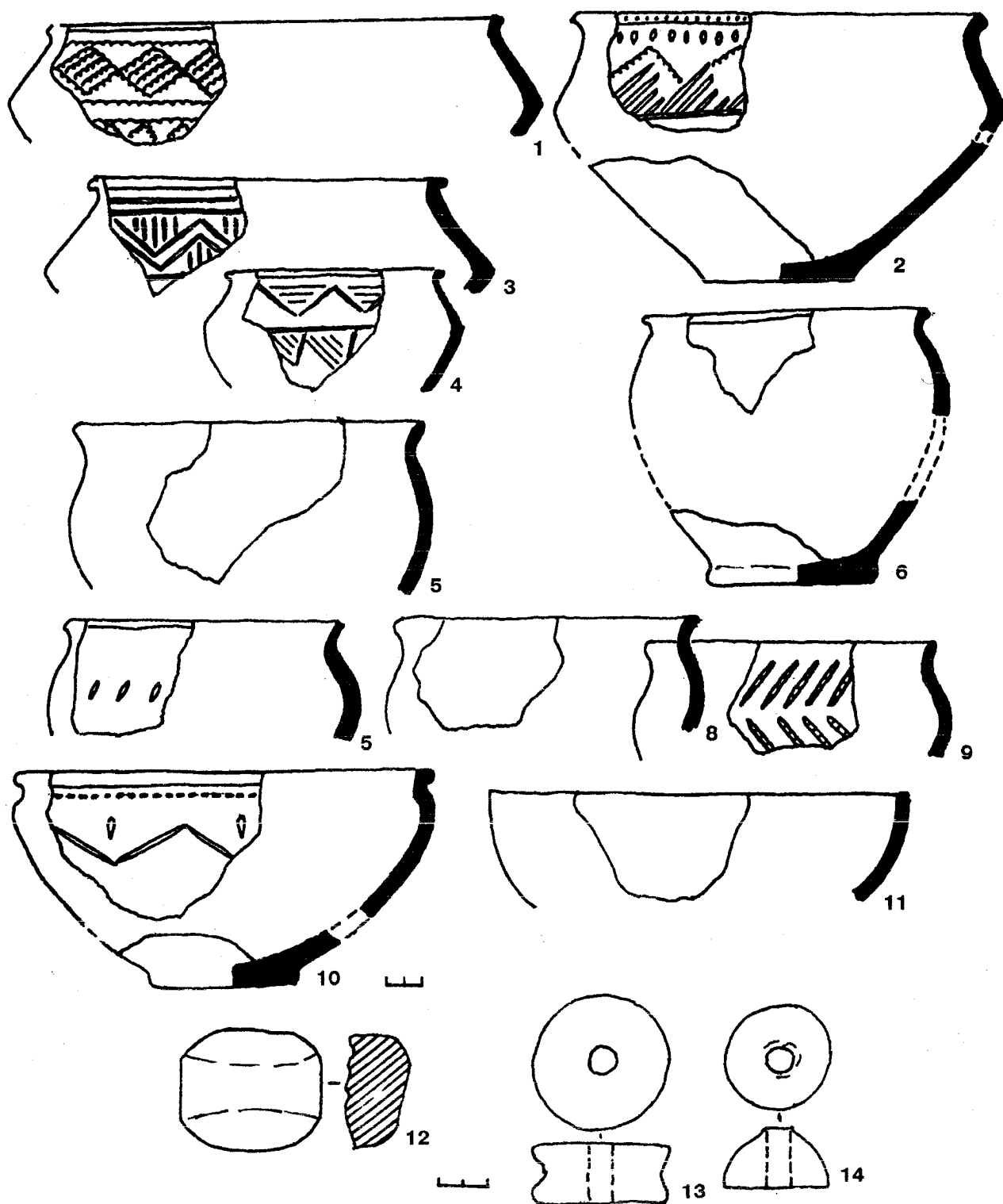

Рис. 90

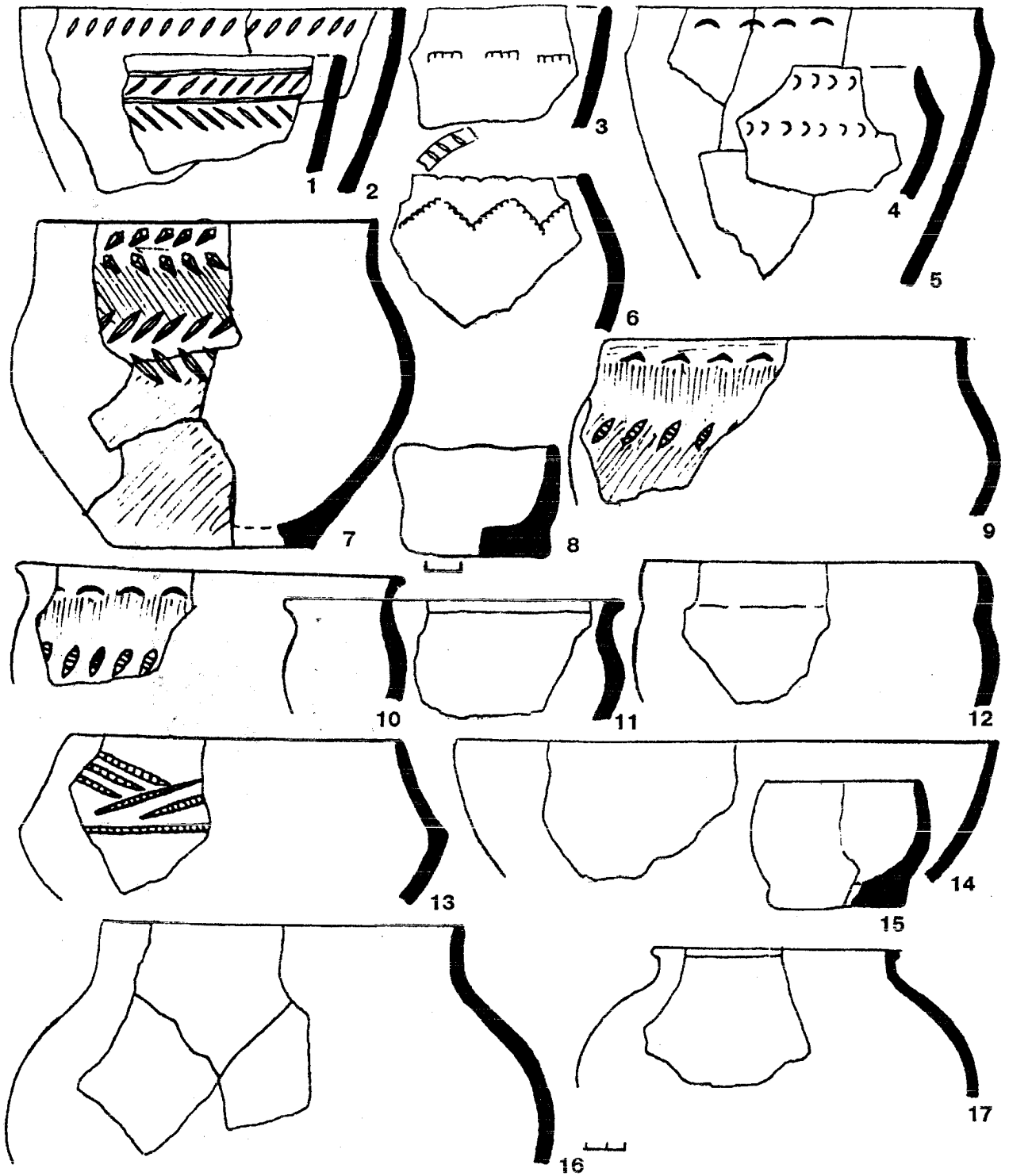

Рис. 91

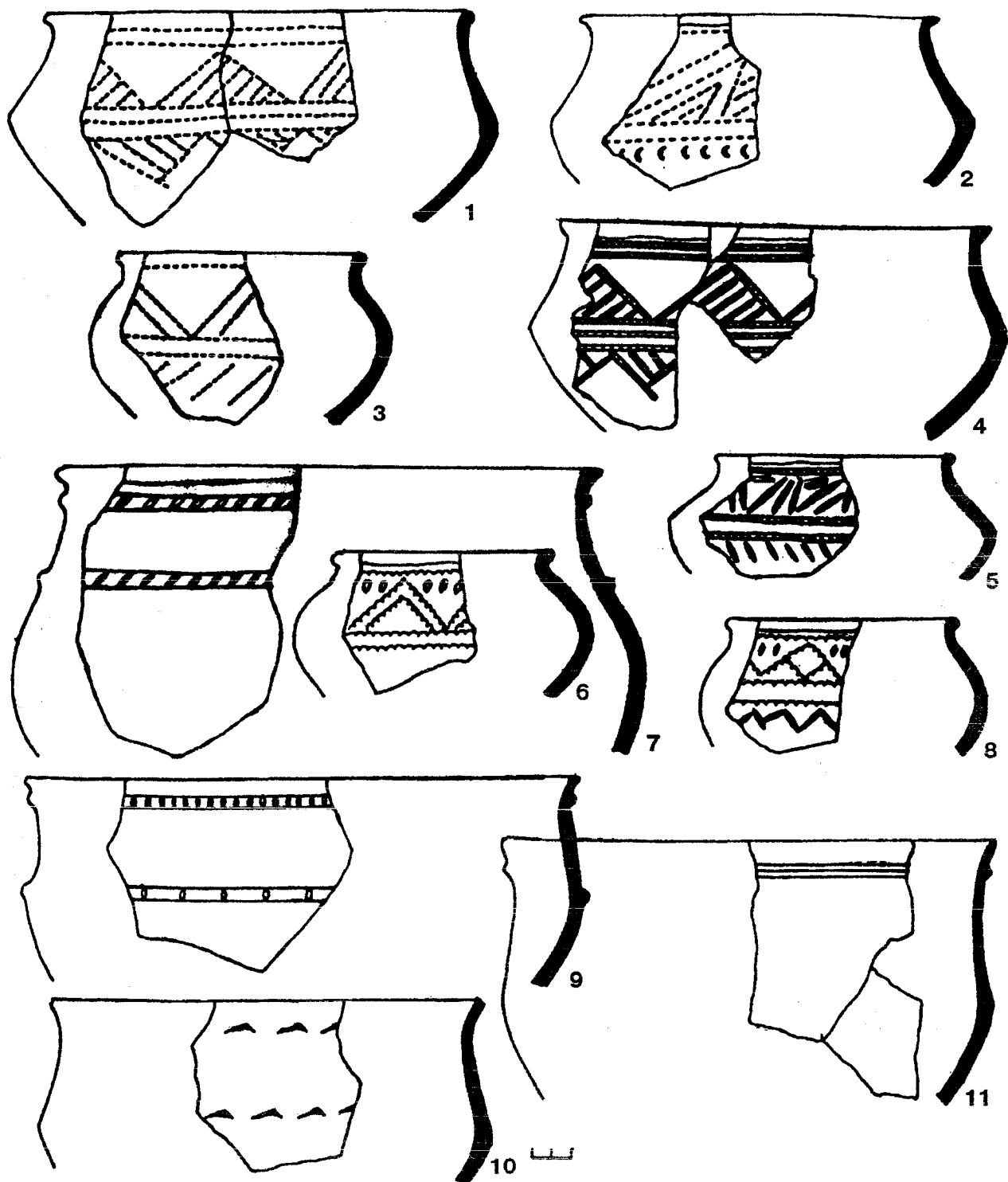

Рис. 92

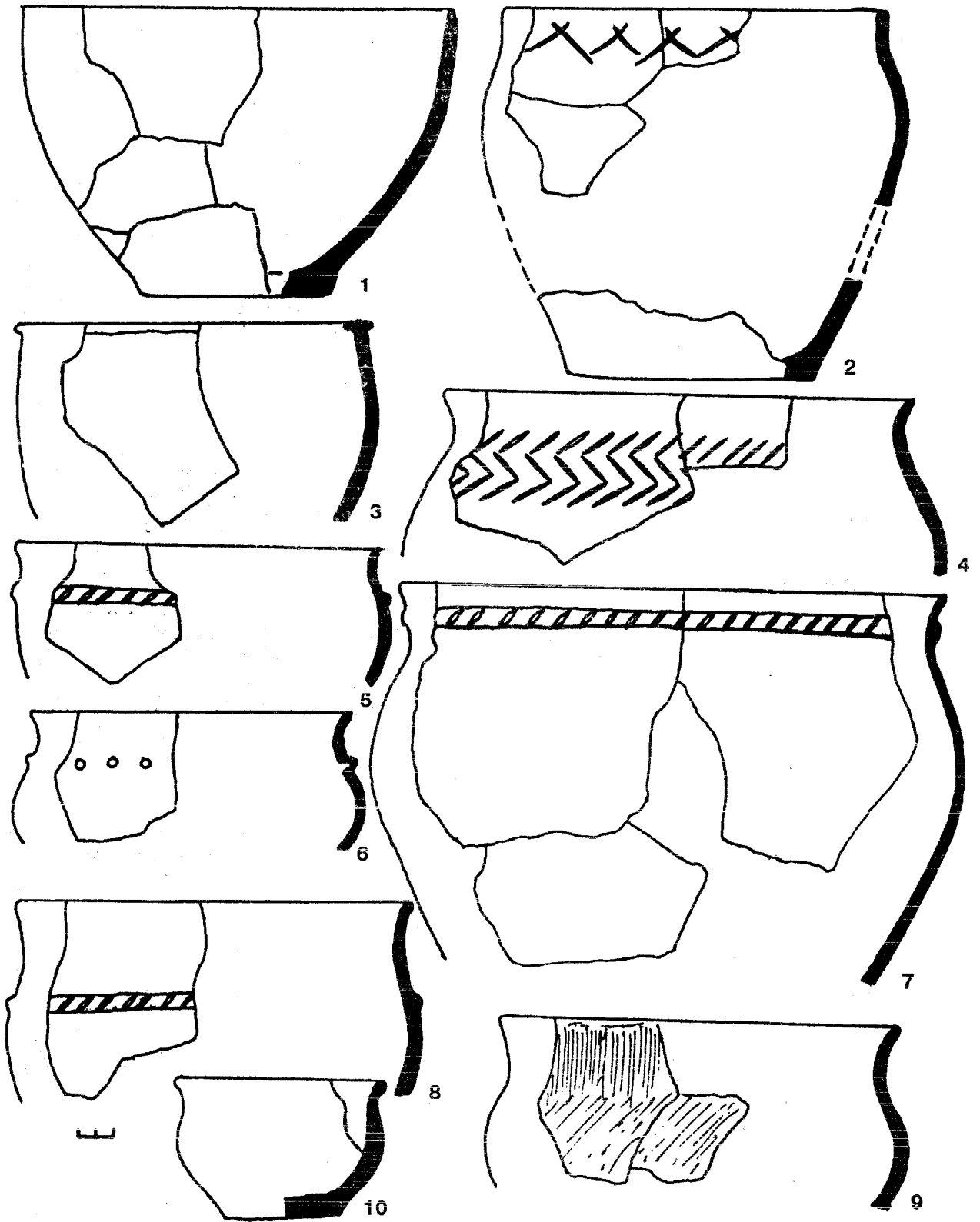

Рис. 93

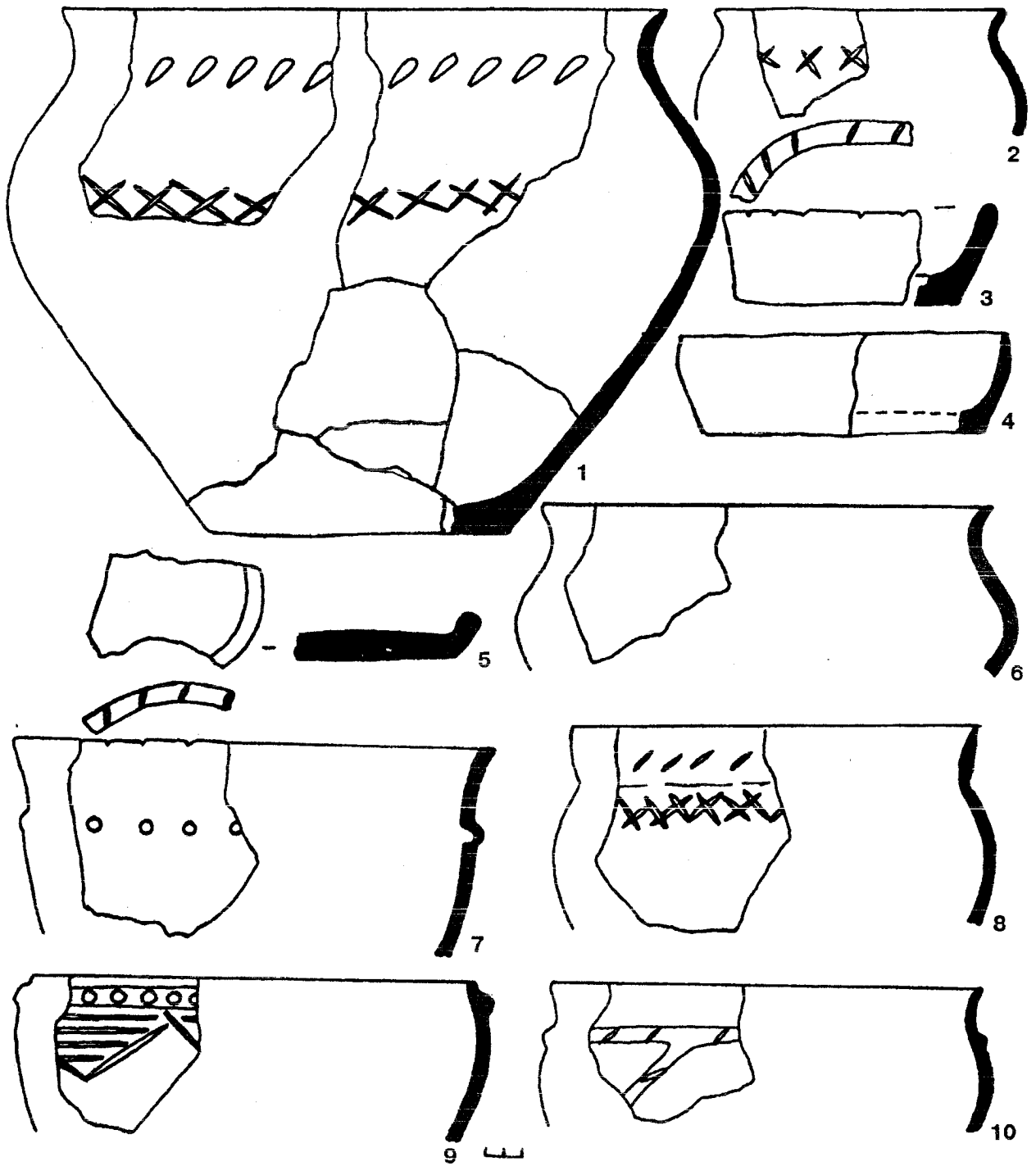

Рис. 94

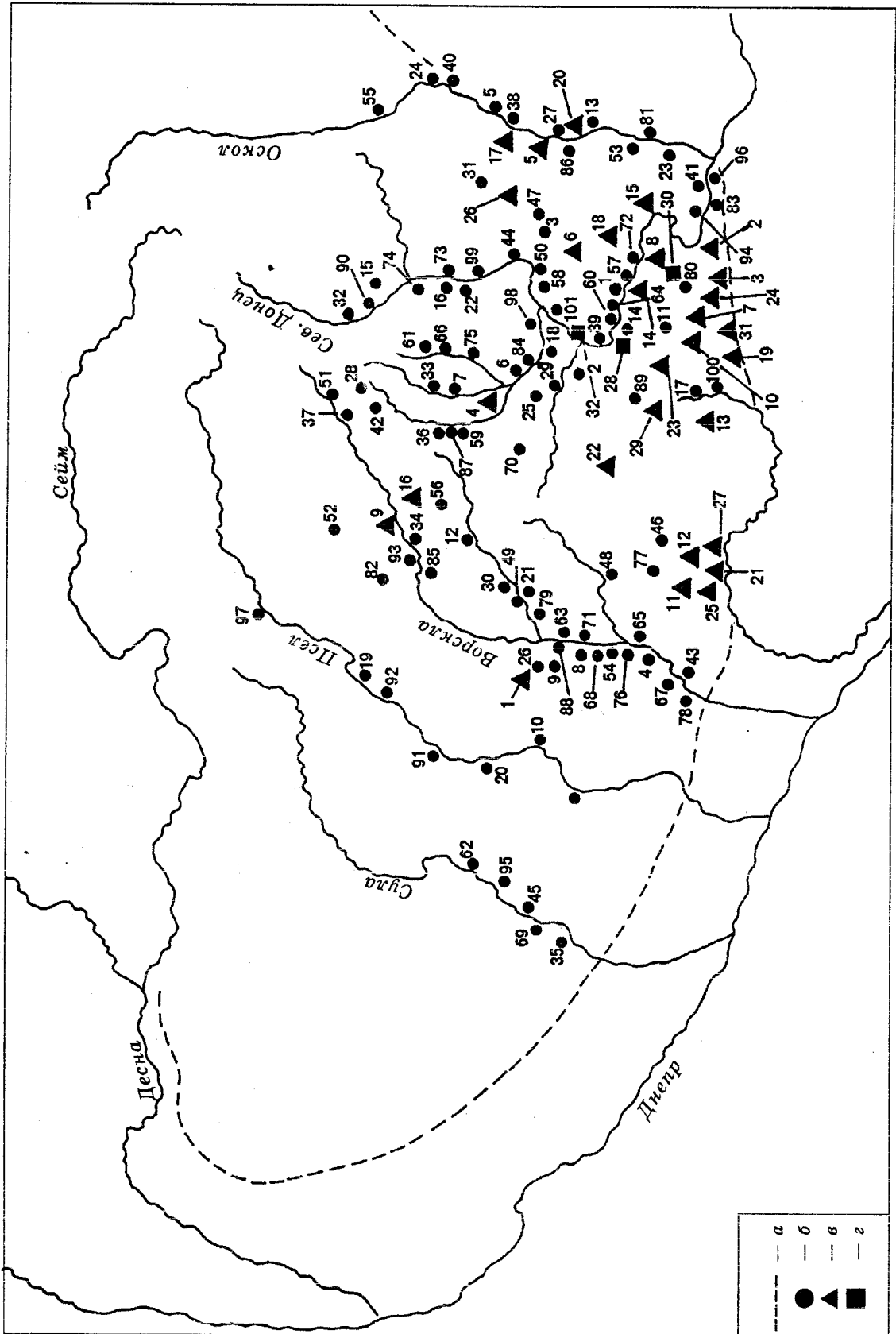

Рис. 95

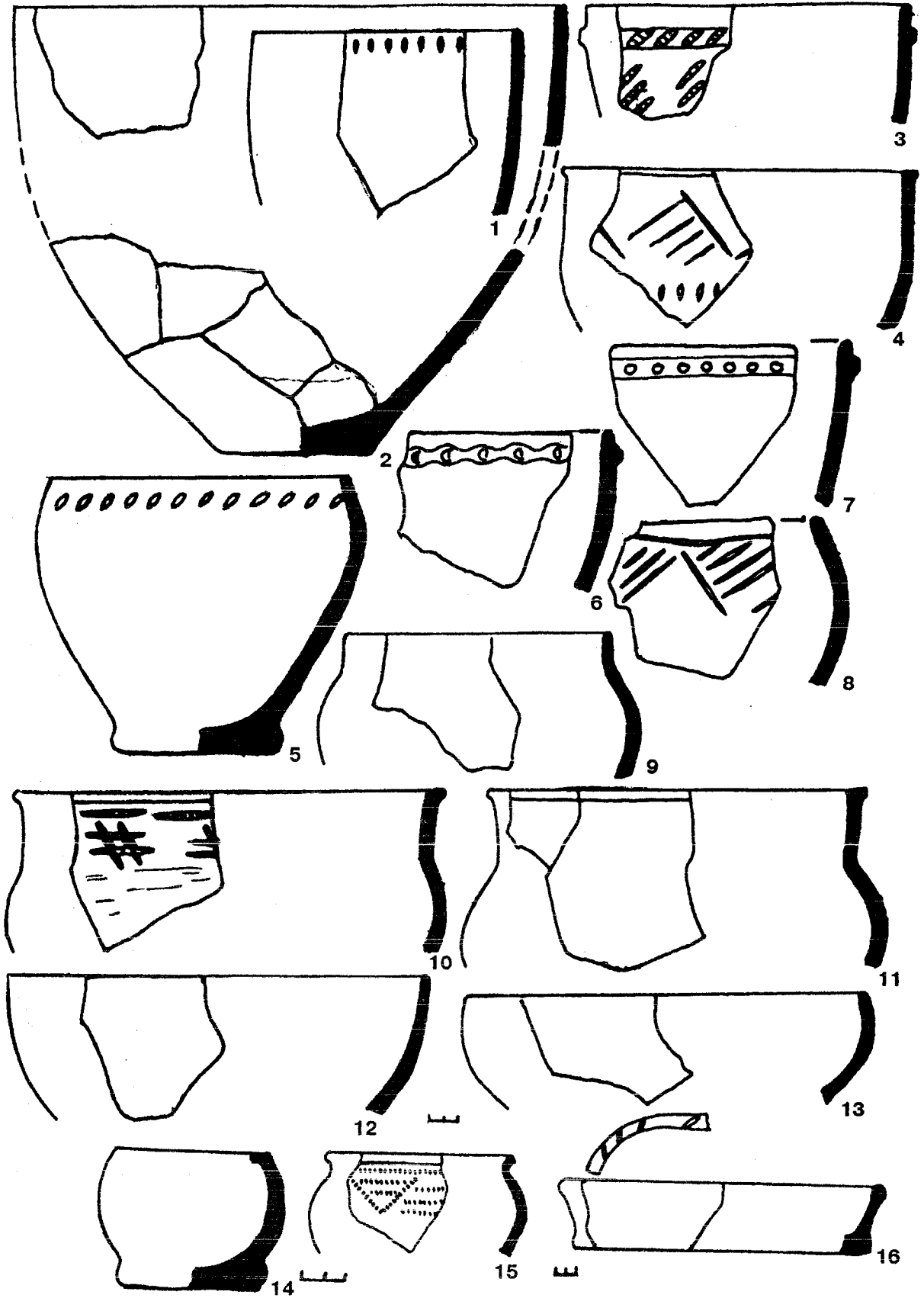

Рис. 96

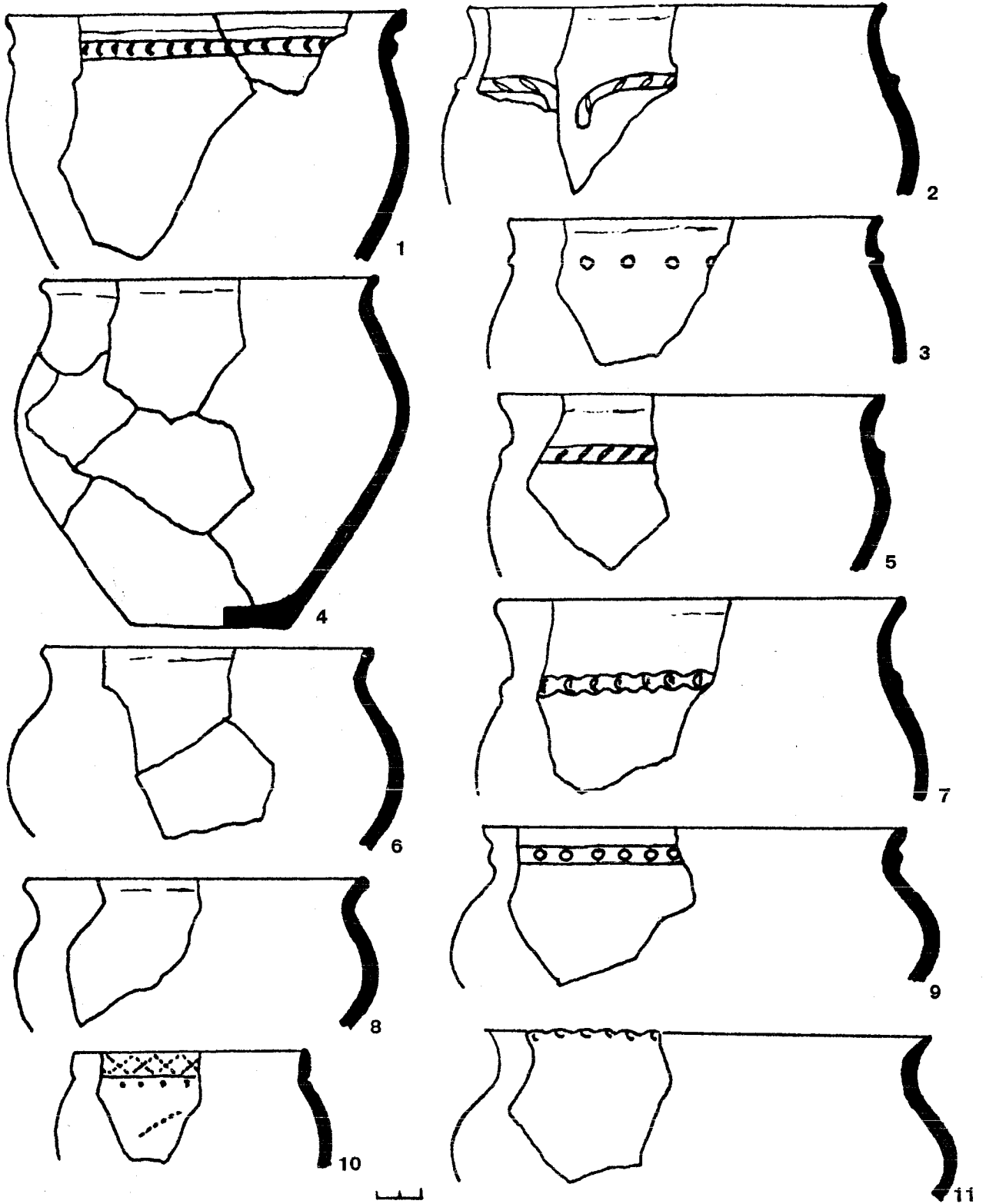

Рис. 97

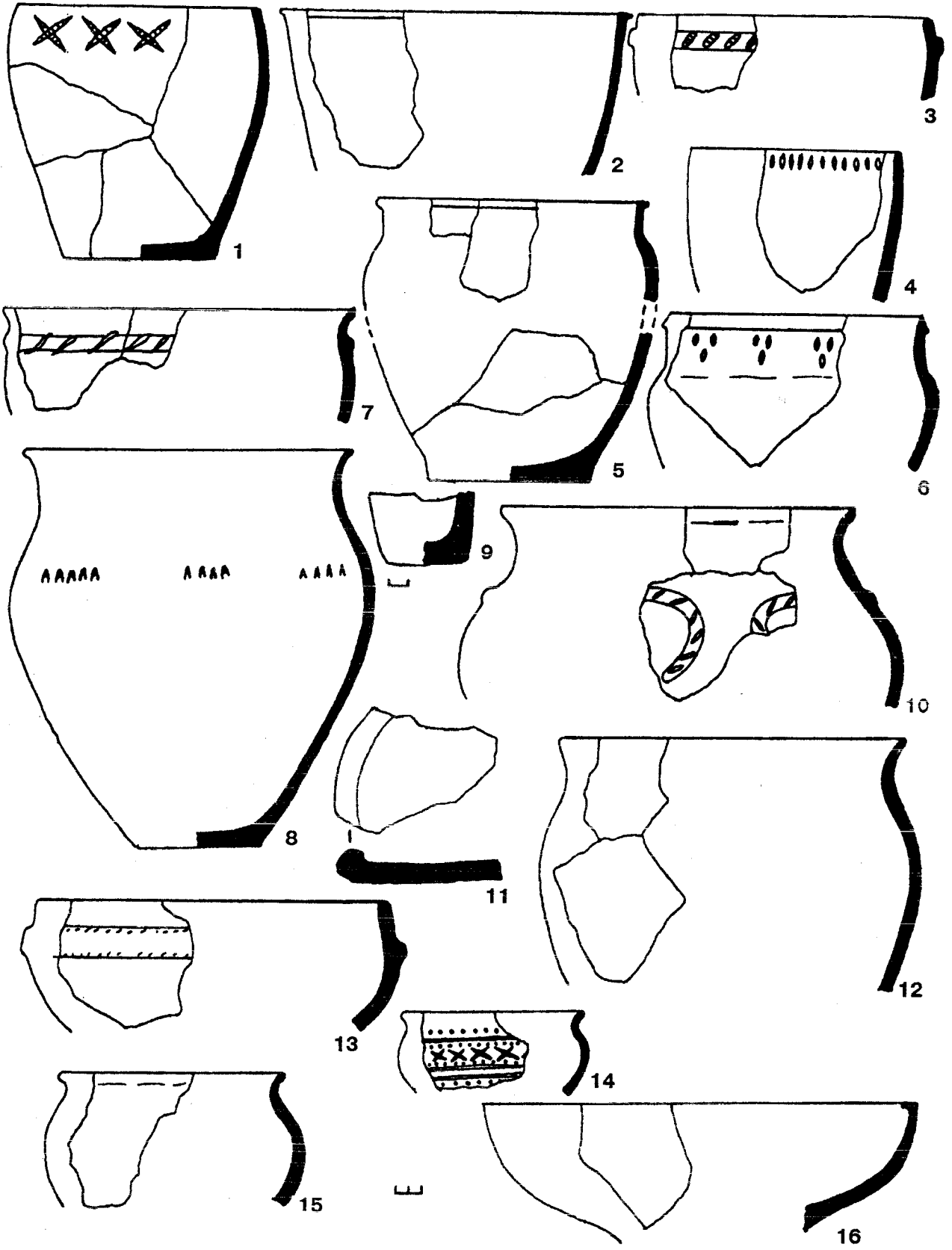

Рис. 98

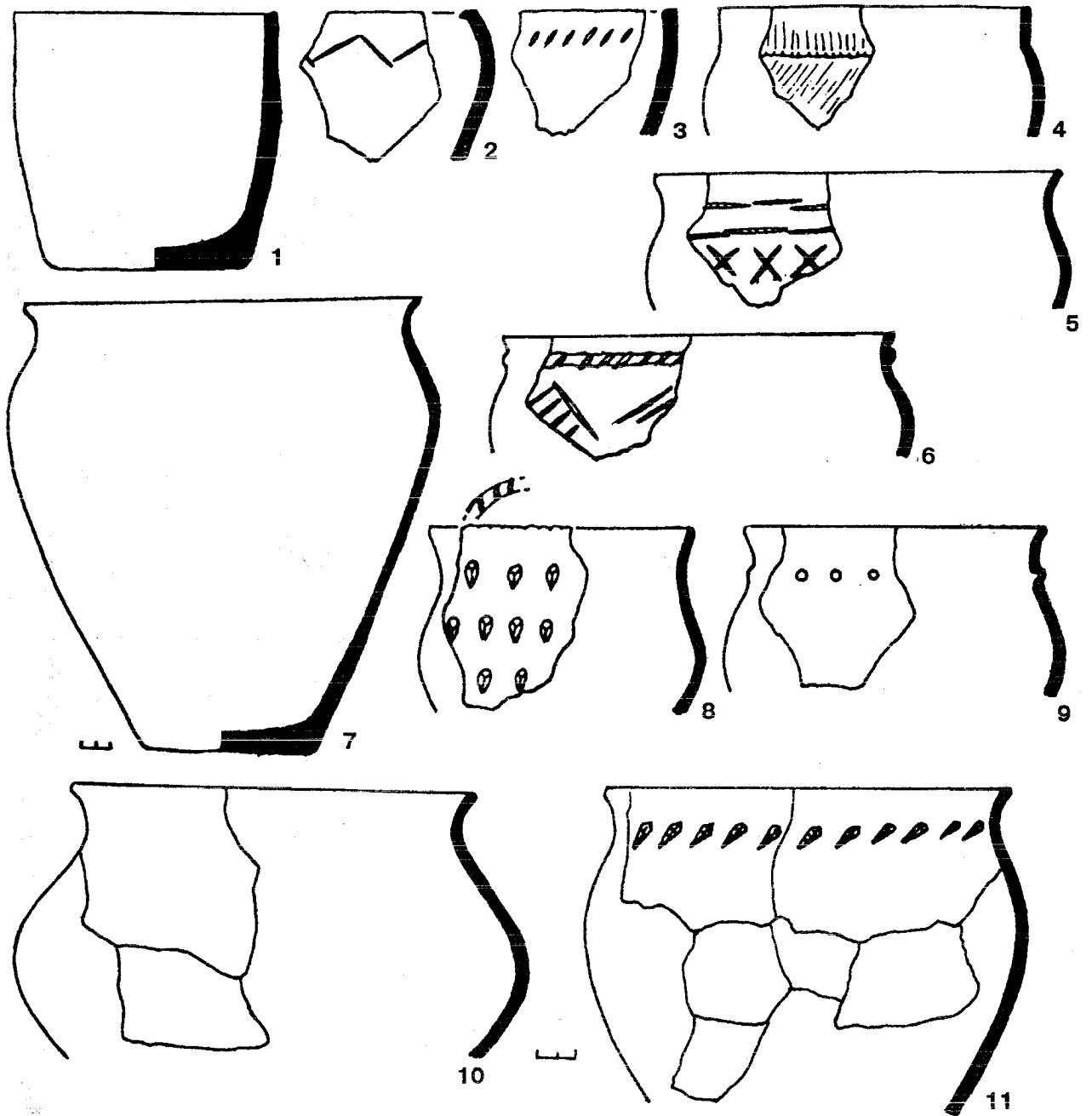

Рис. 99

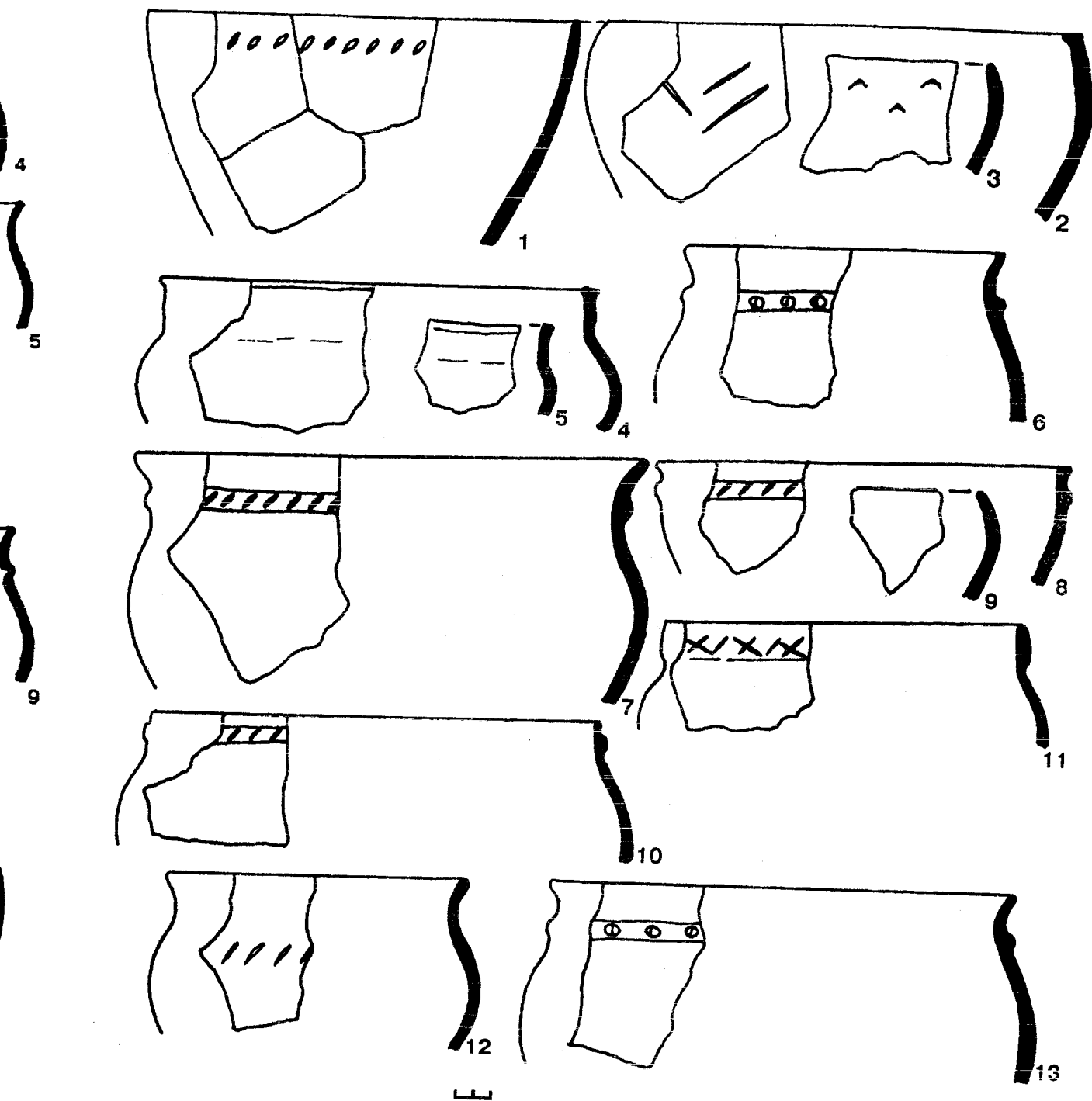

Рис. 100

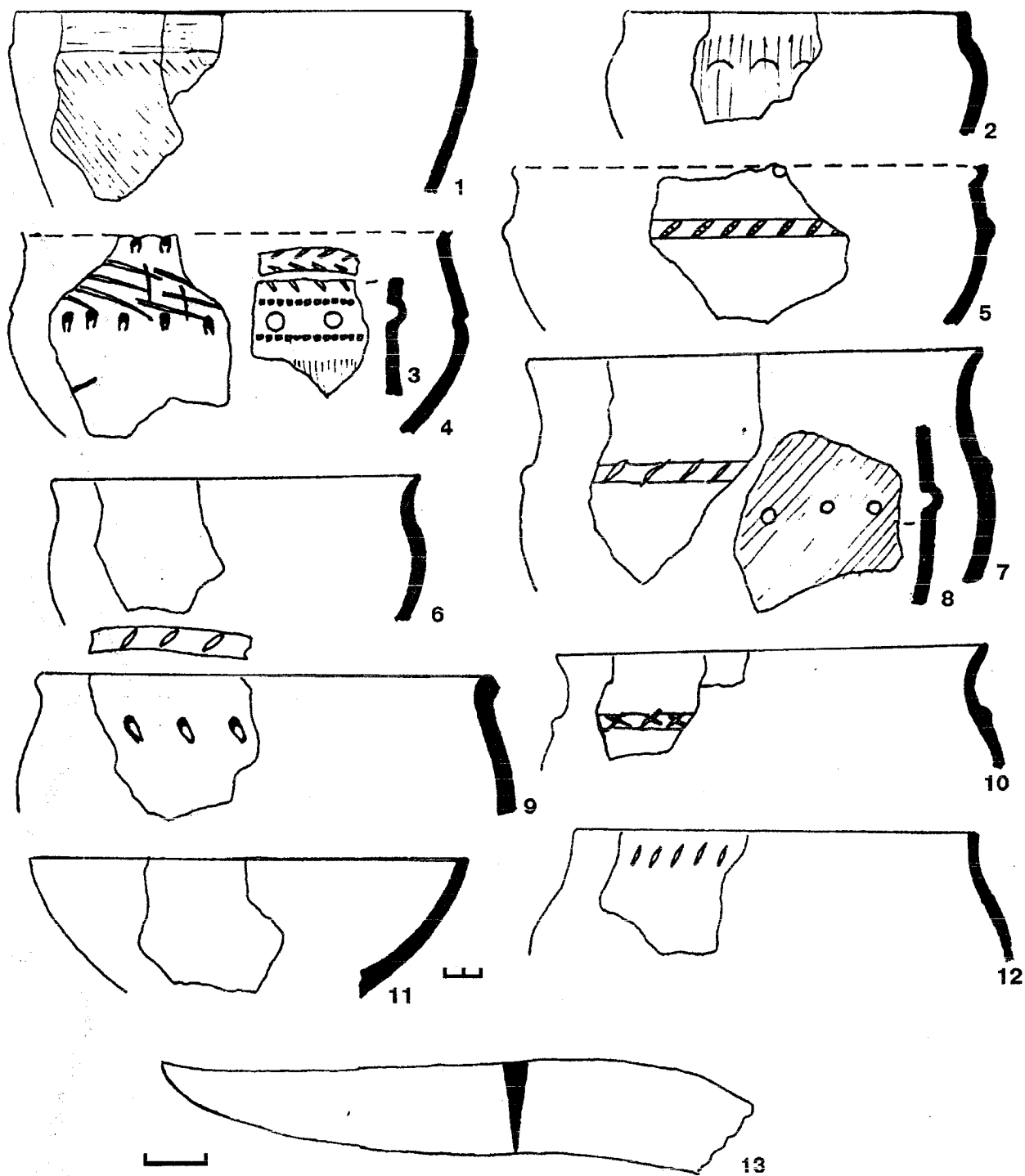
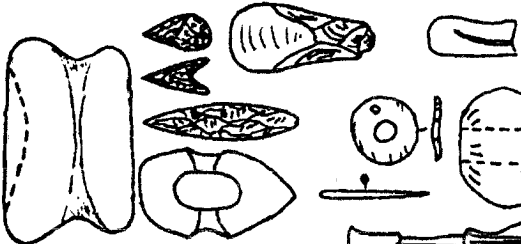
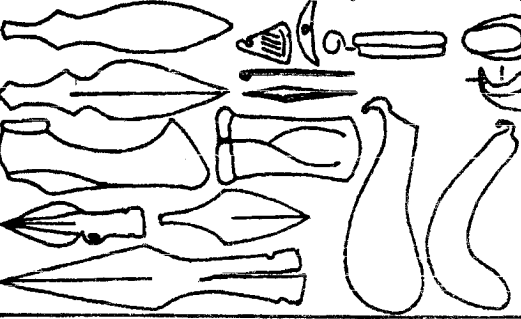

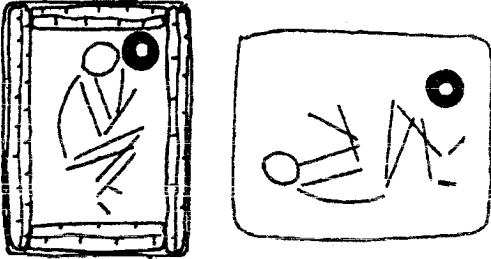

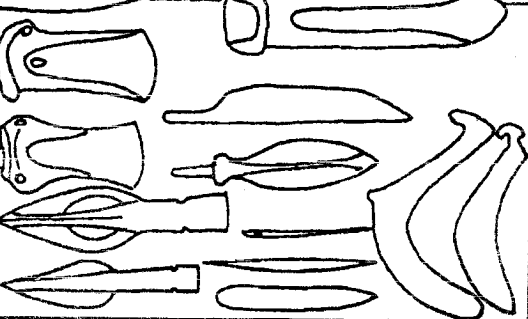
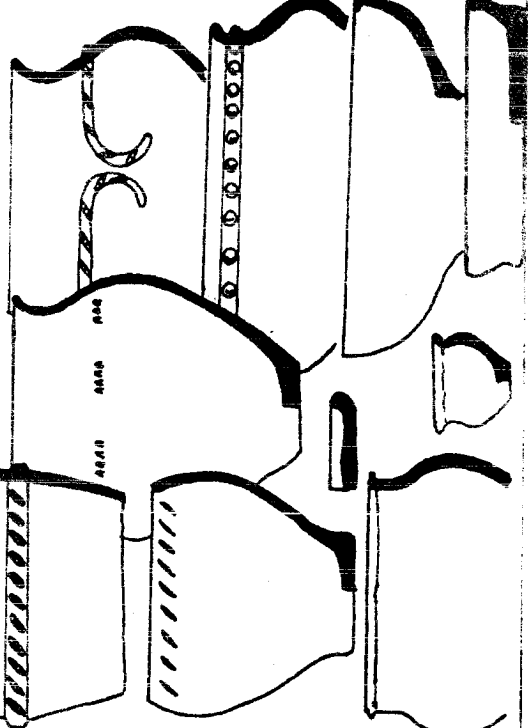
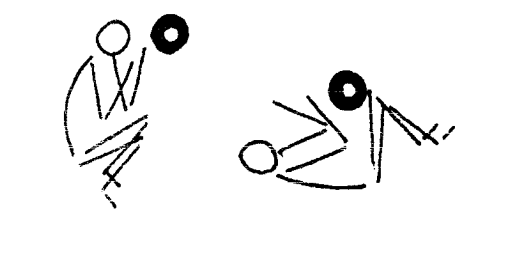

Рис. 101

КАМЕНЬ, КРЕМЕНЬ, КОСТЬ	МЕТАЛЛ	КЕРАМИКА	ПОГРЕБЕНИЯ

Ранний этап

Поздний этап

Рис. 102

EAST-UKRAINIAN FOREST-STEPPE ZONE IN TIMES OF MIDDLE AND LATE BRONZE

In the monograph tombs of middle and late era at the territory of east-Ukrainian forest-steppe are examined. The starting period of the middle bronze age at this area is presented by tombstones of the Donets catacomb culture which representatives in late 3-d millennium B.C. moved to forest-steppe from more south regions.

Mapping of known places shows that the Donets groups mastered mostly the eastern part of the region, the area between Donets and Oskol rivers and relatively narrow zone on the left bank of Seversky Donets river. It's characterized as a zone with large steppe spaces and it maximally corresponds to the interests of mobile cattle-breeding economy. This period is characterized as active burial mounds building and "re-appropriation" of existing ones, which accompanied the mastering the new territories.

Stability of the main burial rituals' showings and stable appearance of goods' complex certifies that the culture has mostly formed outside the limits of this region. Late the 1-st quarter of the 2-d millennium B.C. influenced by the factors of stage character the gradual transformation of culture takes place, which results in the appearance of the new features – late catacomb tombs of the Donets-Oskol type. They form, together with middle-Don and Ingul catacomb cultures, Bakhmut and Manych type tombs, late horizon of catacomb cultural-historical area. Dated findings allow us to determine the final of Oskol-Donets type tombs by the edge XVII/XVI–beginning of XVI century B. C.

The Donets catacomb culture tribes' advancement to the forest-steppe zone was followed by ancient societies' local groups forcing out. The tribes concentrated at western forest-steppe and the Dnieper areas. Their further evolution took

place parallel to Donets culture evolution. And late 1-st quarter of the 2-nd millennium influenced by the same stage factors' characters on the basis of various ancient pit groups the new quality is being formed — multiroller ceramics culture tombs. There's a great number of culture-creative signs although there're noticeable reminiscences of ancient pit burial rituals.

This justifies that examination should be accomplished with all totality of tombs with typical ornament style and examined as culture community of multiroller ceramics, as superethnos phenomenon. The community synchronism of multiroller ceramics' cultures and late horizon of catacomb cultural-historical area is determined on the basis multiple categories of material culture and confirmed by dated findings. So by the existence of two super ethnos which had strict territory boundaries are explained the originality of ethno-cultural situation on the east of the Ukraine in the late middle Bronze Age.

The start of the late Bronze Age was marked by destabilization of the situation influenced by powerful migration processes and appearance of timber-grave society groups at forest-steppe zone. The multiple analyses of timber-grave tombstones show the presence and existence of two main burial traditions, which are quite compatible within the limits of common religious' conception and differ from autochthonous system philosophy. Their peculiarities allow us to mark the middle and low Volga areas as migration starting points, which are represented there by the middle-Volga (Pokrovskoye) and low-Volga (Berezhnovskoye) tomb types.

The migration probably had interrupted character and was carried out by several successive waves. The carriers of middle-Volga burial tradition

moved mostly within the limits of forest-steppe zone whereas Berezhnovskoye groups mastered steppe areas and south forest-steppe regions. Their relations were quite peaceful which are testified by combined burial grounds and settlements' materials. Migrations stimulated the growth of the clan-tribe's nobility. It was testified in the materials of burial tombs. And mastering of the new territories is the main subject of the early stage of the timber-grave society at forest-steppe (XVI-XV centuries B. C.). Late period (XVI-XII cen-

turies B. C.) may be characterized as situation stabilization and gradual re-orientation of cultural-economic links. At this time the integral social-political organism united by the concept "timber-grave cultural-historical society" loses its integrity and disintegrates to separate components. This results to new destabilization and new migration processes. Relations of late-timber-grave population of forest-steppe zone with migrants (Malobudkovsko-Bondarikhinskaya culture) characterizes already another, pre-Scythian era.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
<i>Литература</i>	8
РАЗДЕЛ I. Памятники катакомбной культурно-исторической области	
Глава 1. Очерк природно-климатических условий региона	12
Глава 2. Памятники донецкой катакомбной культуры	15
Глава 3. Позднекатакомбные памятники осколо-донецкого типа	28
Глава 4. Катакомбные памятники восточноукраинской лесостепи в системе катакомбной культурно-исторической области (вопросы периодизации, культурной атрибутики и хронологии)	39
<i>Литература</i>	49
РАЗДЕЛ II. Памятники общности многоваликовой керамики	
Глава 1. Проблема культуры многоваликовой керамики	56
Глава 2. Памятники общности многоваликовой керамики восточноукраинской лесостепи	60
Глава 3. Материальная культура. Вопросы относительной хронологии, синхронизации и генезиса	67
<i>Литература</i>	72
РАЗДЕЛ III. Памятники срубной культурно-исторической общности	
Глава 1. Памятники срубной общности	76
Глава 2. Материальная культура	90
Глава 3. Памятники восточноукраинской лесостепи в системе срубной культурно-исторической общности	98
Глава 4. Основные этапы развития срубной общности в восточноукраинской лесостепи	108
<i>Литература</i>	117
РАЗДЕЛ IV. Очерки идеологии и социальных отношений населения восточноукраинской лесостепи в эпоху средней-поздней бронзы	
Глава 1. Религиозные представления	124
Глава 2. Социальные отношения	134
<i>Литература</i>	143
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	147
ПРИЛОЖЕНИЕ	150
ГРАФИКА	
Описание рисунков	151
Условные обозначения к рисункам	159
EAST-UKRAINIAN FOREST-STEPPE ZONE IN TIMES OF MIDDLE AND LATE BRONZE	262